

БЫЛОЕ

М А Й
1906

ВЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 5 МАЙ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Ш м и д т ъ, Звенигородская, 20.
1906.

75241

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. Неизданное стихотвореніе М. Ю. Лермонтова	1
2. Къ біографіи Вѣры Николаевны Фигнеръ	3
3. Страница изъ воспоминаній А. А. Спандони	14
4. Въ неволѣ. Воспоминанія. И. С. Джабадари	39
5. Побѣгъ Алеши Поповича. М. Ф. Фроленко	67
6. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго. (<i>По неизданнымъ источни-</i> <i>камъ</i>). М. К. Лемке . Окончаніе.	77
7. Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго. М. Н. Чернышевскаго	131
8. Къ событію 1 марта 1881 года. А. В. Тыркова	141
9. Воспоминанія студента-солдата. Л. С.	163
10. Послѣдній день Каляева. Н. Н.	186
11. Къ исторіи «Петрашевцевъ». (<i>Сочиненіе Григорьева.</i> <i>«Солдатская Бесѣда»</i>)	191
12. Императоръ Николай I—тюремщикъ декабристовъ. П. Е. Щеголева	195
13. Далекое и Недавнее. Воспоминанія изъ жизни револю- ціонеровъ 1878—1881 г. О. С. Любатовичъ	208
14. Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. Оконча- ніе. Н. П. Сильванскаго	248
15. Антонъ Антоновичъ Костюшко-Валюженичъ. (<i>Воспомина-</i> <i>нія</i>). О. Г.	273
16. Мартынъ Лангансъ. (<i>Изъ воспоминаній</i>). С. Ф. Русовой	278
17. Историческая бібліографія. (П. И. Пестель. Русская Правда.—В. Акимовъ (<i>Махновецъ</i>). Очерки развитія со-	

ціаль-демократіи въ Россіи.—Бѣлинскій. Письмо къ Го-	
голю и И. С. Тургеневъ. Порогъ.—Эмма. Романъ Швейцера).	284
18. Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.	300
19. Современная Лѣтопись.	304
20. Матеріалы, документы и мелкія замѣтки. Къ эпилогу	
заговора И. И. Сухинова. Обрядъ казни—37. Кара	
за любовь къ родинѣ. (Дѣла Сынека и Биронта	
1862 г.)—63. Письмо А. А. Дельвига А. С. Пушки-	
ну—139. Посланіе М. И. Михайлову. П. Л. Лав-	
рова—185. Бакунинскіе переубійцы—246. Крестьян-	
скія воспоминанія о Пестелѣ—271.	

Въ этой книгѣ помѣщены портреты В. Н. Фигнеръ, И. П. Каляева, С. М. Кравчинскаго, А. А. Костюшко-Валюженича, М. Р. Ланганса и видъ Вилуйской тюрьмы, въ которой былъ заключенъ Чернышевскій.

Digitized by the Internet Archive
in 2023

Вѣра Николаевна
ФИГНЕРЪ.

Неизданное стихотвореніе М. Ю. Лермонтова.

Въ собраніяхъ сочиненій М. Ю. Лермонтова ¹⁾ печатается слѣдующій отрывокъ изъ затеряннаго стихотворенія поэта «Наводненіе».

«И день насталь—и совершилось
Долготерпѣніе судьбы,
И море съ шумомъ ополчилось
На мигъ рѣшительной борьбы».

Это начало затеряннаго стихотворенія впервые было напечатано въ рецензій М. Н. Лонгинова на изданіе «Сочиненій Лермонтова подѣ редакціей Дудышкина ²⁾». М. Н. Лонгиновъ указалъ, что текстъ этого стихотворенія онъ видѣлъ среди другихъ бумагъ Лермонтова у своего пріятеля Л. И. А. и привелъ извѣстныхъ намъ четыре стиха, которыми начиналось «Наводненіе». Въ рукописномъ сборникѣ стихотвореній, составленномъ въ 50-хъ годахъ извѣстнымъ любителемъ литературы и писателемъ Н. И. Второвымъ, найденъ и переданъ намъ полный списокъ стихотворенія, озаглавленнаго здѣсь «Отрывокъ» и подписаннаго «М. Лермонтовъ». Первые четыре стиха почти тождественны, а остальные—такого рода, что Лонгиновъ какъ разъ и не могъ воспроизвести ихъ въ свое время по цензурнымъ соображеніямъ. Последнимъ соображеніемъ и объясняется «затерянность» стихотворенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ приводимомъ нами списокѣ мы имѣемъ дѣло съ подлиннымъ стихотвореніемъ М. Ю. Лермонтова, чрезвычайно любопытнымъ для его міросозерцанія. Нельзя, конечно, поручиться за тождество списка съ оригиналомъ автора, но мало ли мы знаемъ стихотвореній только по копіямъ и спискамъ!

Вотъ это стихотвореніе:

¹⁾ См., напр., новѣйшее изданіе «Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова» подѣ ред. А. И. Введенскаго (Изд. т-ва «Просвѣщеніе») Т. III, стр. 269.

²⁾ «Современникъ» 1860 г. т. 26-ой. Совр. лѣтопись, стр. 387.

Отрывокъ.

И день насталъ, и истощилось
Долготерпѣніе судьбы,
И море шумно ополчилось
На мигъ рѣшительной борьбы,
И быстро поднялися волны,
Сначала мрачны и безмолвны.
И царь смотрѣлъ: и, окруженъ
Толпой льстецовъ, смѣялся онъ;
И царедворцы говорили:
«Не бойся, царь... мы здѣсь... Вели,
Чтобъ берега твоей земли
Стихію злую отразили,
Ты знаешь, царь, къ борьбѣ такой
Привыкъ гранитный городъ твой».

И гордо царь махнулъ рукою
И раздался его приказъ.
Вотъ ждетъ, довольный самъ собою,
Что море спрячется какъ-разъ.
Дружины вольныя не внемлютъ,
Встаютъ, ревутъ, дворецъ объемлютъ...
Онъ понялъ, что прошла пора,
Когда мгновенный визгъ ядра
Лишь надъ толпою прокатился
И рой мятежныхъ разогналъ;
И тутъ-то царь затрепеталъ,
И къ царедворцамъ обратился...
Но пусть и мраченъ былъ дворецъ
И ждетъ одинъ онъ свой конецъ.

И гордо онъ на крышу входитъ
Столѣтнихъ, царственныхъ палатъ,
И сокрушенный взоръ возводитъ
На свой великій пышный градъ...

.

М. Лермонтовъ.

Изъ біографіи Вѣры Николаевны Фин- неръ.

I.

*Речь В. Н. Финнеръ, произнесенная ею въ Петербург-
скомъ военно-окружномъ судѣ 27 января 1884 года.*

Въ настоящій моментъ разсмотрѣнію суда подлежатъ мои дѣйствія, начиная съ 1879 года. Прокуроръ въ своей обвини-
тельной рѣчи выразилъ удивленіе, какъ по отношенію къ ихъ
качеству, такъ и по отношенію къ количеству. Но эти престу-
пленія, какъ и всякія другія, имѣютъ свою исторію. Они нахо-
дятся въ неразрывной логической связи со всей предыдущей
моей жизнью. Сидя въ предварительномъ заключеніи, я часто
думала, могла ли моя жизнь итти иначе, чѣмъ она шла, и могла
ли она кончиться чѣмъ либо инымъ, кромѣ скамьи подсудимыхъ,
и каждый разъ я отвѣчала себѣ: нѣтъ. Я начала жизнь при
очень благопріятныхъ обстоятельствахъ. По образованію я не
нуждалась въ руководителяхъ; меня не нужно было водить на
помочахъ. Семья у меня была развитая и любящая, такъ что
борьбы, которая такъ часто бываетъ между старыми и новыми
поколѣніями, я не испытывала. Матерьяльной нужды и заботы о
кускѣ хлѣба или объ экономической самостоятельности я не
знала. Когда я вышла, 17 лѣтъ, изъ института, во мнѣ въ первый
разъ зародилась мысль о томъ, что не всё находится въ такихъ
благопріятныхъ условіяхъ, какъ я. Смутная идея о томъ, что я
принадлежу къ культурному меньшинству, возбуждала во мнѣ
мысль объ обязанностяхъ, которыя налагаетъ на меня мое поло-
женіе по отношенію къ остальной, некультурной, массѣ, которая
живетъ изъ дня въ день, погруженная въ физическій трудъ и ли-
шенная того, что обыкновенно называется благами цивилизаціи. Въ
силу этого представленія о контрастѣ между моимъ положеніемъ и
положеніемъ окружающихъ, у меня явилась первая мысль о не-
обходимости создать себѣ какую нибудь цѣль въ жизни, которая
клянилась бы ко благу этихъ окружающихъ. Русская журна-
листика того времени и то женское движеніе, которое было въ
полномъ разгарѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, дали мнѣ го

товый отвѣтъ на тѣ запросы, которые у меня возникли, указавъ на дѣятельность врача какъ на такую, которая можетъ удовлетворить моимъ филантропическимъ стремленіямъ. Тогда уже была открыта женская академія въ Петербургѣ, но она уже съ самаго начала отличалась той хилостью, которою отличается и до сихъ поръ, постоянно борясь между жизнью и смертью, а такъ какъ у меня рѣшеніе было твердое и я не хотѣла сойти съ разъ принятаго пути, то я рѣшилась отправиться за границу.

И вотъ, значительно перекроивши свою жизнь, я поѣхала въ Цюрихъ и поступила въ университетъ. Заграничная жизнь представляетъ большое различіе съ русской. Тѣ явленія, которыя я тамъ встрѣтила, были для меня вполне новы. Я не была подготовлена къ нимъ тѣмъ, что раньше видѣла и что раньше знала; не была подготовлена къ правильной оцѣнкѣ всего того, что я увидѣла. Идея социализма была воспринята мною первоначально почти инстинктивно. Мнѣ казалось, что она есть не что иное, какъ расширение той самой филантропической идеи, которая у меня возникла раньше. Ученіе, которое обѣщаетъ равенство, братство и общечеловѣческое счастье, должно было подѣйствовать на меня ослѣпляющимъ образомъ. Въмѣсто какихъ нибудь тетюшанъ, у меня явилось представление о народѣ, о челоѣчествѣ. Кромѣ того, я явилась за границу въ такой періодъ, когда только что совершившіяся событія въ Парижѣ и происходившая тогда революція въ Испаніи получили сильный отголосокъ во всемъ рабочемъ мірѣ Запада. Между прочимъ я познакомилась съ ученіемъ Интернаціонала. Я могла только въ послѣдствіи оцѣнить, что многое изъ того, что я видѣла тогда, было ничѣмъ инымъ, какъ казовымъ концомъ. Кромѣ того, я не смотрѣла на рабочее движеніе, съ которымъ я познакомилась, какъ на продуктъ западно-европейской жизни, и считала, что то же самое ученіе пригодно для всякаго времени и для всякаго мѣста.

Заграницей же, увлекшись социалистическими идеями, я вступила въ первый революціонный кружокъ, въ которомъ участвовала моя сестра Лидія. Организція его была весьма слабая: каждый членъ могъ приступить когда угодно и какъ угодно къ своей дѣятельности. Дѣятельность же состояла въ пропагандѣ идей социализма, въ радужной надеждѣ, что народъ, въ силу своей бѣдности и неблагоприятнаго социальнаго положенія, непременно социалистъ; что достаточно одного слова, чтобы онъ воспринялъ социалистическія идеи. То, что мы называли также социальной революціей, имѣло скорѣе характеръ мирнаго переворота, т. е. мы думали, что меньшинство, видя невозможность борьбы, принуждено будетъ уступить большинству, сознавшему свои интересы, такъ что о пролитіи крови не было и рѣчи.

Я оставалась за границей четыре года. Я отличалась всегда нѣкоторымъ консерватизмомъ—въ томъ смыслѣ, что принимала свои рѣшенія не быстро, но, разъ принявши, отступала уже съ трудомъ. Весною кружокъ почти весь отправился въ Россію; я же,

какъ сказала, оставалась за границей четыре года. Моя сестра и другіе члены этого сообщества кончили свою карьеру весьма бѣдственно. Два-три мѣсяца работы на фабрикахъ кончились для нихъ двухъ и трехлѣтнимъ заключеніемъ и затѣмъ судомъ, который приговорилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на каторгу, а другихъ на поселеніе и на житье. Когда они находились въ тюрьмѣ, то сдѣлали мнѣ призывъ. Мнѣ предложили явиться въ Россію съ цѣлью поддержать дѣло кружка. Такъ какъ я получила достаточно медицинскихъ свѣдѣній и такъ какъ думала, что полученіе степени врача и хирурга будетъ удовлетворять только тщеславію, то я отправилась въ Россію. Тутъ мнѣ пришлось на первыхъ порахъ испытать кризисъ. Движеніе потерпѣло уже пораженіе. Тѣмъ не менѣе я все-таки нашла достаточное количество людей, которые казались мнѣ симпатичными, которымъ я довѣряла, съ которыми я сошлась и вмѣстѣ съ которыми я участвовала въ выработкѣ той программы, которая извѣстна подъ названіемъ программы народниковъ.

Я отправилась въ деревню. Программа народниковъ, какъ суду извѣстно, имѣла цѣли, конечно неразрѣшенныя закономъ, потому что выставляла своею задачею передачу всей земли въ руки крестьянской общины, но—прежде чѣмъ эта задача совершится—та роль, которую должны были играть революціонеры, живя въ народѣ, должна была заключаться въ томъ, что во всѣхъ государствахъ называется не иначе, какъ культурной дѣятельностью. Такимъ образомъ и я явилась въ деревню съ вполне революціонными задачами, но—по тому, какъ я вела себя по отношенію къ крестьянамъ, какъ я дѣйствовала,—я думала, что я не подверглась бы никакому преслѣдованію нигдѣ, кромѣ Россіи, и даже считалась бы небезполезнымъ членомъ общества.

Я поступила въ земство, какъ фельдшерица. Въ очень скоромъ времени противъ меня составила цѣлая лига, во главѣ которой стояли предводитель дворянства и исправникъ, а въ хвостѣ: урядникъ, писарь и т. д. Про меня распространяли всевозможные слухи: и то, что я безпаспортная—тогда какъ я жила по собственному виду—и то, что дипломъ у меня фальшивый, и проч. Когда крестьяне не хотѣли итти на невыгодную сдѣлку съ помѣщикомъ, говорили, что виновата Филиппова, когда волостной сходъ уменьшалъ жалованье писарю, утверждали, что виновата въ этомъ фельдшерица. Производили негласныя и гласныя дознанія; пріѣзжалъ исправникъ; нѣкоторые крестьяне были арестованы; при допросѣ ихъ фигурировало мое имя; было два доноса губернатору и только благодаря тѣмъ хлопотамъ, которыя принялъ на себя предсѣдатель управы, я была оставлена въ покоѣ. Вокругъ меня образовалась полицейско-шпіонская атмосфера. Меня стали бояться. Крестьяне обходили задворками, чтобы притти ко мнѣ въ домъ. Вотъ эти-то обстоятельства и привели меня къ вопросу: что я могу дѣлать при данныхъ условіяхъ? Я скажу откровенно: я поселилась въ деревнѣ въ такомъ воз-

растѣ, когда грубыхъ ошибокъ въ смыслѣ нетактичности я не могла дѣлать; въ томъ возрастѣ, когда люди дѣлаются болѣе терпимыми, болѣе внимательными къ чужимъ взглядамъ. Я хотѣла изучить почву, узнать, что думаетъ самъ крестьянинъ, чего онъ желаетъ. Я увидѣла, что противъ меня нѣтъ никакихъ фактовъ, что меня преслѣдуютъ собственно за духъ, за направленіе мое; подозрѣвали, что не можетъ быть, чтобы человѣкъ, нелишенный образованія, поселился въ деревнѣ безъ какихъ нибудь самыхъ ужасныхъ цѣлей. Такимъ образомъ я была лишена возможности просто физическаго сближенія съ народомъ и не могла не только дѣлать что нибудь, но даже сноситься съ нимъ по поводу самыхъ обыденныхъ цѣлей. Тогда я вдумалась, не дѣлаю ли я какихъ нибудь ошибокъ, которыхъ я могла бы, можетъ быть, избѣжать, переѣхавъ въ другую мѣстность, и повторить опытъ. Мнѣ собственно тяжело было разстаться съ тѣми планами, которые у меня были. Я четыре года училась медицинѣ, и уже свыклась съ тою мыслью, что буду дѣйствовать среди крестьянъ. Размышляя на эту тему и собирая свѣдѣнія о другихъ лицахъ, я убѣдилась вполне, что дѣло не въ моей личности и не въ условіяхъ данной деревни, а въ общихъ условіяхъ, особенно въ томъ, что въ Россіи нѣтъ политической свободы. Собственно до этого момента мои задачи были строго экономическія, онѣ не затрагивали моихъ личныхъ интересовъ. Здѣсь мнѣ въ первый разъ пришлось на самой себѣ испытать неудобства нашего образа правленія. Я еще нѣсколько раньше получила предложеніе отъ общества «Земли и Воли» поступить въ него и дѣйствовать среди интеллигенціи. Но, въ силу того, что я крѣпко держалась за разъ принятое рѣшеніе, я не принимала этого предложенія и держалась до послѣдней крайности; такъ что не легкомысленное отношеніе, а горькая необходимость заставила меня отказаться отъ первоначальнаго взгляда и вступить на другой путь.

Въ то время начали появляться отдѣльныя мнѣнія, что элементъ политическій долженъ играть извѣстную роль въ задачахъ революціонной партіи. Въ обществѣ «Земли и Воли» образовались двѣ категоріи лицъ, которыя тянули въ разныя стороны. Когда я покончила съ деревней, я заявила обществу «Земли и Воли», что въ настоящее время я считаю себя свободною. Въ это время мнѣ предстояло одно изъ двухъ: или сдѣлать шагъ назадъ, ѣхать за границу и сдѣлаться докторомъ, но уже не для крестьянъ, а для лицъ богатыхъ—чего я не хотѣла—или—что я и предпочла—употребить энергію и силы на то, чтобы сломить то препятствіе, о которое разбилась моя желанія. Когда я поступила въ это общество, то было получено приглашеніе на Воронежскій съѣздъ, на которомъ партія еще не раздѣлилась, но только болѣе или менѣе опредѣленно было высказано, кто чего держится. Одни говорили, что надо дѣйствовать попрежнему, т. е. жить въ деревнѣ и организовать возстаніе среди народа въ какой

нибудь определенной мѣстности; другіе говорили, что надо жить въ городахъ и направить свою дѣятельность противъ правительственной власти.

Изъ Воронежа я поѣхала въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ общество «Земли и Воли» распалось и мнѣ было сдѣлано предложеніе сдѣлаться агентомъ Исполнительнаго Комитета, на что я и изъявила свое согласіе. Моя предыдущая жизнь привела меня къ тому убѣжденію, что единственный путь, которымъ данный порядокъ можетъ быть измѣненъ, есть путь насильственный. Мирнымъ путемъ я идти не могла. Печать, какъ извѣстно, у насъ не свободна, такъ что думать о распространеніи идей посредствомъ печатнаго слова невозможно. Если бы какойнибудь органъ общества показалъ мнѣ какой либо другой путь, кромѣ насилія, быть можетъ я бы его выбрала, по крайней мѣрѣ, попробовала бы. Но я не видѣла протеста ни въ земствѣ, ни въ судѣ, ни въ какихъ либо корпораціяхъ, ни воздѣйствія литературы на какія бы то ни было измѣненія въ той жизни, въ которой мы живемъ, такъ что я считала, что единственный выходъ изъ того положенія, въ которомъ мы находимся, заключается въ насильственной дѣятельности. Разъ принявши это положеніе, я уже пошла этимъ путемъ до конца. Я всегда требовала отъ личности, какъ отъ другихъ, такъ конечно и отъ себя, послѣдовательности и согласія слова съ дѣломъ и мнѣ казалось, что разъ я теоретически признала, что только насильственнымъ путемъ можно что-нибудь сдѣлать, то я обязана принимать непосредственное участіе въ тѣхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ, которыя будутъ приняты той организаціей, къ которой я примкнула. Къ этому меня принуждало очень многое. Я не могла бы съ спокойной совѣстью предлагать другимъ участіе въ насильственныхъ поступкахъ, если бы я сама не участвовала въ нихъ, и только участіе давало мнѣ право обращаться съ различными предложеніями къ другимъ лицамъ. Собственно организація предпочитала употреблять меня на другія цѣли, на пропаганду среди интеллигенціи, но я хотѣла и требовала себѣ другой роли. Я знала, что и судъ всегда обратитъ вниманіе на то, принимала ли я непосредственное участіе въ дѣлѣ; что и общественное мнѣніе, которое имѣетъ возможность свободно у насъ выражаться, обрушивается всегда съ наибольшею силою на тѣхъ, кто принималъ непосредственное участіе въ насильственныхъ дѣйствіяхъ; такъ что я считала просто подлостью толкать другихъ на тотъ путь, на который сама бы не шла. Вотъ объясненіе той «кровожадности», которая должна казаться такой страшной и непонятной и которая выразилась въ тѣхъ дѣйствіяхъ, одно перечисленіе которыхъ показалось бы суду циничнымъ, если бы они не вытекали изъ такихъ мотивовъ, которые, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, не безчестны.

Въ программѣ, по которой я дѣйствовала, самой существенной стороною, которая имѣла для меня наибольшее значеніе, было

уничтоженіе абсолютистическаго образа правленія. Собственно я не придаю практическаго значенія тому, будетъ ли у насъ республика или конституціонная монархія. Я думаю, что можно мечтать и о республикѣ, но что воплотится въ жизнь та форма, къ которой общество окажется подготовленнымъ; такъ что этотъ вопросъ не имѣетъ для меня особеннаго значенія. Я считаю самымъ главнымъ, самымъ существеннымъ, чтобы явились такія условія, среди которыхъ возможно развитіе своихъ силъ и приложеніе ихъ на пользу общества, и мнѣ кажется, что при нашихъ порядкахъ такихъ условій не существуетъ.

Вотъ все, что я хотѣла сказать суду.

II.

Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу В. Н. Фигнеръ-Филипповой противъ нея были выдвинуты слѣдующія обвиненія.

«Дознаніями, произведенными по поводу покушеній на жизнь государя Александра II и злодѣйскаго преступленія 1-го марта, а равно по другимъ тяжкимъ государственнымъ преступленіямъ, совершеннымъ террористической фракціей, было установлено, что во всѣхъ этихъ злодѣянійхъ принимала участіе Фигнеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдующими дознаніями было установлено, что она въ оставшейся группѣ террористовъ заняла первенствующее положеніе. Принятыми мѣрами 10 февраля 1883 г. она была задержана въ Харьковѣ, гдѣ проживала по подложному виду на имя ученицы Харьковскаго земскаго повивальнаго училища Маріи Дмитріевны Боровченко въ домѣ Хорвата по Дмитріевскому переулку. Привлеченная къ отвѣтственности, Фигнеръ объяснила, что выйдя въ 1870 г. замужъ за судебнаго слѣдователя Казанскаго окружнаго суда, въ 1872 г. отправилась въ Цюрихъ, гдѣ поступила на медицинскій факультетъ. Живя въ Цюрихѣ, а затѣмъ въ Бернѣ, ознакомившись съ социалистическимъ ученіемъ, рѣшила въ 1875 г. возвратиться въ Россію и заняться пропагандою социальныхъ идей. Достигнувъ въ 1876 г. развода съ мужемъ, всецѣло предалась дѣлу социализма и съ этого времени судьба ея тѣсно связывается съ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи во всѣхъ фазисахъ его проявленія. Поселившись первоначально въ Петербургѣ, сблизилась съ революціонными кружками и въ 1876 г. приняла участіе въ демонстраціи, устроенной социально-революціонной партіей возлѣ Казанскаго собора. Къ этому времени относится ея знакомство съ Баранниковымъ, Зунделевичемъ, Лизогубомъ, Оболеневымъ и Осинскимъ. Въ 1877 г. отправилась изъ Петербурга въ Самарскую губернію, гдѣ поселилась въ с. Студенцахъ, занявъ должность фельдшерицы. Живя въ Самарской губ., познакомилась съ А. Соловьевымъ и Квятковскимъ, прибывшими туда ранѣе для цѣлей пропаганды. Изъ Самарской губ., гдѣ прожила нѣсколько мѣсяцевъ, скрылась

вслѣдствіе того, что въ это время послѣдовало заарестованіе дѣвицы Чепуриной, у которой были отобраны письма, указывавшія на принадлежность Фигнеръ къ соціально-революціонной партіи. Проживъ затѣмъ нѣкоторое время въ Воронежѣ, къ началу 1878 г. возвратилась обратно въ Петербургъ и, въ мартѣ того же года, отправилась въ Саратовскую губ., гдѣ находилось много другихъ революціонныхъ дѣятелей, поселилась въ дер. Вязьмино, Петровскаго уѣзда, съ сестрою своею Евгеніей и, занимая должность фельдшерицы, обучала крестьянскихъ дѣтей. Въ д. Вязьмино видѣла А. Соловьева, который, прибывъ туда въ концѣ 78 г., передавалъ ей о своемъ намѣреніи совершить царевубійство. Послѣ покушенія со стороны Соловьева, послѣдовавшаго 2 апр. 79 г., выбыла въ Тамбовъ, а затѣмъ лѣтомъ того же года участвовала на соціалистическомъ съѣздѣ въ Воронежѣ. Осенью того же года прибыла въ Петербургъ, гдѣ поселившись вмѣстѣ съ Квятковскимъ, жила сперва въ Лѣсномъ подѣ именемъ Елпатьевской, а затѣмъ въ Лештуковомъ переулкѣ, подѣ именемъ Лихаревой. Живя въ Петербургѣ принимала участіе въ обсужденіи плановъ задуманнаго царевубійства, выразившихся въ покушеніяхъ 18 ноября 79 г. въ г. Александровскѣ и 19-го того же нояб. въ Москвѣ, а равно въ обсужденіи плановъ царевубійства, приготовленія къ которому были сдѣланы въ томъ же году въ г. Одессѣ. Рѣшившись принять активное участіе въ совершеніи сего преступленія, отправилась въ Одессу, куда привезла съ собою динамитъ, нужный для взрыва. Въ Одессѣ, проживая совместно съ Кибальчичемъ, именовавшимъ себя Иваницкимъ, какъ его супруга, хранила въ своей квартирѣ всѣ необходимыя принадлежности для задуманнаго взрыва императорскаго поѣзда на Одесской ж. д. Съ этой же цѣлью доставила своему единомышленнику Фроленко мѣсто будочника на томъ участкѣ ж. д., гдѣ предполагалось взорвать поѣздъ. Затѣмъ въ мартѣ 80 г., проживая въ г. Одессѣ, имѣла свиданіе съ Саблинымъ и С. Перовской и совместно съ ними обсуждала планъ новаго покушенія на царевубійство, которое предположено было совершить во время слѣдованія въ этомъ году императора Александра II черезъ г. Одессу на южный берегъ Крыма, причемъ для осуществленія задуманнаго преступленія дала 900 руб. Такъ какъ задуманное преступленіе было оставлено вслѣдствіе полученнаго приказанія со стороны Комитета прекратить сдѣланныя приготовленія, то она, въ іюлѣ 80 г., возвратилась въ Петербургъ. Здѣсь принимала дѣятельное участіе въ пропагандѣ среди рабочихъ и организаціи рабочихъ кружковъ, а затѣмъ, поселившись съ Исаевымъ, подѣ именемъ супруговъ Кохановскихъ, въ д. № 25/76 по Вознесенскому проспекту, приняла участіе въ обсужденіи вновь задуманнаго плана царевубійства, и по ея инициативѣ хозяиномъ сырной лавки, въ д. Менгдена, по Малой Садовой, былъ избранъ Юрій Богдановичъ и ею же былъ изготовленъ ему подложный видъ на имя Кобозева. Такъ какъ 28 февр. 81 г. рѣшено было

произвести 1-го марта покушеніе на жизнь Александра II, дѣйствуя метательными снарядами, то въ изготовленіи снарядовъ, въ ея и Исаева квартирѣ, приняла дѣятельное участіе. Послѣ злодѣянія 1-го марта, оставалась въ Петербургѣ до мая 81 г., затѣмъ до октября того же года проживала на югѣ Россіи, а въ этомъ мѣсяцѣ, отправившись въ Москву, возбудила въ средѣ своихъ единомышленниковъ вопросъ о необходимости убійства Стрѣльникова, какъ лица препятствовавшего своей дѣятельностью усиленности пропаганды на югѣ. По принятіи ея предложенія, отправилась изъ Москвы въ г. Одессу, гдѣ проживая подъ именемъ Елены Колосовой, занялась изученіемъ образа жизни генерала Стрѣльникова. Когда же затѣмъ въ Одессу для совершения сего убійства, прибылъ Халтуринъ, то, передавъ ему собранныя свѣдѣнія, снабдила его деньгами для покупки лошади и на другіе расходы, предстоявшіе при приведеніи въ исполненіе задуманнаго убійства.

Независимо отъ признанія Фигнеръ, виновность ея въ принадлежности къ террористической фракціи русской социальнореволюціонной партіи, а равно участіе ея въ тѣхъ отдѣльных преступленіяхъ, которыя совершены были этой партіей, подтверждаются слѣдующими данными: 1) Показаніями казеннаго государственнаго преступника Квятковского и осужденной Евгении Фигнеръ удостовѣряется, что В. Фигнеръ съ августа 79 г. и до конца сентября того же года жила совмѣстно съ Квятковскимъ подъ именемъ Лихаревой. 2) Показаніемъ умершаго Гольденберга удостовѣряется, что В. Фигнеръ принимала участіе: а) на Липецкомъ съѣздѣ, гдѣ была избрана членомъ Исполнительнаго Комитета; б) въ приготовленіи къ задуманному посягательству на жизнь императора Александра II, для чего предполагалось произвести взрывъ поѣзда на Одесской ж. д. при возвращеніи государя въ 79 г. изъ Крыма и, что съ этой цѣлю, проживая въ Одессѣ съ остальными участниками: Фроленко, Лебедевой, Колодкевичемъ, Меркуловымъ и Кибальчичемъ, именуясь супругою послѣдняго Иваничкой, хранила въ своей квартирѣ необходимые предметы для взрыва, а равно способствовала Фроленко, подъ именемъ Александрова, поступить сторожемъ на Одесской ж. д. Показаніе Гольденберга, относительно участія Фигнеръ въ предоставленіи государственному преступнику Фроленко мѣста, находить себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ начальника дистанціи той же дороги Пзигельскаго. 3) Показаніемъ Меркулова удостовѣряется, что Фигнеръ принимала участіе въ приготовленіяхъ къ совершенію покушенія на жизнь государя, каковое преступленіе вознамѣрено было произвести весною 80 г. въ Одессѣ. По словамъ Меркулова, весною 80 г., находясь въ Одессѣ, встрѣтилъ тамъ Перовскую и Сабливу, отъ которыхъ узналъ, что они открыли мелочную лавочку по Итальянской улицѣ и что изъ этого помѣщенія намѣреваются произвести покушеніе. При посѣщеніи упомянутой лавки, въ д. № 47, встрѣчался тамъ съ Зла-

топольскимъ, Исаевымъ и Филипповой. 4) Участіе Фигнеръ въ злодѣяніи 1 марта 81 г. устанавливается слѣдующими данными казеннымъ Рысаковымъ, показаніями, что, бывая въ конспиративной квартирѣ Саблина по Телѣжной улицѣ, въ которой производились приготовленія къ злодѣянію 1 марта, видѣлъ тамъ Фигнеръ, при чемъ видѣлъ ее тамъ 1 марта, а затѣмъ того же числа встрѣтилъ ее возлѣ дома Менгденъ, гдѣ помѣщалась лавка Кобозева. Осмотромъ домовою книги и показаніемъ дворника Михаила Гурьянова установлено, что Фигнеръ съ февраля и по 5 апрѣля 81 г. проживала, съ принимавшимъ участіе въ злодѣяніи 1 марта, Исаевымъ подъ именемъ супруги его Кохановской по Вознесенскому проспекту. Въ квартирѣ этой при обыскѣ найдены были: мѣдная трубка длиною около $\frac{1}{4}$ арш., ножницы для рѣзки листового желѣза, желѣзное точило и 22 склянки. 5) Участіе В. Фигнеръ въ убійствѣ Стрѣльникова удостовѣряется показаніемъ Петрова и Халтурина. Такъ Петровъ показалъ, что въ декабрѣ 81 г., встрѣчаясь въ Одессѣ съ В. Фигнеръ, именовавшейся тогда Еленой Ивановой, узналъ отъ нея, что террористическая партія рѣшила убить Стрѣльникова и что вообще сформированъ террористическій отрядъ, назначеніе котораго—уничтоженіе наиболѣе вредныхъ для партіи правительственныхъ агентовъ. Казенный же за участіе въ убійствѣ Стрѣльникова Халтуринъ показалъ, что проживавшая въ Одессѣ Фигнеръ, какъ представительница партіи Народной Воли, имѣла ближайшее отношеніе ко всѣмъ приготовленіямъ, предпринятымъ съ цѣлью совершенія названнаго убійства. 6) Участіе Фигнеръ въ пропагандѣ социальнаго революціонныхъ идей въ средѣ офицеровъ и въ устройствѣ подпольной типографіи въ Одессѣ, удостовѣряется нижеслѣдующими обстоятельствами дѣла. (Слѣдуетъ перечень обвиненій противъ Ашенбреннера, Похитонова и др.).

На основаніи вышеизложеннаго

Дворянка Филиппова-Фигнеръ, Чемоданова, Волкенштейнъ, Немоловскій, Суровцевъ, Спандони-Басманджи, Чуйковъ, Ивановъ, уволенные отъ службы: Ашенбреннеръ, Похитоновъ, Рогачевъ, Штромбергъ, Тихановичъ, Ювачевъ обвиняются въ принадлежности къ террористической фракціи русской социальнаго революціонной партіи, поставившей себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго и общественнаго строя въ Россіи, ради чего фракція, наименовавшая себя «партіей Народной Воли», совершила рядъ преступныхъ посягательствъ на священную особу въ Бозѣ почившаго императора Александра Николаевича, завершившихся страшнымъ злодѣяніемъ 1 марта 1881 г., повлекшимъ за собою безвременную кончину возлюбленнаго монарха, благодѣтеля Россіи императора Александра Николаевича, а равно совершила рядъ убійствъ и посягательствъ на высшихъ государственныхъ сановниковъ, должностныхъ лицъ, и другихъ преступленій, повлекшихъ за собой нарушеніе государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Преступленіе

это предусматрѣно 249 ст. Улож. о нак. угол. и испр. Кромѣ того, Филиппова, еще въ томъ: 1) что, зная о намѣреніи казненнаго нынѣ государственнаго преступника Соловьева совершить посягательство на жизнь въ Бозѣ почившаго императора Александра Николаевича, принимала участіе въ обсужденіи задуманнаго Соловьевымъ плана для приведенія своего преступнаго умысла въ исполненіе, не донесла о семъ подлежащимъ властямъ, чѣмъ и дала возможность Соловьеву привести свой злодѣйскій умыселъ въ исполненіе 2-го апрѣля 1879 г., 2) что, зная о намѣреніи террористической фракціи совершить посягательство на жизнь священной особы въ Бозѣ почившаго императора Александра Николаевича, приняла участіе въ обсужденіи способовъ къ совершенію сего преступленія и, не донеся о задуманномъ злодѣянніи, дала возможность членамъ фракціи произвести взрывъ полотна на Московско-Курской ж. д. 19 ноября 1879 г., во время слѣдованія императорскаго поѣзда; 3) что принимала участіе въ обсужденіи плана для преступнаго посягательства на жизнь императора Александра Николаевича, каковое посягательство было приведено въ исполненіе закладкою динамита подъ полотно ж. д. возлѣ г. Александровска и, если взрыва не послѣдовало 18 ноября 1879 г., во время слѣдованія по сему пути императорскаго поѣзда, то лишь по обстоятельствомъ не зависѣвшимъ отъ злоумышленниковъ, ибо ими независимо отъ закладки динамита подъ полотно дороги, сомкнута была гальваническая цѣпь для производства взрыва во время слѣдованія поѣзда; 4) что принимала участіе не только въ обсужденіи задуманнаго посягательства на жизнь императора Александра Николаевича, каковое злодѣяніе фракція намѣревалась привести въ исполненіе возлѣ г. Одессы во время слѣдованія весною 80 г. императора въ Крымъ, но приняла и активное участіе въ приведеніи сего злодѣянія въ исполненіе, выразившеся въ томъ, что доставила въ Одессу динамитъ и др. принадлежности для устройства задуманнаго взрыва на Одесской ж. д., а также и въ томъ, что способствовала государственному преступнику Фроленко получить мѣсто сторожа на участкѣ желѣзной дороги, прилежащемъ къ г. Одессѣ, съ тою цѣлю, чтобы предоставить какъ ему, Фроленко, такъ и другимъ членамъ фракціи, прибывшимъ въ г. Одессу для сего злодѣянія, болѣе легкій способъ къ устройству взрыва подъ полотномъ желѣзной дороги во время слѣдованія императорскаго поѣзда по участку дороги, находившемуся въ вѣдѣніи Фроленко; 5) что узнавъ отъ прибывшихъ въ г. Одессу казенной государственной преступницы Перовской и лишившаго себя жизни государственнаго преступника Николая Саблина о намѣреніи ихъ произвести здѣсь посягательство осенью 80 г. на жизнь государя, она приняла участіе какъ въ обсужденіи плана для совершенія сего злодѣянія, такъ равно въ работахъ, сдѣланныхъ для устройства подкопа изъ лавки, нанятой въ д. № 47 по Итальянской улицѣ, съ цѣлю

совершенія взрыва во время слѣдованія императорскаго экипажа отъ пристани къ станціи желѣзной дороги; 6) что въ началѣ 81 г. принимала участіе въ обсужденіи плана для совершенія посягательства на жизнь императора и, когда было рѣшено нанять лавку въ д. Менгдена съ цѣлю проведенія изъ нея подкапа подъ Малую Садовую улицу для устройства взрыва при слѣдованіи государя императора, то она предложила избрать хозяиномъ лавки Богдановича, а по принятіи ея предложенія, изготовила для него подложный видъ на имя Кобозева, а затѣмъ, бывая въ упомянутой лавкѣ, имѣла надлежащіе свѣдѣнія о ходѣ работъ; 7) что когда возникло сомнѣніе въ возможности произвести взрывъ на Малой Садовой улицѣ и, вслѣдствіе сего, рѣшено было 28 февраля 81 г. террористической фракціей совершить 1-го марта посягательство на жизнь государя посредствомъ метательныхъ снарядовъ, то она, тоже 28 февраля и въ ночь съ этого числа на 1-е марта, въ квартирѣ, занятой ею и государственнымъ преступникомъ Исаевымъ, дозволила не только изготовлять метательные снаряды, но и сама приняла въ изготовленіи ихъ участіе совмѣстно съ Исаевымъ, Сухановымъ и другими злоумышленниками, каковыми снарядами и было совершено злодѣяніе 1-го марта, имѣвшее послѣдствіемъ мученическую кончину царя Освободителя императора Александра Николаевича; 8) что видя въ энергичной дѣятельности генерала Стрѣльникова противодѣйствіе распространенію соціально-революціоннаго движенія на югѣ Россіи, предложила террористической фракціи лишить жизни генерала Стрѣльникова, а затѣмъ, по принятіи ея предложенія, отправилась въ Одессу, гдѣ, съ цѣлю успешнаго выполненія задуманнаго преступленія, собрала свѣдѣнія объ образѣ жизни Стрѣльникова, передала таковыя свѣдѣнія назначенному для совершенія убійства казненному преступнику Халтурину и снабдила его деньгами на предстоящіе расходы по приведенію въ исполненіе плана убійства. Преступныя дѣянія предусмотрѣнныя 152 ст. 241 и 1454 ст. Улож. о наказ. уголовн. и исправ. и 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. (издан. 2-е).

Признанная виновной во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ, В. Н. Фигнеръ была приговорена къ смертной казни черезъ повѣшеніе, замѣненной ей *de jure* безсрочной каторгой, а *de facto* двадцатилѣтнимъ заключеніемъ въ Шлиссельбургъ.

Страница изъ воспоминаній ¹⁾.

Процессъ по дѣлу о 1-мъ марта 1881 года былъ послѣднимъ изъ процессовъ о «Народной Волѣ», отчеты о которыхъ появлялись въ газетахъ. Слѣдующій за нимъ процессъ (по дѣлу о 1-мъ же марта), состоявшійся въ февралѣ 1882 г., уже былъ безъ отчета: въ газетахъ появились лишь отрывки изъ обвинительнаго акта и приговоръ. То же съ процессомъ о 17 лицахъ въ апрѣлѣ 1883 года. По дѣлу о 14 лицахъ въ 1884 году, или о процессѣ В. Н. Фигнеръ, въ газетахъ не было даже и обвинительнаго акта, а приговоръ былъ напечатанъ, но какъ дальше будетъ видно, *не въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ на самомъ дѣлѣ на судѣ*. Съ дальнѣйшими процессами въ 1887, 1889 и 1890 г.г. было то же. По дѣлу о Софѣ Гинзбургъ, Фрейфельдъ и др. уже ровно ничего не было въ печати, и въ Россіи объ этомъ дѣлѣ узнали только изъ иностранныхъ газетъ.

Процессъ о 14 народовольцахъ (В. Фигнеръ и др.) въ сентябрѣ 1884 г. особенно интересенъ потому, что онъ является первымъ результатомъ дѣятельности С. П. Дегаева на необыкновенномъ поприщѣ, совмѣщавшемъ въ одномъ лицѣ революціонера, предателя и агента начальника охраннаго отдѣленія, Судейкина. Всѣ подсудимые этого процесса преданы Дегаевымъ сейчасъ же вслѣдъ за сдѣлкой, въ которую вступилъ Дегаевъ съ Судейкинымъ. Всѣ обвиненія противъ нихъ построены на оговорѣ и показаніяхъ Дегаева, а между тѣмъ ни въ обвинительномъ актѣ, ни во всемъ дѣлѣ, ни въ приговорѣ о показаніяхъ Дегаева не упоминается совсѣмъ! Это потому, что Дегаевъ былъ не просто оговорщикомъ и предателемъ, какъ Гольденбергъ или Меркуловъ, а нѣчто болѣе сложное. И хотя въ моментъ составленія обвинительнаго акта, хода процесса въ сентябрѣ 1884 г. Дегаевъ вновь сталъ «тяжкимъ государственнымъ преступникомъ», за поимку котораго обѣщалось 10.000 руб., и шесть его карточекъ афишировались по всей Россіи, тѣмъ не менѣе выставленіе его открыто на процессѣ, какъ предателя, считалось неудобнымъ, п. ч. это повело бы къ раскрытію и другой стороны его дѣятельности: въ качествѣ провокатора и агента охраннаго

¹⁾ Статья эта принадлежитъ А. А. Спандони-Басманджи, осужденному, въ каторжныя работы по дѣлу В. Н. Фигнеръ и др. въ 1884 году.

отдѣленія. Неудобство же разглашенія оффиціально, на судѣ о столь почтенной репутаціи Дегаева состояло въ томъ, по мнѣнію спрошеннаго мной на судѣ объ этомъ Спасовича, что правитель-ство еще надѣялось на выдачу Дегаева изъ-за границы, какъ преступника, участвовавшаго въ убійствѣ Судейкина, между тѣмъ дѣло было-бы безнадежнымъ при оффиціально признанныхъ данныхъ о его провокаторской дѣятельности въ теченіе полугода слишкомъ. Такимъ образомъ, все время на судѣ не было рѣчи о главномъ героѣ дѣла; не было рѣчи и объ его показаніяхъ. Былъ, впрочемъ, одинъ эпизодъ. Послѣ опроса судомъ о свидѣтеляхъ, защитникъ В. Н. Фигнеръ прис. пов. Леонтьевъ 2-й заявляетъ о требованіи его кліентки о вызовѣ въ качествѣ свидѣтеля шт.-капитана въ отставку С. П. Дегаева. Предсѣдатель суда (военно-окружнаго) отвѣчалъ, что показанія свидѣтеля Дегаева будутъ прочтены. Дѣло въ томъ, что на судѣ почти не фигурировали живые свидѣтели. Изъ такихъ могли давать показанія лично на судѣ лишь живущіе въ предѣлахъ 100-верстной окружности Петербурга. Показанія же остальныхъ просто читались. Дѣятельность же всѣхъ подсудимыхъ имѣла мѣсто на югѣ по преимуществу, и всѣ они свезены изъ Харькова (В. Фигнеръ, Ивановъ и др.), изъ Одессы и пр. Поэтому на судѣ было 2—3 живыхъ свидѣтеля—дворники домовъ, гдѣ жила В. Фигнеръ въ 1881 году.—Когда наступило чтеніе показаній свидѣтелей, было прочтено одно только показаніе Дегаева, данное имъ сейчасъ же послѣ ареста при типографіи въ Одессѣ и въ сущности не имѣвшее никакого отношенія къ дѣлу. Тогда В. Н. Фигнеръ дѣластъ заявленіе о томъ, что она имѣла въ виду не прочитанное показаніе, а другія его показанія. При этомъ она рассказала, что уже въ февралѣ 1884 г. (т. е. на 2-мъ году нашего заключенія и производста дѣла) ее призвали на допросъ при торжественной обстановкѣ цѣлой комиссіей съ жандармскимъ генераломъ во главѣ и предъявили цѣлую тетрадь показаній, написанную рукой Дегаева. Но ей не дали читать всю тетрадь, а лишь нѣкоторыя мѣста изъ нея. Мѣста же отмѣченныя синимъ карандашемъ охранялись отъ прочтенія. В. Фигнеръ заявила, что не будетъ говорить ничего по поводу этихъ показаній, п. ч., очевидно, что если нельзя читать все, то это—не просто оговоръ обвиняемаго, а донесеніе агента. На этомъ допросъ и былъ законченъ. Послѣ этого разсказа Фигнеръ встаемъ поочередно и мы, остальные подсудимые, и заявляемъ о томъ, что въ то же число февраля вызывали и насъ всѣхъ и такъ же все читать не давали. На предсѣдателя суда эти заявленія производятъ нѣкоторое впечатлѣніе неожиданности, и онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ заявляетъ, что и суду объ этихъ показаніяхъ ничего не извѣстно. Вспоминаю при этомъ, какъ мой сосѣдъ по скамьѣ подсудимыхъ слѣва, баронъ А. П. Штромбергъ (лейтенантъ флота, приговоренный къ смертной казни и казненный), при возбужденіи В. Н. Фигнеръ вопроса объ этихъ показаніяхъ сталъ толкать меня и

выражать недоумѣніе, зачѣмъ поднимаетъ Фигнеръ вопросъ объ показаніяхъ, отсутствіе которыхъ намъ выгодно. Это было невѣрно: никакой выгоды не было для подсудимыхъ отъ отсутствія дегаевскихъ показаній. Штромбергъ, вообще, всѣ пять дней на судѣ былъ очень оптимистически настроенъ. Онъ былъ очень далекъ отъ мысли, чтó его ожидало. Онъ неоднократно говаривалъ мнѣ на судѣ, что мы оба съ нимъ уже опытные люди по путешествію въ Вост. Сибирь. (Я за 3½ года до суда былъ возвращенъ изъ ссылки, а онъ былъ привезенъ для суда изъ ссылки по оговору Дегаева. Сосланъ же онъ былъ въ 1881 году въ Верхотенскъ Иркутской губ., за отсутствіемъ серьезныхъ противъ него обвиненій). Онъ готовился теперь съ бóльшимъ умѣніемъ экипироваться для путешествія «тахишм на поселеніе», какъ онъ думалъ, «а то и на житье». Въ скучные моменты процесса очень много мы съ нимъ болтали и смѣялись, за что не разъ получали отъ предсѣдателя нотации.

Отсутствіе въ дѣлѣ показаній Дегаева ни мало не ослабило обвиненія для большинства подсудимыхъ. Судъ нашелъ возможнымъ и безъ ихъ помощи восьмерымъ изъ 14 вынести смертный приговоръ, а остальныхъ отправить въ долгосрочную каторгу. Для В. Н. Фигнеръ дегаевскія показанія не могли прибавить ничего къ тому, что имѣлось противъ нея въ показаніяхъ Гольденберга и Меркулова по дѣламъ 1879—1881 г.г., гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ все бывшее при Дегаевѣ въ 1882 г. Къ тому же, какъ это видно изъ обвинительнаго акта и какъ вѣрно сказалъ защитникъ Фигнеръ, «она сдѣлала все, что возможно, для собственнаго самообвиненія». Если бы Рогачевъ и Похитоновъ держались системы не давать, вообще, никакихъ показаній, то, м. б., противъ нихъ въ дѣлѣ было-бы меньше обвиненій очень серьезнаго характера, добытыхъ, конечно, съ помощью Дегаева. Но все же едва-ли это повліяло-бы на приговоръ. Они признали все предъявленное имъ, изъ показаній Дегаева почерпнутое, хотя имъ, м. б., и не указано было, что объ этомъ говоритъ Дегаевъ. Дѣло въ томъ, что до исчезновенія Дегаева уже послѣ убійства Судейкина на дознаніи никогда прокуратура и жандармерія не обнаруживали, что оговариваетъ Дегаевъ. Они всегда имѣли что-либо подставное, на что ссылались. Приходилось самому заключить, что кто-то оговариваетъ или въ исключительныхъ случаяхъ прямо догадываться, что именно Дегаевъ оговорилъ, а не кто-либо иной. Пока Дегаевъ еще былъ агентомъ Судейкина, было естественно всячески беречь его и стараться, чтобы на волю не проникли извѣстія, что онъ оговариваетъ, п. ч. при такихъ извѣстіяхъ могла обнаружиться передъ революціонной публикой вся махинація. Потому-то, напр. въ мартѣ 83 г., когда пошли массовые аресты среди офицеровъ въ Кронштадтѣ и по всей Россіи и когда это естественно вызывало недоумѣніе въ офицерской средѣ,—искусно пускались слухи, что предастъ Рогачевъ! На волю ничего и не проникало уже просто

потому, что все сидѣли почти 2 года въ Трубецкомъ бастіонѣ, въ Петропавловкѣ, откуда на волю ничего не могло проникнуть. Рогачевъ на судѣ больше для товарищей, я думаю, говорилъ о томъ, какъ онъ былъ побужденъ къ тому, чтобы признать все ему предъявленное обвиненіе. Онъ былъ такъ озадаченъ, такъ сказать, ошарашенъ внезапностью, съ какой ему раскрываютъ все, что про него знаютъ, такъ этимъ былъ пораженъ, что впалъ въ ошибку, сознавшись, подтвердивъ все это. Онъ ссылаясь, помнится, еще на то дѣйствіе, которое оказало заключеніе въ казематъ крѣпости,—на то, что онъ сталъ чувствовать себя душевно скверно, но я думаю, что крѣпость тутъ не при чемъ. Объясняется все проще. Принимая во вниманіе, что Рогачевъ впервые предсталъ предъ столь аномальнымъ слѣдствіемъ, какъ жандармское дознаніе съ одной стороны; имѣя въ виду съ другой стороны, что «слѣдователи» были такъ хорошо вооружены, досконально освѣдомлены изъ первоисточника,—можно понять, что Рогачевъ былъ такъ подавленъ, что не имѣя на готовѣ предпрѣшннаго плана вообще, не давая никакихъ показаній—ни да, ни нѣтъ,—прямо опѣшилъ и призвалъ все. А изъ обвинительнаго акта видно, чѣмъ это все было, особенно для офицера. Изъ акта же видно, что Рогачевъ, признавая, что все предъявленное ему—вѣрно, въ то же время подтверждаетъ, что Желябовъ познакомилъ его съ *Штромбергомъ*; что при сформированіи центральной военной группы въ нее вошли онъ, Сухановъ, *Штромбергъ*. Когда читаешь обвинительный актъ, не зная закулисной стороны, которую я раскрываю, можно, даже должно прийти къ выводу, что единственное обвиненіе противъ Штромберга, которое ему предъявлялось по обвинительному акту,—что онъ былъ членомъ центральной военной группы,—почерпнуто изъ показаній Рогачева. Больше того, получается впечатлѣніе, что Рогачевъ оговорилъ Штромберга, что только на основаніи этого оговора привезли изъ Верхолеска Штромберга и судятъ только за то, что онъ былъ членомъ центр. военной группы. На самомъ же дѣлѣ о Штромбергѣ, какъ это, такъ и многое другое, о чемъ нѣтъ ни въ обвинительномъ актѣ, ни въ *Ж* т. т. дѣла, ни въ приговорѣ въ окончательной формѣ (мотивированномъ), врученномъ намъ послѣ суда, узнано отъ Дегаева, который, однако, не долженъ нигдѣ фигурировать. Поэтому Штромберга привлекаютъ къ суду на основаніи единственнаго косвеннаго указанія въ признаніи всего Рогачевымъ. Судятъ, обвиняя *только* въ принадлежности къ центральной военной группѣ. На судѣ только объ этомъ рѣчь. На дознаніи Штромбергъ отказывался отъ показаній. Только за одно это, т. е. за то, что онъ состоялъ членомъ центральной военной группы, его осуждаютъ и приговариваютъ къ смертной казни. На судѣ меня это не поразило особенно, п. ч. я слышалъ неоднократныя мотивировки особенной суровости въ отношеніи офицеровъ, нарушившихъ долгъ присяги; слышалъ какъ судѣ, при всемъ желаніи снисходительнѣе отнестись

къ нѣкоторымъ изъ офицеровъ, достойнымъ этого, благодаря боевымъ заслугамъ (Ашенбреннеръ за штурмъ Ходжента и Самарканда и др. дѣла и Похитоновъ за 4 Плевны имѣли по нѣскольку орденовъ съ мечами) не можетъ все же не помнить о нарушении долга присяги и т. д. Наконецъ, всѣ 14 обвинялись по 249 ст., по которой полагалась смертная казнь, что судъ и находилъ «самымъ справедливымъ» для всѣхъ (подлинныя слова въ приговорѣ), но принимая-де во вниманіе, что шестеро не принимали непосредственного участія въ террористическомъ покушеніи, онъ отказался отъ «самаго справедливаго!» Во время чтенія намъ приговора въ окончательной формѣ Похитоновъ общался въ разговорѣ Штромбергу, что его отецъ подалъ прошеніе о помилованіи, и при этомъ спросилъ его: «ну, а ты какъ?» Штромбергъ отвѣчаетъ смѣясь: «я неграмотный!» И тутъ онъ былъ очень весело настроенъ, повидимому, нисколько не вѣрилъ, что его дѣйствительно казнятъ. Я въ свою очередь былъ убѣжденъ, что, если кого-либо «помилюютъ», то въ первую голову его. Черезъ 3 дня послѣ этого истекалъ срокъ для кассаци. По этому поводу въ предварилкѣ въ камерѣ у меня бывалъ общій у насъ съ Штромбергомъ защитникъ, прис. пов. Макалинскій, котораго запирали со мной въ камерѣ, гдѣ онъ всячески меня упрасивалъ написать чрезъ него записку Штромбергу и просить его подать прошеніе о «помилованіи». Я отказывался отъ этого, увѣряя Макалинскаго, что его и безъ того помилюютъ, п. ч. противъ него единственное обвиненіе ничѣмъ основательнымъ не доказанное и т. д. Макалинскій мнѣ говорилъ, что его Штромбергъ и слушать не хочетъ. 4-го октября насъ всѣхъ перевезли опять въ крѣпость, гдѣ мы уже сидѣли на т. наз. «каторжномъ положеніи». Сосѣдомъ моимъ былъ Похитоновъ, съ которымъ я перестукивался. За это время къ нему заходили съ объявленіемъ о помилованіи, о чемъ онъ мнѣ простучалъ. Ни о комъ больше я не зналъ до 18 октября, когда совершенно неожиданно меня перевезли вновь въ предварилку, гдѣ мнѣ сообщили, что я пойду въ Сибирь, на Кару. Тамъ-то я узналъ сейчасъ же, кто былъ казненъ 10 октября. Если я съ трудомъ теперь могъ бы передать, каковы были мои удивленіе и огорченіе особенно при извѣстіи о Штромбергѣ, то еще меньше я могу сказать, какія чувства меня охватили и взволновали, когда еще чрезъ нѣсколько дней я прочелъ въ газетахъ приговоръ по нашему дѣлу!! Онъ былъ вѣренъ и исполнѣнъ соотвѣтствовалъ тому, какой былъ врученъ намъ, въ отношеніи всѣхъ осужденныхъ, *кромя Штромберга*. Въ приговорѣ газетномъ—вмѣсто одного обвиненія противъ него: въ принадлежности къ центральной военной группѣ было еще цѣлыхъ три пункта обвиненій, о которыхъ ни въ актѣ, ни въ дѣлѣ, ни на судѣ, ни въ приговорѣ не упоминалось даже полусловомъ! Эти три пункта были слѣдующіе: 1) Принималъ участіе въ напечатаніи прокламаціи о событіи 1 марта 1881 года. 2) Послѣ ареста Желябова обсуждалъ совмѣстно съ Перовской

планъ освобожденія изъ-подъ стражи Желябова при перевозѣ послѣдняго изъ крѣпости въ предварилку и 3) Въ день 1 марта принималъ участіе вмѣстѣ съ другими въ очищеніи квартиры Фигнеръ и Исаева на Вознесенскомъ проспектѣ отъ остатковъ динамита и типографіи.—Эти, такъ сказать, «посмертныя обвиненія» противъ Штромберга не могли быть предъявлены на судѣ; ихъ нечѣмъ было абсолютно подкрѣпить при невозможности указаній на Дегаева. И, такимъ образомъ, Штромбергъ умеръ, не зная за что его казнили, а узнали объ этомъ читатели газетъ, ровно ничего не знавшіе о томъ, что предъявлялось Штромбергу на процессѣ. Очевидно, что даже по тогдашнимъ временамъ и обстоятельствамъ мотивировка казни за одну лишь принадлежность къ центральной военной организаціи почиталась недостаточной, и вотъ, департаментъ полиціи счелъ необходимымъ дать свою сверхъ-судебную мотивировку....

Такимъ образомъ, Штромбергу совсѣмъ не помогло отсутствіе показаній Дегаева въ актахъ дѣлопроизводства. Почти то же можно сказать въ отношеніи и остальныхъ подсудимыхъ, хотя нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые вообще отказались отъ дачи показаній и противъ которыхъ инымъ путемъ удалось раздобыть матеріалъ менѣе тяжеловѣсный, чѣмъ имѣвшійся въ отношеніи ихъ въ показаніяхъ Дегаева, м. б., послужило нѣкоторымъ облегченіемъ это отсутствіе показаній Дегаева на судѣ. Къ такимъ принадлежалъ и я. По обвинительному акту и на судѣ вообще, мнѣ предъявлялось, кромѣ общаго всѣмъ обвиненія въ принадлежности къ «Нар. Волѣ», что подводилось подъ 249 ст., только лишь одно обвиненіе: участіе въ устройствѣ въ Одессѣ типографіи «Н. В.», въ которой былъ взятъ Дегаевъ съ женой, Суровцевъ и Калюжные. Это обвиненіе подкрѣплялось показаніями Л. Дегаевой, которая, конечно, оговаривала самымъ добросовѣстнымъ манеромъ, и Калюжной, которую одесскій жандармскій полковникъ Катанскій вынудилъ подтвердить въ отношеніи меня и Суровцева то, что сказала Дегаева про наше участіе въ типографіи. Катанскому было очень легко обойти такую молодую и совсѣмъ неопытную дѣвушку, какъ Калюжная, при такихъ экстренно выгодныхъ условіяхъ, въ какихъ онъ находился, зная отъ Дегаева всю подноготную до мельчайшихъ подробностей. Калюжная, вскорѣ выпущенная на поруки, не была оставлена Катанскимъ въ покоѣ. Онъ дѣлалъ попытки эксплуатировать ее, какъ провокатора, словомъ, хотѣлъ имѣть въ ея лицѣ маленькаго Дегаева для себя. Нѣсколько позже, когда обнаружилась вся махинація съ дегаевщиной, Калюжная, желая очиститься отъ той грязи, въ которую ее втолкали, покушалась на жизнь Катанскаго, за что была въ 1884 году осуждена на 20 лѣтъ каторги.

Въ 1889 году она покончила самоубійствомъ, отравившись вмѣстѣ съ М. Ковалевской и Н. Смирницкой послѣ тѣлеснаго наказанія надъ Н. Сигидой.—Полковникъ Катанскій вообще стремился стать болѣе или менѣе великимъ человѣкомъ въ своихъ

сферахъ и въ приѣмахъ своихъ подражалъ Судейкину, не обладая вовсе специфическимъ талантомъ послѣдняго. Приѣхавъ на службу въ Одессу незадолго до ареста Дегаева, онъ сталъ особенно усердно дѣлать обыски, никчемные аресты и т. д. Словомъ, сильно старался. Въ это время въ одесской тюрьмѣ среди заключенныхъ началась голодовка. Мѣстная центральная группа по этому поводу распространила по городу въ большомъ количествѣ прокламацію о голодномъ бунтѣ въ тюрьмѣ, очень сильно написанную и производившую сенсацію въ городѣ. Прокламація была гектографированная. О типографіи центральной въ Одессѣ мѣстной группѣ не было извѣстно. Усиленные обыски и розыски, пущенные въ ходъ Катанскимъ по поводу этой прокламаціи, повели къ случайному открытію Дегаевской типографіи. Кромѣ того, какъ раньше мнѣ передавали Дегаевъ и Суровцевъ, тяжесть корзины съ шрифтомъ, втаскивавшихся ими съ помощью дворника, возбудила подозрѣнія. 18 декабря 82 г. Дегаевъ, словомъ, былъ арестованъ. До меня дошли слухи на другой день о какомъ-то арестѣ въ городѣ. Это, въ связи съ неприходомъ на свиданіе въ одинъ день Дегаева, а въ другой Суровцева, должно было окончательно меня убѣдить въ вѣрности слуховъ. Помню, что на второй день кто-то изъ своихъ мнѣ сообщилъ, что будто-бы взята какая-то типографія. Но когда не хочешь чему-либо повѣрить, то не вѣришь и очевидно. И вотъ, я вечеромъ 20-го декабря подхожу къ дому, гдѣ была типографія, и не вижу условленнаго знака въ окнѣ 3-го этажа для свободнаго входа. Въ окнахъ была сплошная темнота. Я ушелъ прочь... И чрезъ полчаса опять пришелъ, поднялся на 3 этажъ, позвонилъ и долго стоялъ между двумя дверьми у звонка. Была могильная тишина и я, повернувшись уходить, зналъ, что засада меня теперь возьметъ. Но меня никто не взялъ. Засады не было. За мной слѣжки не было. Уѣхать сейчасъ я не рѣшилъ, п. ч. надо было устраивать спасеніе многихъ чудовъ шрифта и др. принадлежностей для второй типографіи, уже направленныхъ въ Одессу. Это мнѣ уже при помощи мѣстныхъ людей удалось сдѣлать; но прошло много времени, за которое происходили такіа событія, какъ отказъ Дегаева разговаривать съ такимъ «солдафономъ», какъ Катанскій; требованіе Дегаева вызвать Судейкина, приѣздъ послѣдняго въ Одессу и... *entente cordiale* между Дегаевымъ и Судейкинымъ—это уже было приблизительно въ первыхъ числахъ января. Въ эти же дни я впервые ощутилъ слѣженіе за собой во время свиданія на улицѣ, въ толпѣ гуляющихъ, съ Стратановичемъ, офицеромъ изъ мѣстнаго кружка военной организаціи. Я немедленно прекратилъ сношенія съ офицерами и всякія другія и старался выѣхать въ Харьковъ. Это мнѣ не удалось. Можетъ быть, я не сумѣлъ это ловко сдѣлать; можетъ быть у меня были преувеличенныя опасенія, какъ-бы не привезти за собой въ Харьковъ къ Фигнеръ мушара. Я медлилъ, колебался, и 10 января тотъ самый типъ, котораго я впервые замѣтилъ при свиданіи съ Стратановичемъ,

схватилъ меня днемъ на улицѣ, и при помощи, какъ бы изъ подъ земли явившихся на его свистъ, жандармовъ я былъ отвезенъ предъ очи Катанскаго, который на первыхъ порахъ счелъ необходимымъ сдипломатничать и для отвода, повидимому, глазъ сообщилъ мнѣ, что я арестованъ по дѣлу о распространеніи прокламацій о голодовкѣ. Затѣмъ меня посадили въ одиночкѣ рядомъ съ Дегаевымъ, съ которымъ мнѣ и пришлось дня 4 перестукиваться! Само собой понятно, что тогда я не имѣлъ понятія о томъ, что произошло съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ я его не видѣлъ. Несомнѣнно, что меня посадили рядомъ преднамѣренно. Послѣ отъѣзда Дегаева я уже въ его камерѣ сидѣлъ мѣсяца 2½ до отвоза меня въ крѣпость совершенно изолированный, не имѣвъ возможности переговариваться ни стукомъ, ни иначе. О, яко-бы, побѣгѣ Дегаева 14 января возлѣ одесскаго вокзала я узналъ уже весной, когда меня перевозили въ Петербургъ. Изъ разговоровъ его со мной кое-что интересно. Между прочимъ онъ мнѣ сообщилъ, что онъ выдалъ себя за убійцу жандармскаго офицера Гейкинга! На первыхъ порахъ у меня мелькнула мысль, что у него въ головѣ что-то неладно стало: до такой степени было для меня дико то, что онъ мнѣ сообщилъ. На мой вопросъ, зачѣмъ это онъ сдѣлалъ, онъ отвѣтилъ, что это для того, чтобы его повезли въ кievскую тюрьму, откуда онъ думалъ бѣжать при помощи офицера въ караулъ, подобно тому, какъ бѣжалъ въ августѣ 82 г. изъ кievской тюрьмы Василій Ивановъ при помощи офицера Тихановича. Объ этомъ побѣгѣ онъ зналъ; зналъ также и о томъ, что Тихановичъ, какъ и др. офицеры изъ кievской военной организаціи предлагали повтореніе такого освобожденія; что никто изъ кievлянъ въ тюрьмѣ этимъ не хотѣлъ воспользоваться, т. к. серьезно обвиняемыхъ тамъ тогда не было. Вл. Бычковъ бѣжалъ въ декабрѣ безъ помощи офицера. Я сталъ ему доказывать всю нелѣпость выдачи себя за убійцу Гейкинга, который былъ убитъ въ маѣ 1878 г., т. е. почти за 5 лѣтъ; убѣждалъ его, что хотя до того времени убійца Гейкинга дѣйствительно и былъ неизвѣстенъ полиціи, но ему не повѣрятъ; тутъ же на мѣстѣ добудутъ доказательства противнаго и въ Кіевъ даже не повезутъ. Онъ упорно настаивалъ, добиваясь у меня свѣдѣній о кievскихъ офицерахъ, дѣлахъ, адресахъ и т. д. Дѣло въ томъ, что онъ въ Кіевѣ никогда не бывалъ и никого тамъ не зналъ; я же жилъ до августа 82 г. въ Кіевѣ больше года; зналъ всѣ дѣла тамъ и велъ съ Тихановичемъ дѣло побѣга В. Иванова. Просто чисто случайно мнѣ не пришлось указать ему ничего особеннаго по Кіеву: я, повѣривъ, что онъ говорилъ правду, и допустивъ, что, можетъ быть, онъ добьется перевода въ Кіевъ, указалъ, чтобъ онъ изъ тюрьмы чрезъ одну изъ женъ, приходящихъ на свиданія, вступилъ въ переписку съ Россіи, о которомъ онъ и безъ того зналъ. Любопытно, что этотъ разговоръ у насъ происходилъ 11 января, т. е. за 3 дня до искусственнаго побѣга, который имѣлъ мѣсто въ Одессѣ 14 января. Каждый

день въ эти 4 дня его уводили изъ камеры (кромѣ прогулки) на полчаса и больше. На мой вопросъ, куда онъ ходитъ, онъ мнѣ говорилъ, что его допрашиваютъ ежедневно. Однажды, онъ съ допроса принесъ новость: офицеръ Антоновъ, арестованный въ Тифлисѣ, оговариваетъ все и вся, и ему, Дегаеву, предъявляется теперь обвиненіе въ томъ, что онъ былъ «агентомъ исполнительнаго комитета». Это его сильно смущало и онъ выражалъ большія опасенія, что его казнятъ; поэтому, ему надо непремѣнно бѣжать. Сталъ спрашивать о явкѣ къ Фигнеръ въ Харьковѣ. Такъ какъ явка оставалась старая, которую онъ зналъ, то я и тутъ ему новаго ничего не сообщилъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ и явился по извѣстному ему адресу къ Фигнеръ!.. О его побѣгѣ я узналъ потомъ. 14-го онъ исчезъ и я остался безъ собесѣдника, если не считать таковымъ Катанскаго, который не прочь былъ вести и частныя бесѣды послѣ неудачъ на допросахъ. Въ Одессѣ за 3 мѣсяца мнѣ былъ сдѣланъ лишь одинъ допросъ въ присутствіи прокурора, на которомъ я очень кратко заявилъ, что отказываюсь отъ показаній. Я былъ представленъ самому себѣ, и когда только, почему-то, на 12-й день разрѣшили книги, я весь въ нихъ погрузился и ждалъ у моря погоды. Но вотъ, однажды, Катанскій присоединился ко мнѣ въ большомъ залѣ казармы во время прогулки и сталъ бесѣдовать. Скоро онъ перешелъ на тему о томъ, что я напрасно-де не показываю, что-де это хуже и т. п. Я на это ему указывалъ, чтобъ онъ не забывалъ, что я не младенецъ, что я уже привлекался къ дѣлу Чубарова и Лизогуба и потому не вполнѣ несвѣдущъ на предметъ того, что можетъ со мной быть и т. д. Тогда онъ мнѣ сталъ говорить: «помилуйте, мы все знаемъ; вы бывали въ типографіи, вы помогали ее устранивать и пр. Объ этомъ показываютъ Суровцевъ, Калюжная.» Это меня взорвало, но я ему спокойно сказалъ, чтобъ онъ далъ мнѣ очныя ставки съ Суровцевымъ и Калюжной. Онъ говоритъ, что это нельзя, но онъ можетъ показать мнѣ собственныя ихъ подписи на показаніяхъ. Я отвѣтилъ, что я ихъ почерковъ не знаю, а, вотъ, очныя ставки, это-де дѣло вѣрное. Тогда, молъ, я и отпираться не стану!—Онъ на это воскликнулъ: «такъ вы *такъ* въ нихъ увѣрены?» Я отвѣтилъ, что я увѣренъ, что противъ меня никто не показываетъ, и такъ какъ срокъ прогулки кончился, ушелъ въ камеру.

Послѣ этого, мѣсяца полтора я его не видѣлъ. Я какъ-то справился объ немъ. Нужно было, чтобъ онъ процензуровалъ книги, которыя я хотѣлъ купить. Меня вызвали къ нему. Послѣ разговоровъ о тюремныхъ условіяхъ, здоровьи и т. п. онъ прямо спросилъ, не намѣренъ ли я теперь что по дѣлу сказать. Я отвѣтилъ, что нѣтъ, а вотъ-де списокъ книгъ разрѣшите. Онъ оставилъ списокъ и началъ: «Вотъ я былъ въ Петербургѣ... видѣлъ. Вѣру Фигнеръ... (при этомъ смотритъ на меня во всѣ глаза). Что онъ замѣтилъ на мнѣ, не знаю, но онъ продолжалъ: «въ Харьковѣ арестованы такіе-то»—называетъ при этомъ все из-

вѣстныя мнѣ имена. Мнѣ было очень не по себѣ и я хотѣлъ этому положить конецъ и уйти, но съ другой стороны любопытство, о чемъ онъ еще скажетъ,—приковывало къ мѣсту. Онъ продолжалъ: «да, знаете, Вѣра Николаевна... это... дьяволъ, а не женщина»... Тутъ я не выдержалъ, раздраженно проговорилъ:— «Вы можете кому-нибудь другому передавать о своихъ петербургскихъ впечатлѣніяхъ»,—и сталъ уходить. Тогда онъ, беря списокъ книгъ, говоритъ: «успокойтесь, подождите, я просмотрю книги.»—Въ числѣ книгъ въ списокъ былъ 4-ый т. Н. К. Михайловскаго. Тутъ Катанскій что-то пробормоталъ: «а! Михайловъ: «Ассоціаціи.» Знаю, знаю!»—и улыбается.—Я на это язвительно говорю:—«есть Михайловъ: «Ассоціаціи» и есть Михайловскій!» На что онъ, саркастически улыбаясь, сказалъ:—«Знаю! Какъ-же? Знаю! Михайловскій—тотъ самый, который пріѣзжалъ въ октябрѣ въ Харьковъ къ Фигнеръ!»¹⁾ Я, прямо сраженный этими словами, дольше, чѣмъ нужно было, молчалъ, а потомъ сказалъ: «меня относительно Михайловскаго теперь интересуетъ только вопросъ, развѣшается-ли вы купить книгу». Онъ подписалъ списокъ, а я, подавленный всеѣми этими извѣстіями, пошелъ въ камеру, спѣша разобраться въ этомъ. Дѣло въ томъ, что этими словами о пріѣздѣ Михайловскаго къ Фигнеръ Катанскій обнаружилъ мнѣ ясно, что *Дегаевъ оговариваетъ*. Съ этой минуты это для меня стало несомнѣннымъ фактомъ. Объ этомъ пріѣздѣ Михайловскаго¹⁾ къ Фигнеръ около 15 октября 82 г. изъ находившихся въ Россіи знало случайно только лишь три человѣка: Вѣра Николаевна, я и Дегаевъ. Ясно, что я долженъ былъ прійти къ полной увѣренности послѣ словъ Катанскаго, что Дегаевъ и объ этомъ сказалъ. Тогда мнѣ стала ясной и высылка Михайловскаго изъ Петербурга въ началѣ 1883 года въ Лугу. Конечно, покой мой былъ этимъ нарушенъ. Но я еще не успѣлъ ничего сообразить послѣ этого, какъ внезапно меня перевозятъ въ Петербургъ. Со стороны Катанскаго было, собственно говоря, большой неосторожностью сказать мнѣ объ этомъ, и это у него вырвалось нечаянно, я думаю. Но вотъ меня перевозятъ въ другую тюрьму, до отправки въ крѣпость, и тамъ я узнаю о побѣгѣ Дегаева 14 января. Узнаю такія подробности о томъ, какъ его перевозили къ вокзалу на открытомъ извозчикѣ съ 2 жандармами, которымъ, будто-бы, онъ засыпалъ глаза нюхательнымъ табакомъ, и бѣжалъ, скрывшись въ лабиринтахъ строившагося вокзала. Я зналъ, что *такъ* въ Одессѣ никогда не возили къ вокзалу; зналъ, что Дегаевъ, сидя, какъ и я, въ 5 № казармъ, никакимъ образомъ не могъ запасться нюхательнымъ табакомъ. Все это мнѣ казалось страннымъ, вызывало во мнѣ какія-то подозрѣнія... Повезли меня изъ Одессы до Кіева при такихъ не-

¹⁾ О цѣлѣ пріѣзда и о всемъ дѣлѣ, связанномъ съ этимъ пріѣздомъ Михайловскаго, сказано самимъ Михайловскимъ. Послѣ смерти Михайловскаго рассказъ этотъ появился въ „Революціонной Россіи“ въ 1905 году. (Рассказъ Михайловскаго, разумеется, далеко не исчерпываетъ этого дѣла. О немъ мы надѣемся дать со временемъ обстоятельныя свѣдѣнія. Ред.)

обыкновенно уже строгихъ условіяхъ,—сопровождало 4 жандарма до Кіева; отъ станціи до станціи еще 5-ый,—что комедія бросалась въ глаза. Это должно было показывать, что побѣгъ Дегаева такъ напугалъ, что теперь-де приняты страшныя мѣры. За Кіевомъ всѣ эти штуки были оставлены! Въ Кіевѣ я ночевалъ случайно не въ участкѣ, а въ тюрьмѣ, гдѣ узналъ о массѣ арестовъ среди офицеровъ всюду въ Россіи, объ арестѣ Тихановича и др. въ Кіевѣ. Затѣмъ уже ѣхалъ, ничего не узнавая. Встрѣтился въ Орлѣ съ шт.-капитаномъ Крайскимъ, везомымъ тоже изъ Одессы въ Петербургъ въ одномъ поѣздѣ со мной, но въ разныхъ вагонахъ. Мы дѣлали видъ, что не знакомы другъ съ другомъ. Еще мы съ нимъ встрѣтились въ московскомъ жандармскомъ управленіи, куда насъ завозили для перемѣны жандармовъ и до слѣдующаго поѣзда, и, наконецъ, въ департаментъ полиціи предъ отвозомъ уже прямо въ крѣпость. Тутъ цѣлый часъ мы сидѣли на одномъ и томъ же диванѣ, имѣя рядомъ съ собою своихъ жандармовъ, на виду массы людей, въ ожиданіи назначенія офицеровъ для отвоза въ крѣпость.

Вотъ, такимъ-то образомъ, я пріѣхалъ въ крѣпость съ страшнымъ сумбуромъ въ головѣ относительно происходящаго, въ связи съ Дегаевымъ. Что онъ оговаривалъ, у меня не оставалось никакихъ уже сомнѣній. Я былъ увѣренъ, что аресты офицеровъ въ Кронштадтѣ, Одессѣ, Тихановича въ Кіевѣ—его дѣло. Но кромѣ полной увѣренности въ его предательствѣ, въ томъ, что онъ выдаетъ, я, несмотря на странность побѣга, фиктивность котораго прямо мною была почти угадана,—все же не могъ прійти къ опредѣленному какому-нибудь выводу. Съ нетерпѣніемъ я ждалъ, что меня позовутъ на допросъ. Но имѣя свѣдѣнія изъ Одессы, что я не даю показаній, очевидно съ этимъ не спѣшили. Я просидѣлъ въ крѣпости 4 мѣсяца, какъ бы совсѣмъ забытый. Повидимому это было педагогической мѣрой, въ нѣкоторомъ родѣ. Все это время я проникался стильностью режима въ Трубецкомъ рavelинѣ. На первыхъ же порахъ, вслѣдствіе внезапности отъѣзда изъ Одессы, въ крѣпости мнѣ пришлось бѣдовать безъ табаку, безъ чаю и т. д., такъ какъ я пріѣхалъ безъ денегъ. И на первыхъ же порахъ я получилъ дисциплинарное возмездіе. Я былъ сразу посаженъ во второмъ этажѣ рядомъ съ только что тогда (въ началѣ апрѣля 1883 г.) приговореннымъ къ смертной казни, Теллаловымъ. Объ этомъ я узналъ сейчасъ же, начавши перестукиваніе съ нимъ. Узналъ отъ него о всемъ процессѣ¹⁾! Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, персговариваясь съ нимъ, все время, особенно ночью, я былъ въ постоянной тревогѣ, что вотъ придутъ его брать на казнь. И вотъ, однажды, въ 3 часа утра, заслышавъ какой-то шумъ въ корридорѣ, я вскочилъ и подбѣжалъ къ стѣнкѣ Теллалова стучать. Отвѣтъ, что онъ тутъ, я получилъ, но... меня въ

¹⁾ Процессъ 17 лицъ: Юрій-Богдановичъ, Буцевичъ, Корба, С. Златопольскій и др.

глазѣкъ усмотрѣли и чрезъ какія нибудь 10 минутъ входятъ съ стереотипнымъ: «Пожалуйте!» Повели меня въ нижній этажъ, помѣстивши такъ, что я не имѣлъ сосѣдей для перестукиванія. Кромѣ того, возмездіе дополнилось лишеніемъ прогулки вплоть до 15 мая, дня коронаціи, когда я былъ «помилованъ» и отвѣденъ вновь на 2-ой этажъ. Только въ іюнѣ я узналъ отъ новаго сосѣда, что Теллаловъ и 5 его товарищей были «помилованы» только по окончаніи коронаціи... Сосѣдей по общему дѣлу у меня все не было, и я ничего новаго не могъ узнать. Перестукиваться, хотя съ рискомъ получать возмездіе въ видѣ лишенія книгъ, прогулки вплоть до карцера, можно было, но мнѣ не удавалось устраивать цѣпь разговоровъ отъ одного заключеннаго къ другому и дальше. Это потому, что попадались такіе, которые не умѣли стучать; иные учились этому искусству; иные не хотѣли просто стучать; наконецъ, часто разсаживали такъ, что не бывало сосѣдей. За 19 мѣсяцевъ пребыванія въ крѣпости до суда и послѣ него я мѣсяцевъ 8 не могъ бесѣдовать, а стало быть и узнавать что бы то ни было. Помнится, какъ я сильно хотѣлъ того или другого изъ товарищей по дѣлу имѣть сосѣдомъ. Особенно мнѣ хотѣлось знать что и какъ Тихановичъ. Эта жертва предательства меня въ особенности занимала: меня прямо угнетала мысль, что Дегаевъ погубилъ и этого человѣка. А. П. Тихановичъ не былъ вполне партіоннымъ человѣкомъ еще за полгода до катастрофы. Въ качествѣ офицера одного изъ полковъ въ Кіевѣ онъ бывалъ въ караулѣ и въ тюрьмѣ. Бывая и въ политическомъ отдѣленіи тюрьмы, онъ интересовался политическими, не имѣя, конечно, возможности познакомиться даже. Вообще, это былъ офицеръ интеллигентный съ радикальнымъ оттѣнкомъ; вращался среди интеллигентной молодежи и въ самое послѣднее время сталъ искать связей съ революціонерами. Я жилъ тогда въ Кіевѣ, зналъ нѣсколькихъ офицеровъ, въ средѣ которыхъ начали возникать планы объ организаціи кружка и о присоединеніи къ военной организаціи «Нар. Воли», но среди нихъ не было Тихановича. Однажды, приблизительно въ маѣ 82 г. ко мнѣ обратилась одна курсистка и стала говорить о Тихановичѣ, вообще, а потомъ вскорѣ прямо сказала, что Тихановичъ, прослышавъ о кіевской организаціи Нар. Воли, желаетъ съ кѣмъ-либо познакомиться по дѣлу. Послѣ разныхъ переговоровъ, изъ которыхъ видно стало, что Тихановичъ желаетъ непосредственно видѣться со мной, я видѣлся съ нимъ и на первомъ же свиданіи узналъ нѣчто чрезвычайное: онъ прямо мнѣ заявилъ, что въ качествѣ начальника караула въ тюрьмѣ онъ очень легко и безъ всякаго для себя риска можетъ освободить политическаго заключеннаго. Я возражалъ, не вѣря, чтобъ не было риска; указывалъ, что въ Кіевѣ нѣтъ столь сильно обвиняемыхъ, чтобъ при неудачѣ стоило такъ сильно отвѣчать, ему офицеру, вѣдь, предстоитъ несомнѣнный смертный приговоръ. Онъ настаивалъ на полной увѣренности въ отсутствіи риска и тутъ

же сказалъ, что желаетъ освободить, именно, Вас. Гр. Иванова, тогда привлеченнаго къ дѣлу въ Кіевѣ. На мой вопросъ, почему, именно, Иванова, а не другого кого, онъ отвѣтилъ, что, конечно, если находятъ нужнымъ кого-либо другого, то онъ ничего противъ не имѣетъ, но лично онъ хотѣлъ бы Иванова освободить, п. ч. Ивановъ очень ему понравился... въ тюрьмѣ! Я общалъ ему сообщить обо всемъ Иванову, такъ какъ, вѣдь, въ сущности мы не знаемъ, желаетъ-ли Ивановъ бѣжать. Онъ согласился ждать.—Дѣло В. Иванова было не очень серьезнымъ. Его обвиняли въ пропагандѣ и агитаціи среди рабочихъ. Были улики, т. к. его оговорилъ, если не ошибаюсь, рабочій Петлецькій. Ивановъ былъ арестованъ въ то время, когда на всемъ югѣ прямо свирѣпствовалъ генераль Стрѣльниковъ, назначенный осенью 81 года чѣмъ-то вродѣ главнаго слѣдователя по политическимъ дѣламъ. Пока живъ былъ Стрѣльниковъ, дѣло Иванова могло принять и худой оборотъ. Стрѣльниковъ сильно не взлюбилъ Иванова за недачу показаній и за то, должно быть, что Ивановъ не очень испугался грознаго генерала, пускавшаго въ ходъ, какъ въ большинствѣ случаевъ, и съ Ивановымъ такіе, напр., приемы застрашиванія, какъ картинное изображеніе, какъ Ивановъ будетъ на висѣлицѣ высовывать языкъ и хрипѣть! При этомъ Стрѣльниковъ самъ высовывалъ языкъ и хрипѣлъ!! Бывали случаи, когда при такомъ драматическомъ искусствѣ генерала дамы, родственницы заключенныхъ, падали въ обморокъ, но съ Ивановымъ этого не было. Не больше успѣха имѣли и архитектурные способы, къ коимъ прибѣгалъ для разнообразія Стрѣльниковъ, приказывая воздвигать эшафотъ передъ окномъ камеры Иванова!—Но послѣ смерти Стрѣльникова¹⁾ выяснилось, что дѣло Иванова закончится въ административномъ порядкѣ, и ему грозила ссылка въ Вост. Сибирь на 5 лѣтъ.—Какъ я и ожидалъ, Ивановъ отвѣтилъ, что не хочетъ подвергать Тихановича риску быть повѣшеннымъ изъ-за того, что ему придется идти въ Сибирь, откуда онъ сумѣетъ бѣжать безъ этого. Тихановичъ продолжалъ упорно настаивать на томъ, что онъ ничѣмъ не рискуетъ, что дѣло будетъ обдѣлано такъ, что несомнѣнно все останется, что называется, «шито-крыто». Онъ прибавилъ, чтобъ я предоставилъ ему лично списаться съ Ивановымъ, убѣдить Иванова въ полной гарантіи и т. п. Кончилось тѣмъ, что Ивановъ согласился, и былъ выработанъ слѣдующій планъ. Съ помощью ключа, сдѣланнаго рабочимъ изъ организаціи по слѣпку замка камеры Иванова, доставленному Тихановичемъ, этотъ послѣдній въ назначенный день, находясь въ тюрьмѣ въ караулѣ, отворитъ камеру Иванова, а затѣмъ отворитъ и ворота тюрьмы. Надзиратель корридорный Ивановымъ долженъ быть угощенъ чаемъ съ примѣсью такой дозы морфія, что обязательно

¹⁾ Убитъ 18-го марта 82 г. въ Одессѣ Желваковымъ при помощи Ст. Хатурина. Оба были казнены 22 марта 82 же года.

заснетъ. Надзиратель же во дворѣ долженъ былъ быть отвлеченъ Тихановичемъ, и въ моментъ прохода Иванова между корпусомъ и воротами долженъ былъ, по приказанію Тих—ча, пойти въ отдаленный уголъ тюремнаго двора узнать, почему-де тамъ шумъ. Часовыхъ солдатъ внутри тюремной ограды не полагалось. Внѣшнихъ часовыхъ Тихановичъ издавна приучилъ къ тому, что выходилъ за ворота ночью и посылалъ часового, который у воротъ, дойти до угла для провѣрки, не спитъ-ли другой часовой по другую сторону. Также приучилъ своего фельдфебеля къ тому, что ночью ключи отъ воротъ держалъ у себя, не отдавая ихъ фельдфебелю; его караулъ привыкъ и къ тому, что Тихановичъ по ночамъ обходилъ дворъ тюрьмы.

Когда все было готово въ послѣднихъ числахъ іюня, была сдѣлана попытка, но неудачно: ключъ былъ плохо сдѣланъ и не подошелъ! Я почти всю ночь даромъ простоялъ на условленномъ мѣстѣ для встрѣчи Иванова, а на другой день, когда видѣлся съ Тихановичемъ, онъ рвалъ и металъ, ругая нашихъ рабочихъ, которые не умѣютъ сдѣлать ключъ и т. д. Отъ Иванова же пришла ужасная записка, въ которой онъ отрекался отъ всего, говоря о томъ, что онъ испытывалъ, слыша, какъ долго и шумно возился Тихановичъ съ замкомъ, забывъ о надзирателѣ, хотя и спавшемъ крѣпко подъ дѣйствіемъ морфія, но тѣмъ не менѣе представлявшемъ страшную опасность! Пошли новыя препирательства съ Тихановичемъ, который теперь еще больше во что бы то ни стало хотѣлъ это повторить и новымъ ключемъ. Ивановъ ни о чемъ и слушать не хотѣлъ. Послѣ долгихъ убѣжденій Тихановича, онъ, наконецъ, согласился, но поставилъ свои условія: изъ камеры онъ выйдетъ собственными усиліями, проломавъ въ печи проходъ, а въ ворота его выпустить Тихановичъ. И послѣдній, и я не вѣрили этому и думали, что Ивановъ хочетъ просто отдѣлаться. Но онъ просилъ, чтобъ ему прислали большой ножъ, которымъ онъ будетъ орудовать надъ кирпичами въ печкѣ. Ножъ этотъ Тихановичъ зарылъ во дворикъ политическихъ, въ которомъ Ивановъ прогуливался въ одиночествѣ. Ему было запиской сообщено, гдѣ онъ долженъ найти ножъ, который онъ и извлекъ. Камера Иванова находилась въ углу корридора. Дверцы печки были не на самой стѣнѣ корридора, т. е. не на поверхности стѣны, а вродѣ, какъ въ нишѣ. Такимъ образомъ, проломъ вокругъ дверецъ не могъ быть виднымъ въ корридорѣ. Это было благоприятнымъ условіемъ. Новая попытка была назначена на ночь съ 16 на 17 августа, день дежурства караула Тихановича. На этотъ разъ морфію понадобилось больше, такъ какъ кромѣ надзирателя, какъ въ прошлый разъ, нужно было напоить чаемъ офицера, дежурнаго по всѣмъ карауламъ, который, благодаря близости къ лагерю тюрьмы, избралъ ее мѣстомъ для ночевки. Для большей вѣрности Тихановичъ оставшійся чай отдалъ и фельдфебелю. Ивановъ же сталъ ломать у себя въ камерѣ печь и къ 2 часамъ ночи добрался до дверецъ, которыя вынулъ съ мѣста, а выйдя потомъ

поставилъ на мѣсто. Раньше этого онъ погасилъ огонь въ камерѣ, что должно было служить знакомъ для Тихановича. Ночной сторожъ во дворѣ, какъ оказалось, спалъ. Ивановъ прошелъ мимо него къ будкѣ, стоявшей между двумя воротами, одѣлъ приготовленный костюмъ, встрѣтился съ Тихановичемъ, который предъ этимъ отдалилъ фасаднаго часового за воротами,—и вышелъ. Черезъ полчаса мы горячо обнимались на берегу Днѣпра. При этомъ Ивановъ мнѣ показывалъ, и хохоталъ, бѣлье окрашенное кровью и разодранные немного бока. Дѣло въ томъ, что въ отверстіи, очень узкомъ, въ печкѣ ему пришлось изгибаться чуть-ли не подъ прямымъ угломъ. Когда утромъ установили исчезновеніе Иванова, въ тюрьму явилась жандармерія, прокуроръ и пр. Сразу рѣшили, что проломъ въ печкѣ сдѣланъ для отвода глазъ; заставили 15-лѣтняго арестанта пролѣзть въ отверстіе; это парню не удалось сдѣлать. Стали производить слѣдствіе. Караулъ, солдаты и фельдфебель показали, что ничего не замѣтили, что всю ночь все было спокойно и нормально. Нашелся уголовный арестантъ, который подъ присягой показалъ, что видѣлъ, какъ надзиратель ночной, выводилъ Иванова въ красной рубахѣ (?) за ворота. Этотъ надзиратель за свою жестокость былъ ненавидимъ уголовными. По случаю при обыскѣ у этого надзирателя находятъ крупную сумму денегъ. Подозрѣніе пало на него и другихъ двухъ надзирателей. Ихъ, неизвѣстно ужъ, на основаніи какихъ юридическихъ данныхъ, судятъ въ ноябрѣ военнымъ судомъ, который выноситъ обвинительный приговоръ за заранее предумышленный планъ освободить Иванова и осуждаетъ двоихъ изъ нихъ къ пяти годамъ каторги!! третьяго же оправдалъ. Тихановичъ оказался больше нежелать правъ, что все останется про него шито-крыто. Но такой оборотъ дѣла, какъ осужденіе невинныхъ надзирателей, былъ такъ неожиданъ, что Тихановичъ на первыхъ порахъ чуть не надѣлалъ глупостей. Онъ потерялъ покой. Его мучила судьба надзирателей, и стоило большихъ усилій отвадить его отъ бывшаго у него намѣренія заявиться и сознаться. Ивановъ въ свою очередь очень волновался и хотѣлъ выступить въ газетахъ съ письмомъ, въ которомъ объяснялъ, что надзиратели невиновны. Но газеты, помѣстившія противъ Иванова и революціонеровъ разносныя статьи, не пожелали или не могли помѣстить письмо Иванова. Въ мартѣ 83 г., когда арестованъ былъ Тихановичъ, осужденные надзиратели были уже въ Одессѣ, откуда должны были въ мартѣ же быть отправленными на Сахалинъ. Но послѣ ареста Тихановича состоялось высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ надъ ними приговора, и ихъ оправдали. Тихановичъ же, конечно, все про себя призналъ. Меня поразило это предательство Дегаева потому, что это дѣло было какъ бы отдѣльнымъ эпизодомъ, внѣ связи со всѣми дѣлами, о которыхъ Дегаевъ, разъ начавши говорить, съ трудомъ могъ умолчать. Объ этомъ дѣлѣ, казалось, онъ могъ-бы умолчать, не нарушая, такъ сказать, цѣльности откритій, которыя онъ дѣлалъ. Да онъ по этому поводу въ подро-

ности и не входилъ. О моемъ, напр., прикосновеніи къ этому дѣлу ровно ничего не стало пзвѣстнымъ. Кромѣ того, вообще были нѣкоторые случаи, когда Дегаевъ кое о чемъ или кое о комъ прямо таки не сообщалъ. Извѣстны случаи, когда онъ того или другого, котораго онъ не хотѣлъ называть, заставлялъ уѣхать за-границу. Такъ было по слухамъ, не знаю ужъ насколько достовѣрнымъ, съ Карауловымъ, Чернявской. На судѣ Тихановичъ подтверждалъ все въ томъ видѣ, какъ дѣло изложено въ обвинительномъ актѣ, несмотря на массу неточностей, которыя имѣются въ немъ. Словомъ, Тихановичъ совсѣмъ не защищался, держась безукоризненно, несмотря на то, что во время суда уже былъ психически больнымъ человекомъ. Тѣмъ не менѣе онъ по «помплованію» былъ посаженъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ и окончилъ дни свои.

Только во второй половинѣ іюля, на пятomъ мѣсяцѣ, я впервые былъ вывезенъ изъ крѣпости на допросъ. На этотъ разъ мнѣ прочитали, безъ ссылокъ на источникъ, рассказъ о томъ, какъ въ декабрѣ 82 г. я съ Дегаевымъ въ Одессѣ на квартирѣ М. Ю. Ашенбреннера имѣли бесѣду съ вызванными изъ Николаева двумя офицерами съ цѣлью предложенія имъ отъ имени организациі выступить изъ военной организациі и взять на себя спеціальныя дѣла. Въ рассказѣ были изложены подробно всѣ переговоры и все происходившее на собраніи. Я, уже зная, что Дегаевъ и не о такихъ вещахъ говоритъ, не могъ приписать сообщеніе объ этомъ собраніи кому-либо другому, кромѣ него. Къ тому же въ освѣщеніи многихъ сторонъ этихъ переговоровъ я могъ узнать, именно, Дегаева, такъ какъ по поводу одного изъ этихъ офицеровъ, не проявлявшаго особеннаго желанія согласиться на предложеніе, у меня съ Дегаевымъ возникли нѣкоторые пререканія. Онъ стоялъ на необходимости не стѣсняться и обзывать въ такихъ случаяхъ, основываясь на всей строгости устава военной организациі, не допускавшаго неподчиненія...

По окончаніи чтенія меня спросили, что я имѣю на это сказать. Я отвѣтитъ, что ничего. Меня отвезли вновь въ крѣпость, гдѣ до февраля 84 г. я опять пребывалъ безвыѣздно. Впрочемъ, кажется, въ этотъ періодъ, однажды, прокатился въ фотографію на Моховую улицу, гдѣ еще разъ сняли съ меня карточку. Не смотря на все однообразие сидѣнія въ крѣпости, эти поѣздки не были пріятнымъ развлеченіемъ. Приходилось сидѣть въ тѣсной каретѣ съ 2 жандармами и офицеромъ, при закрытыхъ окнахъ и опущенныхъ шторахъ. Одинъ изъ жандармовъ укладывалъ свои ноги такъ между дверью кареты и моими ногами, что я, однажды, спросилъ офицера, требуется ли по инструкціи, чтобы жандармъ мнѣ все время давилъ на ноги. Тотъ обругалъ жандарма за недостатокъ деликатности, которую онъ въ такомъ тѣсномъ пространствѣ при такихъ благихъ цѣляхъ проявить не могъ. Офицеръ же, очевидно, для противовѣса жандармскому запаху извлекалъ свой платокъ, пропитанный одуряющими духами. Эта духота, жара дѣлала поѣздку въ каретѣ очень мало пріятной; я

всегда былъ золъ и раздраженъ и не поощрялъ офицера въ его словоохотливости. Въ февралѣ 84 г., наконецъ, призвали на допросъ въ такъ называемое «зданіе комиссіи» возлѣ Трубецкого равелина. Въ большомъ залѣ со сводами, недалеко отъ клѣтокъ для свиданій, застѣдала большая группа «слѣдователей», прокуроровъ съ генераломъ Середой во главѣ. На этотъ разъ дѣло носило торжественный характеръ. Мнѣ пришлось въ клѣткѣ для свиданій пережить. Я слышалъ, какъ увели кого-то изъ зала, повидимому, судя по походкѣ, даму. Потомъ ввели меня въ залъ. Мнѣ предъявили сначала одну бумагу, подписанную Дегаевымъ. Это было его первое показаніе въ Одессѣ. Спросили, дегаевскіе-ли это почеркъ и подписи. Я сказалъ, что почерка Дегаева не знаю, а подписи вижу. Тогда, предъявивъ мнѣ цѣлую тетрадку, спросили, не нахожу-ли я, что тетрадка написана той же рукой, что и та бумага за подписью Дегаева. Я сказалъ, что, дѣйствительно, почеркъ одинъ и тотъ же. Тогда мнѣ сказали, что будутъ читать изъ тетрадки относящееся ко мнѣ. Началось чтеніе о моемъ первомъ знакомствѣ съ Дегаевымъ въ Харьковѣ, на такой-то улицѣ, у того-то на квартирѣ, о всѣхъ разговорахъ бывшихъ при этомъ и т. д., и т. д. Читали порядочно времени, желая показать больше, чѣмъ достаточно, что Дегаевъ сказалъ рѣшительно обо всемъ. Я слушалъ очень внимательно. Но вотъ, при перелистываніи читавшимъ для отысканія новыхъ мѣстъ, до меня имѣющихъ отношеніе, генералъ остановилъ чтеніе и обращается ко мнѣ съ вопросомъ: «ну, что вы имѣете на это сказать?» Я отвѣчалъ, что на это сказать ничего не имѣю. Онъ воскликнулъ громко: «Какъ? даже теперь?» Я отвѣтилъ, что не вижу причинъ, почему, именно, теперь я могу имѣть сказать больше, нежели раньше. Добжинскій тутъ началъ мнѣ что-то говорить, но генералъ говорить офицеру, меня сопровождающему: «увести». И меня уводятъ назадъ. Это былъ послѣдній вызовъ. Съ февраля по сентябрь, когда врученъ былъ обвинительный актъ, больше нигде не вызывали. Въ мартѣ у меня оказался новый сосѣдъ, молодой Степуринъ (офицеръ), братъ того тоже офицера Степурина, который покончилъ съ собою въ 84 г. въ предварилкѣ. Послѣ большихъ трудовъ, понесенныхъ мною для обученія его перестукиванію, я былъ сильно вознагражденъ: онъ мнѣ сообщилъ такую массу новаго обо всемъ, что происходило въ 83 году въ связи съ Дегаевымъ, объ убійствѣ Судейкина и т. д., что только тогда мнѣ все стало яснымъ и всѣ недоумѣнія окончились. Прошло послѣ того еще пять мѣсяцевъ одиночнаго заключенія. Половина этого времени у меня была занята леченіемъ отъ цынги. Мѣсяца полтора я не могъ ходить, не могъ разогнуть одну ногу, на которой долго была громадная опухоль съ язвой. Лечили меня съ нѣкоторымъ усердіемъ, которое цѣликомъ, впрочемъ, выражалось въ томъ, что мнѣ разрѣшено было на свой счетъ улучшить пищу, при чемъ брали съ меня 1 р. за цыпленка и т. п. Каждый день посѣщали врачъ, извѣстный Вильмсъ. Все же эти заботы для крѣпости были

необычны и потому я ихъ объяснилъ тѣмъ, что нужно было, чтобъ я къ сентябрю былъ здоровъ для суда. Оригинальную полемику мнѣ пришлось вести съ Вильмсомъ съ одной стороны и съ Лѣсникомъ (смотрителемъ бастіона) съ другой. Впервые осматрѣвъ ногу со скорбутомъ, Вильмсъ при Лѣсникѣ изволилъ воскликнуть: «это удивительно! 20 лѣтъ служу въ крѣпости, и это первый случай цынги!» Я ему на это отвѣтилъ: «Вы, должно быть, это же говорили и Ширяеву, умершему въ равелинѣ отъ цынги, и теперь говорите то же въ такихъ-то и такихъ-то номерахъ бастіона больнымъ цынгой!» Вильмсъ опѣшилъ, но Лѣсникъ, побагровѣвъ отъ подозрѣнія, что я какимъ-то манеромъ узналъ такія конспираціи, накинулся на меня: «Вы какъ можете знать что въ такихъ-то номерахъ?!» Видно было, что я попалъ въ самую точку! Я ему сказалъ: «успокойтесь! въ корридорѣ на окнахъ противъ такихъ-то номеровъ стоятъ бутылки съ желѣзомъ, такія же, какую вы поставили на окнѣ противъ моей двери вчера!» Когда я сталъ выходить на прогулку при помощи жандармовъ, ковыляя на одной ногѣ, я больше не видѣлъ бутылей на окнахъ въ корридорѣ. Съ Лѣсникомъ пришлось препираться еще. Вильмсъ велѣлъ, чтобъ я гулялъ по часу, чтобъ скорѣе расправить ногу и, вообще, выздоровѣть. Я заявилъ, что, гуляя по часу, я лишу другихъ прогулки обычной въ 10 минутъ. Это вызвало дѣлую бурю, потому что я объяснилъ, что знаю, что всего дня не хватаетъ для обычной прогулки всѣхъ при данномъ количествѣ заключенныхъ. Зналъ же я объ этомъ весьма просто: когда не хватало времени для прогулки всѣхъ, то приходилось гулять не каждый день подрядъ. Но полковникъ Лѣсникъ опять проявилъ плохую сообразительность и пришелъ въ ужасъ: мнѣ извѣстны такія ужасныя тайны! Онъ сталъ кричать, что не можетъ же онъ мнѣ доказывать, что я могу часъ гулять, показываніемъ списковъ: «за это, вѣдь, я подъ судъ пойду!ль!» Кончилось тѣмъ, что я согласился гулять по полчаса, когда узналъ по стуку, что 3 августа весь нижній этажъ каторжанъ былъ увезенъ. Выйдя на прогулку, я видѣлъ, дѣйствительно, внизу всѣ двери казематовъ растворенными. Уже послѣ суда въ Москвѣ я узналъ, что 3 августа, изъ Трубецкого равелина перевезли каторжанъ въ Шлиссельбургъ.

Къ началу сентября, когда я сталъ уже свободно ходить, и язва на ногѣ закрылась, я былъ обращенъ въ «первобытное состояніе», т. е. меня лишили молока и всѣхъ другихъ привилегій цынготнаго. 11-го же сентября вызвали для врученія обвинительнаго акта и объявленія о томъ, что судъ будетъ 24 сентября. На вопросъ объ защитникѣ изъ присяжныхъ повѣренныхъ я сказалъ, что такового имѣть желаю.

Вернувшись въ камеру, я съ любопытствомъ сталъ читать обвинительный актъ. Не могу передать о томъ, какъ я былъ удивленъ, увидѣвъ, что о показаніяхъ Дегаева въ актѣ нѣтъ ни слова, и что я обвиняюсь только въ устройствѣ типографіи! На

другой день въ крѣпость ко мнѣ пришелъ мой защитникъ, прис. пов. Макалинскій, съ которымъ я, наединѣ, видѣлся въ «зданіи комиссій». Когда онъ узналъ отъ меня обо всемъ, онъ также крайне удивился тому, что въ актѣ отсутствуютъ обвиненія по показаніямъ Дегаева, и взялся разсмотрѣть все томы дѣла (ихъ оказалось 30 т.т.), чтобы убѣдиться, что ихъ и тамъ нѣтъ. На второмъ свиданіи въ крѣпости онъ мнѣ сообщилъ, что и во всехъ томахъ дѣла о Дегаевскихъ показаніяхъ нѣтъ ничего. Тогда онъ сталъ мнѣ говорить, что мнѣ предстоитъ лишь поселеніе; что онъ будетъ доказывать непримѣнимость 249 ст. улож. о нак.; хотѣлъ, чтобъ я все и на судѣ отрицалъ. Я съ этимъ не согласился и сказалъ, что я рѣшилъ, разъ ужъ попалъ подъ военный судъ, держаться другой системы: признать и принадлежность къ Народной Волѣ, и все обвиненія въ предѣлахъ обвинительнаго акта съ опроверженіемъ, конечно, лишь того вздора, который тамъ имѣется въ видѣ свѣдѣній неточныхъ, вродѣ того, что я получалъ прифѣтъ на свое имя и т. п. Послѣ долгихъ споровъ Макалинскій съ этимъ долженъ былъ примириться, а также съ моимъ протестомъ противъ того, чтобы онъ, какъ того желалъ, говорилъ на ту тему, что, молъ, я разъ былъ уже невинно сосланъ, что это де молъ меня озлобило, и что этимъ, молъ, объясняется моя принадлежность къ партіи! Все наши соглашенія были обоими нами выполнены на судѣ точно, и Макалинскій въ отношеніи меня, да и въ отношеніи Штромберга, говорилъ лишь о томъ, что нѣтъ никакихъ данныхъ для примѣненія къ намъ 249 ст. за принадлежность къ партіи. Не все защитники вели себя такъ солидарно съ желаніями подсудимыхъ.

22 сентября меня перевезли изъ крѣпости въ домъ предварительнаго заключенія, а 24-го начались засѣданія суда, состоявшаго, кромѣ предсѣдателя и судьи, изъ четырехъ гвардейскихъ полковниковъ разныхъ родовъ оружія. Кромѣ уже указанныхъ эпизодовъ, на судебномъ слѣдствіи не было ничего болѣе любопытнаго. Монотонно-скучно читались секретаремъ многочисленныя показанія свидѣтелей, которые показывали, что въ предъявленной имъ карточкѣ такого-то они, молъ, узнаютъ посѣщавшаго такого-то и другія столь-же цѣнныя данныя. Подсудимые облегчали дѣло, очень мало опровергая и не препираясь. Рѣчь прокурора была также не изъ завзятыхъ; взывалъ онъ, конечно, къ смертной казни, но особенной свирѣпости имъ не было проявлено. Были вышады сомнительнаго качества, какъ, напр., сказанное имъ о В. Н. Фигнеръ. Дескать удивляться надо, какъ такая женщина, какъ Фигнеръ, дворянскаго происхожденія, съ образованіемъ и т. п. «могла жаждаť крови!» Или укоръ по моему адресу, что я проявилъ въ отношеніи правительства «неблагодарность»! Правительство меня возвратило изъ первой ссылки, а я, молъ, опять сталъ участвовать въ революціонномъ движеніи.

Изъ защитниковъ говорилъ первымъ прис. пов. Леонтьевъ 2-ой. Его рѣчь была и необыкновенно кратка, и необыкновенно сильна.

Это не защитительная рѣчь. Онъ началъ съ того, что ему, какъ защитнику, сказать нечего. Его кліентка сдѣлала все возможное для самообвиненія, сказавши о себѣ все наиболѣе тяжелое. Затѣмъ, переходя къ характеристикѣ личности Фигнеръ, онъ, по поводу словъ прокурора о «жаждѣ крови», сказалъ, что она принадлежитъ къ натурамъ, которыя «такъ страстно любятъ правду, что во имя этой любви къ правдѣ, во имя осуществленія идеаловъ правды не могутъ остановиться и предъ необходимостью пролитія крови. Что до приговора, который ожидаетъ Фигнеръ, то я долженъ заявить, что она не ждетъ и не желаетъ «ни милости, ни снисхожденія».

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе, какъ на гвардейскихъ судей, такъ и на многочисленныхъ слушателей изъ «публики», довольно своеобразной: она состояла исключительно изъ чивовъ прокуратуры, департамента полиціи, главнаго тюремнаго управленія и т. д. Временами появлялись министры: Набоковъ (юстиціи) и Д. Толстой (внутр. дѣлъ).

Рѣчи другихъ защитниковъ не представляли ничего особенно любопытнаго.

У Н. Д. Похитонова былъ защитникомъ Мазаракій 2-ой по назначенію. По желанію же отца его выступилъ въ качествѣ защитника также и прис. пов. Добровольскій. Этотъ добровольный защитникъ доставилъ Похитонову нѣсколько неприятныхъ минутъ. Онъ началъ съ дифирамбической характеристики отца Похитонова, генерала. Воздавъ хвалу его превосходительству Данилу Даниловичу, защитникъ сталъ передавать суду очень подробно о своемъ удивленіи и ужасѣ, когда онъ узналъ, что, вотъ, сынъ почтеннѣйшаго Данилы Даниловича принадлежитъ къ революціонной организаціи! До сихъ поръ онъ только вызывалъ смѣхъ у подсудимыхъ. Но вотъ, онъ перешелъ къ характеристикѣ партіи и ея дѣятелей. Тутъ онъ, видимо, совершенно незнакомый съ тѣмъ, о чемъ сталъ говорить, счелъ нужнымъ для защиты и обѣленія своего кліента по возможности сильнѣе очернить партійныхъ дѣятелей. Онъ сталъ доказывать, что нельзя вѣрить показанію Желябова о военной организаціи: «Желябовъ, г.г. судьи, хвастунъ и говоритъ неправду». Но судьямъ дальше не довелось дослушать Добровольскаго, ибо Похитоновъ, возмущенный всей рѣчью его, вызывавшей и смѣхъ, и негодованіе товарищей, тутъ нашелъ нужнымъ потребовать, чтобъ Добровольскій прекратилъ свою защиту; тотъ недоумѣвалъ, почему Похитоновъ отказывается отъ нея?..

Выдающійся, хотя и специфическій интересъ — представляла рѣчь Спасовича, защитника Чемодановой. Спасовичъ болѣе другихъ принадлежалъ къ тому типу защитниковъ, которые для воздѣйствія на судъ, для оправданія подсудимаго-клиента не прочь этого кліента представить суду въ болѣе или менѣе раздѣланномъ подъ орѣхъ видѣ. И если не всегда отъ такого приема подсудимому чувствовалось хорошо, то часто Спасовичъ получалъ резуль-

таты блестящіе! Особенно удачнымъ оказался такой его пріемъ при защитѣ Л. Чемодановой. Какъ видно изъ данныхъ обвинительнаго акта, Чемодановой предъявлялось обвиненіе въ принадлежности къ партіи «Нар. Воли», что подтверждалось ея собственнымъ признаніемъ еще 3 марта 81 г., когда она была арестована при обыскѣ на квартирѣ Желябова и Перовской въ отсутствіи уже послѣднихъ. Далѣе послѣ побѣга изъ ссылки въ 83 г. Чемоданова была арестована въ Харьковѣ въ типографіи. При такихъ данныхъ обвиненія трудно было ожидать добрыхъ результатовъ отъ той тактики на судѣ, которую повелъ г. Спасовичъ. Все время на судѣ шла рѣчь объ абсолютной непартійности Чемодановой. Всѣ данныя въ рукахъ обвиненія являлись, такъ сказать, стеченіемъ массы случайностей, которые де и привели къ привлеченію Чемодановой къ дѣлу. Она же совершенно не партійный человѣкъ. Самое трудное, однако, было отразить такой доводъ прокурора, какъ собственное признаніе Чемодановой въ 81 году, что она членъ партіи «Нар. Воли».

Тутъ-то и выступилъ Спасовичъ во всеоружіи своего ораторскаго таланта. Началось съ историческаго очерка революціоннаго движенія съ начала 70-хъ годовъ. Говорилось объ этомъ толково, со знаніемъ дѣла и, главное, долго. Гипнотизація гвардейскихъ полковниковъ шла успѣшно. Мнѣ впервые приходилось слушать г. Спасовича и, можетъ быть, впервые тогда видѣлъ я, что людей можно убѣждать, что черное — бѣло или обратно! Наступилъ, наконецъ, рассказъ о 1-мъ марта 81 г. Удивительно сильная картина происходившаго въ Петербургѣ тогда. Характеристика допросовъ въ тѣ дни, какъ допросовъ инквизиціи. Деятельное разсмотрѣніе психическаго состоянія человѣка, захваченнаго въ эти дни на квартирѣ самихъ Желябова и Перовской. Словомъ, Чемоданова, вдругъ, неожиданно предстала предъ инквизиторами и ихъ вопросами. Она переживаетъ нѣчто экстра-ординарное; у нея мелькаетъ мысль: «пропадай все!» а затѣмъ признаніе: «Да! я членъ партіи «Нар. Воли»! Далѣе, сейчасъ же характеристика личности Чемодановой, какъ личности, какой хотите, только не могущей принадлежать къ партіи. Эта характеристика заканчивается восклицаніемъ: «г.г. судьи! посмотрите на эту Чемоданову!» (При этомъ распростертыя руки по направленію къ Чемодановой, пожатіе плечами и выразительно-презрительный взоръ!) — «Эта Чемоданова — членъ партіи Нар. Воли!??» Пауза, во время коей г.г. судьи взираютъ на *эту* Чемоданову и тутъ же приходятъ къ полному убѣжденію, что она не можетъ принадлежать къ партіи «Нар. Воли»!

Дѣйствительно, судъ въ приговорѣ нашель, что Чемоданова не принадлежитъ къ партіи «Нар. Воли», а къ другой, стремящейся къ ниспроверженію строя въ отдаленномъ будущемъ!.. Это нужно думать потому такъ судъ рѣшилъ, что въ рѣчи Спасовича говорилось не мало и о «Черномъ Передѣлѣ», вообще.

Тѣмъ не менѣе Л. Чемоданова была приговорена судомъ къ 4-мъ годамъ каторги, и лишь по конфирмаціи получилось поселеніе.

Нѣкоторые изъ подсудимыхъ отказались совсѣмъ отъ защитниковъ. Къ такимъ принадлежали В. Ивановъ, В. Чуйковъ и Л. Волкенштейнъ. Но они и сами не защищались: ихъ отношеніе къ суду было или вполнѣ индифферентное, или же отрицательное. Признавши вначалѣ принадлежность къ партіи, они далѣе уже не участвовали въ процессѣ.

Послѣднее слово подсудимымъ хотя и было дано, но только одна В. Н. Фигнеръ сдѣлала заставить себя выслушать. Какъ судьи, такъ и «публика» слушали съ необыкновеннымъ вниманіемъ, и предсѣдатель, насколько помню, ни разу не остановилъ. Всѣ попытки другихъ, особенно военныхъ, какъ Похитоновъ и Штромберга, были неудачны. Похитоновъ сталъ говорить о томъ, что онъ видѣлъ въ Болгаріи во время войны, и едва коснувшись рѣчи порядковъ въ арміи, малозаконныхъ дѣйствій начальства, былъ прерванъ съ требованіемъ не говорить на эту тему; но когда онъ перешелъ на новую тему о томъ, что мы, освободивъ Болгарію, дали ей конституціонное устройство, а сами обрѣтаемся подъ сѣнію самодержавія, то немедленно окончательно былъ лишенъ слова. Штромбергъ началъ о томъ, что крестьянская реформа была поведена не такъ, какъ было нужно... Предсѣдатель и это нашелъ преступнымъ и лишилъ и его слова. Послѣ этихъ неудачъ остальные подсудимые предпочли молчаніе.

На пятый день засѣданія суда, 28-го сентября вечеромъ былъ прочтенъ приговоръ: 8 подсудимыхъ, въ томъ числѣ В. Фигнеръ и Л. Волкенштейнъ — смертная казнь; 2 — безсрочная каторга; 1—20 лѣтъ каторги; 2—15 л. и 1—4 г. каторги.

Поразилъ своей суровостью и неожиданностью приговоръ въ отношеніи Людмилы Александровны Волкенштейнъ. Она только въ августѣ 83 г. пріѣхала изъ-за границы, гдѣ жила съ 1879 года. Пріѣхала она, какъ о томъ заявила, для вступленія въ «Нар. В.», но въ октябрѣ уже 83 же г. была арестована, не успѣвъ ни въ чемъ проявить себя. Тѣмъ не менѣе ей предъявлено было обвиненіе въ принадлежности къ «Нар. Волѣ». Обвиняли ее кромѣ того въ томъ, что она въ 79 году жила вмѣстѣ съ Зубковскимъ на конспиративной квартирѣ, въ которой скрывался послѣ убійства Харьковскаго губернатора, Крапоткина, Гольденбергъ (9 февраля 1879 г.). Зубковскій, судившійся въ 80 году также военнымъ судомъ въ Петербургѣ по процессу «Народной Воли» о 16 лицахъ, былъ присужденъ къ 20-ти-лѣтней каторгѣ. Такимъ образомъ оставалось неяснымъ, почему Л. Волкенштейнъ чрезъ 5 почти лѣтъ послѣ Зубковскаго по однородному совсѣмъ дѣлу была приговорена къ смертной казни. Впослѣдствіи и до сего времени я не имѣлъ случая узнать достовѣрно, не было-ли и въ дѣлѣ Л. Волкенштейнъ закулисной стороны въ видѣ связи съ «дегаевщиной».

1-го октября вечеромъ же пришлось еще послѣдній разъ пройти гуськомъ по лабиринтамъ, соединяющимъ домъ предварительнаго заключенія съ окружнымъ судомъ, для выслушанія при-

говора въ окончательной формѣ. Но юридическія тонкости насъ не интересовали, и мы всё, зная, что видимся послѣдній разъ, спѣшили наговориться. В. Н. Фигнеръ, получившая съ воли на свиданіи букетъ цвѣтовъ, дала ближайшему сосѣду отдѣльные цвѣты для передачи дальше всѣмъ товарищамъ. Всѣ получили по цвѣтку. При этомъ Рогачевъ по разсѣянности, должно быть, открыто подносилъ цвѣтокъ къ лицу. Онъ стоялъ на верхней скамьѣ и, какъ очень высокій, этимъ обратилъ на себя вниманіе: цвѣтокъ былъ усмотрѣнъ и, вотъ, среди «публики», стоявшей напротивъ, произошелъ переполохъ. Уже на другой день въ предварилкѣ я узналъ отъ самого начальника дома, Дорофьева, о томъ, какой жестокой нагоняй онъ получилъ отъ Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія. Онъ допустилъ «цвѣты въ тюрьму, гдѣ 8 человѣкъ приговоренныхъ къ смерти!». «Вѣдь они могли отравиться!» Тѣмъ не менѣе въ предварилкѣ три дня я сохранялъ цвѣтокъ удачно. Но я зналъ, что, когда перевезутъ вновь въ крѣпость, мнѣ никакъ не удастся припрятать его. Однако, когда повезли въ крѣпость, я спряталъ цвѣтокъ въ своихъ длинныхъ волосахъ, откуда онъ торжественно былъ извлеченъ при расчесываніи жандармомъ волосъ при обыскѣ въ казематѣ. На другой день, впрочемъ, я лишился и волосъ, въ которыхъ запрятывалъ цвѣтокъ.... Тогда же была прочтена «инструкція для временнаго пребыванія въ Трубецкомъ равелинѣ на положеніи каторжной центральной тюрьмы». Эта инструкція лишала книгъ, кромѣ духовно-нравственныхъ, свиданій, переписки, расходованія собственныхъ денегъ, а, стало быть, чаю, сахару, табаку и какого бы то ни было улучшенія пищи. Она предусматривала бритье головы, кандалы, кусокъ войлоку на полу вмѣсто койки; за дисциплинарный проступокъ тѣлесное наказаніе до нѣсколькихъ тысячъ, чуть-ли, не шпицрутеное и т. д. Въ ней же говорилось, что на такомъ положеніи осужденный просидитъ $\frac{1}{3}$ всего срока. Въ числѣ другого было и обязательное обращеніе всего персонала бастіона на «ты». Я выслушалъ эту «инструкцію» и крѣпко приготовился сидѣть такъ 5 лѣтъ, ибо былъ осужденъ на 15 лѣтъ. На этомъ «положеніи» я немедленно сталъ болѣть еще сильнѣе, нежели раньше, и на 7-й день этого режима не былъ въ состояніи уже что-либо ѣсть. Приходилъ Вильмсъ и на этотъ разъ ограничивался тѣмъ, что заявлялъ мнѣ о томъ, что пищевой режимъ этотъ для меня убійствененъ, и также о томъ, что онъ теперь не можетъ ничего подѣлать. Я спросилъ его, зачѣмъ же онъ ходитъ.—«А для того, чтобы... Вотъ, давать хининъ!!»—отвѣтилъ онъ. Прошло 2 недѣли, и по ночамъ я слышалъ частые прїѣзды кареты. Очевидно увозили многихъ. Еще дня черезъ два исчезъ ночью мой сосѣдъ Похитоновъ. Въ слѣдующую ночь вывезли и меня, но въ предварилку, гдѣ я изъ товарищей по процессу засталъ только Чуйкова и Чемоданову. Про остальныхъ я узналъ позже, что ихъ увезли въ Шлиссельбургъ.

А. Спандони.

Къ эпилогу заговора И. И. Сухинова ¹⁾.

Секретно.

Обрядъ казни.

Записка.

По которой нужно приуготовить нѣкоторыя вещи для извѣстнаго дѣла; и о прочемъ того касающемся.

Деревянной столбъ длиною повѣрхъ земли 2-арш. 12-ть вершковъ, въ землѣ одинъ аршинъ. Позади онаго отъ ямы должно въ колотить два кольца; отъ земли два аршина, и одно съ верхъ ихъ выше 6-ть вершковъ. Фигура.

Позади онаго въ двухъ аршинахъ должна быть вырыта яма въ землѣ глубиною какъ роютъ для могилы, а шириною чтобы тѣла шести человѣкъ могло помѣститься.

Нужно завтра по утру въ 9-ть часовъ ко мнѣ явится одному чиновнику, которой мнѣ покажетъ назначаемое Господиномъ начальникомъ мѣсто Екзекуціи, а я тамъ назначу гдѣ ставить столбъ и рыть яму.

¹⁾ Печатаемый документъ относится къ „обряду казни“, исполненной надъ товарищами декабриста И. И. Сухинова по такъ наз. „Зарентуйскому заговору“. По прибытіи на каторгу послѣ замѣны ему смертной казни зарентуйскими рудниками, Сухиновъ (см. т. I сбор. Богучарскаго „Госуд. прест. въ Россіи“. Изд. „Дон. Рѣчи“ стр. 64—67) задумалъ поднять возстаніе въ Сибири, начавши его съ зарентуйскаго рудника. Заговоръ былъ открытъ въ то время, когда въ немъ приняли уже участіе сотни лицъ. Шестеро изъ нихъ были приговорены къ разстрѣлію. Наканунѣ казни Сухиновъ покончилъ съ собою въ тюрьмѣ, а остальные 5 приговоренныхъ—Бочаровъ, Голиковъ, Бондаревъ, Птицынъ и Непомнящій,—были разстрѣляны на слѣдующій день. „Записка“ печатается нами съ сохраненіемъ не только „стиля“, но и орфографіи.

Ред.

Нужно построить смѣртныхъ шесть рубахъ бѣлаго холста, длиною чтобы не доходили земли четверть аршина, и столько широки, чтобы можно ихъ надѣвать съ верхъ всѣй одѣжды.—А такъ же шесть бѣлыхъ холщевыхъ платковъ для завязыванія глазъ.

И шесть веревокъ крепкихъ двухъ саженныхъ.

Во время езекуціи должно быть 6-ть человекъ ссыльныхъ, которые будутъ тѣла отвязывать, бросать ихъ въ яму, и зарывать.

Военной командѣ должно приготовить 100 боевыхъ патроновъ: дабы вѣсу пороху въ патронѣ не было больше двухъ золотниковъ—какъ на карабинъ такъ и на ружье. Должно поручить господину порутчику Рикю осмотреть ружья съ коихъ пятнадцать человекъ будутъ стрелять; поверить патроны по калибрамъ, дабы при зарѣжаній не было конфузіи есть ли патронъ невойдетъ въ дуло.

Военная команда для Езекуціи можетъ быть одѣта въ шинеляхъ, а повѣрхъ оныхъ аммуниція.

Арестанты которые есть въ оковахъ должны быть въ оныхъ приведены на мѣсто—а тамъ для наказанія будутъ по одному расковыряться, для чего нужно чтобы тамъ были майстеровыя съ инструментомъ.

Въ день назначенный для Езекуціи, нужно нарядить трехъ чиновниковъ, и четвертаго старшимъ;—ибо въ трехъ мѣстахъ разнымъ орудіемъ будутъ наказываться арестанты, хотя недалеко отдни от другихъ.

Для Езекуціи нужно хотя 20-ть человекъ служителей конныхъ, въ оруженныхъ ружьями заряженными, или луками и пиками, кон заступятъ цепь въ мѣсто жандармовъ.

Всѣ время до дня Езекуціи особливо въ последнюю ночь, должно усугубить надзоръ за арестантами, и если можно и прибавить караула—ибо они узнавши о приготовленіяхъ готовы решиться опять на что либо отчаянное.

(рукою Лепарскаго) О всѣмъ пояснѣннымъ покорнейше прошу Господина Начальника Нерчинскихъ заводовъ и кавалѣра не оставить кому слѣдуетъ приказать.

29-го ноября

Генералъ Маіоръ *Лепарскій*.

1828-го года.

ВЪ НЕВОЛѢ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Въ неволѣ»—разсказъ изъ жизни политическаго осужденнаго въ предварительной и каторжной одиночной тюрьмѣ, написанъ авторомъ его *Н. С. Джабадари* 20 лѣтъ тому назадъ (въ 1886 году). Въ надеждѣ помѣстить этотъ разсказъ въ какомъ либо изъ существовавшихъ въ то время легальныхъ журналовъ, авторъ придалъ ему безличную беллетристическую форму; но несмотря на такую форму, разсказъ этотъ нигдѣ не могъ быть помѣщенъ. Это и понятно; все, что рисуется тамъ, и потрясающія подробности каторжнаго быта, и бесѣды съ тюремщиками, не плодъ художественнаго воображенія автора, а реальная правда, настоящая правда жизни. Мы помѣщаемъ на нашихъ страницахъ этотъ разсказъ, какъ одну изъ характернѣйшихъ картинъ того Былого, которое такъ дорого намъ во всей его исторической правдѣ.

Три первыя главы этого разсказа относятся къ пребыванію автора въ С.-Петерб. Домѣ Предвар. Заключ., куда, послѣ двухлѣтняго предварительнаго заключенія въ московскихъ тюрьмахъ и Петропавловской крѣпости, онъ былъ привезенъ, въ февралѣ 1877 года передъ судомъ надъ нимъ (онъ осужденъ по процессу 50-ти) и оставался почти до отправки его въ каторжную тюрьму. Короткое пребываніе въ Литовскомъ Замкѣ передъ отправкой въ каторжную тюрьму оупущено авторомъ; оно ничѣмъ яркимъ не отпечатаѣлось въ его воспоминаніи. Конецъ III-й главы рисуетъ отправку автора изъ Петербурга и его путь по желѣзной дорогѣ до Харькова, откуда на почтовыхъ онъ былъ доставленъ въ Ново-Бѣлгородскую (Печенѣжскую) тюрьму. Всѣ остальныя главы относятся уже къ пребыванію его въ этой центральной каторжной Новобѣлгородской тюрьмѣ, куда онъ прибылъ 17-го октября 1877 года, а вывезенъ почти умирающимъ въ ноябрѣ 1880 года. Въ послѣднихъ строкахъ разсказа, на вопросъ ямщика, не на волю ли его везутъ, онъ отвѣчаетъ: «Да, на волю, на поселеніе»—но и эта «воля поселенія» оказалась для него несбы-

точной; его обманули и везли на вторичную каторгу на Кару, хотя по закону, считая 7 мѣсяцевъ за годъ, его срокъ одиночнаго заключенія въ каторжной тюрьмѣ въ то время былъ имъ оконченъ (авторъ осужденъ на 5 лѣтъ каторги на заводахъ).

Изъ лицъ, упоминаемыхъ въ разсказѣ — цирюльникъ, совершившій обрядъ бритья головы и заковки въ кандалы—отставной солдатъ Гуцъ; старшій, намѣревавшійся стрѣлять въ автора за попытку перекинуться словомъ съ товарищемъ заключеннымъ, Сиряковымъ—унтеръ-офицеръ Кирпичниковъ; второй старшій дѣлавшій подъ козырекъ голодающимъ—Чернякъ, смотритель завѣдывавшій тюрьмой—Грацилевскій.

Одновременно съ авторомъ въ Новобѣлгородской центральной каторжной тюрьмѣ содержались слѣдующіе политическіе осужденные: 1) Кордашевъ, 2) Здановичъ, 3) Циціановъ, 4) Сиряковъ, 5) Дьяковъ, 6) Герасимовъ, 7) Петръ Алексѣевъ, 8) Ревикій, 9) Кравченко, 10) Быдаринъ, 11) Боголюбовъ, 12) Долгушинъ, 13) Дмоховскій, 14) Виташевскій, 15) Кленовъ, 16) Свитычъ, 17) Мышкинъ, 18) Поповъ, 19) Плотниковъ, 20) Герасимовъ, 21) Александровъ, 22) Осиповъ, 23) Ионовъ. Въ другой тюрьмѣ (Андреевской) были заключены: 24) Коваликъ, 25) Войноральскій, 26) Муравскій, 27) Сажинъ, 28) Дмитрій Рогачевъ.

Ред.

ГЛАВА I.

Въ одной изъ тѣсныхъ одиночныхъ келій Петербургскаго дома предварительнаго заключенія въ ночь съ 5 на 6 апрѣля 1877 года, молодой человѣкъ, лѣтъ 24-хъ, шагаль съ монотоннымъ однообразіемъ маятника вдоль своей узкой клѣтки. По временамъ, когда чуткій слухъ его тревожили какіе нибудь звуки, гулко отдававшіеся среди царившей кругомъ тишины, онъ останавливался, точно чего-то ожидая, и нервно взглядывалъ на сторожевое оконце въ двери, смотрѣвшее на него холодно и безстрастно своимъ стекляннымъ глазомъ. Но минута протекла за минутой, эхо взбудившихъ его звуковъ замирало, и онъ опять принимался ходить прежними, длинными, мѣрными шагами. Чего онъ ждалъ, о чемъ онъ думалъ? Не роились-ли въ его головѣ фантастическіе планы бѣгства, мечты избавиться отъ тягостной неволи? Вѣдь въ это утро онъ только-что выслушалъ приговоръ, осуждавшій его на долгіе годы каторги! Нѣтъ, какъ это ни странно, но не о волѣ думалъ онъ. Инстинктъ свободы, жажда жизни, все это какъ бы заснуло въ немъ, подавленное суровой критикой пережитого. Въ яркихъ образахъ вставали передъ нимъ картины прошлаго. Всегда правдивый и строгій къ самому себѣ, онъ ясно видѣлъ теперь свои ошибки. Угаръ борьбы прошелъ, и тотъ червь анализа, который точилъ его подчасъ въ минуты раздумья

на волѣ, всецѣло вступилъ теперь въ свои права и завладѣлъ его мыслью и чувствомъ. Не принадлежа по природѣ къ типу авантюристовъ, онъ не могъ уже ринуться вновь на прежнюю дорогу, довольствуясь лишь внѣшнимъ обаяніемъ борьбы. Онъ чувствовалъ, что ему нужно снова много передумать, много взвѣсить, чтобы вступить опять твердой ногой въ жизнь. Сложная машина жизни казалась ему какимъ то безстрастнымъ *perpetuum mobile*, которое захватываетъ своимъ гигантскимъ колесомъ человѣческія существованія, не давая имъ вздоха. Чтобы не быть безслѣдно затертымъ въ этомъ роковомъ круговращеніи, думалось ему, мало вступить въ жизнь одушевленнымъ однимъ только непосредственнымъ чувствомъ добра, нужно вооружиться покрѣпче оружіемъ анализа и опыта. Вотъ почему перспектива долгой тюрьмы не страшила его; только тамъ, казалось ему, онъ найдетъ тотъ покой, ту школу мысли, какой не могла дать ему жизнь, рано зацѣпивъ его въ свой роковой круговоротъ. Ему хотѣлось одуматься, глубже анализировать основы жизни; а тамъ—на волѣ, подъ игомъ дикихъ, грубо-импонирующихъ фактовъ дѣйствительности, становишься рабомъ своего возмущеннаго чувства, тамъ умъ и логика смолкаетъ и жизнь человѣка молодого и чистаго становится сплошной картиной рефлексивныхъ судорогъ минутнаго протеста. Итакъ, онъ не рвался на волю, каторга не пугала его, а какъ бы манила.

Такъ размышляя, долго бродилъ онъ по камерѣ, не замѣчая какъ течетъ время; въ немъ зрѣла рѣшимость порвать надолго всѣ связи съ міромъ живыхъ, въ надеждѣ воскреснуть вновь болѣе могучимъ и сильнымъ. Въ этой борьбѣ съ самимъ собой первы его дошли до высшей степени напряженія; малѣйшій шумъ извнѣ, святотатственно нарушавшій могильную тишину его тюрьмы, волновалъ его, словно онъ инстинктивно боялся, какъ бы отголоски міра живыхъ случайно не ворвались въ его одинокую келью и не породили въ немъ мучительно бесплодной бури подавленныхъ инстинктовъ жизни, которые онъ заставилъ молчать силой своей воли.

Вотъ гдѣ-то въ отдаленіи часы пробили два; усталый узникъ остановился и глубоко вздохнулъ, какъ человѣкъ, сбросившій съ плечъ тяжелую ношу. Въ эту минуту въ корридоръ послышались осторожные шаги надзирателя, приближавшіеся по видимому къ его номеру. Заключенный насторожился и весь превратился въ слухъ. Черезъ секунду щелкнулъ замокъ, дверная форточка отворилась и тихій голосъ произнесъ знакомый ему пароль: «*pour le sapeur—rien de sacré!*»

Въ одинъ прыжокъ онъ очутился у форточки и взволнованнымъ шопотомъ спросилъ:

— Что новаго?

— Вотъ вамъ письмо, Илья Семеновичъ, сказалъ саперъ-тюремщикъ, передавая ему свертокъ, свитой въ маленькую трубочку.—Просили отвѣта.

— Спасибо, прошепталъ Илья, беря письмо.

— Но какъ отвѣтить, черезъ Васъ же?

— Странный вопросъ; вѣдь я—саперъ, а вы знаете, что pour le sapeur—rien de sacré; приготовьте къ 6 часамъ утра, а пока прощайте, разговаривать больше нельзя.

Форточка беззвучно закрылась, и тихіе шаги надзирателя скоро замерли въ отдаленіи.

Илья остался съ письмомъ въ рукѣ. Нѣсколько секундъ, точно въ какомъ-то оступѣніи, смотрѣлъ онъ на этотъ маленький свертокъ; затѣмъ машинально присѣлъ къ желѣзному столику, привинченному къ стѣнѣ его кельи, и дрожащими руками началъ срывать заклеенную обертку. Сердце его стучало, пальцы не слушались, и ему пришлось не мало потерять времени, прежде чѣмъ удалось высвободить и расправить письмо. Онъ прочелъ тамъ слѣдующее:

«Дорогой другъ! Сегодняшній день положилъ конецъ всѣмъ моимъ смутнымъ надеждамъ; ты осужденъ на каторгу; это одна изъ ужаснѣйшихъ формъ неволи, какую только въ силахъ придумать жестокое воображеніе человѣка. Не мнѣ убѣждать тебя въ этомъ, ты долженъ знать это лучше кого другого. Подумай—что станется съ тобой? Человѣческія силы не безпредѣльны; зачѣмъ же губить ихъ, идя на встрѣчу страданью, когда эти силы такъ нужны здѣсь намъ, твоимъ друзьямъ. Твой долгъ избавиться отъ каторги, если на это есть малѣйшая возможность. Я не затѣмъ говорю тебѣ это, чтобы бесплодно питать въ тебѣ мучительную жажду свободы; нѣтъ, я знаю, что тюрьма твоя крѣпка, что стѣны ея даютъ какъ крыша гроба... Быть можетъ, насилуя свою природу, ты примирился уже съ своей долей и похоронилъ надежду, но я—никогда. У меня есть еще средство спасти тебя. Моя мать, любя меня, обѣщаетъ употребить все свое вліяніе, чтобы спасти тебя отъ предстоящей каторжной тюрьмы; но хлопотать за чужого ей нельзя, и ты долженъ прежде сдѣлаться моимъ мужемъ. Да, моимъ мужемъ... Какой борьбы стоило мнѣ написать эти два слова, но ты поймешь чистоту моихъ намѣреній и не осудишь меня. Ты поймешь также, что здѣсь о жертвѣ съ моей стороны не можетъ быть и рѣчи; бракъ не свяжетъ ни мою, ни твою жизнь тѣми цѣпями, которыя нерѣдко бываютъ тяжеле тюремныхъ цѣпей. Ты найдешь во мнѣ сестру, любящаго друга и только. Подумай же и согласишься; я прошу тебя объ этомъ не ради тебя или себя, а ради спасенія въ лицѣ твоемъ тѣхъ силъ, которыя нужны общему дѣлу... Насъ сошлютъ тогда, какъ семейныхъ, въ Сибирь... Я вѣрю—широкій просторъ сибирскихъ степей станетъ колыбелью нашей свободы, и съ первымъ лучемъ весенняго солнца мы проберемся въ Россію, чтобы вновь жить и бороться. Твоя Лиза».

Прочта это письмо, Илья грустно поникъ головой. Ему припомнилось нѣсколько мимолетныхъ сценъ, которымъ онъ не придавалъ никакого значенія въ своихъ товарищескихъ отно-

шеніяхъ къ Лизѣ, но которыя теперь, рядомъ съ письмомъ, выступали ярче. Зачѣмъ предлагаетъ она ему такой безумный выходъ? Что онъ ей скажетъ, какъ убѣдить ее въ томъ, чего не пойметъ логика чувства. Ахъ, Лиза, Лиза, шептали его губы,—зачѣмъ ты это сдѣлала...

Въ изнеможеніи опустилъ онъ свою усталую голову на холдную доску металлическаго стола и долго просидѣлъ такъ, будто замеръ въ оцѣпенѣніи. Когда онъ приподнялся, блѣдный свѣтъ рано занимавшагося весенняго дня, пробиваясь сквозь тускляя стекла тюремнаго окна, напомнилъ ему, что въ 6 часовъ придуть за отвѣтомъ, и онъ торопливо принялся писать, какъ бы спѣша исполнить тяжелую, но неизбѣжную работу; онъ писалъ слѣдующее:

«Милый другъ! Выслушай меня хладнокровно. Несправедливо требовать отъ меня невозможнаго. Правда, остатокъ моихъ силъ принадлежать тому дѣлу, во имя котораго я боролся, но слѣдуетъ ли изъ этого, что друзья нуждаются теперь именно въ этомъ остаткѣ силъ. Ты глубоко ошибаешься. Не все то хорошо сегодня, что было хорошо и неизбѣжно вчера. Пройденный путь меня уже не удовлетворяетъ, другого же болѣе цѣлесообразнаго пути еще никто не указалъ, а будущее темно. Ужели честно учить другихъ тому, во что уже не вѣришь самъ? Раньше я совѣтовалъ идти и самъ шелъ въ народъ. Руководствуясь теоретическими построеніями, я мечталъ найти въ немъ не только тѣ нравственные добродѣтели, отсутствіемъ которыхъ такъ тяготила меня наша интеллигентная среда, но и зачаточныя формы болѣе справедливаго экономическаго и гражданскаго строя. Эти народныя формы уже сами по себѣ, казалось мнѣ, дѣлаютъ доступными народному сознанію наивысшіе идеалы, выработанные съ такимъ трудомъ вѣковой жизнью культурнаго человечества и стоившіе ему не мало крови, страданій и слезъ. Любя родной народъ, мы хотѣли сократить мучительныя потуги нарождающагося будущаго однимъ героическимъ усиліемъ. Это намъ не удалось, да и не могло удался. Питомцы отвлеченнаго мышленія, дѣти страны, политическая жизнь которой, замкнутая въ тайникахъ канцеляріи, не служитъ регуляторомъ теоретическихъ построеній, мы не могли поступать иначе; нагляднаго жизненнаго опыта у насъ не существовало, а ужасы дѣйствительности заставляли содрогаться и толкали на борьбу. И мы шли. Но увь, тяжелый опытъ скоро убѣдилъ многихъ, что обездоленной массѣ народа, поработанной тягостями мелкой жизненной борьбы, некогда культивировать высокія чувства. Сознаніе—цвѣтокъ досуга,—мало доступно ей, и жизнью ея руководить болѣе инстинктъ и привычка. Какой борьбы съ собой, какихъ душевныхъ мукъ стоило мнѣ придти къ этому выводу, но покрывало упало съ моихъ глазъ и, какъ бы я ни куталъ теперь въ него мою измученную голову, я не въ силахъ вернуть прежней иллюзіи. Теперь я вижу, что и народъ, и тотъ культурный слой, который насъ вынуждалъ,

нуждается во всестороннемъ взаимодействіи и развитіи, но какъ приступить практически теперь къ этой трудной задачѣ, я еще не знаю. Въ этомъ незнаніи все мое несчастье и вся причина того, что мнѣ легче жить на каторгѣ, чѣмъ на волѣ. Тужить нечего, другіе, способные воспользоваться уроками нашего опыта, сами найдутъ новый, болѣе основательный, болѣе удачный путь. А мнѣ, мнѣ лучше отправиться на каторгу, которая пройдетъ, быть можетъ, не безъ пользы для меня и нашей общей задачи... Твой Илья».

Дописывая послѣднія строки, Илья и не замѣтилъ, что форточка въ двери уже отворена и знакомые сѣрые глаза страннаго тюремщика нѣсколько секундъ слѣдятъ за нимъ, какъ бы не рѣшаясь нарушить его работу.

— Доброе утро!—произнесъ саперъ, когда Илья положилъ перо.—Ну, что, готово?

Илья вздрогнулъ отъ неожиданности, но, узнавъ товарища, торопливо свернулъ письмо и, заклеивъ его, передалъ саперу.

— Прикажете принести отвѣтъ? спросилъ аккуратный саперъ.

— Да... Впрочемъ нѣтъ... отвѣта не должно быть; ну, да тамъ увидите, смѣшался Илья.

Отъ усталости ли, или отъ неутраченного еще вліянія этой безсонной ночи, но голосъ Ильи какъ-то неестественно дрогнулъ, когда онъ произносилъ послѣднія слова. Саперъ это замѣтилъ и началъ успокаивать его, какъ умѣлъ.

— Вы, Илья Степановичъ, прилегли бы, голубчикъ, говорилъ онъ,—въ послѣднее время вы что-то совѣмъ не спите. Вы думаете—молоды, такъ и все ни почему: нѣтъ, силушки-то пригодятся и послѣ; а такъ-то и заболѣть не долго. Ну, до свиданія, закончилъ онъ и осторожно заперъ фортку.

Оставшись одинъ, Илья почувствовалъ какую-то истому во всемъ тѣлѣ. Въ отяжелѣвшей головѣ его несвязно всплывали какіе-то отрывки мыслей, безцѣдно уносясь куда-то, какъ поблѣкшіе листья, встревоженные недавно пронесшейся бурей. Въ камерѣ его было давно уже свѣтло. Мягкіе лучи утренняго солнца робко проникали сквозь рѣшетку окна, какъ бы боясь нарушить своимъ тепломъ и жизнью строгое уединеніе узника. Безсознательно поддаваясь нѣжной ласкѣ этихъ лучей, Илья опустилъ висящую на цѣпи тяжелую желѣзную оконную раму и жадно сталъ вдыхать утренній воздухъ. Свѣжій вѣтерокъ, развѣвая пряди его густыхъ темныхъ волосъ, освѣжилъ мало по малу его горѣвшую голову. Истомленное молодое лицо оживилось легкой краской румянца, и вся его высокая фигура, казавшаяся за часъ передъ тѣмъ какъ бы разбитой тяжелой болѣзнью, теперь выпрямилась, точно выросла. И когда смѣннившійся надзиратель вошелъ въ его камеру съ киняткомъ для утренняго чая, въ чертахъ Ильи трудно было подмѣтить слѣды пережитаго волненія; онъ былъ спокоенъ, только между бровями пролегла новая суровая складка.

Наскоро согрѣвшійся стаканомъ теплаго чая, онъ легъ на кро-

вать и вскорѣ заснулъ спокойнымъ крѣпкимъ сномъ, какимъ спать только молодые люди.

ГЛАВА II.

Монотонно и повидимому спокойно текла жизнь Ильи послѣ описанной ночи. Усидчивымъ умственнымъ трудомъ и педантической правильностью въ занятіяхъ привыкалъ онъ дисциплинировать себя.

Такъ наступила Пасха. Торжественный звонъ колоколовъ пасхальной ночи засталъ его за чтеніемъ объемистаго тома Канта. Раскаты пушечныхъ выстрѣловъ потрясали стѣны его тюрьмы, а своеобразный гулъ живой праздничной толпы врывается съ улицы, какъ бы смѣясь и негодуя на эти желѣзные рѣшетки и двери, дерзко воздвигнутыя на пути всесильному потоку жизни, не признающему преградъ, созданныхъ хитроумной рукой человека. Волнуемый этимъ напоромъ жизни, Илья раздражался. Пересиливая себя, онъ старался продолжать еще за минуту такъ интересовавшее его чтеніе, но ровныя, спокойныя строки философа какъ бы застилались какой-то дымкой; черныя буквы принимали неясныя очертанія, слагались въ какіе-то фантастическіе образы, уносившіе его далеко, далеко. Сердясь на себя, Илья съ раздраженіемъ отодвинулъ книгу и чуть было не сронилъ стоявшій на столѣ стаканъ съ маленькимъ букетомъ фіалокъ, присланный ему товарищемъ - студентомъ вмѣстѣ съ небольшою пасхой къ празднику. -- Меня раздражаетъ запахъ цвѣтовъ; какъ я раньше не обратилъ на это вниманіе, вслухъ подумалъ онъ и взялъ букетъ намѣреваясь его бросить. Но что-то задержало его. Держа цвѣты въ рукѣ, онъ началъ ходить по камерѣ, вдыхая время отъ времени ихъ ароматъ; а звонъ колоколовъ бурной волной попрежнему переливался въ воздухѣ, трепетно замирая подъ сводами тюрьмы; въ корридорѣ слышалось необычное движеніе; шумъ шаговъ, полусдержанный шопотъ, щелканье замковъ отворяемыхъ камеръ. Дошла очередь до Ильи; ему подали тонкую восковую свѣчу и предложили отправиться въ тюремную церковь. Илья съ минуту колебался, но потомъ, вспомнивъ, что работа все равно не клеится, согласился. Пройдя длинный рядъ галлерей, онъ очутился наконецъ въ церкви. Бѣдно убранная, но ярко освѣщенная церковь выгляѣла празднично и весело; что-то отрадное, давно позабытое шевельнулось въ душѣ Ильи, когда онъ вошелъ туда, осторожно ступая по гладкому асфальту вслѣдъ за надзирателемъ. Но когда даже здѣсь, въ церкви, его заперли одного въ тѣсный досчатый чуланчикъ съ единственнымъ небольшимъ отверстіемъ, сквозь рѣшетку котораго съ трудомъ можно было видѣть только алтарь, мягкое настроеніе его пропало и онъ едва удержался, чтобы не постучать сейчасъ же въ дверь и не потребовать увести себя назадъ въ камеру. Эта клѣтка въ церкви казалась ему какой-то насмѣшкой надъ его чувствомъ; горькая обида сжала ему сердце,

и онъ стоялъ безучастный, холодный въ своемъ темномъ чуланѣ. Грянулъ хоръ хорошо организованныхъ тюремныхъ пѣвчихъ, торжественная пѣснь, какъ рыданіе, выливалась изъ груди пѣвцовъ, выдавая своеобразнымъ тембромъ ихъ бессознательно накипѣвшія слезы неволи. Илья слушалъ замирая. Ему вспомнилось другое время, другой праздникъ. Теплая весенняя ночь; старинная каменная деревенская церковь пылаетъ огнями, рельефно вырисовываясь на фонѣ молодой зелени. Строгіе лики святыхъ, украшенные живыми цвѣтами, величаво-спокойно смотрятъ на него, тогда еще мальчика, какъ бы благословляя. Кругомъ благоговѣйно тихо толпится въ праздничныхъ нарядахъ народъ, устилая пороги алтаря душистыми весенними цвѣтами. Начинается служба; хоръ свѣжихъ южныхъ голосовъ поетъ торжественные гимны, волнуя душу мальчика предчувствіемъ какой-то великой радости. Да, сегодня онъ, поруганный, осмѣянный и оскорбленный Богъ, воскреснетъ всесильный, разливая кругомъ счастье и жизнь,—такъ говорила ему мать, бесѣдуя въ длинные зимніе вечера. И вотъ этотъ день насталъ; радость захватываетъ дыханіе, и судорожно сжимаетъ грудь ребенка. Онъ смотритъ кругомъ, ему кажется, что всѣ радуются одной съ нимъ радостью и эти благоухающіе цвѣты, и эти деревья, тихо раскачивающія свои вѣтви надъ сводчатой дверью храма...

Хоръ замолкъ; изъ алтаря глухо доносились неясныя слова священника. Илья провелъ рукой по лбу, какъ бы просыпаясь отъ забытья и въ темнотѣ нечаянно задѣлъ локтемъ досчатую стѣну своего тѣснаго чулана. Иллюзія мгновенно исчезла: ему опять стало обидно и больно, словно чья-то грубая рука сдавила ему сердце, осквернивъ заветныя воспоминанія свѣтлаго дѣтства. Стѣны чулана давили его, онъ задышался, голова кружилась отъ недостатка воздуха, и онъ прислонился къ стѣнѣ въ безсильной тоскѣ ища опоры.

Заутреня кончилась, усталый и блѣдный вернулся Илья въ свою камеру. Невесело прошелъ для него праздникъ. Какая-то грусть помимо воли сосала ему грудь; вспоминалась семья, любимыя лица, далекая милая родина. Какъ тамъ свѣтло, какъ тамъ привольно, думалось ему, и до галлюцинаціи ярко рисовались родныя поля и лѣсъ, усталый мягкой весенней зеленью и опьянявшій ароматомъ цвѣтущихъ деревьевъ. Въ эти минуты за одинъ мигъ свободы онъ отдастъ бы, казалось, полжизни, лишь бы дали ему окунуться въ это море свѣтлой зелени и тамъ, на груди матери — земли выплакать свое горе, свои муки борьбы и сомнѣнья...

...Бѣдный поблекшій букетъ фіалокъ, который едва не выбросилъ онъ вчера, сталъ ему теперь дорогъ, точно въ этихъ скромныхъ цвѣтахъ совмѣщались для него и родина и весна и молодая греза, все, все, что было дорого и чего не суждено ему увидѣть.

Скорѣе бы на каторгу, твердилъ онъ себѣ, точно ища исхода

въ новомъ страданіи. Но дни протекали за днями, а Илья по прежнему сидѣлъ все въ той же тюрьмѣ, въ ожиданіи утвержденія приговора.

Тоска по родинѣ и волѣ однако мало-по-малу улеглась, и онъ спокойно и бодро продолжалъ свои занятія, весь погрузившись въ міръ идей, полный своеобразной прелести и жизни.

Въ одно жаркое іюльское утро, только что окончивъ какую-то книгу, онъ забрался на окно, намѣреваясь подышать воздухомъ и пораздумать о прочитанномъ. Едва онъ успѣлъ опустить раму, какъ отшатнулся, пораженный дикой сценой, происходившей во дворѣ для прогулокъ. Какой-то желчный, худой, незнакомый Ильѣ генераль ¹⁾, весь красный отъ злобы, кричалъ на одного изъ осужденныхъ ²⁾, возмущенный тѣмъ, что тотъ не догадался поклониться ему, случайно встрѣтившись съ нимъ во дворѣ для прогулокъ.—«А, такъ ты не хочешь мнѣ кланяться, ты не знаешь кто я?»—хрипѣлъ генераль, наступая на осужденнаго и сбивая съ него шапку... Весь нѣмой отъ изумленія и оскорбленія, тотъ стоялъ передъ нимъ съ широко раскрытыми, остановившимися глазами, парализованный какимъ-то столбнякомъ. Это бозмолвіе жертвы еще болѣе бѣсило генерала и, придя въ неистовство, онъ дико заревѣлъ собравшимся надзирателямъ: «Розогъ!»

Толпа тюремщиковъ, какъ стая послушныхъ собакъ, бросилась на жертву и потащила ее въ тюрьму.

Илья, какъ сраженный пулей, пошатнулся. Не онъ одинъ былъ свидѣтелемъ этой дикой позорной сцены, ее видѣли почти всѣ заключенные. Минута оцѣпенѣнія прошла, стонъ сотни головъ потрясъ всю тюрьму; что-то ужасное, потрясающее, не поддающееся описанію, поднялось въ этой за часъ передъ тѣмъ безмолвной могилѣ.

Какъ разъяренные тигры метались заключенные въ своихъ клѣткахъ, сѣясь разбить чѣмъ попало желѣзныя двери, вышибая голыми руками форточки, раня себя и не замѣчая струящейся крови... А въ корридорѣ между тѣмъ позорное дѣло совершилось и палачи, ужаснувшись дѣла рукъ своихъ, разбѣжались, долго скрываясь гдѣ-то, пока вызванная ими буря потрясала тюрьму...

Весь оборванный, съ пораненными руками и румянцемъ еще не остывшаго гнѣва и стыда на лицѣ, стоялъ Илья въ своей камерѣ вечеромъ этого ужаснаго дня. Что дѣлать, какъ смыть съ себя этотъ позоръ, нанесенный ему въ лицѣ товарища,—эта мысль гвоздемъ сверлила его мозгъ. Онъ тяжело переводилъ дыханіе; все, что можно было разрушить, валялось въ дребезгахъ кругомъ; обезсиленный своей бесплодной борьбой, онъ опустился среди этихъ осколковъ на полъ, прильнулъ горячей головой къ

¹⁾ Генераль Треповъ.

²⁾ Боголюбовъ (Емельяновъ).

холодному асфальту и жгучія горькія слезы отчаянія палили его вѣки, крупными каплями падая на камень...

Долго метался онъ въ безысходной тоскѣ на своей *каменной* постели, пока всеисцѣляющій сонъ не смежилъ его воспаленныхъ глазъ. Этотъ сонъ былъ тяжелый и долгій. Раннее лѣтнее солнце давно уже взошло, безстрастно сіяя надъ картиной разрушенія, царившей въ тюрьмѣ. По галлереймъ давно уже шмыгали надзиратели, а тюрьма точно объятая кошмаромъ, безмолвствовала. Да, спите дольше, дольше спите, лучше бы вамъ не просыпаться, несчастные! Яркій свѣтъ дня, который съ отрадой встрѣчаютъ другіе, для васъ будетъ мукой, онъ напомнитъ вамъ ужасъ поруганія и ваше безсиліе...

Когда Илья открылъ отяжелѣвшія вѣки, передъ нимъ стоялъ надзиратель, требуя, чтобъ онъ перешелъ въ другой, неразрушенный номеръ. Илья машинально повиновался и пришелъ нѣсколько въ себя, только когда за нимъ шумно захлопнули двери.

Номеръ, куда его заперли, былъ пустой; всѣ его книги и вещи остались въ старомъ, но онъ не замѣчалъ этого. Онъ находился въ какомъ-то оупѣніи. Присѣвъ на край *железной* кровати, онъ долго оставался неподвижнымъ, безсильно опустивъ усталыя руки на колѣни. Вчерашняя мысль продолжала сверлить его мозгъ; внѣ ея онъ ничего не чувствовалъ, ничего не понималъ.—Ха, ха, жалкій нравственный и умственный калѣка!»—горько смѣялся онъ надъ собою. «Я позорно сгубилъ свои силы; я идеальничалъ, я былъ нелѣпо наивенъ, неся народу слова любви и правды, тому народу, надъ которымъ ежечасно совершаются поруганія, подобныя вчерашнему. Развѣ любовь и справедливость могутъ быть доступны поруганной душѣ человѣка? Нѣтъ, въ такой душѣ царить только страхъ и дикая злоба. Я увлекался гордыми задачами народовъ, личность которыхъ уже свободна отъ дикаго поруганія. А у насъ, а мы?... Я не зналъ до сихъ поръ страха, ненависть и злоба были чужды моей душѣ, хотя я и много страдалъ. А теперь?—ужасъ сжимаетъ сердце, внутри клокочетъ ненависть. Да, ты, поруганный, многострадальный народъ, у котораго отнято все, даже человѣческое достоинство, какъ долженъ былъ ты смѣяться надо мной, взрослымъ ребенкомъ, когда я звалъ тебя бороться за туманные идеалы въ то время, какъ ни тебѣ, ни мнѣ нечѣмъ защитить своей личности—этого послѣдняго достояннѣя людскаго!..»

ГЛАВА III.

Мрачно и безучастно влачилъ Илья свое существованіе послѣ этого рокового дня. Онъ надолго забросилъ книги, довольствуясь только тайной бесѣдой съ товарищами по заключенію, дѣля съ ними накопившія муки и изрѣдка оживляясь только короткими записками съ воли, отвѣчавшими повидимому его настроенію.

День за днемъ хоронилъ онъ безъ сожалѣнія, не оглядываясь

назадъ, точно молодая жизнь его теперь казалась ему томительной агоніей.

Въ сумерки одного пасмурнаго, осенняго дня къ нему неожиданно вошелъ какой-то незнакомый господинъ, отрекомендовавшийся чиновникомъ губернскаго правленія.

— Соберите ваши вещи, сказалъ онъ, для отсылки кому нибудь изъ вашихъ родственниковъ на волѣ, иначе ихъ продадутъ съ аукціона, а вырученныя деньги вмѣстѣ съ тѣми деньгами, которыя быть можетъ у васъ есть въ конторѣ тюрьмы, препроводятъ въ N-ское губернское правленіе. Сегодня васъ отправляютъ на каторгу.

Проговоривъ эти слова, чиновникъ сухо поклонился и вышелъ.

Немного времени потратилъ Илья на свои сборы; кромѣ нѣсколькихъ цѣнныхъ книгъ, двухъ-трехъ перемѣнъ бѣлья, да скромной пары платья у него ничего не было. Связавъ все это наскоро въ узелъ и написавъ на листкѣ бумаги адресъ знакомаго студента, изрѣдка посѣщавшаго его въ тюрьмѣ до суда, Илья сталъ ждать. Видя, что его никто еще не тревожитъ, онъ взялъ карандашъ и торопливой рукою нацарапалъ на стѣнѣ нѣсколько словъ прощальнаго привѣта товарищамъ по заключенію.

Скоро однако дверь камеры отворилась, и его пригласили въ контору, гдѣ онъ предсталъ передъ цѣлой комиссіей чиновниковъ съ гладко приглаженными бакенбардами и печатью безстрастной апатіи на лицѣ. Сцены, подобныя сегодняшнимъ, слишкомъ часто проходили передъ ихъ глазами, чтобъ не превратить ихъ въ живыхъ манекеновъ.

— Раздѣньтесь, сказалъ, обращаясь къ Ильѣ, одинъ изъ чиновниковъ, приземистый брюнетъ съ обрюзглымъ лицомъ, обрамленнымъ рѣдкими щетинистыми бакенбардами, придававшими его фізіономіи что-то грубо отталкивающее.

Илья изумленно оглянулся на присутствующихъ, какъ бы безмолвно спрашивая, неужели у этихъ людей до того исчезла послѣдняя искра стыдливости, что видъ обнаженнаго человѣческаго тѣла не оскорбляетъ ихъ и не возбуждаетъ безглицости къ самимъ себѣ и своему ремеслу. Но испытующій взглядъ его встрѣтилъ только циничную улыбку однихъ и безстрастно тупую фізіономію другихъ.

— Я, кажется, не передъ комиссіей врачей, иронически замѣтилъ Илья въ отвѣтъ на предложеніе раздѣться; и если дѣло въ томъ, чтобы я смѣнилъ свое платье на арестантское, то это удобнѣе было бы сдѣлать въ камерѣ, а не въ вашемъ почтенномъ присутствіи...

— Ну, батенька, хихикнулъ приземистый брюнетъ, вы не молодая дѣвица, да и съ тѣми мы не церемонимся, а ужъ съ вами то и Богъ велѣлъ. Намъ нужно осмотрѣть, нѣтъ ли у васъ какихъ примѣтъ на тѣлѣ.

При этихъ словахъ Илья почувствовалъ какую-то гадливость.

Ему вспомнились циничныя сцены провинціальных остроговъ въ средѣ уголовныхъ арестантовъ, гдѣ самой пикантной насмѣшкой надъ начальствомъ считается циничный жестъ обнаженнаго арестантскаго тѣла, и только теперь онъ понималъ, что воспитывается въ нихъ этотъ цинизмъ. Ему стало до омерзенія противно и больно. Онъ вспыхнулъ, хотѣлъ что-то сказать, но оглянувшись еще разъ, махнулъ рукой и, стиснувъ зубы, сталъ спокойно сбрасывать одежду.

Холодный, неподвижно суровый стоялъ онъ, пока члены коммисіи оглядывали его со всѣхъ сторонъ, какъ животное или раба, выводимаго на рынокъ; а сердце его неудержимо билось, точно хотѣло вырваться изъ груди и краской крови своей прикрыть его наготу.

Но вотъ процедура осмотра кончилась; ему дали казенное бѣлье, суконные штаны и халатъ. Онъ съ трудомъ натянулъ короткую, узкую, грубую рубаху, которая тѣсно сжимала ему грудь и плечи и хомутомъ сжала горло; остальное бѣлье, вѣнецъ тюремной экономіи, оказалось настолько не по росту, что онъ принужденъ былъ сунуть его обратно въ мѣшокъ и одѣтъ колючее арестантское сукно прямо на голое тѣло. Впрочемъ, въ сравненіи со всѣмъ уже испытаннымъ, неудобство это было такимъ пустякомъ, что онъ въ эту минуту даже и не замѣтилъ его.

Едва онъ накинулъ на плечи халатъ, какъ, словно изъ подъ земли, возлѣ него выросли два бравыхъ жандарма и, пригласивъ его слѣдовать за собой, усадили въ стоявшую во дворѣ тюрьмы извозничью карету. Проходя черезъ дворъ, онъ обвелъ грустнымъ, прощальнымъ взоромъ чернѣвшія въ сумеркахъ рѣшетчатые окна тюрьмы. По шуму подъѣхавшей кареты заключенные догадались, что кого-то увозятъ, и крикнули ему свое послѣднее прощаніе. Никто не сказалъ «до свиданія», онъ замѣтилъ это и тоска еще сильнѣе сжала грудь. Жандармы поспѣшили запретъ двери кареты и она помчалась, грузно прыгая по каменной мостовой.

Все время пути по шумнымъ, блестящимъ огнями улицамъ большого города, Илья провелъ точно въ какомъ-то забытіи. Тамъ и сямъ пробѣгали передъ нимъ знакомые дома и вывѣски, воскрешавшіе въ его памяти другіе, болѣе свѣтлые дни, но, промелькнувъ мимо, уносили съ собой и эти воспоминанія, словно топя ихъ въ круговоротѣ уличнаго движенія, шумѣвшаго позади его одинокой кареты.

Вотъ наконецъ и знакомое зданіе вокзала желѣзной дороги. Но карета остановилась не у подѣзда, а какими-то закоулками пробралась черезъ лабиринтъ желѣзнодорожныхъ построекъ и высадила его прямо у вагона, одиноко стоявшаго на рельсахъ, гдѣ-то далеко отъ подѣзда.

Раздался звонокъ, вагонъ прицѣпили и поѣздъ помчался, унося съ собой Илью.

Примостившись на деревянной скамьѣ вагона, Илья лежалъ всю ночь съ открытыми глазами. Сонъ какъ-то не шелъ; ему

было холодно, неловко и жестко въ непривычномъ нарядѣ, но онъ лежалъ не шевелясь, боясь привлечь назойливое вниманіе жандармовъ, присутствіе которыхъ раздражало его и не давало ни на чемъ сосредоточиться его мысли. Въ эту ночь онъ неразъ съ какимъ-то чувствомъ отрады вспоминалъ свою тѣсную одинокую келью, гдѣ по крайней мѣрѣ онъ былъ наединѣ съ самимъ собой, а эти живыя ширмы, сковывали его больше толстыхъ тюремныхъ стѣнъ. Жандармы мѣшали ему свободно двигаться, свободно думать, глядя на него своими полусонными, остановившимися глазами. На душѣ его было какъ-то холодно, тоскливо и непривѣтливо, какъ холодна и непривѣтлива была эта осенняя ночь, объявшая своей непроницаемой пеленой этотъ поѣздъ, уносившій его куда-то далеко, далеко, въ такую же непрглядную мглу.

Но вотъ мѣрное покачиваніе поѣзда повидимому усыпило жандармовъ; одинъ изъ нихъ прильнулъ въ уголъ вагона и повременамъ даже всхрапываетъ; другой, безпомощно свѣсивъ сонную голову на грудь, покачивается изъ стороны въ сторону, какъ бы въ тактъ колыхавшемуся вагону. Наблюдая эту картину ночного безмолвія, Илья почувствовалъ наплывъ какого-то давно невѣдомаго чувства; его охватила неудержимая жажда свободы, свобода хотя бы на одинъ часъ, на одинъ мигъ... Кругомъ ни души, дверь вагона близко, стоитъ только, думаетъ Илья, прокрасться къ ней, неслышно отворить ее и броситься на всемъ ходу поѣзда въ эту черную мглу осенней ночи и я спасенъ. Осторожно, беззвучно подымается онъ со скамьи, нѣсколько секундъ ждетъ, притаивъ дыханіе и глядя въ упоръ на жандармовъ; они продолжаютъ спать. Вотъ онъ дѣлаетъ шагъ, вотъ другой, спасеніе близко; но ручка двери чуть слышно жалобно взвизгнула подъ его пальцами и дремавшій жандармъ встрепенулся, какъ бы разбуженный электрическимъ ударомъ. Илья застылъ въ своей позѣ и на вопросительно-грубый жестъ жандарма отвѣтилъ упавшимъ голосомъ: «я хотѣлъ выйти».

Послѣ внушительнаго наставленія, что безъ спросу выходить нельзя, жандармы успокоились, но ужъ не позволяли себѣ дремать.

Илья снова улегся на скамейку, ему стало еще тяжелѣе, еще омерзительнѣе; лучъ надежды, вспыхнувшій какъ метеоръ минутой тому назадъ, теперь потухъ, оставивъ за собой въ его душѣ еще сильнѣе сгустившійся мракъ...

ГЛАВА IV.

На четвертые сутки, часовъ въ десять утра наши путники подкатили на почтовой тройкѣ къ воротамъ тюрьмы для каторжныхъ, расположенной въ пустынной равнинѣ, прикрытой бѣлоснѣжной пеленой только что выпавшаго перваго снѣга.

Ямщикъ не успѣлъ еще осадить лошадей, какъ старшій жан-

дармъ выпрыгнулъ на ходу изъ повозки и, подойдя къ подворотному, лѣнливо кутавшемуся въ свою длинную баранью шубу, что-то конфиденціально шепнулъ ему. Подворотный пріосанился и громко крикнулъ: «караульнаго!»

Черезъ нѣсколько минутъ низенькая калитка отворилась, и караульный выпустилъ въ ограду Илью съ его двумя провожатыми. Пройдя мимо громаднaго зданія, высившагося въ центрѣ тюремнаго двора и подавлявшаго своими размѣрами, они свернули налѣво и скоро очутились въ узкомъ корпусѣ «одиночекъ». Въ корридорѣ ихъ встрѣтилъ старшій тюремный надзиратель въ полицейскомъ мундирѣ, мужчина гигантскаго роста и съ револьверомъ за поясомъ.

— Куда ты прешь!—окликнулъ онъ громкимъ окрикомъ старшаго жандарма. — Тащи его въ баню! Порядковъ не знаешь, что-ли?!

Въ жандармахъ заговорилъ гоноръ.

— Какая тамъ баня, намъ некогда съ тобой разговаривать; тащи сюда твоего смотрителя, пушай онъ принимаетъ... вотъ господина,—сказалъ съ важнымъ видомъ жандармъ, указывая на Илью.

Этотъ тонъ нѣсколько осадилъ гиганта и онъ отвѣтилъ нехотя:

— Ладно, придетъ; ему уже дадено знать... И какъ это люди никакого порядка не уважаютъ,—жаловался онъ,—сколько народу перевозили къ намъ, а все не знаютъ, что первымъ дѣломъ арестанта надобно въ баню вести, а еще жандармы!—продолжалъ онъ ворчать, шагая въ волненіи по корридору.

Вошелъ смотритель, человекъ тоже крупныхъ размѣровъ, по манерамъ своимъ и внѣшнему виду напоминавшій заурядный типъ уѣзднаго исправника.

— Я тебѣ что говорилъ?—набросился онъ на гиганта.—Ты смотри, у меня вѣдь живо—соберешь вещи и за ворота!

— Ваше высокоблагородіе, это все они,—оправдывался жалобнымъ голосомъ гигантъ,—ничего съ ними не подѣлаешь, говорить—тащи смотрителя!..

— Какъ тащи?!—величественно обернулся смотритель къ старшему жандарму.

Жандармъ не потерялся и съ явнымъ сознаніемъ собственного преимущества намекнулъ по жандармски, на какія-то высшія соображенія, которыя требуютъ, чтобъ его не задерживали, а потому—заклучилъ онъ,—сначала надо принять «господина» (жандармъ продолжалъ величать Илью господиномъ, явно для того, чтобы опять таки показать свое превосходство надъ тюремной администраціей) и выдать намъ росписку, а потомъ:

— Хотите ведите ихъ въ баню, хотите выпускайте на волю—это дѣло не наше-съ.

Во все время этого пререканія властей, Илья стоялъ посреди корридора въ полномъ недоумѣніи.

— Отвести его въ баню, обрить и заковать!—скомандоваль наконецъ смотритель младшему надзирателю.

Когда Илья повернулся къ выходу, жандармы подошли къ нему и предложили на прощанье два большихъ бѣлыхъ хлѣба, оставшихся изъ ихъ путевого запаса, и четверку табаку.

— На что мнѣ все это?—сказаль имъ изумленный Илья.

— Примите, господинъ, пожалуйста, вы намъ сдѣлаете большое одолженіе; вѣдь вы здѣсь уже никогда не увидите булки, такъ на первое время удовольствуетесь этимъ; все же легче будетъ, ежели, къ примѣру, не сразу привыкать къ арестантскому хлѣбу; ну, будьте такіе добрые, примите, окажите намъ такую милость,—упрашивали они, видя его нерѣшительность.

Это неожиданное, но сердечное предложеніе глубоко тронуло Илью и, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ приняль это первое въ жизни подаеніе только ради того, чтобы не оскорбить ихъ можетъ быть минутнаго, но все же искренняго человѣческаго чувства сожалѣнія къ его тяжелой долѣ. Этотъ человѣческій порывъ жандармовъ убѣдилъ его въ эту минуту, что и подъ красными аксельбантами бьется подъ-часъ человѣческое сердце.

Злосчастная баня, послужившая поводомъ къ столь шумному пререканію властей, находилась тутъ же неподалеку отъ корпуса одиночекъ.

Сопровождавшій Илью младшій надзиратель былъ съ виду предобродушный старый хохоль изъ отставныхъ солдатъ. Не успѣли они отойти и двухъ шаговъ, какъ онъ вступилъ уже въ бесѣду съ Ильей.

— И какіе же, право, грубіяны эти жандармы!—молвилъ онъ.— То есть вовсе не уважають нашего брата, все на своемъ хотятъ поставить, какъ настоящіе енаралы. А господинъ смотритель у насъ строгій, любить, чтобы порядокъ былъ, и, Боже сохрани, чтобы арестанту *вы* сказать, сейчасъ тебя за ворота. Вотъ ты, братику, не обижайся, ежели я тебѣ буду *ты* говорить, а ты долженъ говорить мнѣ *вы*—такой приказъ есть, братику, отъ самага дилехтура. Что же подѣлаешь? Намъ и самимъ не любо, да надо покориться, такая ужъ видно на то воля Божья...

Илья разсѣяннo слушалъ словоохотливаго старика. Они вошли въ баню.

— Вотъ, братику, это — наша баня, поясняль тотъ; только вода-то въ чанѣ не тепленька, я бани-то нонче не топилъ; не успѣлъ, братику, баню истопить, а ты такъ, холодненькой по-мойся.

— Ну, братъ, какъ же въ холодной-то банѣ мыться; теперь вѣдь не лѣто; да не только мыться, я и раздѣваться здѣсь не буду,—запротестоваль Илья.

— Что ты, что ты, братику, такъ нельзя, панъ смотритель на меня осерчаетъ; какъ узнаеть, что ты не мылся, онъ меня со свѣту сживетъ; ты ужъ, братику, меня-то пожалѣй,—упрашиваль онъ въ своемъ наивномъ эгоизмѣ.

— Чудакъ ты, право,—усмѣхнулся Илья,—вѣдь смотритель приказалъ тебѣ свести меня въ теплую баню, а ты привелъ меня въ холодную; себя жалѣй, но меня-то зачѣмъ гнать въ холодную баню.

— Ну, знаешь, братику, что: ты не мойся, но скажи пану, что мылся, а то сохрани Богъ, что со мной будетъ. Только ты ужъ какъ нибудь здѣсь же смѣни бѣлье и платье; вотъ я тебѣ принесъ и то и другое; форменное, все съ иголочки—новое.

Дѣлать было нечего, Илья переодѣлся въ холодной банѣ и порядкомъ озябъ.

— Ну, теперь садись, братику, я тебя побрею; для бритья-то я припасъ тепленькой воды,—привралъ для утѣшенія хохолъ.

Илья сѣлъ; онъ уже давно зналъ, что ему придется вынести этотъ унижительный туалетъ, и старался заранѣе примирить себя съ нимъ. Но когда холодная, тупая бритва коснулась его головы и на колѣни упала первая прядь его длинныхъ волосъ, въ сердцѣ его точно что-то порвалось и онъ едва удержался, чтобы не отбросить прочь болтливаго цирюльника.

Между тѣмъ хохолъ, не замѣчая волненія своего паціента, продолжалъ свое дѣло и по привычкѣ болталъ.

— А ты, братику, изъ образованныхъ?—допрашивалъ онъ и, не получивъ отвѣта, продолжалъ не смущаясь:

— Плохо у насъ этимъ образованнымъ; они сидятъ, сидятъ въ одиночкѣ, ну, ума у нихъ много, а разговаривать не съ кѣмъ—возьмутъ этакъ что нибудь себѣ въ умъ и давай съ самимъ собой разговаривать; такъ и путаются бѣдняги. Простымъ то не въ примѣръ лучше; они вотъ и съ нашимъ братомъ—мужикомъ покалякаютъ и легче имъ станетъ, а образованному-то вѣдь умнаго подавай, а гдѣ его возьмешь?

Болтая такимъ образомъ, хохолъ уже выбрилъ полъ-головы.

— Ну, вотъ, братику, и готово!—воскликнулъ онъ,—теперь я тебѣ бороду и усы побрею, и съ безсердечіемъ привычнаго ремесла схватилъ Илью за усы, не дожидаясь отвѣта.

Это было уже слишкомъ; Илья этого не ожидалъ; кровь бросилась ему въ голову и онъ съ силой оттолкнулъ отъ себя цирюльника. Хохолъ растерялся, но, быстро собравшись съ духомъ, опять подошелъ къ своему паціенту и сталъ уговаривать его дрожащимъ голосомъ:

— Ты не сердись на меня, братику, такіе ужъ у насъ порядки, чтобы значить совѣтъ чистенькому быть; на все вѣдь Богъ и Его воля!

Эти нелѣпыя слова почему-то разсмѣшили Илью и онъ сталъ неудержимо хохотать, но смѣхъ его звучалъ чѣмъ-то страннымъ и горькимъ.

— Чортъ съ тобой, сбривай хоть и брови,—сказалъ онъ наконецъ.

Хохолъ не сталъ дожидаться дальнѣйшаго разрѣшенія и быстро оборудовалъ свое дѣло.

Когда все было кончено, Илья поднялся со скамьи и машинально провел рукой по обнаженной половине головы: холодная дрожь пробѣжала по его тѣлу и горькая насмѣшливая улыбка искривила посинѣвшія губы.

— Ну, братику, теперь пойдемъ въ кузницу; тамъ ты выберешь себѣ кандалы,—радушно пригласилъ его хохолъ.

Въ кузницѣ ихъ встрѣтилъ высокій съ мрачнымъ, осунувшимся лицомъ арестантъ, исполнявшій обязанность кузнеца. Его обнаженная, закоптѣлая грудь и руки съ отвисшими крупными мышцами, напоминали остатки когда-то богатырскихъ формъ.

Понявъ безъ словъ въ чемъ дѣло, кузнецъ схватилъ первую попавшуюся пару тяжелыхъ ножныхъ кандаловъ и, надѣвъ ихъ на ноги Ильи, началъ съ какимъ-то остервенѣніемъ бить молотомъ по заклепкамъ, рискуя ежеминутно размозжить ему ноги. Илья молча смотрѣлъ на эту непонятную ярость и ему больно стало за его искалѣченную озлобленную душу.

Обритаго и закованнаго Илью отвели наконецъ въ корпусъ одиночекъ и посадили въ камеру № 7.

ГЛАВА V.

Новая комера Ильи была продолговатой комнатою аршина въ 4 длиной и арш. 5 высотой. Небольшое окно съ массивной желѣзной рѣшеткой было расположено высоко, подъ самымъ потолкомъ; а для большей защиты отъ свѣта, нижнія стекла его были щедро вымазаны густой лиловой краской, вслѣдствіе чего въ камерѣ господствовалъ какой-то блѣдносиній полумракъ, какъ вуаль застилавшій зрѣніе; только отойдя къ самой двери, сквозь два верхнихъ, незамазанныхъ стекла, можно было видѣть узкій клочекъ далекаго неба, но и то въ какомъ-то туманѣ. Убранство камеры было самое суровое. Узкая деревянная кровать, пригвожденная къ правой стѣнѣ, спускалась только на ночь, а днемъ къ услугамъ узника оставался лишь небольшой деревянный столикъ и такая же табуретка, неподвижно утвержденная возлѣ противоположной стѣны. На столѣ красовалась солонка и деревянная шайка съ водой.

Измученный дальней дорогой и тяжелой процедурой туалета сегодняшняго утра, Илья опустил кровать, намѣреваясь отдохнуть; но вмѣсто постели онъ нашелъ только деревянную доску, прилаженную въ изголовьи, а подъ нею узкую, свернутую въ трубку холщовую постилку, назначеніе которой трудно было опредѣлить сразу, потому что она не могла служить ни тюфякомъ, ни одѣяломъ, ни даже простыней. Такъ, какой-то небольшой лоскутъ грубаго холста, длиной въ два аршина. Очевидно предполагалось, что каторжникъ долженъ согрѣвать себя въ этой деревянной постели только своей внутренней теплотой, если по счастью у него окажется достаточный запасъ ея.

Дѣлать было нечего; Илья попытался лечь, но когда въ за-

думчивости онъ занесъ было ногу на кровать, цѣпь рванулась и неприятно загремѣла, грузно опускаясь на доски; этотъ звукъ рѣзнулъ его по сердцу. Онъ наклонился, чтобы придержать цѣпи рукой и осторожно уложить ихъ на кровать, не давая звенѣть, какъ вдругъ кто-то съ шумомъ опустилъ два желѣзныхъ болта, запиравшихъ снаружи форточку и, откинувъ дверцу, крикнулъ Ильѣ:

— На тебѣ, получай!

— Что тамъ такое? спросилъ Илья и согнувшись подошелъ къ фортокѣ, держа цѣпи въ рукахъ.

— Вотъ тебѣ ремешокъ, которымъ ты подвѣжешь себѣ цѣпи за это среднее кольцо, чтобы онѣ не волочились, а концами вкругъ пояса завяжи. Вотъ и кожаные подкандалники, которые ты приладишь на ноги подъ самые кандалы, чтобы обручи не рѣзали ногу, вотъ тутъ—указывая пальцемъ, объяснялъ старшій надзиратель.—Да, ты видно въ жизнь свою не носилъ кандаловъ, насмѣшливо замѣтилъ онъ, глядя, съ какимъ растеряннымъ видомъ разсматривалъ Илья эти странные приспособленія.

— Нѣтъ, не приходилось...

— Ну, такъ вотъ носи на счастье!... Эй ты, крикнулъ онъ затѣмъ младшему надзирателю, тащи сюда «бочокъ».

— Вотъ тебѣ хлѣбъ, продолжалъ онъ, 2¹/₂ фунта—суточная порція; а тутъ—бочокъ со щами. Какъ поѣшь, постучи, чтобы прибрали остатокъ хлѣба и посуду.

— Нѣтъ, мнѣ есть не хочется, сказалъ Илья, отходя отъ фортки.

— Что ты, какъ не хочешь! Вѣдь ты съ самаго города поди ничего не ѣлъ, а за 50-то верстъ на перекладныхъ небось изрядно растрясло. На, ѣшь, не церемонься, вѣдь это твое, казна тебѣ отпускаетъ, съ покровительственной пропіей угощалъ старшій.

— Вѣдь я сказалъ тебѣ, что не хочу, раздражительно отвѣтилъ Илья.

— Ну, ты мнѣ не *тыкай*! По положенію ты долженъ вѣжливо обращаться со мной. Я—твой господинъ, понимаешь; за грубость свою—отвѣчать будешь.

— Ахъ, уйди ты отъ меня, нетерпѣливо отвѣчалъ Илья, начиная уже не на шутку раздражаться.

— погоди, доложимъ смотрителю, злобно прошипѣлъ старшій. Не хочешь добромъ, проберутъ тебя почище, будешь у меня мягокъ, какъ воскъ—и форточка шумно захлопнулась.

Оставшись одинъ послѣ этой нелѣпой сцены, Илья съ облегченіемъ вздохнулъ и принялся опять умищиваться на своей голѣй кровати. Изъ кузницы его привели въ одномъ бѣльѣ, такъ какъ кандалы мѣшали надѣть суконные штаны, которые нужно было предварительно распороть по внутреннимъ швамъ, чтобы приспособить такимъ образомъ къ ношенію кандаловъ, а это лежало повидимому на обязанности самихъ заключенныхъ. Илья слишкомъ усталъ, чтобы приняться за эту работу, а потому, ло-

жасть на кровать, онъ принужденъ былъ только сверху прикрыть ноги штанами; свернутую же холщевую постилку положилъ въ изголовье, чтобы защитить отъ холода бритую часть головы; а верхнюю часть тѣла должна была согрѣвать, какъ могла, короткая суконная куртка, нѣчто въ родѣ жилета съ рукавами.

На дворѣ стоялъ холодный, пасмурный день съ завывающимъ вѣтромъ. Въ плохо отопляемой камерѣ — холодно, сыро и неуютно. Илья жметъ отъ стужи, подбираетъ подъ себя ноги и старается поплотнѣе прильнуть къ своему жесткому деревянному ложу, чувствуя непреодолимую потребность отдохнуть и забыться сномъ. Мало по малу онъ начинаетъ нѣсколько согрѣваться; холодныя цѣпи, воспринявъ теплоту тѣла, уже не леденятъ ноги; обнаженная правая половина головы, крѣпко прильнувъ къ постилкѣ, перестаетъ напоминать о себѣ и не возбуждаетъ, какъ прежде, холодную дрожь во всемъ тѣлѣ. Ему тепло, ему отрадно. Онъ сладко дремлетъ, забывъ обо всемъ. Но вотъ скорченные члены, уставъ лежать въ неестественномъ положеніи, безсознательно распрямляются, цѣпи сдвигаются съ прежняго нагрѣтаго мѣста, дремлящая голова перестаетъ съ прежнимъ усиленіемъ прилегать къ постилкѣ, и опять холодъ охватываетъ его со всѣхъ сторонъ и пробуждаетъ его изъ дремоты. Въ отчаяніи онъ снова жмется, стараясь придать своему тѣлу наименьшій объемъ, и проваливается въ душѣ дикую фантазію людей, избрѣвшихъ эту безчеловѣчную пытку. Да, вотъ она въ чемъ идея наказанія, думаетъ онъ. Это — организованная месть сильнаго, месть, являющаяся сама себѣ цѣлью! Кому полезны, кому нужны мои муки? Тюрьма и безъ этого крѣпка, зачѣмъ же эти кандалы, терзающіе мое тѣло; зачѣмъ этотъ холодъ и голыя доски? Вѣдь я и безъ того не въ силахъ разбить замыкающіе меня замки, рѣшетки и двери. Ради чего же всѣ эти истязанія безоружнаго? Ахъ люди, люди, зачѣмъ они ожесточаютъ мою душу, еще такъ недавно полную однимъ чувствомъ добра. Зачѣмъ въ награду за слово правды, которое я имъ несъ, они поселяютъ въ моей душѣ возмущеніе и злобу! Зачѣмъ, зачѣмъ!.. гнѣвно твердитъ онъ.

Но мало по малу, когда порывъ гнѣва началъ утихать, онъ сталъ находить даже какую-то своеобразную отраду въ своемъ страданіи. Ему казалось, что пройти этотъ скорбный путь необходимо, что, пройдя его, онъ воспитаетъ въ себѣ ту особую нравственную силу, какая закаляется только въ страданіи. Совѣсть его чиста, онъ исполнилъ свой долгъ, какъ умѣлъ, и готовъ гордо встрѣтить свою долю. Мысль эта ниспослала тихій миръ въ его измученную душу и онъ забылся наконецъ сномъ.

Стемнѣло; дежурный зажегъ жестяныя лампы и началъ уставлять ихъ по одиночкѣ въ особое отверстіе, продѣланное для этой цѣли со стороны корридора, высоко надъ дверью каждой камеры. Прилаживая лампу номера 7-го, долго возился, поворачивая ее то вправо, то влѣво, стараясь ярче освѣтить лицо спавшаго Ильи, чтобы лучше разглядѣть его. При этихъ манипуляціяхъ пучокъ

яркихъ лучей, отбрасываемыхъ блестящимъ рефлекторомъ лампы, то падалъ на лицо Ильи, то убѣгалъ на стѣну, оставляя его въ тѣни. Эти быстрыя смѣны свѣта и тѣни дѣйствовали раздражающимъ образомъ на глаза спящаго, вызывая легкую отраженную судорогу въ мышцахъ его лица, аналогичную той, какая происходитъ обыкновенно подъ вліяніемъ электрическаго тока. Сонъ Ильи сдѣлался безпокоенъ, онъ началъ метаться—еще двѣ, три такія судороги и онъ проснулся бы совсѣмъ, если бы дежурный, наскучивъ вертѣть лампу, не прекратилъ своихъ опытовъ. Установившійся однообразный свѣтъ подѣйствовалъ успокоительно на спящаго и подъ яркими лучами лампы онъ продолжалъ спать по прежнему спокойно. Но не прошло и получаса, какъ въ корридорѣ раздался громкій голосъ старшаго:

— На мѣсто, смотритель идетъ!

Надзиратели вытянулись и стали торопливо оправлять свою аммуницію.

— Отворяй № 7, приказалъ смотритель.

Ему уже успѣли довести о стычкѣ Ильи съ надзирателемъ, и онъ явился теперь, величественно неся ему свои громы и намѣреваясь преподавать урокъ чинопочитанія и рабскаго послушанія. Онъ думаетъ коротко отчеканить свое обычное наставленіе: «Разъ попалъ сюда, ты въ моей полной власти; будешь слушаться всѣхъ, начиная съ меня и кончая послѣднимъ надзирателемъ, тебѣ будетъ сносно житься, но Боже избави, если уклонишься отъ повиновенія: возьму тебя за волосы и съ затылка до пятокъ сдеру съ тебя шкуру, до смерти заморю!»

Подшли къ двери № 7; старшій привычной рукой вложилъ ключъ въ десятифунтовый замокъ, быстро отперъ его и только-что было взялся за ручку, чтобъ отворить дверь, какъ смотритель, точно чего-то спохватившись, остановилъ его и, подойдя ближе, посмотрѣлъ въ наблюдательное оконце.

— Спитъ онъ что-ли? спросилъ онъ старшаго.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе.

— Да съ чего же у васъ вышло-то это; въ чемъ онъ тебѣ не повиновался?

— Все *тыкаетъ*, ваше высокоблагородіе.

— А ты ему объяснилъ, кто ты и кто онъ?

— Какъ же, ваше высокоблагородіе, я ему говорю—я твой баринъ, ты мнѣ долженъ повиноваться, а онъ...

— Дуракъ ты! раздраженно крикнулъ смотритель.—ты начальникъ, начальникъ! болванъ ты этакій, выдумалъ—баринъ!

— А что же онъ-то тебѣ сказалъ?

— Онъ мнѣ, ваше высокоблагородіе, сказалъ «поди прочь»...

— Что же, онъ злой?

— Должно полагать, ваше высокоблагородіе. Такъ-то онъ ничего себѣ на видъ, будто спокойный, а говоритъ не робѣя; словомъ, говоритъ какъ обнокновенно, а все видно хочетъ сказать: наплевать мнѣ на тебя и на твоего смотрителя. Это, ваше вы-

сокоблагородіе, значить, нехотя со мной разговариваетъ, пояснялъ старшій.

— А, наплевать! отворай! крикнулъ смотритель.

Дверь съ шумомъ распахнулась. Илья хотя уже не спалъ, но не совсѣмъ еще очнулся и продолжалъ лежать, не раскрывая глазъ. Старшій бросился будить его.

— Слышь, вставай! господинъ смотритель изволили придти!

Илья спросонокъ забылъ, гдѣ онъ находится; вѣдь это былъ еще первый сонъ его на каторгѣ. Онъ медленно приподнялся, хотѣлъ спустить ноги, но кандалы зазвенѣли, перепутались и не позволяли высвободить ногъ. Илья раздумчиво смотрѣлъ на эти цѣпи, точно недоумѣвая, откуда онѣ могли взяться и, сидя на койкѣ, сталъ машинально распутывать ихъ.

Его задумчивое лицо, его старанія въ полудремотѣ выпутаться изъ цѣпей—все это какъ то невольно смягчило смотрителя, за минуту нетерпѣливо стоявшаго передъ нимъ и готового обрушиться на него цѣлымъ потокомъ угрозъ и брани.

— Отчего ты не устроилъ ему кандалы, какъ слѣдуетъ? видишь какъ онъ запутался? строго обратился смотритель къ старшему.

Этотъ громкій вопросъ привелъ въ себя Илью; онъ поднялъ голову и, вглядываясь въ смотрителя, сказалъ:

— Здравствуйте, я васъ не узналъ...

Начальникъ окончательно растерялся. Онъ не ожидалъ такой простой встрѣчи; въ манерѣ и голосѣ Ильи, при всей своей предубѣжденности, онъ не могъ подмѣтить ни заносчивости, ни пренебреженія, ни злости. Правда, Илья все еще продолжалъ сидѣть на кровати, распутывая свои кандалы, но съ этимъ нужно было примириться; смотритель хорошо понималъ, что цѣпи не позволятъ узнику свободно встать на ноги, пока не будутъ распутаны. Однако начальникъ все же досадовалъ въ душѣ, что засталъ его въ такомъ положеніи, когда неудобно держать воспитательную рѣчь въ строго каторжномъ духѣ. Колеблясь между желаніемъ дать острастку и голосомъ такта, свойственного чиновнику дипломату, онъ ничего не нашелся сказать въ отвѣтъ на простое привѣтствіе Ильи, какъ высококомѣрно произнести солдатское «здорово».

— Выйди, приказалъ онъ старшему, и тотъ поспѣшилъ удалиться, притворивъ за собой дверь.

— Почему не устроить кандалы, какъ слѣдуетъ; вѣдь на это есть особая приспособленія, при помощи которыхъ они не будутъ путаться и тереть ноги? наставительно произнесъ смотритель, оставшись наединѣ съ Ильей.

— Да, я знаю, это надо будетъ устроить, сказалъ Илья. Мнѣ уже выдали эти приспособленія, да я еще не успѣлъ приладить ихъ; успѣется послѣ.

Разговоръ какъ-то не клеился. Смотритель не находилъ предлога приступить къ наставленію, хотя бы въ мягкой формѣ.

До сихъ поръ онъ стоялъ все время въ фуражкѣ, но пройдясь взадъ и впередъ по камерѣ, онъ снялъ ее и, присѣвъ на скамейку, спросилъ Илью, чтобы какъ-нибудь выйти изъ неловкаго молчанія:

— Что же, читать вѣрно хочется?

— Да, хотѣлось бы, только мнѣ не позволили взять съ собой ни одной книги; а тутъ—я не знаю, есть ли какія нибудь книги?

— Есть—духовнаго содержанія, душеспасительныя; вообще здѣсь можно читать только по религіозной части; книги же философскія и научныя совсѣмъ воспрещены; романовъ, разумѣется, также нельзя читать, они вѣдь кровь молодую волнуютъ, ухмыльнулся смотритель.

— А газеты и журналы, конечно, тоже воспрещены? спросилъ Илья.

— Объ нихъ и говорить нечего; здѣсь строго воспрещено даже на словахъ сообщать какія бы то ни было общественныя новости. Какъ же это возможно?! Тогда одиночное заключеніе потеряло бы всякій смыслъ и значеніе. Новости волнуютъ, а тутъ надо вести себя спокойно, а главное повиноваться. Вотъ долгъ всякаго арестанта наставительно добавилъ смотритель.

— То есть какъ же это повиноваться и въ чемъ? Все разумное или неизбежное можетъ быть исполнено и безъ всякой необходимости повиноваться, а просто въ силу сознанія необходимости.

При этихъ словахъ смотритель нахмурилъ брови, чуя съ застенной радостью, что давно-жданная минута настала. Онъ всталъ, выпрямился во весь ростъ, надѣлъ фуражку (присутствіе скромнаго деревяннаго образа, висѣвшаго по правиламъ въ углу камеры, вѣроятно, слишкомъ мало импонировало, чтобы напомнить о себѣ и заставить его повиноваться обязательному русскому обычаю не покрывать головы въ томъ помѣщеніи, гдѣ есть икона) и патетически жестикулируя, смотритель сказалъ, отчеканивая каждое слово:

— Если старшій надзиратель или даже младшій требуетъ, чтобы съ нимъ обращались вѣжливо, какъ съ начальникомъ, если онъ требуетъ, чтобы ему говорили *вы*, когда онъ самъ опять-таки какъ прямой начальникъ говорить *ты*,—надо непременно повиноваться, иначе всякое ослушаніе, какъ бы легко оно ни было, влечетъ за собой строгое наказаніе.

— Этого я что-то не пойму, спокойно отвѣтилъ Илья; чтобы требовать вѣжливости къ себѣ, нужно прежде всего самому быть вѣжливымъ и внушать такимъ образомъ уваженіе къ своей личности; это необходимо даже съ точки зрѣнія самой строгой дисциплины—грубость уважать нельзя, а гдѣ нѣтъ уваженія, тамъ нѣтъ истиной дисциплины. Такое требованіе со стороны надзирателей тѣмъ болѣе странно, когда вы, главный начальникъ тюрьмы, сами считаете необходимымъ обращаться со мной на *вы* (Илья не за-

мѣтилъ, что чиновникъ-дипломатъ избѣгалъ мѣстоименій и строилъ фразы безлично).

— Я — другое дѣло, совсѣмъ другое дѣло-съ, проговорилъ нѣсколько смущенный смотритель. Это — моя добрая воля, я щажу-съ, но когда мнѣ понадобится—и я потребую этого...

— Ну конечно, вы можете многого захотѣть и многого потребовать, но вамъ могутъ и отказать въ удовлетвореніи вашего *личнаго* желанія. Въ васъ я обязанъ видѣть только исполнителя закона и подчиняться только законнымъ вашимъ требованіямъ, а отнюдь не личной прихоти. Законъ же обязываетъ и васъ обращаться вѣжливо съ заключенными.

Смотритель кусалъ губы, сознавая правоту Ильи и всю шаткость своего положенія въ роли начальника-самодура. Чтобы выйти изъ этой неловкости, ему хотѣлось по привычкѣ топнуть ногой и крикнуть: «молчать, не разсуждать!», но эта *ultima ratio* какъ-то не подоспѣла во время, а главное спокойная твердость заключеннаго недостаточно щекотала, чтобы естественно вызвать этотъ обычный рефлексъ. Онъ счелъ за лучшее удалиться и, повернувшись къ двери, сказалъ, не глядя на Илью:

— Надѣюсь, въ другой разъ этого не повторится!... и вышелъ.

Ужели, спрашивалъ себя возмущенный Илья, оставшись наединѣ, ужели удастся имъ довести меня до такого самоуниженія, чтобы я сталъ величать грубыхъ тюремныхъ холоповъ, а самъ выслушивалъ бы ихъ грубое *ты*? Конечно, они имѣютъ полную фактическую возможность обращаться со мною на *ты*, но никакими усилиями и пытками не принудятъ меня говорить имъ *вы*, чего собственно главнымъ образомъ они и добиваются. У меня отнято все: свобода, счастье, молодость, можетъ быть отнять скоро и жизнь, но самоуваженія—никогда! Какая цѣль, какой смыслъ этого дикаго правила, изобрѣтеннаго вопреки закону чьей-то досужей фантазіей? Или можетъ быть они хотятъ подчеркнуть, что я безоруженъ, а они сильны? но я и безъ того слишкомъ хорошо ощущаю это ежечасно, ежеминутно, при каждомъ своемъ движеніи, при каждомъ вздохѣ. Неужели же грубостью и насиліемъ надъ моей нравственной личностью, они думаютъ вселить во мнѣ уваженіе и почтеніе къ нимъ, какъ распорядителямъ моей жизни и смерти? Нѣтъ, эта грубость вызоветъ не почтеніе, а презрѣніе въ каждомъ, въ комъ сколько-нибудь развито нравственное чувство. А можетъ быть такимъ обращеніемъ они думаютъ показать, что презираютъ во мнѣ безправнаго, осужденнаго; но истинное презрѣніе бываетъ холодно и просто, а ихъ мелкія усилія, ихъ ревность указываетъ только на недостатокъ самоуваженія ихъ къ самимъ себѣ. Они стремятся подогрѣть это самоуваженіе, поддерживая глухую хроническую борьбу изо дня въ день, и будятъ протестъ, чтобы имѣть возможность подавить его. За отсутствіемъ силы нравственной, они жаждутъ наслаждаться сознаніемъ своей силы физической, хотя эту послѣднюю никто не думаетъ отрицать у нихъ. Педагогическихъ задачъ предположить здѣсь также

нельзя, даже въ отношеніи къ общей категоріи осужденныхъ, съ которыми, впрочемъ, они обращаются гораздо проще; а тѣмъ болѣе въ отношеніи къ той категоріи, къ которой принадлежу я; да и вообще мысль о педагогин, воплощенной въ увѣсистомъ кулакѣ безграмотнаго отставнаго солдата и краснорѣчиво выражаемой богатымъ лексикономъ крѣпкихъ словъ съ перечисленіемъ родственниковъ по женской линіи, у любого самаго наивнаго человѣка вызоветъ только улыбку... Жизнь, жизнь, сколько въ ней глубокихъ противорѣчій! Какъ живы еще въ людяхъ инстинкты ихъ зоологическихъ прародителей—*gratez le russe, vous y trouverez un barbare*, сказалъ бы европеецъ, если бы ему позволили хотя бы однимъ глазкомъ заглянуть въ нашу тюрьму, устроенную съ виду по новѣйшимъ европейскимъ образцамъ, но жизнь которой складывается на самобытный русскій манеръ. Жестокая жизнь, жестокіе нравы!..

Такъ думалъ Илья, бродя по своей каторжной клѣткѣ. За время долгихъ лѣтъ предварительнаго заключенія онъ успѣлъ свыкнуться съ одиночествомъ, хотя не безъ борьбы и не безъ мукъ. Онъ привыкъ жить наединѣ съ собой, со своими мыслями и эта привычка спасала его до сихъ поръ отъ самоубійства или безумія. И хотя эта жестокая тюремная жизнь до того притупила его нервы, что трудно, казалось ему, изобрѣсти что-нибудь новое, что бы могло его потрясти, однако случались минуты, когда онъ съ тоской задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ же я продолжаю существовать, зачѣмъ я выношу всѣ эти униженія и пытки? Правда, я молодъ, я почти еще не жилъ; мнѣ не было и 21-го года, когда двери тюрьмы закрылись впервые за мною; я хочу жить и работать, я не удовлетворенъ тѣмъ, что сдѣлалъ до сихъ поръ, но неужели же все, что судила мнѣ жизнь впереди—это воплотить въ себѣ культъ страданія? Ахъ этотъ ужасный, жестокій культъ; онъ и безъ того внѣдренъ въ плоть и мозгъ нашего народа его жестокой исторіей! Обидно и больно; того ли я хотѣлъ, къ тому ли я стремился!.. Вступая на избранный путь, я зналъ конечно, что наградой мнѣ будетъ страданіе, и ждалъ его какъ неизбѣжное, но обидно то, что жизнь перевернула мою задачу и, подаривъ мнѣ полную чашу мукъ, не дала сдѣлать ничего положительнаго; изъ защитника людского счастья и добра она превратила меня въ какого-то апостола страданія! Да, видно въ колыбель нашу фея жизни кладетъ не цвѣтущую вѣтвь, чреватую плодами, а сухой сучковатый жезлъ анахорета!..

И. Джабадари.

Окончаніе слѣдуетъ.

Кара за любовь къ родинѣ.

(Дѣла Сынека и Биронта—1862 г.).

Въ концѣ 1861 г. были отданы въ военную службу, за пѣніе національных польскихъ гимновъ въ костелахъ, жители города Люблина Левъ Сынекъ и Іосифъ Биронтъ, отправленные затѣмъ на службу въ отдѣльный сибирскій корпусъ. Въ іюль 1862 г. Сынеку и Биронту было разрѣшено возвратиться на родину, и они были освобождены отъ военной службы. Между тѣмъ при слѣдованіи ихъ въ Сибирь, они были осмотрѣны въ г. Пензѣ, и у нихъ были обнаружены дневники преступнаго содержанія.

„Любезная родина,—писалъ Сынекъ,—клянусь тебѣ, что бы ни случилось въ моей жизни, хотя бы пришлось перенести жесточайшія пытки, никогда не измѣню тебѣ, всегда буду помнить, что я—полякъ, родившійся въ польской землѣ, и что для тебя обязанъ перенести все. Ужасно, сколько приходится терпѣть человѣку, но ничего, все это ради отечества, все за любезный, бѣдный угнетенный народъ. Быть можетъ, страданія столькихъ сыновъ его принесутъ пользу родинѣ, ибо я не вѣрю, чтобы все это прошло даромъ; сегодня или завтра, но оно не будетъ забыто и будетъ одною изъ главныхъ причинъ, вызывающихъ народъ окончательно освободиться изъ этихъ кузнечныхъ клещей. Ссылаютъ меня въ Сибирь и думаютъ, что, удаляя изъ отечества въ столь отдаленное изгнаніе, устрашаютъ меня, измѣняютъ мой образъ мыслей и ослабятъ любовь къ отечеству. Глупая надежда! Я для него готовъ перенести всякія пытки и мученія. Царь! давай мнѣ больше страданій, я съ улыбкой на устахъ, хладнокровно перенесу ихъ, и ты не увидишь никогда въ моемъ лицѣ ни сожалѣнія, ни униженія. Скорѣе увидишь меня на носилкахъ мертвого, нежели покоряющимся тебѣ. О, родина! будь увѣрена, что столькія страданія, понесенныя твоими дѣтьми, не пропадутъ даромъ, что они принесутъ пользу; сегодня или завтра ты должна возстать и быть счастливою. Развѣ край нашъ проклятъ и суждено ему быть всегда подъ игомъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ. Твои дѣти не дозволятъ этого. Будешь ты, я твердо надѣюсь, любезная Польша, свободна и счастлива. Я увѣренъ, что народъ нашъ не пожалѣетъ своей крови, дастъ ея напиться врагамъ своимъ, а польскую землю освободитъ отъ ига; тогда намъ можно будетъ дѣлать, что угодно, для пользы родной страны. Такъ, наша Польша возстанетъ, взойдетъ звѣзда и для нея, она изгонитъ враговъ

своихъ и разорветъ позорную цѣпь. Вѣрьте этому, поляки, и не теряйте надежды, будьте только единодушны въ своихъ желаніяхъ, и смерть сомкнетъ глаза нашей неволѣ. Тяжко и грустно въ изгнаніи, мысль о Польшѣ терзаетъ мнѣ сердце, но до самой кончины изъ устъ моихъ будутъ изливаться проклятія на моихъ враговъ, ибо никакія пытки и мученія не заставятъ меня молчать, и всюду, гдѣ нужно будетъ, я отправлюсь помогать и смотрѣть, какъ поляки будутъ сокрушать въ конецъ русскіе кандалы. Какъ убійственно изгнаніе изъ родины, а еще болѣе препровожденіе по этапамъ, болѣе десяти мѣсяцевъ, съ разбойниками и преступниками, о которыхъ вы не имѣли даже понятія, это—неописанное мученіе, это—нравственная пытка. О, русское правительство, столько на тебѣ проклятій, жалобъ и слезъ, что не знаю, будешь ли ты въ состояніи смыть ихъ съ себя“.

Въ дневникѣ же Сынека записаны стихи Искандера:

„А русскій царь съ кнудомъ—
Какъ русскій попъ съ крестомъ;
Имъ онъ бьетъ, имъ онъ жметъ.
А руссаки, какъ дураки,
Розиня ротъ, во весь народъ,
Кричатъ: ура, насъ бить пора“.

Наконецъ, тамъ же помѣщены и стихи Рылѣва:

„Кто брошенъ въ дальніе снѣга,
За дѣло чести и отчизны,
Тому сноснѣ укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага“.

Военный судъ приговорилъ Сынека къ содержанію въ крѣпости на четыре года. Генераль-Аудиторіатъ полагалъ возможнымъ ограничить это наказаніе однимъ годомъ. Докладъ былъ Высочайше утвержденъ 8 мая 1863 г.

Въ дневникѣ же Биронта было изложено:

„Царь все думаетъ, что я слуга его и исполнитель его воли. Пусть будетъ такъ, но я, среди грязи и униженія, происходящаго отъ его наказаній, проложу себѣ дорогу къ высокимъ подвигамъ; и кто скажетъ, что это дурно?“ Описывая свое выступленіе изъ Люблина, Биронтъ выражался: „мракъ покрывалъ еще городъ тишина изрѣдка прерывалась рыданіями собравшагося народа, который, сочувствуя нашей злой долѣ, собрался, чтобы еще разъ съ нами проститься. Рыданія эти всего лучше изображали гнетъ Россіи надъ нами; сестры, матери, друзья, старавшіеся къ намъ приблизиться, представляли нашъ народъ съ его лучшими желаніями, а окружавшій насъ казачій конвой изображалъ Россію, пренятетвующую Польшѣ развиваться тѣмъ путемъ, по которому идетъ нынѣ весь міръ“.

Подъ 28 мая Биронтъ заноситъ въ свой дневникъ: „въ г. Корочѣ, Курской губерніи, мы пробыли сегодня до 11 часовъ утра; приходилъ къ намъ священникъ совершать молебствіе для арестантовъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, я вступилъ въ разговоръ съ священникомъ,

стараясь представить всё варварскіе поступки, какіе правительство совершило въ Варшавѣ. Преимущественно старался я дѣйствовать на него со стороны религіозной, и дѣйствительно мнѣ удалось достигнуть желаемой цѣли, потому что я успѣлъ возбудить въ немъ совершенное негодованіе противъ такихъ беззаконій. Дай Богъ, чтобы то, что я посѣялъ въ сердцѣ этого священника, какъ можно скорѣе разрослось по всей Россіи“.

На слѣдующій день Биронтъ писалъ: „конвоировавшій насъ прапорщикъ Мальцевъ оказался человѣкомъ весьма умнымъ и понимающимъ движеніе вѣка; съ нимъ то, въ продолженіе дороги, я имѣлъ удовольствіе разговаривать, и постояннымъ почти предметомъ нашихъ бесѣдъ были послѣднія событія въ Польшѣ. Мальцевъ далъ мнѣ прочесть Войнаровскаго—поэму знаменитаго русскаго автора Рылѣева, который былъ также сосланъ въ Сибирь¹⁾. Весьма пріятно мнѣ было встрѣтить въ русскомъ—сознаніе цѣли этой поэмы, а вмѣстѣ и мысли, что тогда только и его отечество можетъ быть счастливо, когда освободится отъ тиранскаго ига царей. Дай Богъ, чтобы всё въ Россіи скорѣе это сознали. какъ уже прозрѣли его нѣкоторыя личности; тогда могла бы осуществиться идея Мицкевича о соединеніи славянъ въ одинъ великій свободный народъ. О, родная моя земля, какъ тоскую я по тебѣ; быть можетъ, не увижу болѣе твоихъ обильныхъ полей, ни твоей прекрасной Вислы. Какъ ужасно быть изгнанныкомъ изъ своей родины и мучиться мыслью, что, можетъ быть, уже ее болѣе не увижу. Но неужели мнѣ назначенъ судьбою такой ужасный удѣлъ? Подобныя страданія могутъ ли искупиться собственнымъ моимъ счастьемъ. Нѣтъ, никогда, только когда вся Польша будетъ независима и свободна. О, Боже! для чего не исторгнешь ты ее изъ подъ ига тирановъ?“

Наконецъ, 14 іюня Биронтъ писалъ: „нѣсколько дней ничего не пишу, на меня напала какая то апатія, такъ что я не въ состояніи написать даже двухъ словъ. Одна мысль, что, быть можетъ, не придется болѣе видѣть родной земли, убиваетъ во мнѣ силы физическія и нравственныя; я страдаю ужасно и, когда будетъ конецъ страданіямъ, не знаю,—развѣ въ могилѣ. Если ужъ такъ суждено, то пусть бы скорѣе явилась смерть и положила бы конецъ моимъ мученіямъ, но жестокая судьба и въ этомъ мнѣ отказывается. О, русскій Царь, какъ ты ошибаешься, когда думаешь, что мученія, хотя бы самыя ужасныя, въ состояніи перемѣнить поляка! Не вѣрь этому: полякъ подлымъ невольникомъ быть не можетъ и, не смотря на то, что его все болѣе угнетаешь, онъ никогда не забудетъ своей достославной исторіи и того, чѣмъ обязанъ своей отчизнѣ; всегда будетъ громко упрекать тебя за твои притѣсненія и за то, что, какъ самый подлый воръ, ты безнаказанно взялъ его землю. Клянусь тебѣ, Царь, мстить,

¹⁾ Здѣсь грубая ошибка: Рылѣевъ въ числѣ пятерыхъ декабристовъ былъ казненъ въ 1826 г. на гласисѣ Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ.

метить и метить, постараюсь исполнить свою присягу при первом удобномъ случаѣ.

Судъ приговорилъ Биронта къ содержанію въ крѣпости на четыре года. Генераль-Аудиторіатъ полагалъ лишить Биронта дворянства и всѣхъ правъ состоянія (Биронтъ происходилъ изъ дворянъ) и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.

Заключеніе Генераль-Аудиторіата было Высочайше утверждено 8 мая 1863 г.

Побѣгъ Алеши Поповича.

Россія готовилась къ войнѣ съ Турціей. Призывали отпущенныхъ. Въ числѣ прочихъ былъ взятъ и нашъ «Алеша Поповичъ», какъ называли мы Виктора Костюрина. Онъ былъ артиллеристъ. Служба эта ему нравилась. Война рисовалась ему въ картинахъ дѣятельности, въ подвигахъ, походахъ, и онъ съ большою охотою вступалъ въ службу. Нѣсколько разъ, кажется, ходилъ даже на ученіе. Вдругъ вспоминають, что онъ привлекается къ политическому процессу (процессъ 193). «Вамъ, говорятъ ему, нельзя служить».—Почему, отчего?—Алеша и принялся хлопотать, чтобъ его все-таки взяли на войну...

Его и взяли, но только не на войну, а въ жандармскія казармы; при нихъ находились камеры заключенія, туда и посадили его.

Въ г. Елисаветградѣ былъ нѣкто Краевъ; занимался адвокатурой. У него бывали многіе изъ кievскихъ бунтарей. Онъ угощалъ ихъ чаемъ, ѣдой, слушалъ разговоры, но дѣлъ ихъ не зналъ. Ему не сообщали даже нелегальныхъ фамилій, ограничиваясь лишь именами да кличками. Если что онъ и узнавалъ, то только изъ теоретическихъ споровъ, при обсужденіи общихъ вопросовъ. изъ отдѣльныхъ фразъ въ разговорахъ. Какъ оказалось, это его не удовлетворяло, и онъ, въ своихъ письмахъ къ какому-то родичу, выставлялъ себя не просто гостепріимнымъ хозяиномъ, а человѣкомъ, находящимся въ близкихъ отношеніяхъ съ революціонерами, знающимъ и ихъ дѣла.

Все это имѣло мѣсто лѣтомъ 1876 г. Въ томъ же году произошла исторія съ Гориновичемъ въ Одессѣ¹⁾. Такъ какъ Гориновичъ передъ этимъ былъ въ Елисаветградѣ, что стало извѣстно, то въ немъ и начались обыски, аресты. Во время суматохи попались и письма Краева. Его забрали, принялись допрашивать. Сталъ онъ завѣрять, что ничего знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ; ему показали его письма. Сталъ онъ всю правду выкладывать, что дѣлалъ, кто бывалъ, какъ кого звали,—недостаточно: по однимъ именамъ и кличкамъ нельзя отыскать лю-

¹⁾ Покушеніе на его жизнь, совершенное Дѣйчемъ. Гориновичъ не былъ убитъ, но страшно изуродованъ сѣрной кислотой, которой было облито все его лицо.

дей. Быть не можетъ, чтобы вамъ ничего больше не было извѣстно! говорятъ Краеву и садятъ его въ Одесскую тюрьму. Еврей, безъ денегъ, безъ близкихъ родныхъ, онъ очутился тутъ въ ужасномъ положеніи,—измучился, изнервничился—до послѣдней степени. А жанамъ и на руку, скажи, дай намъ хоть какую-нибудь зацѣпку, чтобы можно было отыскать тѣхъ, кого угощали вы, и мы васъ выпустимъ,—говорятъ ему. Мы сами видимъ, что вы не виноваты, что попали, какъ куръ во щи, но намъ необходимо заполучить хоть одного изъ той компаніи, тогда васъ и выпустимъ, а пока—сидите. И его продолжали морить, хотя онъ давно выложилъ имъ все, что зналъ. Въ числѣ прочихъ указаній онъ сказалъ, что у него бывалъ и Алѣша, артиллеристъ, отбывавшій раньше воинскую повинность. Артиллеристовъ много, и по одному этому трудно было добратъся до настоящаго виновника. Но вотъ начинаются приготовленія къ войнѣ. Пересматриваются списки. Алѣша, оказывается, привлекается къ политическому процессу, онъ военный и артиллеристъ. Такихъ лицъ меньше, и у жандармовъ явилась мысль свести Алѣшу съ Краевымъ. И вотъ берутъ его и ведутъ. Входитъ онъ, навстрѣчу ему поднимается сѣро-зеленоватая, изможденная тѣнь, кого-то напоминающая, и порывисто бросается впередъ. Алѣшинька, здравствуйте! выкрикиваетъ она.—Я васъ не знаю! рѣзко, сурово говоритъ Алѣша. Голубчикъ, спасите! Скажите, что знаете! Посмотрите, что со мной сдѣлали!.. Скажите имъ, что я ничего не знаю! взмолился бѣдняга... Алѣша, глянувъ еще разъ внимательнѣй, узналъ. Жалость охватила его...

Да, я знаю его! Да, я бывалъ у него! Онъ ничего одѣлахъ не знаетъ! и. т. д. заговорилъ Алѣша... Кончилось тѣмъ, что Краева скоро выпустили, а Алѣшу засадили въ жандармскія казармы. Молодой, здоровый, полный энергіи и желанія двигаться, работать, освобождать братушекъ, вообще, дѣйствовать, и вдругъ въ четырехъ стѣнахъ очутиться... Неудивительно, что человѣкъ невзвидѣлъ свѣта, забился, какъ звѣрь въ клеткѣ: Бѣжать! во что бы то ни стало бѣжать и скорѣй! вотъ то, на что направились всѣ его мысли, всѣ чувства. Въ Одессѣ у него были друзья, товарищи, знакомые. Они помогутъ, надо лишь дать имъ знать, сообщить свое желаніе. Это удастся. Попко и я приглашаемся Жуковымъ (псевдонимъ) къ нему на квартиру, онъ передаетъ о полученіи писемъ отъ Алѣши, спрашиваетъ, согласимся ли мы помогать побѣгу, и у насъ начинаются разсужденія на эту тему. Самъ Жуковъ личнаго участія по семейнымъ дѣламъ принимать не можетъ, но обѣщаетъ содѣйствовать деньгами и головой. Въ первый разъ остановились было на верховыхъ лошадяхъ, съ тѣмъ и разошлись, чтобъ осмотрѣть для этого мѣстность. Попко, какъ казакъ, ничего не находилъ въ этомъ планѣ неудобноисполнимымъ; у меня же свѣжа еще была неудача съ покупкой верховыхъ лошадей, для увоза Волховскаго въ Москвѣ. Вышло тамъ какъ-то такъ, что при толкахъ о верховомъ увозѣ

я пошутилъ, совершенно не думая критиковать этотъ планъ, очутившись въ Москвѣ случайно на минуту, и въ освобожденіи не принималъ участія: я на другой же день уѣзжалъ. Но вотъ проходитъ мѣсяцъ съ небольшимъ. Я опять въ Москвѣ. Вдругъ мнѣ предлагаетъ Воронковъ придти на конную площадь смотреть, какъ онъ будетъ продавать лошадей. Какихъ? Почему?! спрашиваю. Верховыхъ! Верховой планъ забракованъ: неудобствъ много нашли. Поэтому рѣшено продать, и скорѣй: дорого содержаніе. Въ Воскресенье я отправился на конную и при мнѣ забезцѣнокъ Воронковъ продалъ пару хорошихъ лошадокъ. Все это еще стояло живо въ памяти, все это пугало меня и я не особенно увлекался этимъ планомъ, откладывая окончательное рѣшеніе до обследованія мѣстъ вокругъ казармъ. Необходимо было и съ Алешей сговориться. Попко занялся сношеніями, я сталъ кружить вблизи казармъ. Онѣ находились внѣ главнаго города, тамъ, гдѣ начиналась слободка. За казармами недалеко шли брошенные каменоломни. Смотрю планъ: узкій переулокъ дальше казармъ упирался въ ямы и рывины. На повозкѣ и верхами проѣхать трудно: была лишь пѣшеходная тропа.

Къ казармамъ съ одной стороны примыкалъ заброшенный садъ изъ акацій. Заборы въ немъ полуразобраны. Лазить можно, но перескочить верхомъ сомнительно. Позади жандармскихъ казармъ помѣщались казачьи казармы. Туда можно было попасть изъ сосѣдняго двора. Заборъ невысокъ. Сосѣдній дворъ принадлежалъ городу. Тамъ помѣщался обозъ для очистки нечистотъ. Ворота этого двора постоянно стояли открытыми. Вотъ то, что выяснилось изъ обзора окрестностей казармъ. Для верхового ухода тутъ мало было удобствъ. Передали Алешѣ. Тотъ малость спокойнѣе сталъ, не такъ рвался. Принялись обсуждать новые планы, а главное, еще не было ясно, какъ онъ выйдетъ изъ камеры, со двора казармъ: прогулокъ вначалѣ не было. Дѣло затянулось. Къ тому же у меня въ это время начиналась подготовка къ экзаменамъ. Я надумалъ добыть себѣ настоящій народнаго учителя паспортъ и стать учителемъ. Для этого, добывъ метрику и свидѣтельство объ окончаніи уѣзднаго училища, отправляюсь къ попечителю Одесскаго округа, подаю прошеніе и мнѣ велятъ явиться въ 3-ю Одесскую гимназію для экзамена въ извѣстное время. Оно наступало, и надо было малость подзаняться, и я засѣлъ за учебникъ. Между тѣмъ Алеша, затихшій на время и согласившійся выжидать благоприятныхъ обстоятельствъ, неожиданно забилъ тревогу: написалъ Жукову, что онъ готовъ, хоть на «уру», готовъ на все, лишь бы дѣйствовать, а не сидѣть, сложа руки. Жуковъ встревожился, призвалъ насъ съ Попкой. Стали обсуждать, какіе могутъ быть случаи. Дошли до того, что вся помѣха окажется въ часовомъ. Придется устранить! замѣчаемъ мы съ Попкой. Какъ, вы и передъ кровью не остановитесь?! спрашиваетъ Жуковъ. — Но какъ же быть?! разсуждаемъ мы. Положимъ, Алеша полѣзетъ на стѣну, или

станетъ садиться на лошадь, а тутъ откуда нибудь вынырнетъ жандармъ и станетъ его тащить за ноги... Ну, нѣтъ, я несогласенъ, дѣлайте какъ знаете, а только я вамъ не товарищъ въ этомъ дѣлѣ! заявилъ намъ Жуковъ. Собственно еще не было и такого плана, и лишь Алѣша, разсуждая въ своемъ письмѣ, очень рѣшительно выражался. Это-то и напугало, вѣрно, Жукова. Какъ бы то ни было, но теперь мы и совѣщаться не стали ходить къ нему. Алѣша же, изливъ ему свою душу, самъ скоро увидалъ, что тутъ и «уру» не поможетъ, а потому опять успокоился, сталъ ждать и высматривать. У меня начались экзамены и въ то же время вышли всѣ деньги. Иду къ Жукову, прошу добыть рублей 50... Вамъ на дѣло? или на житье? спрашиваетъ онъ. У меня есть деньги, но мнѣ нужно: сильно больна жена. Если на дѣло, то добуду, если же на житье,—нѣтъ! добавилъ онъ. Меня нѣсколько удивило такое разграниченіе дѣла отъ житья, точно можно было вести дѣло, какъ-то не живя, но я не сталъ спорить потому, что сейчасъ дѣйствительно не предвидѣлось ни найма лошадей, ни покупокъ какихъ либо, а деньги нужны были мнѣ на житье. Это я ему и сказалъ.—Въ такомъ случаѣ я не могу вамъ дать! говоритъ Жуковъ и мы расходимся. Мнѣ до сихъ поръ непонятнымъ осталось такое отношеніе. Онъ зналъ, что личныхъ доходовъ у меня нѣтъ, онъ зналъ, что дѣло не брошено,—ведутся сношенія, выжидается случай, что жить нужно для этого, и все-таки умъ за разумъ у него зашелъ. Пришлось перехватить немного у другихъ и продолжать экзамены. Неожиданно приѣзжаетъ изъ Кіева Аня М... привозитъ двѣсти рублей на освобожденіе и живую струю свѣжаго чело-вѣка. Къ тому же и Алѣша, получивъ теперь прогулку и осмо-трѣвшись окончательно, отказался отъ верховыхъ лошадей, и мы остановились на экипажѣ.

Въ Одессѣ былъ татарсаль. Содержалъ его французъ. У него въ манежѣ учились верховой ѣздѣ и брали верховыхъ лошадей кататься. Надо было узнать, нѣтъ ли у него экипажа съ лошадьми, которыхъ онъ отдавалъ бы тоже на часы кататься. Беру я свои документы, иду въ татарсаль, спрашиваю; конюха въ недоумѣніи, но выходитъ самъ хозяинъ, и дѣло рѣшается къ общему удо-вольствію.

У него есть кабріолетъ и пара пони; онъ ихъ и велитъ за-прячь, когда я приду. Отлично! На другой день являюсь, говорю, чтобы запрягли лошадей. Отдаю свои документы въ залогъ. Мнѣ вывели пару рыжеватыхъ, стройныхъ на тонкихъ точеныхъ нож-кахъ лошадокъ, похожихъ скорѣй на большихъ козъ, а не на лошадей, имъ подъ ростъ и кабріолетъ выкатили. Только дѣтей катать, а не убѣгать на нихъ изъ тюрьмы. Спрашиваю, нѣтъ ли экипажа больше,—другого не оказалось. Довольствуюсь малымъ. Сажусь и їду на квартиру, гдѣ ожидала Аня. Тамъ встрѣчаю дочурку Волховской, только что привезенную изъ-за границы. Беремъ ее съ собой и катимъ. Наши козочки быстро засемили

ножками, для катанья по городу выходило недурно, но рѣшено было всё-таки просить у француза другихъ лошадей. Катанье не понравилось чѣмъ-то и Волховской: она расплакалась и ее пришлось отвезти домой. Сами же мы отправились въ татерсаль. Французъ, увидавъ Аню, молодую, красивую, хорошо одѣтую, сразу согласился дать лучшую, болѣе быструю лошадь, возвратилъ мнѣ документы, извинялся, что нѣтъ только у него большого кабриолета. Мы помирились и съ малымъ. Ушли. Пропустивъ дня два-три, я снова двинулся въ татерсаль. Теперь заложили настоящую лошадь изъ французскихъ скаковыхъ: жидковата и она мнѣ показалась. Поѣхалъ, взялъ Аню, и сталъ пробовать. Разъ пустил во всю, другой; беретъ хорошо, но быстро умаривается. Не подходитъ и эта!.. Тамъ я видалъ у нихъ рысака, придется его просить! говорю Анѣ. Та соглашается. На этомъ и останавливаемся, а пока, чтобъ дать французу заработать, рѣшаемъ прокатиться за городъ, на дачи.

Быль чудный весенній день; ѣхали мимо дачъ; кругомъ сады, между деревьевъ въ глубинѣ видны дачи; вдаль темно синѣло море. Лошадь мѣрно-лѣниво позвякивала подковами. Свѣтъ, тепло, воздухъ—все располагало къ нѣгѣ, мечтамъ, изліяніямъ, души. Задумались мы и умолкли на время. Аня, какъ болѣе подвижной и живой человѣкъ, очнулась первая. Ей вдругъ захотѣлось выяснитъ мое отношеніе къ ней, услышать отъ меня то, въ чемъ она и другіе подозрѣвали меня, подтрунивали даже за глаза.—«Почему это ко мнѣ относятся такъ враждебно въ Одессѣ?» начала она съ вопроса. Принимаюсь было за разъясненіе (такая враждебность, если и существовала, не имѣла никакой основы). Аня скоро перебиваетъ меня и ставитъ уже прямо вопросъ: «а какъ я?»—Мнѣ она нравилась; мнѣ оставалось теперь лишь произнести громко слово... Но я, передернувъ возжами, хватилъ заснувшую лошадь кнутомъ, и мы молча понеслись къ морю. Романъ кончился, не начавшись. Все это произошло неожиданно, безъ всякаго заранѣе обдуманнаго рѣшенія, непонятно для меня самого. Впослѣдствіи не разъ я пытался выяснитъ себѣ причину своего поведенія—и всегда затруднялся. Тутъ перепуталось вмѣстѣ и то, что на бракъ я смотрѣлъ серьезно, и то, что Аню считалъ женой товарища, и то, что я совсѣмъ былъ непривыченъ изъяснять свои чувства. Словомъ, романъ не состоялся и объ немъ больше не было и не будетъ рѣчи. Въ татерсалѣ хозяинъ согласился и на рысака, обѣщаясь его подковать. Подходила Пасха, на ней мы хотѣли рысака пробовать. Алѣша не торопилъ насъ. Я закончилъ въ субботу на шестой недѣлѣ всѣ экзамены и мнѣ вѣрно было явиться послѣ Пасхи, чтобъ дать пробный урокъ, а тогда выдадутъ и свидѣтельство на учителя, было сказано. Наступаетъ страстная недѣля. Весна манитъ въ поля, на просторъ. Алѣша прислалъ письмо, гдѣ категорически заявилъ, что 25-го марта онъ сдѣлаетъ попытку выскочить, во что бы то ни стало. Просилъ быть съ лошадыю. О всѣхъ нашихъ пробахъ онъ, ко-

нечно, зналъ, зналъ и про рысака. Что его намъ дадутъ, мы не сомнѣвались, поэтому отвѣтили, что лошадь будетъ и что ему дадутъ знать, когда она подѣдетъ, а именно, пройдетъ дама въ заброшенномъ саду и махнетъ платкомъ. Затѣмъ, такъ какъ выскочить можно и чрезъ дворъ казачьихъ казармъ, то Дробязгинъ ¹⁾ возьметъ извозчика и будетъ ждать на другой улицѣ, а у казармъ жановъ, значитъ, рысакъ остановится. Сообщили Алѣшѣ адреса квартиръ. Словомъ, всѣ мелочи разработали отлично и только насчетъ рысака никому не пришло въ голову сходить, узнать, дадутъ ли его. Французъ былъ такъ любезенъ, такъ разсыпался передъ Аней, что сомнѣваться въ его словахъ трудно было, и никто не усумнился.

Подходить вечеръ 24-го марта. Я жилъ не далеко отъ татарсала, но на всякій случай, чтобъ не случилось неожиданнаго обыска и ареста, ушелъ къ одному поднадзорному ночевать. У него было безопаснѣй. Онъ занимался химіей и всё остальное критиковалъ. Критиковалъ онъ и всякія освобожденія. Узнавъ о нашемъ, не разъ подтрунивалъ. Я пересталъ и говорить, отмалчивался, когда онъ спрашивалъ, въ какомъ положеніи дѣло. Поэтому и теперь, придя ночевать, я ничего ему не сказалъ: еще начнеть отговаривать, смѣяться, разстроить, а тутъ нужно полное спокойствіе. Самъ онъ какъ-то ничего не замѣтилъ, а послѣ сердился, что ему не сказали. А между тѣмъ, казалось, легко могъ бы догадаться: утромъ 25-го марта я у него переодѣлся во все чистое бѣлье, на случай провала; вообще одѣлся по праздничному, точно къ обѣднѣ, и отправился на квартиру, гдѣ собрались всѣ участники. Тутъ повторили роли, условились насчетъ времени еще разъ и часовъ въ 10-ть съ небольшимъ я двинулся въ татарсаль и прямо на конюшню. Прошу конюховъ заложить мнѣ рысака; тѣ переминаются, переглядываются... Рысака дурно подковали, нога опухла, будутъ перековывать! какъ-то неуверенно заговорилъ одинъ. Показалось подозрительнымъ. Иду къ хозяину. Онъ повторяетъ то же самое, общаетъ приготовить къ Пасхѣ и предлагаетъ взять другую. Я съ неохотой соглашаюсь. Смотрю, выводятъ большую рыжую, лохматую (съ длиннымъ волосомъ) водовозку англійской породы... Куда же она годится?! съ укоромъ вопросительно обращаюсь къ французу и кучерамъ... Да вамъ лучшей нельзя и отпустить! слышу тихое, но ясное, про-себя кучеровъ... Прошлый разъ вы испортили мнѣ лошадь! добавляетъ громко хозяинъ. Дѣйствительно, заходя на конюшню, я замѣтилъ, что лошадь, на которой мы катались, стояла особо на толстомъ слоѣ конскаго навоза. Признакъ отека ногъ. Ее, вѣрно, хорошо не выводили и поставили на мѣсто. Что тутъ дѣлать?! Отложить до Пасхи! но Алѣша ждетъ сегодня. Предупредить невозможно, знаками не скажешь; можетъ не такъ понять и можетъ выско-

¹⁾ Повѣшенъ въ Одессѣ вѣстѣ съ Малинкой и Майданскимъ 7 декабря 1879 года.

чить, а лошади и неokaжется. Э, была не была! лучше водовозка, чѣмъ ничего! Лошадь по виду, все-таки, сильная. Закладывайте! говорю. 25-го марта Благовѣщеніе. Люди въ церковь ушли. Проулокъ, гдѣ жандармскія казармы, и безъ того малолудный, теперь былъ совершенно пустъ; одинъ лишь часовой у воротъ казармъ нарушалъ эту мертвенность. Становлюсь у открытыхъ воротъ обознаго двора. Прошла дама, сдѣлала Алѣнѣ знакъ, что лошадь ждетъ. Я насторожился, приготовился. Проходитъ минута, другая... четверть... Нѣтъ Алѣши! Мнѣ кажется, что я стою давно-давно, что прошли не минуты, а часы. Лошадь, пригрѣтая солнцемъ и довольная покоемъ, не то дремлетъ, не то думу какую думаетъ. Пытаюсь опредѣлить свои чувствованія и ничего не нахожу кромѣ скуки ожиданія. Вдругъ сзади раздается отчаянный крикъ. Костюринъ воспользовался тѣмъ, что калитка была отворена, а часовой разговаривалъ съ женщиной какой-то. Костюринъ гулялъ по двору, вдоль дома и, увидѣвъ, что калитка полуотворена, выскочилъ. Оглядываюсь. Алѣша съ развѣвающимся пальто на одномъ плечѣ летитъ во всю ко мнѣ, за нимъ жанъ, какъ-то широко-широко разставляя ноги. Шинель, ясно, мѣшается ему, и онъ отсталъ. Но тутъ неожиданно мертвая улица вдругъ ожила: крикъ жана точно воскресилъ мертвецовъ. Люди появились и сзади, и спереди, кончилась обѣдня и шли по домамъ чрезъ каменоломню на слободку.

Одинъ бросился наперерѣзъ Алешѣ. Тотъ уже садится, слышитъ, тянутъ пальто; онъ крѣпко прижимаетъ его одной рукой къ краю кобриолета, другой хватается за возжу. Лошадь, малость вздремнувшая, видя передъ собой людей, не сразу двинулась. Алеша, возбужденный бѣгомъ, въ нетерпѣніи хватается за возжи, но не за обѣ, а за одну. Лошадь дѣлаетъ поворотъ налѣво и упирается почти въ стѣну. Я набрасываюсь на Алешу, отнимаю возжу, направляю по улицѣ, и лошадь, напуганная всѣми передергиваніями, собираетъ всѣ силы, вытягивается и бросается съ неудержимой силой впередъ. Публика пугается, разступается; мой длинный бѣлый хлыстъ-кнутъ держитъ и дальше ее на разстояніи. Парень, схватившійся за пальто, вмѣстѣ съ пальто очутился на землѣ: онъ таки вырвалъ его. Мы понеслись. Передаю Алешѣ кистень, указываю на приготовленное пальто, фуражку и самъ весь отдаюсь мысли, куда же направить бѣгъ. Переулокъ промелькнулъ моментально. Выѣхали на Портофранкскую улицу. Она огибааетъ городъ и отъ нея начинаются улицы его. Прямо противъ насъ идетъ одна такая большая, а лѣвѣй два узкихъ переулка. Направляю въ первый узкій переулокъ. Тамъ квартира дамы, дававшей знаки Алешѣ. Стоило, не возбудивъ вниманія, вскочить въ переулокъ и всему дѣлу конецъ.

О погонѣ со стороны жановъ не могло быть и рѣчи: прошли минуты. Сначала все шло хорошо: большую часть Портофранкской, а она довольно широка, уже проѣхали; но вотъ въ улочкахъ при началѣ появился, остановился одинъ, другой и весь переулокъ

заполнился любопытными. Посмотрѣлъ въ начало другого переулка — тамъ тоже. Поворачиваю, держу на средину улицы Портофранкской, гдѣ только и была хорошо укатанная дорога, прочія части улицы представляли засохшія глубокія колеи бывшей грязи. Всякъ искалъ тогда сухого мѣста и всю улицу изрѣзали глубокими бороздами. Когда мы повернули, пришлось ѣхать напрямикъ, не разбирая мѣстъ. Вдругъ—трахъ! и колеса подозрительно задребезжали. Сломалось! но что? Задерживаю лошадь, пускаю шагомъ, колеса вращаются. Ура! Ёдемъ быстрѣй и скоро въѣзжаемъ на укатанную дорогу. Припустили. Новая зацѣпка! Навстрѣчу идетъ обозъ съ военными вещами: красный флачекъ на первомъ возу и сбоку у вожовъ солдаты съ пашкой на-голо. Пропустятъ или задержать? является вопросъ. Подъѣзжаемъ; намъ навстрѣчу выбѣгаетъ возчикъ и перетягиваетъ кнутомъ. Солдатъ первой подводы поблѣднѣлъ, подтянулся, выпрямился, но дорогу не загородилъ и мы поѣхали вдоль обоза. Онъ насъ еще спряталъ и отъ любопытныхъ. Явилась передышка. Осматриваюсь и только теперь понимаю, почему на насъ обратили и обращаютъ вниманіе. Алеша машетъ бѣлымъ кистенемъ, а кистень-то въ крови весь. На бѣломъ же красное ясно выступаетъ, но ему, смотрящему впередъ, этого не видно. Когда у него вырвали пальто, то съ нимъ сорвали и часть кожи. Этого онъ не замѣтилъ, а кровь лилась и испачкала кистень. Кистень спрятали, руку платкомъ обернули. Вообще, благодаря обозу, привели себя въ порядокъ. Скоро снова начиналась улица въ городъ. За угломъ стоялъ городской; что творится на Портофранкской, не видѣлъ онъ и пропустилъ насъ. Одинъ кварталъ, другой—не видно погони; на третьемъ оглядываюсь и вижу, какъ проворонившій насъ городской пустился бѣжать въ нашу сторону. Мы поворачиваемъ направо и направляемся къ базару. Тутъ весь конецъ улицы, прилегающій къ базару, запруженъ воловьими возами. Дороги нѣтъ. По тротуару ¹⁾ собираюсь ѣхать дальше, но, какъ только сталъ близиться къ возамъ, они, быстро раздвигаясь, образовали проходъ, дорогу, замыкаясь за нами сей же часъ. Вотъ и базаръ. Онъ расположенъ вокругъ церкви. Дорога идетъ кругомъ. Это окончательно загораживаетъ насъ отъ погони. Мы дѣлаемъ дугу, выѣздъ и здѣсь запруженъ, но панель невысока. Мы черезъ нее. Тутъ Алеша встаетъ и уходитъ пѣшкомъ. Въ ближайшей улицѣ попадаетъ ему одно-конная каретка и онъ ѣдетъ на квартиру Ани. Я же отправляюсь въ татерсаль сдавать лошадей; ѣду трускомъ, чтобъ лошадь остыла. Принимать вышелъ самъ хозяинъ. Расплачиваюсь. Иду къ сидѣнью взять вещи. Для Алеши мы купили шинель докторскую и фуражку. Рядиться онъ не захотѣлъ, и все это оставилъ на сидѣнны. Подхожу, поднимаю свертокъ и, о ужасъ!

¹⁾ Въ Одессѣ мѣстами очень широкій тротуаръ. При чемъ узкая часть его выложена гладкимъ, широкимъ камнемъ, а широкая крѣпкимъ раковиннымъ известнякомъ—довольно неровнымъ. М. Ф.

подъ сверткомъ лежить окровавленный кистень. Французъ увидалъ, подошелъ, быстро взялъ кистень и съ словами: а это что?! обращается ко мнѣ. Что ему отвѣтить?! Неожиданность на мигъ огорошила меня, но тутъ самъ французъ и помогъ: онъ замахнулся, поднялъ кверху.—Гимнастика! шары для гимнастики! выпаливаю спѣша.—А, гимнастика, понимаю, понимаю—обрадовался мой французъ и продѣлалъ нѣсколько круговъ. Нашъ кистень состоялъ изъ двухъ большихъ карточъ, соединенныхъ толстой бичевой; все это было обшито въ бѣлую замшу и походило на гимнастическую гиру. Еще сейчасъ я хорошо не помню, былъ ли и револьверъ съ нами, — кажись, да; тогда и онъ на сидѣньи долженъ былъ лежать. Къ этому, брали лошадь для дамы, а на сидѣньи мужское пальто, кистень въ крови, револьверъ. Странно! Но мой французъ, увлекшись гимнастикой, на остальное мало обратилъ вниманія. Я забралъ все, взялъ у него кистень и скорѣй домой. Мы условились собраться на квартирѣ Ани только черезъ часъ послѣ событія. Времени оставалось довольно. Дай-ка лягу и сосну! такъ ждать скучно, рѣшаю я и ложусь. Легъ, закрываю глаза. До сихъ поръ нервы молчали; никакого особеннаго волненія въ себѣ я не замѣчалъ; голова, воля работали безъ всякой излишней торопливости, но тутъ, точно прорвалась плотина. Мысли, случайности, люди, возы, — все только что пережитое цѣлой волной нахлынуло, охватило, привело въ такое состояніе, что я скорѣй пальто на плечи и бѣжать на улицу. Въ комнатѣ стало душно, нехватало воздуха. Вышелъ, выбралъ самый отдаленный путь, зашелъ въ концѣ въ трактиръ и только тутъ, вспотѣвъ отъ чая, пришелъ въ себя, совершенно опять успокоился. Отправляюсь на квартиру Ани, по дорогѣ захожу въ винную лавку, требую хорошаго хереса; о немъ я имѣлъ понятіе лишь по названію. Вкуса не зналъ. Мнѣ подають и говорятъ, что цѣна ему 1 р. Малая цѣна смущаетъ меня. А нѣтъ ли лучше?! спрашиваю. Торговецъ молча беретъ съ другой полки другую бутылку, подастъ мнѣ и требуетъ 1 р. 25.; лучше нѣтъ, заявляя. Беру, приношу на квартиру. Тамъ всѣ въ сборѣ и сначала, конечно, началось цѣлованье, потомъ предлагаю распить мою бутылку. Откупориваемъ, наливаемъ, пробуемъ и съ проклятьемъ всѣ выплевываемъ: дрянъ ужасная. Разговоръ не вяжется. На всѣхъ сказывается утомленіе отъ пережитаго. Изъ квартиры въ проулкѣ, куда мы направились вначалѣ, видна была вся наша скачка на Портофранкской и тамъ смотрѣли ее. Всѣмъ захотѣлось отдохнуть и мы разошлись. Я возвратился домой, легъ и сей же часъ уснулъ, какъ убитый. Проснулся вечеромъ, но мнѣ кажется утро, бывшее забылось; начинаю соображать, что сегодня придется дѣлать для освобожденія. Глаза останавливаются на докторскомъ пальто. Проходитъ маментъ, и память, проснувшись, вдругъ вернулась, напомнила, что дѣло уже сдѣлано, что больше нечего загадывать. Меня охватываетъ тоска, жалость отъ какой-то утраты, пустоты жизни. Было дѣло, была задача и разомъ ничего.

Все вновь надо начинать, опять новую задачу искать. Найдешь и снова заживешь. Только тогда и живетъ человѣкъ, только тогда и счастливъ, пока есть у него цѣль, пока стремится онъ осуществить какую нибудь задачу....

Слухи и случай небольшой:

По Одессѣ очень скоро разошлась молва объ увозѣ. Но передавали, что подѣхала тройка и на ней-то и укатили.

На Пасху захожу я какъ-то въ трактиръ чаю напиться. Пью. Недалеко отъ меня одинъ изъ пьющихъ тоже чай—нѣтъ, нѣтъ да и посмотритъ на меня, потомъ съ половыми заговорилъ и опять на меня. Мнѣ подозрительнымъ показалось; подзываю полового, начинаю расчитываться... Здравствуйте; что же это вы не приходите за лошадьми кататься? раздается около меня голосъ одного изъ кучеровъ татерсая. Я его не узналъ, а онъ-то меня сразу призналъ. Это онъ-то и посматривалъ на меня. Барыня по гостямъ занята! отвѣчаю, спѣшу расплатиться и скорѣй наутекъ. Осталось неизвѣстнымъ, знали ли кучера, что на ихъ лошади былъ увезенъ Алеша, или нѣтъ. Мнѣ передавали, что на нашу водовозку, когда ее проваживали, наскочила погоня. Взяли ее, стали показывать очевидцамъ, но тѣ, будто, не признали, а тутъ пошли толки о тройкѣ и т. д. Что тутъ правда, что выдумка—трудно разобрать, да мы и не добивались знать. Черезъ двѣ-три недѣли мы съ Алешей, взявъ перекладныхъ, двинули въ Херсонъ. Тамъ недалеко было имѣнье, въ которомъ онъ и остался на время.

М. Фроленко.

20 декабря 1905 года.

Дѣло Н. Г. Чернышевскаго

(по неизданнымъ источникамъ)

(окончаніе).

III.

Сенатъ еще прежде полученія подробнаго показанія Чернышевскаго призналъ необходимымъ прежде всего сличить почеркъ карандашной записки съ почеркомъ Н. Г. 19 іюня были призваны секретари сената, которые, разумѣется, совсѣмъ не должны были обладать какими бы то ни было спеціальными знаніями. Двое изъ нихъ категорически высказались, что записку писалъ Чернышевскій, измѣняя при этомъ почеркъ, остальные шестеро признали несходство почерковъ въ общемъ характерѣ, но сходство въ 12-ти буквахъ изъ 25. Сенатъ, въ свою очередь, опредѣлилъ, что «и въ отдѣльныхъ буквахъ сей записки и въ общемъ характерѣ почерка есть совершенное сходство съ почеркомъ бумагъ, писанныхъ Чернышевскимъ до предъявленія ему его записки, съ почеркомъ же, коимъ писано имъ объясненіе въ сенатъ отъ 1 іюня, которое онъ писалъ въ продолженіе девяти дней, никакого сходства нѣтъ».

Врядъ ли можно было сдѣлать такое нелѣпое опредѣленіе, потому что почеркъ Чернышевскаго, всетаки, всегда былъ и остался одинъ и тотъ же. Но, такъ или иначе, а указаніе на подлинность записки было теперь уже окончательно. Остававшаяся раньше надежда, что, можетъ быть, хоть сенатъ дастъ себѣ трудъ смѣло выговорить правду, пала...

Разумѣется, въ виду этого сенатъ не призналъ возможнымъ освободить Чернышевскаго на поруки... Кстати скажу, что въ серединѣ іюня ему были высочайше разрѣшены свиданія съ А. Н. Пыпинымъ и Е. Н. Пыпиною.

Прошла недѣля, и вдругъ 2 іюля Замятнинъ присылаетъ оберъ-прокурору очень пространную «Записку о литературной дѣятельности Чернышевскаго». Мало того, министръ юстиціи, человѣкъ, которому должно бы подавать примѣръ безусловной законностью своихъ дѣйствій, рѣшается прибавить при этомъ,

что посылаетъ записку «къ совокупному разсмотрѣнію съ дѣломъ»...

Замятнину прислалъ ее предсѣдатель слѣдственной комиссіи—кн. Голицынъ. А отъ кого получилъ ее онъ? На этотъ вопросъ нѣтъ положительнаго отвѣта. Можно только догадываться объ авторѣ. По однимъ разсказамъ, это пресловутый Илья Арсеньевъ, литераторъ, бывшій на гастроляхъ въ III Отдѣленіи и потому прозванный «Искрой»—Арсеньевымъ III-мъ. По другимъ—это самъ Всеволодъ Костомаровъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывалъ г. Рейнгардту служившій въ III Отдѣленіи подполковникъ З. Но принимая во вниманіе весь тотъ вздоръ, который рассказывалъ этотъ подполковникъ и который изложенъ на стр. 463—464 въ февральской книжкѣ «Русской Старины» за 1905 годъ ¹⁾, врядъ ли можно повѣрить и тому, что авторъ Костомаровъ. Правда, мы уже читали въ его письмѣ къ Соколову обѣщаніе познакомить его съ литературною дѣятельностью Чернышевскаго, читали объ этомъ и въ допросѣ, но, насколько мнѣ знакомъ стиль и способъ изложенія костомаровскихъ статей и арсеньевскихъ, я склоненъ приписывать «Записку» Арсеньеву.

Она настолько любопытна во всѣхъ отношеніяхъ, что, разумѣется, должна быть приведена полностью. ¹

«Двѣ теоріи, заключающія въ себѣ разрушительные элементы разложенія, угрожаютъ опасности нашей общественной жизни при самомъ началѣ ея благотворнаго развитія. Первая теорія—матеріальный фатализмъ, отрицающій индивидуальную нравственную свободу человѣка, есть извращенное ученіе нравственной философіи; другая—соціализмъ, неисходно переходящій въ коммунизмъ, ставитъ себя въ основаніе новой политико-общественной экономіи.

«По ученію первой теоріи, человѣческія дѣянія совершаются не отъ свободной рѣшимости разумнаго человѣка, не вслѣдствіе выбора его совѣсти между добромъ и зломъ, а опредѣляются и творятся *исключительно* неодолимою силою среды, въ коей живетъ человѣкъ, неотклонимымъ могуществомъ природы, географической организаціи человѣка и происходящихъ оттуда обычаевъ и учреждений. Такимъ ученіемъ уничтожается нравственная *вмѣняемость* человѣческихъ дѣяній. Если нѣтъ въ человѣкѣ свободной нравственной воли и дѣятельности, тогда нѣтъ грѣха, нѣтъ преступленія, нѣтъ стыда, всѣ дѣянія безразличны, тогда не за что человѣка хвалить и хулить, награждать и наказывать. Награжденный для этого класса людей—смѣшонъ; пре-

¹⁾ Совершенно непонятно, какъ это г. Рейнгардтъ рѣшается утверждать, что самъ Николай Гавриловичъ вполнѣ подтвердилъ разсказъ подполковника. Я категорически утверждаю, что этого не могло быть. Г. Рейнгардтъ, вѣроятно, забылъ, о чемъ онъ говорилъ съ Чернышевскимъ. Нельзя было подтвердить такую ужасную околесицу.

ступникъ есть только *жества общества*, а законное преслѣдованіе злодѣя есть только бѣда.

«Этотъ матеріалистическій фатализмъ есть результатъ того ученія, которое отрицаетъ духовную природу въ человѣкѣ и отвергаетъ бытіе Божіе. Оно исходитъ изъ тѣхъ основныхъ мыслей, что какъ *животныя*, такъ и *растенія наравнѣ*, т. е. не различаясь между собой, *пожественныя* по природѣ и *единныя* по составу своему и жизни, суть скопленіе разноречивыхъ ячеекъ; что вообще *жизнь* есть не что иное, какъ химическій процессъ ячеекъ, разнообразно разлагающихся и слагающихся между собою и окружающею ихъ средою; что такой процессъ и актъ размноженія и есть единственное допускаемое разумомъ *бессмертіе вещества*; что высшій организмъ въ природѣ, съ такимъ же процессомъ химическимъ, но искусно снабженный раздѣльными органами для каждаго отправления, есть *человѣкъ*—произведеніе веществъ природныхъ, въ коемъ инстинктъ называется *разумомъ*.

«Изложенная теорія, распространившись отдѣльно, безъ связи со второю, была бы способна произвести въ государствѣ увеличеніе числа преступленій; но это ученіе въ своемъ примѣненіи введено въ другую теорію, которая направлена *прямо* противъ всего благоустроеннаго общества,—на его силы, труды, богатство и учрежденія, короче сказать—введено въ социализмъ и коммунизмъ. Социализмъ, переходящій въ коммунизмъ, есть ученіе о необходимости распредѣленія матеріальнаго богатства, т. е. раздѣленіе его между всѣми лицами народонаселенія не на юридическихъ основаніяхъ, отсталыхъ, какъ говоритъ эта школа, общественныхъ учреждений, а на прогрессивныхъ *соображеніяхъ* новыхъ экономистовъ, съ *созданіемъ другихъ* (коммунистическихъ) *формъ правленія*. Эти двѣ теоріи составляютъ въ наше время зерно будущихъ общественно-правительственныхъ переворотовъ въ Европѣ. Сторонники ихъ не заговорщики, а проповѣдники революцій. Съ тѣхъ поръ, какъ *совершаются* революціи, говорятъ они, не стоитъ заниматься заговорами. Эти слова характеристичны. Стоитъ ли прибѣгать къ такому опасному средству, когда есть возможность, отвергая, по теоріи нигилизма, стыдъ, преступленіе, грѣхъ и указывая, по теоріи коммунизма, на готовые чужіе капиталы и цѣнности, спокойно, сидя за письменнымъ столомъ; проповѣдовать массѣ народа: богатства распредѣлены не такъ! они распредѣлены вредно для общества! кто живетъ на проценты, прибытокъ, ренту, тотъ *похищаетъ достояніе общества*; надобно сообща раздѣлить цѣнности арифметически, такъ, чтобы ихъ *дѣлитель* былъ *цифра населенія*, *дѣлимое*—*цифра цѣнностей*, а выйдетъ *частное*—это частное есть *количество цѣнностей, принадлежащихъ каждому лицу*.

«Изъ нашихъ періодическихъ изданій «Современникъ» въ послѣдніе годы явился проводникомъ обѣихъ указанныхъ теорій

въ статьяхъ Чернышевскаго, обзоръ которыхъ составляетъ предметъ настоящей записки.

А. Матеріальный фатализмъ.

«Для социалистовъ и коммунистовъ воля человѣческая разумно-свободная, опирающаяся въ выборѣ дѣяній на совѣсти, или сознаніи добра и зла, дѣлала всегда, какъ само собою разумѣется, много хлопотъ. Съ одной стороны, вводимая ими совершенная зависимость отъ общества по имѣнію и управленію, необходимость руководиться природою требуетъ, конечно, сильной дозы самоотверженія, нигилизма. Тутъ для привлеченія себѣ адептовъ пропагандисты коммунизма прибѣгаютъ въ теоріи матеріальнаго фатализма, животнаго инстинкта, несправедливо называемаго разумомъ, къ отверженію духовности и матеріализму. Но, съ другой стороны, всетаки, возникаетъ необходимо вопросъ: какъ же будущій коммунистъ безъ свободной воли уживается въ утопической коммуны? Чѣмъ будетъ онъ руководствоваться, чтобъ безобидно поставить себя относительно своихъ собратьевъ? Тутъ даютъ ему иные нѣкоторую волю, напримѣръ, на выборъ труда, на разумное соревнованіе, на общее содѣйствіе. Доза этой свободы такъ мала, что Бокль, всетаки, прямо отвергаетъ свободную волю, но Чернышевскій, желая обольстить индивидуальною самостоятельностью въ коммунизмѣ, высказалъ мысль, что *люди существенно все одинаковы!* («Атеней» 1858 г., май и июнь). Коммунисты приобрѣли себѣ драгоценную находку въ томъ положеніи, что *каждый человѣкъ — какъ все люди, что въ каждомъ точно то же, что въ другомъ*. Это положеніе позволяетъ вывести изъ него тѣ же слѣдствія, какъ изъ матеріалистическаго фатализма. Такъ, изъ развитія означенной мысли оказывается: 1) что этотъ фатализмъ тождественности есть *матеріальный*, естественный (тамъ же, стр. 76), 2) что человѣкъ, лишенный свободы нравственной, лишается и вмѣненія (стр. 78) и 3) что вины въ человѣкѣ нѣтъ, а есть бѣда (стр. 79).

«Стѣсненіе индивидуальной свободы въ коммунизмѣ сознаютъ все наблюдатели коммунистическихъ тенденцій.

«Чернышевскій въ одномъ мѣстѣ самъ напоминаетъ объ этомъ («Совр.» 1860 г. № 1, Современное обозр., стр. 60), но опроверженія на это замѣчаніе не помѣтилъ нигдѣ, а только рассказалъ далѣе, какимъ путемъ въ изустныхъ спорахъ онъ съ торжествомъ опровергалъ своихъ противниковъ.

«Замѣчательна еще одна сторона въ ученіи Чернышевскаго. Онъ иногда проповѣдуетъ высокія истины, напримѣръ, *человѣкъ обязанъ искать истины, поступать честно*, общество обязано стремиться къ водворенію *справедливости, правды, законности*. Но такіе принципы, *предписывающіе что нибудь дѣлать*, имѣютъ у Чернышевскаго два значенія: одно значеніе ихъ только *общее*, теоретическое, *неопредѣленное*: истины ихъ, взятые въ частно-

сти, могутъ терять свой всеобщій характеръ, свой неизмѣнный типъ; другое значеніе ихъ *частное*, въ сферѣ практической, а не въ теоріи, въ сферѣ дѣйствія, а не мысли; тутъ коль скоро общая мысль переходитъ въ примѣненіи своемъ въ практику, и уже указанъ способъ ея исполненія, она можетъ измѣнить первообразному своему характеру всеобщности, потерять свою безисключительную примѣняемость. Такъ, самое общее положеніе— *поступай честно* при опредѣленіи способа промѣненія, можетъ допускать *нѣкоторые* исключенія. А всякое другое правило допускаетъ еще *больше исключеній*. Неопредѣленность общихъ принциповъ даже такова, что они дозволяютъ (подъ перомъ Чернышевскаго) различныя для себя выраженія; такъ: *поступай честно* (по его мнѣнію) равносильно принципу: *поступай согласно съ природой*, или: обязанность поступать честно, по природѣ, неразлучна съ организмомъ челоуѣка.

«Итакъ, въ частности въ приложеніи къ практикѣ общіе принципы подвержены измѣненію; напр., *честность вообще* требуетъ истины, но *въ частности честность почти всегда* (не абсолютно, а только *почти* всегда) требуетъ соблюденія истины; *иногда она требуетъ нарушенія истины*. Случаи, въ которыхъ нарушеніе истины можетъ допускаться, принадлежатъ исключительно практической сферѣ, они относятся къ жизни дѣйствія.

Б. Соціализмъ и коммунизмъ.

«Ученіе о матеріальномъ фатализмѣ, не составлявшее главной стороны тенденцій Чернышевскаго, далеко не полно развито въ его сочиненіяхъ; напротивъ, теоріи соціализма и коммунизма изложены весьма подробно: имъ съ скрытными ихъ слѣдствіями, въ 1860 г., Чернышевскій посвящалъ все свое время.

«Главнымъ источникомъ для уразумѣнія автора служатъ три его произведенія, помѣщенные въ «Современникѣ»; изъ нихъ два содержатъ теоретическую сторону ученія, третье— сторону историческую или примѣнительную.

1. «*Капиталъ и трудъ*»—большая статья («Совр.» 1860. Янв.), написанная по поводу сочиненія профессора Горлова («Начала политической экономіи»), содержитъ почти цѣлую теорію соціализма и коммунизма въ сокращеніи.

2. Переводъ политической экономіи англійскаго ученаго Милля, весьма приближающагося въ своихъ воззрѣніяхъ къ Прудону, сдѣланный Чернышевскимъ и снабженный его примѣчаніями,—тянется почти во всѣхъ книжкахъ «Современника» 1860 года и переходитъ въ 1861 годъ. Переводчикъ своими примѣчаніями и толкованіями, присоединенными къ переводу, стремится Милля передѣлать въ Прудона. Этотъ переводъ и объясненія содержатъ цѣлую систему ученія, проповѣдуемаго Чернышевскимъ.

3. Для распространенія этого ученія въ томъ же 1860 г. написана весьма рѣзкая для правительства и достаточныхъ клас-

совъ статья подъ заглавіемъ *Іюльская монархія*, въ которой выставлены тенденціи какъ французскихъ, такъ и всякихъ либераловъ, демократовъ, возникновеніе социализма и бунты работниковъ, правительство Луи-Филиппа, пренебрегавшее низшими классами, выставлено въ самомъ черномъ свѣтѣ и на этомъ основаніи выведена несостоятельность династии іюльской. Статья написана вслѣдствіе выхода мемуаровъ Гизо, но авторъ самъ говоритъ, что онъ не держался этой книги, изданіе которой служило для него только предлогомъ для изложенія фактовъ съ точки зрѣнія діаметрально противоположной Гизо, и по другимъ источникамъ (Луи-Бланъ).

«Основаніе всей теоріи коммунизма состоитъ въ томъ, что *трудъ есть единственный производитель цѣнностей*. Давать участіе въ производствѣ *капиталу*—однѣ фразы («Трудъ и капиталъ», «Совр.» 1860 г. январь, стр. 38).

«Отсюда слѣдуетъ:

1. Что потребленіе произведенныхъ цѣнностей по праву не принадлежитъ никому другому, какъ *работнику*, такъ какъ *капиталисты* не трудятся.

2. Судя по теперешнему положенію вещей, нужно другое распределеніе богатства. Да и вообще всякое потребленіе имѣетъ основую *распределеніе* (стр. 19 той же статьи).

3. Поэтому богатство—излишекъ цѣнностей—непроизводительно, вредно: оно произошло въ обиду работнику. «Каждая индѣйка, покупаемая въ Петербургѣ за 3 рубля, отнимаетъ у общества пудъ говядины. Каждый аршинъ сукна, цѣною въ 10 руб. серебромъ, отнимаетъ у кого нибудь теплую шубу» (стр. 43 и 44).

4. Богатые составляютъ *лигу*. Рабочій классъ еще не понимаетъ этого. «Среднее сословіе уже дѣйствуетъ на исторической сценѣ, а главная масса еще не принималась за *дѣло*: ея густыя колонны еще только приближаются къ полю исторической дѣятельности» («Совр.» 1861 г. май, стр. 115). Масса убѣждена, что роскошь и воровство одинаково непроизводительны, вредны; роскошь ихъ обкрадываетъ, убавляетъ отъ ихъ заработковъ.

5. Распределеніе путемъ *переворотовъ* должно совершиться въ томъ смыслѣ, что часть каждаго члена общества по возможности будетъ близка къ средней цифрѣ, полученной изъ отношенія массы цѣнностей къ числу народонаселенія (стр. 18 и 50).

6. Осуществленію этого идеала мѣшаетъ *лига*: она вся основана на существованіи *факта* (не закона) *собственности* и *обычая наследства* (стр. 36).

7. Должны быть даны новыя учрежденія, имѣющія цѣлью перевести цѣнности только въ руки лицъ, вносящихъ въ общество *трудъ*, *лишивъ* цѣнностей лицъ, которымъ принадлежатъ капиталы, потому что а) капиталисты располагаютъ только силами другихъ лицъ, которымъ поэтому принадлежатъ цѣнности однимъ по праву, б) трудящійся не долженъ имѣть болѣе того,

что самъ произвелъ, а капиталисты захватываютъ цѣнности произведенныя другими (воровство) (стр. 51).

8. Средства, представляемыя теоріею для осуществленія этого состоянія, нѣсколько похожи на предпріятіе изъ среды общества такихъ подвиговъ, какіе совершилъ американецъ Вокеръ, или какіе совершало парижское общество *des amis du peuple*, которое располагало такимъ могуществомъ, что вооружало батальонъ и отправляло на помощь Бельгіи противъ Голландіи.

9. При настоящемъ положеніи общества въ Европѣ, эта теорія лежитъ въ основаніи дѣятельности — въ *Англіи*: у работниковъ, это видно изъ союзовъ ихъ или стачекъ, обнаруживающихся въ колоссальныхъ отказахъ отъ работы для принужденія фабрикантовъ къ повышенію заработной платы, въ *Франціи* у учениковъ Прудона и Сенъ-Симона; въ *Россіи* у раскольниковъ и отчасти въ общинномъ землевладѣніи.

«Здѣсь нельзя не вспомнить, что въ одной изъ статей Чернышевскаго («Капиталъ и трудъ») начертанъ подробный планъ коммунистическаго устройства общества, основаннаго какъ бы для образца. Этотъ планъ въ своемъ изложеніи обставленъ, естественно, весьма благовидно и благонамѣренно, скрываясь подъ формою обыкновеннаго товарищества для совокупной четьрьмя или пятьюстами семействъ эксплоатаціи земледѣльческихъ продуктовъ съ устройствомъ мастерскихъ общихъ и для другихъ производствъ, съ согласія правительства; даже при его пособіи. Планъ назначенъ для государства которое хотя не поименовано, но которое очень нетрудно угадать по приведеннымъ тутъ же признакамъ: 1) оно даетъ десятками милліоновъ займы компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, 2) тратитъ десятки милліоновъ на разныя великолѣпныя постройки, 3) богато полями и другими угодіями, 4) признакъ, что въ немъ для помѣщенія товарищества трудящихся находится среди полей множество старинныхъ зданій, стоящихъ запущенными и продающихся за безцѣнокъ, конечно, не подходитъ ни къ одному изъ существующихъ теперь государствъ, но совершенно подходитъ къ Франціи 1793—1799 годовъ. Припомнивъ утопію въ воззваніи «Къ молодому поколѣнію» о распространеніи подобныхъ коммунъ, принявъ въ соображеніе первые три признака, подходящіе теперь къ Россіи, четвертый вѣроятно (въ мысли автора) *имѣющій подходитъ*, нельзя не убѣдиться, что планъ имѣетъ въ виду дать новый видъ нашему отечеству.

«Распространители идей коммунизма выказали огромные таланты, когда они не только развили ученіе, но и дали приемы уничтожать все существующее, все устроенное на религіи, нравственности, законахъ, обычаяхъ. Методы эти могутъ быть разсматриваемы съ трехъ сторонъ: а) или для обойденія цензурнаго устава или б) для наведенія мыслей юныхъ адептовъ коммунизма

на новыя коммунистическія начала, для сообщенія имъ опредѣленныхъ формъ и приемовъ въ борьбѣ при столкновеніи съ прежнимъ порядкомъ вещей. Тутъ придуманы два метода: одинъ *отрицательный*, уничтожительный, разрушительный, а другой *гипотетическій* или способъ сужденія *по предположенію*.

«Что касается методы для обойденія цензуры, которая, впрочемъ, въ 1860 году была очень слаба, то приемы были отчасти общіе: ослабленіе мысли, смягченіе, ограниченіе чрезъ прибавленіе словъ: *иногда, нѣкоторый, иной*; сваливанье всего дѣла на западныхъ народовъ, это все дѣлалось и трактовалось такъ, что ясно было, что идетъ дѣло о принципахъ и истинахъ всеобщихъ.

«Спеціальныя приемы Чернышевскаго состоятъ въ слѣдующемъ:

а) Въ главную цѣль сужденій и умозаключеній онъ вставляетъ обыкновенно слова и фразы изъ обыденной жизни, изъ свѣдѣній пошлыхъ, впрочемъ, нѣсколько идущихъ къ дѣлу, и въ слѣдъ затѣмъ опять продолжаетъ главную свою мысль и опять прерываетъ подобною болтовнею и пошлыми рѣчами. О Чернышевскомъ нельзя сказать того, что обыкновенно говорится о газетахъ: читать надъ строками. У него должно читать буквально между строками, отдѣленными одна отъ другой пустою болтовней. Это его главный преобладающій тонъ. Колоритъ рѣзкій стертъ съ мысли перерывами, очевидно, нелѣпыми, но онъ стертъ, какъ сказано, грубо, и послушная фаланга читателей поневолѣ вчитывается, размышляетъ, а тогда уже не трудно отыскать преобладающую мысль. Надобно полагать, что ключъ къ этому секрету открывался иногда словесно, иногда самъ авторъ въ важныхъ мѣстахъ совѣтовалъ вникнуть въ дѣло, которое, впрочемъ, само за себя говорило. б) Другой приемъ, свойственный Чернышевскому, есть буффонство и глумленіе. Вездѣ, гдѣ онъ начинаетъ буффонить, за этимъ глумленіемъ непосредственно слѣдуетъ самое рѣзкое мѣсто. в) Иногда онъ торжественно заявляетъ, что о томъ-то и о томъ-то онъ говорить не будетъ и не дорожить этимъ: въ одномъ мѣстѣ онъ плюетъ на коммунизмъ, но читайте дальше, дальше онъ говоритъ! Подъ конецъ коммунизмъ оживленный является необходимымъ исходомъ для настоящаго порядка! г) Иногда мысль выставляется у него въ свѣтѣ весьма неблагоприятномъ, но за то сряду жестоко опровергаются ея противники. д) Наконецъ, онъ никогда не пропуститъ случая доказать свою мысль какимъ нибудь существующимъ учрежденіемъ или обычаемъ, которое отчасти напоминаетъ его мысль или имѣетъ нѣкоторое къ ней отношеніе. Такъ, въ правѣ государства отчуждать отъ частнаго лица недвижимую собственность, нужную для какой нибудь важной общественной надобности или предпріятія, Чернышевскій видить начало коммунизма, распоряжающагося посредствомъ своихъ представителей общественнымъ достояніемъ.

«*Отрицательный* способъ связанъ не только со всею системою коммунизма, но и со всѣмъ логическимъ и метафизическимъ строеніемъ уже и духовной дѣятельности человѣка. Онъ есть ужасъ

ное изобрѣтеніе разрушительнаго стремленія нашего времени. Понятіе объ этомъ способѣ дано Чернышевскимъ въ «Современникѣ» 1860 года за апрѣль и май, въ критикѣ книги Лаврова.

«Извѣстно, что школа матеріализма отвергаетъ всякое духовное начало: нѣтъ въ человѣкѣ души, нѣтъ воли, нѣтъ свободы, нѣтъ добра и зла, нѣтъ вмѣненія. «Наблюденіемъ физиологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка» (349 стр. «Совр.», май). Никакого дуализма въ человѣкѣ не видно: еслибы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую, духовную натуру, то эта натура обнаружилась бы гдѣ нибудь.

«Короче: души нѣтъ, одна животная натура въ насъ!

«Для уразумѣнія всей важности методы отрицанія надлежитъ сообразить слѣдующее: такъ какъ доселѣ и вѣра, и совѣсть, и философія учили противному, т. е. что въ одномъ человѣкѣ соединены двѣ природы: духовная и тѣлесная, то естественно, что отъ *принятія* и въ обществѣ человѣческомъ *духовнаго начала* какъ въ мысли, такъ и въ практикѣ есть въ обществѣ множество сторонъ и учрежденій *духовныхъ* или, по крайней мѣрѣ, основанныхъ на *духѣ*; такія стороны духовныя есть въ сферахъ семейной, гражданской, государственной, религіозной; эти духовныя стороны, выражаемыя часто какъ аксіомы, принимаются, вѣрятся, возвышаютъ человѣка до неба и Творца.

«Новая школа не принимаетъ духовности; слѣдовательно, должно отринуть, отказать въ бытіи, уничтожить въ обществѣ и ученіи все, основанное на духовности во всѣхъ сферахъ: въ семьѣ, въ гражданствѣ, въ государствѣ, въ добродѣтели, въ наукѣ, въ вѣрѣ,—да тогда всего этого и не будетъ, не будетъ и святости, и семьи, и права, и власти, нѣтъ добродѣтели, нѣтъ самоотверженія и соединенія религіознаго съ Богомъ. Даже нѣтъ и мысли, потому что, по этой философій, *мыслятъ и собаки*. Таковъ отрицательный методъ, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи отреченія отъ духа и отъ невидимой идеи провести это отреченіе черезъ всѣ сферы, въ какія только можетъ поставить себя человѣкъ по своей всесторонней природѣ!

«На чемъ основываетъ эта школа свое отверженіе отъ духа? На началѣ самомъ дѣтскомъ, именно, что духа никто не видитъ, отъ духа никто ничего не слышалъ! «Въ эту минуту вы, читатель, увѣрены, что когда вы читаете эту книгу, въ той комнатѣ, гдѣ вы сидите, нѣтъ льва. Вы такъ думаете потому, во-первыхъ, что не видите его глазами, не слышите его рыканія. Есть у васъ второе ручательство: это фактъ, что вы живы. Еслибъ въ вашей комнатѣ находился левъ, онъ бросился бы на васъ и растерзалъ бы васъ и проч.

«Принявъ въ основаніе этотъ нигилизмъ, матеріализмъ, фатализмъ жизненный, авторъ научаетъ, какъ должно отвергать все духовное. Этотъ отрицательный методъ иначе называется: *заключеніе о характерѣ неизвѣстнаго по характеру извѣстнаго*.

Извѣстнымъ здѣсь называются *истины наукъ матеріальныхъ*, или *математическихъ*, имѣющихъ назначеніемъ приложеніе къ *матеріальнымъ* величинамъ. Неизвѣстное—это духовный міръ. Дѣлать заключеніе о характерѣ неизвѣстнаго по характеру извѣстнаго значитъ судить о *мірѣ духовномъ* съ точки зрѣнія наукъ матеріальныхъ и все духовное, какъ сказано, отвергать, низводя все въ сферу матеріализма.

«Такимъ образомъ въ излагаемомъ ученіи вмѣсто свободной воли поставлена необходимость причинности. Отвергнувъ свободу и хотѣніе, послѣдователи этого ученія уже не допускаютъ различія между добрымъ и злымъ человѣкомъ. Для этой школы нѣтъ добродѣтели. Жена плачетъ о потерѣ мужа, мать плачетъ о смерти дитяти: это отголосокъ эгоизма (стр. 33).

«Какъ видѣть, какъ подробность въ приложеніи методы отрицательной является метода *гипотетическая*, или *предположительная*.

«Въ работѣ отрицанія, конечно, школа Чернышевскаго встрѣтила цѣлый живой міръ: восточный и западный, прошедшій и настоящій, вѣрящій въ духовность и благоустройство. Особенно законы, ограждавшіе и ограждающіе собственность и наслѣдство, повсюдны. Для этой спеціальной борьбы съ собственностью, для убѣжденія людей въ необходимости новаго *распредѣленія* изобрѣтенъ новый пріемъ — *гипотетическій*, или предположительный.

«Особенность его есть слѣдующая:

«Обыкновенно политико-экономы для своихъ выводовъ пользуются статистическими данными. но фактъ статистическій есть произведеніе исторіи, онъ сотворился жизнью народа при господствѣ извѣстной вѣры, законовъ, правленія, обычаевъ. Поэтому, принявши статистическое данное, авторъ долженъ былъ принимать и фактъ историческій и его всякаго дѣятеля.

«Но этого-то наши экономисты и не согласны дѣлать по закону отрицанія. Для сего, чтобъ провести свою мысль, они учатъ, что фактовъ статистическихъ принимать не нужно, а нужно предположить извѣстное состояніе людей на основаніи мысли (фантазіи) автора. Такъ, они предполагаютъ (вне существующаго міра) извѣстное мѣсто съ такимъ-то народонаселеніемъ, мужскимъ, и съ такимъ-то количествомъ рабочихъ силъ, времени, и выводятъ потомъ, конечно, тѣ же результаты, какіе сначала уже были въ ихъ мысли и которые они какъ будто бы вывели на основаніи *предположительныхъ данныхъ*. «Ваши статистическія данныя, говорятъ они, не суть данныя чистыя, одною причиною произведенныя, а произведены они многими причинами, а наши *предположительныя* данныя суть данныя чистыя, вѣрныя, стоитъ ихъ только увеличивать или уменьшать». На это можно отвѣтить, что это-то и доказываетъ *фантастичность* данныхъ вашихъ: значитъ въ жизни дѣйствуютъ многіе фак-

торы, *вдругъ* и *постоянно*, и отклоняться отъ нихъ мы права не имѣемъ.

«Этимъ гипотетическимъ методомъ Чернышевскій пользовался постоянно въ своихъ замѣчаніяхъ на политическую экономію Милля и съ помощью его выводилъ свои результаты, которымъ не доставало одной реальной дѣйствительности.

«Подобная литературная дѣятельность Чернышевскаго принесла горькіе плоды. Проповѣдуемое имъ вредное ученіе было усвоено неопытною молодежью, которая, проникнувшись новыми идеями, пожелала осуществить ихъ на дѣлѣ путемъ опасной пропаганды и прибѣгла для этого къ тайной печати. Въ подметныхъ прокламаціяхъ высказываются тѣ же самыя политико-экономическія ученія, которыя развилъ Чернышевскій, съ тою лишь разницею, что въ прокламаціяхъ они не прикрыты ученою діалектикой, а являются въ безыскусственной формѣ и осознательной нелѣпости. Тѣ самыя политико-экономы старой школы (Бастіа, Рошеръ, Рау), на которыхъ съ ожесточеніемъ нападалъ Чернышевскій въ своихъ сочиненіяхъ, составляютъ предметъ рѣзкихъ и грубыхъ нападокъ для авторовъ подметныхъ листковъ. Наконецъ, насильственные средства къ осуществленію новыхъ порядковъ указываются въ прокламаціяхъ съ беззастѣнчивою откровенностью такія же, на какія Чернышевскій, стѣсненный условіями цензуры, могъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ только намекать болѣе или менѣе ясно. Словомъ сказать, прокламаціи суть какъ бы выводъ изъ статей Чернышевскаго, а статьи его—подробный къ нимъ комментарий».

Вотъ какой «документъ» сенату приходилось принимать во вниманіе, и подъ какимъ заранѣе приготовленнымъ угломъ разсматривать Чернышевскаго. Ни Замятнину, ни сенату, ни правительству вообще, конечно, не было совѣстно вмѣнять человѣку въ преступленіе статьи, разрѣшенныя правительственной же цензурой. То ли дѣлалось въ нашихъ застѣнкахъ самодержавія...

Но неловкость, всетаки, ощущалась: на другой же день полученія этой «записки» сенатъ опредѣлилъ не вносить ни ее, ни «Записку изъ частныхъ свѣдѣній» въ свое опредѣленіе...

Итакъ двумя документами III Отдѣленіе уже козырнуло.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Еще подлогъ.

I.

Потому ли, что оно не было вполне увѣрено въ сенаторахъ,—хотя, кажется, никто изъ нихъ не обнаружилъ непокорства и послушанія,—потому ли, что чувствовало шаткость своихъ обвиненій въ глазахъ общества, которому, несмотря на тайну, многое, правда, иногда въ весьма извращенномъ видѣ, было тогда всетаки извѣстно,—по чему ли другому, но III Отдѣленіе рѣшило козырнуть еще разъ, твердо помня правило опытныхъ игроковъ: козырь игры не портить...

18 іюля Замятинъ сообщил оберъ-прокурору, что 12-го числа Потаповъ прислалъ кн. Голицыну, а послѣдній направилъ къ нему—очень важное письмо Чернышевскаго къ какому-то Алексѣю Николаевичу, повидимому, къ литератору Плещееву, полученное отъ В. Костомарова... Недаромъ же у невѣдомаго благопріятеля были документы, которые онъ хранилъ какъ зеницу ока... Теперь де вотъ одинъ изъ нихъ и появился.

Привожу этотъ третій козырь III Отдѣленія съ подлинника, а не съ копій, при немъ приложенной.

Вотъ что было написано на изорванномъ, протертомъ и помоченномъ листѣ почтовой бумаги обыкновеннаго формата:

«Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ! Можетъ быть Вы и справедливы, упрекая меня за слишкомъ большую довѣрчивость, оказанную людямъ, едва мнѣ знакомымъ; я и самъ очень хорошо знаю, что несмотря на всѣ принятыя мною предосторожности, рискую очень многимъ, но—кто виноватъ? Вы знаете, что времени терять нельзя; теперь или никогда, тутъ раздумывать много было бы преступленіемъ, слабостью ничѣмъ неоправдываемой, и ошибкой, никогда непоправимой. Вы вотъ около уже полугода водите насъ со своимъ станкомъ и довели до такой минуты, далѣе которой откладывать мы не можемъ, если хотимъ, чтобы дѣло наше было выиграно. Въ то время, какъ Вы откладываете со дня на день, намъ подвернулись подъ руку люди, хотя сами по себѣ и весьма, какъ видно, пустенькіе, но, всетаки, энергичные и болѣе года занимавшіеся тайнымъ печатаніемъ, стало быть, вести свое дѣло умѣющіе. Мы не могли не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ напечатать свой манифестъ тѣмъ болѣе, что въ случаѣ неуспѣха самая большая доля ответственности падаетъ на нихъ самихъ. Тѣмъ не менѣе Вы все-таки примите свои мѣры къ прекращенію всѣхъ слуховъ, которые могутъ повредить намъ, потому что я уже не отъ однихъ

agrum interius R., et adspersum a
Jopathum, fr. nullo. 289.

[illegible]

cowth. st. north. St. Bay, Bay
pyr.

Ваше Замечание

Будь же

Васъ слышу, что Сулинъ (или какъ тамъ его) хвастаетъ знакомствомъ со мной и рассказываетъ, будто я отдалъ ему для тайнаго печатанія *свое сочиненіе* (?). Старайтесь заглушить эти слухи, это будетъ Вамъ тѣмъ болѣе легко, что, какъ я слышалъ, Сул. и Сор. не пользуются въ Москвѣ репутаціей людей положительныхъ и дѣльных.

«Что касается до К. то на него, кажется, можно положиться; хотя, конечно, и съ нимъ нельзя черезчуръ откровенничать, не слѣдуетъ, не испытавъ предварительно вѣрности его на дѣлѣ. Впрочемъ, онъ мнѣ кажется человѣкомъ дѣльнымъ и полезнымъ и во всякомъ случаѣ весьма благодаренъ Вамъ за знакомство съ нимъ.

«Я ничего не пишу Вамъ теперь о *литературныхъ* дѣлахъ, хотя накопилось довольно много новостей для Васъ небезынтересныхъ. По обыкновенію спѣшу или лучше сказать спѣшнѣе К., съ которымъ я отправляю это письмо.

«Вы все по прежнему продолжаете сомнѣваться въ добромъ исходѣ нашего дѣла; такъ не годится. Больше энергіи, болѣе вѣры въ успѣхъ. Дремать грѣшно въ такое удобное время, когда все проснулось. Оттого у Васъ ничего и не выходитъ. Нѣтъ, мы не теряемъ времени въ бесплодномъ раздумьѣ. Посмотрите-ка, какихъ чудесъ надѣлалъ Л. съ своими офицерами или 23 въ Понизовьи. Ваша работа легче, а подвигается медленнѣе; отчего? Энергіи мало, мало силы, воли.

«Совсѣмъ нѣкогда. Жму Вашу руку. Вашъ Н. Черныш.

«Скоро буду писать черезъ К.»

Подпись была недокончена. Поддѣлка почерка ясна до очевидности и гораздо болѣе замѣтна каждому, чѣмъ въ карандашной запискѣ. Поддѣлка была сдѣлана совершенно безъ какой бы то ни было тщательности: точно, и не требовалось ея, точно, сенатъ только и ждалъ письма ¹⁾...

24 іюля Чернышевскій былъ призванъ въ сенатъ и первоприсутствовавшій, Карніолинъ-Пинскій, началъ съ того, что держалъ подложное письмо въ своихъ рукахъ и, поднеся его къ глазамъ Н. Г., сказалъ съ большою торжественностью: «Oculis, non manibus!...» ²⁾.

Разумѣется, Чернышевскій отвергъ принадлежность этого

¹⁾ Относительно этого письма въ печати сообщалось не мало вздору. Такъ, напримѣръ, г. Якунинъ писалъ: „Чернышевскій указалъ презусу военно-судной комиссіи на водяные знаки почтового листа большого формата, на которомъ было написано это письмо: поддѣльнымъ почеркомъ Чернышевскаго былъ выставленъ подъ письмомъ 1863 годъ, а водяные знаки удостовѣряли, что бумага сдѣлана на фабрикѣ въ 1864 году“ (см. „Новое Время“ 1904 г., № 10321). Категорически утверждаю, что здѣсь все съ перваго слова невѣрно и никакихъ водяныхъ знаковъ на бумагѣ нѣтъ. Сынъ Пящоева сообщилъ, что по первой экспертизѣ письмо было найдено подложнымъ, а по второй подлиннымъ (см. „Новое Время“ № 10304). И это невѣрно. Любопытно, что Костомаровъ и здѣсь не сумѣлъ остаться грамотнымъ и хотѣ этимъ поддѣлаться подъ Чернышевскаго: ето выдаетъ съ головой слово „нѣкогда“ на второй отъ конца строкѣ...

²⁾ Смотрите, но не троньте. Сообщено самимъ Н. Г. А. Н. Пышину.

письма себѣ и не далъ никакихъ разъясненій, кромѣ указаній, что можетъ лишь догадываться, что письмо адресовано къ Плещееву. При этомъ онъ не преминулъ замѣтить, что если въ подлинномъ нужно читать Чернышевскій, то письмо явно поддѣльное. Тогда рѣшено было сдѣлать сличеніе почерковъ.

Призванные семь секретарей сената дали слѣдующее заключеніе: «по сличеніи предложеннаго къ разсмотрѣнію письма съ имѣющимися въ дѣлѣ бумагами, признанными г. Чернышевскимъ за писанныя имъ самимъ, нижеподписавшіеся нашли единогласно, что какъ сіе письмо, такъ и означенныя бумаги писаны одною и тою же рукою». Имена этихъ секретарей пусть будутъ вѣдомы потомству: Ординъ, Воргасовъ, Григоровскій, Малышевъ, Бѣляевъ, Елпатьевскій и Тришпатынъ... Разумѣется, сенаторы одобрили эту экспертизу, и вопросъ, такимъ образомъ, былъ рѣшенъ безповоротно...

На другой день, 31 іюля, съ Костомарова былъ снятъ допросъ.

Среди массы повтореній, ошибокъ и противорѣчій съ прежними его показаніями особенно заслуживаютъ упоминанія такіа, напримеръ, какъ, что онъ уже въ первое свиданіе съ Чернышевскимъ, при Михайловѣ, говорилъ ему о неудовлетворительности редакціи воззванія къ барскимъ крестьянамъ и предложилъ свои поправки; что онъ наотрѣзъ отказался взять это воззваніе; что когда онъ узналъ, что Сороко получилъ отъ Чернышевскаго прокламацію, то «сейчасъ же поѣхалъ въ Петербургъ предупредить Чернышевскаго и другихъ». Затѣмъ Костомаровъ разсказалъ: «Чернышевскому повезъ я письмо отъ Плещеева. Чернышевскій былъ очень встревоженъ, но утѣшалъ и меня и себя тѣмъ, что если эта болтовня дойдетъ до правительства, то онъ, Чернышевскій, отъ всего отопрется, потому что уликъ на него никакихъ нѣтъ. Я сиѣшилъ въ тотъ же день уѣхать въ Москву, рѣшившись перенять работу отъ Сулина и потомъ, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, прекратить ее совѣтъ. Въ этотъ пріѣздъ я получилъ отъ Чернышевскаго письмо къ Плещееву, которое онъ вынесъ мнѣ изъ кабинета. Я его куда то затерялъ дорогой, такъ и сказалъ я Чернышевскому. А послѣ, когда я нашелъ его за подкладкой своего сакъ-вояжа, оно уже было и измочено и изорвано—однимъ словомъ, въ такомъ видѣ, что отдать его Плещееву мнѣ было уже совѣстно,—да оно уже и не имѣло бы смысла».

На слѣдующемъ допросѣ онъ заявилъ: «Съ Плещеевымъ я познакомился по поводу издаваемого мною сборника: «Поэты всѣхъ временъ и народовъ». Послѣ изданія перваго выпуска этой книги я пріѣхалъ въ Петербургъ къ г. Плещееву просить его участвовать въ слѣдующихъ; къ Чернышевскому онъ меня рекомендовалъ, какъ автора нѣкоторыхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Современникѣ», за которыя мнѣ слѣдовало получить деньги. Объ отношеніяхъ г. Плещеева къ Чернышевскому мнѣ ничего неизвѣстно, какъ равно неизвѣстно и то, имѣлъ ли намѣреніе г. Плещеевъ печатать какія либо прокламаціи, какъ видно изъ письма г. Чернышевскаго къ Плещееву. Когда Чернышевскій передалъ мнѣ письмо къ Пле-

щеву, я былъ уже знакомъ съ нимъ, чрезъ Михайлова, хотя и имѣлъ рекомендательное письмо отъ Плещеева. Переговоры же о печатаніи начались прежде всего чрезъ Михайлова, и когда я пріѣхалъ къ Чернышевскому, я нашелъ его уже предупрежденнымъ и знакомымъ съ моею прежнею дѣятельностью по тайному книгопечатанію. Г. Плещееву извѣстно было то, что я участвовалъ въ печатаніи книги «Разборъ книги барона Корфа: Императоръ Николай и 14 декабря».

Достаточно вспомнить всѣ прежнія показанія Костомарова и сравнить ихъ съ этими, чтобы увидѣть, какъ наглъ былъ этотъ чловѣкъ, какъ нахально онъ лгалъ, прекрасно зная, что съ него не спросится, что его не станутъ провѣрять и уличать во лжи...

Разумѣется, надо было показать видъ, что бывший нѣкогда петрашевцемъ Плещеевъ, дѣйствительно, могъ заслуживать такого письма Чернышевскаго и потому въ III Отдѣленіи очень быстро «стало извѣстно», что у мирнаго тогда Алексѣя Николаевича видѣли нѣсколько номеровъ революціоннаго листка «Мысли и Дѣла» ¹⁾ и типографскій шрифтъ; этого мало—«извѣстно», что онъ одинъ изъ дѣятелей общества «Земля и Воля»... Сдѣлали весьма грозный и внезапный обыскъ, очень серьезно осматрѣли квартиру Плещеева и... ровно ничего не нашли... Обо всемъ этомъ въ первыхъ числахъ августа было доложено государю и сообщено сенату для свѣдѣнія.

Послѣдній продолжилъ комедію, признавъ необходимымъ вытребовать Плещеева въ Петербургъ для допроса.

Между тѣмъ, 13 августа Чернышевскій былъ привезенъ въ сенатъ для чтенія составленной о немъ записки и для рукоприкладства.

Можно себѣ представить, какіе большіе глаза сдѣлалъ Николай Гавриловичъ, открывъ первый же листъ своего многотомнаго дѣла!.. Только тутъ онъ началъ понимать, чтó дѣлалось для его обвиненія... Только тутъ онъ сталъ угадывать свое близкое будущее...

На другой же день онъ отправилъ коменданту запечатанный пакетъ съ надписью: «Въ Правительствующій Сенатъ отъ отставнаго титул. совѣтника Чернышевскаго. Образецъ черновой литературной работы Чернышевскаго, содержащій въ себѣ пятнадцать полулистовъ и одинъ полулистъ пояснительной замѣтки (писанной 14 августа 1863). Для облегченія работы гг. дѣлопроизводителей по разбору фактовъ дѣла о Чернышевскомъ. 14—VIII».

А вотъ и указанная пояснительная замѣтка.

«Въ той части записки по дѣлу Чернышевскаго, которую Чернышевскій прочелъ 13 августа, очень много говорится о литературной дѣятельности Чернышевскаго, о личныхъ свойствахъ его характера, особенно о его самолюбіи. Эти соображенія подтверждаются авторами бумагъ, ихъ содержащихъ, посредствомъ извлеченій изъ черновыхъ бумагъ и семейныхъ писемъ Чернышевскаго.

¹⁾ Развѣ издавался такой листокъ? Сколько намъ извѣстно, было выпущено только объявленіе объ его изданіи и дальше объявленія, дѣло не пошло.

«Чернышевскій находить полезнымъ для разъясненія представить вложенный здѣсь образецъ черновой его работы, заключающейся на 15 листахъ его нумераціи, дѣланной его рукою нынѣ поутру, 14 августа.

«Это нужно для облегченія разбора дѣла о Чернышевскомъ— въ его ли пользу, или нѣтъ, онъ предоставляетъ рѣшить Пр. С.

Отставной титул. сов. *Н. Чернышевскій*.

«14 августа 1863 г.

«Р. С. Онъ просить гг. дѣлопроизводителей просматривать листы по порядку нумераціи, дѣланной имъ 14 августа,—читать всего сплошь не стоитъ, по его мнѣнію, достаточно употребить часа полтора или два на пересмотръ.

«Но если гг. дѣлопроизводители будутъ читать внимательно, сплошь, то тѣмъ лучше для разъясненія дѣла. Отставной тит. сов. *Н. Чернышевскій*. 14 августа 1863.

«Чернышевскій предполагаетъ, что легче всего понять эти странные работы, если предположить, что это матеріаль для будущихъ романовъ, именно для такихъ частей романовъ, въ которыхъ изображается состояніе очень сильнаго юмористическаго настроенія, доходящаго почти до истеричности. Но, конечно, онъ не въ правѣ требовать, чтобы гг. дѣлопроизводители ему вѣрили на слово. Отставной тит. сов. *Николай Чернышевскій*».

Что же это за 15 полулистовъ? Это, дѣйствительно, черновые наброски нѣкоторыхъ произведеній, сдѣланные, очевидно, въ крѣпости. Я не привожу ихъ, какъ неидущіе къ дѣлу. Мнѣ кажется только, что, посылая ихъ въ сенатъ, Чернышевскій, въ сущности, издѣвался надъ нимъ, желая подчеркнуть способность своихъ судей копаться въ душѣ обвиняемаго и строить обвиненіе на матеріалѣ совершенно непригодномъ... Если такъ, то зарядъ его пропалъ даромъ: въ сенатѣ не поняли присылки...

Черезъ недѣлю Н. Г. вручилъ оберъ-секретарю слѣдующую записку:

«Прочитавъ на листахъ черновой (дополнительной) записки по моему дѣлу изложеніе результатовъ сличенія почерка письма къ Алексѣю Николаевичу, которое я называю непринадлежащимъ мнѣ, съ моими подлинными письмами или бумагами, я осмѣливаюсь просить Пр. Сенатъ разрѣшить мнѣ, если то не противно закону, «прибѣгнуть къ тѣмъ изъ даваемыхъ наукою для распознаванія почерковъ средствъ, какія могутъ быть допущены по закону» (мое дополнительное показаніе). Изъ нихъ первое требуетъ, чтобы мнѣ самому дана была возможность сличить отвергаемое мною письмо съ (А бумагами, несомнѣнно писанными почеркомъ г. В. Костомарова и В.) бумагами, писанными мною, которыя были принимаемы за основаніе для сличенія моего почерка съ почеркомъ письма.

«Итакъ, имѣю честь просить Правительствующій Сенатъ, если не противно закону, дать мнѣ на разсмотрѣніе эти бумаги. При разсмотрѣніи отвергаемаго мною письма и бумагъ почерка г. Костомарова нахожу полезнымъ пользоваться сильною лупою, уве-

личивающею въ 10—12 разъ; прошу у Пр. С. или приказанія доставить ее мнѣ или разрѣшенія мнѣ приобрести ее. 20 августа 1863. Отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловъ сынъ *Чернышевскій*».

Разумѣется, увидя, что Чернышевскій сразу попалъ въ цѣль, указавъ на Костомарова, сенатъ призналъ «такое домогательство Чернышевскаго незаконнымъ», ибо «сличеніе почерка руки его сдѣлано секретарями, а затѣмъ присутствіемъ сената, на точномъ основаніи закона съ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ закономъ правилъ; того же, чтобы самому подсудимому дозволено было дѣлать сличеніе своего почерка съ актомъ, имъ отвергаемымъ, или употреблять для сличенія сего лупу, въ законахъ постановленія нѣтъ»..

Н. Г. стойчески выслушалъ и это рѣшеніе, которое показывало уже съ полной ясностью, чѣмъ кончится все дѣло...

2 сентября онъ заявилъ сенату, что во время чтенія дѣла комедантъ лишилъ его всякихъ свиданій, между тѣмъ, скоро должна пріѣхать Ольга Сократовна, и потому онъ проситъ о разрѣшеніи видѣться съ нею. Свиданіе было дано.

II.

Плещеевъ еще не опрошенъ, онъ даже не пріѣхалъ еще и въ Петербургъ, а ужъ Чернышевскій прочелъ все свое дѣло и сенатскую о себѣ записку и заявилъ о желаніи присутствовать при слушаніи ея въ присутствіи сената...

25 сентября онъ кончилъ эту работу и заключилъ ее послѣдними своими обращеніями къ правосудію. Врядъ ли Н. Г. вѣрилъ въ ихъ успѣшность. Вѣрнѣе онъ просто дѣйствовалъ по принципу: всѣми возможными способами обнаружить тотъ поразительный произволъ, который творился около него въ теченіе почти двухъ лѣтъ. Человѣкъ съ сильно развитымъ сознаніемъ исторической отвѣтственности (припомните, напримѣръ, его указаніе, почему онъ не уничтожилъ письмо Герцена и Огарева), Чернышевскій, очевидно, думалъ и о томъ, что когда нибудь придетъ время вынести все это на судъ общества... И онъ не ошибся—оно пришло...

25-мъ сентября датированы три его документа.

Первый—рукоприкладство. Это очень цѣнный документъ по ясности, краткости и неотразимости статей закона, приводимыхъ въ отвѣтъ на произволъ сената и комиссіи.

«Прошу Пр. С. обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

1. Я былъ арестованъ по подозрѣнію въ намѣреніи эмигрировать, но не только намѣреніе эмигрировать, и самое эмигрированіе не составляетъ преступленія; преступленіемъ становится

уже только ослушаніе приказанію возвратиться. Св. зак. т. XV кн. I ст. 368 (также 367, 369, 370).

2. Мои письма къ Его Величеству и г. Генераль-Губернатору, писанныя въ ноябрѣ, не внесены въ дѣло.

3. Картонные лоскутки мнимаго шифра прошу сравнить съ дѣйствительнымъ ключемъ шифра, въ которомъ нумерація буквъ различна, между тѣмъ, какъ на лоскуткахъ одинакова.

4. Письмо г. Костомарова къ Соколову имѣетъ всѣ признаки, отличающіе произведеніе вымысла отъ фактическаго разсказа. Лицо, къ которому адресовано письмо, очевидно есть лицо выдуманное.

5. У г. Всеволода Костомарова 5 марта не было уликъ противъ меня, а 7-го марта явилась въ рукахъ лицъ, обыскивавшихъ его, записка карандашомъ, приписываемая мнѣ.

6. Письмо о разговорѣ г. Яковлева въ смирительномъ домѣ подтверждено официальными актами и рѣшеніемъ комиссін, Высочайше одобреннымъ.

7. Въ дополнительномъ показаніи моемъ Пр. С. я вызвался подтвердить приводимые мною факты. Въ дѣлѣ есть уже подтвержденія большей части ихъ.

8. Слова мои о вліяніи неосновательныхъ слуховъ обо мнѣ на начатіе и веденіе процесса противъ меня подтверждаются тѣмъ, что подобными слухами наполнено дѣло.

9. Слова мои объ истинной причинѣ раздраженія г. Костомарова противъ меня дѣлаются несомнѣнными послѣ того, какъ самъ г. Костомаровъ ясно намекаетъ на нее и отказывается пояснить свои слова.

10. Солидный характеръ г. Плещеева, извѣстный сотнямъ лицъ, несомнѣтенъ съ отношеніями, въ которыя ставитъ его ко мнѣ «письмо къ Алексѣю Николаевичу». Жизнь этого письма, конечно, уже раскрыта и официальными мѣрами по поводу этого письма, подвергавшими г. Плещеева непріятностямъ.

11. Въ «письмѣ къ Алексѣю Николаевичу» слово *некогда* (нѣтъ времени) написано *никогда* (когда-то, когда либо).

12. Это письмо есть подлогъ, — фактъ подобнаго рода нуждается въ точнѣйшихъ средствахъ изслѣдованія истины, о которыхъ говорю я въ бумагахъ, поданной мною Пр. С. по поводу акта сличенія почерка этого письма.

13. Появленіе «письма къ Алексѣю Николаевичу» противорѣчитъ словамъ г. Костомарова передъ его появленіемъ, что у него, г. Костомарова, уже не остается уликъ противъ меня.

14. Появленіе «письма къ Алексѣю Николаевичу» заставило дѣлать новыя выдумки, противорѣчащія прежнимъ его показаніямъ и его письму къ Соколову; все его показаніе 31 іюля проникнуто подробностями, несомнѣнными съ его прежнимъ изложеніемъ его мнимыхъ тайныхъ сношеній съ мною: вотъ нѣкоторыя черты несомнѣнности:

*Показанія г. Костомарова
31 іюля.*

Въ первый свой прїѣздъ въ Петербургъ имѣлъ онъ рекомендательное письмо ко мнѣ отъ Плещеева.

Первая редакція прокламаціи къ барскимъ крестьянамъ при первомъ чтеніи ея у меня не понравилась г. Костомарову.

Итакъ, г. Костомаровъ тутъ же, въ первое свиданіе со мною, при первомъ чтеніи въ моемъ кабинетѣ, потребовалъ измѣненія редакціи; я не согласился; г. Костомаровъ отказался печатать. Онъ не помнитъ, видѣлся со мною еще разъ для продолженія переговоровъ: одно или два свиданія мои съ нимъ были заняты ими, но онъ и я лично вели переговоры.

Всѣ эти чтенія и переговоры—выдумка г. Костомарова.

Во время своихъ занятій тайнымъ печатаніемъ (нѣсколько мѣсяцевъ) г. Костомаровъ ѣздилъ въ Петербургъ «очень часто», «раза два въ мѣсяцъ».

Узнавъ, что рукопись прокламаціи въ Москвѣ, г. Костомаровъ «сейчасъ же» поѣхалъ въ Петербургъ предупредить меня; въ эту поѣздку онъ получилъ отъ меня «письмо къ Алексѣю Николаевичу».

«По всему этому прошу Пр. С. повелѣть освободить меня отъ содержанія подъ арестомъ; и примѣнить статьи 183, 390, 392, 404, 475, 1206, 1209 и 1288 св. зак. т. XV кн. I къ лицамъ, которые, по изслѣдованію, окажутся виновными въ нарушеніяхъ закона по моему процессу. Отставной титул. совѣтникъ Н. Чернышевскій».

Прежнія слова г. Костомарова.

Онъ, уже познакомившись съ Михайловымъ, «не зналъ, какъ устроить знакомство» со мною, и только Михайловъ познакомилъ его. О рекомендательномъ письмѣ ни слова; явно, его не было.

При этомъ первомъ чтеніи г. Костомаровъ былъ въ такомъ восхищеніи, что даже не могъ говорить, и потому Михайловъ увезъ его.

Требованіе измѣнить редакцію прокламаціи явилось у г. Костомарова только при второмъ ея чтеніи (у Михайлова); только тутъ, на другой день послѣ перваго чтенія; переговоры со мною вель исключительно Михайловъ, ѣздя для этого ко мнѣ одинъ, безъ г. Костомарова, и г. Костомаровъ знаетъ объ этихъ переговорахъ только по разсказу Михайлова.

Онъ до своего арестованія ѣздилъ въ Петербургъ, «кажется» ему, только два раза.

Узнавъ, что рукопись въ Москвѣ, онъ занялся приготовленіями къ печатанію и печатаніемъ ея, а извѣстилъ меня письмомъ о томъ, за чѣмъ, по показанію 31 іюля, самъ ѣздилъ въ Петербургъ.

Второй документъ отъ 25 сентября—прошеніе, только по формѣ, якобы на высочайшее имя, а по тогдашнимъ правиламъ, посылаемое въ сенатъ, который или удовлетворялъ ихъ, или отвергалъ. Государю Чернышевскій написалъ первый и послѣдній разъ 22 ноября 1862 года...

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Александръ Николаевичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемиловитѣйшій! Проситъ отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловъ сынъ Чернышевскій, а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1. Мой процессъ веденъ такъ, что рѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ имѣетъ для Правительства важность, далеко превышающую рѣшеніе того, какова будетъ моя личная судьба.

2. Потому, сказавъ это, я исполняю долгъ русскаго подданаго, прося Правительствующій Сенатъ или принять во вниманіе политическую сторону фактовъ, приводимыхъ въ моемъ рукоприкладствѣ, или принять тѣ мѣры, какія повелѣваются закономъ въ подобныхъ случаяхъ, а потому всеподданнѣйше прошу,

Дабы повелѣно было разсмотрѣть политическое значеніе фактовъ, совершившихся по моему процессу. Отставной тит. сов. Николай Гавриловъ сынъ *Чернышевскій* руку приложилъ. Сентября 25 дня 1863 года.

Къ подаванію надлежитъ въ первое отдѣленіе пятаго департамента Правительствующаго Сената».

Что подразумѣвалъ Чернышевскій подъ «политической стороной» своего процесса, для насъ, незнакомыхъ съ письмами его къ государю и кн. Суворову, въ которыхъ имъ развита была именно эта точка зрѣнія, недостаточно ясно.

Третій документъ—пространное прошеніе, опять той же формы и слѣдовательно тоже обращенное, въ сущности, къ сенату. Въ немъ Чернышевскій послѣдній разъ разобралъ падавшія на него обвиненія и больше ужъ никогда не говорилъ о нихъ ни съ сенатомъ, ни съ кѣмъ нибудь другимъ...

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Александръ Николаевичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемиловитѣйшій! Проситъ отст. тит. сов. Николай Гавриловъ сынъ Чернышевскій, а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

По прочтеніи моего дѣла для сдѣланія рукоприкладства, я нахожу средства въ значительной степени пояснить обстоятельства моего процесса на основаніи данныхъ, которые представляются бумагами, заключающимися въ этомъ дѣлѣ. То, что

можно было по закону ввести въ форму рукоприкладства, я изложилъ въ немъ; поясненія, не вошедшія въ рукоприкладство, излагаю въ этой моей просьбѣ.

2.

По изложенію обстоятельствъ моего арестованія надобно заключать, что самый фактъ ареста былъ произведенъ по распоряженію еще не уполномоченному Высочайшею волею Государя Императора, которому было доложено объ арестованіи меня, какъ о фактѣ уже совершившемся, только для испрошенія Высочайшей воли по вопросу о томъ, въ какомъ мѣстѣ заключенія содержать лицо, уже арестованное. Я теперь сужусь по обвиненію въ политическомъ преступленіи; слѣдственно, самый характеръ процесса моего обязываетъ меня выставять на обсужденіе подлежащихъ правительственныхъ учрежденій политическую сторону моего процесса. Она важна для интересовъ самого Правительства. Не зная, какъ не юристъ, въ правѣли Пр. Сенатъ принять во вниманіе эту (политическую) сторону дѣла, я излагаю ее въ отдѣльной просьбѣ, для того, чтобы настоящая моя просьба не погрѣшала по формѣ, если просьба къ Пр. С. о принятіи во вниманіе политической стороны дѣла есть погрѣшность противъ формы.

3.

Фактомъ моего арестованія Правительство и одинъ изъ его органовъ—Высоч. учрежд. слѣдств. комиссія—съ одной стороны, а съ другой, одинъ изъ подданныхъ Его Императорскаго Величества, именно я, были поставлены въ такое отношеніе: арестованъ человѣкъ, противъ котораго нѣтъ обвиненій, это положеніе имѣло первымъ своимъ послѣдствіемъ нарушеніе Св. зак. т. XV кн. I статьи 475. Допросъ мнѣ въ первый разъ былъ сдѣланъ спустя только уже около четырехъ мѣсяцевъ послѣ моего арестованія, и только на этомъ допросѣ была высказана причина моего арестованія ¹⁾.

4.

Время шло, надобно же было представить въ Высоч. учрежд. комиссію что либо подъ именемъ уликъ или обвиненій противъ меня. И вотъ явились на вниманіе комиссіи разныя бумаги изъ числа найденныхъ у меня. Изъ чтенія моего процесса я увидѣлъ, что не было обращено никакого вниманія на особенности положенія журналиста и потому выставлены были, какъ факты подозрительные, по своей странности, такія обстоятельства, которыя необходимо связаны съ профессіею журна-

¹⁾ Опускаю здѣсь, какъ и ниже во многихъ мѣстахъ, указанія въ скобкахъ на страницы подлиннаго дѣла или сенатской записки.

листа. Со мною было то самое, какъ если бы, нашедши въ лабораторіи химика-химическіе реактивы, стали удивляться этому, и строить на этомъ юридическія дѣйствія противъ него. Потому вижу теперь необходимость изложить нѣкоторыя особенности профессіи журналиста.

5.

Первая изъ нихъ та (непріятная для людей нѣжнаго темперамента и) безразличная для журналистовъ, привыкшихъ къ своему положенію, продолка оскорбленныхъ имъ литературныхъ или сословныхъ самолюбіи, что журналистъ нерѣдко получаетъ пасквили противъ себя. Такихъ пасквилей не мало въ моихъ бумагахъ. Выбраны были тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ своимъ содержаніемъ политическую брань на меня. Эти пасквили введены въ дѣло въ нарушение св. зак. т. XV ч. II ст. 53.

6.

Ясно, что письмо гг. Герцена и Огарева прислано было ко мнѣ, какъ пасквиль или подметное письмо. Ясно, что оно однакоже теперь уже не можетъ быть принято во вниманіе, потому что изъ него уже извлечены комиссіею многіе вопросы Чернышевскому. Поэтому я уже имѣю право сослаться на него.

Поясню, при этомъ, что я обязанъ былъ, какъ литераторъ, сохранить у себя этотъ документъ: онъ важенъ для исторіи литературы, и всякій ученый, занимающійся ею, скажетъ, что я поступилъ бы недобросовѣстно, если бы или уничтожилъ его, или передалъ въ какой-нибудь архивъ офиціального мѣста, не открытый для ученыхъ, занимающихся исторіей литературы.

Это письмо показываетъ непріязненность моихъ отношеній къ гг. Герцену и Огареву; оно явно выставяетъ, что подозрѣніе въ моемъ намѣреніи эмигрировать для сотрудничества съ Герценомъ было неосновательно. Оно показываетъ также, что на самомъ дѣлѣ я поступалъ противоположно ложнымъ слухамъ обо мнѣ, о которыхъ буду говорить ниже.

7.

Также я уже имѣю право сослаться на другой пасквиль противъ меня, когда онъ введенъ въ дѣло. Это—анонимное письмо ко мнѣ. Я прошу обратить въ немъ вниманіе на слова безыменнаго автора ко мнѣ: «Вспомните, въ какую цѣну вы оцѣнили наши имѣнія». Они показываютъ истинный источникъ бывшихъ обо мнѣ слуховъ, какъ о человѣкѣ злонамѣренномъ: сословное раздраженіе той части дворянъ-землевладѣльцевъ, которая была недовольна освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ. Видя, что, съ одной стороны, напоръ на правительство по этому дѣлу очень силенъ (напримѣръ, требуются всевозможныя цифры выкупа по расчету дохода въ 70 или 80 р. сер. съ тягла, съ капитализаціею изъ 5⁰/₁₀,—около 600 р. сер. за ревизскую душу),

я считалъ полезнымъ противоудѣйствовать этому наивозможно-сильнымъ отстаиваніемъ низкихъ цифръ, чтобы правительство имѣло возможность остановиться на умѣренныхъ, возможныхъ величинахъ выкупа.

8.

Это письмо введено въ дѣло; оно послужило однимъ изъ источниковъ для письма г. В. Костомарова къ г. Соколову. Тамъ и здѣсь подозрѣнія на меня выводятся изъ того, что я социалистъ. Въ печатной литературной полемикѣ мои литературные противники дѣйствительно называли меня социалистомъ; называли также Кромвелемъ, Бонапарте и проч. Я не имѣю ровно ничего противъ употребленія этихъ или какихъ бы то ни было другихъ укоризненныхъ или обвинительныхъ прозваній противъ меня въ литературной полемикѣ. Я надѣюсь, что огромное большинство литераторовъ, полемизирующихъ противъ меня, и большинство разсудительныхъ читателей понимаетъ истинное значеніе рѣзкихъ выраженій въ полемикѣ: они служатъ приправою, безъ которой споръ казался бы скученъ публикѣ. Это реторическія фигуры: метафоры, метониміи, гиперболы. Но я не ждалъ, чтобы полемическій терминъ моихъ противниковъ былъ введенъ въ слѣдственное дѣло противъ меня въ юридическомъ смыслѣ. Я твердо убежденъ, что огромное большинство ихъ вознегодовало бы на этотъ фактъ, если бы узнало о немъ.

Въ юридическомъ смыслѣ слова,—въ серьезномъ, ученomъ смыслѣ, который одинъ имѣетъ юридическое значеніе, терминъ «социалистъ» противорѣчитъ фактамъ моей дѣятельности. Обширнѣйшимъ изъ моихъ трудовъ по политической экономіи былъ переводъ трактата Милля, ученика Рикардо; Милль—величайшій представитель школы Адама Смита въ наше время; онъ гораздо вѣрнѣе Адаму Смиту, чѣмъ Рошеръ. Изъ примѣчаній, которыми я дополняю переводъ, обширнѣйшее по объему,—ислѣдованіе о Мальтусовомъ законѣ. Я принимаю его и стараюсь развить Мальтусову формулу. Этотъ принципъ—пробный камень безусловной вѣрности духу Адама Смита.

Я не социалистъ въ серьезномъ, ученomъ смыслѣ слова, по очень простой причинѣ; я не охотникъ защищать старыя теоріи противъ новыхъ. Я—кто бы я ни былъ—стараюсь понимать современное состояніе общественной жизни и вытекающихъ изъ нея убѣжденій. Распаденіе людей, занимающихся политической экономіей, на школы социалистовъ и несоциалистовъ, такой фактъ въ историческомъ развитіи науки, который отжилъ свое время. Практическое примѣненіе этого внутренняго распаденія науки также фактъ минувшаго: въ Англіи—давно, на континентѣ Западной Европы—съ событій 1848 г. Я знаю, что есть многіе остальные люди, полагающіе, что это мое мнѣніе подлежитъ спору; но это споръ уже о томъ, основательны ли мои ученныя убѣжденія,—предметъ чуждый юридическаго значенія. А между тѣмъ онъ введенъ въ дѣло.

9.

Въ дѣло введено мое письмо къ женѣ. О политической сторонѣ этого факта не говорю здѣсь: она излагается мною въ другой просьбѣ моей. Письмо это дало тему, также вошедшую въ письмо г. В. Костомарова къ Соколову, и нѣсколько строкъ, въ которыхъ я тутъ называю себя Аристотелемъ, много разъ повторяются потомъ въ дѣлѣ, какъ уличеніе меня собственными моими устами въ непомѣрности самолюбія, и наведенія тѣмъ на мысль, что человѣкъ съ подобнымъ самолюбіемъ не можетъ не быть врагомъ общественнаго порядка.

Въ числѣ моихъ слабостей есть гордость,—качество противоположное мелкому самолюбію, хотя бы и непомѣрному,—но, все-таки, качество, имѣющее свои забавныя стороны. Я люблю смѣяться надъ своими слабостями. Всѣ мои статьи, всѣ мои письма къ людямъ близкимъ наполнены моимъ иронизированіемъ надъ собою. Можетъ быть, это также недостатокъ. Но до него нѣтъ дѣла уголовному слѣдствію. Иронія не предметъ XV тома свода законовъ. Между тѣмъ я нашелъ въ дѣлѣ фактъ, о которомъ говорю.

Дѣйствительно ли я человѣкъ непомѣрнаго самолюбія? Пусть прочтутъ серьезныя страницы моихъ статей. Въ нихъ я называю—даже въ нашей бѣдной русской современной литературѣ,—нѣсколько людей, которыхъ ставлю выше себя по учено-публицистической дѣятельности. Пусть обратятся съ вопросомъ къ людямъ, знающимъ меня близко,—такой ли я человѣкъ, который бы тяготилъ кого нибудь своимъ самолюбіемъ. Пусть же употребятъ серьезныя, достойныя средства къ разъясненію психологическаго вопроса, который не подлежитъ суду по XV тому свода законовъ, но который я вижу введеннымъ въ дѣло для осужденія меня по этому тому.

Но, нарушая границы между біографическимъ любопытствомъ и юридическими обязанностями, не захотѣли даже принять серьезныхъ средствъ къ открытію истины, а сдѣлано гораздо проще: дали юридическій смыслъ ироническому отрывку.

Мое письмо къ женѣ, приводимое въ дѣлѣ, состоитъ изъ двухъ частей: въ одной я говорю о себѣ такъ, что посмѣется надъ этою частью письма всякій,—и я смѣялся, когда писалъ ее,—смѣялся надъ собою, преувеличивая до нелѣпости ту сторону моихъ ученыхъ предположеній, которая забѣгаетъ въ будущее: я излагаю планъ такихъ ученыхъ работъ, для исполненія которыхъ нужно нѣсколько сотъ лѣтъ работать день и ночь, работъ, которыхъ не въ состояніи исполнить никто на свѣтѣ; въ этой части письма я называю себя продолжателемъ Аристотеля. Въ другой половинѣ письма о дѣйствительныхъ дѣлахъ я просто говорю моей женѣ, что она, по моему мнѣнію, можетъ лучше меня разсудить, потому что умнѣе меня. Ясно, что первая половина письма—мое иронизированіе надъ самимъ собой.

Но не умѣли или не могли обратить вниманіе на такой простой способъ понять, въ чемъ тутъ вся вещь.

10.

Но при всѣхъ этихъ вещахъ, всетаки, не было ни уликъ, ни даже такихъ фактовъ, на которыхъ можно бы было основать серьезное слѣдствіе противъ меня. Высочайше учрежденная комиссія видѣла это. Желая дать ей путь выйти изъ положенія, въ которое она была поставлена фактомъ моего арестованія, я написалъ послѣ перваго моего допроса письма къ Его Величеству и къ г. Генералъ-губернатору. Этихъ писемъ нѣтъ въ дѣлѣ. Почему ихъ нѣтъ въ немъ, я говорю въ другой моей просьбѣ.

11.

Комиссія видѣла недостаточность подозрѣній, возводившихся на меня бумагами, бывшими въ ея рукахъ во время перваго допроса (30 октября). Потому послѣ этого допроса (16 ноября) были доставлены ей тетради моего дневника съ картонными лоскутками, которые въ бумагѣ, передающей ихъ комиссіи, названы «указателями шифра», которымъ писаны тетради моего дневника, хотя въ это время уже было удостовѣреніе отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что дневникъ мой писанъ не шифромъ.

12.

Политическую сторону введенія въ дѣло вещей, подобныхъ моему дневнику, я разясняю въ другой моей просьбѣ. Здѣсь я оставляю политическую сторону вопроса безъ разсмотрѣнія.

Способъ сокращеннаго писанія подобнаго моему, употребленному въ дневникѣ, употребляется, въ большей или меньшей удачности сокращенія, почти всѣми студентами университетовъ, записывающими лекціи. Это служитъ замѣною стенографіи, а не тайнымъ письмомъ. Я съ дѣтства писалъ очень много и еще въ семинаріи записывалъ такимъ образомъ лекціи, и тетради этого періода, еще дѣтскаго, находятся въ моихъ бумагахъ. Въ университетѣ привычка развилась у меня. Изъ того періода въ моихъ бумагахъ есть между прочимъ весь «Герой нашего времени» Лермонтова, переписанный такимъ способомъ. И послѣ я точно также писалъ почти все, что писалъ для себя (напримѣръ, въ дѣлѣ черновые списки съ моихъ писемъ къ профессору Андреевскому, оставленные у себя мною для будущихъ справокъ). Все это было въ рукахъ и передъ глазами лицъ, разбиравшихъ мои бумаги. И всетаки дневникъ мой выдается за написанный шифромъ, даже послѣ увѣренія министерства иностранныхъ дѣлъ, что онъ писанъ не шифромъ.

Что такое этотъ дневникъ? Министерство иностранныхъ дѣлъ нашло, что не слѣдуетъ понимать его въ смыслѣ обыкновеннаго днев-

ника. Въ бумагѣ, присланной въ комиссію, это мнѣніе министерства передается словами: «можно думать, что слогъ этотъ имѣетъ условный смыслъ». Я не знаю, до какой степени точно переданъ этотъ отзывъ министерства въ этой бумагѣ; подлиннаго отзыва министерства нѣтъ въ дѣлѣ.

Разбравшимъ бумаги мои должно было бы знать, что они разбираютъ бумаги литератора. При разборѣ бумагъ они могли бы замѣтить, что имъ попадаются повѣсти, писанныя моею рукою. Если бы они потрудились замѣтить эти два обстоятельства, мнѣ не пришлось бы утруждать Пр. Сенатъ объясненіемъ факта, которому не слѣдовало бы попадать въ дѣло.

Я издавна готовился быть, между прочимъ, и писателемъ беллетристическимъ. Но я имѣю убѣжденіе, что люди моего характера должны заниматься беллетристикою только уже въ немолодыхъ годахъ—рано имъ не получить успѣха. Если бы не денежная необходимость, возникшая отъ прекращенія моей публицистической дѣятельности моимъ арестованіемъ, я не началъ бы печатать романа и въ 35-лѣтнемъ возрастѣ. Руссо ждалъ до старости. Годвинъ также. Романъ—вещь, назначенная для массы публики, дѣло самое серьезное, самое стариковское изъ литературныхъ занятій. Легкость формы должна выкупаться солидностью мыслей, которыя внушаются массѣ. Итакъ, я готовилъ себѣ матеріалы для стариковскаго періода моей жизни. Мною написаны груды такихъ матеріаловъ—и брошены; довольно написать, хранить незачѣмъ,—цѣль: утвержденіе въ памяти—уже достигнута. Но я не могъ уничтожить нѣкоторыхъ моихъ черновыхъ работъ, потому что онѣ были писаны на однихъ листахъ съ вещами, которыя я считалъ интересными для меня. Тетради внесенныя въ дѣло именно таковы: среди матеріаловъ для будущихъ романовъ набросаны кое какія отмѣтки изъ моей дѣйствительной жизни (напримѣръ, списокъ дней, когда я въ первый разъ говорилъ съ моею невѣстою, когда она дала мнѣ слово).

Надобно объяснить, что у меня, какъ почти у всѣхъ беллетристовъ, порядокъ возникновенія романа таковъ: берется фактъ, отдается на волю фантазіи, она играетъ съ нимъ—это самый важный періодъ такъ называемаго «поэтическаго творчества». Итакъ тутъ въ моемъ дневникѣ вольная игра моей фантазіи надъ фактами. Я ставлю себя и другихъ въ разныя положенія и фантастически развиваю эти вымышленныя мною сцены.

Что же я вижу здѣсь въ дѣлѣ? Берутъ одну изъ этихъ сценъ и даютъ ей юридическое значеніе. На этомъ основанъ весь ходъ моего процесса до передачи его въ Пр. С.

Сцена состоитъ въ томъ, что какое то «я» говоритъ дѣвушкѣ, что можетъ со дня на день ждать ареста, и если его будутъ долго держать, то выскажетъ свои мнѣнія, послѣ чего уже не будетъ освобожденъ.

Въ тѣхъ же тетрадахъ есть многія другія «я». Одного изъ этихъ «я» быють палкою при его невѣстѣ. Можно удостовѣриться

справкою, что ни тогда, ни вообще когда либо со мною, Чернышевскимъ, ни при его невѣстѣ, ни безъ невѣсты не случилось ничего такого.

Я могу объяснить, изъ какихъ фактовъ взята мною, какъ литераторомъ, сцена, вошедшая въ дѣло съ такимъ важнымъ вліяніемъ на него. Это прикрашенный идеализаціею случай изъ жизни Іоганна Кинкеля (извѣстнаго нѣмецкаго ученаго, о которомъ тогда много писали въ газетахъ), приспособленный мною, какъ романистомъ, къ разсказу, незадолго передъ тѣмъ слышанному мною отъ Николая Ивановича Костомарова ¹⁾ (не имѣющаго ничего общаго съ г. В. Костомаровымъ)—онъ былъ арестованъ въ то время, какъ собирался жениться (за пять лѣтъ передъ тѣмъ).

Два очень простыя соображенія могли бы показать, что сцена, созданная мною, литераторомъ, для будущаго романа, не могла относиться къ моей дѣйствительной жизни: 1) у меня, Чернышевскаго, не было тогда не только друзей, даже близкихъ знакомыхъ между важными людьми; въ этой сценѣ дѣйствуетъ человекъ, имѣющій за себя сильныхъ въ правительствѣ друзей. 2) тогда (весною 1853) не было въ Россіи, не только въ Саратовѣ, гдѣ я жилъ уже два года, даже въ столицахъ, никакой политической жизни, не только тайныхъ обществъ. Это фактъ, принадлежащій исторіи.

13.

Въ другой моей просьбѣ я поясняю отношеніе между предположеніемъ, основаннымъ на этой сценѣ, и фактами моего процесса, здѣсь я только скажу, что дѣйствительно я, Чернышевскій, поступилъ такъ, что оказалась разность между нимъ и романическимъ лицомъ, слова котораго были ему приписаны. Но въ дѣлѣ нѣтъ первыхъ записокъ моихъ по этому обстоятельству и нѣтъ письма написаннаго мною съ цѣлью открыть комиссіи истинное положеніе дѣла. Письмо это имѣетъ форму отвѣта моей женѣ на ея вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ мое дѣло. Я не знаю, было ли оно доложено комиссіи.

14.

Итакъ, по связи между предыдущими фактами, объясняемой мною въ другой просьбѣ, въ началѣ марта въ комиссію были, наконецъ, доставлены—только уже по прошествіи восьми мѣсяцевъ послѣ моего арестованія—такіе документы, которые она могла принять за основанія для начатія процесса противъ меня:

15.

Первый изъ этихъ документовъ—письмо къ Соколову. По приблизительному моему счету оно имѣетъ до 30,000 буквъ;

¹⁾ Профессора русской исторіи.

оно занимаетъ въ выпискѣ 117 страницъ. Требуется значить время, чтобы переписать набѣло такое произведеніе. Списокъ, взятый у г. В. Костомарова г. Чулковымъ и находящійся въ дѣлѣ, очевидно, есть бѣловой списокъ.

Изготовленіе черногого подлинника требовало времени еще болѣе значительнаго, чѣмъ переписка его на бѣло. Литературная отдѣлка труда тщательна. Расположеніе его частей многосложно и обдуманно.

Г. Костомаровъ пріѣхалъ въ Тулу 5 числа марта по утру. Въ тотъ же день, 5 марта, письмо было уже найдено у него г. Чулковымъ. На мѣстѣ выставлено «Тула, 5 марта», но оно не могло быть ни изготовлено, ни даже только набѣло переписано въ Тулѣ. Оно заготовлено раньше, это очевидно по расчету физической невозможности противнаго. Итакъ, гдѣ же оно изготовлено? 1 марта г. Костомаровъ пріѣхалъ въ Москву и у него былъ посѣтитель, г. Яковлевъ; посѣщеніе г. Яковлева было продолжительно, какъ видно, изъ важности предмета ихъ совѣщанія и изъ того, что г. Костомаровъ и г. Чулковъ должны были убѣждать г. Яковлева. 2-го числа г. Костомаровъ былъ уже боленъ, или долженъ былъ держать себя, какъ больной, это продолжалось до самаго его выѣзда въ Москву; онъ не могъ въ эти три дня много заниматься письменною работою; и кромѣ того, у него въ это время бывало много посѣтителей. Человѣкъ опытный въ литературныхъ работахъ видитъ, что и въ Москвѣ не могло найтись достаточно времени у г. Костомарова,—что онъ взялъ съ собою свою работу (или не свою, а только передѣланную имъ съ другой, черной работы), когда поѣхалъ изъ Петербурга (28 февраля).

Сличеніе этой работы съ письмомъ Герцена обо мнѣ, найденнымъ у меня, съ пасквилемъ на меня, найденнымъ у меня, съ ироническою частью моего письма къ женѣ обнаруживаетъ, что «письмо къ Соколову» есть литературная работа, половина которой основана на этихъ документахъ, что они были подъ глазами у составителя «письма къ Соколову» во время его работы.

Это очевидно для человѣка, имѣющаго опытность въ разборахъ подобнаго рода вопросовъ (въ критической technikѣ), точно также, какъ и слѣдующее: «письмо къ Соколову» есть произведеніе вымысла, чуть ли на цѣлая «эпопея», по шутливому выраженію самого г. Костомарова; въ ученое и истинное юридическое смѣслъ это, конечно, не «эпопея», въ частности, но «произведеніе вымысла». Какъ всякое произведеніе вымысла, оно пропитано подробностями, не выдерживающими юридическихъ вопросовъ: «кто», «когда» и «гдѣ».

Г. Костомаровъ приписалъ этому произведенію вымысла юридическое значеніе (онъ готовъ подтвердить присягою подробности письма, которыя можно будетъ ввести въ дѣло; это письмо есть «откровенная бесѣда» съ «старымъ другомъ»). Комиссія не занялась изслѣдованіемъ той стороны письма, которую я выста-

вляю; но и на тѣ малочисленные «кто», «гдѣ», «когда», которые предлагались ему по поводу «письма къ Соколову», г. Костомаровъ часто долженъ былъ отвѣчать, какъ всякій авторъ вымышленнаго произведенія сталъ бы отвѣчать на юридическіе вопросы о подробностяхъ его вымысла—«не умѣю объяснить», «не знаю». Изъ этихъ случаевъ самый любопытный—г. Костомаровъ не знаетъ даже, какое званіе имѣетъ лицо, которое онъ называетъ своимъ старымъ задушевымъ другомъ: «чинъ и званіе г. Соколова неизвѣстны мнѣ» — говоритъ г. Костомаровъ,—ясно, что даже этотъ другъ есть поэтический вымыселъ.

Я скажу, откуда, по всей вѣроятности, взята фамилія для этого вымышленнаго лица. «Соколовъ» упоминается въ письмѣ г. Плещеева, которое находилось при г. Костомаровѣ въ Тулѣ (штемпель письма г. Плещеева—4 іюня 1861 г.). Но по этому письму этотъ дѣйствительный г. Соколовъ вовсе не «старый задушевный другъ» г. Костомарова. Подобное заимствование фамилій для замышляемыхъ лицъ—очень обыкновенная вещь.

Комиссія не обратила вниманія даже на то, что если бы этотъ г. Соколовъ, вымышленный повѣренный тайнъ г. Костомарова, не былъ лицо вымышленное, то не было бы ни малѣйшаго затрудненія отыскать его, хотя бы г. Костомаровъ не зналъ или не захотѣлъ указать его адреса: у него очень много примѣтъ, съ которыми трудно человѣку затеряться въ толпѣ.

Точно также г. Костомаровъ не помнитъ цвѣтъ, форматъ и клеймо бумаги первоначальной редакціи воззванія къ барскимъ крестьянамъ, но если бы эта рукопись была читана при немъ два раза и служила предметомъ споровъ, то нельзя было бы не замѣтить ему ея формата и цвѣта.

«Точно также онъ не знаетъ личностей, которыя—«стали жертвами» моего агитаторства и о которыхъ столько разсуждаетъ въ письмѣ къ Соколову; «я вовсе не имѣлъ въ виду какія либо личности», принужденъ онъ сказать на вопросъ: кто они? Ясно, что эти личности—реторическая фигура, называющаяся «просопопеею». Впрочемъ, онъ прибавляетъ, что это «авторы журнальныхъ статей», или въ другой разъ, что это «молодые люди, которые агитировали», какъ ему «кажется» подъ моимъ «вліяніемъ»,—но это ему только «кажется», это только его «личный взглядъ», непогрѣшимость котораго . . . не намѣренъ упорно отстаивать; онъ принужденъ даже сказать, что у меня не было своего «кружка», и называетъ это свое выраженіе «неосмотрительнымъ». Онъ никого не знаетъ, кромѣ себя, кто сталъ бы агитаторомъ по моему вліянію, а самъ онъ занялся тайнымъ печатаніемъ до знакомства со мною. Ясно, что все это выдумка: и мое агитаторское вліяніе на г. В. Костомарова, и чтеніе первоначальной редакціи воззванія къ барскимъ крестьянамъ, и эта первоначальная редакція.

Но показаніе, вопросы для котораго можно было извлечь

изъ письма къ Соколову, не могло опираться ни на какія доказательства (самъ г. Костомаровъ на допросѣ сказалъ, что только поэтому и удерживался до той поры отъ показаній противъ меня). Явилась въ комиссію записка, писанная карандашомъ. Она найдена вслѣдствіе того, что нашлось письмо къ Соколову,—нашлось именно при обыскѣ г. Костомарова въ III Отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи. Находка эта противорѣчитъ «откровенной бесѣдѣ» г. Костомарова со «старымъ другомъ» г. Соколовымъ, въ которой за три-четыре дня предъ тѣмъ онъ говорилъ, что не имѣетъ письменныхъ уликъ противъ меня («были», но онъ что-то «сдѣлалъ» съ ними). Что онъ сдѣлалъ съ ними? Почему не имѣлъ ихъ 5 марта въ Тулѣ? потому что «сжегъ», говоритъ въ одномъ мѣстѣ объ одномъ документѣ, который будто бы былъ у него; въ другомъ мѣстѣ отказывается объяснить, что сдѣлалъ съ ними; въ третьемъ мѣстѣ вставлено въ дѣлѣ шифрованное письмо, которое онъ дешифрируетъ и которое излагаетъ, что письма противъ меня отданы на сохраненіе лицу, имени и адреса котораго онъ самъ (г. Костомаровъ) не знаетъ.

Истина очень проста: все это—выдумка. Никогда никакихъ письменныхъ уликъ противъ меня не имѣлъ г. Костомаровъ. Записка карандашомъ не моя, прошу строжайше разсмотрѣть ее. Степень технической точности ея разсматриванія свидѣлствуется тѣмъ, что подпись ея прочтена за букву Ч., между тѣмъ, какъ это буква С. Разсматривавшіе были вовлечены въ оплошность тѣмъ, что не знали, какимъ образомъ ведется дѣло противъ меня, и потому были чужды предположенія обмана въ документахъ, предъявляемыхъ противъ меня.

17.

Но лица, вводившія въ такой обманъ, натурально, ждали, что обманъ этотъ, можетъ, какъ нибудь и не удастся. Потому записка карандашомъ казалась имъ недостаточна, и явился противъ меня, сверхъ улики, и уличитель, г. Яковлевъ. Послѣ того, какъ онъ за своё показаніе противъ меня отправленъ на жительство и подъ надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію, я считалъ бы излишнимъ разсматривать его показанія противъ меня; однакоже, скажу нѣсколько словъ.

Г. Чулковъ извѣстился о своемъ отъѣздѣ черезъ Москву съ г. Костомаровымъ только 27 февраля, 28-го они выѣхали; на другой день,—въ первый же день ихъ пріѣзда въ Москву, г. Яковлевъ уже знаетъ о ихъ пріѣздѣ, является къ нимъ, пишетъ свой доносъ на меня. Г. Чулковъ свидѣлствуется, что г. Яковлевъ «уже оказалъ ему услугу»; г. В. Костомаровъ тоже говоритъ, что г. Яковлевъ оказалъ ему «весьма важную услугу» и что онъ, г. Костомаровъ, «подарилъ» г. Яковлеву «свое пальто».

Г. Яковлевъ, отправившись доносить на меня, по дорогѣ пьетъ и буйствуетъ, какъ самъ говоритъ. Итакъ, у него есть средства пить до буйства, когда онъ «оказываетъ услугу».

Онъ даже «неоднократно за дурные поступки былъ въ приводѣхъ», по дѣламъ московскаго мѣщанскаго общества.

Слова, которыя влагаетъ мнѣ въ уста г. Яковлевъ,—заглавіе и начало прокламаціи—неужели я помнилъ ее наизусть? Неужели не выражался бы въ разговорѣ короче и проще? Многосложныя письменныя заглавія не употребляютъ въ разговорѣ и какая необходимость была декламировать начало прокламаціи? Вѣдь это не стихи, а проза; такъ не бываетъ.

На вопросъ, почему медлилъ показаніемъ противъ меня, г. Яковлевъ отвѣчалъ, что только въ февралѣ узналъ о характерѣ процесса г. Костомарова, а между тѣмъ, онъ видѣлся съ г. Костомаровымъ въ ноябрѣ 1862, когда уже было и Высочайше утверждено мнѣніе госуд. совѣта по дѣлу г. Костомарова.

При предъявленіи меня г. Яковлеву была нарушена форма, по которой слѣдуетъ въ подобныхъ случаяхъ показывать обвинителю нѣсколько человѣкъ—явно опасались, что г. Яковлевъ не сумѣетъ выбрать, кто изъ нихъ Я.

Кромѣ всего этого, весь ходъ дѣла поясняется словами самого г. Яковлева, приводимыми въ письмѣ, по которому г. Яковлевъ наказанъ за этотъ свой поступокъ. Этимъ рѣшеніемъ явно признана справедливость этого письма, при томъ подробности разговора, передаваемого этимъ письмомъ, подтверждаются документами, находящимися въ дѣлѣ, которые не могли быть извѣстны писавшимъ письмо.

По запискѣ г. Чулкова отъ 1 марта, желаніе г. Яковлева доносить на меня было извѣстно со 2 или 3 марта, но только 3 апрѣля комиссія постановила вызвать его къ допросу; итакъ, цѣлый мѣсяцъ колебались, прежде чѣмъ, вынужденные крайностью, рѣшились ввести комиссію въ эту ошибку.

Рапортъ г. Чулкова, объясняющій его выраженіе, что «г. Яковлевъ оказалъ ему услугу», поданъ уже по рѣшеніи комиссіи испросить и по испрошеніи Высочайшаго повелѣнія передать мое дѣло въ Пр. С.; на этомъ рапортѣ число и мѣсяцъ подачи его подскоблены (подскоблена ли цифра 7, не могу навѣрное разсмотрѣть безъ лупы; имя мѣсяца «мая» очень явно написано по подскобленному) ¹⁾.

18.

Въ дополнительномъ показаніи моемъ въ Пр. С. я вызвался подтвердить подробными доказательствами тѣ факты этого показанія, которые покажутся еще нуждающимися въ подтвержденіи. Въ запискѣ и въ дѣлѣ я уже нашелъ подтвержденія для большей части фактовъ, приводимыхъ мною. Приведу лишь немногіе, для примѣра.

¹⁾ Дѣйствительно, характерно, что свое поясненіе Чулковъ далъ только *послѣ* передачи дѣла въ сенатъ; но подскобленные мѣсяцъ и число ровно ничего не говорятъ, и что хотѣлъ этимъ замѣчаніемъ сказать Чернышевскій,—мнѣ не понятно.

Я говорю въ показаніи, что на мое арестованіе и веденіе дѣла противъ меня имѣли вліяніе ложные слухи.

Ихъ примѣры въ выпискѣ: листы 9—13 безъименное письмо, о которомъ я говорилъ выше; оно основывается на лживыхъ слухахъ о моемъ участіи въ столкновеніяхъ, бывшихъ въ С.-Пбурскомъ университетѣ; когда и въ какомъ духѣ я вмѣшался въ эти дѣла, видно по документамъ ¹⁾. Ихъ объясненіе, если нужно оно, докажетъ: 1. что я познакомился съ гг. студентами, имѣвшими вліяніе на товарищей своихъ, только уже послѣ манифестаціи въ Думѣ; 2. познакомился съ цѣлью быть посредникомъ между ними и княземъ Щербатовымъ (Г. А.), благородно начавшимъ тогда хлопотать о предотвращеніи дальнѣйшихъ столкновеній; 3. что когда я такимъ образомъ познакомился съ молодыми людьми, которыхъ прежде считалъ,—какъ и другіе считали,—поднимавшими безпорядки, то, къ удивленію моему, получилъ документы, доказывавшіе, что безпорядки поднимаются дѣйствіемъ опрометчивости лицъ, гораздо старшихъ ихъ лѣтами и почтенныхъ по положенію въ обществѣ,—не злонамѣренностью, а только безразсудною опрометчивостью этихъ лицъ,—и доказательства были такъ неоспоримы, что самый яростный изъ обвинявшихъ въ печати злонамѣренность студентовъ увидѣлъ себя принужденнымъ подписать и подписалъ актъ, говорящій, что въ безпорядкахъ виноваты не студенты, а другія лица ²⁾; 4. что я находилъ нужнымъ для предотвращенія безпорядковъ то самое, что находили тогда нужнымъ г. министръ народнаго просвѣщенія и князь Щербатовъ, бывший попечитель Спбурскаго округа, и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Прошу сравнить съ этимъ «Записку изъ частныхъ свѣдѣній».

Другіе примѣры слуховъ, столь же неосновательныхъ и столь же вредныхъ мнѣ, отмѣчу на ³⁾. Въ дѣлѣ я нахожу свѣдѣнія и мнимые документы, еще болѣе неосновательнымъ образомъ введенные въ процессъ противъ меня. Въ дѣло внесены: статья г. Мечникова, присланная для напечатанія въ «Современникѣ», «Записка изъ частныхъ свѣдѣній»—документъ, который будетъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ нашей процедуры для будущаго ея историка и часть котораго однако же вошла въ окончательный докладъ комиссіи обо мнѣ. Двѣ статьи г. Шемановскаго, присланныя мнѣ для передачи г. министру народнаго просвѣщенія и, съ его частнаго одобренія, напечатанныя въ «Современникѣ»; дневникъ мой; письмо г. Чацкина о тайнахъ женщины, имѣвшей мужа. Объ ужасномъ вредѣ для правительства отъ введенія (въ дѣла политическаго характера) документовъ такого рода я говорю въ моей другой просьбѣ.

Я говорю, что ложное истолкованіе моихъ сборовъ къ отъѣзду

¹⁾ Т. е. по перепискѣ съ проф. Андреевскимъ.

²⁾ Рѣчь пдѣтъ о диспутѣ съ Ѳ. Ѳ. Эвальдомъ на его квартирѣ, кончившемся полнымъ пораженіемъ очень сконфуженнаго казеннаго педагога.

³⁾ Указано нѣсколько страницъ въ выносѣхъ.

въ Саратовъ было основаніемъ рѣшенія арестовать меня по поводу письма г. Герцена, и въ доказательство ссылаюсь на слова, въ которыхъ былъ переданъ этотъ слухъ мнѣ однимъ изъ гг. членовъ комиссіи. Я нашелъ въ дѣлѣ указанія, по которымъ теперь могу даже пояснить, какъ произошло это извращеніе факта, подобное вещамъ, прочитаннымъ мною въ «запискѣ изъ частныхъ свѣдѣній».

Находя въ дѣлѣ приводимые съ юридическимъ значеніемъ неожиданные мною психологическія свѣдѣнія обо мнѣ и выводъ изъ этого, что я непременно, уже по устройству моей души, долженъ быть заговорщикомъ, я принужденъ объяснить, что психологическія изслѣдованія, хотя бы даже и обо мнѣ, требуютъ специальной ученой подготовки, которая, на примѣръ, показала бы господамъ изслѣдовавшимъ, что человѣкъ, иронизирующій надъ своими недостатками, не способенъ рѣзать людей для удовлетворенія слабостямъ своимъ, если бы и имѣлъ ихъ; и что приписываемая ему въ преступленіе слабость (самолюбіе, тщеславіе) прямо противоположна качеству, которое, если и есть недостатокъ, то уже вовсе не уголовный, качеству гордости, которая, какъ извѣстно изъ психологіи, только даетъ отпоръ дерзкимъ нахамъ, а безъ того внушаетъ человѣку держать себя очень спокойно. Такія объясненія принужденъ я дѣлать въ моемъ процессѣ—это фактъ.

Итакъ я долженъ пояснить, что я извѣстенъ всѣмъ моимъ знакомымъ за человѣка очень уживчиваго и мягкаго и, на примѣръ, работать вмѣстѣ съ Герценомъ не могъ бы не по неуживчивости моего самолюбія, а потому, что я человѣкъ съ твердыми убѣжденіями, которые не одинаковы съ убѣжденіями г. Герцена. Я не хочу этимъ сказать, его или мой образъ мыслей лучше въ юридическомъ отношеніи—закону нѣтъ дѣла до образа мыслей, каковъ бы онъ ни былъ—я хочу только сказать, что я человѣкъ болѣе поздней философской школы, чѣмъ г. Герценъ. Я никакъ не ждалъ, что увижу необходимость дѣлать эти ученые замѣчанія въ моемъ процессѣ.

19.

Я говорю, что всѣ слова въ письмѣ г. Герцена, которыя послужили поводомъ къ моему арестованію, загадочны для меня. Теперь, взглянувъ на самое письмо, я нахожу это мѣсто и сопровождающія строки вещью еще болѣе загадочною. Ограничусь однимъ замѣчаніемъ. Письмо уже спрашиваетъ, печатать ли объявленіе о моемъ соредакторствѣ съ Герценомъ — или даже уже положительно говорить, что объявленіе объ этомъ печатается. Такія вещи не печатаются до выѣзда редактора изъ Россіи. Эта приписка требуетъ очень внимательнаго изслѣдованія, если еще не объяснена самими фактами, которые остаются мнѣ неизвѣстны.

20.

Я говорю, что г. Костомаровъ очень давно распускалъ слухи, которые были оставлены безъ вниманія по убѣжденію

другихъ въ неудобствѣ пользоваться его готовностью дѣлать политически-уголовныя показанія. Теперь, видя что дѣло противъ меня начато серьезнымъ образомъ на основаніи письма г. Костомарова къ Соколову, я приведу одинъ изъ фактовъ, извѣстныхъ не мнѣ одному. Есть другая болѣе ранняя редакція того же произведенія; списокъ ея былъ у меня подъ глазами очень задолго до моего ареста, и я не имѣю средствъ знать, уничтоженъ ли подлинный списокъ, писанный рукой г. Костомарова. Въ той редакціи дѣло излагается столь же вымышленнымъ образомъ, но въ духѣ не томъ и съ другими фактами (также невѣрными). Въ этомъ произведеніи я играю гораздо меньшую роль, чѣмъ III Отдѣленіе Собственной Канцеляріи Его Величества: г. Костомаровъ утверждалъ тамъ, что его подвергали жестокимъ истязаніямъ, и ими принудили дѣлать показанія (Духъ произведенія былъ тотъ самый, какой вылился изъ души г. Костомарова потомъ).

Я говорю, каковы были мои дѣйствительныя отношенія къ г. Костомарову; они доказываются письмами моими къ нему, находящимися въ дѣлѣ — я стараюсь помочь г. Костомарову, какъ человѣку небогатому. Въ одномъ изъ писемъ я стараюсь устроить отъѣздъ его гувернеромъ за границу, неужели я хлопоталъ бы объ этомъ, еслибы онъ былъ моимъ агентомъ по тайному печатанію въ Москвѣ? Я говорю, что г. Костомаровъ былъ раздраженъ противъ меня ошибкой въ надеждѣ на мою помощь денежную послѣ его арестованія. Онъ самъ говоритъ, что у него со мною были «столкновенія», которыя прямо относятся къ его личнымъ интересамъ, и отказывается пояснить это. О своемъ ожесточеніи противъ меня онъ много разъ говоритъ въ письмѣ къ Соколову и приписываетъ его, кромѣ «личныхъ столкновеній», разности со мною въ политическихъ тенденціяхъ; изъ того, что онъ говоритъ по этому предмету, видно, что онъ самъ никогда не имѣлъ отчетливаго образа мыслей.

Я говорю, что памятный мнѣ по постороннему обстоятельству вечеръ, проведенный у меня г. Костомаровымъ вмѣстѣ съ г. Михайловымъ, самъ по себѣ не представлялъ ничего замѣчательнаго и что поэтому г. Костомаровъ плохо запомнилъ его, — и онъ самъ свидѣтельствуетъ, что не помнитъ ни моихъ гостей, ни ихъ и своего разговора со мною.

21.

Факты, которые совершились по разсмотрѣнію записки и письма, выдаваемыхъ за мои, — я говорю объ актахъ сличенія почерковъ, — показываютъ, что безъ помощи техническихъ знаній и пособій труды для изслѣдованія истины по техническимъ вопросамъ безуспѣшны.

22.

Я говорилъ, что еслибы находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ г. Костомаровымъ, то нашелъ бы неудобнымъ посѣщать

его во время моей поѣздки въ Москву по цензурнымъ дѣламъ; это повело къ тому, что г. Костомаровъ выдумалъ особую мою поѣздку въ Москву — поѣздку, предшествовавшую поѣздкѣ по цензурнымъ дѣламъ. Этой поѣздки не было. А во время ея-то именно г. Костомаровъ и выставляетъ меня видѣвшимся шрифтъ. Я не выѣзжалъ изъ Петербурга ни на одинъ день въ 1860 г. и до самой поѣздки моей по цензурнымъ дѣламъ въ 1861 г. Я не могъ бы укрыть своего отсутствія изъ Петербурга, хотя бы на одинъ день, потому что у меня ежедневно бывали наборщики и разсылные типографіи «Современника» за полученіемъ статей и корректуръ по журналу. Мой отъѣздъ хотя на одинъ день былъ бы замѣченъ десятками людей, работавшихъ въ типографіи г. Вульфа.

23.

Въ показаніи г. Костомарова Пр. С. обстоятельства его второй поѣздки въ Петербургъ изложены имъ такъ, что мнѣ не оставалось бы времени узнать, что онъ не уѣхалъ въ Москву и что я еще могу найти его въ Петербургѣ послѣ того, какъ онъ ушелъ отъ меня поутру съ мыслями ѣхать въ Москву въ то же утро. А въ эту поѣздку происходила, по его прежнимъ показаніямъ, диктовка въ Знаменской гостинницѣ.

24.

Къ листу 370 выписки считаю нелишнимъ замѣтить, что теперь съ мѣсяцъ я опять гуляю по саду. Но опять только по гигиеническимъ надобностямъ.

25.

Просмотрѣвъ прокламацію къ барскимъ крестьянамъ, я вижу, что авторъ ея еще не имѣлъ извѣстій и о бездненскомъ дѣлѣ, не только о томъ, что мужики весною 1861 г. вообще неохотно шли на уставныя грамоты. Всякій публицистъ найдетъ нелѣпнымъ хлопотать въ августѣ 1861 о печатаніи такого устава произведенія. Единственнымъ предлогомъ для моихъ придуманныхъ имъ просьбъ объ этомъ г. Костомаровъ придумалъ, что наборъ былъ тогда еще цѣлъ. А по свѣдѣніямъ изъ дѣла о г. Костомаровѣ и словамъ его самого, шрифтъ былъ уничтоженъ, не только наборъ разрушенъ, задолго до того времени.

Считаю долгомъ оговорить опіску, сдѣланную мною: проѣздъ мой черезъ Москву былъ не 17 или 19-го, а 7 или 8 августа.

26.

Для объясненія того, какъ и зачѣмъ возникло «письмо къ Алексѣю Николаевичу», считаю долгомъ просить Пр. С. обратить вниманіе на то обстоятельство, что мое дополнительное объясненіе Пр. С. отъ 1 іюня прошло черезъ нѣсколько рукъ прежде, чѣмъ поступило въ Пр. С.

27.

Г. Костомаровъ говоритъ, что письмо это было найдено имъ за подкладкою сакъ-вояжа еще до ареста, но на прежнихъ показаніяхъ онъ говорилъ что у него уже не остается улики послѣ представленія записки карандашомъ, единственной улики; ясно, что письмо къ Алексѣю Николаевичу явилось у него въ рукахъ уже послѣ того.

28.

Когда явилось это письмо, г. Костомаровъ уже забылъ, что самъ говорилъ въ комиссіи: «Плещеевъ (Алексѣй Николаевичъ) не имѣлъ и предположенія, что я (Костомаровъ) занимаюсь тайнымъ печатаніемъ, и самъ не занимался ничѣмъ подобнымъ». Слова г. Костомарова сами по себѣ не были бы надежнымъ заявленіемъ факта; но этотъ фактъ съ несомнѣнностью извѣстенъ всѣмъ сотнямъ людей, знающимъ г. Плещеева, и, вѣроятно, уже обнаруженъ официальными мѣрами, которые повлекло за собою появленіе «письма къ Алексѣю Николаевичу».

Я утверждаю, что это письмо подлогъ и смѣю навѣрное ручаться въ слѣдующемъ: самъ г. Костомаровъ, если еще не разгласилъ, разгласить это.

Появленіе письма къ Алексѣю Николаевичу и надобность объяснить это были обстоятельствами, которыхъ не предвидѣлъ г. Костомаровъ при своихъ прежнихъ показаніяхъ и въ письмѣ къ Соколову. Потому показаніе его 31 іюля не сходится съ ними. Кромѣ чертъ разногласія, приводимыхъ въ моемъ рукоприкладствѣ, легко найти десятки другихъ. Еслибы нужно было, я готовъ сдѣлать это. Не дѣлаю этого здѣсь, чтобы не удлинить моей просьбы.

А посему Всеподданнѣйше прошу

Дабы повелѣно было освободить меня отъ суда и слѣдствія, съ предоставленіемъ права иска на лицъ, которые незаконными дѣйствіями причинили мнѣ денежные убытки, освободить меня отъ содержанія подъ арестомъ съ сохраненіемъ мнѣ права жить гдѣ мнѣ будетъ нужно по моимъ дѣламъ, въ томъ числѣ и обѣихъ столицахъ,

и примѣнить приводимыя мною въ рукоприкладствѣ статьи свода законовъ къ лицамъ, которыя по изслѣдованіи окажутся виновными въ ихъ нарушеніи. Отставной тит. сов. Николай Гавриловъ сынъ Чернышевскій руку приложилъ. 25 сентября 1863 г.

Къ подаванію надлежитъ въ первое отдѣленіе пятаго департамента Правительствующаго Сената».

Итакъ, въ этомъ послѣднемъ своемъ протестѣ Чернышевскій совершенно ясно далъ понять, что прекрасно понимаетъ, кому обязанъ всѣмъ дѣломъ... III Отдѣленіе было поставлено на надлежащее мѣсто и, надо правду сказать, понятно, почему оно не могло помириться иначе, какъ на каторгѣ своего обличителя...

Сенатъ заслушалъ всѣ эти три документа и опредѣлилъ внести ихъ въ записку. На этомъ онъ считалъ роль свою выполненной... Впрочемъ, нѣтъ, онъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ: запросилъ кн. Суворова о письмахъ Чернышевскаго къ нему и государю въ ноябрѣ 1862 г. Но князь отвѣтилъ, что ничего не получилъ, и написалъ въ III Отдѣленіе, прося его доставить оба письма въ сенатъ, если они тамъ и «если къ передачѣ ихъ не встрѣчается препятствій»... Тамъ рѣшили отвѣтить незнаніемъ... Такъ письма и канули въ воду...

III.

Наконецъ, 30 сентября Плещеевъ явился въ сенатъ, далъ подписку прибыть на допросъ 2 октября и преспокойно удалился въ свой номеръ Знаменской гостиницы. Его, этого важнаго государственнаго преступника, не только не отправили немедленно въ одиночный казематъ крѣпости, но даже не подвергнули особому надзору. Что-то совершенно непонятное... Можетъ быть, его спасло видное положеніе по службѣ? Нѣтъ, онъ былъ самымъ обыкновеннымъ коллѣжскимъ регистраторомъ... Можетъ быть, вниманіе было оказано въ виду его литературной дѣятельности? Но вопросъ этотъ въ Россіи просто нелѣпъ... Почему же? Вѣдь онъ былъ такимъ явнымъ соучастникомъ Чернышевскаго... Да просто потому, что мирный, тихій и спокойный Алексѣй Николаевичъ былъ совершенно не нуженъ; знали, что онъ и не могъ получить такого письма... Конечно, еслибы правительство хотѣло номинально считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, оно должно было бы продолжить комедію и, арестовавъ Плещеева, заслать его потомъ въ дальнюю Сибирь,—но вѣдь это было уже сентябрь 1863 года,—время, когда реакція торжествовала во всю, жандармы правили Россіей, а Муравьевъ вѣшалъ всѣхъ кого хотѣлъ... Печать была загнана въ подземелье, Катковъ ловилъ сотнями «нигилистовъ», а правительство... правительство воображало себя не иначе, какъ плантаторомъ, постигавшихъ черныхъ рабовъ...

2 октября Плещеевъ далъ такія показанія:

«Сношенія мои съ Чернышевскимъ постоянно ограничивались литературой, дѣломъ журнальнымъ, такъ какъ онъ принималъ значительное участіе въ редакціи «Современника». Я не упрекалъ никогда Чернышевскаго въ излишнемъ довѣріи кому бы то ни было и не знаю никакихъ дѣлъ съ Чернышевскимъ, въ которыхъ бы онъ не долженъ былъ быть довѣрчивъ. Участія никакого не могъ принимать, такъ какъ мнѣ совершенно не-

извѣстно, какія именно это дѣла и были ли такія дѣла. Ни о какомъ станкѣ я не имѣю понятія и ни въ чемъ подобномъ не принималъ участія. Никогда не слышалъ, чтобы Сулинъ хвастался чѣмъ-нибудь подобнымъ (т. е. знакомствомъ съ Чернышевскимъ—*М. Л.*) да и трудно было бы мнѣ слышать, такъ какъ я знакомства съ Сулинымъ никогда не водилъ. Ни о сочиненіи, данномъ будто бы Сулину, ни о тайномъ печатавіи имъ чего бы то ни было, никогда я не слыхалъ. Костомарова я никогда собственно Чернышевскому не рекомендовалъ, но, когда онъ уѣзжалъ въ Петербургъ, года два тому назадъ, если не ошибаюсь, то писалъ о немъ кому то изъ редакторовъ «Современника» (какъ о хорошемъ пореводчикѣ, знающемъ языки и могущемъ принести пользу журналу), но только не къ г. Чернышевскому, потому что онъ завѣдывалъ критическимъ и ученымъ отдѣломъ жунала, а не литературнымъ. Костомаровъ же преимущественно занимался переводомъ стиховъ. О тайномъ печатаніи Костомарова мнѣ ничего неизвѣстно. Общаго дѣла съ Чернышевскимъ я никогда никакого не имѣлъ. Все это письмо для меня совершенно непонятно: не знаю никакого Л., никакихъ офицеровъ и не понимаю даже, что значить—«23 въ Понизовьи». Никакой работы никѣмъ возлагаемо на меня не было. Болѣе объяснить ничего не имѣю.

Когда же Плещееву предъявили подложное письмо, якобы къ нему адресованное, онъ отвѣтилъ, что, дѣйствительно, почеркъ первой страницы похожъ на почеркъ Н. Г., но потомъ сбывается и становится не похожимъ.

14 октября Чернышевскому дали еще одну очную ставку съ Костомаровымъ. Послѣдній, очевидно, совсѣмъ не считалъ нужнымъ помнить свои прежнія показанія: на этотъ разъ онъ снова плелъ какую-то околесицу. Теперь онъ утверждалъ, что о передачѣ Чернышевскимъ Сороко прокламаціи онъ узналъ со стороны, спустя нѣсколько дней послѣ возвращенія Сороко въ Москву, и былъ увѣдомленъ о такихъ же слухахъ Плещеевымъ, который тогда тотчасъ же извѣстилъ о нихъ Чернышевскаго, а онъ, Костомаровъ, немедленно поѣхалъ въ Петербургъ, тамъ получилъ письмо къ Плещееву и предложилъ взять работу у Сороко на себя. Что касается диктованія въ этотъ разъ прокламаціи къ раскольникамъ, то, можетъ быть, оно происходило и въ другой разъ, и т. д... Чернышевскій снова опровергалъ всю эту путаницу.

Очная ставка Костомарова съ Плещеевымъ тоже не дала ничего: первый плелъ всякій вздоръ, второй даже не понималъ его...

Видя полную свою ненадобность сенату и III Отдѣленію, Плещеевъ просилъ отпустить его въ Москву, въ чемъ и не встрѣтилъ препятствій. Для виду съ него была взята лишь росписка о немедленной явкѣ по первому вызову.

28, 2, 30 и 31 октября происходило слушаніе сенатской записки, на которомъ присутствовалъ и Н. Г. Затѣмъ весь ноябрь

составлялось опредѣленіе, переписывалось, посылалось, вѣроятно негласно, въ III Отдѣленіе и только 2 декабря было подписано сенаторами. Черезъ мѣсяцъ министръ юстиціи вернулъ его съ указаніями необходимыхъ, по его мнѣнію, поправокъ. 7 февраля 1864 г. ему была послана новая редакція.

Въ это время учитель гимназіи, литераторъ Дмитрій Щегловъ просилъ или свиданія съ Чернышевскимъ по личному своему дѣлу или пересылки ему объ этомъ письма. Было разрѣшено второе.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Чернышевскій больше не опасенъ.

I.

Опредѣленіе сената настолько характерно, настолько ярко, какъ иллюстрація чудовищнаго произвола и наглости, что я приведу его полностью. И его необходимо прочесть безъ пропусковъ: только при этомъ условіи читатель пойметъ, что это за документъ, если помнитъ самъ все дѣло.

«Отставной титулярный совѣтникъ Николай Чернышевскій, занимавшійся литературою, былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала «Современникъ». Журналъ этотъ своимъ направленіемъ обратилъ на себя вниманіе правительства. Въ немъ развивались по преимуществу матеріалистическія и социалистическія идеи, стремящіяся къ отрицанію религіи, нравственности и закона, такъ что правительство признало нужнымъ прекратить на нѣкоторое время изданіе сего журнала, а одновременно съ симъ открылись обстоятельства, которые указали правительству въ Чернышевскомъ одного изъ зловредныхъ дѣятелей въ отношеніи къ государству. Обстоятельства сіи состоятъ въ слѣдующемъ:

Управляющій III Отд. собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи получилъ безыменное письмо о Чернышевскомъ, въ коемъ предостерегаютъ правительство отъ Чернышевскаго, «этого коновода юношей, хитраго социалиста». Онъ самъ сказалъ, что настолько уменъ, что его никогда не уличатъ. Его называютъ вреднымъ агитаторомъ и просятъ спасти отъ такого зловреднаго чловѣка. Всѣ бывшіе пріятели Чернышевскаго, видя его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, люди либеральные, отдалились отъ него. «Ежели не удалите Чернышевскаго», пишетъ авторъ письма, «быть бѣдѣ, будетъ кровь. Эта шайка бѣшеныхъ демагоговъ—отчаянныя головы, эта «Молодая Россія» высказала въ своемъ проектѣ всѣ звѣрскія ея наклонности. Можетъ быть, перебьютъ ихъ, а сколько невинной крови за нихъ прольется?! Въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ—вездѣ есть

комитеты изъ подобныхъ социалистовъ, и вездѣ они разжигаютъ молодежь. «Николая Гавриловича (имя и отчество Чернышевскаго) отправьте, куда хотите, поскорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать». Избавьте насъ отъ Чернышевскаго ради общаго спокойствія».

Въ концѣ іюня мѣсяца 1862 года получено было въ III отдѣленіи увѣдомленіе, что изъ Лондона въ Петербургъ ѣдетъ коллежскій секретарь Ветошниковъ, знакомый съ Герценомъ и Бакунинымъ, и везетъ съ собою запрещенныя изданія Герцена, Огарева и другія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и корреспонденцію отъ пропагандистовъ. При арестованіи Ветошникова, между прочими письмами, оказалось у него письмо изгнанника и пропагандиста Герцена къ надворному совѣтнику Серно-Соловьевичу, въ коемъ онъ убѣждаетъ его распространять пропаганду въ Россіи, а въ концѣ письма приписка: «Мы здѣсь или въ Женевѣ намѣрены издавать «Современникъ» съ Чернышевскимъ».

По поводу письма сего Чернышевскій 7-го іюля былъ арестованъ, и у него былъ сдѣланъ обыскъ, при коемъ найдены слѣдующія относящіяся къ дѣлу бумаги:

Анонимная записка съ увѣдомленіемъ, что дѣло о манифестаціи въ Думѣ, по высочайшему повелѣнію, оставлено безъ разсмотрѣнія, беспокоить по этому дѣлу никого не будутъ. Переписка Чернышевскаго съ профессоромъ Андреевскимъ, коему онъ предлагаетъ быть посредникомъ между публикою и читавшими лекціи профессорами, для разъясненія причины прекращенія публичныхъ лекцій. Письмо И. Б., по почерку Ивана Бортюкова, въ которомъ замѣчательны слова: «Москва занята теперь тверскими происшествіями, говорятъ, революція будетъ». Письмо Герцена безъ надписи, а потому неизвѣстно кому адресованное, со многими выскоченными словами, гдѣ онъ опровергаетъ совѣтъ Чернышевскаго, не вовлекать юношество въ литературный союзъ, потому что изъ этого ничего не выйдетъ, и предлагаетъ въ темныхъ выраженіяхъ проектъ организаціи какого-то общества или союза, избравъ центрами дѣятельности ярмарки Нижегородскую, которую нибудь изъ Днѣпровскихъ и Ирбитскую или иной Уралосибирскій трактъ. Анонимное письмо къ Чернышевскому, въ коемъ называютъ его пропагандистомъ, социалистомъ, Маратомъ, желающимъ ниспровергнуть существующій порядокъ и учредить демократію и затѣмъ угрожаютъ ему самому гибелью. Алфавитный ключъ на четырехъ картонныхъ бумажкахъ и, наконецъ, двѣ тетрадки, написанныя съ сокращеніемъ словъ, слоговъ и буквъ. Тетрадки эти заключаютъ въ себѣ дневникъ Чернышевскаго, относящійся къ тому періоду времени, когда онъ не состоялъ еще въ брачномъ союзѣ, а былъ женихомъ. Въ немъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мысли, къ дѣлу относящіяся: «Меня каждый день могутъ взять. Какая будетъ тутъ моя роль.

У меня ничего не найдутъ, но друзья у меня весьма сильные¹⁾. Что могу я другое дѣлать? Сначала я буду молчать и молчать, наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго, это мнѣ надоѣстъ, и я выскажу свое мнѣніе прямо и рѣзко. И тогда едвали уже выйду изъ крѣпости. Видите, я не могу жениться. Я не могу, не въ правѣ связать чьей бы то ни было судьбы съ моею».

Чернышевскій, содержась въ крѣпости, 5-го октября написалъ женѣ своей письмо, въ коемъ говорить, между прочимъ: «Наша съ тобою жизнь принадлежитъ исторіи; пройдутъ сотни лѣтъ, а наши имена все еще будутъ милы людямъ, и будутъ вспоминать о насъ съ благодарностью, когда уже забудутъ почти всѣхъ, кто жилъ въ одно время съ нами». Объясняя женѣ своей, что онъ намѣренъ составлять «Энциклопедію знанія и жизни», онъ пишетъ: «Со времени Аристотеля не было дѣлано еще никѣмъ того, что я хочу дѣлать, и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель».

Между тѣмъ во время производства изысканій по дѣлу Чернышевскаго, отставной корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, судившійся въ Москвѣ за печатаніе запрещенныхъ сочиненій и по высочайшему повелѣнію разжалованный въ рядовые съ назначеніемъ на службу въ кавказскій линейный баталіонъ, при препровожденіи его къ мѣсту назначенія, съ жандармскимъ офицеромъ Чулковымъ, дорогою въ Тулѣ заболѣлъ, а 5-го марта 1863 года написалъ письмо къ нѣкому Соколову въ С.-Петербургъ. Письмо это Чулковъ представилъ начальнику III отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи. Письмо это заключаетъ въ себѣ подробный разсказъ Костомарова, какимъ образомъ онъ вовлеченъ былъ въ преступленіе, за которое судился, Чернышевскимъ, какимъ образомъ Чернышевскій вмѣстѣ съ бывшимъ литераторомъ, нынѣ государственнымъ преступникомъ Михайловымъ сочинилъ воззваніе къ барскимъ крестьянамъ, а полковникъ Шелгуновъ воззваніе къ солдатамъ, и дали ему для напечатанія черезъ студента Сороко, съ коимъ онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Москвы. Описывая подробно личность Чернышевскаго, какъ агитатора, который со-
вратилъ съ пути истиннаго нѣсколько юношей, онъ такъ характеризуетъ его: сравнивая его съ Самсономъ, онъ говоритъ, что «израильтянинъ былъ такъ не практиченъ, что, расшатавъ столбы зданія, втемяшился въ самую середину его и повалилъ обломки на себя. Нашъ Самсонъ (т. е. Чернышевскій) разсуждаетъ иначе; онъ полагаетъ: «чѣмъ мнѣ погибать подъ обломками стараго зданія, я лучше пошлю другихъ разваливать его, а самъ посижу пока въ сторонѣ. Коли развалятъ—хорошо, я займусь постройкой новаго, а не развалятъ, надорвутся, такъ мнѣ-то что? Я то всячески цѣль останусь». Далѣе Костомаровъ пишетъ другу своему, что

¹⁾ А на самомъ дѣлѣ было написано: «... но подозрѣнія противъ меня будутъ весьма сильныя». Изъ „подозрѣнія“ („дзрѣя“) сдѣлали „друзья“.

напрасно онъ будетъ укорять его за то, что не открылъ въ свое время всего, что въ его рукахъ были средства увязить Чернышевскаго на свое мѣсто, что онъ самъ видѣлъ эти письма, что въ его рукахъ была возможность сдѣлать то, чтобы текстъ сентенціи за составленіе воззванія Къ барскимъ крестьянамъ относился не къ нему, а къ Чернышевскому. Тогда онъ долженъ былъ молчать, но теперь, когда уже совершилось, говоритъ въ немъ горькая боль оскорбленнаго сердца. Выгораживая Чернышевскаго и Шелгунова изъ этого дѣла, онъ предалъ себя. Онъ виноватъ въ этомъ передъ обществомъ, для котораго дѣятельность кружка, созданнаго ученіемъ Чернышевскаго, принесла и приноситъ такіе горькіе отравленные плоды. Затѣмъ Костомаровъ описываетъ, какъ Михайловъ привезъ и рекомендовалъ его Чернышевскому, какъ они втроемъ въ кабинетѣ читали сочиненное Чернышевскимъ воззваніе Къ барскимъ крестьянамъ, и какъ онъ не соглашался напечатать его, если Чернышевскій не смягчитъ выраженій этого воззванія, вызывающихъ къ рѣзнѣ, какъ Чернышевскій не соглашался сначала на это, но потомъ измѣнилъ нѣсколько; какъ Шелгуновъ сочинилъ воззваніе къ солдатамъ, ходилъ въ казармы читать это воззваніе и уговаривать солдатъ, какъ Чернышевскій диктовалъ ему, Костомарову, въ Знаменской гостинницѣ воззваніе къ раскольникамъ, которое онъ впослѣдствіи уничтожилъ.

По распоряженію III отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи Костомаровъ былъ возвращенъ изъ Тулы въ Петербургъ и при немъ найдены письма Михайлова и записка карандашомъ слѣдующаго содержанія: «В. Д. Вмѣсто срочно-обяз. (какъ это по непростительной оплошности поставлено у меня)—наберите вездѣ: «врем. обяз.», какъ это называется въ положеніи, Вашъ Ч.» Костомаровъ объяснилъ, что записку эту написалъ Чернышевскій, бывши у него въ Москвѣ, но не заставши его дома, когда уже дано было ему для печатанія воззваніе Къ барскимъ крестьянамъ. Но по предъявленіи этой записки Чернышевскому, онъ не призналъ ее своею.

По сличеніи почерка руки Чернышевскаго съ его запискою, секретари сената нашли, что, хотя въ общемъ характерѣ нѣтъ сходства съ почеркомъ Чернышевскаго, но многія буквы, а именно 12 изъ числа 25-ти, составляющихъ записку, имѣютъ сходство. Присутствіе же пр. сената нашло, что и въ отдѣльныхъ буквахъ сей записки, и въ общемъ характерѣ почерка ея есть совершенное сходство съ почеркомъ руки Чернышевскаго.

Воззваніе, къ барскимъ крестьянамъ, въ сочиненіи коего Костомаровъ обвиняетъ Чернышевскаго и экземпляръ котораго, переписанный неизвѣстно кѣмъ, находится въ дѣлѣ Костомарова, будучи писано языкомъ простонароднымъ, заключаетъ въ себѣ превратное толкованіе Положенія 19 февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ. Въ немъ говорится, что государь обманулъ крестьянъ, и что на основаніи Положенія они будутъ еще

въ большей кабалѣ, чѣмъ были доселѣ, и окончательно разорятся; затѣмъ объясняется крестьянамъ, въ чемъ именно состоитъ воля; приводятся въ примѣръ Франція, Англія, Швейцарія, Америка, гдѣ нѣтъ будто ни подушныхъ, ни рекрутства, ни паспортовъ, гдѣ всѣмъ управляетъ народъ, и гдѣ цари находятся подъ властью народа, который выбираетъ и смѣняетъ парей, если они не нравятся ему. Въ заключеніе авторъ прокламаціи приглашаетъ барскихъ крестьянъ готовиться добывать себѣ волю въ тайнѣ, подговаривать къ тому же государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и солдатъ, а когда все будетъ готово, онъ обѣщаетъ дать сигналъ къ общему возстанію. Въ этомъ воззваніи вездѣ упоминаются «срочно-обязанные», каковую ошибку, какъ выше упомянуто, просилъ Костомарова Чернышевскій запиской исправить при напечатаніи.

Кромѣ сего жандармскій капитанъ Чулковъ донесъ генералъ-майору Потапову, что во время остановки его съ Костомаровымъ, по случаю болѣни его, прежде пріѣзда въ Тулу, еще въ Москвѣ его посѣтилъ мѣщанинъ Яковлевъ, желавшій проститься съ нимъ. Изъ разговоровъ ихъ онъ замѣтилъ, что Яковлеву хорошо извѣстны всѣ отношенія Костомарова къ Чернышевскому, и предложилъ Яковлеву подтвердить это письменно, на что Яковлевъ и согласился. Показаніе Яковлева состоитъ въ слѣдующемъ: Лѣтомъ 1861 г. онъ былъ переписчикомъ бумагъ и сочиненій у Костомарова. Занимаясь у него, онъ очень часто видѣлъ у него пріѣзжавшаго изъ Петербурга какого-то знаменитаго писателя подъ именемъ Николая Гавриловича Чернышевскаго. Разъ, когда онъ занимался перепискою бумагъ, по случаю лѣтняго времени въ садовой бесѣдкѣ Костомарова, онъ слышалъ между ними, ходившими въ саду подъ руку другъ съ другомъ, слѣдующій разговоръ: Чернышевскій говорилъ: «Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ. Вы ждали отъ царя воли, ну вотъ вамъ и воля вышла». Называя статью эту своею, Чернышевскій просилъ Костомарова скорѣе напечатать ее. Не находя въ этихъ фразахъ ничего противозаконнаго и не понимая точнаго ихъ смысла, онъ тогда оставилъ это безъ вниманія. Но нынѣ, узнавъ, что Костомаровъ осужденъ за какія-то противозаконныя дѣйствія и желая оградить себя отъ всякой отвѣтственности, онъ долгомъ считаетъ слышанный имъ разговоръ довести до свѣдѣнія правительства.

На предложенные Костомарову Высочайше учрежденною слѣдственной комиссіею вопросы, онъ подтвердилъ все изложенное имъ въ письмѣ къ Соколову. Генералъ-майоръ Потаповъ препроводилъ въ Высоч. учр. слѣдств. комиссію полученную имъ черезъ московскаго губернскаго прокурора докладную записку, содержащуюся въ смирительномъ домѣ мѣщанина Яковлева и переписку копоры московскаго смирительнаго и рабочаго домовъ. Изъ бумагъ этихъ видно, что Яковлевъ отправился въ Петербургъ для донесенія объ отношеніяхъ Костомарова къ Черны-

шевскому, но на Тверской станціи Николаевской желѣзной дороги за пьянство и буйство былъ взятъ въ полицію и препровожденъ къ московскому оберъ-полиціймейстеру, а отъ него въ домъ градскаго общества, которое отправило его за вышеизъясненные проступки въ смирительный домъ на четыре мѣсяца. По вытребованіи Яковлева и студента Сороко въ Петербургъ, они на данныя имъ вопросы отвѣтили: Сороко, что хотя онъ и пріѣзжалъ съ Костомаровымъ въ Петербургъ и хотя знакомъ былъ съ Михайловымъ, но «воззванія къ барскимъ крестьянамъ» Костомарову не передавалъ, а передалъ ему запечатанное письмо отъ Михайлова; съ Чернышевскимъ же лично знакомъ не былъ. Показаніе сіе Сороко подтвердилъ и на очныхъ ставкахъ съ Костомаровымъ, несмотря на улики его. Яковлевъ же подтвердилъ прежнее свое показаніе и по предъявленіи ему Чернышевскаго утвердилъ, что онъ есть то самое лицо, о которомъ онъ свидѣтельствуеть.

Редакторъ журнала «Современникъ», Некрасовъ, представилъ генераль-маіору Потапову, полученное имъ по почтѣ изъ Москвы письмо, въ коемъ пишущіе объясняютъ, что они находятся арестованными въ смирительномъ домѣ. На страстной недѣлѣ къ нимъ явился какой-то мѣщанинъ Яковлевъ и объяснилъ, что онъ также содержится за политическое преступленіе, и обратился къ нимъ за совѣтомъ. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ по весьма важному дѣлу, но на тверской станціи выпилъ и забуянилъ, за это общество посадило его въ рабочій домъ. На вопросъ, по какому дѣлу онъ ѣздитъ къ генералу Потапову, Яковлевъ отвѣчалъ: «Я былъ знакомъ съ Костомаровымъ, на-дняхъ получилъ записку безъ подписи, въ коей меня приглашаютъ въ гостиницу Венеція № 18. Явившись туда, и былъ изумленъ, встрѣтивъ Костомарова въ солдатской шинели и съ жандармскимъ офицеромъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: «вотъ тебѣ письмо къ моей матери, поѣзжай съ нимъ въ Петербургъ и отдай его по адресу. Мать моя научитъ тебя, что дѣлать, и ежели ты послѣдуешь ея наставленіямъ, будешь хорошо награжденъ». «А Костомаровъ не говорилъ вамъ, что именно придется дѣлать?» спросили они. «Говорили, что долженъ дать въ III Отдѣленіи показаніе, будто бы слышалъ, какъ Чернышевскій въ разговорѣ съ Костомаровымъ сказалъ слѣдующую фразу: «Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ!» Я не знаю, что значать эти слова и зачѣмъ Костомарову нужно, чтобы я далъ такое показаніе. Скажите, если я дамъ такое показаніе, можетъ ли Потаповъ что-нибудь сдѣлать для меня? Можетъ ли, напримѣръ, освободить изъ рабочаго дома?» «Ну, это врядъ ли. Мы думаемъ, что за ложное показаніе Потаповъ васъ будетъ скорѣе преслѣдовать, потому что по закону ложный свидѣтель подвергается строгому наказанію». «Я уже подалъ Потапову отсюда прошеніе», сказалъ Яковлевъ, «меня скоро потребуютъ въ Петербургъ; самъ не знаю, что дѣлать!» «Мы сказали, что лучше сказать правду.

Мы не повѣрили Яковлеву, зная, что Костомаровъ не могъ быть въ это время въ Москвѣ, потому что судился вмѣстѣ съ нами въ сенатѣ и приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію въ крѣпости и къ ссылкѣ въ солдаты на Кавказъ. 4 апрѣля мы удивились, увидѣвъ Яковлева на дворѣ съ жандармами. Намъ сказали, что его отправляютъ въ Петербургъ. Вспомнивъ разговоръ нашъ съ нимъ, мы невольно пришли къ предположеніямъ, что Чернышевскій, дѣйствительно, обвинялся въ какомъ-либо политическомъ преступленіи, что Костомаровъ и его семейство съ помощью Яковлева хотятъ подвергнуть Чернышевскаго несправедливому обвиненію суда». Все это заставило пишущихъ обратиться съ просьбою къ Некрасову, прося представить письмо это куда слѣдуетъ, чтобы предупредить возможность несправедливаго приговора суда. Все это они готовы, въ случаѣ надобности, подтвердить передъ судомъ присягою. Подписали: Гольцъ-Миллеръ, Ильенко, Новиковъ, Сулинъ и Яценко.

Комиссія положила: вслѣдствіе такого поступка Яковлева и безнравственнаго его поведенія, не ожидая окончанія 4-хъ мѣсячнаго срока, на который онъ присужденъ обществомъ, отправить его на жительство въ Архангельскую губернію, на что испрошено высочайшее соизволеніе, каковое и послѣдовало. Полковникъ Шелгуновъ противъ возводимыхъ на него Костомаровымъ обвиненій не сознался, утвердивъ заpiresтельство свое и на очной съ Костомаровымъ ставкѣ. Литераторъ Михайловъ, бывший губернский секретарь, судившійся въ сенатѣ за распространеніе привезеннаго имъ изъ Лондона возмутительнаго воззванія «Къ молодому поколѣнію» и сосланный на каторгу, во время производства надъ нимъ въ сенатѣ слѣдствія, между прочимъ, показалъ: что онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ воззванія и Къ барскимъ крестьянамъ, и Къ солдатамъ, изъ которыхъ послѣднее переписывалъ и поправлялъ, но не открылъ никого изъ своихъ сообщниковъ. Правительствующій Сенатъ испрашивалъ высочайшее повелѣніе, слѣдуетъ ли Михайлова судить отдѣльно за то преступленіе, за которое онъ былъ преданъ суду 1-го отд. 5-го департ. сената, т. е. за распространеніе воззванія «Къ молодому поколѣнію», или совокупно съ падающимъ на него обвиненіемъ въ отношеніи сочиненія воззваній Къ барскимъ крестьянамъ и солдатамъ. Государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ: судить Михайлова за распространеніе прокламаціи «Къ молодому поколѣнію» отдѣльно отъ другихъ падающихъ на него обвиненій.

По поступленіи дѣла о Чернышевскомъ въ правительствующій сенатъ, г. оберъ-прокуроръ, по порученію управляющаго министерствомъ юстиціи, предложилъ на совокупное разсмотрѣніе съ дѣломъ о Чернышевскомъ, полученное въ III отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи письмо Чернышевскаго къ Алексѣю Николаевичу (вѣроятно Плещееву). Письмо это слѣд. содержанія: (Дальше приводится полностью уже извѣстное читателямъ письмо—М. Л.)

Письмо сіе предъявлено было въ присутствіи сената Чернышевскому, и по содержанію онаго онъ былъ допрошенъ. Но Чернышевскій въ данныхъ отвѣтахъ объяснилъ, что письмо сіе писано не имъ и о содержаніи онаго отозвался невѣдѣніемъ. Вслѣдствіе заключенія сената, дѣлаемо было секретарями сената сличеніе почерка руки Чернышевскаго съ почеркомъ, коимъ писано письмо сіе, и секретари единогласно признали, что какъ это письмо, такъ и бумаги, въ дѣлѣ находящіяся, писанныя Чернышевскимъ и имъ не отвергаемыя, писаны одною и тою же рукою. Присутствіе 1-го отдѣленія 5-го департамента, сличивъ съ своей стороны почеркъ Чернышевскаго съ письмомъ симъ, признало вышеозначенное заключеніе секретарей сената правильнымъ и посему опредѣлило заключеніе сіе утвердить во всей силѣ. Рядовой Костомаровъ, бывъ вытребованъ въ присутствіе сената и подтвердивъ прежнія объясненія свои, касательно сношеній своихъ съ Чернышевскимъ, о письмѣ семъ объяснилъ, что оно дано было ему Чернышевскимъ для передачи Плещееву, но онъ его куда-то затерялъ, а послѣ нашелъ его за подкладкой своего сакъ-вояка, но какъ оно бывъ измочено и разорвано (письмо это дѣйствительно получено въ сенатѣ разорванное и со слѣдами подмочки), то отдать его Плещееву ему было совѣстно. Подсудимый Чернышевскій во всѣхъ вышеизложенныхъ, взводимыхъ на него обвиненіяхъ, ни на допросахъ въ слѣдственной комиссіи, ни на передопросахъ въ правительствующемъ сенатѣ, ни на очной съ Костомаровымъ ставкѣ—не сознался, не отвергая, впрочемъ, знакомства своего съ Костомаровымъ, ни съ Михайловымъ. На очной ставкѣ съ Костомаровымъ въ комиссіи онъ сказалъ: «Я посѣдѣю, умру, но не перемѣню своего показанія». Знакомство свое съ Костомаровымъ онъ объяснилъ тѣмъ, что покровительствовалъ только ему, какъ молодому, начинающему литератору. Чернышевскій домогался предъ правительствующимъ сенатомъ, чтобы сличеніе почерка руки, коимъ писано было письмо къ Алексѣю Николаевичу, дозволено было ему произвести самому съ почеркомъ Костомарова и чтобы ему дали для сего лупу, увеличивающую въ 10 или 12 разъ. Но правительствующій сенатъ, имѣя въ виду, что при сличеніи соблюдены были всѣ требуемые закономъ обряды и фoрмы, въ домогательствахъ его отказалъ. Коллежскій регистраторъ Алексѣй Николаевъ Плещеевъ былъ вызванъ въ сенатъ и, утверждая оному знакомство и литературныя отношенія свои съ Чернышевскимъ, ни въ какомъ противозаконномъ участіи съ нимъ не сознался, равно какъ и въ полученіи отъ него письма, посланнаго чрезъ Костомарова, подъ заглавіемъ: «Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ».

Изъ свѣдѣній о происхожденіи Чернышевскаго видно, что онъ сынъ священника, воспитывался первоначально въ семинаріи, а потомъ въ университетѣ, служилъ преподавателемъ во 2 кадетскомъ корпусѣ, былъ учителемъ гимназіи въ Саратовѣ, потомъ

причислился къ С.-Петербургскому губернскому правленію и въ 1858 году вышелъ въ отставку. Отъ роду ему 35 лѣтъ, женатъ, имѣетъ двухъ дѣтей.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, правительствующій сенатъ находитъ, что на подсудимаго Чернышевскаго вносятся три слѣдующія обвиненія:

1. Противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ, стремящимся пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія, и участіе съ Герценомъ въ сихъ преступныхъ его замыслахъ. Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла видно, что основаніемъ къ тому служитъ токмо приписка Герцена въ письмѣ къ Серно-Соловьевичу о намѣреніи его издавать съ Чернышевскимъ журналъ здѣсь, т. е. въ Лондонѣ или Женевѣ, и письмо, найденное у Чернышевскаго, неизвѣстно къ кому адресованное, которое по словамъ его получено имъ по городской почтѣ, писанное Герценомъ или Огаревымъ, въ коемъ возражаютъ противъ убѣжденія Чернышевскаго не вовлекать юношество въ литературный союзъ. Чернышевскій, съ своей стороны, не сознался ни въ какихъ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Герценомъ, объяснивъ, что дѣйствительно Михайлову, отправляющемуся въ Лондонъ, онъ поручилъ сказать Герцену, чтобы онъ не вовлекалъ молодежь въ его противозаконные планы. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ основанія признавать Чернышевскаго виновнымъ въ участіи съ Герценомъ въ его стремленіяхъ пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія, а посему по обвиненію этому, согласно 304 ст. 2 кн. тома XV св. зак. уг., его слѣдуетъ признать недоказаннымъ.

2. Сочиненіе возмутительнаго воззванія къ барскимъ крестьянамъ, переданнаго Костомарову для напечатанія, съ цѣлью распространенія.—Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла оказывается, что подтвержденіемъ оному служитъ: а) показаніе разжалованнаго изъ корнетовъ въ рядовые Всеволода Костомарова, подробно и обстоятельно объяснившаго весь ходъ переговоровъ его съ Чернышевскимъ о печатаніи воззванія къ барскимъ крестьянамъ; б) записка, найденная у Костомарова и оставленная у него Чернышевскимъ, въ которой послѣдній проситъ исправить ошибку его въ рукописи и напечатать вмѣсто «срочно-обязанные»—«временно-обязанные» (крестьяне), какъ это значится въ Положеніи, что подтверждается и рукописью, въ дѣлѣ находящуюся, въ коей, дѣйствительно, написано «срочно-обяз.» и признанное присутствіемъ правительствующаго сената совершенное сходство почерка сей записки съ почеркомъ Чернышевскаго, какъ въ отдѣльныхъ буквахъ, такъ и въ общемъ характерѣ; в) показаніе мѣщанина Яковлева, переписчика бумагъ у Костомарова, слышавшаго разговоръ Костомарова съ Чернышевскимъ, который просилъ его скорѣе напечатать воззваніе къ барскимъ крестьянамъ; г) показаніе бывшего подѣ судомъ

въ правительствующемъ сенатѣ политическаго преступника Михайлова о томъ, что онъ имѣлъ у себя въ рукахъ воззваніе къ барскимъ крестьянамъ и передалъ Костомарову. Такъ какъ показаніе это совпадаетъ съ показаніями Костомарова, объяснившего объ участіи Михайлова въ напечатаніи воззванія къ барскимъ крестьянамъ; токмо Михайловъ, пойманный и уличенный государственный преступникъ, не будучи въ состояніи самъ избавиться отъ заслуженнаго имъ наказанія, скрываетъ своихъ сообщниковъ. Къ опроверженію вышеизложенныхъ уликъ представлено токмо литераторомъ Некрасовымъ письмо содержащихся въ смирительномъ домѣ за политическія преступленія 5 лицъ, доказывающихъ, будто бы Яковлевъ былъ подговоренъ Костомаровымъ къ ложному противъ Чернышевскаго показанію, имѣющее само по себѣ видъ стремленія осужденнымъ къ легчайшему наказанію спасти своего сообщника, еще не осужденнаго судомъ уголовнымъ, представляетъ и ту несообразность, что извѣтъ на Яковлева не представленъ начальству смирительнаго дома, которое по горячимъ слѣдамъ имѣло бы возможность раскрыть истину, а сообщено владѣльцу журнала, въ которомъ Чернышевскій развивалъ свои зловредныя идеи. Самъ Чернышевскій противъ уликъ сихъ никакого опроверженія не представилъ. Изъ сихъ уликъ вытекаетъ полное нравственное убѣжденіе, что воззваніе къ барскимъ крестьянамъ сочинилъ Чернышевскій и принималъ мѣры къ распространенію чрезъ тайное отпечатаніе оного.

3. Приготовленіе къ возмущенію. Вещественнымъ доказательствомъ сего преступленія противъ Чернышевскаго служитъ находящееся въ дѣлѣ собственноручное (т. XV св. зак. уг. кн. 2, ст. 326 и т. X, ч. 2, ст. 354) письмо Чернышевскаго къ нѣкому Алексу Николаевичу (Плещееву). Такимъ образомъ, это письмо обрабѣтываетъ нравственное убѣжденіе виновности Чернышевскаго въ юридическое тому доказательство (ст. 308, т. XV). Въ этомъ письмѣ онъ, укоряя друга своего въ медленности приобрѣтенія орудія къ тайному печатанію и распространенію возмутительныхъ воззваній, пишетъ, что они воспользовались случаемъ, когда имъ подвернулись люди, занимающіеся тайнымъ печатаніемъ,—напечатать свой манифестъ. Несомнѣнно, что здѣсь рѣчь идетъ о Костомаровѣ, Сулинѣ, Сорокѣ и о воззваніи къ барскимъ крестьянамъ, которое они взяли напечатать. Изъ этого письма явствуетъ, что ему были извѣстны другіе злоумышленники, возмущавшіе общественное спокойствіе распространеніемъ своихъ воззваній (Л. и 23 въ Понизовѣхъ).

Изложенныя обстоятельства не допускаютъ сомнѣваться въ существованіи злоумышленія къ ниспроверженію правительства и въ принятіи Чернышевскимъ дѣятельнаго въ томъ участія съ приготовленіями къ возмущенію. Такимъ образомъ, дѣйствія Чернышевскаго заключаютъ въ себѣ всѣ условія преступленія, предусмотрѣннаго въ св. зак. уг. кн. I, т. XV въ главѣ о госуд. преступл. въ ст. 283, т. е. участіе въ злоумышленіи противу

правительства. Но принимая во вниманіе, что таковыя злоумышленія Чернышевскаго открыты правительствомъ заблаговременно, при началѣ оныхъ, и ни смятеній, ни какихъ-либо другихъ вредныхъ отъ того послѣдствій не произошло, Чернышевскій на точномъ основаніи послѣдующей 284 ст. долженъ быть подвергнутъ наказанію по 3-ей или 4-ой степени 21 ст. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію степени подлежащаго Чернышевскому наказанія, сенатъ находитъ, что Чернышевскій, будучи литераторомъ и однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала «Современникъ», своею литературною дѣятельностью имѣлъ большое вліяніе на молодыхъ людей, въ коихъ со всею злою волею посредствомъ сочиненій своихъ развивалъ матеріалистическія въ крайнихъ предѣлахъ и социалистическія идеи, которыми проникнуты сочиненія его, и указывая въ ниспроверженіи законнаго правительства и существующаго порядка средства къ осуществленію вышеупомянутыхъ идей, былъ особенно вреднымъ агитаторомъ, а посему Сенатъ признаетъ справедливымъ подвергнуть его строжайшему изъ наказаній въ 284 ст. поименованныхъ, т. е. по 3-ей степени въ мѣрѣ близкой къ высшей, по упорному его заpirательству, несмотря на несомнѣнность доказательствъ, противъ него въ дѣлѣ имѣющихся.

Въ сихъ соображеніяхъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ правительствующій сенатъ полагаетъ: отставного титулярнаго совѣтника Николая Чернышевскаго, 35 лѣтъ, за злоумышленіе къ ниспроверженію существующаго порядка, за принятіе мѣръ къ возмущенію и за сочиненіе возмутительнаго воззванія къ барскимъ крестьянамъ и передачу оного для напечатанія въ видахъ распространенія—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ, и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

Рѣшеніе это, на основаніи 617 ст. 2 кн. т. XV свод. зак. уголовныхъ представить на высочайшее его императорскаго величества усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

Затѣмъ правительствующій сенатъ опредѣляетъ: его же, Чернышевскаго, по обвиненію въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ изгнанникомъ Герценомъ и въ участіи въ его преступныхъ замыслахъ, признать недоказаннымъ.

II.

Изъ сената это опредѣленіе было передано въ государственнѣйшій совѣтъ, вполнѣ присоединившійся къ его мнѣнію, затѣмъ представлено государю и утверждено имъ 7 апрѣля въ такомъ видѣ: «Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы былъ сокращенъ на половину». 26 апрѣля Замѣтнинъ прислалъ въ сенатъ это высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, а 4 мая оно было объявлено Чернышевскому при открытыхъ дверяхъ...

Вилуйская тюрьма.
Въ ней жилъ Н. Г. Чернышевскій.

Русское общество понесло страшную потерю... Изъ его передовыхъ рядовъ былъ вырванъ самый видный вождь... И любопытно, что потерю эту чувствовали не только единомышленники Чернышевскаго, но даже его враги. Напримѣръ, тотъ самый Никитенко, который то и дѣло называлъ его «краснокожимъ либераломъ» и «насадителемъ смуты», передавъ вкратцѣ приговоръ, записалъ: «Изъ рукъ вонъ это печально!»... Разумѣется, умныхъ людей, независимо отъ ихъ направленія, не могло не поразить, а сколько нибудь честныхъ—не возмутить упоминаніе въ приговорѣ статей «Современника», своевременно разрѣшенныхъ цензурой. Это обстоятельство было причиной болѣе или менѣе широкаго общественнаго негодованія...

Очень интересна другая запись Никитенка: «Я спрашивалъ у сенатора Любошинскаго, доказано ли юридически, что Чернышевскій виноватъ такъ, какъ его осудили. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему извѣстныхъ юридическихъ доказательствъ нѣтъ, но что моральное убѣжденіе прямо противъ него. Какъ же, однако, осудили его? Въ государственномъ совѣтѣ нѣкоторые изъ членовъ не находили достаточныхъ уликъ и доказательствъ для приговора его къ тому, къ чему онъ приговоренъ. Тогда кн. Долгорукій показалъ имъ какія то бумаги изъ III Отдѣленія,—и члены вдругъ перестали противорѣчить. Но что это за бумаги? Это тайна.... Нѣкоторые сильно негодуютъ на государя за Чернышевскаго. Какъ было осуждать его, когда не было на то достаточныхъ юридическихъ данныхъ. Такъ говорятъ почти всѣ» ¹⁾.

Въ сенатскомъ дѣлѣ нѣтъ даже никакихъ намековъ на упомянутый Никитенкомъ документъ. Нѣтъ объ этомъ ничего и въ дѣлѣ государственнаго совѣта ²⁾. Но это еще не доказательства противнаго. Такіе документы не вносятся въ тощія и очень глухія «дѣла» государственнаго совѣта, а помѣщаются при журналахъ, которыхъ въ подобныхъ случаяхъ не выдаютъ. Думаю только, что разсказъ Никитенка не совсѣмъ вѣренъ: врядъ ли въ государственномъ совѣтѣ могло произойти разногласіе съ опредѣленіемъ сената, которое, какъ было безызвѣстно членамъ, вполне одобрялось правительствомъ... А, впрочемъ, все могло быть.

19 мая, въ восемь часовъ утра, на Мытной площади была совершена надъ Чернышевскимъ отвратительная комедія такъ называемой «гражданской казни»... ³⁾.

¹⁾ «Записки и дневникъ», изд. Пирожкова, II. 181.

²⁾ Дѣло по журналу № 37, по архиву № 13.611.

³⁾ Подробности ея полнѣе и вѣрнѣе всѣхъ описаны Гейнсомъ (Вильямомъ Фреємъ) на стр. 460 — 462 февральской книжки «Русской Старины» за 1905 годъ. Затѣмъ о томъ же см. разказы г. Вѣяскаго (стр. 99—100 юньской книжки «Русскаго Богатства» за 1905 г.), г. Кокосова (стр. 159—162 послѣдней книжки того же журнала за 1905 г.), А. С. Суворина въ его книгѣ «Всякіе», сожженной въ шестидесятихъ годахъ и написанной имъ подъ псевдонимомъ Бобровскій (стр. 186—187); укажу кстаті, что вообще въ этой книгѣ, писанной г. Суворинымъ добраго стараго времени, Чернышевскій выставленъ съ весьма симпатичной стороны подъ именемъ Самарскаго, а Всеволодъ Костомаровъ,—въ весьма отрицательномъ, подъ именемъ Тѣломарова. Наконецъ, есть нѣсколько строкъ и въ книгѣ г. Скальковскаго—

При кликахъ: «прощай, Чернышевскій!», «до свиданія!» карета, везшая Н. Г., скрылась изъ глазъ многолюдной толпы...

Когда зимой того же года гр. А. К. Толстой, пользуясь сосѣдствомъ съ государемъ на придворной охотѣ и отвѣчая на его вопросъ о новостяхъ въ литературномъ мірѣ, сказалъ, что «русская литература надѣла трауръ по поводу несправедливаго осужденія Чернышевскаго», Александръ II «не далъ Толстому даже окончить его фразы... «Прошу тебя, Толстой, никогда не напоминать мнѣ о Чернышевскомъ»—проговорилъ онъ недовольнымъ и непривычно строгимъ голосомъ и затѣмъ, отвернувшись въ сторону, далъ понять, что бесѣда ихъ кончена»... ¹⁾).

Мих. Лемке.

„Наши государственные и общественные дѣятели“. При этомъ любопытно, что всѣ, кромѣ Гейнса, называютъ разные и невѣрные числа, утверждая иногда, что хорошо ихъ помнить.

¹⁾ „Новое Время“ 1904 г. № 10321.

Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго.

Въ мартовской книжкѣ «Былого», въ статьѣ М. К. Лемке «Дѣло Н. Г. Чернышевскаго», упоминается между прочимъ эпизодъ посланки моимъ отцомъ изъ крѣпости письма князю Суворову; которое, однако, не дошло по назначенію. Судьба этого письма и понынѣ остается невыясненною.

Считаю умѣстнымъ подѣлиться по этому поводу имѣющимися у меня свѣдѣніями, почерпнутыми изъ архива князя Суворова, бывшаго въ то время Петербургскимъ Военнымъ Генераль-Губернаторомъ.

Письмомъ отъ 2 февраля 1863 г. князь Суворовъ, до котораго частнымъ образомъ дошли слухи о томъ, что отецъ мой обращался къ нему съ какимъ-то письмомъ, не дошедшимъ до него, запросилъ по этому поводу коменданта крѣпости, Сорокина.

Привожу подлинный текстъ существенной части этого запроса.

«... Считаю долгомъ заявить Вашему Превосходительству, что адресуемая на мое имя письма я обыкновенно распечатываю и прочитываю самъ и никому еще не давалъ права вскрывать и читать подобныя письма прежде меня; поэтому и письмо литератора Чернышевскаго слѣдовало доставить ко мнѣ не распечатаннымъ.

С.-Петербургская крѣпость, находящаяся въ губерніи и Столицѣ, Высочайше ввѣренныхъ моему управленію, состоитъ и въ моемъ вѣдѣніи, какъ здѣшняго Военнаго Генераль-Губернатора; посему, если Ваше Превосходительство имѣете особую инструкцію, на основаніи которой письма, адресованныя на имя Князя Суворова, отъ лицъ, содержащихся въ С.-Петербургской крѣпости, должны быть передаваемы не мнѣ, а кому либо другому, въ такомъ случаѣ Вамъ слѣдовало, прежде чѣмъ разрѣшить Г. Чернышевскому писать ко мнѣ, довести о такомъ намѣреніи его до моего свѣдѣнія, и тогда я испросилъ бы предварительно у Государя Императора разрѣшеніе, могу ли принять письмо отъ этого арестованнаго. Если бы Высочайшаго соизволенія на это не послѣдовало, въ такомъ случаѣ литератору Чернышевскому не представлялось бы и повода писать вышеупомянутое письмо. Дозволять же ему писать ко мнѣ, не предваривши, что письмо

его не можетъ быть доставлено по адресу, по моему убѣжденію, значить злоупотреблять моимъ именемъ, потому что Чернышевскій, получивши такое предупрежденіе, безъ сомнѣнія отказался бы отъ намѣренія обращаться ко мнѣ съ письмомъ....»

На сдѣланный ему запросъ Сорокинъ отвѣчалъ, что Алексѣевскій равелинъ съ 3 іюля 1826 г. состоитъ въ вѣдѣніи III Отдѣленія, что всѣ письма арестованныхъ въ этомъ равелинѣ всегда передавались секретно въ III Отдѣленіе и что «на томъ же основаніи было поступлено и съ письмомъ содержащагося въ Алексѣевскомъ равелинѣ Чернышевскаго, адресованнымъ на имя Вашей Свѣтлости».

Привожу за одно еще нѣсколько дополнительныхъ данныхъ къ дѣлу моего отца, заимствованныхъ изъ подлинныхъ документовъ, касающихся послѣднихъ дней пребыванія моего отца въ Петербургѣ передъ ссылкой.

Записка князя Суворова къ князю Долгорукову (начальнику III Отдѣленія) отъ 4 мая 1864 г.

«Высочайше утвержденнымъ 21 февраля сего года мнѣніемъ Комитета Гг. Министровъ преступники всѣхъ категорій изъ привилегированныхъ классовъ, ссылаемые по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь, должны быть отправлены на подводахъ порядкомъ, указаннымъ въ 510 и 511 ст. XV т. Св. Зак. о ссыльныхъ, т. е. они препровождаются этапнымъ порядкомъ, но не съ прочими ссыльными, особыми партіями и безъ употребленія оковъ и наручей».

Нынѣ состоялся приговоръ о судимомъ за политическое преступленіе дворянинѣ Николаѣ Чернышевскомъ, который имѣетъ быть отправленъ въ каторжную работу.

По особо уважительнымъ причинамъ, извѣстнымъ Вашему Сіятельству, я полагалъ бы Чернышевскаго отправить не этапнымъ порядкомъ, но на почтовыхъ съ двумя жандармами ¹⁾, примѣняясь къ правиламъ Высочайше утвержденнымъ 10 января 1854 года.

При этомъ, согласно вышеприведенному Высочайше утвержденному мнѣнію Комитета Гг. Министровъ и ст. 96, 170, 171 и 224 XIV т. Св. Зак. уст. о содер. подъ страж. и улож. о наказ. примѣч. къ ст. 19, я полагалъ бы отправить Чернышевскаго безъ оковъ и наручей, такъ какъ и Губернское Правленіе при отправленіи этапнымъ порядкомъ лицъ привилегированныхъ сословій, осужденныхъ въ каторжную работу, не налагаетъ оковъ и наручей; а также не исполнять надъ ними обряда, указанного въ 541 ст. 2 кн. 15 т. Св. Зак. (о выставленіи къ позорному столбу), ибо Чернышевскій по приговору Правительствующаго Сената не приговоренъ къ политической смерти».

На эту записку послѣдовалъ 5 мая 1864 г. слѣдующій отвѣтъ:

1. Высочайше утвержденнымъ 21 февраля 1864 г. положе-

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

ніемъ Комитета Гг. Министровъ (Собр. узак. 1864 г. № 26 стр. 217) дозволено всѣмъ арестантамъ привилегированныхъ сословій, ссылаемыхъ въ Сибирь, какъ по политическимъ причинамъ, такъ и за общія преступленія, отправляться на почтовыхъ лошадяхъ, буде они того пожелаютъ и будутъ имѣть къ этому достаточныя собственныя средства, причемъ соблюдаются правила Высочайше постановленныя 10 января 1854 г. (которыя Министерству Юстиціи неизвѣстны).

2. По точному смыслу 170, 171, 224 ст. XIV т. уст. содер. подъ стражею и ст. 96 т. XIV уст. о ссыльн., дворяне и чиновники, при препровожденіи въ Сибирь, не должны быть заключаемы въ оковы и идутъ только подъ строгимъ надзоромъ.

3. Установленный въ 541 ст. II кн. XV т. Св. Зак. угол. обрядъ (перелаamyваніе шпaги и выставленіе на эшафотъ къ позорному столбу), по точному смыслу сей статьи, долженъ быть исполняемъ надъ всѣми безъ исключенія лицами, осужденными въ каторжныя работы (а не надъ тѣми только, кто по ст. 75 улож. о нак. (Св. Зак. т. XV) приговоренъ къ политической смерти).

При этомъ было приложено циркулярное отношеніе Министерства Юстиціи гг. Губернскимъ, Областнымъ и прочихъ мѣстъ Прокурорамъ отъ 21 мая 1863 г. за № 10849 о точномъ соблюденіи установленныхъ правилъ о неналоженіи оковъ на нѣкоторыхъ ссыльныхъ, какъ то малолѣтнихъ, женщинъ и тѣхъ, кои до осужденія были изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ управлявшій канцелярією князя Суворова, Четверкинъ, обратился 5 мая 1864 г. къ коменданту крѣпости, Сорокину, съ слѣдующимъ письмомъ:

«Приговоръ Правительствующаго Сената отставному Титулярному Совѣтнику Чернышевскому уже объявленъ и объ исполненіи оного Ваше Превосходительство изволите получить велѣдъ за симъ официальное сообщеніе, предварительно же сего сообщенія, по порученію Князя Александра Аркадіевича, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить меня, когда Чернышевскій будетъ переведенъ изъ Равелина въ обыкновенный казематъ крѣпости и не встрѣтится ли завтрашній день, т. е. 6 мая какихъ либо препятствій къ свиданію его съ сыномъ и близкими родными».

На письмо это 6 мая, былъ полученъ отъ Сорокина отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

«По установленному порядку, вообще переводъ изъ Алексѣевского равелина рѣшенныхъ преступниковъ въ обыкновенный казематъ, или на главную крѣпостную гауптвахту, исполняется или наканунѣ того дня, въ который опредѣлено произвести *публично* въ исполненіе конфирмацію, или же наканунѣ отправленія по назначенію, если публичнаго объявленія не назначено. Свиданіе допустится въ теченіи дня не въ мѣстѣ заключенія, а въ особой комнатѣ, въ присутствіи кого либо изъ чиновъ Комен-

дантскаго Управленія. По пробитіи вечерней зари (наканунѣ отпращиванія) осужденному стригутъ волосы на головѣ и бръютъ бороду и усы, а при самомъ отправленіи одѣвають въ казенное платье и сдаютъ конвойнымъ для слѣдованія по назначенію на почтовыхъ лошадахъ».

По выясненіи вопроса о наложеніи оковъ и о совершеніи обряда публичной казни, князь Суворовъ, 6 мая 1864 г. за № 1264, сообщилъ С.-Петербургской Управѣ Благочинія о состоявшемся Высочайшемъ утвержденіи мнѣнія Государственнаго Совѣта по дѣлу объ отставномъ Титулярномъ Совѣтникѣ Чернышевскомъ и предложилъ 2-му Департаменту Управы Благочинія сдѣлать безотлагательно зависящее по сему предмету распоряженіе, съ тѣмъ чтобы при исполненіи надъ нимъ приговора былъ соблюденъ обрядъ, установленный 541 ст. 2 кн. XV т. Св. Зак. (изд. 1857 г.),

«Къ сему нужнымъ считаю присовокупить, что для публичнаго объявленія приговора Чернышевскій имѣетъ быть переведенъ наканунѣ дня исполненія изъ С.-Петербургской крѣпости, гдѣ онъ нынѣ содержится, въ С.-Петербургскій тюремный замокъ. Распоряженіе это возложено мною на Генераль-маіора Чебыкина, которому поручено по исполненіи надъ Чернышевскимъ приговора препроводить его обратно въ С.-Петербургскую крѣпость, откуда уже онъ долженъ быть отправленъ по назначенію на почтовыхъ въ сопровожденіи 2 жандармовъ. Необходимыя для отпращиванія Чернышевскаго въ Тобольскій приказъ о ссыльныхъ денги будутъ доставлены въ Департаментъ особо»...

Одновременно съ этимъ того же числа за № 1266 былъ увѣдомленъ о томъ же и генераль-маіоръ Чебыкинъ.

Передъ отправленіемъ отца изъ Петербурга дядя мой, А. Н. Пыпинъ,* обратился къ Управляющему Канцеляріею кн. Суворова, Четыркину и къ самому князю Суворову съ нижеслѣдующими письмами отъ 6 мая 1864 г. о разрѣшеніи послѣдняго свиданія:

Къ Четыркину:

Ваше Превосходительство!

На случай, когда воспослѣдуетъ отъ князя Суворова разрѣшеніе видѣться съ Ч. для его родственниковъ, сообщаю Вамъ имена ихъ и мѣсто жительства.

Александръ Ник.
Сергѣй Ник.
Евгенія Ник.
Полина Ник.

Пыпины

—въ Кабинетской ул., на углу Ивановской, д. Матушевича, кв. № 14.

Иванъ Григорьевичъ

Терсинскій,—оберъ-секретарь при Святѣйшемъ Синодѣ.

—на Васильевскомъ островѣ по 8-й линіи, за Среднимъ проспектомъ, въ Синодальномъ домѣ подлѣ Благовѣщенья.

Кромѣ того, покорнѣйше прошу Васъ передать прилагаемое при семъ письмо Его Свѣтлости.

Честъ имѣю быть

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

Александръ Пыпинъ.

Къ князю Суворову:

Ваша Свѣтлость!

Имѣю честь представить Вашей Свѣтлости имена тѣхъ постороннихъ лицъ, которыя желали бы имѣть разрѣшеніе видѣться съ Ч. передъ его отъѣздомъ, и списокъ которыхъ Вы изволили у меня спрашивать.

Николай Алексѣев. *Некрасовъ* (на Литейной, въ д. Краевскаго.

1) Максимъ Алексѣев. *Антоновичъ* (въ Басковой ул., близъ Бассейной, д. Даммера).

2) Григорій Захар. *Елисѣевъ* (на Васильевскомъ островѣ, на углу 1-й линіи и Большого проспекта, въ д. церкви Св. Екатерины).

Докторъ Петръ Ив. *Боковъ* (въ Эртелевомъ пер., домъ Ханыкова).

Имена родственниковъ Ч. я уже сообщилъ г. Четыркину, вмѣстѣ съ означеніемъ ихъ мѣста жительства.

Честъ имѣю быть

Вашей Свѣтлости

покорный слуга

Александръ Пыпинъ.

6 мая 1864 г.

На обоихъ письмахъ имѣется резолюція князя Суворова «Согласенъ».

Независимо отъ этихъ писемъ, И. Г. Терсинскій 8 мая подалъ самъ отдѣльно заявленіе о желаніи свиданія «съ родственникомъ своимъ Чернышевскимъ» ³⁾.

О допущеніи свиданія съ И. Г. Терсинскимъ, П. И. Боковымъ, Г. З. Елисѣевымъ, Н. А. Некрасовымъ и М. А. Антоновичемъ князь Суворовъ сообщилъ обычнымъ порядкомъ Коменданту 9, 13 и 19 мая, причемъ въ бумагахъ отъ 19 мая 1864 г. за № 1363 имѣется приписка: «Въ случаѣ же если будетъ просить свиданія съ Чернышевскимъ родственница его Михаэлисъ ⁴⁾, то ей въ томъ разрѣшенія покорнѣйше прошу не давать».

1) Прибавлено, очевидно уже въ канцеляріи: «Кол. Секр.»

2) Прибавлено: «Надв. Совѣт.»

3) И. Г. Терсинскій былъ женатъ на двоюродной сестрѣ моего отца, Л. Н. Котляревской, умершей въ началѣ пятидесятихъ годовъ, къ которой отецъ былъ очень привязанъ. Мать Л. Н. Котляревской вторымъ бракомъ была замужемъ за Н. Д. Пыпинымъ.

4) Михаэлисъ не была нашею родственницею.

Дальше я скажу нѣсколько словъ и о судьбѣ Михаэлисъ, напрасно добивавшейся свиданія съ моимъ отцомъ.

Имѣлось въ виду отправить моего отца изъ Петербурга, 19 мая, что видно изъ слѣдующей резолюціи кн. Суворова, положенной имъ на представленіи С.-Петербургскаго Оберъ-Полицеймейстера отъ 17 мая 1864 г. о времени отправленія Чернышевскаго въ Тобольскъ—въ день ли объявленія приговора или послѣ, и котораго именно числа: «Отправить во Вторникъ т. е. 19 мая. Сегодня сдѣлать всѣ распоряженія».

19 мая было объявленіе приговора, слѣдовательно предполагалось отправить въ тотъ же день, но отправка не состоялась, и на другой день, 20 мая за № 1373, кн. Суворовъ обратился къ графу Гейдену съ слѣдующею запискою:

«С.-Петербургскій Военный Генераль-Губернаторъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе Его Сіятельству Графу Ѳедору Логгиновичу, имѣетъ честь покорнѣйше просить командировать по особу уважительнымъ причинамъ одного изъ фельдъегерей для сопровожденія политическаго арестанта Николая Чернышевскаго до станціи Выстовой по Шлиссельбургскому тракту, которому и приказать прибыть къ Коменданту С.-Петербургской крѣпости въ 9 часовъ пополудни».

20 мая 1864 г. за № 103 Комендантъ донесъ кн. Суворову, что Чернышевскій «сего числа въ 10 часовъ пополудни отправленъ въ Тобольскій Приказъ о ссыльныхъ съ назначенными для сего жандармами». На дорогу было отпущено казною въ распоряженіе сопровождавшаго отца жандармскаго вахмистра, Іоны Ильина, 513 р. 16³/₄ к., изъ которыхъ Ильинымъ потомъ было возвращено 1 р. 90 к. какъ не израсходованные.

Во время совершенія надъ моимъ отцомъ обряда публичной казни произошелъ «возмутительный» съ полицейской точки зрѣнія инцидентъ: изъ толпы на эстраду кто то бросилъ.... букетъ цвѣтовъ!

Вотъ какъ описываетъ этотъ случай С.-Петербургскій Оберъ-Полицеймейстеръ (Генераль-Лейтенантъ Анненковъ) въ своемъ донесеніи князю Суворову:

«Сего числа при публичномъ объявленіи на Мытнинской площади приговора бывшему Титулярному Совѣтнику Чернышевскому, всѣми зрителями, которыхъ было довольно значительное число, соблюдена была совершенная тишина и никакого случая безпорядка не было.—Я долженъ обратить при этомъ вниманіе Вашей Свѣтлости на то, что въ самое то время, когда Чернышевскій шелъ къ эстрадѣ, изъ толпы, въ довольно дальнемъ разстояніи отъ него, былъ кинутъ букетъ, упавшій тутъ же впереди зрителей, стоявшихъ шаговъ за 20-ть за линіею войскъ. Женщина, бросившая букетъ, была подмѣчена однимъ изъ передовѣтыхъ городовыхъ и въ ту же минуту Надзирателемъ Агафоновымъ отправлена въ домъ Оберъ-Полиціймейстера. Все это было сдѣлано такъ скоро и осторожно, что мало кто замѣтилъ

эту сцену. Женщина эта оказалась дѣвица Михаэлисъ. Я имѣю еще свѣдѣніе, что на возвратномъ пути, когда экипажъ, въ которомъ былъ Чернышевскій, проѣхалъ всю длину 4-й улицы (на Пескахъ) и подѣхалъ къ Лиговкѣ, нѣсколько извозицкихъ экипажей съ сѣдоками, въ числѣ которыхъ были и женщины, догнали кортежъ и намѣревались ѣхать около его; но такъ какъ экипажъ былъ конвоированъ жандармами, то они должны были отстать и разѣѣхаться.

Поэтический порывъ юнаго сердца не могъ остаться безъ наказанія: 25 мая 1864 г. за № 3468 С.-Петербургскій Оберъ-Полицеймейстеръ обращается къ князю Суворову съ слѣдующимъ рапортомъ:

«Имѣю честь донести, что извѣстная Вашей Свѣтлости изъ докладной записки моей, отъ 21 Мая, дочь Статскаго Совѣтника Марія Михаэлисъ въ прилагаемой при семъ подпискѣ обязалась выѣхать изъ С.-Петербурга и проживать у родителей своихъ въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Подоль. Обязавъ мать дѣвицы Михаэлисъ, жену Статскаго Совѣтника, Евгенію Михаэлисъ, не позволять дочери своей отлучаться изъ указанной выше деревни безъ разрѣшенія Начальства, я тѣмъ не менѣе однакожъ нахожу нужнымъ покорно просить Вашу Свѣтлость, не изволите ли признать возможнымъ сдѣлать распоряженіе объ учрежденіи за поведеніемъ дѣвицы Михаэлисъ и неотлучкою ея изъ деревни Подоль надзора мѣстной полиціи. Къ этой мѣрѣ побуждаетъ меня характеръ дѣвицы Михаэлисъ, отличающійся необдуманностью и вреднымъ направленіемъ.

Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что по дѣлу о надзорѣ за дѣвицею Михаэлисъ я не обращался къ ея отцу по случаю крайне болѣзненнаго его положенія.

Подписки дѣвицы Михаэлисъ и ея матери имѣю честь при семъ представить».

Подписка дѣвицы Михаэлисъ была выдана слѣдующаго содержанія:

«Я, ниже подписавшаяся, обязуюсь жить у моихъ родителей, Шлиссельбургскаго уѣзда, въ деревнѣ Подоль, впредь до разрѣшенія Генераль-Губернатора. Дочь Статскаго Совѣтника Марія Михаэлисъ».

24-ое мая 1864 года.

Соотвѣтственная подписка была выдана и матерью дѣвицы Михаэлисъ.

Судьба М. Михаэлисъ этимъ не кончается. За ней учреждается полицейскій надзоръ за неотлучкою изъ деревни и 31 мая 1864 г. за № 1464 князь Суворовъ предписываетъ Петербургскому Оберъ-Полицеймейстеру «наблюсти, чтобы въ случаѣ прибытія Михаэлисъ въ С.-Петербургъ было немедленно мнѣ донесено».

Въ деревнѣ Подоль М. Михаэлисъ оставалась почти около года, въ теченіе котораго только одинъ разъ, въ началѣ ноября 1864 г., ей было разрѣшено «прибыть въ Петербургъ на однѣ

сутки, обязавъ ее подпискою о своевременномъ возвращеніи къ мѣсту настоящаго ея жительства».

Затѣмъ, по прошенію ея матери въ мартѣ 1865 г. ей было разрѣшено отправиться въ окрестности Петербурга въ семейство служившаго по лѣсной части штабсъ-капитана Ник. Степ. Львова, взявшаго ее на поруки.

Частная жизнь М. Михаэлисъ протекала, повидимому, въ такомъ спокойствіи, что даже у Петербургскаго Губернатора, какъ это видно изъ представленія его князю Суворову отъ 28 марта 1865 г. за № 129, явилось сомнѣніе, слѣдуетъ ли продолжать за ней полицейскій надзоръ и воспрещать отлучки въ Петербургъ. Отвѣтъ князя Суворова былъ однако отрицательный. Точно также отрицательно отнесся онъ и къ просьбѣ матери Михаэлисъ о разрѣшеніи уѣхать ей съ дочерью за границу, и только уже въ концѣ 1865 года князь Суворовъ, по новому ходатайству матери Михаэлисъ, призналъ возможнымъ «разрѣшить повсемѣстное жительство и освободить отъ полицейскаго надзора дочь статскаго совѣтника Марію Михаэлисъ», о чемъ 17 ноября 1865 г. и были увѣдомлены Петербургскій Губернаторъ и Оберъ-Полицеймейстеръ.

Мих. Чернышевскій.

Письмо А. А. Дельвига къ А. С. Пушкину.

«Здравіа желаю Александру милому и поздравляю съ новымъ годомъ. Цыганы твои пропущены цензурою до чиста и мною доставлены Бенкендорфу. Выйдутъ отъ него и будутъ печататься. Рылѣвой я изъ своего долга заплатилъ 600 р. Въ остаткѣ у меня осталось 1.600 р., которые при появленіи цвѣтовъ сполна заплатятся. За 19-е Октября благодарю тебя съ лицейскими скотами и братцами вмѣстѣ. Пиши ради Бога ко мнѣ, ты ни на одно письмо мое не отвѣчаешь. Странно для меня, какъ ты не отвѣчалъ на послѣднее. Оно заключало другое письмо, которое если не тронуло тебя, то ты не поэтъ, а камень. Осипова тебѣ кланяется, я съ ней часто говорю о тебѣ и вмѣстѣ грустимъ. Нынче буду обѣдать у вашихъ провожать Лѣва Увижу твою нянюшку и Анну Петровну Кернъ, которая (между нами) вскружила совершенно голову твоему брату Лѣву. Ты слышу хочешь жениться, благословляю—только сюда привози свою жену, познакомиться съ моею. Прощай. Дельвигъ».

Дельвигъ представилъ „Цыганъ“ вмѣстѣ съ четырьмя другими пѣсами Пушкина графу Бенкендорфу 23 февраля 1827 года. „А. С. Пушкинъ — писалъ Дельвигъ Бенкендорфу — убѣдительнѣйше проситъ Ваше Превосходительство скорѣе рѣшить достойны ли они и могутъ ли быть пропущены“. Такъ говорилъ Дельвигъ о „Цыганахъ“, уже пропущенныхъ. 4 марта Бенкендорфъ возвратилъ рукописи Дельвигу при слѣдующемъ письмѣ: „Возвращая при семъ доставленные Вами ко мнѣ сочиненія А. С. Пушкина, долгомъ считаю присовокупить, что я отвѣтъ мой отправилъ прямо къ Александру Сергѣевичу. Сколько меня ни удивило посредничество Ваше въ семъ дѣлѣ, но мнѣ пріятно Васъ увѣрить въ чувствахъ почтенія, съ коими честь имѣю быть и т. д.“¹⁾. Эти данныя позволяютъ датировать письмо Дельвига. Оно написано въ 1827 году, не раньше 23 февраля и не позже 4 марта.

П. А. Плетневъ, завѣдывавшій изданіемъ „Стихотвореній Александра Пушкина“ (вышли изъ цензуры 9 октября 1825 года), сообщалъ 21 января 1826 года своему довѣрителю о томъ, что изъ имѣвшихся въ его распоряженіи денегъ поэтъ Дельвигъ выпросилъ на нѣкоторое время 2000 рублей²⁾. Въ самомъ концѣ января или началѣ февраля 1826 года Пушкинъ писалъ Дельвигу: „ты взялъ 2000 у меня и хорошо сдѣлалъ; но сдѣлай такъ, чтобъ прежде великаго поста они находились опять у Плетнева“³⁾. А въ мартѣ или апрѣлѣ того же года Пушкинъ

¹⁾ „Дѣло Третьяго Отдѣленія о Пушкинѣ“, см. „Всемирный Вѣстникъ“ 1905, явл. стр. 42 и 44.

²⁾ П. А. Плетневъ, Сочиненія и переписка, т. 3-й, стр. 334.

³⁾ Сочиненія Пушкина, Ред. П. А. Ефремова 1904, т. 7, стр. 243.

наказывалъ Плетневу: „деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Онѣ мнѣ нужны. Сдери долгъ и съ Дельвига“¹⁾. Дельвигъ 7 апрѣля отвѣчалъ Пушкину: „Деньги твои я взялъ, какъ хорошій министръ финансовъ, т. е. назначилъ Плетневу источникъ уплаты. Я купилъ у Баратынскаго „Эду“ и его сочиненія, и „Эда“, продаваясь въ скоромъ времени погасить мой долгъ²⁾. А въ письмѣ кн. Вяземскаго къ Пушкину отъ 12 іюня 1826 года Дельвигъ сдѣлалъ приписку 14 іюня и относительно денегъ сообщалъ своему другу: „Отъ „Эды“ деньги скоро накопятся. Отдамъ ихъ Плетневу или кому велишь“³⁾.

Но деньги накопились не такъ скоро. 18 января 1827 года Плетневъ, давая Пушкину хозяйственный отчетъ по его дѣламъ, указывалъ, что отъ Дельвига онъ не получилъ еще данныхъ ему въ долгъ изъ денегъ поэта 2200 рублей⁴⁾. Значитъ, кромѣ 2000, Дельвигъ успѣлъ взять или взять раньше еще 200 рублей.

Но Пушкинъ уже придумалъ назначеніе части своихъ денегъ. 13 іюля 1826 года былъ казенъ Кондратій Ѳеодоровичъ Рылѣвъ, и Пушкинъ пожелалъ помочь его женѣ. Въ *недошедшемъ до насъ и неполученномъ Плетневымъ письмѣ* Пушкинъ просилъ его выдать вдовѣ Рылѣва 600 рублей; потомъ онъ напомнилъ объ этомъ въ *письмѣ, не дошедшемъ до насъ*. 2 января 1827 года, Плетневъ писалъ Пушкину: „о выдачѣ 600 рублей вдовѣ Кондрат. никогда ты мнѣ не писалъ и только въ первый разъ я это вижу въ послѣднемъ твоёмъ письмѣ. Слѣд. эта статья не числится у меня ни въ расходѣ, ни въ долгу“⁵⁾. Когда Плетневъ отправилъ Пушкину это письмо, онъ получилъ отъ него новое *посланіе, опять таки до насъ не дошедшее*, въ которомъ поэтъ запрашивилъ его, почему не вручены деньги Н. О. Рылѣвой. 18 января 1827 года Плетневъ долженъ былъ сообщить Пушкину: „Въ послѣднемъ къ тебѣ письмѣ своемъ отъ 2 января 1827 года (котораго, кажется, еще ты не получилъ), я объяснилъ, почему не могъ ни въ Псковъ послать 2000 рублей, ни доставить 600 рублей вдовѣ Кондр.“⁶⁾. Въ этомъ письмѣ Плетневъ сдѣлалъ подсчетъ всѣхъ суммъ Пушкина и высылалъ ему всѣ бывшія у него на рукахъ деньги. Тогда Пушкинъ, въ *письмѣ, до насъ не дошедшемъ*, просилъ Дельвига вручить 600 рублей Н. О. Рылѣвой. Дельвигъ исполнилъ просьбу поэта и уплатилъ деньги. Такимъ образомъ поэтъ удовлетворилъ добруму движенію своей души⁷⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 249.

²⁾ Дельвигъ. Сочиненія. Ред. В. В. Майкова. Спб. 1903, стр. 158.

³⁾ Ibid., стр. 160.

⁴⁾ Плетневъ, т. 3-ій. стр. 344.

⁵⁾ Ibid., стр. 343.

⁶⁾ Ibid., стр. 344.

⁷⁾ Возможно предположеніе, что Пушкинъ уплачивалъ свой долгъ Рылѣву. Но Рылѣвъ во время заключенія сообщалъ своей женѣ точныя свѣдѣнія, кто ему долженъ и кому онъ. (См. Сочиненія Рылѣва. Ред. Мазаева). О Пушкинѣ онъ не упоминаетъ.

Къ событію 1 марта 1881 года.

Мои воспоминанія о томъ времени и людяхъ, о которыхъ я пишу эту короткую замѣтку, крайне бѣдны. Отдаленность времени и нервная болѣзнь, которая бросила меня въ пастъ Казанской больницы для душевно-больныхъ, сгладили черты прошлого. Къ этому надо прибавить, что я, какъ неофитъ, зналъ очень мало о дѣлахъ партіи, и мнѣ былъ открытъ только небольшой уголокъ, имѣвшій непосредственное отношеніе къ роли, которая была мнѣ предоставлена въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ взрыву 1 марта. Главныхъ дѣйствующихъ лицъ я встрѣчалъ хотя и часто, но очень трудно узнать что нибудь о человѣкѣ, обмѣниваясь съ нимъ короткими фразами во время разныхъ конспиративныхъ свиданій. Я могъ только кое что улавливать изъ ихъ настроеній. Во всякомъ случаѣ, если тогда впечатлѣніе отъ каждаго изъ нихъ было полнѣе, то, какъ я уже сказалъ, теперь пѣмъ не позволяетъ мнѣ воспроизвести прошлое во всей его ясности.

Что касается причины, которая заставила меня примкнуть къ движенію, то я долженъ сказать, что, признавая основное положеніе партіи—требованіе измѣненія политическаго строя, я не считалъ для себя возможнымъ оставаться на полдорогѣ. Никакихъ промежуточныхъ станцій для меня не существовало. Самый терроръ былъ мнѣ, да и не одному мнѣ, не по характеру, но легче было принять на себя эту тяжесть, чѣмъ оставаться сочувствующимъ зрителемъ борьбы, въ состояніи неопредѣленнаго Weltschmerzen'a.

Борьба шла не только за общія права, но и за право своей личности, своего я. Защищали свободу совѣсти и разума, свободу активной любви къ природѣ и людямъ противъ грубой, жестокой силы, которой не было дѣла до этихъ возвышающихъ душу принциповъ. Ихъ торжество рисовало въ будущемъ правильное, здоровое развитіе человѣка и обезпечивало ему полноту жизни. Эти принципы стали живыми силами въ самыхъ передовыхъ и развитыхъ изъ народовольцевъ. Они вынашивались путемъ идейной работы надъ собой въ періодъ, предшествующій тому моменту, когда народовольцы стали на исполнѣ практическую дорогу поли-

тической дѣятельности. Вся страстность и упорство борьбы объясняются, помимо темперамента, опредѣленностью и прочностью формы, въ которую отлился духовный обликъ этихъ дѣятелей.

Но эти отвлеченныя начала служили только свѣточами, освѣщавшими весь убѣгавшій въ даль будущаго желательный путь развитія родины и всего человѣчества. Для дѣятельности лица нужны еще непосредственные толчки дѣйствительности, точно также какъ программа партіи должна представлять изъ себя нѣчто болѣе реальное, близкое вопросамъ дня, задѣвающее насущные интересы разныхъ слоевъ населенія. Первый вопросъ можетъ быть подробно выясненъ біографіями этихъ лицъ. Но у всѣхъ нихъ есть общее въ ходѣ развитія ихъ, какъ опредѣленныхъ дѣятелей, въ томъ, что всѣ народовольцы—я говорю о центрѣ—состояли изъ народниковъ, пережившихъ періодъ хожденія въ народъ.

Это время характеризуется несомнѣнно идеализаціей народа, надеждой на сравнительную легкость перехода къ новымъ формамъ общественныхъ отношеній. Но ближайшее знакомство съ трудящейся массой замѣнило отвлеченный терминъ «народъ» болѣе конкретнымъ представленіемъ, дало живую картину безысходности положенія этой массы. Рядомъ съ этимъ репрессіи правительства обнаружили во всей наготѣ его истинныя намѣренія, весь объемъ и силу его власти. Подъ этимъ двойнымъ давленіемъ острѣе ставился вопросъ объ обязательствѣ передъ народомъ во всемъ его цѣломъ, складывались характеры, зрѣла политическая мысль. Стали постепенно раздаваться отдѣльные голоса въ пользу чисто политической борьбы, прорывались единичные террористическіе факты. Но только въ серединѣ 1879 года мысль о необходимости начать эту борьбу вполне окрѣпла и была признана цѣлой группой лицъ, положившей основаніе новой организаціи, имѣвшей въ своемъ центрѣ т. н. Исполнительный Комитетъ партіи Народной Воли.

Нова была не самая идея политической борьбы, а именно признание необходимости партіей, которая одна только могла придать ей силу и яркость, обратить слово въ дѣло, опредѣлить собой цѣлое революціонное теченіе. Комитетъ издалъ свою программу и первымъ требованіемъ выставилъ въ ней созывъ Учредительнаго Собранія. Дополненіемъ къ этой программѣ служило извѣстное письмо Комитета къ Александру III отъ 10 марта 1881 года.

Народовольцы не предрѣшали формы правленія; они только хотѣли, чтобы воля народа нашла свое осуществленіе. Въ той же программѣ они выдвинули вопросъ о правѣ крестьянъ на землю, правѣ рабочихъ на легальную борьбу за улучшеніе своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія и, само собой, правѣ лицъ и обществъ на то, что называется политической свободой. По мнѣнію Комитета исполненіе этихъ требованій являлось бы пер-

вымъ и непремѣннымъ шагомъ на пути дальнѣйшаго, уже своегободнаго развитія Россіи.

Въ этой программѣ не было ничего утопичнаго. Она захватывала всѣ коренные интересы населенія; все самое существенное изъ назрѣвшихъ вопросовъ историческаго момента находило въ ней свое мѣсто.

Но какъ было осуществить требованіе созыва Учредительнаго Собранія? Я думаю, что взгляды партіи въ различные моменты ея дѣятельности и взгляды отдѣльныхъ лицъ на этотъ вопросъ мѣнялись и были различны. Возможность возстанія, бунта, возникающаго самостоятельно или подготовленнаго партіей, входила въ соображенія Исполнительнаго Комитета. Комитетъ долженъ былъ установить свою точку зрѣнія на обѣ эти возможности и уяснить себѣ собственную роль при той и другой комбинаціи событий. Но была еще третья возможность—это сломить правительство и заставить его пойти на уступки исключительно силами партіи въ расчетѣ, конечно, на приливъ свѣжихъ силъ и на расширеніе организаціи.

Чуть ли не весной 80 г. Александръ Михайловъ пригласилъ человѣкъ двухъ-трехъ, въ томъ числѣ и меня, на совѣщаніе, на которомъ обсуждался именно этотъ вопросъ, возможно ли ожидать возстанія, въ какой формѣ оно можетъ проявиться. Изъ всѣхъ разговоровъ я вынесъ убѣжденіе, что возможность возстанія представлялась весьма проблематичной и, если и рисовалась, то въ очень смутныхъ очертаніяхъ. Не существовало никакихъ признаковъ, по которымъ можно было бы ожидать возникновенія такого событія. По крайней мѣрѣ въ концѣ 80 г. и началѣ 81 г. Исполнительный Комитетъ, какъ мнѣ казалось, склонился къ послѣднему предположенію, а именно надеждѣ на свои силы.

Съ самаго своего возникновенія партія Н. В. сосредоточила свою дѣятельность въ городахъ, гдѣ группировались самыя чуткія и самыя развитыя части населенія. Здѣсь же находились представители высшей администраціи. Средствами расширенія силъ и вліянія на общество и рабочихъ были пропаганда и агитація. Одновременно съ этимъ должна была идти организація всѣхъ революціонныхъ элементовъ. Средствомъ борьбы съ правительствомъ партія избрала терроръ.

Психологически терроръ былъ актомъ принципіальной и личной ненависти, актомъ гнѣва, накопленнаго годами въ сердцѣ народа. Можно съ полнымъ правомъ говорить: народа. Стоитъ перечислить главныхъ дѣйствующихъ лицъ той трагедіи, которая пронеслась ураганомъ надъ Россіей. Они составляли собраніе представителей всѣхъ классовъ населенія. Все это были люди дѣйствительно дѣла, стоявшіе прочно на ногахъ, соединявшіе въ себѣ талантъ, знаніе и волю. Наконецъ, въ ихъ рядахъ стояла женщина. Всѣ они рѣшились во что бы то ни стало добиться свѣта, отсутствіе котораго душило Россію. Они знали, что ихъ стремленія отвѣчаютъ кореннымъ потребностямъ обще-

ства и надѣялись путемъ агитаціи, собственнымъ примѣромъ приподнять общее настроеніе. Они надѣялись, что партія не умретъ. Желябовъ сказалъ какъ-то: «чего намъ бояться?—не станетъ насъ, найдутся на наше мѣсто другіе».

Какъ система, терроръ былъ оружіемъ, которымъ партія дѣйствовала противъ правительства и въ то же время агитировала общество. Такимъ путемъ пробивалась брешь въ застывшихъ формахъ, связывавшихъ мысль въ ея преклоненіи передъ авторитетомъ самодержавной власти, и идеей возмездія и смерти, равныхъ для всѣхъ, уравнивались всѣ состоянія. Въ этой постановкѣ вопроса есть нѣчто прямо-таки страшное, тѣмъ не менѣе такое положеніе существовало.

Правительство было ошеломлено и напугано, и настолько, что, какъ потомъ оказалась, готовило проектъ конституціи.

Народовольцы, какъ активная партія, оказались одиноки. Еще слишкомъ пассивное въ то время общество не откликнулось на ихъ призывъ къ активному протесту. Они просуществовали до тѣхъ поръ, пока были живы главныя силы. Такія организаціи, въ отношеніи своего состава, какъ Исполнительный Комитетъ, вырабатываются нелегко и нелегко пополняются. Но пока на защиту народныхъ правъ выступаютъ одни только тайныя общества, побѣды ожидать трудно. Имъ однимъ не выдержать на своихъ плечахъ всей тяжести борьбы. Еще до 1 марта партія потерпѣла крупныя потери въ лицѣ Александра Михайлова, Коллѣкевича, Морозова, Желябова и др. Послѣ 1 марта рядомъ послѣдовательныхъ арестовъ центръ ея былъ совершенно разбитъ. На мѣсто выбывшихъ «не приходили другіе», какъ думалъ Желябовъ.

Дѣятельность Народовольцевъ я бы назвалъ моментомъ борьбы за идею права, за которымъ долженъ былъ наступить слѣдующій за нимъ моментъ борьбы за самое право, который мы и переживаемъ въ настоящее время.

Политика правительства послѣ 1 марта извѣстна всѣмъ. Оно поняло опасность и ея источникъ: передъ нимъ стоялъ страшный для него призракъ Мысли, возставшей съ оружіемъ въ рукахъ.

* * *

Мое знакомство съ народовольцами началось въ концѣ 79 года. Связи съ обществомъ, въ Петербургѣ, на сколько мнѣ извѣстно, были ограничены. Ближе всего они стояли къ учащейся молодежи. Въ этой средѣ мнѣ, какъ студенту, и можно было только съ ними познакомиться. Большая часть революціонной молодежи была захвачена тогда народовольческимъ теченіемъ. Черный Передѣлъ представлялъ собою скорѣе партію теоретиковъ, которая не могла дать сейчасъ же никакого дѣла. Пропаганда социализма среди крестьянъ на почвѣ ихъ туманныхъ представлений, почти мечтаній объ общемъ передѣлѣ и правѣ на землю не могла дать никакого практическаго результата, особенно взвѣ-

сивъ отношеніе между нѣсколькими десятками, даже сотнями дѣятелей и тѣми милліонами, къ которымъ предстояло обратиться съ рѣчью, и вдобавокъ—при отсутствіи свободы слова. Лучшее могло бы быть поставлено пропаганда среди рабочихъ. Но главное-то—политика, борьба съ правительствомъ отодвигалась Чернопередѣльцами куда-то на очень отдаленный планъ. Между тѣмъ правительство всѣмъ своимъ режимомъ не только закрывало передъ нами перспективы честной, открытой общественной дѣятельности, но своими жестокостями—казнями, учрежденіемъ генераль-губернаторствъ—слишкомъ задѣвало, раздражало и вызывало желаніе дать ему немедленный отпоръ. И тѣ, у кого душа болѣла, невольно шли къ народовольцамъ. На эти элементы ихъ примѣръ дѣйствовалъ очень рѣшительно. Я не говорю о вліяніи того или другого лица. Я не могъ бы, напр., сказать, кто именно на меня вліялъ. Вліяли духъ партіи и вся атмосфера жизни. Народовольцы слишкомъ ярко выдѣлялись на общемъ фонѣ равнодушія или добрыхъ памфревій. Въ ихъ устахъ весь перечень хорошихъ словъ: служеніе народу, любовь къ правдѣ и т. д. получали могучую силу живыхъ двигателей. Въ этомъ причина ихъ личнаго вліянія на молодежь, не знающую компромиссовъ, ищущую исхода своему непосредственному чувству общественности.

Я уже говорилъ, что при условіи конспиративныхъ знакомствъ съ людьми ихъ личныя черты не такъ-то легко открываются. Нужно стоять ближе къ дѣлу, чѣмъ это было со мной, и дольше работать вмѣстѣ, чтобы уяснить себѣ характеръ и особенности міровоззрѣнія каждого.

Тѣ, кого я зналъ, были люди трезвые, уравновѣшенные. Въ нихъ не было ни экзальтаціи, ни преувеличенныхъ надеждъ, но они считали своимъ долгомъ вести свою работу, не отступая.

Самымъ нервнымъ былъ Исаевъ. Въ немъ была, можетъ быть, доля излишней возбудимости. Александръ Михайловъ весь былъ поглощенъ своимъ дѣломъ и любилъ его. Казалось, онъ не чувствовалъ ни тяготы, ни напряженія, а шелъ свободной, увѣренной поступью, какъ человѣкъ, вполне знающій, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Этимъ объясняется его всегдашняя ясность настроенія духа. Сомнѣваюсь, чтобы онъ зналъ моменты острыхъ сомнѣній и колебаній. Такіе люди останавливаются, выбираютъ, а затѣмъ идутъ, не сворачивая съ развѣ намѣченнаго пути. Изъ всѣхъ, кого я зналъ, я не замѣчалъ ни въ комъ такой ненависти, какая была у Михайлова и какая еще скрывалась въ Перовской. Послѣдній разъ я встрѣтился съ Михайловымъ незадолго до его ареста. Приготовленія къ катастрофѣ 1 марта уже начались. Заговорили объ Александрѣ II и о томъ, что духовенство старается по своему объяснить причину неудачныхъ покушеній. Михайловъ сжалъ кулакъ и, опустивъ его мѣрныхъ движеніемъ на столъ, сказалъ: «теперь мы, кажется, съ нимъ покончимъ». Въ тонѣ голоса и въ глазахъ, метнувшихъ искры, вылилась вся сила его воли и без-

поворотность въ рѣшеніяхъ. Такимъ я видѣлъ Михайлова первый и единственный разъ.

Та же ненависть, но съ другимъ оттѣнкомъ, болѣе обличающимъ женщину, была и въ Перовской, но она не выказывала ея такъ явно. Это чувство замѣтно было по ея движеніямъ, по тому вниманію, съ какими она слѣдила за выѣздами государя. Въ Михайловъ это было сильное, ровное чувство мужчины, въ Перовской—болѣе тонкое, острое, глубокое и въ то же время порывистое чувство женщины. Она точно мстила Александру II за то, что онъ оторвалъ ее отъ ея спокойной, мирной работы пропагандистики.

Я слышалъ о Колодкевичѣ, какъ о человѣкѣ тоже большой нравственной силы, но самъ видѣлъ его раза два. Я встрѣтилъ его первый разъ у его старыхъ знакомыхъ, людей повидимому прежней формации, отъ которыхъ пахло не то идеализмомъ народничества, не то еще чѣмъ-то болѣе раннимъ. Колодкевичъ былъ молчаливъ и сумраченъ, съ виду даже суровъ. Хозяйка завела почему-то рѣчь о Рудинѣ и задала вопросъ, возможны ли въ настоящее время Рудины и какова была бы ихъ роль. Этотъ вопросъ, обращенный къ Колодкевичу, звучалъ очень странно. Онъ не сталъ ей даже отвѣчать на него, а указалъ рукой на одного изъ присутствовавшихъ: спросите, молъ, его. Вѣроятно, подумалъ: экъ, куда хватила. Колодкевичъ оставилъ во мнѣ впечатлѣніе человѣка въ высшей степени благороднаго, съ характеромъ и если суроваго, то только по отношенію къ себѣ.

Изъ моихъ воспоминаній о Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ приведу небольшой эпизодъ встрѣчи съ ней въ день акта въ Университетѣ, когда министру народнаго просвѣщенія Сабурову было нанесено оскорбленіе. Идя по Невскому, по направленію къ Университету, я встрѣтилъ Фигнеръ.—«Что вы тутъ дѣлаете? Вѣдь вамъ давно надо быть въ Университетѣ!».—Я сказалъ, что мнѣ эта исторія не нравится, и потому не тороплюсь...—«Не нравится?...» бросила она мнѣ рѣшительно и кратко, повернулась и побѣжала дальше. У нея всегда былъ бодрый, смѣлый видъ; гордость женщины соединялись въ ней съ гордостью бойца; движенія были быстры и рѣшительны. Она обладала при этомъ такимъ звучнымъ, музыкальнымъ разговорнымъ контральто, что ея рѣчь лилась, какъ музыка. Такого голоса я никогда не слыхалъ. Низкіе, грудные тоны его сообщали характеръ особеннаго мужества и глубины всему ея существу. Все вмѣстѣ взятое было удивительно красиво.

Баранниковъ былъ человѣкъ совсѣмъ особаго типа. Красивый брюнетъ съ смуглымъ цвѣтомъ лица, съ отливомъ въ глазахъ, какой бываетъ у южанъ, росту выше средняго, гибкій и стройный, онъ любилъ жизнь, но такую, которая давала бы ему сильныя ощущенія. Когда у него въ карманѣ оказывались прокламаціи или вообще какія нибудь подпольныя изданія, онъ старался отъ нихъ поскорѣе отдѣлаться и просилъ другихъ заняться ихъ распространеніемъ. Это дѣло казалось ему слишкомъ скуч-

нымъ. Зато готовъ онъ былъ быть вездѣ, гдѣ чуялась опасность. Къ опасности онъ относился очень просто, какъ къ самой обычной вещи, нисколько не рисуясь своимъ пренебреженіемъ къ ней. Храбрость и отвага составляли его прирожденные качества. Такие люди не могутъ выдерживать тюрьмы, и, когда его арестовали, предсказывали, что онъ умретъ безъ свободы.

Взаимныя отношенія членовъ центральной организаціи не могли, конечно, быть плохими. Всѣ они давно и хорошо знали другъ друга. Трудность осуществленія той задачи, которую они себѣ поставили, и способы борьбы требовали дружныхъ отношеній. Мелкимъ счетамъ не могло быть мѣста. Наконецъ, нравственный подъемъ духа былъ таковъ, что все мелкое само собой исчезало и подавлялось. Всѣхъ соединяло чувство духовнаго братства. Всѣ—мужчины и женщины были между собой на ты.

Мое знакомство съ радикальнымъ студенчествомъ и съ нѣкоторыми членами партіи, не помню теперь, съ которыми, перешло въ извѣстныя дѣловыя отношенія. Я началъ оказывать партіи разныя мелкія услуги. Осенью 80 г. я принялъ участіе въ серьезномъ дѣлѣ, именно въ подготовительныхъ работахъ къ взрыву 1-го марта.

Однажды, въ началѣ ноября 80 г., ко мнѣ зашелъ Л. Тихомировъ и предложилъ принять участіе въ наблюденіяхъ за выѣздами царя. Наблюденіями должны были заняться нѣсколько человекъ. Тихомировъ предполагалъ пригласить кромѣ меня Елизавету Николаевну Оловенникову и, кажется, Тычинина. Партія, по его словамъ, одобрила этотъ выборъ, и дѣло было за нашимъ согласіемъ. Мы всѣ трое согласились. Очень скоро было назначено засѣданіе наблюдательнаго отряда, т. е. кружка лицъ, которые должны были наблюдать за выѣздами царя. На этомъ засѣданіи присутствовали Тихомировъ, Перовская, Гриневицкій, Рысаковъ, Оловенникова, Тычининъ, я и еще студентъ Петербургскаго Университета С., оставшійся неоткрытымъ. Рысаковъ былъ для нѣкоторыхъ изъ насъ человекомъ новымъ. Его познакомили съ нами подъ кличкой «Николай».

Фамиліи Оловенниковой и Тычинина скоро стали извѣстны Рысакову, такъ какъ въ ихъ квартирахъ преимущественно происходили наши собранія. Меня Рысаковъ зналъ или, скорѣе, долженъ былъ знать тоже подъ какой-то кличкой. Но какъ-то разъ Перовская по ошибкѣ назвала меня моимъ настоящимъ именемъ, и Рысаковъ это замѣтилъ.

На первомъ засѣданіи Рысаковъ велъ себя странно: нервничать, смѣялся совершенно не кстати. Видно было, что ему не по себѣ, что онъ волнуется. Я обратилъ вниманіе Перовской на его состояніе, но она отвѣтила, что это вполне вѣрный человекъ, что за него ручается Тарасъ (Желябовъ). Потомъ Рысаковъ велъ себя спокойнѣе, такъ что рѣчь о немъ больше не заходила.

Нашъ отрядъ долженъ былъ опредѣлить, въ какое время, по какимъ улицамъ и насколько правильно царь совершаетъ свои

выѣзды и поѣздки по городу. Наблюденія рѣшено было вести каждый день двумъ лицамъ, по установленному напередъ росписанію. Каждый изъ двухъ долженъ былъ наблюдать до извѣстнаго часа, послѣ чего на смѣну ему выходилъ бы его товарищъ. Пары наблюдателей должны были чередоваться каждый день. Эта система паръ съ постоянной смѣной очереди и порядка имѣла въ виду замаскировать наблюденія.—Тихомировъ на дальнѣйшихъ засѣданіяхъ не бывалъ. На нѣсколькихъ присутствовалъ Желябовъ. Онъ хотѣлъ, вѣроятно, на основаніи нашихъ словъ составить себѣ болѣе ясное представленіе о всей обстановкѣ выѣздовъ.—Засѣданія отряда происходили разъ въ недѣлю. Главная роль принадлежала Перовской, которая записывала результаты наблюденій. Первое время наблюдать было трудно, т. к. не было еще извѣстно, когда государь выѣзжаетъ, поэтому приходилось дольше слѣдить за дворцомъ. Но скоро мы опредѣлили время и обычное направленіе поѣздокъ. Обыкновенно царь выѣзжалъ изъ дворца около половины второго и направлялся въ Лѣтній садъ. Онъ ѣздилъ въ каретѣ, окруженный шестью всадниками изъ конвоя Е. В., на великолѣпныхъ лошадахъ, очень быстро. Двое изъ этихъ всадниковъ прикрывали собой дверцы кареты. Изъ Лѣтняго сада онъ или возвращался прямо во дворецъ, что бывало рѣдко, или заѣзжалъ куда нибудь, безъ соблюденія правильности. Таковъ былъ маршрутъ по буднямъ. По воскресеньямъ государь ѣздилъ въ Михайловскій манежъ на разводъ. Путь его лежалъ обыкновенно по Невскому, а оттуда по Малой Садовой. Время выѣздовъ соблюдалось съ пунктуальной точностью. Первый изъ насъ наблюдалъ обыкновенно отъ дворца до Лѣтняго сада или манежа, второй — отъ Лѣтняго сада или манежа до возвращенія государя домой. По его пути расхаживала многочисленная охрана изъ какихъ-то штатскихъ, вѣроятно, сыщиковъ.

Перовская не только отбирала отъ насъ свѣдѣнія, но и сама участвовала съ нами въ наблюденіяхъ. Изъ манежа царь возвращался домой мимо Михайловскаго театра по Екатерининскому каналу. Перовская первая замѣтила, что на поворотѣ отъ Михайловскаго театра на Екатерининскій каналъ кучеръ задерживаетъ лошадей, и карета ѣдетъ почти шагомъ. Рассказывая намъ объ этомъ на ближайшемъ засѣданіи, она прибавила: «вотъ удобное мѣсто!»—Для меня ея замѣчаніе стало понятно только въ день 1 марта. Планъ нападенія не всѣмъ былъ извѣстенъ, такъ какъ по требованію конспираціи зъ него не посвящали тѣхъ, кому не зачѣмъ было о немъ знать.

Наблюденія продолжались безъ перерыва приблизительно до двадцатыхъ чиселъ февраля. Они послужили основаніемъ для опредѣленія мѣста закладки мины и нападенія метальщиковъ.

По плану Исполнительнаго Комитета покушеніе на государя должно было произойти или изъ лавки Кобозева на Малой Садовой путемъ взрыва мины, заложенной подъ мостовую, или ручными бомбами. Мѣстомъ для нападенія былъ намѣченъ именно тотъ сво-

ротъ на Екатерининскій каналъ, на который Перовская обратила вниманіе. Метальщики должны были выйти на Екатерининскій каналъ къ извѣстному часу и появиться въ извѣстномъ порядкѣ, т. е. самая очередь метанія бомбъ была приблизительно намѣчена заранее. Такъ, по крайней мѣрѣ, передавалъ мнѣ одинъ изъ метальщиковъ, Емельяновъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться въ первый разъ уже въ Московской пересыльной тюрьмѣ. Онъ же говорилъ, что первую бомбу долженъ былъ, согласно очереди, бросить Тимофей Михайловъ, а Рысакова предполагали поставить на послѣднее мѣсто, т. е., какъ говорилъ Емельяновъ, ему хотѣли дать понюхать пороху. Вспоминаю теперь, что Перовская указывала еще на пустынную Екатерининскаго канала. Здѣсь, слѣдовательно, представлялось меньше всего шансовъ задѣть взрывомъ прохожихъ.

Въ самый день 1-го марта Перовская назначила мнѣ свиданіе въ маленькой кофейной, на Владимірской улицѣ, близъ Невского чуть ли не извѣстной теперь подъ именемъ «Капернаумъ». Свиданіе было назначено въ началѣ четвертаго часа. Не помню почему, но въ этотъ день я прислушивался къ улицѣ. Вѣроятно, былъ сдѣланъ кѣмъ нибудь намекъ, что именно въ этотъ день нужно ждать развязки. Къ назначенному часу я шелъ на свиданіе издалека, отъ Таврическаго сада. Въ тѣхъ краяхъ еще ничего не было извѣстно о томъ, что творится на Екатерининскомъ каналѣ. Но на Итальянской, недалеко отъ Литейной, я встрѣтилъ офицера, мчавшагося, чуть не стоя, на извозикѣ. Онъ громко и возбужденно кричалъ, обращаясь къ проходившей публикѣ. Я не могъ разобрать, что онъ кричалъ, но видно было, что человѣкъ чѣмъ-то сильно потрясенъ. Я, конечно, понялъ, въ чемъ дѣло. Придя въ кофейную, я прошелъ въ маленькую заднюю комнату, въ которой и раньше встрѣчался съ Перовской. Комната эта бывала обыкновенно пуста. Я засталъ въ ней студента С., члена наблюдательнаго отряда. Онъ тоже ждалъ Перовскую. Вскорѣ дверь открылась, и она вошла своими тихими, неслышными шагами. По ея лицу нельзя было замѣтить волненія, хотя она пришла прямо съ мѣста катастрофы. Какъ всегда она была серьезно-сосредоточена, съ оттѣнкомъ грусти. Мы сѣли за одинъ столикъ и хотя были одни въ этой полутемной комнатѣ, но соблюдали осторожность. Первыми ея словами было: «кажется, удачно;—если не убить, то тяжело раненъ». На мой вопросъ: «какъ, кто это сдѣлалъ?»—она отвѣтила: «бросили бомбы: сперва Николай, потомъ Котикъ (Гриневскій). Николай арестованъ; Котикъ, кажется, убить».

Разговоръ шелъ короткими фразами, постоянно обрываясь. Минута была очень тяжелая. Въ такіе моменты испытываешь только зародыши чувствъ и глушишь ихъ въ самомъ зачаткѣ. Меня душили подступавшія къ горлу слезы, но я сдерживался, такъ какъ во всякую минуту могъ кто нибудь войти и обратить вниманіе на нашу группу. Студентъ С., очень скрытный и сдержанный человѣкъ, не проронилъ за все время ни слова.

Перовская передала мнѣ потомъ маленькую подробность о Гриневскомъ. Прежде чѣмъ отправиться на каналъ, она, Рысаковъ и Гриневскій сидѣли въ кондитерской Андреева, помѣщавшейся на Невскомъ противъ Гостинаго двора, въ подвальномъ этажѣ, и ждали момента, когда пора будетъ выходить. Одинъ только Гриневскій могъ спокойно сѣсть поданную ему порцію. Изъ кондитерской они пошли врозь и опять встрѣтились уже на каналѣ. Тамъ, проходя мимо Перовской, уже по направленію къ роковому мѣсту, онъ тихонько улыбнулся ей чуть замѣтной улыбкой. Онъ не проявилъ ни тѣни страха или волненія и шелъ на смерть съ совершенно спокойной душой.

По словамъ Емельянова, Тимофей Михайловъ долженъ былъ бросить первую бомбу, но онъ будто бы почувствовалъ себя не въ силахъ это сдѣлать, и у него хватило характера вернуться домой, не дойдя до мѣста. Вслѣдствіе этого номера метальщиковъ перепутались, и около кареты государя первымъ очутился Рысаковъ.

Про себя Емельяновъ разсказывалъ, что за нѣсколько дней до 1-го марта онъ изучалъ расположеніе и внутреннее устройство плавучихъ причешенъ-купаленъ на Екатер. каналѣ. Онъ говорилъ, что если бы ему пришлось бросить бомбу и его захотѣли бы арестовать, онъ постарался бы скрыться въ одной изъ купаленъ, забаррикадироваться и защищаться до послѣдней возможности, такъ какъ не намѣренъ былъ добровольно отдаваться въ руки жандармовъ. Когда Гриневскій упалъ, онъ подскочилъ къ нему, желая узнать, живъ ли онъ и нельзя ли его спасти изъ суматохъ, но было уже поздно. Тогда Емельяновъ подошелъ къ царю и помогъ уложить его въ сани.

Послѣ 1-го марта я видѣлся часто съ Перовской. 27-го февраля былъ арестованъ Желябовъ, лично близкій ей человекъ. Сама она, какъ говорили, была больна всѣ эти дни и съ трудомъ ходила. Она переживала цѣлый рядъ крупныхъ потрясеній и личныхъ и общественныхъ, но оставалась все такой же тихой, сдержанной и спокойной на видъ, глубоко хороня въ себѣ свои чувства. Кажется, 3 марта мы шли съ ней по Невскому. Мальчишки-газетчики шныряли и выкрикивали какое-то новое правительственное сообщеніе о событіяхъ дня: «новая телеграмма о злодѣйскомъ покушеніи»... и т. д. Около нихъ собралась толпа и раскупала длинные листки. Мы тоже купили себѣ телеграмму. Въ ней сообщалось, что недавно арестованный Андрей Желябовъ заявилъ, что онъ организаторъ дѣла 1 марта. До сихъ поръ можно еще было надѣяться, что Желябовъ не будетъ привлеченъ къ суду по этому дѣлу. Хотя правительство и знало, что онъ играетъ крупную роль въ дѣлахъ партіи, но для обвиненія по дѣлу 1-го марта у него не могло еще быть уликъ противъ Желябова. Изъ телеграммы было ясно, что участь Желябова рѣшена.

Даже въ этотъ моментъ, полный страшной для нея неожиданности, Перовская не измѣнила себѣ. Она только задумчиво опу-

стила голову, замедлила шагъ и замолчала. Она пла, не выпустившая изъ нерѣшительно-опущенной руки телеграммы, съ которой она какъ будто не хотѣла разстаться. Я тоже молчалъ, боялся заговорить, зная, что она любитъ Желябова. Она первая нарушила молчаніе. На мое замѣчаніе: «зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?»—она отвѣтила: «вѣрно такъ нужно было.»—Не знаю, въ этотъ ли день или раньше у нея явилась мысль спасти Желябова. Намѣреніе, разумѣется, несбыточное, но въ Перовской говорила страсть, и, какъ человѣкъ, не привыкшій опускать руки, она хотѣла испробовать всѣ средства. Она искала лазейки въ Окружной Судъ, гдѣ должно было происходить засѣданіе суда. Мы искали свободной квартиры около III отдѣленія на Пантелеймоновской. Тутъ она имѣла въ виду устроить наблюдательный пунктъ и, вѣроятно, при выѣздѣ Желябова изъ воротъ зданія III отдѣленія надѣялась организованымъ нападеніемъ освободить его. Не помню, что она еще придумывала. Нигдѣ ничего не устраивалось. Отговаривать ее было совершенно бесполезно,—она все равно стала бы дѣлать по своему. Въ этихъ поискахъ и суетѣ она хоть немного забывалась. Поэтому я безпрекословно исполнялъ всѣ ея порученія, ходилъ съ ней всюду, куда она меня вела.

Тогда говорили: «Соня потеряла голову». Она дѣйствительно потеряла всякое благоразуміе. Ее уговаривали уѣхать изъ Петербурга, скрыться куда нибудь на время. Она никого не хотѣла слушать. Она вилась, какъ вьется птица надъ головой коршуна, который отнялъ у нея птенца, пока сама не попала ему въ когти.

Гельфманъ, арестованную въ Телѣжной улицѣ, въ квартирѣ, гдѣ хранились бомбы, я видѣлъ чуть ли не наканунѣ ареста, во всякомъ случаѣ уже послѣ катастрофы 1-го марта. Обыкновенно веселая и привѣтливая, она была пасмурна, разстроена, мало говорила. Я встрѣтилъ ее у знакомыхъ курсистокъ, у которыхъ скопилась нелегальная литература. Полиція обыскивала тогда цѣлые дома, особенно населенные студенчествомъ. Онѣ боялись обыска и хотѣли сбыть куда нибудь эту литературу. Гельфманъ взяла себѣ весь свертокъ со словами: «ну, у меня этого добра такъ много, что мнѣ все равно.»—Мы вышли съ ней вмѣстѣ и скоро разошлись. При прощаньи она крѣпко пожала мнѣ руку и съ тяжелымъ чувствомъ сказала: «прощайте!—увидимся ли?».

Я не зналъ, что у нея въ квартирѣ бомбы, и не понималъ, почему она волнуется больше другихъ. Помимо этого она готовилась, какъ потомъ обнаружилось, сдѣлаться матерью, и въ ней зарождалось совсѣмъ новое для нея чувство, которое заставляло ее беспокоиться за себя. При арестѣ ей пришлось быть свидѣтельницей сцены нервного, торопливаго самоубійства Саблина. На судѣ она вела себя съ достоинствомъ, какъ говорилось въ заграничныхъ отчетахъ. Но она не выдержала потери ребенка.

Я слышалъ, что къ ней въ камеру, въ домъ предварительнаго заключенія, вошли неожиданно жандармы, взяли ребенка и унесли. Вскорѣ послѣ этого она умерла.

Всякій, кто зналъ Гесю, скажетъ, что роль террористки была совсѣмъ не по ней. Не потому, чтобы терроръ требовалъ какой-то свирѣпости, которой вовсе не было и въ другихъ, но все-таки такихъ простыхъ, самоотверженныхъ и добрыхъ людей, какой была Геся, эта шапка должна слишкомъ давить.

Саблинъ застрѣлился, несомѣнно не желая, а, можетъ быть, боясь той нравственной пытки, которая его ожидала втеченіе всей процедуры слѣдствія, суда и казни. Слишкомъ мягкій, впечатлительный, не только по натурѣ, но, кажется, и на самомъ дѣлѣ художникъ, онъ, вѣроятно, не надѣялся на свои нервы. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ у знакомыхъ раза два-три, куда онъ заходилъ просто поболтать за стаканомъ чаю. Человѣкъ неглухой, талантливый, остроумный, онъ, казалось, не особенно обращалъ вниманіе на свои способности. Или время и условія его жизни были таковы, чтобы ему невозможно было ихъ культивировать. На немъ лежала печать свободной профессіи. Я думаю, что только недостатокъ въ людяхъ могъ его заставить взять на себя роль хозяина квартиры, гдѣ были бомбы. Исполнительный Комитетъ съ своей стороны, вѣроятно, руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что Геся Гельфманъ и Саблинъ не подвергались непосредственной опасности въ качествѣ хозяевъ квартиры, которую могли открыть только благодаря оговору.

Послѣ 1 марта Исполнительный Комитетъ выпустилъ рядъ прокламацій къ крестьянамъ, рабочимъ, обществу. Было организовано цѣлое бюро, располагавшее грудой адресовъ, по которымъ оно разсылало эти прокламаціи во все концы и закоулки Россіи. Въ самомъ Петербургѣ прокламаціи расклеивались на улицахъ: въ центральныхъ кварталахъ—съ обращеніемъ къ обществу, въ рабочихъ—къ рабочимъ.

Въ этомъ бюро работала и Перовская. Какъ-то она приходитъ и рассказываетъ о настроеніи рабочихъ, съ которыми она вела сношенія. Рабочіе ей говорили: «что намъ теперь дѣлать? Веди насъ, куда хочешь».—Перовская была, можетъ быть, и довольна ихъ обращеніемъ, но была поставлена въ большое затрудненіе. Что имъ было въ самомъ дѣлѣ отвѣтить?..

Не могу не привести еще одного эпизода изъ университетской жизни.—Со дня университетскаго акта, когда министру Сабурову было нанесено оскорбленіе студентомъ Подбѣльскимъ, отношенія между правыми и лѣвыми стали очень натянуты. Эта исторія была дѣломъ центрального университетскаго кружка, организованнаго въ началѣ 1881 г. Кружокъ былъ основанъ по мысли Исполнительнаго Комитета, долженъ былъ объединить революціонное студенчество и служить звеномъ между этимъ послѣднимъ и центромъ. Я не вошелъ въ кружокъ, такъ что о его

внутренней жизни ничего не знаю, но предполагаю, что Комитетъ хотѣлъ дать возможность этому кружку заявить о себѣ какимъ нибудь крупнымъ для него фактомъ. Такъ какъ въ предѣлахъ студенческихъ интересовъ всегда важное значеніе имѣлъ вопросъ объ измѣненіи устава, то это требованіе и было изложено въ произнесенной съ хоръ студентомъ Коганъ-Бернштейномъ рѣчи и брошенной имъ оттуда же пачкѣ прокламацій. Въ это же время внизу, въ залѣ, студентъ Подбѣльскій подошелъ къ министру и ударилъ его ¹⁾).

Враждебныя чувства правыхъ и лѣвыхъ поддерживались усиленіями правыхъ. Они образовали свой тайный кружокъ съ цѣлью наблюденія за лѣвыми. Фактъ 1 марта еще болѣе обострилъ отношенія. Консерваторы вели себя вызывающе, часто нахально. Одинъ изъ нихъ возбудилъ подозрѣніе, что онъ не только слѣдить и дѣлится своими впечатлѣніями съ единомышленниками, но идетъ дальше и сносится съ жандармами. Общее настроеніе было такое возбужденное, что кому-то пришла мысль убить этого студента, какъ шпіона. Раньше, чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, былъ составленъ совѣтъ изъ нѣсколькихъ студентовъ, на которомъ предстояло рѣшить вопросъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ его убивать. Къ счастью для Университета нашлись голоса противъ убійства, и вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно.

Сообщаю объ этомъ фактѣ, какъ принимавшій участіе въ обсужденіи вопроса. Центральныя университетскія кружки, должны прибавить, къ этому послѣднему дѣлу никакого отношенія не имѣлъ.

Въ ночь съ 13 на 14 марта арестовали Оловенникову, Тычина и меня, каждаго на своей квартирѣ. Аресты производились по указанію Рысакова, но мы объ этомъ не подозрѣвали. У меня обыскъ былъ произведенъ жандармскимъ офицеромъ и полиціей въ присутствіи товарища прокурора окр. суда Дейтриха, теперь члена государственнаго совѣта, бывшаго дѣятеля въ Финляндіи. Обыскъ производился только въ моей комнатѣ (я жилъ со своими родными). Рылись до 4 ч. утра и ничего не нашли. Жандармскій офицеръ, все время холодно-сдержанный, уѣзжая, сказалъ: «завтра увидимся», подчеркивая каждое слово и сверкнувъ глазами очень свирѣпо. Не знаю, каковъ этотъ господинъ былъ въ дѣйствительности, но если глаза вѣрно отражали его душу, это было мое первое знакомство съ человѣкомъ-звѣремъ. — Меня отвезли въ домъ предварительнаго заключенія. Утромъ позвали на допросъ въ самый Домѣ. Допросъ былъ по пустому дѣлу о гектографѣ, но это пустое дѣло навело на мой слѣдъ. Рысаковъ зналъ только мое имя и могъ дать показаніе о какомъ-то Аркадіѣ, студентѣ Петербургскаго Университета. Совпаденіе

¹⁾ П. П. Подбѣльскій убитъ во время якутской драмы 22 марта 1889 г. Л. М. Коганъ-Бернштейнъ, раненый въ это же время двумя пулями, былъ приговоренъ къ смертной казни. *принесенъ на кровати* на эшафотъ и повѣшенъ въ августъ того же 1889 года въ Якутскѣ. Ред.

именъ въ показаніяхъ по обоимъ этимъ дѣламъ дало поводъ заподозрить тождественность лица. Были у нихъ и еще кое-какія указанія, предполагаю, агентурныя, но полученные уже послѣ показанія Рысакова.

Часа въ 2 дня меня опять вызвали изъ камеры и на этотъ разъ повезли въ департаментъ полиціи. Въ департаментѣ меня ввели въ небольшую комнату, выходившую своимъ единственнымъ окномъ во дворъ, и поставили въ ней одного. Стоя у окна, я увидѣлъ Рысакова, шедшаго по двору изъ тюремнаго помѣщенія при Департаментѣ подъ конвоемъ четырехъ жандармовъ съ пашками на-голо. Немного спустя ко мнѣ вошелъ жандармскій офицеръ и ехидно-вѣжливо предложилъ: «пожалуйте». Меня ввели въ длинную комнату, въ концѣ которой за большимъ столомъ стояло и сидѣло человѣкъ 8—10. Плева занималъ предсѣдательское мѣсто. Жандармскій офицеръ, почему-то надѣвшій синія очки (потомъ я видѣлъ его безъ очковъ), шелъ передо мной въ полуоборотъ къ столу, почти даже задомъ къ нему, близко наклоняясь надъ моимъ лицомъ и заглядывая очень загадочно и вопросительно мнѣ въ глаза. Вся эта комедія была очень смѣшна, но тутъ же было и нѣчто другое, отъ чего меня обдало холодомъ. По сю сторону стола сидѣлъ Рысаковъ и при моемъ появленіи повернулся ко мнѣ лицомъ. Когда его еще вели по двору, мнѣ удалось уловить его настроеніе. Онъ шелъ какими-то равнодушными, точно не своими шагами, переводя глаза съ предмета на предметъ, съ мучительнымъ безразличіемъ чело-вѣка, для котораго всѣ счеты съ жизнью кончены: однимъ словомъ, имѣлъ такой видъ, какой могутъ имѣть люди, когда ихъ ведутъ на казнь. Но когда мнѣ пришлось остановиться въ какихъ-нибудь двухъ шагахъ отъ него, и когда глаза наши встрѣтились, тутъ только я увидѣлъ весь ужасъ его состоянія. Лицо его было покрыто сине-багровыми пятнами, въ глазахъ отражалась страшная тоска по жизни, которая отъ него убѣгала. Мнѣ показалось, что онъ уже чувствуетъ веревку на шеѣ.—Мы молча смотрѣли другъ на друга, а сидѣвшіе и стоявшіе наблюдали за нами. Чтобы покончить, разрѣшить чѣмъ-нибудь это напряженное молчаніе, я сказалъ: «этотъ человѣкъ мнѣ незнакомъ». Тогда жандармъ въ синихъ очкахъ увелъ меня обратно въ комнату. Вся сцена очной ставки продолжалась самое большее минуту, полторы. Ждать мнѣ пришлось очень не долго. Меня повели опять, но уже на допросъ и предъявили показаніе Рысакова, въ которомъ онъ подробно излагалъ все, что относилось къ участію въ дѣлѣ моему, Оловенниковой и Тычинина.

Первые допросы велъ Плева при участіи Добржинскаго и жандармской власти. Плева велъ себя очень важно, но корректно. Онъ не любилъ произносить лишнихъ словъ. Въ его холодной замкнутости таилась несомнѣнная сила воли и честолюбивые замыслы создать себѣ карьеру. Въ немъ было гораздо больше такта и меньше гибкости, чѣмъ въ Добржинскомъ. Послѣдній

былъ мельче, обладалъ маньшимъ чувствомъ своего достоинства, Плеве никогда не позволилъ бы себѣ такой экспансивности, какую допустилъ Добржинскій, когда я наконецъ призналъ обвиненія, направленные противъ меня лично, правильными. Добржинскій вскочилъ и сталъ бѣгать по комнатѣ, потирая себѣ руки отъ радости. Успокоившись, онъ сѣлъ около меня и поздравилъ: Г. Тырковъ, «ну теперь, ваша пѣсенка спѣта».

Рысаковъ оговорилъ всѣхъ, кого зналъ, за исключеніемъ студента С., о которомъ почему то умолчалъ. Прокуратура общала ему помилованіе и выудила изъ него все, что было можно. Несмотря на оговоръ, у меня не шевельнулось ни разу враждебное чувство къ нему. Его состояніе, о которомъ я говорилъ, исключало возможность предъявлять къ нему какое либо нравственное требованіе. Нападая на центральное лицо въ государствѣ, онъ сосредоточивалъ на себѣ слишкомъ много вниманія; слишкомъ многіе могли бы его спросить, почему онъ это сдѣлалъ, за что онъ хотѣлъ убить, и у него не нашлось бы на это по совѣсти отвѣта. Революціоннаго прошлаго у него не было, т. е. онъ не прошелъ тѣхъ фазисовъ психологическаго развитія, которые были пройдены старшими народовольцами. Не было и достаточной идейной подготовки, и въ характерѣ не хватало дерзости. Это былъ еще совѣтъ юный, добродушный и жизнерадостный провинціалъ. Вчера—еще просто мальчикъ въ самомъ разгарѣ, если можно такъ выразиться, своей непосредственности, сегодня—цареубійца. И цареубійца непосредственный, самъ бросившій первую бомбу. Онъ видѣлъ кровь постороннихъ людей, пострадавшихъ отъ его снаряда; на его глазахъ разорвалась вторая бомба, поразившая государя и Гриневицкаго. Онъ видѣлъ толпу, сбѣгавшуюся къ мѣсту катастрофы, у которой былъ въ глазахъ ужасъ передъ совершившимся и негодованіе къ нему, Рысакову. Когда онъ очутился въ рукахъ слѣдственной власти, она впиалась въ него своими умѣлыми когтями, не давая ему времени опомниться, разобраться хоть сколько нибудь въ той сложной сѣти опеломляющихъ и противорѣчивыхъ чувствъ, которыя должны были всплыть совершенно неожиданно для него самого. Не только онъ былъ испуганъ собственнымъ поступкомъ и тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ попалъ, но онъ, я думаю, не могъ даже дать себѣ хорошенько отчета, какъ все это съ нимъ произошло. На судѣ, мнѣ помнится, онъ говорилъ, что онъ совѣтъ не террористъ, а мирный дѣятель. Этимъ заявленіемъ, наивнымъ съ перваго взгляда, онъ не отрицалъ, конечно, факта метанія бомбы, а отгонялъ отъ себя и отъ другихъ мысль, что онъ можетъ вообще убивать людей. Такимъ образомъ не одинъ только животный инстинктъ самосохраненія, а болѣе сложный комплексъ чувствъ душили его съ такой силой, что лишили его всякаго самообладанія и бросили цѣликомъ во власть чужой воли.

Рысаковъ былъ, какъ говорили, способный юноша, хорошо зналъ математику. Память у него была очень точная и, вѣроятно,

развитое воображеніе. Въ немъ ходила какая-то скрытая, не развернувшаяся еще силушка (къ его преземистой, широкоплечей фигурѣ съ большой головой это слово вполне примѣнимо), но вся бѣда въ томъ, что ему слишкомъ рано дали такую отвѣтственную роль.

Когда и какъ опредѣлилась его роль, я не знаю. Если предложеніе выступить метальщикомъ было сдѣлано при немъ или прямо ему въ упоръ, очень можетъ быть, что, участвуя еще раньше въ наблюдательномъ отрядѣ, онъ не захотѣлъ показаться трусомъ въ глазахъ Желябова или передъ самимъ собою и принять предложеніе.

Я остановился на Рысаковѣ потому, что для всякаго постоянного человѣка его поведеніе должно показаться слишкомъ двусмысленнымъ. Такихъ людей клеймятъ ужаснымъ словомъ «предатель», и этимъ исчерпываются все счеты съ ними. Мнѣ хотѣлось показать, какую страшную пытку испыталъ Рысаковъ прежде, чѣмъ началъ говорить, и что, суммируя все обстоятельства, онъ заслуживаетъ только жалость, а не презрѣніе.

Вторая очная ставка мнѣ была дана съ Перовской. По правдѣ сказать, не понимаю до сихъ поръ цѣли этой ставки, т. к. Перовская никакихъ показаній противъ кого либо не давала, а я въ то время еще отрицалъ показаніе Рысакова. Разсчетъ слѣдователей могъ быть только одинъ—уловить игру фizioномій. У нихъ вырабатывается особенная наблюдательность и умѣнье играть на неожиданностяхъ. Съ меня снимали допросъ Добржинскій и жандармскій офицеръ въ синихъ очкахъ, кажется, по фамиліи Ивановъ. Они сидѣли другъ противъ друга за однимъ столомъ со мной, мѣшали перекрестные вопросы по дѣлу съ веселой болтовней о разныхъ разностяхъ, стараясь придать характеръ полной непринужденности и беззаботности всему допросу. Я съ своей стороны, зная уже показаніе Рысакова, все время сидѣлъ насторожѣ. Вдругъ одинъ изъ нихъ обращается ко мнѣ: «Г. Тырковъ, потрудитесь обернуться». — Оборачиваюсь—передо мной стоитъ Перовская. Видно было, что она очень много выстрадала за послѣдніе дни и утомилась. Поэтому я боялся задержать ее хоть одну лишнюю минуту и поторопился сказать: «не знакомъ». Ее увели.—Дверь, черезъ которую ввели Перовскую, открывалась безшумно и вела въ коридоръ, устланный ковромъ. Вѣроятно не со мной однимъ продѣлывался этотъ фокусъ, рассчитанный на эффектъ неожиданнаго появленія за спиной человѣка, шаги котораго нельзя было впередъ слышать.

Прокуратура и жандармы относились съ особенной ненавистью къ Перовской и Желябову. О Кибальчичѣ они отзывались сдержанно, безъ малѣйшаго раздраженія, уклоняясь даже отъ разговора о немъ. Онъ былъ слишкомъ философъ. Онъ велъ себя, какъ человѣкъ, стоящій внѣ партійныхъ страстей, руководствующійся въ своей программѣ общественной дѣятельности исключительно научнымъ анализомъ современности. Такое безстрастіе,

такое подчинение себя объективным выводам действовали успокоительно и примиряли с ним его противниковъ. Я слышалъ въ тюрьмѣ, вѣроятно, отъ жандармовъ, что, когда его арестовали, онъ сейчасъ же принялся за свои чертежи и чертилъ, пока ему не принесли бумаги, прямо на стѣнѣ камеры. Чертежи касались его проекта воздушной лодки. Его прямо рѣдкое, бросавшееся въ глаза спокойствіе на судѣ и въ теченіе всѣхъ послѣднихъ дней его жизни было результатомъ не столько подавляющей въ себѣ волненіе силы воли, сколько силы обобщающей мысли, принимающей всѣ причины и слѣдствія, какъ нѣчто неизбѣжное. Онъ какъ будто и себя самого и свою судьбу ставилъ въ рядъ той же неизбѣжной цѣпи явленій. Одинъ изъ самыхъ серьезно-образованныхъ людей въ партіи, онъ стоялъ въ ней, какъ мнѣ казалось, особнякомъ. Правда, я ни разу не видѣлъ его вмѣстѣ съ другими главарями-народовольцами, т. ч. мнѣ трудно судить о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но во всякомъ случаѣ онъ стоялъ внѣ конспиративной сутолоки съ ея безконечными свиданіями, толкучкой на т. наз. радикальскихъ квартирахъ, гдѣ можно было всегда застать «радикалье» всѣхъ оттѣнковъ. Я видѣлся съ нимъ только у себя и больше нигдѣ его не встрѣчалъ. Наше знакомство носило чисто частный характеръ, не было связано ни съ какими партійными интересами. Я зналъ, что онъ помѣщаетъ рецензіи по философіи и общественнымъ наукамъ. Разъ какъ-то онъ показывалъ мнѣ свою статью объ общинѣ, гдѣ онъ, помнится, доказывалъ значеніе общины, какъ формы, заключающей зародыши высшихъ экономическихъ отношеній. Его отношеніе къ дѣламъ партіи мнѣ было совсѣмъ неизвѣстно, т. ч. я даже спросилъ Гесю Гельфманъ о немъ. Она мнѣ сказала: «о, онъ у насъ техникъ». Разговоры наши велись на общія темы. Все это я говорю по тому, что пропаганда, агитація, однимъ словомъ, возня съ отдѣльными лицами была, какъ мнѣ кажется, внѣ сферы его интересовъ. Смутно помнится, что онъ переживалъ тяжелый кризисъ, стоялъ на распутьи. Не отъ него я это слышалъ, а отъ другихъ. Можетъ быть, послѣ этого кризиса, понявъ, какъ важно каждому человѣку самому опредѣлять свою дорогу, онъ не хотѣлъ никому внушать своихъ настроеній своимъ личнымъ, непосредственнымъ вліяніемъ, а, можетъ быть, просто онъ былъ поглощенъ другимъ. Только разъ за все время знакомства, уже зимой 81 г., онъ заговорилъ со мной о дѣлахъ партіи, именно о денежныхъ ея затрудненіяхъ. Въ Петербургѣ былъ тогда наѣздомъ Орловскій или Тульскій помѣщикъ, нѣкто Филатовъ, теперь уже покойный. Размѣра его средствъ я не зналъ, но слышалъ, что средства были. Это былъ въ высшей степени нервный, при этомъ совершенно сумасбродный человѣкъ. Я предложилъ тѣмъ не менѣе Кибальчичу попытать счастья получить у Филатова денегъ. Мы назначили общее свиданіе, но Филатовъ денегъ не далъ. Кибальчичъ потомъ сказалъ мнѣ: «развѣ можно съ такимъ

дуракомъ дѣло имѣть?!»—Въ обращеніи у него была простота умнаго, развитого человѣка, больше занятаго своими мыслями и общими интересами, чѣмъ собой и самолюбивыми мелкими счетами. У него была своеобразная привычка щурить глаза и пристально смотрѣть куда-то въ сторону, точно тамъ мерцала какая-то отдаленная точка, на которой онъ концентрировалъ свою мысль. Въ обыденной жизни онъ былъ, по всей вѣроятности, непрактиченъ, такъ какъ та же Гельфманъ рассказывала мнѣ про него анекдотъ такого рода. Собралось нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Кибальчичъ, и всѣ были очень голодны. Кибальчичъ вызвался принести что нибудь поѣсть и принесъ... красной смородины. Гольфманъ хохотала до слезъ и все повторяла: «кра—снѣй смородины!»—Помню, ему нравилась мысль, высказанная въ прокламаціи по поводу чутъ ли не Соловьевскаго покушенія. Тамъ говорилось, что Россія обратилась бы въ стоячее болото, если бы въ ней не появились люди, съ такимъ самоотверженіемъ заявляющіе свой протестъ, что иначе для нея наступила бы нравственная смерть.

Послѣдній разъ я видѣлъ его послѣ 1 марта. Мы встрѣтились на улицѣ, но долго оставаться вмѣстѣ находили неудобнымъ. Я спросилъ его о разрушительномъ дѣйствіи мины на Садовой улицѣ, т. е. могла ли пострадать публика на тротуарахъ и въ домахъ. Онъ далъ мнѣ такое же объясненіе, какое давалъ на судѣ, т. е. по его разсчету сила взрыва не могла распространиться на тротуары.—При прощаньи онъ задалъ мнѣ такой вопросъ: «замѣтили ли вы, что наши женщины жесточе насъ, мужчинъ?» Не помню, что я ему отвѣтилъ;—мы распрощались съ нимъ... и уже навсегда.

Въ противоположность Кибальчичу Желябовъ олицетворялъ собою боевое, наступательное настроеніе партіи. Его имя стало одно время нарицательнымъ, стало синонимомъ крайняго, не останавливающагося ни передъ чѣмъ разрушительнаго направленія. Исключительность момента и обстановки, при которой онъ предсталъ передъ обществомъ, и нѣкоторыя его личныя черты могли, пожалуй, напугать воображеніе публики. Это мнѣніе о Желябовѣ, раздутое еще извѣстной частью прессы, невѣрно уже потому, что Исполнительный Комитетъ въ своихъ дѣйствіяхъ строго держался мѣры, отлично понимая, какой скользкій путь представляетъ изъ себя терроръ. Я самъ слышалъ отъ Тихомирова, что, по его мнѣнію, Исполнительный Комитетъ долженъ состоять изъ людей высоконравственныхъ, въ чемъ, разумѣется, и могла только заключаться гарантія этой мѣры.

Желябовъ былъ высокаго роста, брюнетъ, съ довольно длинной окладистой бородой, красивыми, мелкими чертами лица, небольшими, но живыми, умными глазами. Хорошій ораторъ, живой, дѣятельный, вѣроятно, предприимчивый, съ умѣньемъ бить на эффектъ, когда онъ считалъ это нужнымъ—изъ разсчета надѣлать шуму, заставить людей говорить и думать. На видѣнной мной гравюрѣ,

изображающей процессъ 1 марта, Желябовъ сидитъ, облокотившись на что-то, въ полуоборотъ къ суду, внимательно слушая, подавшись корпусомъ впередъ. Въ этой позѣ, знакомой мнѣ и раньше, сказывались напряженный, живой интересъ, нетерпѣніе, готовность напасть или отразить ударъ. Его сфера была улица, люди. Онъ отлично зналъ, что имѣетъ на нихъ вліяніе, и это сознаніе должно было удовлетворять его чувству, вѣроятно, развитого самолюбія. Я думаю, ему трудно бывало вдвинуть себя въ рамки партійной дисциплины. Его натура невольно стремилась подчинить себѣ окружающихъ и искала большаго простора для своей дѣятельности, но должна была, если только дѣйствительно существовали эти агрессивныя стремленія, встрѣчать, въ средѣ организаціи, отпоръ со стороны людей не менѣе сильныхъ, а, можетъ быть, болѣе глубокихъ, чѣмъ онъ. Въ его глазахъ я замѣчалъ иногда не то радость успѣха, не то чувство прилива и расцвѣта силъ. При первой моей мимолетной встрѣчѣ съ нимъ онъ произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе. Онъ передавалъ чуть ли не свои воспоминанія, вынесенныя имъ съ юга. Я слышалъ только нѣсколько конечныхъ фразъ, но мнѣ хотѣлось бы тогда слушать его безъ конца, такой интересъ возбудилъ онъ во мнѣ и собой и тѣмъ своеобразнымъ освѣщеніемъ, которое онъ придавалъ и природѣ и людямъ въ своемъ разсказѣ. Конечно, самое важное было бы вспомнить, что именно онъ говорилъ; но я отмѣчаю этотъ фактъ потому, что только даровитые, оригинальные люди способны такъ сразу захватывать слушателя.— Его дѣятельность была весьма разнообразна. Онъ выступалъ на диспутахъ, происходившихъ между Народовольцами и Чернопредѣльцами; велъ, кажется, дѣло съ рабочими; принималъ участіе въ дѣлахъ центрального Университетскаго кружка и даже помогалъ составленію самой прокламаціи, брошенной Бернштейномъ. Я случайно присутствовалъ, какъ посторонній человѣкъ, при составленіи этой прокламаціи. Желябовъ велъ себя совершенно какъ равный съ равными, какъ товарищъ. Несмотря на его тактъ, въ немъ была однако какая-то жестокость силы, которая сама неудержимо стремится впередъ и толкаетъ передъ собой другихъ.

Объ ихъ казни я узналъ не скоро, такъ какъ родные скрывали отъ меня этотъ фактъ. Но въ тюрьмѣ пронесся смутный слухъ о ней. Уголовные, разносившіе намъ пищу и кипятокъ, какъ-то шепнули мнѣ: «сегодня двухъ казнили». Уже долго спустя одинъ солдатъ-жандармъ, дежурившій при осужденныхъ по дѣлу 1 марта, передалъ мнѣ кое что о послѣднихъ минутахъ ихъ жизни.

Все они содержались въ домѣ предв. заключенія, мужчины—въ нижнемъ этажѣ, въ одиночкахъ. Ночь передъ казнью одинъ Кибальчичъ провелъ спокойно—спалъ, какъ всегда. Все другіе не спали. Желябовъ ходилъ возбужденно по камерѣ. Когда Перовскую вывели во дворъ, гдѣ ее уже ждала позорная колесница, она поблѣднѣла и запаталась. Но ее поддержалъ Михайловъ словами: «что ты,

что ты, Соня?—опомнись». Этот окликъ привелъ ее въ себя: она справилась съ минутной слабостью и твердо взошла на колесницу.

Мнѣ остается еще сказать о двухъ лицахъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ 1 марта, именно объ Елизаветѣ Николаевнѣ Оловенниковой и Петрѣ Васильевичѣ Тычининѣ.

Оловенникова принадлежала къ семьѣ, въ которой уже были свои революціонныя традиціи. Ея старшая сестра Марья Николаевна, бывшая замужемъ за Баранниковымъ (погибшимъ въ Алексѣевскомъ развѣдѣніи), играла въ то время роль въ партіи и жила на положеніи нелегальной. Знакомство Елизаветы Николаевны съ революціонерами благодаря одному этому обстоятельству было довольно близко. Она бывала и раньше арестована, но аресты кончались для нея ничѣмъ. Еще у себя въ Орлѣ, можетъ быть, еще гимназисткой, она участвовала въ какихъ-то кружкахъ революціоннаго характера, т. ч. къ народолюбцамъ она подошла постепенно. Сидя въ крѣпости и думая о ней, я былъ убѣжденъ, что ей не выдержать заключенія. Въ ея душѣ было столько заботливой ласки, нѣжности и прочной и глубокой привязанности ко всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ ее связывала судьба, что этой могилы и предстоявшей намъ вѣчной разлуки съ міромъ живыхъ людей ей было не перенести. При этихъ нравственныхъ особенностяхъ, которыя усиливаютъ тяжесть заключенія и разрушаютъ человѣка физически, заставляя его слишкомъ интенсивно испытывать тоску заключенія, она обладала непрочной нервной организаціей. Она дѣйствительно сошла съ ума и потомъ долго находилась въ Казанской больницѣ.

Мнѣ пришлось встрѣтить ее въ окружномъ судѣ, куда мы оба были вызваны для освидѣтельствованія въ комиссіи, состоявшей изъ врачей-психіатровъ. Она узнала меня сразу и все повторяла: «ахъ, Аркадій! дай мнѣ яду, дай мнѣ яду,—я такъ мучаюсь».—Ее мучили галлюцинаціи и, вѣроятно, тяжелыя болѣзненные ощущенія.

Петра Тычинина я тоже встрѣтилъ случайно въ домѣ предварительнаго заключенія. Надзиратели очень заботились о томъ, чтобы мы никогда не встрѣчались другъ съ другомъ, но такъ какъ народу сидѣло много—однихъ выводили на прогулку, другихъ на свиданіе и т. д., то иногда происходили неожиданныя встрѣчи. Такъ произошло и съ нами. Тычининъ былъ переведенъ сюда изъ крѣпости въ виду его душевнаго расстройства. Что это былъ за человѣкъ, я даже приблизительно не могу сказать. Онъ тоже меня узналъ и страшно обрадовался, точно онъ увидалъ давно желаннаго, своего, близкаго человѣка. Онъ бросился мнѣ на шею, нервно прижалъ къ себѣ и сказалъ, показывая себѣ на лобъ: «я немножко боленъ. Ну, да это ничего, пройдетъ... Будемъ еще жить и работать вмѣстѣ».—Опѣшившіе было надзиратели пришли въ себя и развели насъ.

По моимъ расчетамъ скорѣ послѣ этого Тычининъ умеръ. Одни говорили, что онъ бросился съ четвертой галлерей дома П. З., другіе—

что онъ влѣзъ на раковину подъ водопроводнымъ краномъ, желая заглянуть въ окно. Схватившись за желѣзную тяжелую, оконную раму, онъ увлекъ ее за собой, потерявъ равновѣсіе, и упалъ вмѣстѣ съ ней на асфальтовый полъ камеры. Рама ударила его по головѣ и убила на мѣстѣ.

Всѣхъ насъ должны были судить на т. наз. процессѣ 20-ти, но меня и Оловенникову исключили изъ числа подсудимыхъ по болѣзни. Потомъ меня могли бы судить и одного или же присоединить къ другой группѣ, но почему-то со мной поступили иначе: меня сослали въ Сибирь административнымъ порядкомъ безъ срока, а потомъ, по коронаціонному манифесту, изданному при вступленіи на престолъ Николая II, замѣнили безсрочную ссылку двадцатилѣтней.

А. Тырковъ.

Отъ редакціи. Въ виду историческаго значенія тѣхъ событій, о которыхъ рассказываетъ въ своихъ высокоинтересныхъ воспоминаніяхъ А. В. Тырковъ, мы, прежде напечатанія этихъ воспоминаній, посылали ихъ въ корректуру къ нѣсколькимъ компетентнымъ лицамъ съ просьбою снабдить ихъ своими примѣчаніями.

Вотъ что отвѣтила намъ на нашу просьбу, между прочимъ, А. П. Прибылева-Корба:

1) «Сущность дѣла съ министромъ Сабуровымъ состоитъ въ томъ, что группа народовольцевъ, которые вели сношенія отъ имени Партіи съ университетомъ, находила настроеніе петербургскаго студенчества слишкомъ пассивнымъ. Желая возбудить въ немъ революціонный духъ, эти лица предложили студентамъ университета протестовать противъ новыхъ правилъ, вводимыхъ Сабуровымъ. Организуя нападеніе на послѣдняго, Исполнительный Комитетъ имѣлъ въ виду приучить студентовъ къ активной борьбѣ противъ университетскаго режима, который воплощалъ въ себя всю мудрость политики Д. А. Толстого».

2) «Привлеченіе Рысакова къ дѣлу 1 марта состоялось при такихъ обстоятельствахъ: осенью 1880 года Исполнительному Комитету было сообщено, что студентъ горнаго института Рысаковъ предлагаетъ свои услуги для совершенія террористическаго акта. Узнавъ, что этому студенту 19 лѣтъ, Исполнительный Комитетъ былъ склоненъ вовсе не вступать съ нимъ въ переговоры, но такъ какъ лица, говорившія отъ имени Рысакова, настаивали на томъ, чтобы Комитетъ воспользовался предложеніемъ Рысакова для дѣлей партіи, то рѣшено было подвергнуть его испытанію. За нравственныя качества Рысакова ручались его знакомые, но было необходимо убѣдиться въ его мужествѣ и стойкости. Однако, это испытаніе вовсе не должно было влечь за собою неминуемо

террористическую дѣятельность Рысакова. Комитету важно было выяснитъ лишь степень довѣрія, которую заслуживалъ Рысаковъ. Испытаніе было организовано такъ: Въ октябрѣ 80 г. въ Петербургѣ получились новыя принадлежности для большой типографіи «Народной Воли», пересылались большой валь, шрифтъ и еще какіе то тяжелые предметы. Этотъ грузъ былъ отправленъ изъ провинціи по двумъ жел. дор. накладнымъ. Получка груза, конечно, представляла нѣкоторую опасность: ящики могли разбиться дорогой, могло случиться что нибудь и другое въ этомъ родѣ. Рысакову поручили получить грузъ по одной накладной. Ему было указано, по какимъ улицамъ онъ долженъ ѣхать съ ломовымъ извозчикомъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ вокзала, на мосту, его ждало лицо, посланное Комитетомъ. Лицо это должно было смѣнить Рысакова для дальнѣйшаго препровожденія ящиковъ. Рысаковъ оказался мужественнымъ и точнымъ. Въ назначенное время онъ уже былъ на мосту. Къ нему подошелъ чело-вѣкъ, котораго онъ отрекомендовалъ въ качествѣ брата, который и поѣдетъ съ нимъ дальше. Нѣсколько дней спустя Рысакову дали вторую накладную, и на этотъ разъ довѣрили ему доставить грузъ на квартиру Люстига (судился по процессу 20-ти). И на этотъ разъ онъ выполнилъ порученіе превосходно. Такъ какъ Рысаковъ продолжалъ свои сношенія съ Комите-томъ, съ цѣлью исполнять его порученія, то его привлекли къ участию въ «наблюдательномъ отрядѣ», о чемъ говоритъ Тырковъ въ своей интересной и правдивой статьѣ. Приближалась развязка: чѣмъ ближе подходило время къ 1 марта, тѣмъ болѣе событія ускоряли свой ходъ, а на роль 3-го метальщика не было вполнѣ испытаннаго чело-вѣка. Молодость Рысакова по прежнему составляла громадное препятствіе къ привлеченію его къ дѣлу, но сила вещей одержала верхъ надъ всѣми соображеніями.

Другое компетентное лицо, къ которому мы посылали корректуру статьи А. В. Тыркова, сообщило намъ, что характеристика, данная Тырковымъ Н. В. Саблину, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. «Онъ (Саблинъ), — пишетъ что лице — положительно требовалъ, чтобы ему дали бомбу, но Исполнительный Комитетъ не согласился на это, желая сберечь его».

Наконецъ, сдѣлаемъ еще одно примѣчаніе отъ себя: не знаемъ правда ли это, но мы слышали, что на роль метальщика А. И. Желябову предлагалъ свои услуги Н. А. Желваковъ, но Желябовъ отклонилъ это предложеніе именно въ виду того, что, высоко цѣня Желвакова, считалъ нужнымъ сохранить его для дѣйствій въ будущемъ еще болѣе рѣшительныхъ и быть можетъ въ обстановкѣ еще менѣе благоприятной. Послѣдующей судьбой своей Желваковъ доказалъ, что Желябовъ нисколько не ошибался въ своемъ высокомъ о немъ мнѣніи.

Воспоминанія студента-солдата.

«Званіе солдата—почетное званье.
Солдаты защищают престолъ—
отечество отъ враговъ внутрен-
нихъ и вѣшнихъ».

(Изъ уроковъ солдатской
«словесности»).

Въ февралѣ 1901 года мнѣ на практикѣ пришлось позна-
комиться съ знаменитыми «временными правилами 29 іюля 1899 г.»
о сдачѣ студентовъ въ солдаты за безпорядки. Ровно 5 лѣтъ
прошло уже съ тѣхъ поръ; пять лѣтъ—цѣлая вѣчность; многое исчезло
уже изъ памяти безвозвратно, многое ужъ не такъ волнуетъ, какъ
прежде, и тѣмъ не менѣе хочется увѣковѣчить по крайней мѣрѣ
то, что еще не совсѣмъ забыто и что сумѣло оставить по себѣ
неизгладимый слѣдъ.

Теперь, когда близится ликвидація «старого порядка» и скоро
придетъ «настоящій день», тотъ долго жданный день, когда судъ
освобожденнаго народа властно призоветъ къ отвѣту палачей
свободы,—теперь мнѣ кажется не лишнимъ вписать въ обвини-
тельный актъ умирающаго режима еще одну страничку: о сдачѣ
студентовъ въ солдаты. Литература совсѣмъ не касалась этого
факта, хотя онъ и не прошелъ незамѣченнымъ.

I.

Безпорядки 1901-го г. въ Петербургскомъ Университетѣ
были отголоскомъ кievскихъ безпорядковъ. Въ Кіевскомъ Уни-
верситетѣ впервые примѣнены были тогда «временныя правила»,
и около 200 человѣкъ сданы были въ солдаты на разные сроки.
(отъ 1—3 лѣтъ). Не безпорядки сами по себѣ, а именно сдача въ
солдаты и вызвала движеніе въ Петербургскомъ Университетѣ.
Студенчество глухо волновалось. Началась агитація за выра-
женіе протеста въ той или другой формѣ. Форма должна была
выработаться на сходкахъ, и сходки состоялись въ послѣднихъ
числахъ января. На первой сходкѣ вопросъ не былъ рѣшенъ
окончательно, потому что на ней было слишкомъ мало студен-

товъ. Вторая сходка должна была считаться рѣшительной при всякомъ числѣ участниковъ.

Какъ ни возмутителенъ былъ фактъ сдачи кievлянъ въ солдаты, онъ не могъ сплотить всего студенчества для дружнаго протеста. Немного нашлось охотниковъ раздѣлить судьбу кievскихъ товарищей. Было ясно, что правительство не задумается отдать въ солдаты и петербургскихъ студентовъ, если начнутся «безпорядки». Попечитель учебнаго округа—г. Сонинъ извѣщалъ студентовъ, что правительство намѣрено карать на основаніи высочайше утвержденныхъ 29 іюля 1899 г. «временныхъ правилъ». Въ длинномъ корридорѣ Университета красовались объявленія, за подписью г. Сонины, призывавшія къ порядку и обѣщавшія въ то же самое время и бараній рогъ, и ежовыя рукавицы. Чѣмъ сильнѣе было броженіе—тѣмъ грознѣе становился тонъ этихъ объявленій и послѣ рѣшительной сходки, на которой присутствовало около 300 студентовъ, сходки, конечно, нелегальной (дѣло происходило въ 1901 году), г. Сонинъ увѣдомилъ студентовъ, что по распоряженію министра народнаго просвѣщенія—Боголѣпова составлено уже «особое совѣщаніе для примѣненія временныхъ правилъ» и, такъ какъ сходка большинствомъ голосовъ рѣшила путемъ обструкціи прекратить занятія въ Университетѣ, г. попечитель призывалъ «благоразумную» часть студенчества воздержаться отъ участія въ безпорядкахъ и «дать дружный отпоръ кучкѣ насильниковъ, которая будетъ пытаться терроризовать студенчество». Ихъ—этихъ насильниковъ, говорилъ Сонинъ, «можно поистинѣ назвать сверхъ-студентами».

Обструкція, рѣшенная сходкой, была единственнымъ средствомъ прекратить занятія, но въ виду того, что она прошла на сходкѣ небольшимъ большинствомъ, да и сама сходка была совсѣмъ не многочисленна—можно было заранѣе предсказать, что она не достигнетъ цѣли и будетъ обречена на неудачу. Тѣмъ не менѣе обструкція началась. Обструкціонистовъ оказалось не болѣе 50 человекъ. Первый день обструкціи былъ сравнительно удаченъ: удалось «сорвать» нѣсколько лекцій. На второй день дѣло шло уже плохо, потому что часть обструкціонистовъ была арестована и прѣпровождена въ часть. И, наконецъ, 3-й день прошелъ совершенно неудачно. Насъ—обструкціонистовъ было всего 12 человекъ и, сдѣлавъ безплодную попытку остановить чтеніе лекцій въ 2-хъ аудиторіяхъ—мы прекратили обструкцію. Дѣло было проиграно.

Я принималъ участіе въ обструкціи только въ послѣдній день, а на завтра былъ вытребованъ въ охранное отдѣленіе, гдѣ у меня отобрали входной билетъ въ Университетъ и объявили, что я преданъ суду «особаго совѣщанія по примѣненію временныхъ правилъ» за мое участіе въ университетскихъ безпорядкахъ, и что о времени и мѣстѣ суда я буду извѣщенъ особо.

Въ охранномъ отдѣленіи я встрѣтилъ еще нѣсколько товарищей, которые вытребованы были по тому же самому дѣлу.

II.

Прошло 3—4 дня и я получилъ повѣстку съ приглашеніемъ явиться въ канцелярію попечителя учебнаго округа на судъ «особаго совѣщанія». Взявъ извозчика, я отправился вечеромъ въ канцелярію попечителя.

Шелъ, если не ошибаюсь, второй или третій день суда. Въ первый день судили товарищей, арестованныхъ въ самомъ началѣ obstructiи и сидѣвшихъ въ части. Ихъ привозили изъ участка, а потомъ препровождали обратно.

Въ большой комнатѣ, отведенной спеціально для подсудимыхъ, набралось около 20 студентовъ Университета. На нѣкоторыхъ лицахъ было написано волненіе; нѣкоторые оставались совершенно спокойными. Здѣсь началось наше первое знакомство другъ съ другомъ. Разговаривать особенно не хотѣлось.

Таинственная дверь скрывала отъ насъ синедрионъ, собравшійся уже почти въ полномъ составѣ. Въ одной изъ комнатъ, какъ мы узнали послѣдствіи, заперты были педеля Университета; особая комната отведена была и для субъ-инспекторовъ. И тѣ и другіе должны были «уличать» и лжесвидѣтельствовать, если бы подсудимые стали отрицать свое участіе въ безпорядкахъ. Послѣ долгаго и томительнаго ожиданія таинственная дверь отворилась, и судъ вызвалъ одного изъ товарищей. Я ждалъ очереди. Наконецъ, очередь моя настала, и я вошелъ въ комнату засѣданія суда, вошелъ и осмотрѣлся.

Въ срединѣ—предсѣдатель суда—попечитель учебнаго округа г. Сонинъ, онъ же и судебный слѣдователь, потомъ ректоръ Университета проф. Гольмстенъ, военный судья—генералъ Никифоровъ, нач. отд. деп. полиціи—Янкулю, чиновникъ мин. юстиціи Максимовичъ, профессора: Платоновъ, Дювернуа, бар. Розенъ, Шевяковъ. Участіе профессоровъ въ отдачѣ студентовъ въ солдаты должно быть особенно отмѣчено. Неизгладимое пятно въ исторіи петербургской профессуры оставлено профессорами Гольмстеномъ, Платоновымъ, Дювернуа, барономъ Розеномъ и Шевяковымъ. За отдѣльнымъ столикомъ секретарь Университета записываетъ показанія и составляетъ протоколы засѣданія. Удовольствіи личностъ, предсѣдатель начинаетъ допросъ.

Допросъ тянется не долго: 1) былъ ли на сходкѣ, 2) за что голосовалъ, 3) ходилъ ли по аудиторіямъ. Я ограничиваюсь краткими отвѣтами на предложенные вопросы и подписываю протоколъ своихъ показаній.

Мнѣ хотѣлось въ показаніяхъ рассказать Сонину о томъ впечатлѣніи, которое производили на меня (да и на другихъ товарищей, должно быть, тоже) его объявленія, и я заявляю на судѣ, что послѣ прочтенія возмутительныхъ прокламацій попечителя учебнаго округа во мнѣ уже не было колебаній, присоединяться ли къ товарищамъ. Господинъ Сонинъ рѣзкимъ, раздражитель-

нымъ тономъ просить секретаря у—та занести въ протоколъ, что его объявленія я нахожу и называю «возмутительными». Одинъ изъ профессоръ-судей (не помню ужъ теперь, кто именно) задаетъ мнѣ вопросъ: «ну, а скажите, если бы не было объявленій отъ попечителя учебнаго округа, стали бы вы ходить по аудиторіямъ?»

Зачѣмъ профессору нужно было задать этотъ вопросъ — не знаю. Быть можетъ, ему представилось, что я хочу выгородить себя или указать на «смягчающія обстоятельства».

— «Конечно, сталъ бы», отвѣчаю я.

— «Больше ничего» — говоритъ профессоръ.

Военный генералъ освѣдомляется, къ какому участку по отбыванію воинской повинности я приписанъ, и предсѣдатель предлагаетъ мнѣ удалиться.

Приблизительно въ такомъ же духѣ допрашивались на судѣ и остальные товарищи.

Теперь нѣсколько словъ по поводу выраженія «ходить по аудиторіямъ». Почти все товарищи (а въ томъ числѣ и я) говорили на судѣ не о томъ, что мы проводили обструкцію, а что мы ходили по аудиторіямъ, чтобы сказать профессорамъ, какъ стыдно читать лекціи въ такое время, и чтобы спросить ихъ, какого на этотъ счетъ мнѣнія придерживаются они. Когда я сказалъ это Сониному, онъ спросилъ меня: «зачѣмъ же вамъ было ходить къ проф. Маркову — вѣдь онъ же математикъ». — «Что же изъ этого?» отвѣтилъ я.

Господинъ Сонинъ находилъ, очевидно, что математику не полагается имѣть никакихъ мнѣній и больше всего приличествуетъ быть предсѣдателемъ позорнаго суда (Сонинъ — самъ профессоръ математики). Нужно сказать, что это былъ поистинѣ «шемякинъ судъ». Г. Предсѣдатель предлагалъ нѣкоторымъ товарищамъ выразить раскаяніе во всемъ содѣянномъ и рисовалъ заманчивыя перспективы возвращенія домой. «Въ нашей власти», говорилъ онъ, «отдать васъ въ солдаты, въ нашей власти отпустить васъ домой». Онъ не стѣснялся говорить, что «здѣсь судятъ по впечатлѣнію». Остальные судьи ограничивались молчаливымъ одобреніемъ. Потомъ, когда появились уже приговоры, мы поняли, что значить «судить по впечатлѣнію»: достаточно было имѣть бороду и угрюмый видъ, дерзко отвѣчать на задаваемые вопросы, чтобы получить крайній срокъ полагавшагося наказанія — 3 года солдатской службы. Двое или трое были «оправданы». Кто знаетъ? Быть можетъ, они «раскаялись» и этой цѣной купили себѣ прощеніе.

Въ день суда приговоры объявлены намъ не были. Товарищи, арестованные раньше — снова препровождены были въ часть, бывшіе же на свободѣ отправились по домамъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и я.

Курьезнымъ образомъ избѣжалъ горькой участи быть сданнымъ въ солдаты одинъ товарищъ-обструкціонистъ. Когда полиція искала

и арестовывала обструкціонистовъ, онъ нѣсколько дней не былъ у себя на квартирѣ, и повѣстки съ приглашеніемъ на судъ вручить ему не могли. Судъ уже закончился, «особое совѣщаніе» было распушено, и приговоры состоялись, когда онъ явился къ Сонину и предложилъ судить его одинаково со всѣми товарищами; онъ заявилъ при этомъ, что въ обструкціи участвовалъ совершенно сознательно.

— Не собирать же снова ради васъ одного «особаго совѣщанія» сказалъ, выслушавъ его, Сонинъ. Такъ и не пришлось ему служить на «почетной» службѣ.

III.

Нѣсколько дней послѣ суда провелъ я дома въ ожиданіи своей участи. Наконецъ, 6-го февраля раннимъ утромъ я былъ пробужденъ околоточнымъ надзирателемъ, который и предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Въ дорогѣ я долго соображалъ, куда меня везутъ, пока не остановился передъ Нарвской частью.

Въ канцеляріи участка записали мою фамилію, а потомъ провели на верхъ въ «арестантскія» камеры. Я пріѣхалъ одинъ изъ первыхъ. Въ камерѣ на нарахъ лежалъ пока только одинъ товарищъ-студентъ. Но вскорѣ начали подвозить и другихъ товарищей. Часамъ къ 10 всѣ приговоренные къ солдатской службѣ были уже доставлены въ участокъ. Не доставало только одного товарища, котораго привезли къ вечеру, схвативъ его на улицѣ при выходѣ изъ студенческой столовой. Насъ оказалось всего 28 человекъ. Хотя официально приговоръ объявленъ намъ не былъ, но каждый изъ насъ зналъ уже, на сколько лѣтъ онъ осужденъ, потому что наканунѣ въ Университетѣ вывѣшено было объявленіе съ обозначеніемъ срока службы.

Шумно, весело... Въ нашемъ распоряженіи 2 большихъ камеры. Публика изъ «общества» не скупится на приношенія—передаютъ яблоки, конфеты, съѣстные припасы... Начиваются свиданья съ родными. Одного за другимъ вызываютъ въ нижнее помѣщеніе участка. Скоро все это надоѣдаетъ и утомляетъ, и мы хотимъ скорѣе выяснитъ свое положеніе. Впереди полная и томительная неизвѣстность. Одно только можно знать, что ничего хорошаго тамъ нѣтъ. Проходитъ день, другой... Въ участокъ является начальникъ охраннаго отдѣленія Пирамидовъ и проситъ сказать, кому нужны полушубки и желтые сапоги. «Какіе полушубки, какіе сапоги, зачѣмъ?» спрашиваемъ мы его съ удивленіемъ, и Пирамидовъ поясняетъ, что желтые сапоги и полушубки полагаются новобранцамъ при отправленіи въ дорогу.—«Но вѣдь намъ же еще не объявляли приговора?»—«Это ничего не значитъ—вы всѣ приговорены къ сдачѣ въ солдаты и если не хотите оставаться безъ сапоговъ и полушубковъ—заявляйте объ этомъ сейчасъ»—и Пирамидовъ удаляется.

Отъ сапоговъ мы отказываемся и требуемъ прокурора судеб-

ной палаты. Послѣ долгихъ объясненій съ тюремной администраціей намъ удается вызвать товарища прокурора. Мы пробуемъ объяснить ему, что держать насъ въ части и не сообщать причины ареста — незаконно, требуемъ, чтобы намъ официально объявили приговоръ суда. Товарищъ прокурора общается занять нашимъ дѣломъ безотлагательно. Еще два дня ждемъ мы отвѣта и подаемъ уже письменное коллективное заявленіе, что мы объявляемъ голодовку до тѣхъ поръ, пока намъ не скажутъ, что съ нами намѣрены дѣлать, и пока не объявятъ приговора.

Депутація подаетъ это заявленіе Пирамидову, и мы начинаемъ голодать, отказываемся отъ всѣхъ передачъ, которыя приносятъ намъ, отказываемся отъ роскошныхъ обѣдовъ, которые давались намъ по распоряженію свыше.

Голодовка оказалась сильно дѣйствующимъ средствомъ, и въ ночь на 11 февраля мы узнали все, что хотѣли, но не такъ, какъ хотѣли... Около полуночи дверь въ арестантское отдѣленіе участка отворилась, и въ корридоръ ввалилась цѣлая ватага разныхъ «чиновъ» во главѣ съ воинскимъ начальникомъ. Грубо — по солдатски воинскій начальникъ крикнулъ всѣмъ намъ «чтобы черезъ 40 минутъ всѣ мы были готовы въ дорогу». Всѣ мы, быстро одѣвшись, вышли въ корридоръ объясняться съ новымъ начальствомъ, всѣ были возмущены солдатскимъ обращеніемъ и повелительнымъ тономъ.

— «Мы не поѣдемъ», заявляетъ воинскому начальнику одинъ изъ товарищей.

— «Кто это сказалъ: не поѣдемъ?» кричитъ воинскій начальникъ.

— «Сказалъ это я», спокойно отвѣчаетъ ему товарищъ; «но со мной согласны всѣ товарищи».

Ошеломленный неповиновеніемъ, воинскій начальникъ представляетъ намъ на размышленіе 10 минутъ и заявляетъ, что по истеченіи ихъ, онъ будетъ дѣйствовать силой съ помощью команды, которую онъ съ собой привелъ. Послѣ нѣкотораго размышленія мы рѣшаемъ подчиниться и начинаемъ собирать вещи. Черезъ 10 минутъ снова появляется воинскій начальникъ, прочитываетъ намъ въ корридорѣ «приговоръ», т. е. сообщаетъ, кто на какой срокъ данъ въ солдаты.

Сквозь строй казаковъ проходимъ мы во дворъ участка. Здѣсь насъ ожидаютъ уже подводы: 2-ое большихъ пожарныхъ саней и карета. Въ однѣ пожарныя сани укладываютъ наши вещи, въ другія помѣщаютъ насъ, отправляемыхъ въ городъ N, а въ карету усаживаютъ 4-хъ товарищей, назначенныхъ въ Ямбургъ и получившихъ въ наказаніе по 3 года службы. Карета сейчасъ же выѣзжаетъ на Царскосельскій вокзалъ. Наши сани окружаются плотнымъ кольцомъ казаковъ въ 3 ряда; гикаетъ казачій офицеръ, и мы несемъ на Варшавскій вокзалъ по безлюднымъ, пустыннымъ улицамъ: ихъ «очистили» къ нашему проѣзду. Въ присутствіе намъ воинскій начальникъ кричитъ: «На вокзалѣ ждетъ г. воен-

ный министр; обращаясь къ нему, называйте его: «Ваше Высочество»...

IV.

Вокзалъ... Въ двѣ шеренги стоятъ солдаты; между ними узкій проходъ, какъ дорожка. Она идетъ къ подъѣзду вокзала, проходитъ черезъ весь вокзалъ, идетъ по платформѣ къ самымъ дверцамъ вагона. Вылѣзши изъ саней, прямо идешь по дорожкѣ въ самый вагонъ. Для студентовъ специально приготовлено 2 вагона 3-го класса. Въ обоихъ вагонахъ отдѣленія у дверей заняты конвоемъ; въ средину проходимъ мы. Конвоируетъ насъ еще казачій офицеръ.

Едва мы успѣваемъ занять мѣста, какъ въ нашъ вагонъ входитъ военный министръ Куропаткинъ и обращается къ намъ съ маленькой рѣчью. Онъ говоритъ, что не будетъ касаться вопроса, за что насъ сдали въ солдаты, что хочетъ только познакомить насъ, хотя бы бѣгло, съ такъ называемой воинской дисциплиной.

— «Если вы ударите офицера», говоритъ онъ: «васъ разстрѣляютъ, если вы сдѣлаете то-то—съ вами сдѣлаютъ то-то», говоритъ, что наше положеніе теперь не изъ завидныхъ и совѣтуетъ вооружиться, во-первыхъ, терпѣніемъ, а во-вторыхъ, молиться Богу, чтобы онъ помогъ намъ благополучно закончить службу. Затѣмъ г. Куропаткинъ обращается къ намъ съ довольно характернымъ вопросомъ: «Кто у васъ старшій?»—«У насъ нѣтъ старшихъ», отвѣчаемъ мы ему. Онъ проситъ насъ выбрать когонибудь нашимъ представителемъ. Выбираемъ. Куропаткинъ обращается къ выбранному представителю съ вопросомъ: «скажите—вы не будете дорогой устраивать демонстрацій?» Получивъ отвѣтъ, что демонстрацій устраивать мы не будемъ (хороши демонстраціи, когда со всѣхъ сторонъ приставлены штыки), онъ приказываетъ оставить по одному солдату у каждой дверцы и удалить остальной коѣвой.—«Я распорядился приготовить для васъ въ Гатчинѣ завтракъ», говоритъ Куропаткинъ и, пожелавъ намъ всего лучшаго, удаляется. Онъ проходитъ во второй вагонъ. Тамъ та же сцена. Впрочемъ, тамъ генералъ Куропаткинъ сказалъ товарищамъ, что въ особо экстраординарныхъ случаяхъ онъ разрѣшаетъ обращаться письменно къ нему, какъ къ военному министру.

V.

Отъ Петербурга до города N., куда мы были назначены, часовъ 8 ѣзды. Передъ нашимъ отѣздомъ изъ Петербурга военныя власти города N. были уведоменны телеграммой о прибытіи студентовъ, сданныхъ въ солдаты, а потому на вокзалѣ мы встрѣтили офицеровъ разныхъ полковъ, расположенныхъ въ N. По ходатайству конвоировавшаго насъ офицера намъ разрѣшили напиться чаю на вокзалѣ, потомъ всѣхъ насъ распредѣлили по полкамъ по 8 человекъ въ каждый полкъ (въ г. N. стоитъ 3 полка)

и въ сопровожденіи унтеръ-офицеровъ направили въ казармы. Мнѣ и еще 7 товарищамъ выпалъ на долю тяжкій жребій—насъ назначили въ—скій полкъ, славящійся невѣжествомъ офицеровъ, ихъ башибузукскими замашками, особой военной выправкой и... командиромъ полка.

Мы распрощались другъ съ другомъ и отправились по своимъ полкамъ начинать новую жизнь.

Въ канцелярію—скаго полка намъ сдѣлали перекличку и распредѣлили по ротамъ. Въ каждую роту былъ назначенъ одинъ студентъ. Потомъ въ канцелярію вытребовали фельдфебелей всѣхъ ротъ и они отвели насъ по мѣстамъ. Я назначенъ былъ въ 1-ую роту.

VI.

Въ сопровожденіи фельдфебеля я въ студенческомъ пальто и тужуркѣ вхожу въ помѣщеніе 1-ой роты—въ казарму. Впервые въ своей жизни переступаю я порогъ солдатской казармы.

До сихъ поръ съ этимъ словомъ связывалось въ моемъ представленіи что то гнетущее, непріятное. Дѣйствительность превосходитъ однако всѣ ожиданія. Въ казармѣ полумракъ; темно, непривѣтливо. Небѣленыя, грязныя, бревенчатыя стѣны смотрятъ какъ то угрюмо и словно хотятъ сказать: «оставь всякія надежды входящій сюда».

Всѣ вещи, вся немудреная обстановка казармы расположены въ строго опредѣленномъ порядкѣ, какъ будто и они заражены дисциплиной и боятся нарушить этотъ установленный порядокъ. Подъ потолкомъ на деревянныхъ балкахъ и стѣнахъ развѣшены длинныя, длинныя картонныя ленты съ крупными надписями. Что это?

«Пуля дура, штыкъ—молодецъ», гласитъ одна изъ нихъ...

«Коли штыкомъ скоро; помни, что на него другой просится».

«Нѣтъ патроновъ — коли штыкомъ, штыкъ сломался — бей прикладомъ, прикладъ сломался — кусай зубами». Все это афоризмы знаменитаго Суворова...

У стѣнъ стоятъ стойки со вложенными въ нихъ винтовками. Отъ одного до другого конца казармы тянется длинный рядъ коекъ, одинаково застланныхъ. Между рядами коекъ проходъ шага въ два. Въ воздухѣ виситъ брань, ругань.

Мой студенческій костюмъ сразу привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе солдатъ. Одни встаютъ и вытягиваются какъ передъ начальствомъ, другіе удивленно смотрятъ. Провожаемый сотней любопытныхъ глазъ, я слѣдую за фельдфебелемъ.—«Вотъ ваша койка», говоритъ фельдфебель. Я останавливаюсь и занимаю свое мѣсто. Солдаты одинъ за другимъ подходятъ и смотрятъ. Чѣмъ дальше—тѣмъ смѣлѣе становятся они. Я вижу, какъ они располагаются кругомъ на койкахъ. Всѣ смотрятъ внимательно, но никто не предлагаетъ никакихъ вопросовъ. Я скромно потупляю глаза и чувствую, какъ чужіе взгляды прямо таки жгутъ меня. Нако-

нецъ фельдфебель, видя мое смущеніе, кричитъ, чтобы всѣ разошлись и что здѣсь «глазѣть нечего»...—«Какъ вы сюда попали?» спрашиваетъ наконецъ меня одинъ солдатикъ-полякъ.

— «За безпорядки».—«А, вотъ оно что»... Онъ сочувственно спрашиваетъ меня объ университетскомъ движеніи, говоритъ, что плохо и тяжело придется мнѣ теперь.—«А впрочемъ, сами увидите», говоритъ онъ. И я дѣйствительно увидѣлъ самъ...

Черезъ 2 часа у меня былъ уже совершенно другой видъ: форму съ меня сняли, мои кудри обрѣзали, надѣли на меня сапоги, которые были по крайней мѣрѣ вдвое больше моей ноги, надѣли солдатскій мундиръ, и я слился съ общей массой и пересталъ обращать на себя вниманіе своихъ сослуживцевъ. Изъ разспросовъ солдата-поляка (онъ оказался полуинтеллигентнымъ человекомъ) я выяснилъ себѣ офицерскій составъ полка и въ частности нашей роты. Въ тотъ же день я и лично познакомился со своимъ начальствомъ.

Ротный командиръ—капитанъ Шарманкинъ¹⁾, потребовалъ къ себѣ студента. Онъ распросилъ меня, кто я, какого факультета и т. д., при чемъ тщательно избѣгалъ обращаться ко мнѣ съ какимъ-либо мѣстоименіемъ.

Съ отчаяннымъ настроеніемъ всматривался я въ новую жизнь. Въ двухъ шагахъ отъ меня, въ помѣщеніи второй роты находился товарищъ—студентъ, который, вѣроятно, чувствовалъ себя тоже не особенно хорошо. Но видѣться съ нимъ было нельзя. Намъ почему то воспретили свиданія другъ съ другомъ.

VII.

На второй день начинается уже настоящая солдатская жизнь. Рано утромъ вмѣстѣ съ другими солдатами поднялся и я. Рота ждала офицеровъ, которые должны начать ученье. До прихода офицеровъ солдаты одѣвались и подъ командой фельдфебеля дѣлали гимнастику.

Въ 8 часовъ появляются и офицеры: командиръ роты и два молодыхъ офицера—подпоручикъ и поручикъ.—«Смирно!» кричитъ при ихъ входѣ фельдфебель. Рота вытягивается въ струнку.—«Здорово, ребята!» обращается къ солдатамъ ротный командиръ и 100 голосовъ, какъ бы обезумѣвъ отъ ужаса, кричатъ: «Здравія желаемъ, Ваше Высокоблагородіе!» Начинается ученье. Солдаты изучаютъ ружейные приемы. Два-три часа съ маленькими передышками берутъ они «на плечо», «на к'рауль», «на руку» и т. д. Смотрѣтъ скучно, томительно. Рота замерла—ни одного звука. Машинально выполняютъ они приказы. Это уже не люди, а автоматы. Каждый старается точно и быстро выполнить то, что ему приказано.

Гулко раздается команда офицера. Команда—сразу за ней звякаютъ ружья, и приемъ готовъ. Офицеры дѣлаютъ замѣчанія.

¹⁾ Эта и другія фамиліи вымышлены.

У того «недовернутъ» носокъ, у другого тотъ же носокъ «перевернутъ» и т. д. и т. д.

Я стою въ сторонкѣ и жду, что будетъ дальше. Молодые офицеры смотрятъ на меня какъ на диковиннаго звѣря. Ко мнѣ подходитъ капитанъ Шарманкинъ.—«Здравствуйте», говоритъ онъ.—«Здравствуйте», отвѣчаю я ему. Выбравъ одного унтеръ-офицера, ротный командиръ назначаетъ мнѣ его въ учителя и объясняетъ, что учиться я буду отдѣльно отъ роты, потому что рота уже кое что знаетъ, а я только что пріѣхалъ и еще профанъ. Мнѣ выдаютъ винтовку, и начинается мой первый урокъ. Ружьемъ владѣть совершенно не умѣю, и ученье дается сначала съ нѣкоторыми трудностями.

Наконецъ, ученье кончается; офицеры уходятъ. Но оказывается, что еще не совсѣмъ конецъ. Это была лишь практическая часть; теперь начинается теорія или «словесность», какъ она почему то называется. Въ роли преподавателей и лекторовъ выступаютъ уже унтеръ-офицеры. Рота разбивается на небольшіе кружки, и въ разныхъ концахъ казармы начинаются уроки «словесности».

Меня учатъ опять отдѣльно. Унтеръ, мой учитель, показываетъ мнѣ учебникъ и начинаетъ оттуда читать, а меня проситъ внимательно слушать.—«Что такое солдатъ?» читаетъ онъ по учебнику, и дальше: «Солдатъ есть слуга царя и отечества и защитникъ ихъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ».—«Ну, повтори», говоритъ онъ мнѣ: «что такое солдатъ?» Я повторяю, а мой учитель смотритъ внимательно въ учебникъ.—«Не такъ», говоритъ онъ, замѣтивъ, что слова въ моемъ отвѣтѣ расположены не въ такомъ порядкѣ, какъ въ учебникѣ. Затѣмъ онъ знакомитъ меня со всѣмъ царствующимъ домомъ, при чемъ каждую «особу» этого дома величаетъ полнымъ титуломъ и меня заставляетъ дѣлать то же самое: знакомитъ съ начальствомъ: командиромъ полка, батальона, бригады, дивизіи, корпуса. Я долженъ запоминать ихъ имена и пр.—«А ну-ка, кто у тебя начальникъ дивизіи?» провѣряетъ онъ мои познанія. Для облегченія изученія всей этой премудрости онъ указываетъ мнѣ на стѣну, гдѣ на листѣ бумаги поименованы всѣ «чины» и «особы», и рекомендуетъ почаще читать этотъ листъ. Курьезный у меня учитель—настоящая *sancta simplicitas*—онъ даже не понимаетъ, что грамотѣ я уже обученъ давно и что изучать «словесность» могу уже безъ его помощи и безъ особыхъ затрудненій. Я улыбаюсь его замѣчаніямъ, а онъ совершенно серьезенъ. Только черезъ нѣсколько дней онъ понялъ свое положеніе и смущенно заявилъ мнѣ, что отъ дальнѣйшаго преподаванія онъ отказывается и проситъ меня самого заняться по книгѣ. Вечеромъ опять занятія—опять ружейные приемы, потомъ ужинъ, молитва, и утомленные «нижніе чины» укладываются спать.

Каждый день въ казармѣ похожъ одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Скучно и монотонно тянется время. Муштровка, полуголодное существованіе и тяжелый, тяжелый сонъ, цѣлая

масса оскорбленій, оскорбленій, глубоко и сильно задѣвающихъ человѣческую личность, и желѣзная дисциплина съ драконовскими законами, отнимающими всякую возможность самозащиты—вотъ стѣрый, убійственный фонъ казармы. Развращенное до мозга костей безпрекословнымъ повиновеніемъ, глубоко невѣжественное офицерство считаетъ большимъ удовольствіемъ оскорблять и унижать беззащитныхъ людей. И какъ грубъ и невѣжествененъ самый объектъ для издѣвательства (громадное большинство солдатъ — сыны русской забитой и темной деревни), такъ грубы способы и средства глумленія надъ нимъ. Не дѣйствуетъ ругань—пускается въ ходъ рукоприкладство. Мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ, какъ «господа офицеры» били по лицу солдатъ. Сначала меня стѣснялись, а потомъ ничего—привыкли.

Мы — студенты составили самый подходящій элементъ для издѣвательствъ. Какъ у интеллигентныхъ людей, сознаніе собственного достоинства развито у насъ было сильнѣе и къ оскорбленіямъ мы были чувствительнѣе. Съ нами можно было обойтись и безъ рукоприкладства, тѣмъ паче, что воинскій уставъ даетъ такую широкую возможность глумиться надъ личностью и оправдываетъ рѣшительно все. Стоя на почвѣ этого устава, можно довести человѣка до сумасшествія или «преступленія» (съ точки зрѣнія этого же устава). И тогда уже нѣтъ пощады....

Уже на слѣдующій день я ясно понялъ, что мою личность здѣсь будутъ попирать ногами. Ротный командиръ — капитанъ Шарманкинъ—подошелъ ко мнѣ, какъ и прежде, но здоровался уже не такъ.

— «Здравствуй!» крикнулъ онъ мнѣ зычнымъ голосомъ. Этотъ «зычный» голосъ въ—скомъ полку пѣнился дороже всего на свѣтѣ. Командиръ полка, полковникъ Вавиловъ, невѣжественный бурбонъ, любилъ, когда солдаты и офицеры полка кричали громко—«по молодецки».

— «Здравствуйте», отвѣтилъ я. — «Я тебѣ не Вы, а Ваше Высокоблагородіе, и не здравствуйте, а здравія желаю. Отвѣчай какъ слѣдуетъ—по уставу», отвѣтилъ мнѣ капитанъ. Съ тѣхъ поръ каждый день онъ буквально издѣвался надо мной, когда утромъ приходилъ въ казарму. Онъ останавливался противъ меня, закладывалъ руки въ карманы и «здоровался», а когда я отвѣчалъ «по уставу», онъ заставлялъ меня кричать громче.—«Здравствуй», говорилъ онъ мнѣ. Я отвѣчалъ по уставу, а онъ заставлялъ меня кричать громче. — «Здравствуй», повторялъ онъ. Я отвѣчалъ по прежнему.—«Я тебѣ сказалъ—громче. Здравствуй!»...

Такъ пользовался капитанъ Шарманкинъ своей властью, властью ротнаго командира....

Живетъ въ 1-ой ротѣ—скаго полка мрачная легенда о капитанѣ Шарманкинѣ. Гнусное, возмутительное преступленіе приписываетъ она ему, но мракъ неизвѣстности окутываетъ темное дѣло.

VIII.

Прошла недѣля, и полковникъ Вавиловъ, командиръ полка, устроилъ смотръ студентамъ. Намъ въ первый разъ пришлось предстать передъ его очи. Онъ обратился къ намъ съ маленькой, но вразумительной рѣчью.

— «Вы теперь солдаты. Не думайте, что вы будете пользоваться у меня какими нибудь льготами. Если вы думаете, что вамъ по образованію полагаются эти льготы — вы жестоко ошибаетесь. Я считаю васъ недоучками. Большинство изъ васъ первокурсники, значить и рѣчи не можетъ быть объ образованіи. (Самъ полковникъ едва ли кончилъ гимназію). Да въ моемъ полку и лица съ высшимъ образованіемъ никакими льготами не пользуются. Я буду требовать отъ васъ больше, чѣмъ отъ простого солдата. По моему — въ мѣсяцъ вы можете сдѣлать то, для чего простому солдату нуженъ былъ бы годъ. Время отъ времени я буду смотрѣть, чему вы научились. Помните, —скій солдатъ привыкъ высоко держать голову—этого я буду требовать и отъ васъ».

Полковникъ сдержалъ свое слово. За мѣсяцъ нашей службы въ городѣ N. онъ устроилъ намъ 5 смотровъ. Онъ, дѣйствительно, «требоваль», требоваль грубо—по солдатски...

Многое пришлось пережить за это время, а вавиловскіе смотры и до сихъ поръ еще заставляютъ вспоминать о себѣ съ содроганіемъ, и до сихъ поръ свѣжа еще въ моей памяти возмутительнѣйшая сцена, разыгравшаяся на одномъ изъ этихъ смотровъ.

Полковникъ заставлялъ насъ по одиночкѣ дѣлать ружейные приемы. Въ числѣ этихъ приѣмовъ есть одинъ, который называется «на изготовку». Ружье вскидывается на руки, для того, чтобы потомъ взять его на прицѣлъ. Держать долго ружье въ такомъ положеніи, держать твердо—такъ, чтобы не дрожали руки—довольно трудно. Одинъ изъ товарищей по командѣ полковника продѣлывалъ ружейные приемы. Онъ взялъ «на изготовку» и, ожидая новой команды, держалъ ружье нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи. Сначала держалъ твердо, а потомъ руки начали дрожать.

— «Держи крѣпче!» крикнулъ полковникъ.—«Я не могу—усталъ», отвѣтилъ ему товарищъ. Полковникъ обратился тогда къ его учителю—унтеръ-офицеру и спросилъ его: «скажи, братецъ, въ казармѣ онъ хорошо дѣлаетъ гимнастику?»—«Такъ точно, хорошо, Ваше Высокоблагородіе». Тогда полковникъ Вавиловъ, подойдя къ товарищу, выхватилъ у него изъ рукъ винтовку, толкнулъ его въ спину и сказалъ: «Я думалъ, что ты—солдатъ, а ты, оказывается, негодяй. Подъ арестъ его», распорядился полковникъ. Товарища схватили и увели; насъ полковникъ приказалъ расцуетить по ротамъ и распорядился назначить намъ въ учителя простыхъ солдатъ вмѣсто унтеръ-офицеровъ, находя,

что брать «уроки» у унтеръ-офицероръ для насъ слишкомъ большая честь. Онъ думалъ, что этимъ онъ можетъ насъ оскорбить. Пострадавшій товарищъ писалъ потомъ письмо военному министру, но что вышло изъ этого письма—не знаю.

Послѣ каждого смотра полковникъ Вавиловъ въ приказахъ по полку констатировалъ успѣхи или неуспѣхи студентовъ.

Жить въ казармѣ приходилось очень плохо. Среди общества знакомствъ у насъ сначала не было, но они скоро завелись, и по праздникамъ мы стали отдыхать душой отъ казарменной атмосферы. Добиться отпусковъ было чрезвычайно трудно, да мы бы и не добились, если бы на полковника Вавилова не повлияла одна дама съ положеніемъ въ обществѣ. Только благодаря ей просьбамъ Вавиловъ согласился увольнять насъ въ городъ. Ходили мы въ сопровожденіи специально назначенныхъ «дядекъ». Эти «дядьки» провожали насъ въ отпускъ, ждали тамъ и потомъ доставляли насъ снова въ казармы. Какъ ни томительна была процедура полученія отпускного билета—провести нѣсколько часовъ внѣ казармы было такъ заманчиво, что мы, не задумываясь, продѣлывали ее до конца. Въ отпускѣ мы узнавали новости, читали газеты. Мы узнали тамъ, что вскорѣ послѣ сдачи насъ въ солдаты рукой Карповича убить былъ министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ. Полковникъ Вавиловъ говорилъ намъ потомъ на одномъ изъ своихъ смотровъ: «Я считалъ васъ хорошими солдатами, оказывается, что среди васъ есть злобствующій элементъ». Онъ разумѣлъ Карповича, и такъ какъ Карповичъ солдатомъ не былъ, то, очевидно, полковникъ Вавиловъ всѣхъ студентовъ склоненъ былъ считать солдатами.

IX.

Съ солдатами-сослуживцами мнѣ мало удалось сойтись. Служба въ—скомъ полку была слишкомъ непродолжительна—всего мѣсяцъ. Когда насъ сдавали въ солдаты, то предвидѣли возможность пропаганды въ войскахъ, а потому предполагали переводить изъ одного полка въ другой, чтобы не дать намъ возможности близко познакомиться и сойтись съ нижними чинами.

Солдаты—это темное, забитое стадо, несущее свой крестъ съ удивительнымъ смиреніемъ и покорностью. Мнѣ ни разу не пришлось видѣть возмущенія и протеста, хотя причинъ для нихъ было болѣе, чѣмъ достаточно: удерживаетъ страхъ наказанія, съ одной стороны, и дисциплина съ другой. Она притупляетъ и обезличиваетъ. Мнѣ не приходилось слышать въ своей ротѣ хоть мало-мальски критическаго отношенія къ распоряженіямъ «начальства». На мой вопросъ: «стали ли бы вы стрѣлять въ народъ, если бы васъ заставили. Должны же, вѣдь, вы понять, что народъ борется за лучшую долю и счастье»—мнѣ отвѣчали:

«начальство заставило бы, такъ и стрѣлять бы стали. Что же сдѣлаешь». И они, дѣйствительно, стрѣляли въ томъ же году по обуховскимъ рабочимъ. Мы въ это время были уже въ другихъ полкахъ.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я, когда кончится этотъ проклятый мѣсяцъ, когда я переѣду въ какое нибудь другое мѣсто, гдѣ, можетъ быть, будетъ такъ же плохо, но ужъ, конечно, не хуже. А дни шли такъ убійственно медленно. Жить становилось все хуже и хуже. Начальство низшаго типа—унтеръ-офицеры и фельдфебель становилось все грубѣе и грубѣе: оно брало примѣръ съ офицеровъ, которые и сами были сознательно грубы и поощрялись къ тому же полковникомъ Вавиловымъ. Особенно плохо стало жить послѣ того, какъ къ намъ пріѣхалъ ревизоръ по распоряженію командующаго петербургскимъ военнымъ округомъ. Незадолго до пріѣзда этого ревизора намъ разрѣшили видѣться другъ съ другомъ и вмѣстѣ обѣдать...

Я обѣдалъ однажды съ товарищемъ въ помѣщеніи его роты, какъ вдругъ за мной прибѣжалъ солдатикъ первой роты и сказалъ мнѣ, чтобы я скорѣе, скорѣе шелъ въ свою роту, что тамъ меня ждутъ. Я отправился. Въ ротѣ я засталъ уже ревизора—казацкаго генерала. Съ нимъ вмѣстѣ былъ полковникъ Вавиловъ и офицеры полка. Генералъ стоялъ около моей койки и ждалъ меня. Я подошелъ къ нему и остановился.—«Ты какого факультета?» спросилъ онъ меня.—«Физико-математическаго».—«Это твоя койка?» и генералъ, ткнувъ пальцемъ въ мою постель, поднялъ одеяло.—«Моя», отвѣчалъ я.—«А гдѣ ты былъ сейчасъ?» спросилъ генералъ. Я сказалъ, что былъ въ другой ротѣ.—«Зачѣмъ?»—«Обѣдалъ».—«Какъ обѣдалъ?» Я объяснилъ генералу, что обѣдаю съ товарищемъ вмѣстѣ, что беру обѣдъ за свой счетъ изъ офицерскаго собранія съ разрѣшенія батальоннаго командира. Генералъ нахмурился: онъ остался недоволенъ. Онъ осмотрѣлъ въ тотъ день всѣхъ студентовъ и въ приказѣ по полку заявилъ, «что со студентами здѣсь миндальничаютъ». Буквально такъ и выразился генералъ.

Руки полковника Вавилова были развязаны. Онъ пересталъ «миндальничать». Намъ снова запретили видѣться другъ съ другомъ, запретили брать обѣды и въ обращеніи уже совѣмъ перестали стѣсняться. Къ счастью, кончался уже мѣсяцъ, и мы скоро разстались съ городомъ N. Приближалось 11 марта. Наканунѣ отправки изъ N насъ—всѣхъ студентовъ, служившихъ въ N—скихъ полкахъ собрали въ одну казарму, и бригадный командиръ—большой генералъ устроилъ намъ послѣдній смотръ, а 11 марта утромъ студентовъ изъ всѣхъ полковъ привезли къ воинскому начальнику. Мы снова были все вмѣстѣ и могли дѣлиться впечатлѣніями службы другъ съ другомъ.

Х.

Въ городѣ N. кромѣ нашего —скаго полка стояли еще два полка. Товарищамъ, служившимъ въ нихъ жилось, оказывается, нѣсколько лучше чѣмъ намъ: нѣсколько лучше былъ составъ офицеровъ. Случаи грубаго издѣвательства были, правда, и тамъ, но ихъ было гораздо меньше.

Одинъ изъ такихъ случаевъ въ K—мъ полку едва не окончился трагически. Товарищъ—студентъ, оскорбленный унтеръ-офицеромъ, ударилъ его по физиономіи въ присутствіи всѣхъ солдатъ. Сначала товарища хотѣли судить, грозили каторгой, но въ концѣ концовъ дѣло обошлось сравнительно благополучно: его посадили подъ усиленный арестъ на одну недѣлю. Радостно встрѣтились мы другъ съ другомъ и странно было видѣть недавнихъ товарищей по «alma mater» настоящими солдатами. Впрочемъ, не всѣ были настоящими солдатами. Былъ среди насъ одинъ «солдатъ безъ ружья»; онъ не могъ держать въ рукахъ ружья, потому что раньше половина тѣла у него была разбита параличемъ и онъ плохо владѣлъ правой рукой и ногой. Ему и не выдавали ружья. Каждое утро «дядька» одѣвалъ его, а вечеромъ помогалъ ему раздѣваться. Его сдали въ солдаты на точномъ основаніи «временныхъ правилъ». Въ нихъ были предусмотрѣны случаи болѣзни, несовершеннолѣтія, льготнаго семейнаго положенія и сказано, что ни одинъ изъ этихъ случаевъ не можетъ избавить отъ солдатской службы.

Воинскій начальникъ, города N. объявилъ намъ, кто въ какой городъ назначенъ и мы отправились въ путь. Недолго намъ пришлось пробыть вмѣстѣ. Чѣмъ дальше ѣхали мы, тѣмъ больше рѣдѣли наши ряды, потому что на узловыхъ станціяхъ нѣкоторые товарищи разставались съ нами. Я былъ назначенъ въ городъ S. вмѣстѣ съ другими 4 товарищами. Въ дорогѣ отъ N. до S. пришлось перенести много непріятностей. Въ каждомъ городишкѣ, гдѣ только былъ воинскій начальникъ—мы останавливались и отправлялись въ управленіе воинскаго начальника подъ конвоемъ. Здѣсь насъ зачѣмъ то каждый разъ пересчитывали и препровождали дальше. Наконецъ, мы прибыли въ г. S., прибыли ночью. Былъ уже мартъ, но снѣгъ еще не стоялъ совсѣмъ. Я помню эту отвратительную ночь. Съ вокзала по слякоти подъ тоскливый вой вѣтра отправились мы въ управленіе воинскаго начальника. Тревожить его ночью сначала не хотѣли и отправили насъ ночевать на «перегонный пунктъ». Ничего хуже и отвратительнѣе этихъ перегонныхъ пунктовъ нельзя себѣ представить. Грязное помѣщеніе, застланное нарами съ одного конца до другого. На нарахъ въ повалку спать солдаты, куда либо ѣдущіе: одни кончили службу и возвращаются домой, другіе ѣдутъ домой

по болѣзни. Спать почти невозможно: душно, грязно и мириады насѣкомыхъ. Съ ужасомъ думали мы о предстоящей ночевкѣ на перегонномъ пунктѣ. Къ счастью, ночевать здѣсь не пришлось. Часа черезъ два насъ отправили въ S—скій полкъ (туда назначили 3 студентовъ). Мы проѣхали черезъ весь спящій городъ и добрались до казармъ S—каго полка. Въ полковой канцеляріи какой то писарь расписался въ нашемъ полученіи, и насъ направили ночевать въ «околодокъ», т. е. въ пріемный покой.

Утромъ, когда мы, сидя въ околодкѣ, пили чай, пришелъ офицеръ, завѣдующій околодкомъ. Онъ оказался чрезвычайно порядочнымъ человѣкомъ, познакомился съ нами, рассказалъ намъ о порядкахъ S—каго полка, познакомилъ съ составомъ офицеровъ, т. е. сообщилъ, въ какой ротѣ командиры звѣри и въ какой болѣе или менѣе порядочные люди.

Мы были, такимъ образомъ, заранѣе ознакомлены со всѣмъ, что насъ такъ интересовало, когда насъ потребовали къ командиру полка. Командиръ полка, полковникъ Веди, былъ когда то студентомъ Горнаго института, былъ намъ, значитъ, до нѣкоторой степени collega. Онъ оказался едва ли не грубѣе полковника Вавилова.

Мы втроемъ вошли въ его кабинетъ. Полковникъ сидѣлъ въ креслѣ, повернувшись къ намъ спиной. Онъ не сразу обернулся, когда мы вошли, а продолжалъ что то писать. Потомъ онъ всталъ, подошелъ къ намъ и, обращаясь къ каждому отдѣльно на «ты», задалъ нѣсколько пустячныхъ вопросовъ. Потомъ онъ взялъ со стола мѣлъ, подошелъ сначала ко мнѣ и въ раздумьи остановился. — «Куда бы тебя назначить?» спросилъ онъ самого себя. — «Въ 5-ую роту», и онъ написалъ мнѣ мѣломъ на моей груди цифру 5. Потомъ онъ подошелъ къ слѣдующему товарищу и, уже не говоря ни слова, написалъ ему на груди какую то цифру. Съ третьимъ товарищемъ онъ продѣлалъ то же самое. — «А теперь вы можете идти», сказалъ онъ, и мы разошлись по тѣмъ ротамъ, цифры которыхъ были на насъ написаны.

Въ 5-ой ротѣ встрѣтилъ меня прежде всего фельдфебель. Его фигура до сихъ поръ свѣжа въ моей памяти. Это буквально одинъ изъ типовъ сахалинскихъ каторжниковъ, описанныхъ Дорошевичемъ. Много уголовныхъ преступленій лежитъ на немъ, но ни за одно не привлекался онъ къ суду; онъ всегда умѣлъ выйти чистымъ изъ грязныхъ исторій и схоронить концы преступленія. Когда то онъ служилъ околодочнымъ надзирателемъ въ Москвѣ, но на полицейской службѣ проворовался и пошелъ въ службу военную, гдѣ и устроился очень хорошо. Должность фельдфебеля имѣетъ, въ сущности, гораздо большее значеніе для роты, чѣмъ должность ротнаго командира. Послѣдній приходитъ въ роту только на ученье, между тѣмъ какъ фельдфебель всегда въ ротѣ. Онъ здѣсь полный хозяинъ. Онъ пользуется довольно обширной властью, можетъ наказывать солдатъ и даже отправлять ихъ

подъ арестъ на однѣ сутки. Онъ можетъ бить солдатъ, сколько ему угодно, онъ можетъ и миловать, и «милуется» онъ, конечно, не даромъ. Изъ мизернаго солдатскаго жалованья (20 коп. въ мѣсяцъ) онъ беретъ себѣ больше половины, онъ крадетъ солдатскую пищу, которая и безъ того уже ниже всякой критики. Однимъ словомъ фельдфебелю «живется недурно».

Фельдфебель 5-ой роты S—каго полка довелъ нѣсколькихъ солдатъ до могилы — побоями. За это онъ тоже не привлекался къ отвѣтственности. Служить онъ уже давно, и изъ одного поколѣнія солдатъ въ другое передаются всѣ грязныя и темныя дѣлишки, которыя онъ когда либо сдѣлалъ. Къ такому то типу попалъ я въ подчиненіе. Онъ встрѣтилъ меня по начальнически, прочиталъ нотацію за то, что я участвовалъ въ студенческихъ безпорядкахъ. — «Вотъ вы теперь и несете наказаніе», сказалъ онъ.

Въ тотъ же день я познакомился и со своимъ высшимъ начальствомъ—командиромъ роты—капитаномъ Петровичемъ. Это единственный офицеръ, о которомъ я вспоминаю безъ злобы, а иногда и съ любовью.

Искушенный горькимъ опытомъ службы въ S—скомъ полку, я ожидалъ и здѣсь встрѣтить нѣчто вродѣ капитана Шарманкина. Ничего подобнаго не случилось. Въ тотъ день, когда я переступилъ порогъ 5-ой роты S—каго полка, солдатамъ выдавалось жалованье. Пришелъ ротный командиръ и попросилъ меня къ себѣ въ канцелярію роты. Я пошелъ, скрѣпя сердце. Ротный командиръ встрѣтилъ меня въ дверяхъ.

«Иванъ Ивановичъ Петровичъ», сказалъ онъ мнѣ, протягивая руку. Я отрекомендовался ему въ свою очередь. «Надѣюсь», сказалъ мнѣ Петровичъ, «что мы съ вами будемъ жить дружно, что вы будете мнѣ полезны въ канцелярской работѣ. Я думаю, что вы не откажетесь помочь мнѣ, когда будетъ нужно». Я сказалъ, что не откажусь, и сразу же принялся за канцелярскую работу: сталъ выписывать жалованье солдатамъ. Петровичъ приказалъ поставить мнѣ кровать въ ротной канцеляріи и просилъ заходить къ нему, когда будетъ скучно. Во всю мою службу въ S—комъ полку (а я пробылъ въ немъ 3½ мѣсяца) капитанъ Петровичъ относился ко мнѣ одинаково хорошо, деликатно, мягко и вѣжливо. Младшіе офицеры роты оказались похожими на ротнаго командира. Это были еще совсѣмъ юнцы, недавно слѣзшіе со школьной скамьи и почему то не утратившіе еще человѣческаго образа и подобія... Мнѣ улыбнулось счастье. Полковой командиръ лишилъ меня, правда, скоро внѣшнихъ удобствъ—приказалъ помѣстить меня въ общей казармѣ, но это было уже полъ-горя, самое главное — человѣческое обращеніе—было на лицо.

3½ мѣсяца прослужилъ я въ S—комъ полку. И здѣсь каждый день, какъ двѣ капли воды, походилъ одинъ на другой. И здѣсь пришлось почувствовать нѣсколько разъ, что такое ди-

сциплина и военная служба. Волей-неволей приходилось имѣть дѣло не только со своими офицерами, но и съ высшимъ начальствомъ. (На смотрахъ, на примѣръ). А высшее начальство, вродѣ батальоннаго командира и командира полка, обращалось съ нами до крайности грубо. Человѣческій языкъ ему вообще рѣдко доступенъ. Я думаю, что грубость «начальства» имѣла еще одну довольно вѣскую причину. Оно хотѣло засвидѣтельствовать свои «вѣрнопопданническія чувства», унижая «крамольниковъ» и издѣваясь надъ ними. Говорятъ, въ каждомъ полку получалась цѣлая масса всякихъ секретныхъ циркуляровъ, разъясняющихъ, какъ нужно обращаться со студентами, какой тактики по отношенію къ нимъ придерживаться. Но всѣ эти циркуляры были до крайности сбивчивы и могли вносить только путаницу. Офицеры, мягкіе по своей природѣ, сохранившіе еще душу въ этой бездушной обстановкѣ, вродѣ капитана Петровича, не считались съ циркулярами и вели себя такъ, какъ подсказывало имъ чувство человѣчности. Капитанъ Петровичъ предложилъ мнѣ, на примѣръ (совершенно вопреки смыслу секретныхъ инструкцій), быть ротнымъ учителемъ—обучать грамотъ безграмотныхъ солдатъ. Это было, конечно, совершенно противузаконно, потому что циркуляры предписывали строго слѣдить за тѣмъ, какъ бы мы не вошли съ сношеніями съ солдатами, не сошлись бы съ ними близко и не занялись бы «преступной пропагандой» въ стѣнахъ казармы.

Я съ радостью принялъ предложеніе ротнаго командира, набралъ въ ротѣ безграмотныхъ, желающихъ учиться, и началъ съ ними заниматься. Къ сожалѣнію, занятія мои продолжались не долго, потому что предложеніе ротнаго командира было нѣсколько запоздалымъ: былъ уже апрѣль мѣсяцъ и недѣли черезъ полторы полкъ выступилъ въ лагерь. Тамъ мнѣ не пришлось уже заниматься: лагерная служба слишкомъ утомляетъ солдатъ и имъ ужъ не до занятій. А потомъ мы скоро были «помилованы» и наша служба кончилась.

Когда я предложилъ безграмотнымъ солдатамъ заниматься со мной, они были чрезвычайно обрадованы и охотно соглашались учиться. Они мечтали вернуться изъ солдатской службы по крайней мѣрѣ хоть грамотными.

Дѣло школьнаго обученія солдатъ въ полкахъ поставлено невозможно плохо. Ротныя школы существуютъ только на бумагѣ, а офицеры-учителя или совсѣмъ не приходятъ заниматься, или же ведутъ дѣло небрежно, спустя рукава. Имъ важна только бумажная отчетность. Время отъ времени назначается контроль надъ занятіями въ ротной школѣ. Мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ тѣхъ довольно оригинальныхъ, но не хитрыхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ ротные учителя-офицеры обманываютъ контролеровъ и умѣютъ представлять дѣло «въ лучшемъ видѣ». Я видѣлъ, какъ наканунѣ контрольнаго экзамена (его устраивалъ командиръ батальона) офицеръ-учитель подобралъ въ

ротѣ нѣсколькихъ грамотныхъ солдатъ, солдатъ, учившихся еще до прихода на службу въ сельскихъ школахъ и съ которыми онъ самъ никогда не занимался, и какъ онъ выдалъ ихъ потомъ за учениковъ ротной школы. Я видѣлъ, какъ онъ спѣшно записывалъ въ журналъ предметы своихъ мнимыхъ занятій. На завтра устроенъ былъ экзаменъ, и экзаменаторъ остался доволенъ хорошей постановкой учебного дѣла въ ротѣ.

Такъ обстоитъ дѣло школьнаго обученія въ полкахъ. Да трудно себѣ и представить, чтобы оно обстояло иначе. Въдѣ между солдатами и офицерами нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Солдаты—это забитое стадо; офицеры—все что угодно, только не учителя.

XI.

Незадолго до выступленія полка въ лагерь—во второй половинѣ апрѣля въ S—комъ полку происходилъ инспекторскій смотръ, въ результатъ котораго намъ—студентамъ были предоставлены нѣкоторыя льготы.

Инспекторскіе смотры происходятъ одинъ разъ въ годъ. Въ качествѣ инспектора выступаетъ командиръ дивизіи. Во время этого смотра единственный разъ въ году каждый солдатъ имѣетъ право лично и непосредственно принести жалобу «Его Высокопревосходительству». Впрочемъ, предварительно передъ смотромъ онъ обязанъ заявить черезъ унтеръ-офицера своему начальству, что на инспекторскомъ смотрѣ онъ будетъ жаловаться, долженъ сказать и на что будетъ онъ жаловаться.

Своимъ правомъ приносить жалобы начальнику дивизіи солдаты почти никогда не пользуются. Въдѣ «до Бога высоко, а до царя далеко», разсуждаютъ обыкновенно солдаты. Жалоба, если даже она справедлива и достигаетъ своей цѣли—весьма невыгодна для солдата. Начальство всегда сумѣетъ отомстить дерзкому жалобщику, стоя на совершенно законной почвѣ. И, зная это, солдаты обыкновенно молчатъ, молчатъ и терпятъ. А когда инспекторъ предлагаетъ вопросъ: «всѣмъ ли довольны, братцы, нѣтъ ли у кого какихъ жалобъ?» рота кричитъ: «такъ точно, Ваше Высокопревосходительство, всѣмъ довольны и никакихъ жалобъ нѣтъ». Такимъ образомъ, инспекторскій смотръ превращается буквально въ комедію. Официальные вопросы, официальные отвѣты. За то показная сторона на инспекторскихъ смотрахъ прямо блестяща. Я опишу тотъ смотръ въ S—комъ полку, который для насъ—студентовъ такъ много значилъ.

Наканунѣ смотра во всемъ полку происходитъ чистка. Въ ротахъ наводится порядокъ, солдаты чистятъ свою аммуницію. Блестятъ пуговицы, блестятъ пряжки на кушакахъ. Въ день же смотра раннимъ утромъ начинаются другія приготовленія. Изъ солдатскихъ сундуковъ вынимаются всѣ вещи и раскладываются по койкамъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Этотъ порядокъ

указанъ на особыхъ таблицахъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ казармы. Тамъ указано, на примѣръ, гдѣ должны лежать сапоги, куда они должны быть обращены носками и какое разстояние между носками должно быть сдѣлано. Для каждой вещи назначено свое мѣсто. Расположивъ, какъ полагается, все свое имущество, солдаты начинаютъ одѣваться: одѣваютъ чистыя рубахи и полную боевую форму. Затѣмъ они выстраиваются въ ротѣ и ждутъ генерала...

Пятая рота S—каго полка уже готова и замерла въ ожиданіи—«смирно!» кричитъ дежурный у дверей солдатъ и слышно, какъ пролетитъ муха. Дверь открывается и показывается блестящая группа офицеровъ: впереди начальникъ дивизіи со свитой; его сопровождаютъ командиръ полка и офицеры. Какъ только всѣ они переступаютъ порогъ казармы, командиръ полка—полковникъ Веди, почтительно докладываетъ генералу: «это, Ваше Высокопревосходительство, студентъ» и показываетъ на меня пальцемъ.—«Ага! хорошо!» говоритъ генералъ, и смотръ начинается. Поздоровавшись съ ротой и опросивъ претензіи, начальникъ дивизіи подходитъ ко мнѣ, кладетъ на мое плечо руку и спрашиваетъ: «скажите, вы какого университета?»—«Петербургскаго», говорю я.—«А факультета?»—«Физико-математическаго».—«Какъ онъ ведетъ себя?» спрашиваетъ генералъ моего ротнаго командира.—«Отлично, Ваше Высокопр-во», отвѣчаетъ ротный командиръ.—«А гдѣ вы его помѣстили?»—«Вотъ его койка, Ваше Высокопр-во», отвѣчаетъ ротный командиръ.—«Значитъ, вмѣстѣ съ другими солдатами? Это неудобно. Полковникъ, почему вы его здѣсь помѣстили?» спрашиваетъ генералъ командира полка.—«Въ ротной канцеляріи очень тѣсно, Высокопр-во», отвѣчаетъ полковникъ, «и я приказалъ помѣстить его въ общей казармѣ».—«Нѣтъ, это неудобно, устройте его отдѣльно».—«Слушаю-сь, Ваше Высокопр-во», отвѣчаетъ полковникъ.

Начальникъ дивизіи обращается ко всѣмъ офицерамъ: «Господа офицеры! Помните, что это передъ вами не солдатъ, а студентъ; его прислали сюда не для того, чтобы вы учили его муштровкѣ: онъ просто отбываетъ административное наказаніе. Помните, господа офицеры, что онъ кончитъ службу и снова вернется въ университетъ»...

Смотръ кончился. (Въ другихъ ротахъ начальникъ дивизіи обошелся съ товарищами такъ же).

Рѣчь къ «господамъ офицерамъ» значила для насъ чрезвычайно много. Со дня инспекторскаго смотра началась, можно сказать, новая эра солдатской жизни. Она наступила въ тотъ же самый день... Какъ только уѣхалъ начальникъ дивизіи—въ моей ротѣ собралось нѣсколько офицеровъ. На радостяхъ заказали они себѣ самоваръ и къ моему крайнему удивленію послали офицера-депутата приглашать меня на чашку чаю. Какъ ни отказывался я, пришлось въ концѣ концовъ идти и провести полчаса въ офицерскомъ обществѣ.

По распоряженію командира полка на завтра меня выдѣлили изъ общей казармы и помѣстили въ отдѣльной комнатѣ съ каптенармусомъ роты. Съ недѣлю прожилъ я въ отдѣльной комнатѣ и наслаждался жизнью. А потомъ мы выступили въ лагерь, гдѣ намъ разрѣшили помѣститься въ отдѣльной палаткѣ, и мы вчетверомъ (два студента и два вольноопредѣляющихся, кончившихъ уже университетъ) заняли отдѣльную палатку. Если бы не смотръ, насъ заставили бы жить въ общей солдатской палаткѣ, а жить тамъ куда хуже, чѣмъ въ ротѣ.

ХII.

Когда мы выступили въ лагерь, я носилъ уже новое званіе, званіе «старослужащаго». Это въ нѣкоторомъ родѣ уже ученая степень и дается она по выдержаніи особаго экзамена, экзамена «по словесности» и по «строевой службѣ».

Объ этомъ самомъ экзаменѣ я хочу сказать теперь нѣсколько словъ. Производится онъ такъ: въ качествѣ экзаменатора въ каждой ротѣ выступаетъ командиръ какой нибудь чужой роты; помощниками его назначаются младшіе офицеры той роты, въ которой производится экзаменъ.

Рота, одѣтая въ чистое платье, выстраивается, какъ всегда въ торжественныхъ случаяхъ. Одного за другимъ вызываютъ солдаты къ экзаменаціонному столу.

Очередь доходить до меня.

— «А ну, прочитай молитву Господню», обращается ко мнѣ экзаменаторъ.

— «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя твое» и т. д.

— «Хорошо», говоритъ капитанъ и ставитъ мнѣ баллъ 5 въ той графѣ, сверху которой написано: «Молитва Господня».

— «А какъ долженъ держать себя часовой у порохового погреба?» Я отвѣчаю. Капитанъ ставитъ мнѣ по словесности баллъ 4. Затѣмъ онъ обращается къ своимъ ассистентамъ съ вопросомъ: «ну, а какъ онъ, какъ солдатъ, ничего?»

— «Это студентъ, г. капитанъ», шепчетъ ему на ухо одинъ изъ офицеровъ. Смущенный капитанъ краснѣетъ до корня волосъ и говоритъ мнѣ: «ну, вы можете идти».

Такъ получилъ я званіе «старослужащаго» солдата.

ХIII.

Въ лагеряхъ намъ пришлось пробыть только 1½ мѣсяца. Здѣсь мы встрѣтились съ товарищами-солдатами Кіевскаго университета. Они служили въ г. Р., а на время лагерной службы полкъ ихъ приходилъ въ нашъ городъ. Жилось имъ, въ общемъ, лучше нашего, потому, быть можетъ, что г. Р. относится къ Кіевскому военному округу.

Въ іюнѣ 1901 г. состоялось высочайшее повелѣніе объ освобожденіи отъ службы студентовъ, сданныхъ въ солдаты. Желающимъ продолжать службу въ счетъ обязательной воинской повинности предлагалось остаться въ полкахъ; имъ обѣщали возвратить право по образованію, т. е. дать право служить вольноопредѣляющимися.

Желающихъ остаться не нашлось, и мы возвратились по домамъ и въ у-тъ, но возвратились не всѣ.

Когда «считать мы стали раны, товарищей считать», одного не досчитались мы: товарищъ Проскуряковъ застрѣлился въ Ямбургѣ недалеко отъ казармы.

Л. С.

Мартъ 1906 г.

Посланіе Мих. Ил. Михайлову ¹⁾.

Съ Балтійскаго моря на дальній востокъ
Летить бурный вѣтеръ свободно,
Несетъ онъ на крыльяхъ пустынный песокъ,—
Несетъ вздохъ тоски всенародной...
Несетъ онъ привѣтъ отъ печальныхъ друзей
Далекому милому другу...
Несетъ онъ зародыши грозныхъ идей
Отъ Запада, Сѣвера, Юга...
И шепчетъ: «Я слышалъ: въ поляхъ, въ городахъ
Ужъ ходитъ тревожное слово;
Блѣднѣютъ безумцы въ роскошныхъ дворцахъ...
Грядущее дѣло готово.
Надъ русской землею краснѣетъ заря.
Заблещетъ свѣтило свободы
И скоро ужъ спросятъ отчетъ у царя
Покорные прежде народы...
На праздникъ томъ ужъ готовятъ тебѣ
Друзья твои славное дѣло,
Торопятъ другъ друга къ великой борьбѣ
И ждуть, чтобъ мгновенье приспѣло...
И шлютъ издалека сердечный привѣтъ,
Надежду, тоску ожиданья—
И твердую вѣру: Свобода прідетъ—
И скоро... Борецъ, до свиданья!»

П. Лавровъ.

23 мая 1862 г.

¹⁾ Это стихотвореніе въ нашей печати еще не появлялось.

Прим. ред.

Послѣдній день Каляева.

Какъ всегда торчали изъ воды въ этотъ день мрачныя, угрюмыя стѣны Шлиссельбургской крѣпости. Много горя и страданій людскихъ видѣли онѣ,—эти нѣмыя, безстрастныя свидѣтельницы ужасной старины. Безпощадное время наложило однако и на нихъ свою печать разрушенія: во многихъ мѣстахъ съ нихъ уже обвалилась штукатурка, кое-гдѣ изъ расщелинъ каменныхъ плитъ, изъ которыхъ сложены стѣны, торчитъ тощая березка или рябинка, выросшія изъ случайно занесеннаго вѣтромъ сѣмечка, а во многихъ мѣстахъ стѣны покрылись уже густымъ мохомъ.

Наканунѣ описываемаго дня, рѣка бушевала вокругъ крѣпости всю ночь, шумно вздымала свои яростныя волны Нева. Волны пѣнились и съ силою ударялись о выложенный изъ дикаго плитняка крѣпостной валъ. Вѣтеръ стоналъ и вылъ, но стѣны крѣпости привыкли уже къ его унылымъ, душу надрывающимъ напѣвамъ, зачастую не дававшимъ ночью уснуть несчастнымъ обитателямъ таинственнаго острова, и къ шуму разъяренныхъ волнъ. Но если стѣны и привыкли къ бурямъ, то на людей, особенно нервныхъ, вой вѣтра и буря на озерѣ и на Невѣ дѣйствовала на этотъ разъ какъ-то особенно, — казалось, что и вой вѣтра, и ярость волнъ говорили о томъ, что въ крѣпости должно совершиться нѣчто ужасное даже и для этого страшнаго мѣста, полнаго мрачныхъ преданій объ ужасахъ таинственнаго былого.

На утро буря стихла и по внѣшнему виду въ крѣпости, казалось, ничто не нарушало установленнаго порядка: какъ всегда ходилъ по валу дневальный солдатъ, лѣнливо поглядывая на катящіяся, свинцовыя волны Невы, какъ всегда по случаю праздничнаго дня заблагоувѣстили къ обѣднѣ въ крѣпостной церкви и также какъ обычно шла въ церкви служба, только постороннихъ прихожанъ было въ этотъ день въ церкви меньше обычного, потому что народу, прибывавшему на своихъ лодочкахъ съ праваго берега Невы, изъ расположенной напротивъ крѣпости деревни Шереметьевки, не позволяли приставать къ крѣпости, а между тѣмъ пріѣзжавшихъ въ церковь было много,

Иванъ Платоновичъ
КАЛЯЕВЪ.

(Съ карточки, снятой сейчас же послѣ взрыва).

потому что былъ Николинъ день, чтимый православнымъ русскимъ народомъ,—это былъ понедѣльникъ 9 мая 1905 года.

Конечно, такая строгость въ отношеніи пріѣзжавшихъ въ церковь не осталась незамѣченной, всякому, знакомому съ обычаями крѣпостной жизни, становилось ясно, что въ крѣпости кого-то ждутъ, кого по установленному правилу никто кромѣ администраціи видѣть не долженъ. Дѣйствительно, въ крѣпости ожидали прибытія изъ Петербурга, приговореннаго къ смертной казни И. Каляева, который долженъ былъ прибыть на полицейскомъ пароходѣ. Лишь только, около половины 11-го, ожидавшійся полицейскій пароходъ показался на Невѣ, всѣ жившія въ крѣпости женщины и дѣти, не бывшія въ церкви, должны были попрятаться по своимъ квартирамъ, закрыть окна и не выглядывать изъ нихъ; вездѣ были поставлены солдаты для наблюденія за тѣмъ, чтобы никто изъ неприннадлежащихъ къ администраціи не приближался къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ проходить приговоренный къ смерти.

Итакъ въ весенній, ясный, хотя и свѣжій день, 9 мая 1905 г., въ 10½ часовъ утра, въ то время, какъ въ крѣпостной церкви шла обѣдня, привезли въ крѣпость Каляева и тотчасъ же провели въ комнату подъ названіемъ «мастерской», помѣщающуюся въ зданіи манежа; комната эта небольшая, въ два окна, изъ которыхъ виденъ только старый досчатый заборъ, огораживающій нѣсколько грядокъ, принадлежавшихъ обычно вахмистру строевыхъ жандармскихъ чиновъ.

Въ комнатѣ этой еще наканунѣ приготовлена была постель съ обычнымъ въ тюремныхъ камерахъ матрасомъ, подушками и одѣяломъ, были поставлены столъ, два стула, на столѣ положена бумага, перья, чернила.

Вошедшій въ эту комнату былъ оставленъ въ ней подъ надзоромъ двухъ сверхсрочныхъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ изъ числа тюремныхъ.

Въ 12 часовъ дня, въ часъ, когда обѣдали всѣ узники Шлиссельбургской крѣпости, Каляеву принесли съ тюремной кухни одинаковый съ заключенными обѣдъ; Каляевъ съѣлъ обѣдъ, выпилъ принесенный ему чай и затѣмъ большую часть времени своего послѣдняго дня писалъ.

День былъ хотя весенній, но довольно свѣжій, Каляевъ легъ отдохнуть на кровать, покрылся одѣяломъ; несмотря на это его знобило; тогда онъ обратился къ караулившимъ его жандармскимъ унтеръ-офицерамъ и сказалъ:

— «Не думайте, что я дрожу отъ страху, мнѣ просто холодно, и я бы попросилъ дать мнѣ второе одѣяло».

Желаніе его было немедленно исполнено, и осужденному удалось побороть свою дрожь.

Какъ уже выше упомянуто, Каляевъ почти весь день писалъ, исписалъ нѣсколько листовъ бумаги, но передъ смертью все написанное самъ тщательно зачеркнулъ, оставивъ незамазаннымъ

только известное изречение Петра передъ полтавской битвой: *«А о Петръ въдайте, не дорога ему жизньъ, была бы счастлива Россія!»* Кромѣ того имъ было оставлено написанное за полчаса или около того передъ казнью письмо къ матери, которое поступило въ распоряженіе коменданта для передачи по назначенію черезъ департаментъ полиціи.

Палачъ, который долженъ былъ привести приговоръ въ исполненіе, ждалъ свою жертву въ крѣпости уже съ 8 мая. Это былъ рослый дѣтина, брюнетъ, съ грубыми, крупными чертами лица, казакъ по происхожденію, зовуть его Александръ Филиппевъ. Этотъ жалкій человѣкъ былъ приговоренъ къ смертной казни за убійство семерыхъ, кажется, людей; помилованіе было ему даровано подъ условіемъ согласія исполнять обязанности палача. За каждаго казненнаго ему сокращался срокъ каторги, замѣнившей ему смертную казнь, кромѣ того за каждаго казненнаго ему еще выдавалось денежное вознагражденіе. Въ маѣ 1905 года онъ еще отбывалъ срокъ своей каторги, а потому былъ привезенъ въ крѣпость подъ конвоемъ на полицейскомъ пароходѣ, а уже въ августѣ мѣсяцѣ того же года онъ разѣзжалъ свободно безъ конвоя и не на полицейскомъ, а на пассажирскихъ пароходахъ, такъ какъ къ этому времени онъ уже окончилъ срокъ своей каторги, благодаря большому числу повѣшенныхъ имъ въ разныхъ городахъ Россіи за это лѣто политическихъ. Въ Шлиссельбургской крѣпости, въ ожиданіи жертвы своего ремесла, онъ проводилъ время въ куреньи табаку и въ питьѣ водки.

Часовъ около 7—8 вечера начался съѣздъ сословныхъ представителей, приглашенныхъ комендантомъ для присутствованія при совершеніи казни. Приѣхалъ изъ города Шлиссельбургскій голова Прохоровъ, на котораго необходимость присутствованія при смертной казни дѣйствовала повидимому удручающимъ образомъ; приѣхали помощникъ исправника Преображенскій, купцы Поповъ и Шашинъ и акцизный чиновникъ Латкинъ.

Въ 8 часовъ приѣхали изъ Петербурга товарищъ прокурора и секретарь петерб. окружного суда.

Въ 9 ч. вечера прокуроръ въ сопровожденіи смотрителя тюрьмы прошелъ въ комнату къ осужденному и объявилъ ему, что въ эту ночь т. е. съ 9 на 10 мая приговоръ будетъ надъ нимъ приведенъ въ исполненіе. Товарищъ прокурора волновался, и по всей вѣроятности потому такъ рано объявилъ Каляеву обѣ ожидавшей его въ эту ночь смерти, такъ что ожидать казни Каляеву пришлось болѣе 4-хъ часовъ. Каляевъ выслушалъ вѣсть, обѣ ожидавшей его черезъ нѣсколько часовъ смерти, спокойно. Желая, чтобы при его казни присутствовалъ его защитникъ, Каляевъ все спрашивалъ, не приѣхалъ ли онъ, но, хотя присяжный повѣренный Ждановъ и приѣзжалъ въ крѣпость, прося разрешить ему свиданіе съ Каляевымъ, свиданіе ему разрѣшено не было.

Часовъ около 10 прошелъ къ Каляеву крѣпостной священ-

никъ Флоринскій. Каляевъ сказалъ ему, что хотя онъ вѣрующій человѣкъ, но обрядовъ не признаетъ, и добавилъ, что онъ уже совершенно приготовилъ себя къ смерти и въ жизни со всѣмъ покончилъ; въ приходшемъ же къ нему священникъ чувствуетъ добраго человѣка, а потому, закончилъ Каляевъ, дайте мнѣ васъ, какъ добраго человѣка, поцѣловать. Они поцѣловались, и священникъ вышелъ отъ Каляева. Вскорѣ послѣ ухода священника Каляевъ написалъ матери письмо:

Дорогая, незабвенная моя мать!

Итакъ, я умираю. Я счастливъ за себя, что съ полнымъ самообладаніемъ могу отнестись къ моему концу. Пусть же ваше горе, дорогіе мои,—вы всѣ, мать, братья и сестры,—потонетъ въ лучахъ того сіянія, которымъ свѣтитъ торжество моего духа.

Прощайте. Привѣтъ всѣмъ, кто меня зналъ и помнить.

Завѣщаю вамъ: храните въ чистотѣ имя нашего отца.

Не горюйте, не плачьте. Еще разъ прощайте. Я всегда съ вами.

Вашъ И. Каляевъ.

Совершенно подготовивъ себя къ смерти, Каляевъ послѣ полуночи просилъ не задерживать приведенія приговора въ исполненіе, а совершить казнь поскорѣе; но нужно было ждать разсвѣта.

Въ то время какъ Каляевъ переживалъ часы полные трагизма и ужаса, на дворѣ крѣпости за зданіемъ манежа, возлѣ входа въ солдатскую баню, устанавливали и забивали послѣдніе гвозди въ наскоро построенный помостъ, на которомъ возвышались два столба съ перекладиной. Удары топора при вколачиваніи гвоздей гулко разносились среди мертвой тишины какъ бы вымершей крѣпости. Женщинъ не было видно, и только изрѣдка проходилъ солдатъ или тюремный унтеръ-офицеръ. Смерть уже была въ стѣнахъ крѣпости, а за ними текла обычная жизнь: съ рѣжки неслись пѣсни, изъ Шереметьевки доносился лай собакъ и звуки гармоники, безконечно тянувшей унылое, всѣмъ надоѣвшее «ничего мнѣ на свѣтѣ не надо». Сочетаніе звуковъ топора, строившаго висѣлицу, гармоники и пѣсенъ было ужасно, становилось жутко, хотѣлось бѣжать...

Все было уже готово, приближалось время казни. На дворѣ свѣтало. Наконецъ разсвѣло настолько, что можно уже было читать на дворѣ безъ огня.

Быль второй часъ ночи... Въ комнату, гдѣ сидѣлъ Каляевъ, вошелъ смотритель тюрьмы въ сопровожденіи наряженного во все красное палача. На палачѣ были одѣты ярко-красные кумачевые шаровары, такіе же рубаха и колпакъ на головѣ, опоясанъ онъ былъ веревкой, за которую заткнута была нагайка.

Палачъ подойдя къ Каляеву завязалъ ему назадъ руки, послѣ чего Каляевъ въ сопровожденіи смотрителя тюрьмы вы-

шелъ на дворъ, гдѣ была устроена висѣлица, за ними слѣдовалъ палачъ.

На дворѣ уже находились всѣ приглашенные представители сословій, администрація крѣпости, команда солдатъ и всѣ свободные отъ службы тюремные унтеръ-офицеры. Каляевъ взшелъ на эшафотъ. Онъ былъ безъ пальто, во всемъ черномъ и черной же фетровой шляпѣ.

Стоя неподвижно на помостѣ эшафота онъ выслушалъ прочитанный помощникомъ секретаря приговоръ, послѣ окончанія котораго къ эшафоту приблизился священникъ съ крестомъ въ рукѣ, но Каляевъ сказалъ ему: «Я уже сказалъ вамъ, что я совершенно покончилъ съ жизнью и приготовился къ смерти». Священникъ ушелъ...

Къ осужденному подошелъ палачъ, накиннулъ на него саванъ, закрывшій его съ головой, помогъ подняться на табуретъ, такъ какъ безъ посторонней помощи сдѣлать это было невозможно,— накиннулъ на шею петлю и отбросилъ ногой табуретъ. Ноги Каляева потеряли опору, и тѣло его повисло въ воздухѣ. Почти никто не могъ смотрѣть на повѣшеннаго, остававшегося въ петлѣ 30 минутъ. Всѣ безмолвно стояли возлѣ эшафота. По прошествіи 30 минутъ палачъ вынулъ тѣло Каляева изъ петли и положилъ его на эшафотъ, къ которому подошелъ находившійся по близости крѣпостной врачъ, обнажилъ покойному грудь, выслушалъ сердце, пощупалъ пульсъ, но это было уже конечно ненужной формальностью, ибо Каляевъ былъ мертвъ...

Тѣло его тотчасъ же уложили въ деревянный ящикъ, и солдаты свесли и закопали его за крѣпостной стѣной, между валомъ, окаймляющимъ крѣпость со стороны сзера, и Королевской башней. Здѣсь же похоронены всѣ казненные въ крѣпости въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Проводить тѣло пошли очень немногіе, но все же указать могли Каляева всегда смогутъ жившіе въ это время въ крѣпости.

N. N.

Къ исторіи «Петрашевцевъ».

(Сочиненіе Григорьева „Солдатская Бесѣда“).

Въ извѣстномъ дѣлѣ Петрашевцевъ принимало участіе, какъ извѣстно, немало лицъ, причастныхъ къ литературѣ.

Между прочимъ, у поручика л.-гв. Конно-Гренадерскаго полка Григорьева было обнаружено написанное имъ произведеніе „Солдатская Бесѣда“.

Вотъ буквальное содержаніе этого произведенія.

„Жестокій морозъ трещалъ на улицѣ: знатные баре, да богатые купцы-самоварники, кутая въ шубы носы, что изъ лука стрѣла, летали на рысакахъ; подувая въ кулаки, бѣдняки коченья бѣжали опрометью во-свояси; Ванька даже, остановя клячу, забѣжалъ въ харчевню погрѣться; даже собака, завывая, просилась въ конуру къ дворнику, а часовой-горемыка былъ только что поставленъ на смѣну и, побрякивая бѣгалъ по платформѣ сѣнной гауптвахты. Ружья были убраны, и солдатики, собравшись въ кружокъ, дружно усѣлись у печи въ караульномъ домѣ. Рядовой Ивановъ только что кончилъ сказку объ Иванѣ Царевичѣ и начиналъ уже новую о царѣ Махмудѣ и о Миритрисѣ Кирбитьевнѣ, какъ дверь отворилась настежь, и нелегкая внесла кварташку съ двумя бутарями; они привели двухъ морскихъ солдатъ. Офицеръ велѣлъ принять, скатали крючки и вышли.

„За что васъ, сердечные?“ спросилъ кто-то изъ караульныхъ. Но сердечные были зѣло налимонились, и со страху языкъ у нихъ прилипъ къ небу.

„А вотъ старикъ вамъ разскажетъ, онъ шелъ за ними слѣдомъ“, сказалъ рядовой Карнашевъ, ведя за собою ницаго.

„Кто велѣлъ впустить, знаешь, что запрещено“, закричалъ старшій унтеръ-офицеръ, „эй, ты, мазурикъ, пошелъ вонъ“.

„Мало-ли что не велятъ“, проворчалъ сквозь зубы добрый Карнашевъ.

„Не троньте его, Егоръ Семеновичъ“, сказалъ младшій унтеръ-офицеръ изъ кантонистовъ Михайловъ, умница и христіанская душа. „Вы видите, что онъ и старъ, и дряхлъ, и боленъ, и въ рубищахъ“.

Старшій унтеръ-офицеръ Егоръ Семеновъ больно боялся черта да и человѣкъ-то былъ не злой, былъ служака, но не собака. Онъ остано-

вилъ старика. „Да никакъ ты нашъ братъ, служба?“ вскрикнулъ онъ, увидѣвъ у нищаго на груди георгіевскую ленту.

„Точно такъ, сударь; я отставной солдатъ л. гв. Семеновскаго полка“.

„Да какъ тебя отъ холода скоробило“, сказалъ кто-то.

„И отъ голоду“ отвѣчалъ онъ. „Вотъ сутки, какъ не ѣлъ, животы подвело и схватываетъ“.

„На, выпей“, сказалъ Семеновъ, подавая ему шкаликъ; „халева не возьмемъ“.

Тутъ кто далъ ему хлѣбца, кто щецъ; пригрѣли, приголубили старика, а у того и языкъ развязался.

„Расскажи-ка намъ, дѣдушка, сказку, да съ присказкой, или просто про свою службу. Чай, много походовъ сломалъ?“

„Да, чай, и палокъ на тебѣ много сломано“, прибавилъ балагуръ Крючковъ.

„Помене, чѣмъ на тебѣ“, отвѣчалъ старикъ съ сердцемъ. „Наше время было получше, не то, что ваше. Ну, слушайте же, началъ онъ, запустивъ щепотку въ тавлинку Крюčkова. Я—сдаточный изъ крѣпостныхъ. Мальчишкой я былъ сорви-голова, и росъ не по днямъ, а по часамъ. Какъ сталъ я себя помнить, то насъ продали другому барину изъ нѣмцевъ. Вотъ ужъ былъ злодѣй-то, съ живыхъ кожу дралъ. Обѣднѣли мы, разорились въ конецъ, а то прежде, нешто, про себя жили, да я на бѣду я попалъ въ солдаты. Вотъ какъ это было. Баринъ нашъ былъ нехристъ и съ нами не церемонился. Бывало прїѣдутъ къ нему гости кутить, пошлетъ на деревню, и ведутъ ему штукъ пять ц... къ, даже малолѣтнихъ,—такой окаанный! Обидно было. Жаловались по начальству. Ну, да знаешь, вѣдь онъ—свой братъ имъ-то, начальству: выпорютъ бывало тебя же, да и конецъ дѣлу. Была у меня сестричка, красавица-дѣвка, самъ я ее вынчанчилъ и любилъ больно. Выросла она да и приглянись нашему-то барину-антихристу. Вотъ была я разъ въ ближнемъ селѣ на базарѣ. Прїѣхалъ домой, шастъ въ избу. Смотрю, что за диво? Отецъ—какъ шальной, мать—воетъ. Что, молъ, такое? а гдѣ Машутка? Смотрю, а она, моя голубушка, прильнула ничкомъ въ уголокъ да такъ и заливается. Что, молъ, Маша, аль побили? а она, сердечная, молчитъ и все жмется, въ уголокъ жмется, да сама такъ и дрожитъ. Я къ матери; мать-то и говоритъ мнѣ: не побили, говорить, а по приказу, говорить дворовые къ барину, говорить, водили. Меня такъ и ошелохнуло. Какъ я выпшелъ изъ избы, какъ былъ въ кабацѣ, такъ потомъ до полусмерти окааннаго нѣмца—не помню. Очнулся я ужъ въ кандалахъ. Меня сдали зъ рекруты. Другіе—выли, я—нѣтъ; авось, молъ, за царемъ служба не пропадетъ. Служилъ я честно; получилъ Георгій; это было въ 1813 году. Былъ я въ чужихъ земляхъ, и подъ Туркой, и въ Польшѣ, а лучше, какъ у француза, не видалъ. Вотъ такъ ужъ заливчатскій народецъ, амбиція большая. Полюбили они меня, звали у нихъ остаться, да нѣтъ, какъ то все на родину тянетъ. А ужъ у нихъ не житье-ли? Нѣтъ тамъ графовъ или господъ: всѣ равны. Говорятъ, послѣ и у нихъ стало, было, жутко. Король, слышь, больно деньги моталъ, богачей любилъ, а бѣдныхъ обижалъ. Да вотъ въ прошломъ году какъ поднялся

народъ да солдаты, изъ булыжника въ городѣ сдѣлали завалы, да и пошла потѣха—битва страшная. Да куда-ты, король съ господами едва удралъ. Теперь они не хотятъ царей и управляются, какъ мы же въ деревнѣ—міромъ сообща и выборнымъ. Тотъ ужъ ни мѣшать, ни грабить не смѣетъ, а то самого по усамъ. Рекрутства тамъ мало, берутъ малаго лѣтъ двадцати, прослужить три года—и домой, какъ будто на заработкахъ былъ; палкамъ и помину нѣтъ,—амбиція огромная. Жалованье и пища хорошая. Служба престо шутка; палокъ солдаты и не знаютъ, и Боже упаси! и не тронъ его, палашемъ, аль просто въ зубы,—такъ огрызнется, что и своихъ не узнаешь; одно только и есть наказаніе, что подъ арестъ, какъ офицеры у насъ; и офицеровъ-то солдаты выбираютъ среди себя. Тамъ всѣ служатъ, до единого: и баринъ, и купецъ, и нашъ братъ-мужикъ. Вотъ такъ раздолье! Но все я не остался. Думаю, авось и дома не оставятъ. А вышло иначе. Учили меня, били, ломали, какъ собаку паршивую! Ёда дрянъ, жалованья-грошъ—собачья жизнь. Сами знаете, кто изъ начальства хорошъ, того долой. Протянулъ я двадцать лѣтъ, выпустили по билету. Пришелъ домой, отецъ и мать умерли, сестра тоже исчахла, домъ отдали другому. Сталъ было я наниматься, да на сборы затаскали. Тутъ вышла отставка. Пришелъ сюда, сталъ мебель таскать, одряхлѣлъ, и вотъ теперь безъ крова и пищи, и замерзъ бы сегодня, если бы вы, господа, не пригрѣли. Ходилъ, просилъ, кто сжалится. Богадѣленъ нѣтъ. Обидно, ребятушки. Видно мы нужны, пока есть силы, а тамъ, какъ браковку—въ оврагъ собакамъ на сѣденье. Служилъ я честно, а вотъ теперь руку протягиваешь подъ угломъ. А сколько насъ такихъ! За все солдатство обидно... Съ каждымъ годомъ служба все тяжелѣе, а все колбасники проклятые, все захватили, да и мучать православныхъ. Есть у насъ люди именитые, вотъ, напримѣръ. Московскій Митрополитъ Филаретъ, генераль Ермоловъ, что нѣмцамъ солоно пришелся, и другіе, ну, да о нихъ что говорить, одни—въ немилости, а другіе въ Сибири, кормилцы наши, зачитники. Нѣтъ, братцы, знать царь-то нашъ не больно православныхъ русскихъ любить, что все нѣмцевъ къ себѣ беретъ: куда ни оглянешься, анъ все нѣмцы: и бригадные нѣмцы, да и полковые командиры—нѣмцы, да и полковники то все нѣмцы, а ужъ если и выберется изъ нихъ русскій, такъ ужъ и знай, что съ нѣмцами все яхнался, оттого и попалъ въ знать, что грабить нашего брата больно наловчился; вѣдь сколько они, душегубцы, съ полка-то получаютъ: видимо-невидимо, а все чье добро? Извѣстно, что солдатамъ-то вѣдь и шей хорошихъ не дадутъ, а сами, смотри, на какихъ рыскахъ разѣзжаются; ахъ, они мерзавцы; ну, да погоди еще, и святое писаніе гласитъ: первые будутъ послѣдними, а послѣдніе—первыми. Вотъ французы, небось, у себя такъ и устроили, да и другіе-то тоже. Только у насъ, да у поганыхъ австріякъ иначе. Дивны дѣла Твои, Господи! Ну чѣмъ же мы хуже француза, подумаешь, а ему лучше нашей доля пришлась! Видно, правду отцы говорятъ: На Бога надѣйся, а самъ не плошай! Ахъ, кабы согласіе, да воля,—задалъ-бы я нѣмцамъ нашимъ Кузькину мать! проплясали бы они у насъ трепака подъ росейскую балалаечку. Насъ больше, чего бояться чудо-богатырямъ, заливчатымъ, разудалымъ, добрымъ мо-

лодцамъ, удалымъ братцамъ солдатикамъ? умереть, такъ умереть, лишь не дать въ обиду богачамъ да нехристямъ своихъ кровныхъ и свою волюшку“.

Старикъ замолчалъ и опустил грустно голову. Дрова въ печи догорѣли. Было темно, и не видѣлъ честный старина-служивый, какъ слезы текли по щекамъ солдатъ и по каплѣ упали на амуницію. Горько, обидно стало. „Ахъ, кабы согласіе, да воля!“—и тутъ, какъ во снѣ представилось каждому изъ нихъ и родная деревня, и старикъ-отецъ съ матерью, и жена и малютки-сиротиночки, и воля, дорогая волюшка.

„Ну, а за что-же солдатъ-то морскихъ посадили?“ спросилъ Крюковъ.

„А за то, отвѣчалъ старикъ, что съ морозу зашли въ штофную, что у Калинкина моста. Только что мальчуга сталъ имъ наливать да подносить, пасть царь, да и ну тузить солдатъ-то; тѣ было, барахтаться, да увидѣли, что офицеръ, и струсили. а мальчуга-то и кричитъ: „Ну ваше-ли дѣло. Ваше Благородіе, говоритъ, здѣсь статья?“ Онъ давай да и мальчугу. А они вишь его никто не узнали. Велѣлъ лавку запечатать, да торговцы съ Министромъ отстоятъ, они вѣдь крѣпко за своихъ стоятъ. Народу то што, народу то! что на балаганахъ на Святой собралось тогда.

„Тѣфуты пропасть, и залить-то съ горя не велятъ“, крикнулъ Крюковъ (а онъ заливалъ часто, то съ горя, то съ радости). „Вишь, по кабакамъ патается, не за кражею, а за солдатами гоняется. Его-ли дѣло? А поди ты, тоже кричитъ: здорово, ребята! Не поздоровится братъ, отъ твоего „Здорово!“ Знаемъ мы тебя давно!“

Вдругъ звонокъ: день, день, день...

Вонъ! живо, Михайлъ ѣдетъ!

Вишь... въ какую погоду понесла нелегкая, проворчали солдатики и бросились на платформу.

Горемыка старикъ поплелся за ними“.

При слѣдствіи Григорьевъ показалъ относительно своего сочиненія, что оно было имъ написано „во время болѣзненнаго припадка желчи, по неудовольствію на иностранцевъ, на ихъ вліяніе и обиды полкового начальника;“ первая же часть сочиненія „вылилась отъ негодованія на развратныхъ помѣщиковъ и вслѣдствіе жалости къ отставнымъ солдатамъ“.

Григорьевъ „за участіе въ преступныхъ замыслахъ, написаніе и распространіе статьи въ высшей степени возмутительнаго содержанія, подъ заглавіемъ „Солдатская Бесѣда“, которая имѣетъ цѣлью поколебать въ нижнихъ чинахъ преданность къ Престолу и повиновеніе начальству“, былъ приговоренъ къ разстрѣлію, замѣненному ему затѣмъ ссылкой въ каторжныя работы въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ ¹⁾.

¹⁾ См. Госуд. преступл. въ Россіи. подъ ред. Богучарскаго. т. I. Изд. „Дон. Рѣчи“. стр. 105—106.

Императоръ Николай I—тюремщикъ декабристовъ.

Намъ приходилось не разъ отмѣчать ту выдающуюся роль, которую игралъ въ процессѣ декабристовъ самъ Николай Первый. Предусматривая и вникая во всѣ подробности слѣдствія, царь являлся первымъ слѣдователемъ: въ кабинетѣ своего дворца онъ лично или черезъ своихъ генераль-адъютантовъ допросилъ почти всѣхъ, привлеченныхъ къ дѣлу. Но онъ былъ для декабристовъ не только слѣдователемъ, но и предусмотрительнымъ тюремщикомъ-виртуозомъ. Снявъ допросъ, Николай Первый отсылалъ арестованнаго въ крѣпость, въ распоряженіе тогдашняго ея коменданта генераль-адъютанта Сукина, съ собственноручной запиской на почтовой бумагѣ или даже просто на клочкѣ. Генераль Сукинъ благоговѣнно хранилъ эти автографы Императора до конца дней своихъ, а послѣ его смерти, эти документы, какъ имѣющіе государственное значеніе, были отобраны правительствомъ и поступили на храненіе въ Государственный Архивъ. Этимъ запискамъ или «Высочайшимъ собственноручнымъ Его Императорскаго Величества повелѣніямъ, поступившимъ на имя ген.-ад. Александра Яковлевича Сукина» самимъ же генераломъ былъ составленъ «реестръ». Въ реестрѣ выписанъ точный текстъ каждой записки, указанъ день, часъ и порядокъ полученія. Этотъ реестръ, съ сохраненіемъ графъ мы и предлагаемъ вниманію читателей.

«Реестръ» свидѣтельствуетъ о томъ, что императоръ Николай обладалъ недюжинными способностями тюремщика. Каждая его записка не ограничивается только указаніемъ необходимости содержать такого-то въ крѣпости; она опредѣляетъ и характеръ содержанія. Пять формъ крѣпостного заключенія можно намѣтить по этимъ запискамъ. Весьма немногіе присылались съ лаконичнымъ указаніемъ «содержать въ крѣпости». Нѣкоторыхъ предписывалъ Николай Первый «содержать хорошо». Степень выше—«содержать строго, но хорошо»; еще выше—«содержать подъ строгимъ арестомъ»; дальше—«строжайше наблюдать», и, наконецъ, высшая степень—«содержать наистрожайше». Вѣрный Су-

кинъ понималъ, конечно, оттѣнки этихъ выраженій и дѣйствовалъ сообразно съ Высочайшими приказаніями. Мы не можемъ судить, каковы были въ дѣйствительности формы содержанія въ крѣпости, но одна записка можетъ до нѣкоторой степени дать о нихъ представленіе. «Свистунова содержать строго, но *снабжае́мъ, что пожелаетъ, т. е. чаемъ*».

Нечего и говорить, что императоръ Николай I назначалъ содержаніе «строгое, строжайшее или наистрожайшее», руководясь, во-первыхъ, собственнымъ своимъ убѣжденіемъ о степени виновности, а во-вторыхъ, соображеніемъ, какая форма заключенія заставить заключеннаго скорѣе дать признанія. Такимъ образомъ заключеніе вовсе не носило характера «предварительнаго» до приговора, а являлось или уже наказаніемъ или длительнымъ процессомъ пытки. Вотъ двѣ записки, подтверждающія наше заключеніе. Первая — «присылаемаго Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго, но хорошо; ибо полагать должно невиновать». Вторая — «присылаемаго Якушкина заковать въ ручныя и ножныя желѣза, поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя».

Но всё, тѣ или иныя, формы заключенія казались Николаю Павловичу еще недостаточными для вынужденія показаній или для вящаго устрашенія и наказанія. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ мы могли извлечь слѣдующія данныя о закованіи. Закованія совершались исключительно по высочайшему повелѣнію. 18 декабря былъ закованъ въ ручныя желѣза Александръ Бестужевъ, 8 января былъ закованъ деньщикъ Пестеля Савенко.

10 января «государь императоръ вслѣдствіе положенія тайнаго комитета высочайше повелѣть соизволилъ заковать въ ручныя желѣза содержащагося въ крѣпости л.-гв. финляндскаго полка поручика Цебрикова, за упорство въ признаніи и за употребленіе дерзости въ выраженіяхъ при допросѣ комитета». Цебриковъ былъ раскованъ только 30 апрѣля. 11 января былъ закованъ въ ручныя желѣза Якубовичъ. 14 января былъ закованъ въ ручныя и ножныя кандалы Якушкинъ; только 14 апрѣля были сняты съ него ножныя, и 18 апрѣля — ручныя кандалы.

16 января былъ закованъ Пушкинъ 1-ый. Затѣмъ, Пушкинъ 1-ый, закованный за упорное заpiresательство въ ручныхъ желѣзахъ, оказалъ въ показаніяхъ своихъ откровенность и былъ раскованъ 10 апрѣля.

17 января былъ закованъ Артамонъ Муравьевъ и раскованъ только 30 апрѣля; Арбузовъ былъ закованъ 21 января и раскованъ 30 апрѣля. 1 февраля былъ раскованъ кн. Оболенскій. Подпоручикъ Норовъ былъ закованъ 31 января и освобожденъ отъ оковъ 6 февраля. Бестужевъ-Рюминъ, закованный 11 февраля, раскованъ 30 апрѣля; Борисовъ (подп. 8 арт. бриг.) носилъ ручныя желѣза съ 15 февраля до 30 апрѣля. Разжалованный въ рядовые Башмаковъ, доставленный 15 февраля въ крѣпость въ кандалахъ, носилъ ихъ до 14 мая.

27 марта генераль Сукинъ доносилъ военному министру о слѣдующемъ распоряженіи: «титularyный совѣтникъ Семеновъ, за упорное заpiresательство при допросахъ, въ то время какъ многіе его уличали, былъ закованъ въ ручныя желѣза и имѣетъ быть содержимъ на хлѣбѣ и водѣ». И лишь послѣ того, какъ Семеновъ оказалъ въ показаніяхъ откровенность, государь «соизволилъ давать ему, Семенову, ту пищу, которая ему производилась раньше». Въ уваженіе къ оказанной имъ откровенности въ показаніяхъ онъ былъ раскованъ 12 апрѣля.

Къ 30 апрѣля оставались закованными и въ этотъ день были раскованы, кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, кн. Щенинъ-Ростовскій, Бестужевъ Михайлъ и крѣпостной человекъ Кюхельбекера Семенъ Балашовъ.

Мы не упомянули еще о подпоручикѣ Андреевичѣ 2-омъ, закованномъ въ ручныя желѣза 18 февраля. На него кандалы произвели угнетающее впечатлѣніе, и 25 апрѣля онъ написалъ слѣдующее безсвязное письмо въ Комитетъ. Это письмо не требуетъ никакихъ разъясненій и ярко свидѣтельствуетъ о вліяніи кандаловъ на психику заключенныхъ. Письмо воспроизводимъ буквально.

Въ Высочайше учрежденный комитетъ!

Движимый горестью и удрученіемъ связывающихъ меня желѣзъ! Кои заслужилъ я чрезъ мои преступныя дѣянія, осмѣливаюсь просить вторично, правосудныхъ членовъ Высочайше учрежденнаго комитета; видя мое печальное страданіе, уважьте сію униженную просьбу; и если есть возможность облегчите участь мою; хотя снятіемъ желѣзъ, съ коими я почти три мѣсяца, каждую минуту не разлученъ, кои днемъ и ночью мнѣ не даютъ покою.—Кажется я довольно уже наказанъ за мою легкомысленность. Милосердый Богъ принялъ мое раскаяніе, Онъ разрѣшилъ меня отъ моихъ согрѣшеній; послѣдуйте Его Святой стяжею, окажите снисхожденіе къ сей моей просьбѣ. Ахъ! я почту тотъ день и тотъ часъ, въ который свершится сіе благо.

Отдѣленъ будучи отъ родныхъ и ближнихъ; въ странѣ столь отъ нихъ далекой, въ печали, въ горести, въ желѣзахъ, какую я могу питать въ душѣ моей отраду? Въ семъ убѣжищѣ печальномъ, мрачномъ; въ бездѣйствіи безъ всякой пользы проходятъ дни мои унылы; умиляется жизнь моя; юность моя протекаетъ безутѣшно и постепенно истребляютъ дарованія мои, коими природа меня одарила.

Что будетъ со мною, когда всего сего лишусь; какая кому въ то время будетъ отъ меня польза; бѣдность! она одна со мною неразлучна; но кому я оною сдѣлать могу какую услугу. Ахъ! умоляю Васъ именемъ Всевышняго разрѣшите мои столь тягостныя узы, узы, коихъ я во всю жизнь мою имѣть не полагалъ. Онъ разлучаютъ меня съ матерью, коей положеніе и при мнѣ было горестное, но теперь увеличилось; дряхлость лѣтъ ея, а мое несчастье,

могутъ ли ей дать какую отраду? Онѣ разлучать меня съ семью братьями, кои нѣжно меня любили. — Ахъ! могутъ ли они быть спокойны? и такъ сіи плачевныя желѣзы не меня одного печалятъ и тяготятъ; но разлучая меня съ родными лишаютъ и ихъ спокойствія долгимъ моимъ отсутствіемъ и въ совершенной неизвѣстности.

Я повторяю предъ вами правосудніи члены мою просьбу и готовъ повергнуться къ стопамъ великодушнаго Монарха, чтобы умолить Его о состраданіи къ моему бѣдственному положенію. — Въ доказательство истиннаго моего раскаянія въ моихъ заблужденіяхъ я бы весь листъ свой, на коемъ пишу, оросилъ бы слезами, но горестъ изсушила ихъ. — Наконецъ если я уже не заслуживаю отъ васъ никакого призрѣнія, то троньтесь печалію моихъ родныхъ, которые вѣроятно льютъ слезы о моемъ несчастномъ положеніи! — Они и я будемъ вѣчно возсылать молитвы свои къ Всевышнему о благоденствіи вашемъ.

Подпоручикъ Андреевичъ 2-ой.

25 апрѣля это письмо было прочитано въ Комитетѣ, а 27 апрѣля, «въ уваженіе замѣченнаго въ немъ Комитетомъ раскаянія, и откровенности въ показаніяхъ» Андреевичъ былъ раскованъ.

П. Щеголевъ.

РЕЕСТРЪ

Высочайшимъ собственноручнымъ Е. И. В. повелѣніямъ, послѣдовавшимъ на имя ген.-ад. Александра Яковлевича Сукина.

№	Когда получены.		Мѣсяцъ декабрь 1825 года.
	Число.	Ч а с ъ.	
1	14	въ 11 час. пополудни.	Александръ Яковлевичъ, я разрѣшаю васъ въ случаѣ нужды оставить у себя 2 роты Измайловскаго полка и 6. Семеновскій который въ конвое у арестантовъ но безъ нужды отнюдь недовѣрчивости Л.-Гренадерскому караулу не оказывать.
2	—	въ 12 час. по полудни.	Прошу мнѣ прислать донесеніе когда все вами исполнено будетъ. 14 декабря 1825-го въ $\frac{3}{4}$ 10-го часа.
3	15	въ 3 час. по полуночи.	Присылаемаго Рылѣва посадить въ Алексѣвскій рavelинъ, но не связывая рукъ; безъ всякаго сообщенія съ другими, дать ему и бумагу для письма и что будетъ писать ко мнѣ собственноручно мнѣ приносить ежедневно.
4	—	въ 4 час. по полуночи.	Присылаемаго Горскаго посадить въ Алексѣвскій рavelинъ, безъ всякаго сообщенія, дать ему бумагу если попроситъ мнѣ писать.
5	—	въ 7 час. по полуночи.	Присылаемаго Кожевникова посадить на гауптвахту не связывая рукъ подъ строгимъ арестомъ и безъ всякаго сообщенія съ кѣмъ ни было.
6	—	въ 8 час. по полуночи.	Присылаемаго Ш. К. Карниловича посадить на гауптвахту отдѣльно отъ другихъ безъ всякихъ сообщеній съ кѣмъ бы ни было. 15-го декабря 1825-го.
7	—	въ исходѣ 8-го часа по полуночи.	Присланнаго Вишневекаго содержать подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ, не давая сообщаться съ другими. (на пакетѣ написано: «нужное»).
8	—	въ 9 час. по полуночи.	Въ отиѣну прежняго приказанія Вишневекаго, Бодиско и Арбузова посадить въ Алексѣвскій рavelинъ порознь. (На пакетѣ собственною Его Величества рукою написано: «нужное»).
9	—	въ 9 час. по полуночи.	Присылаемаго при семъ Кюхельбеккера посадить въ Алексѣвскій рavelинъ и сторожайше за нимъ наблюдать.
10	—	въ $\frac{3}{4}$ 10-го часа по полуночи.	Присылаемаго Бестужева посадить въ Алексѣвскій рavelинъ подъ строжайшій арестъ.
			Трубецкого при семъ присылаемаго посадить въ Алексѣвскій рavelинъ.
			За нимъ всѣхъ строже смотрѣть особенно не позволять никуда не выходить и ни съ кѣмъ не видѣться.

11	15	въ 10 час. по полуночи.	Присылаемаго Сомова посадить въ Алексѣевскій равелинъ.
12	—	во 2-й четверти 11 час. по по- луночи.	Якубовича посадить въ Алексѣевскій равелинъ.
13	—	въ 3 час. по полудни.	Присылаемаго Пущина отправить на гауптвахту въ крѣпость.
14	—	въ 8 час. по полудни.	Оболенскаго посадить въ Алексѣевскій раве- линъ подъ строжайшій арестъ, безъ всякаго сооб- щенія — не мѣшаетъ усилить наблюденіе, чтобъ громкихъ разговоровъ не было между арестантовъ буде по мѣсту сіе возможно.
15	—	въ 10 час. вечера.	Присылаемаго при семь Бестужева посадить въ Алексѣевскій равелинъ.
16	—	въ половинѣ 12-го час. по полудни.	Присланнаго Панова какъ самаго упрямаго по- садить тоже въ Алексѣевскій равелинъ и содер- жать наистрожайше.
17	16	въ 11 час.	Александра Яковлевича прошу опросить лейте- нанта Арбузова, кто былъ съ нимъ во фракѣ въ казармахъ гвардейскаго экипажа утромъ 14-го числа.
18	—	въ половинѣ 3-го час. по полудни.	Присылаемаго Каховскаго посадить въ Алексѣв- скій равелинъ, давъ бумагу пусть пишетъ, что хо- четъ, не давая сообщаться.
19	—	въ половинѣ 9-го час.	Присылаемаго при семь сего Николая Бесту- жева посадить въ Алексѣевскій равелинъ подъ строгий арестъ, давъ писать, что хочетъ.
20	—	—	Письмо отъ Пущина къ поручику л.-гв. конно- піонернаго эскадрона Петру Михайловичу Дарогану. Любезный Дароганъ, пожалуйста облегчи участь несчастнаго, пришли мнѣ все то, о чемъ я вчера тебя просилъ, т. е. сертукъ, рейтузы, фуражку, халатъ, туфли, кровать и постель, трубку, табакъ и нѣкоторыхъ книгъ, ко мнѣ безопасно можешь пріѣхать, я почти оправданъ, доносъ какихъ то подлецовъ уничтожится, пожалуйста навѣсти меня въ несчастіи, на гауптвахтѣ Петропавловской по- щади, весь твой Пущинъ. 16-го декабря 1825-го.
21	17	въ половинѣ 3-го час. по полуночи.	На ономъ письмѣ собственною Его Император- скаго Величества рукою написано: Узнать непременно чрезъ кого Пущинъ писалъ и запретить впередъ смѣть то дѣлать, взявъ мѣры противъ того.
22	—	въ половинѣ 3-го час. по полудни.	Чinovника Глѣбова посадить подъ арестъ, гдѣ удобно, онъ случайно присталъ, но содержать строго.
23	—	въ половинѣ 7-го час. по полудни.	Присылаемыхъ при семь Пущина и Одуевского посадить въ Алексѣевскій равелинъ.
24	—	въ 11 час. по полудни.	Присланныхъ при семь подпоручиковъ к. Вад- больскаго, Кожевникова и Фока посадить на гаупт- вахтѣ въ крѣпость.
25	—	въ началѣ 12-го час. по полудни.	Присылаемаго при семь Чижова посадить особо на гауптвахту. Бестужева по присылкѣ, равно и Оболенскаго и Щепина велѣтъ заковать въ ручныя желѣза. Бе- стужева посадить такъ же въ Алексѣевскій равелинъ.

26	18	въ половинѣ 10-го час. вечера.	Каховскаго содержать лучше обыкновеннаго содержания, давать ему чай и прочее, что пожелаетъ, но съ должною осторожностью. Адъютанта герцога, Александра Бестужева заковать; ибо по всѣмъ вѣроятіямъ онъ убійца штыкомъ графа Милорадовича. Содержаніе Каховскаго я принимаю на себя.
27	21	въ половинѣ 12-го час. по полудни.	Надо держать Ватковскаго совершенно втайнѣ, но дать ему писать, что хочетъ на мое лицо или кому хочетъ.
28	22	во 2 час. по полудни.	Записка отъ генераль-адъютанта Левашова, на коей Его Императорское Величество подписать изволилъ:
			По Высочайшему повелѣнію, при семъ посылаются письмо г-ну Каховскому и человѣкъ г-на Рылѣва. Г-ну Каховскому дать съ нимъ свиданіе въ присутствіи Вашего высокопревосходительства, послѣ чего, истребовавъ отвѣтъ онаго доставить сюда; также и человѣка <i>возвратить обратно</i> .
29	22	во 2-й четвер- ти 5-го час. по полудни.	Присылаемаго при семъ ш. к. Репина содержать подъ строгимъ арестомъ. 22-го декабря 1825-го.
30	23	въ 5 час. по полудни.	Присылаемаго при семъ Свиистунова посадить въ Алексѣевскій рavelинъ, давъ бумагу и содержа строго, но снабжа всѣмъ, что пожелаетъ, т. е. чаемъ.
31	23	въ 8 час. по полудни.	Присылаемаго Оржитскаго содержать подъ строгимъ арестомъ, гдѣ удобно. С.-Петербургъ 23-го декабря 1825.
32	24	въ половинѣ 12-го час. утра.	Присылаемаго к. Голицына посадить на гауптвахту, содержа строго, но хорошо. С.-Петербургъ 24 декабря 1825-го.
33	26	въ 1-й четвер- ти 5-го час. по полудни.	Присылаемаго Муравьева посадить по удобности подъ строжайшій арестъ; дать однако бумагу.
34	—	въ послѣдней четверти 5-го час. по по- лудни.	Присылаемаго при семъ Свиинина посадить подъ арестъ, по усмотрѣнію; давъ писать, что хочетъ.
35	—	въ 1-й четвер- ти 6-го час. по полудни.	Присылаемаго при семъ П. Кологривова посадить на гауптвахту подъ строгій арестъ. С.-Петербургъ 26 декабря 1825-го.
36	27	въ половинѣ 2 час. по по- лудни.	Присылаемаго Ринкевича посадить подъ строгій арестъ, по усмотрѣнію, давъ и бумагу. Въ Петербургѣ 27-го декабря 1825.
37	27	въ 3-ей чет- верти 8-го час. по полудни.	Присылаемаго графа Чернышева посадить на гауптвахту содержа хорошо. С.-Петербургъ 27 декабря 1825-го.
38	—	въ половинѣ 10-го час. по полудни.	Александръ Яковлевичъ, прошу господина Краснокутскаго, помѣстить у себя на квартирѣ офицерской, не арестовывая и позволить ходить по крѣпости, но не отлучаться, а за нимъ имѣть присмотръ. С.-Петербургъ 27-го декабря 1825.
39	28	по полудни въ 1-й четвер- ти 9-го час.	Присылаемаго при семъ генераль-маіора Орлова посадить въ Алексѣевскій рavelинъ, выведа Горскаго или кого другого и содержа хорошо. С.-Петербургъ 29 декабря 1825-го.

40	29	въ 2 час. по полудни.	Присылаемаго Васильчикова посадить по удобности, давъ писать, что хочетъ и содержи хорошо. С.-Петербургъ 29 декабря 1825-го.
41	29	во 2 час. по полудни.	Прошу, Александръ Яковлевичъ, позволить Орлову Михайлѣ видѣться у васъ съ Алексѣемъ Орловымъ. 29-го декабря 1825-го.
42	—	въ половинѣ 4-го час. по полудни.	Горожанскаго посадить, куда удобно подъ строгій арестъ. С.-Петербургъ 29-го декабря 1825-го.
43	—	въ исходѣ 4-го час. по полудни.	Присылаемаго при семъ Батенкова содержать строжайше, давъ писать, что хочетъ; такъ какъ онъ больной и раненый, то облегчить его положеніе по возможности. С.-Петербургъ 29 декабря 1825.
44	—	по полудни въ исходѣ 2-го час.	Присылаемаго л.-гв. Егерскаго полка у.-о. Ильина, заковавъ, содержать строго подъ арестомъ отдѣльно отъ другихъ. С.-Петербургъ 29 декабря 1825.
45	30	въ 4 час. по полудни.	Генераль-маіору Орлову дать видѣться съ братомъ Алексѣемъ и перевести на офицерскую квартиру, давъ свободу выходить, проаживаться и писать, что хочетъ, но не выходя изъ крѣпости.
46	31	во 2 час. по полудни.	Письмо доставить Муравьеву. 30-го декабря 1825. Генераль-адъютанту Бенкендорфу поручено мной снять допросъ съ г. Орлова, допустить сдѣлать надѣинѣ. С.-Петербургъ 31-го декабря 1825-го.

Копія съ высочайшихъ собственноручныхъ Его Императорскаго Величества повелѣній на имя мое послѣдовавшихъ съ 14-го по 31-е декабря 1825-го года всего сорокъ шесть, отмѣченные противъ каждого мною «вѣрно».

Генераль-адъютантъ *Сукинъ*.

1-го января 1826 года.

№	Когда получены.		Мѣсяцъ январь 1826 года.
	Число.	Ч а с ѣ.	
47	1	въ 8 час. по полудни.	Графа Якова Булгари посадить подъ строжайшій арестъ по усмотрѣнію вашему. С.-Петербургъ 1-го января 1826.
48	2	во 2 час. по полудни.	Присылаемаго полковника Митькова посадить по усмотрѣнію подъ строгій арестъ. С.-Петербургъ 2-го января 1826.
49	—	по полудни въ 5 час. въ исходѣ.	Присылаемаго Поливанова содержать подъ арестомъ. С.-П. 2 го янв. 1826.
50	—	въ 9 час. вечера.	Присылаемаго Калопина посадить подъ строгій арестъ, гдѣ удобно. Равно и присылаемаго Семенова содержать на гауптвахтѣ, гдѣ удобно, но строго содержа. С.-П. 2-го января 1826.

51	—	по полудни въ 12 час.	Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано карандашемъ: «отдать можно Муравьеву».
52	3	по полудни въ 3 часа.	При семъ вложенное письмо въ тотъ же часъ отдано Муравьеву мною ген.-ад. Сукинымъ.
53	—	въ 4 час. по полудни.	Присылаемаго Палицына содержать подъ строгимъ арестомъ по усмотрѣнію. С.-Петер. 3-го января 1826.
54	—	по полудни въ 12 час.	Присылаемаго при семъ Лорера содержать подъ строжайшимъ арестомъ. С.-П. 3-го января 1826.
55	4	по полуночи въ 12 час.	Пестеля помѣстить въ Алексѣевскій рavelинъ, выведя для того Каховскаго или другого изъ менѣе важныхъ. С.-П. 3-го янв. 1826.
56	6	въ 5 час. по полудни.	Присылаемаго Толстого содержать подъ строгимъ арестомъ. С.-П. 4 января 1826.
57	—	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго Штейнгеля посадить по усмотрѣнію подъ строгій арестъ. С.-П. 6-го января 1826.
58	6	по полудни въ 11 час. въ исходѣ.	Присылаемаго Крюкова держать подъ строгимъ арестомъ по усмотрѣнію. С.-П. 1826-го 6-го января.
59	—	по полудни въ 12 час.	Присылаемаго Титова посадить подъ арестъ по усмотрѣнію. С.-П. 6-го января 1826.
60	7	въ 3 час. по полудни.	Присылаемаго Г. Пушкина содержать подъ арестомъ по усмотрѣнію. С.-П. 6-го января 1826.
61	—	по полудни въ исходѣ 11-го час.	Присылаемаго Швейковскаго посадить и содержать строго. С.-П. 1826 года 7 января.
62	8	въ половинѣ 8-го час. по полудни.	Присылаемаго Юшневскаго содержать подъ строжайшимъ арестомъ, давъ писать, что хочеть. С.-П. 7-го января 1826.
63	—	по полудни въ 9 час.	Присылаемыхъ Муравьева и фонъ-Вольскаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго, давъ писать, что хотять. С.-П. 8-го января 1826.
64	8	въ началѣ 11-го час. вечера.	Присылаемаго П. Нарышкина посадить по усмотрѣнію гдѣ удобнѣе. С.-П. 8-го января 1826.
65	9	по полудни въ 3 час.	Присылаемаго Лихарева посадить по усмотрѣнію, давъ писать, что хочеть. С.-П. 8-го января 1826.
66	—	по полудни въ 3 час.	Присылаемаго Спирро Булгари посадить, гдѣ лучше; ибо по всему кажется невиновать, но смотрѣть строго. С.-П. 9-го января 1826.
67	—	по полудни въ 4 час.	Присылаемаго поручика Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго, но хорошо; ибо полагать должно невиновать. С.-П. 9-го января 1826.
68	10	во 2 час. по полудни.	Присылаемаго ш.-капитана Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго и хорошо. С.-П. 9-го января 1826.
69	—	по полудни въ 10 час.	Возвращаемаго Спиридона Булгари, принявъ, заковать и содержать строго.
70	11	по полудни во 2 час.	Присылаемаго Николая Булгари посадить по усмотрѣнію; содержа хорошо. С.-П. 10-го января 1826.
71	—	въ 4 час. по полудни.	Присылаемаго Хотяинцева посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 10-го января 1826.
			Полковника Тизенгаузена посадить подъ строгій арестъ по усмотрѣнію. С.-П. 11-го января 1826.
			Присылаемаго Кашкина содержать строго по усмотрѣнію. С.-П. 11-го января 1826.

72	—	по полудни въ половинѣ 9-го час.	Присылаемаго ш.-к. Муханова содержать подъ строжайшимъ арестомъ и помѣстить по усмотрѣнію. С.-П. 11-го января 1826.
73	—	по полудни въ 12 час.	Присылаемыхъ Аврашова и Вурцова посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 11-го января 1826.
74	12	во 2 час. по полудни.	Присылаемаго Поджіо содержать подъ строжайшимъ арестомъ, гдѣ удобнѣе. С.-П. 12-го января 1826.
75	—	въ 5 час. по полудни.	Присылаемаго г.-маіора фонъ-Визина посадить, гдѣ лучше, но строго и не давать видѣться ни съ кѣмъ. С.-П. 12-го января 1826.
76	—	въ 9 час. вечера.	Присылаемыхъ к. Шипкова и Г. Данзаса и Зубкова содержать подъ арестомъ такъ, какъ содержится Орловъ, но чтобъ отнюдь они другъ друга не видѣли. С.-П. 12-го января 1826.
77	13	по полудни въ 4 час.	Присылаемаго Фохта посадить, гдѣ получше; и такъ какъ онъ боленъ, послать ему лѣкаря и буде точно боленъ отправить въ госпиталь. С.-П. 13-го января 1826.
78	—	по полудни въ $\frac{3}{4}$ 10-го час.	Присылаемаго Сабурова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 13-го января 1826.
79	14	по полудни въ 5 час.	Присылаемаго Якушкина заковать въ ножныя и ручныя желѣза; поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя. С.-П. 14-го января 1826.
80	—	по полудни въ исходѣ 8-го час.	Присылаемаго Муравьева отставного полк. посадить по усмотрѣнію, содержа хорошо. С.-П. 14-го января 1826.
81	—	на полудни въ 10 час.	Присылаемаго Леспона посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 14-го января 1826.
82	15	въ 1 час. по полуночи.	Присылаемаго к. Сергѣя Волконскаго посадить или въ Алексѣевскомъ равелинѣ, или гдѣ удобно; но такъ, чтобы и о приводѣ его было неизвѣстно. С.-П. 14-го января 1826-го.
83	—	по полудни въ $\frac{3}{4}$ 3-го час.	Присылаемаго Басаргина и Вольфа посадить по усмотрѣнію. С.-П. 15-го января 1826-го.
84	15	по полудни въ исходѣ 9-го час.	Присылаемаго к. Варягинскаго посадить по усмотрѣнію. С.-П. 15-го января 1826.
85	16	по полудни въ началѣ 8-го час.	Присылаемаго Пушкина 1-го заковать въ ручныя желѣза и посадить и содержать строго. С.-П. 16-го января 1826.
86	—	въ началѣ 9-го час. по полудни.	Присылаемаго Пушкина 2-го посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 16-го января 1826.
87	17	по полудни въ половинѣ 4-го час.	Присылаемаго Фролова посадить по усмотрѣнію. С.-П. 17 января 1826.
88	—	по полудни въ началѣ 12-го час.	Присылаемаго Муравьева отставного п. полковника посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 17-го января 1826.
89	—	по полудни въ началѣ 12-го час.	Содержащагося Артамона Муравьева прислать съ г.-а. Левашовымъ ко мнѣ. С.-П. 17-го января 1826.
90	18	въ половинѣ 1-го час. по полуночи.	Присылаемаго злодѣя Муравьева Артамона заковать и содержать какъ наистроже. С.-П. 17-го января 1826.

91	—	по полудни въ 3 час.	Присылаемыхъ п. полков. Миклашевскаго, полк. фонъ-дербъ-Бригена, порут. 6. Черкасова, капит. Пыхачева и капит. Исленьева посадить по усмотрѣнію, содержа хорошо. С.-П. 18-го января 1826.
92	19	во 2 час. по полудни.	Присылаемаго Исленьева держать нагауптвахтѣ впредъ до приказанія. С.-П. 19 января 1826.
93	—	по полудни въ 4 час. въ началѣ.	Присылаемаго Загорѣцкаго посадить и содержать строго. С.-П. 19-го января 1826.
94	—	въ 12 час. по полудни.	Присылаемаго Рюмина посадить по усмотрѣнію и содержать, какъ наистроже.
95	19	въ 3 час. по полудни.	Дать писать, что хочетъ. С.-П. 19-го января 1826.
96	20	во 2 час. по полудни.	Собственною его Императорскаго Величества рукою написано карандашемъ: «Письмо отдать отставному подполковнику Муравьеву-Апостолу».
97	—	по полудни въ 4 час.	Присылаемаго фонъ-Визина отставного п. полковника посадить и содержать строго по усмотрѣнію. С.-П. 20-го января 1826.
98	21	во 2 час. по полуночи.	Присылаемыхъ Непенина и Капниста содержать хорошо, помѣстья по усмотрѣнію. С.-П. 20-го января.
99	21	по полудни въ 3 час.	Присылаемаго Сергѣя Муравьева посадить подъ строгій арестъ по усмотрѣнію; онъ раненъ и слабъ, лучше будетъ его посадить въ Алексѣевскій равелинъ и снабдить всѣмъ нужнымъ; лѣкарю велѣтъ его сейчасъ осмотрѣть и ежедневно дѣлать должный осмотръ и перевязку. С.-П. 20-го января 1826-го.
100	—	въ 9 час. по полудни.	Присылаемыхъ Кривцова, Поджіо 2-го, Раевского, Янтальцова и Плещеева посадить и содержать строго, но хорошо. С.-П. 21-го января 1826.
101	—	въ 10 час. по полудни.	Присылаемаго Давыдова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 21-го января 1826.
102	—	въ 11 час. по полудни.	Присылаемаго г. Олизара содержать строго, но хорошо. С.-П. 21-го января 1826.
103	22	въ 8 час. по полудни.	Присылаемаго Борисова 2-го содержать строго и хорошо. С.-П. 21-го января 1826.
104	24	въ 1 час. по полудни.	Присылаемыхъ Заикина и Аврамова посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 22-го января 1826.
105	—	по полудни во 2 час.	Присылаемаго Горскина содержать по усмотрѣнію хорошо. С.-П. 24-го января 1826.
106	25	въ 1 час. по полуночи.	Присылаемаго жида Давыдку содержать по усмотрѣнію хорошо. С.-П. 24-го января 1826.
107	—	въ 3 час. по полудни.	Присылаемаго к. Оболенскаго 2-го посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 25 января 1826.
108	—	въ 3-ей четверти 4-го час. по полудни.	Присылаемаго Лядуховскаго посадить по усмотрѣнію и держать строго. Полков. Ругга посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 25-го января 1826.
109	26	по полуночи во 2 час.	Присылаемаго Плещеева 2-го посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 25 января 1826.
110	26	—	Можно Кюхельбекера расковать. С.-П. 26-го января 1826.
			Генералу Раевскому позволяю видѣться въ нашемъ присутствіи съ г. Орловымъ и съ Лихаревымъ и Поджіо 2, по врозь и съ обыкновенною осторожностью. С.-П. 26-го января 1826.

111	—	въ 2 час. по полудни.	Присылаемыхъ Ивашева и Жидкова содержать хорошо и посадить по усмотрѣнію. С.-П. 26-го января 1826.
112	—	въ половинѣ 11-го час. по полудни.	Присылаемаго Кюхельбекера посадить и содержать по прежнему. С.-П. 26-го января 1826.
113	27	по полудни во 2 час.	Присылаемаго Зыкова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 27-го января 1826.
114	—	въ первой четверти 12 го час. по полудни.	Присылаемаго <i>графа Яблоновскаго</i> посадить, буде возможно въ Алексѣевскій равелинъ или гдѣ лучше и содержать хорошо. С.-П. 27-го января 1826.
115	28	по полудни въ 1 час.	Присылаемаго Романова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 28-го января 1826-го.
116	29	по полудни въ 8 час.	Присылаемаго Мошинскаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 29-го января 1826-го.
117	—	въ 9 час. по полудни.	Присылаемаго <i>Ватковскаго 2-го</i> посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 29-го января 1826.
118	—	въ 10 час. по полудни.	Присылаемаго Искритскаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 29-го января 1826.
119	30 января	—	При возвращенномъ письмѣ Одоевскаго на особой бумагѣ карандашемъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Изъ письма Одоевскаго увидите, что онъ что то хочетъ объявить. Пусть напишетъ, а видѣть его мнѣ некогда».
120	31	въ 1 час. по полудни.	Объявлено генераль - адъютантомъ Сукинымъ тогда-же 30-го января по полудни въ 1-мъ часу. Присылаемаго П. Фанемберга посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 31-го января 1826.
121	—	въ 9 час. по полудни.	Присылаемаго п. п. Норова посадить по усмотрѣнію и заковать, содержать наистрожайше. С.-П. 31-го января 1826.
122	—	въ половинѣ 10-го час. по полудни.	Присылаемаго Врангеля посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 31-го января 1826.
123	—	въ 11 час. по полудни.	Присылаемаго Тютчева посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 31-го января 1826.

№	Когда получены.		Мѣсяць февраль 1826 года.
	Число.	Ч а с ь.	
124	1	въ 7 час. по полудни.	Присылаемаго Анненкова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 1 февраля 1826.
125	—	въ 9 час. по полудни.	Присылаемаго Берстеля посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 1-го февраля 1826.
126	—	по полудни въ 10 часу.	Присылаемаго Нащокина посадить по усмотрѣнію, содержа хорошо. С.-П. 1-го февраля 1826.
127	2	въ 2 час. по полудни.	Присылаемаго Спиридова посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 2-го февраля 1826.
128	—	по полудни въ исходѣ 9-го час.	Присылаемаго Паскевича посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 2-го февраля 1826-го.

129	3	по полудни въ 10 час.
130	—	въ исходѣ 11-го час. по полудни.
131	—	въ исходѣ 12-го час. по полудни.
132	4	въ 2 час. по полудни.
133	—	по полудни въ 10 час.
134	1826 февраля 6	въ 10 час.
135	7	въ 9 час. по полудни.
136	—	въ 11 час. по полудни.
137	9	по полудни въ 3 час.
138	—	по полудни въ 10 час.
139	9	по полудни въ 12 час.
140	11	въ 10 час. по полудни.
141	13	по полудни въ 9 час.
142	14	въ началѣ 1-го час. по полудни.
143	—	по полудни въ $3\frac{1}{4}$ -го час.
144	15	по полудни въ 10 час.
145	—	въ 11 час. по полудни.
146	16	по полудни въ 9 час.
147	18	по полудни въ 4 час.
148	19	по полудни въ 10 час.
149	21	по полудни въ 1 час.
150	22	въ 3 час. по полудни.

Присылаемаго Горбачевского посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 3-го февраля 1826.

Присылаемаго Андріевича посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 3-го февраля 1826.

Присылаемаго Лукашевича посадить, гдѣ лучше, и содержать хорошо. С.-П. 3-го февраля 1826-го.

Присылаемаго Веденяпина посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 4-го февраля 1826.

Присылаемаго Везчаснаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 4-го февраля 1826-го.

Карандашемъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «письмо вручить можно г. Раевскому; можно позволить видѣть тѣ же лица, кои въ первый разъ видѣлъ».

Получ. 6-го февраля 1826-го въ 10 часовъ.

Кончилось свиданіе въ 11 часовъ.

Присылаемаго Пестова посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 7-го февраля 1826.

Присылаемаго Кирѣева посадить по усмотрѣнію и содержать строго.

Присылаемаго Торновскаго посадить и содержать хорошо. С.-П. 10-го февраля 1826.

Присылаемаго Громницкаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 10-го февраля 1826.

Присылаемаго Лисовскаго посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 10-го февраля 1826.

Присылаемаго Андріевича 2-го посадить, гдѣ удобно, и содержать строго. С.-П. 11-го февраля 1826.

Присылаемаго Комара посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 13-го февраля 1826.

Посылаемаго Франка посадить по усмотрѣнію, содержа строго. С.-П. 14-го февраля 1826.

Присылаемаго Юшневскаго 2-го посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 14-го февраля 1826-го.

Присылаемаго п. п. Арсеньева посадить и содержать хорошо. С.-П. 15-го февраля 1826.

Присылаемаго Красносельскаго 1-го посадить и содержать хорошо. С.-П. 15 февраля 1826.

Присылаемыхъ двухъ Красносельскихъ и Веденяпина 2-го посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 16-го февраля 1826.

Присылаемыхъ Фролова 2-го и Фурмана посадить и содержать строго. С.-П. 18-го февраля 1826.

Присылаемыхъ Черноглазова, Тиханова и Мозгина посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 19-го февраля 1826.

Присылаемаго Перетца посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 20 февраля 1826.

Присылаемаго Шимкова, Мозгалевского и Шахарева посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 22 февраля 1826.

Копіи съ высочайшихъ, собственноручныхъ Его Императорскаго Величества повелѣній въ имя мое послѣдовавшихъ съ 1-го января по 1-е февраля 1826 года по сему описанію начиная съ № 47-го по 150 № и съ онымъ включительно всего сто четыре, отмѣченныя противу каждого мною «вѣрно».

Генераль-адъютантъ *Суккинъ*.

6-го августа 1826 года.

Далекое и Недавнее.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Свои «воспоминанія» я начала писать въ самую глухую пору русской жизни, когда трудно было рассчитывать, чтобъ онѣ появились въ печати при моей жизни, поэтому я писала такъ, какъ пишутъ только для себя, какъ бесѣдуютъ только съ очень, очень близкими друзьями, безъ недомолвокъ, не умалчивая о фактахъ, не скрывая ни мысли, ни чувства. Теперь по предложенію журнала «Былое» я отдаю эти строки въ печать. Часть этой рукописи была написана въ концѣ 1895 года, т. е. десять лѣтъ назадъ; остальное я закончила уже теперь въ 1906 году ¹⁾. Я пыталась было моимъ воспоминаніямъ придать болѣе правильную, строгую форму, но увидала, что это значило бы лишить давно написанное всей свѣжести только что пережитыхъ впечатлѣній, испытанныхъ настроеній не возсоздашь, разъ они легли въ извѣстной формѣ на бумагу—измѣнить форму, значитъ стереть ихъ, поэтому я оставила написанное со всѣми его недостатками, но и со всей его искренностью, которая, надѣюсь, искупитъ многое. Воспоминанія охватываютъ 1878—81 годы, т. е. одинъ изъ наиболѣе рельефныхъ періодовъ русскаго революціоннаго движенія. Это далекое еще живетъ въ недавнемъ и потому близко всѣмъ. Ошибки прошлаго не менѣе поучительны, какъ и положительныя стороны его, а потому я старалась отмѣчать факты прошлаго во всей ихъ жизненной правдѣ... Эти факты такъ переплелись съ моей личной судьбой, что мнѣ невольно пришлось говорить и о себѣ, но и въ области личнаго я беру только то, что создастъ дальнѣйшіе факты и дѣйствія...

¹⁾ Окончаніе написанной рукописи попало въ время обыска у моего мужа И. С. Джабадари въ 1896-мъ году и пропало.

Сергѣй Михайловичъ
КРАВЧИНСКІЙ (СТЕПНЯКЪ).

Далекое и Недавнее.

Воспоминанія изъ жизни революціонеровъ 1878—81 г. г.

(Посвящается памяти С. М. Кравчинскаго).

Смерть Сергѣя Кравчинскаго. «Смерть русскаго преступника»—такъ озаглавлено коротенькое извѣстіе изъ англійскихъ газетъ, которое сегодня (29 декабря 1895 г.) невольно бросилось мнѣ въ глаза, когда я по привычкѣ просматривала газету «Кавказъ». Какое-то предчувствіе сжало мнѣ сердце, я нетерпѣливо стала искать имя... да, вотъ оно переименованное, но давно знакомое имя человѣка, бывшаго когда-то однимъ изъ моихъ лучшихъ друзей и память о которомъ остается и до сихъ поръ однимъ изъ отраднѣйшихъ воспоминаній далекой молодости. Степнякъ Крачковскій, такъ называетъ его газета,—Сергѣй Кравчинскій, мой старый другъ и братъ, неужели это ты... Страшно, мучительно страшно вѣрить, что какая-то слѣпая случайность порвала навсегда твой узы съ землей, съ этой неблагодарной землей, которая при всемъ просторѣ ея была для насъ только тюрьмой. Газета называетъ тебя преступникомъ за то, что ты когда то убилъ одного человѣка, забывая, что этотъ человѣкъ убивалъ медленной пыткой тысячи людей, изъ коихъ многіе были твоими друзьями. Да, съ христіанской точки зрѣнія убійство преступно, но оно одинаково преступно и для власти имущихъ; убійство за убійство, смерть за смерть, вотъ пока завѣтъ правящихъ—но когда сердце человѣка, простого гражданина не облеченнаго властью, возмущается цѣнью легальныхъ убійствъ и мститъ кровью за кровь, ему кричатъ—«преступникъ». Вотъ эпитафія близорукой толпы надъ твоей безвременной могилой—горе побѣжденному, для толпы онъ всегда преступникъ. Но тебя, заклеяменнаго этимъ именемъ самодовольной толпы, я знала какъ человѣка добраго, самоотверженнаго и прекраснаго.

Одаренный необыкновенными способностями, горячей душой и пылкой фантазіей, ты могъ скорѣе, чѣмъ другіе въ этой толпѣ, занять крупное мѣсто, идя по торной дорогѣ; но еще очень молодымъ офицеромъ, ты съ презрѣніемъ сбросилъ мундиръ, забывая всѣ его привилегіи, о которыхъ всегда хорошо помнятъ остальные честолюбцы и политическіе интриганы. Не власти надъ людьми искалъ ты, она передъ тобой сама собой открывалась, ты жаждалъ жертвоприношенія, подвига, настоящаго христіанскаго подвига въ защиту малыхъ сихъ. Въ вопросахъ вѣры ты былъ теоретически скептикомъ, но вѣра безсознательно жила въ твоей душѣ, управляла твоимъ чувствомъ и жизнью. Не свое я помѣстилъ ты на алтарь низверженнаго божества, какъ это дѣлаютъ истинные скептики и невѣрующіе, а человѣ-

чество въ его высшемъ идеальнѣйшемъ представленіи; этому бо-
жеству, этой мечтѣ ты принесъ въ жертву всего себя, всѣ свои
силы, всю свою жизнь. Ты не ждалъ награды ни въ земной, ни
въ загробной жизни, ты жаждалъ лишь раздробить хоть одно
звено тѣхъ цѣпей, которыя сковывали и сковываютъ твое бо-
жество, а для себя ты мирился со всѣмъ, даже съ цѣпями ка-
торжника и эшафотомъ. Въ этомъ сказался цѣлый забытый то-
бою, подлинный рядъ предковъ, воспитанныхъ въ завѣтахъ Хри-
ста: вочеловѣчившееся божество, искупающее страданьемъ грѣхи
міра—вотъ тотъ идеалъ, которому безсознательно подражалъ ты,
и если, подобно апостолу Петру, ты обнажилъ мечъ, когда «слуги
міра» терзали твое божество, когда на твоихъ глазахъ вѣшали
мужчинъ и въ тюремныхъ застѣнкахъ подвергали позорнымъ на-
силіямъ женщинъ, кто можетъ бросить за это камень въ тебя.
Не за свои страданья, не за свои оскорбленія мстилъ ты, судьба
спасала тебя отъ нихъ, но «за други своя»...

А какимъ хорошимъ вѣрнымъ другомъ былъ ты, это я испы-
тала сама. Никогда не изгладится изъ моей памяти наша пер-
вая встрѣча. Это было въ первыхъ числахъ августа, того при-
снопамятнаго 1878 года, когда громы Плевненскихъ пушекъ за-
глушили вдругъ одинъ слабый звукъ выстрѣла Вѣры Засуличъ,
и съ кровью нашихъ солдатъ, сложившихъ головы на Балканахъ,
съ кровью первыхъ политическихъ казней на югѣ (казнь Ко-
вальскаго) смѣшалась кровь главы домашнихъ опричниковъ,
кровь генерала Мезенцева. Я тогда только что вырвалась изъ Си-
бирскаго плѣна—бѣжала изъ ссылки куда глаза глядятъ, лишь
бы избавиться отъ позорной неволи, гдѣ я, въ то время молодая
дѣвушка, очутилась вдругъ одна одинешенька въ положеніи без-
правной рабыни. Какъ я добралась до Петербурга въ такое
смутное время, мнѣ и самой кажется невѣроятнымъ, помню
только, что, ступивъ свободной ногой на камни Петербургской
мостовой, я впервые задала себѣ вопросъ—куда же я дѣнусь.
Въ карманѣ у меня оставалось всего на всего нѣсколько копѣекъ,
и въ рукахъ никакого багажа и ни одного адреса, куда я могла
бы пойти. Такъ стояла я въ раздумьи на дебаркадерѣ желѣзной
дороги и не замѣчала, что на вокзалѣ и на улицахъ происходило
какое то необыкновенное движеніе. Толпа какъ то глухо волно-
валась. «Убить, наповалъ убить», донеслось до меня... я подняла
голову и въ недоумѣніи оглянулась; въ это время ко мнѣ при-
близилась какая то пожилая женщина, одѣтая по мѣщански и
засматривая мнѣ въ лицо, слащавымъ голосомъ стала спраши-
вать, гдѣ я думаю остановиться и есть ли у меня родные; я
отвѣчала, что родныхъ у меня нѣтъ и я не знаю еще гдѣ оста-
новлюсь, потому что не знаю города. Женщина еще разъ огля-
дѣла меня и вкрадчиво предложила остановиться у нея въ но-
мерахъ—номера-де дешевые и хорошіе. Взглядъ и обращеніе этой
женщины мнѣ не понравились, но я такъ была безпріютна, что
съ радостью согласилась на ея предложеніе, видя въ немъ спа-

сеніе, быть можетъ, посланное мнѣ судьбой. Дорогой, бесѣдуя о томъ, какъ нынче трудно жить въ столицѣ, она сообщила мнѣ между прочимъ, что сегодня утромъ какой то злоумышленникъ убилъ на улицѣ шефа жандармовъ. Я вздрогнула, это еще больше осложняло мое положеніе—ища убійцу, могутъ случайно поймать и меня.

И такъ, я очутилась въ Петербургѣ 4-го августа, какъ разъ въ день убійства Мезенцева... Найду ли я кого нибудь изъ своихъ бывшихъ товарищей, вотъ вопросъ, который поглощалъ въ то время все мое существо. Хозяйка тѣмъ временемъ ввела меня въ грязный полутемный номеръ и подала самоваръ, а на послѣднія 5 коп. я купила хлѣба. Чаю у меня не было и, заливъ хлѣбъ горячей водой, я вышла бродить по Петербургу. Цѣлыхъ три дня бродила я по этому дѣйствительно незнакомому мнѣ въ то время городу и все безуспѣшно; хлѣбъ мой давно уже вышелъ, и я буквально голодала, еле волоча ноги. Хозяйка была слишкомъ опытна и сразу замѣтила мое положеніе, но продолжала быть любезной; сама даже заварила раза два чай и принесла булку; но только что я успѣла утолить голодъ, какъ ко мнѣ зашелъ корридорный и довольно нахально предложилъ мнѣ познакомиться съ какими-то молодыми людьми, проживающими тамъ же въ номерахъ. Я въ первую минуту остоленѣла, до того я была далека отъ мысли, что я женщина, что мною могутъ интересоваться, какъ молодой дѣвушкой; я помнила въ себѣ только безпріютнаго бѣглеца и больше ничего.

Придя въ себя, я кое какъ выпроводила корридорнаго и, накинувъ поспѣшно платокъ на голову, выбѣжала на улицу. На этотъ разъ счастье улыбнулось мнѣ, я застала наконецъ дома пріѣхавшаго съ дачи присяжнаго, повѣреннаго Бардовскаго, съ которымъ, я знала, была знакома Вѣра Фигнеръ (Филиппова), старый товарищъ мнѣ по студенческому кружку въ Цюрихѣ и сестра осужденной вмѣстѣ со мной по процессу 50-ти Лидіи Фигнеръ. Дѣйствительно Бардовскій зналъ Вѣру Фигнеръ, но она жила въ то время въ Самарѣ; здѣсь же въ Петербургѣ онъ указалъ мнѣ Софію Лешернъ, освобожденную по процессу 193-хъ и живущую въ городѣ (въ 1879 году С. Лешернъ была арестована въ Кіевѣ вмѣстѣ съ В. Осинскимъ и осуждена къ смертной казни, но затѣмъ помилована и сослана на Кару на вѣчную каторгу, гдѣ и умерла послѣ одной изъ тюремныхъ голодовокъ).

Присяжный повѣренный Бардовскій. Добрый, порывистый и симпатичный, Бардовскій хоть и не зналъ меня совѣмъ и только въ качествѣ защитника Субботиныхъ видѣлъ меня на процессѣ, тѣмъ не менѣе онъ сейчасъ же предложилъ мнѣ свое гостепріимство, но я, сердечно поблагодаривъ его, отказалась, чувствуя какую-то нравственную щепетильность подвергать опасности совершенно посторонняго человѣка, хотя и показавшаго на судѣ замѣчательную сердечность и симпатію къ намъ. Такъ, я помню во время защитительной рѣчи онъ до того взволновался,

что судъ долженъ былъ прервать на нѣсколько минутъ засѣданіе, чтобы дать ему успокоиться; это воспоминаніе и направило меня безотчетно къ нему, но воспользоваться его гостепріимствомъ я не рѣшилась. Эта моя осторожность его однако не спасла, — 25 іюля 1879 г. онъ былъ арестованъ и очень скоро впалъ въ душевную болѣзнь. Арестъ слишкомъ потрясъ его, потому что вѣроятно былъ для него совсѣмъ неожиданъ. Его обвиняли въ укрывательствѣ меня—это былъ ложный доносъ, основанный вѣроятно на неосторожномъ разсказѣ его гдѣ нибудь о моемъ посѣщеніи. Это воспоминаніе о гибели человѣка прекраснаго и добраго, но посторонняго революціонному движенію, всегда лежало тяжелымъ камнемъ у меня на сердцѣ. Но въ ту минуту я не могла предвидѣть такой трагической развязки, иначе мнѣ не мила бы стала моя свобода...

Софья Лешернъ. Получивши отъ Бардовскаго адресъ Софьи Лешернъ, я чувствовала себя спасенной; хотя лично ее никогда до тѣхъ поръ не знала, но насъ сроднили общія невзгоды и тюрьма. Какъ на крыльяхъ полетѣла я къ ней и застала ее дома. Она приняла меня сердечно, будто давножданную сестру, посоветовала мнѣ сейчасъ же выбраться изъ моихъ меблированныхъ комнатъ и предложила временный пріютъ у себя. Пріютъ этотъ была скромная комнатка Александры Малиновской, молодой дѣвушки художницы, гостившей въ то время гдѣ-то на дачѣ и временно передавшей ключъ отъ своего жилища Софьѣ Лешернъ.

Здѣсь въ этой комнаткѣ близъ Забалканскаго проспекта въ Измайловскомъ полку, въ тотъ же вечеръ собралось человѣкъ 15-ть совсѣмъ еще незнакомаго мнѣ народа, но которыхъ влекла туда общность борьбы, надеждъ и страданья. Какъ мало изъ нихъ осталось теперь въ живыхъ!...

Сергій Кравчинскій въ Петербургъ. Тутъ-то впервые я встрѣтила моего названнаго брата Сергѣя Кравчинскаго... Несмотря на крайнюю опасность, съ которой сопряжено было каждое появленіе его на улицѣ, онъ пришелъ привѣтствовать меня въ этотъ первый день моей свободы; быть можетъ онъ безсознательно былъ суевѣренъ, какъ многіе стоявшіе лицомъ къ лицу со смертью, и мое появленіе въ Петербургѣ въ день 4-го августа, этотъ первый въ то время побѣгъ изъ Сибири, казался ему счастливымъ предзнаменованіемъ близкой свободы для всѣхъ... Да, мы были въ то время еще молоды, мы не разучились еще вѣрить и мечтать...

Было уже нѣсколько человѣкъ въ сборѣ, когда онъ вошелъ въ комнату; его крупная мужественная фигура и оригинальная голова невольно привлекла мое вниманіе; онъ былъ одѣтъ джентельменомъ, въ рукахъ держалъ высокій цилиндръ, а наполеоновская борода придавала ему видъ иностранца. Въ комнатѣ, кромѣ меня еще были двѣ, три женщины, но онъ прямо подо-

шелъ ко мнѣ и свободнымъ товарищескимъ жестомъ протянулъ мнѣ руку.

«Я знаю васъ заочно, сказалъ онъ мнѣ, быть можетъ и вы слышали также обо мнѣ» и назвалъ себя.

«Да», отвѣчала я и подумала, какъ же не слышать имени одного изъ первыхъ пионеровъ «хожденія въ народъ», слышпаго какъ крупный ораторъ и талантливый человѣкъ. Онъ былъ старше меня и по возрасту и по дѣятельности въ народѣ, и я смотрѣла на него какъ на старшаго товарища. Несмотря на то, что въ молодости я была крайне застѣнчива и очень трудно сближалась съ людьми, между нами какъ-то сразу завязалась свободная, простая, искренняя бесѣда, сразу сдѣлавшая насъ друзьями. Бесѣдуя съ нимъ, я свободно всматривалась въ его открытое, смѣлое, оригинальное лицо, неправильныя ломанныя линіи котораго словно красили его своимъ уродствомъ. Да, онъ былъ и красавецъ и уродъ. Мягкіе, коротко подстриженные темно-русые волосы, крупными волнами обрамляли его необычно большую голову и большой прекрасный открытый лобъ необыкновенной бѣлизны; широкія, короткія темныя брови раздѣлены было двумя глубокими вертикальными складками надъ переносьемъ, придававшими лицу видъ рѣшимости и энергіи. Крупный ротъ съ сочными свѣжими губами порой раскрывался въ широкую добрую улыбку, порой передергивался какой-то меланхолически-нервной гримасой; каріе глаза его то загорались огнемъ, то смотрѣли съ какой-то разсѣянной задумчивостью; онъ словно уходилъ въ себя и ничего не видѣлъ вокругъ. Вообще въ этомъ на видъ здоровомъ, могучемъ, порой почти шумно веселомъ человѣкѣ, при внимательномъ наблюденіи, можно было подмѣтить симптомы пережитаго глубокаго нервнаго потрясенія, внѣшніе слѣды котораго лишь сглаживались силою сдержанности, но не исчезали вполне.

Валерьянъ Осинскій. Нашъ оживленный разговоръ мало по малу привлекъ къ намъ еще нѣкоторыхъ. Всѣхъ ярче вѣзалась въ моей памяти фигура Валерьяна Осинскаго. Высокій, стройный блондинъ съ благородными правильными чертами лица, съ красивыми глазами, вспыхивающими иногда энтузіазмомъ молодости, онъ напоминалъ молодого офицера, еще не бывавшаго въ серьезномъ огнѣ, но мечтающаго о крупномъ боѣ. Впрочемъ онъ не былъ уже новичкомъ и побывалъ если не въ бою, то въ серьезныхъ рекогносцировкахъ. Какъ истинный рыцарь, или лучше сказать какъ большая часть нашихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, онъ началъ свою дѣятельность съ преклоненія передъ страданьемъ. Первый шагъ, познакомившій его, впрочемъ не надолго, съ тюрьмой, была попытка проникнуть въ залу суда во время нашего процесса 50-ти, гдѣ онъ жаждалъ увидѣть, главнымъ образомъ, какъ онъ сознался мнѣ, насъ, «московскихъ амазонокъ», выросшихъ въ барскихъ хоромашъ, вкусившихъ всѣхъ прелестей свободного умственного труда въ европейскихъ уни-

верситетахъ и затѣмъ, съ такой отважной простотою, перешагнувшихъ порогъ грязнаго вертепа Московскихъ фабрикъ, какъ простыя работницы. Въ ту минуту, когда подошелъ къ намъ Осинскій, мы говорили съ С. Кравчинскимъ о біографіи безвременно покончившей съ жизнью Бети Каминской, біографіи незадолго передъ тѣмъ напечатанной въ заграничномъ журналѣ «Община» и написанной въ тюрьмѣ совмѣстно мною и Бардиной. Кравчинскій спрашивалъ меня, работавшую на одной фабрикѣ съ Каминской, дѣйствительно ли тѣ нѣсколько мрачныя впечатлѣнія, которыя сквозятъ въ описаніи ея пребыванія на фабрикѣ, суть впечатлѣнія, окрашенныя индивидуальностью Каминской, или же они у меня общія съ нею. Я отвѣчала утвердительно, и у насъ зашелъ горячій споръ о народѣ. Кравчинскій, несмотря на свой прошлый опытъ пропаганды въ народѣ, опытъ столь же сравнительно малопродуктивный, какъ и всѣ бывшіе до и послѣ него, опытъ кончившійся арестомъ въ деревнѣ и спасеніемъ бѣгствомъ, остался всетаки большимъ энтузіастомъ и вѣрилъ, что придетъ время и быть можетъ скоро придетъ, когда русскій народъ пойметъ насъ и станетъ грудью за свою свободу, а пока мы должны расчистить для него путь борьбою съ правительствомъ, не оставляя однако дѣла пропаганды.

«Вы, сказали мнѣ Кравчинскій, говорите, что увлечъ за нами массу трудно, что она втеченіе всей своей исторіи отступала, избѣгая внутренней борьбы, бѣжала въ горныя степи, въ Сибирскую тайгу—а что вы скажете о Чигиринскомъ дѣлѣ?»

О Чигиринскомъ дѣлѣ, я о немъ ничего не знала; оно произошло въ мою бытность въ Сибири, и Кравчинскій съ увлеченіемъ разсказалъ мнѣ попытку Стефановича и Дейча, выдавъ себя за царскаго комиссара, организовать возстаніе въ Чигиринѣ. Это самозванство не понравилось мнѣ, оно было опасно тѣмъ, что какъ бы еще болѣе усиливало легенду о «царѣ заступникѣ», хотя практически оно скорѣе могло привести къ результату, т. е. къ возстанію противъ властей, чѣмъ наша искренняя открытая пропаганда. Всѣ они чувствовали однако, какъ и я, что съ идеаломъ *peuple souverain* съ идеаломъ могучаго и гордаго народа, сознающаго свое право и опирающагося на свою только силу, волей неволей нужно пока проститься; и какъ бы для того, чтобъ развѣять грусть, набѣжавшую на наши лица, за минуту оживленныя споромъ, Осинскій сталъ съ увлеченіемъ разсказывать исторію побѣга Стефановича и Дейча изъ Кіевской тюрьмы, побѣга, въ которомъ, какъ я узнала потомъ, онъ принималъ очень дѣятельное участіе.

Александръ Михайловъ. Затѣмъ разговоръ мало по малу сдѣлался общимъ; отъ Чигиринскаго дѣла перешли къ разсказу о попыткахъ сближенія съ народомъ на почвѣ легально-культурной, попыткахъ лишенныхъ уже всякаго слѣда революціонной поэзіи, попыткахъ граничащихъ съ простымъ занятіемъ той или другой профессіей, а Александръ Михайловъ, носившій прозвище

дворника, повѣдалъ намъ подробности своего оригинальнаго хожденія къ сектантамъ, гдѣ онъ цѣлый годъ принужденъ былъ выдерживать искусъ строгаго поста и молитвъ по лѣстовкамъ, въ надеждѣ приобрѣсти довѣріе къ себѣ; онъ не рекомендовалъ этотъ путь; слишкомъ много компромисовъ съ совѣстью приходится дѣлать, но эти компромисы никогда не въ силахъ сыграть роль истинной вѣры. Вечеръ закончился подробнымъ разсказомъ событія 4-го августа. День моей встрѣчи съ Кравчинскимъ былъ днемъ похоронъ Мезенцева: я разсказала, какъ идя къ Бардовскому, жившему на углу Гагаринской, я встрѣтила похоронный картежъ и чуть не была увлечена потокомъ толпы въ ряды его провожавшихъ. Мнѣ не говорили еще въ то время, кто нанесъ Мезенцеву смертельный ударъ, мнѣ врѣзалось только въ память, съ какой особой настойчивостью Кравчинскій старался остановить мое вниманіе на томъ, что убійца встрѣтилъ врага лицомъ къ лицу, одинъ противъ двухъ, и нанесъ ударъ спереди, а не сзади.

Адріанъ Михайловъ. Тутъ же припоминаю небольшую, но коренастую фигуру Адріана Михайлова, оживившагося, когда рѣчь зашла о Мезенцевѣ, и не говоря о своемъ участіи въ дѣлѣ, любовно описывавшаго «Варвара», того полумифическаго коня, который два года тому назадъ вынесъ изъ подъ пуль часовыхъ бѣжавшаго Кропоткина, а теперь спасъ своимъ легкимъ бѣгомъ Мезенцевскаго мстителя.

Такъ переходя отъ событія къ событію, отъ воспоминанія къ воспоминанію, мы засидѣлись далеко за полночь, и если бы кто нибудь изъ мирныхъ петербуржцевъ заглянулъ случайно въ эту комнату, тѣсно набитую народомъ, то, судя по внѣшности, онъ никакъ не подумалъ бы, что передъ нимъ кучка самыхъ крупныхъ заговорщиковъ,—такъ мало въ ихъ нарядѣ, въ ихъ жестахъ, въ ихъ сдержанныхъ рѣчахъ, такъ мало было въ нихъ той шаблонной распушенности и рѣзкости, которую привыкли у насъ называть *нигилизмомъ*, царившимъ правда въ студенческихъ кругахъ 60-хъ годовъ, но совершенно исчезнувшимъ въ 70-хъ, по крайней мѣрѣ въ крупныхъ центрахъ, и тѣмъ болѣе въ кругу серьезныхъ революціонеровъ. Столь же мало было въ нихъ общаго и съ типомъ Базарова, по поводу котораго Тургеневъ впервые создалъ терминъ *нигилистъ*, терминъ опошленный потомъ толпой. Нѣтъ, не дѣти и не братья Базарова сошлись здѣсь на бесѣду, не братья того Базарова, который презиралъ народъ уже со студенческой скамьи, потому что привыкъ трезво смотрѣть на него еще съ колыбели, нѣтъ, а скорѣй дѣти Кирсановыхъ, выросшія въ атмосферѣ мечтательнаго идеализма, дѣти Кирсановыхъ, получившія, впрочемъ, откуда-то притокъ свѣжей молодой крови, быть можетъ крови какой нибудь Фенички... Здѣсь не было ни одного, который, подобно Базарову, поклонялся бы культу своего я; нѣтъ, они искали высшей нравственной санкціи «правъ человѣка» въ народѣ и не найдя ея въ реальномъ

*

русскомъ человѣкѣ, въ этомъ скопищѣ именѹемомъ народомъ, они обнажили мечъ, мстя за искаженіе человѣческой природы въ лицѣ народа-раба, выдвигавшаго правда время отъ времени могуція фигуры, но въ цѣломъ спавшаго тяжелымъ летаргическимъ сномъ. Идеализація вначалѣ и оскорбленное чувство потомъ, вотъ вся психологія «героическаго» періода нашей революціонной исторіи.

Николай Морозовъ. Во второй половинѣ 1878 г. было еще не мало энтузіастовъ, какъ напрімѣръ Осинскій и Морозовъ, которые, если не вѣрили уже въ наше немедленное единеніе съ народомъ, то, по крайней мѣрѣ, считали возможнымъ путемъ дезорганизаціи правительства партизанской террористической борьбой, снять тяжелую гирю съ чашки вѣсовъ, препятствующую народу сдѣлать свободный выборъ между нами и властью. Объ Осинскомъ я уже говорила, съ Морозовымъ же я познакомилась нѣсколько дней спустя. Онъ только что пріѣхалъ тогда изъ провинціи, гдѣ онъ оставался нѣкоторое время послѣ освобожденія по процессу 193-хъ. Морозова привелъ къ намъ Сергій Кравчинскій, съ которымъ за это время я успѣла еще болѣе сблизиться и который отрекомендовалъ его мнѣ, какъ своего стараго товарища по кружку (Чайковского) и лучшаго друга. У насъ, т. е. у С. Лешернъ и у меня, опять собралось въ тотъ день нѣсколько человѣкъ, былъ Сабуровъ, Ольга Натансонъ, Колѣнкина (ближайшій другъ Вѣры Засуличъ) и нѣкоторые изъ бывшихъ раньше.

Сабуровъ (Оболтшевъ), средняго роста лѣтъ тридцати съ довольно большою темнорусою бородою и карими глазами, былъ мало разговорчивъ и производилъ впечатлѣніе серьезнаго дѣловитаго чиновника; я такъ и не успѣла близко узнать его, потому что мѣсяца два спустя онъ былъ арестованъ одновременно съ О. Натансонъ, Булановымъ и другими. Онъ никогда не вдавался въ теоретическіе разговоры или воспоминанія прошлаго, но у него особо замѣтнаго прошлаго кажется и не было въ то время; его настоящая фамилія еще ни разу не попадала раньше на глаза полиціи, вотъ почему, не смотря на всѣ усилія, правительство такъ и вынуждено было осудить его подъ фиктивнымъ именемъ Сабурова. Но изъ разсказовъ О. Натансонъ, съ которой я жила нѣкоторое время передъ ея арестомъ на одной квартирѣ (въ 4-й ротѣ Измайловскаго полка), я узнала, что онъ былъ очень дѣятельнымъ человѣкомъ въ качествѣ члена организаціи «Земли и Воли».

Организація «Земли и Воли». Нужно замѣтить, что всѣ именованныя мною лица или были уже, или сдѣлались вскорѣ членами названной организаціи (Колѣнкина и Малиновская напрімѣръ передъ самымъ арестомъ ихъ ¹⁾). Организація эта явилась естественной группировкой силъ, уцѣлѣвшихъ послѣ про-

¹⁾ Я вошла въ эту организацію также не задолго до моего отъѣзда за границу.

цессовъ 50-ти, 193-хъ и другихъ болѣе мелкихъ; она образовалась не сразу, начало ея относится къ зимѣ 76—77 гг., т. е. къ тому времени, когда молодожъ зачитывалась программой революціонной дѣятельности и судебнымъ отчетомъ процесса 50-ти, или, какъ тогда называли, «московскаго процесса», по мѣсту главнаго дѣйствія (московскія фабрики), а не по мѣсту разбора дѣла (процессъ 50-ти разбирался въ особомъ присутствіи Сената въ Петербургѣ съ 21-го февраля по 14 марта 1877 года). Впрочемъ, еще раньше, въ 1876 г., слѣдовательно до начала замѣтнаго подъема революціоннаго духа, сказавшагося въ 1877 году, образовалась небольшая «группа», носившая въ общемъ революціонномъ кругу прозвище «троглодитовъ», за ихъ часто аффектированную конспиративность, благодаря которой даже лица вполне легальныя проживали по подложнымъ паспортамъ, скрывая свои жилища даже отъ ближайшихъ товарищей. Правда, изъ этой компаніи и до сихъ поръ остался нетронутымъ съ десятокъ людей, но не благодаря конечно приѣмамъ троглодитовъ, прятавшихся въ пещерахъ, а благодаря способу дѣятельности въ народѣ, принятому ими; большая часть ихъ, получившая скоро названіе деревенщиковъ, расселилась въ провинціи, занимая мѣста фельдшеровъ, волостныхъ писарей, акушеровъ, артельныхъ мастеровыхъ — т. п., сближаясь съ народомъ на почвѣ культурно-профессиональной; эта дѣятельность могла имѣть и имѣла лишь самое косвенное отношеніе къ подготавливавшейся борьбѣ съ правительствомъ на жизнь и смерть. Предчувствіе этой борьбы сказалось уже не только въ напечатанной въ то время программѣ революціонной дѣятельности процесса 50-ти, но и въ первомъ въ революціонной исторіи протестующемъ выстрѣлѣ князя Циціанова, стрѣлявшаго въ 1875 году при арестѣ въ своихъ насильниковъ-жандармовъ и осужденнаго на каторгу въ 1877 г. по процессу 50-ти (князь Циціановъ послѣ многолѣтняго одиночнаго заключенія въ центральной Харьковской тюрьмѣ и затѣмъ на Карѣ погибъ отъ тяжелой душевной болѣзни въ Сибири). Дальнѣйшимъ еще болѣе мощнымъ провозвѣстникомъ этой борьбы явился выстрѣлъ Вѣры Засуличъ, вызванный позорнымъ насиліемъ надъ Боголюбовымъ. Въ названномъ обществѣ троглодитовъ Вѣра Засуличъ не принимала въ то время никакого участія; она совершила свое историческое дѣло помимо помощи и даже вѣдома его, опираясь лишь на дружескую поддержку Колѣнкиной. Вообще, послѣ неудачной демонстраціи 6 декабря 1876 года, или какъ ее называютъ, казанской демонстраціи, происшедшей, какъ говорили, по инициативѣ этого кружка, и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой былъ Плехановъ, благополучно избѣжавшій ареста, несмотря на произнесенную имъ рѣчь на площади, въ то время какъ многіе изъ молодежи, пришедшіе просто на панихиду (по Чернышевскомъ) и ничего не знавшіе о замыслахъ этого кружка, заплатились долготѣней каторгой и ссылкой, однимъ словомъ послѣ казанской демонстраціи, кружокъ этотъ

съ нечаевскими традиціями потерялъ на время престижъ въ революціонномъ мірѣ и лишь обновленный во второй половинѣ 1878 года путемъ сближенія съ южанами съ одной стороны и освободившимися членами другихъ старыхъ кружковъ, или уцѣлѣвшими послѣ двухъ названныхъ большихъ процессовъ (50-ти и 193), только послѣ обновленія этими новыми, болѣе опытными членами, организація «Земли и Воли» получила серьезное значеніе и, несмотря на крупные осенніе (1878 г.) аресты, смогла даже приступить къ изданію своего литературнаго органа—газеты «Земля и Воля». Но этотъ наплывъ новыхъ крупныхъ элементовъ вскорѣ совѣтъ измѣнилъ окраску кружка троглодитовъ. Уже съ начала 1878 года въ революціонномъ кругу стало употребляться имя «Исполнительнаго Комитета» на листовкахъ, помѣченныхъ печатью, изображавшей топоръ, кинжалъ и револьверъ; эти листки, выпускавшіеся, по словамъ Осинскаго, южанами и употреблявшіеся въ качествѣ предупрежденія, посылаемаго жертвамъ готовящагося мщенія, я видѣла осенью 1878 г. въ рукахъ Сергѣя Кравчинскаго и на мой вопросъ, дѣйствительно ли существуетъ этотъ Исполнительный Комитетъ, или это только внѣшній знакъ, онъ мнѣ отвѣтилъ:—«Какъ сказать, онъ существуетъ и нѣтъ; это не есть нѣчто неподвижное, сформированное; но онъ всегда существуетъ, когда какой нибудь фактъ призываетъ революціонеровъ къ мщенію».

Самыми ревностными проповѣдниками идеи партизанской революціонной борьбы былъ однако не С. Кравчинскій, какъ можно было предполагать, а Осинскій и Морозовъ; хотя я и говорила уже объ Осинскомъ, но я не могу еще не отмѣтить здѣсь маленькой подробности. Приблизительно черезъ три, четыре дня послѣ моей первой встрѣчи съ нимъ, вдругъ онъ вбѣгаетъ къ намъ (въ квартиру Малиновской) и, ни слова не говоря, показываетъ газету: «Что такое?» изумленно спрашиваемъ мы, я и, какъ помнится, М. Колѣпкина:—«А вотъ что!» сказалъ онъ и такъ, какъ былъ, не раздѣваясь, въ пальто и шапкѣ, читаетъ намъ правительственное распоряженіе о преданіи отнынѣ военному суду всѣхъ обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Окончивъ чтеніе, онъ какъ бы совершенно забываетъ о нашемъ присутствіи и долго стоитъ въ глубокой задумчивости, наклонясь надъ газетой и расправляя ее рукой на столѣ. Что проносилось въ ту минуту въ его воображеніи? Быть можетъ ему рисовалась мрачная картина казни, какъ смутное предчувствіе рока... и дѣйствительно, онъ первый палъ жертвой этого новаго закона. Вскорѣ онъ уѣхалъ на югъ и весной 1879 года, послѣ оказаннаго сопротивленія, былъ арестованъ и затѣмъ казненъ...

Николай Морозовъ. Морозова, другого яркаго приверженца террористической борьбы я узнала позже. Это былъ молодой человекъ лѣтъ 23-хъ—24-хъ, выше средняго роста, съ задумчивыми большими глазами и очень нѣжными миниатюрными чертами лица: на его худой, тонкой фигурѣ лежалъ отпечатокъ тѣ-

лесной недоразвитости, какъ будто тюрьма, въ которой онъ про-
велъ болѣе трехъ лѣтъ въ пору ранней молодости, помѣшала
достичь здоровой возмужалости; слабый, высокаго тембра голосъ
его еще усиливалъ иллюзію молодого деревца, возросшаго вдали
отъ свѣжаго воздуха и простора полей. Сынъ крупнаго Ярослав-
скаго помѣщика, Николай Морозовъ провелъ уединенное дѣтство
въ деревнѣ и рано былъ отданъ въ одну изъ Московскихъ гим-
назій; тамъ семья товарищей стала скоро его единственной
семьей. Но и здѣсь въ стѣнахъ учебнаго заведенія его не поки-
дала любовь къ природѣ, и часто лѣтомъ, въ дни досуга, онъ
совершалъ далекія прогулки, знакомясь съ флорой и геологиче-
скими особенностями окрестностей Москвы; прогулки эти не
только дали матеріалъ для нѣсколькихъ юношескихъ естествен-
но-научныхъ изслѣдованій, представленныхъ имъ въ Московскій
университетъ, но способствовали также развитію въ немъ поэти-
ческой созерцательности, проявившейся рано въ рядѣ юношескихъ
стихотвореній. Настроенія, переживаемыя въ то время учащейся
молодежью, мало гармонировали съ его созерцательной натурой,
но товарищеское чувство и пылкая отзывчивая душа влекли его
къ борьбѣ. Онъ отвергъ безъ оглядки тѣ привилегіи, за которыя
такъ цѣпляются люди ничтожные, и бросилъ гимназію передъ
самымъ полученіемъ диплома, чтобъ уйти съ головой въ волны
назрѣвавшаго въ то время движенія. Облекшись въ сермягу и
лапти, онъ исколесилъ почти всю Великороссію, бесѣдуя съ на-
родомъ и раздавая имъ революціонныя книжки. Юношеская не-
опытность и увлекающаяся натура заставили его забыть всѣ
предосторожности, и какъ то разъ въ одной деревнѣ онъ былъ
схваченъ и выданъ властямъ самими крестьянами. Узнавъ объ
его арестѣ, отецъ отрекся отъ него, постороннимъ же всякій
доступъ въ тюрьму былъ воспрещенъ и вотъ, брошенный и за-
бытый всѣми, томился онъ долгіе годы, пока наконецъ судъ не
отпустилъ его изъ тюрьмы подъ надзоръ полиціи. Въ тюрьмѣ,
болѣя отъ тоски и лишеній, онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ бывалъ
прикованъ къ больничной койкѣ и тутъ, лежа въ полумракѣ
арестантскаго лазарета, слагалъ онъ свои грустные стихи,
ставшіе впоследствии однимъ изъ любимыхъ напѣвовъ тюремной
лирики. Стихотворенія Морозова, вмѣстѣ съ стихотвореніями
Саблина, Синегуба и нѣкоторыхъ другихъ вышли впоследствии
въ особомъ нелегальномъ сборникѣ подъ названіемъ «Изъ за рѣ-
шетки» и остались нынѣ единственнымъ почти литературнымъ
памятникомъ психологіи революціоннаго движенія того времени.
Сколько думъ, сколько чувствъ пережито было имъ въ тиши
одиначнаго каземата. Кто послѣ этого можетъ удивляться, если
оплакивая кровавыми слезами исчезнувшую иллюзію народной
революціи, онъ сталъ обоготворять партизанскую борьбу съ
правительствомъ—терроръ!.. Да, онъ былъ апостоломъ террора,
проповѣдникомъ вооруженной борьбы съ правительствомъ одинъ
на одинъ. Его богатая фантазія создавала самые причудливые

планы этой борьбы, планы, граничившіе иногда съ поэтическимъ вымысломъ; самъ онъ худой, тоненькій и слабый, ходилъ въ то время весь обвѣшанный оружіемъ, и можно только удивляться, какъ какая нибудь пустая случайность не сгубила его; но судьба хранила его до времени, несмотря на то, что онъ не разъ нарывался нечаянно на обыскъ или попадалъ на квартиру, гдѣ только что произошли аресты и оставлена была засада; быть можетъ самообладаніе и открытая простота его наружности и рѣчи спасали его.

Въ тотъ вечеръ какъ я впервые встрѣтила Морозова, онъ былъ по обыкновенію обвѣшанъ оружіемъ, подъ тяжестью котораго онъ почти сгибался. Онъ пришелъ къ намъ вмѣстѣ съ С. Кравчинскимъ, который отрекомендовалъ его «нашимъ молодымъ поэтомъ»—рекомендація, отъ которой Морозовъ зардѣлся какъ дѣвушка. Въ первыя минуты встрѣчи онъ сидѣлъ молча, обводя присутствующихъ своими задумчивыми глазами; онъ показался мнѣ очень юнымъ и я невольно обращалась съ нимъ почти покровительственно; какъ ни странно, но это сблизило насъ; мало-по-малу онъ разговорился и своимъ мягкимъ полудѣтскимъ голоскомъ сталъ дѣлиться со мною впечатлѣніями деревни и тюрьмы. Это была общая, родная намъ тема, и мы не замѣтили какъ сблизились. Сближенію нашему содѣйствовало и то, что какъ Кравчинскій такъ и Морозовъ завѣдывали редакціей «Земли и Воли», и въ моемъ лицѣ имъ хотѣлось кажется привлечь къ этому дѣлу и женскій элементъ; намъ много приходилось поэтому бесѣдовать на теоретическія темы. Программа начинавшагося изданія не была еще теоретически оформлена; она не представляла чего нибудь устойчиваго, а отпечатлѣвала въ себѣ всю непосредственность живыхъ впечатлѣній и темпераментовъ; въ этомъ заключалось и ея достоинство и недостатки. Но мнѣ недолго приходилось принимать участіе въ редакціонныхъ бесѣдахъ, происходившихъ въ то время на квартирѣ Кравчинскаго, гдѣ онъ, помню, читалъ въ рукописи мнѣ и Морозову свою передовую статью для «Земли и Воли», статью, гдѣ подчеркивая превращеніе идеалиста-народника въ террориста, онъ перваго неудачно сравнивалъ съ барашкомъ, мирно пасущимся на лугу. Это сантиментальное сравненіе было потомъ имъ выброшено вслѣдствіе нашего дружескаго протеста, какъ, если и вѣрное по мысли, то неудачное по формѣ. Едва успѣлъ выйти первый номеръ, какъ Кравчинскій, а затѣмъ и я должны были выѣхать за границу, такъ какъ и его и меня хотя по разнымъ причинамъ, полиція усиленно разыскивала. На смѣну Кравчинскаго уже послѣ насъ пріѣхалъ Левъ Тихомировъ, вызванный по письму Перовской, и дальнѣйшіе номера «Земли и Воли» велись уже только Морозовымъ, Плехановымъ, Тихомировымъ и Клеменцемъ при участіи нѣкоторыхъ постороннихъ и къ революціонному движенію почти непричастныхъ лицъ.

Георгій Плехановъ. По отъѣздѣ С. Кравчинскаго, какъ въ

кругу литературномъ, такъ и вообще въ кругу дѣйствовавшихъ въ Петербургѣ землевольцевъ, началъ вскорѣ сказываться расколъ: представителями двухъ крайнихъ полюсовъ явились Морозовъ съ одной стороны и Плехановъ съ другой, Тихомировъ представлялъ собой центръ. Плеханова я почти не знала, я видѣла его разъ или два мелькомъ; одинъ разъ, помню отчетливо, это было на многолюдномъ собраніи землевольцевъ не задолго передъ моимъ отъѣздомъ; тамъ же я впервые видѣла и Трошанскаго¹⁾, вскорѣ затѣмъ арестованнаго. Плехановъ не появлялся ни разу у Малиновской все время, пока я тамъ жила, я не встрѣчала его также и въ домѣ Сивкова, куда потомъ переехала она вмѣстѣ съ Колѣнкиной, и гдѣ я нѣкоторое время жила съ ними; его не видѣла я также и въ квартирѣ Ольги Натансонъ, гдѣ жила я передъ отъѣздомъ за границу. Быть можетъ его и не было въ то время въ Петербургѣ, а можетъ быть и по другимъ причинамъ.

Дмитрій Клеменцъ. Заговоривъ о землевольцахъ, я не могу умолчать о Клеменцѣ, вернувшемся осенью 1878 года изъ за границы и принявшемъ участіе въ газетѣ «Земля и Воля». Это былъ, подобно Морозову, старый и близкій другъ Кравчинскаго; обладая юмористическимъ складомъ ума, онъ былъ замѣчательно интереснымъ собесѣдникомъ и прекраснымъ рассказчикомъ; народной рѣчью онъ владѣлъ въ совершенствѣ и подчасъ можно было заслушаться его бесѣды; его перу принадлежать, на ряду съ Саблинымъ, лучшія юмористическія и народническія стихотворенія въ революціонной литературѣ; это былъ человѣкъ по принципу отвергавшій организаціонныя узы, сковывающія индивидуальность и не смотря на то, что по пріѣздѣ онъ сблизился съ «Землей и Волей», это не мѣшало ему саркастически отзываться объ этой организаціи и, насколько помнится, кличку «троглодитовъ» я впервые услышала отъ него, кажется, онъ и былъ ея творцомъ. Къ сожалѣнію, очень скоро, уже въ январѣ 1879 года революціонная семья потеряла его, онъ былъ арестованъ и административно сосланъ въ Сибирь. Итакъ, съ отъѣздомъ Кравчинскаго въ «Землю и Волю» начали возникать споры и недоразумѣнія все болѣе и болѣе обострявшіе отношенія. Особенно крупнымъ яблокомъ раздора послужилъ вопросъ о цареубійствѣ, поднятый частнымъ обращеніемъ Соловьева къ нѣкоторымъ болѣе красно настроеннымъ членамъ «Земли и Воли». Плехановъ рѣзко возсталъ противъ намѣренія Соловьева и заявилъ объ этомъ товарищамъ. Тѣмъ не менѣе Соловьевъ, лишенный почти всякаго содѣйствія, исполнилъ свое намѣреніе и заплатилъ за это головой. Не одинъ Плехановъ былъ противникомъ цареубійства; многіе революціонеры-народники раздѣляли его взглядъ, находя вообще, что каждый террористическій актъ, затрудняя дѣятельность въ народѣ, ничего кромѣ вреда не

¹⁾ Умеръ въ Сибири.

приносить партіи. Такъ смотрѣли главнымъ образомъ тѣ, которые заняты были въ то время попытками революціонизировать народъ посредствомъ сближенія съ нимъ на культурной почвѣ, т. е. иначе говоря большинство старыхъ членовъ «Земли и Воли»,—деревенщики, вошедшіе въ нее еще въ 1876—1877 гг. Удаленные отъ революціоннаго центра разстояніемъ и трудностью сообщеній, они не могли слѣдить за эволюціей общаго революціоннаго чувства, а наплывъ новыхъ элементовъ, которымъ они гостепріимно отворили двери своей организаціи, элементовъ уже ранѣе имѣвшихъ опытъ пропаганды въ народѣ и вынесшихъ изъ нея отрицательныя впечатлѣнія, наплывъ этихъ элементовъ послужилъ своего рода ферментомъ, подготовившимъ будущій расколъ организаціи «Земли и Воли», раздѣлившейся, годъ спустя, на «Черный Передѣлъ» и «Народную Волю».

Софья Перовская. Какъ трудно было революціонерамъ-пропагандистамъ 70-хъ годовъ отрѣшиться отъ привычныхъ надеждъ, взлелѣянныхъ на почвѣ идеализаціи народа, какъ трудно было имъ перейти ка одинокой титанической борьбѣ съ властью, отрывавшей ихъ отъ народа, лучшимъ примѣромъ можетъ служить Софья Перовская.

Когда я встрѣтила ее впервые въ 1878 году, она была ярая народница. Я никогда не забуду этой первой встрѣчи. Однажды, недѣли черезъ двѣ послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, часовъ въ 12 дня, на квартиру Малиновской вошла какая-то очень скромно одѣтая молодая дѣвушка; ея маленькое круглое личико съ большимъ лбомъ ребенка невольно поражало взглядъ, рельефно выдѣляясь на фонѣ простого черного платья, окаймленное широкимъ бѣлымъ отложнымъ воротничкомъ. Оно дышало молодостью и жизнью. Это была Софья Перовская. Она назвала себя и съ открытой простотой давняго знакомства поздоровалась съ нами, хотя я и бывшая тамъ Колѣнкина знали ее раньше только заочно. Она была видимо чѣмъ-то пріятно взволнована; мы обступили ее и вся запыхавшаяся еще отъ быстрой ходьбы, она рассказала намъ, какъ сегодня ночью на вокзалѣ въ Новгородѣ ей удалось бѣжать, перешагнувъ черезъ своихъ спящихъ конвойныхъ; выждавъ въ придорожныхъ заросляхъ прихода Петербургскаго поѣзда, она вскочила въ него безъ билета и утромъ была уже у одной своей старой подруги, откуда ее и направили къ намъ. При всей простотѣ этого рассказа, меня охватывала невольная дрожь, когда она описывала, какъ, задумавъ бѣжать и лежа укрытая на диванѣ въ дамской, она слѣдила за жандармами, расположившимися у порога на ночь; какъ въ началѣ при каждомъ звонкѣ, или шумѣ проходящаго поѣзда, жандармы вздрагивали и тревожно оглядывали ее, но убѣдившись, наконецъ, что она крѣпко спитъ, и сами заснули спокойнымъ сномъ; мало по малу звонки и шумъ поѣзда перестали будить ихъ и они больше не просыпались. Тогда она тихо, тихо встала, расположила свою одежду на диванѣ такъ, какъ будто она продолжала прикрывать

ея спящую фигуру, а сама, накинувъ платокъ на голову, снявъ обувь, легкая какъ тѣнь, перешагнула черезъ спящую стражу и никѣмъ незамѣченная вышла на платформу, перебралась черезъ пути и спряталась въ прилежавшихъ кустахъ, ожидая поѣзда. Ей пришлось ждать цѣлый часъ и какой часъ! каждая минута его равнялась цѣлому году: малѣйшій шорохъ, лай ночной собаки, шелестъ листьевъ, все заставляло трепетать... Но вотъ давно жданный поѣздъ медленно вырисовался вдали и, наконецъ, всталъ передъ нею—она была спасена... Теперь, забывъ все муки пережитого томленія, она, радостная и свободная, дышала полною грудью въ кругу родныхъ ей по духу товарищей.

Вѣсть о бѣгствѣ Перовской быстро разнеслась по Петербургу; черезъ нѣсколько часовъ къ намъ, т. е. въ квартиру Малиновской, куда съ утра приходила Колѣнкина и гдѣ ночевала я, пришелъ Кравчинскій. Старый товарищъ Перовской по кружку Чайковского, онъ спѣшилъ сюда видѣть ее. Въ отношеніи Кравчинскаго къ этой дѣвушкѣ-полуребенку—такой она казалась съ виду—сказывалось столько глубокаго уваженія и какого-то какъ бы сдерживаемаго поклоненія, не нарушавшаго однако товарищескаго тона ихъ отношеній, что невольно останавливало на себѣ вниманіе. «Это замѣчательная женщина, говоривалъ онъ мнѣ потомъ, ей суждено совершить что нибудь очень крупное». Во время этой встрѣчи ихъ разговоръ сосредоточился на вѣстяхъ о центральной каторжной Харьковской тюрьмѣ. Кравчинскій принесъ съ собою и показалъ Перовской вышедшую вскорѣ послѣ убійства Мезенцева брошюру «За живо погребенные», составленную подъ редакціей Кравчинскаго по даннымъ, присланнымъ заключенными изъ Харьковской центральной тюрьмы¹⁾. Въ этой брошюрѣ съ убійственной реальностью описывались униженія и страданія, переживаемыя заключенными, и я видѣла какъ отуманилось лицо Перовской, за минуту такое радостное, когда Сергѣй сталъ перечитывать намъ нѣкоторыя страницы. Въ Харьковской центральной тюрьмѣ сидѣли въ то время Мышкинъ, сынъ народа и мощный революціонный ораторъ, къ которому она относилась почти съ поклоненіемъ; тамъ были и другіе ея товарищи по процессу 193-хъ, тамъ сидѣли также и осужденные по процессу 50-ти, самому суровому по числу приговоренныхъ въ то время на каторгу. Это чтеніе волновало насъ всѣхъ. Перовская уже раньше жила въ Харьковѣ, освобожденная по процессу 193-хъ, и теперь она опять рвалась туда, ближе къ этимъ страдальцамъ, въ надеждѣ устроить имъ побѣгъ или хотя бы поддерживать съ ними сношенія. Указанія Кравчинскаго на то, что страданія эти не остались безнаказанными, что Мезенцевъ искупилъ ихъ собственной смертью, не утѣшали ее; она рѣшила сейчасъ же ѣхать въ Харьковъ, не смотря на просьбы

¹⁾ Эта брошюра была написана Долгушиннымъ; можетъ быть, при печатаціи она и подвергалась редактированію членовъ редакціи „Земли и Воли“.

нѣкоторыхъ друзей не спѣшить и пожить еще въ Петербургѣ, потому что побѣгъ изъ центральной Харьковской тюрьмы дѣло почти невозможное. Но Перовская еще вся была проникнута вѣрой въ возможность помочь имъ. Уступая просьбѣ товарищей, она прожила однако въ Петербургѣ еще нѣсколько дней, помогая сближенію своихъ старыхъ товарищей съ организаціей «Земли и Воли»; такъ, она старалась сблизить съ нею Зубка, пригласивъ его какъ-то на квартиру Малиновской, но тотъ ѣхалъ въ Сибирь къ своей невѣстѣ и не остался; она написала также Льву Тихомирову, жившему въ то время вдали отъ революціонныхъ дѣлъ въ Ставрополѣ у родныхъ. Тихомировъ отозвался на ея призывъ, поддержанный другими товарищами, и впоследствии, по отъѣздѣ Кравчинскаго, занялъ его мѣсто въ редакціи «Земли и Воли».

Устроивъ самыя необходимыя дѣла, Перовская собралась ѣхать. Кравчинскій, чтобъ чѣмъ нибудь ознаменовать прощаніе съ ней, вздумалъ собрать насъ всѣхъ болѣе близкихъ на оперномъ представленіи и взялъ литерную ложу. Давали «Пророка» Мейербера—оперу очень любимую въ революціонномъ кругу. Вообще революціонеры въ театры обыкновенно не ходили, но Сергѣю Кравчинскому всегда какъ то нравилось пытаться судьбу. Такъ, зная какъ усиленно искали тогда меня, онъ любилъ бывало пройтись со мною подъ руку по самымъ люднымъ улицамъ Петербурга и потомъ весело потиралъ руки, какъ послѣ удачной рекогносцировки. Тогда въ Петербургѣ, не смотря на облавы домовъ, арестовъ въ организаціи еще не было и всѣ поддались его отважной фантазіи. Насъ было въ ложѣ человекъ 11, все народъ очень нелегальный, тутъ былъ Адр. Михайловъ. Ал. Михайловъ, Морозовъ, Кравчинскій, Перовская, Колѣнкина, Баранниковъ, я, Обо-лѣшевъ, Ольга Натансонъ и еще кто то. Мы собрались туда небольшими группами и просидѣли весь вечеръ подъ обаяніемъ музыки, наслаждаясь ощущеніемъ опасности, которая имѣетъ обыкновенно такую неизъяснимую прелесть въ молодости. Въ антрактахъ мы шутили и смѣялись на эту тему и говорили, сколько бы дало правительство за удовольствіе захватить сразу все это гнѣздо «злоумышленниковъ», но правительство меньше всего конечно могло искать насъ здѣсь. Тѣмъ не менѣе опасность висѣла уже надъ многими головами. Но на этотъ разъ судьба еще хранила Перовскую; на другой день она уѣхала въ Харьковъ и вернулась въ Петербургъ только черезъ годъ, въ концѣ лѣта 1879 года, когда узнала, что организаціи З. и В. грозитъ расколъ и что революціонное народничество грозитъ исчезнуть, какъ практическая задача минуты. Но объ этомъ послѣ.

Вскорѣ по отъѣздѣ Перовской въ Петербургѣ произошли массовые аресты среди членовъ организаціи. Арестованы были Адр. Михайловъ, Сабуровъ (Оболѣшевъ), Колѣнкина, Ольга Натансонъ, Малиновская и другіе, и только благодаря счастливой случайности многимъ удалось спастись: такъ, Морозовъ едва не попалъ

въ западную, устроенную полиціей въ квартирѣ Буланова, къ счастью были сумерки, и когда на его звонокъ вышелъ городской, онъ успѣлъ скрыться за выступъ стѣны. На квартирѣ Малиновской въ домѣ Сивкова, куда она переехала вмѣстѣ съ Колѣнкиной и гдѣ нѣсколько дней жила Перовская и я, могли попасться еще больше народа. Правда, надзоръ полиціи былъ замѣченъ, и квартира Малиновской временно объявлена была подъ карантинъ, но какъ разъ наканунѣ ареста Малиновская объявила, что полиція оставила ее въ покоѣ, что вѣроятно мы ошиблись и въ знакъ снятія карантина просила насъ притти къ ней на именинный пирогъ. Притти должны были многіе и въ томъ числѣ Сергѣй Кравчинскій. По счастью, когда Морозовъ, благополучно избавившись отъ засады на квартирѣ Буланова, пришелъ ко мнѣ въ 4-ю роту Измайловскаго полка, гдѣ я временно жила вмѣстѣ съ Ольгой Натансонъ, къ намъ зашелъ безъ звонка какой то незнакомый мнѣ молодой человекъ въ золотыхъ очкахъ и что то шепотомъ сообщилъ Морозову.

Это былъ А. Штанге, родственникъ О. Натансонъ, который пришелъ предупредить ее, что сегодня въ ночь въ домѣ Сивкова, гдѣ и онъ жилъ, произошелъ по разсказу прислуги серьезный обыскъ въ квартирѣ какихъ то двухъ женщинъ, было оказано вооруженное сопротивленіе одною изъ нихъ и обѣ были арестованы, а на квартирѣ оставлена въ засадѣ полиція. Сомнѣнія не могло быть, обыскъ былъ у Малиновской и стрѣляла, конечно, Колѣнкина, всегда носившая съ собой револьверъ и рѣшившаяся не отдавать своей свободы безъ сопротивленія. Выстрѣлъ Колѣнкиной могъ имѣть еще и то значеніе, что у Малиновской, занимавшейся приготовленіемъ необходимыхъ для конспиративныхъ цѣлей паспортныхъ печатей, могли быть важные образцы или подлинныя чьи нибудь чужіе документы, арестъ которыхъ могъ стгубить не мало лицъ и, оказывая сопротивленіе, она давала время Малиновской уничтожить ихъ. Штанге тревожно спрашивалъ объ О. Натансонъ, она весь день не появлялась, всѣ признаки были за то, что она арестована. Я жила у нея безъ прописки, и мнѣ въ тотъ же вечеръ пришлось оставить ея квартиру, которую можетъ быть ей полезно было открыть полиціи. Морозовъ пошелъ предупредить Кравчинскаго и другихъ объ арестѣ Малиновской, а мнѣ пришлось спѣшно искать другого убѣжища. Настоящаго чужого паспорта для меня тоже еще подыскать не удавалось, а съ фальшивымъ, въ это время усиленной травли, прописываться было очень опасно: обо всѣхъ вновь прописываемыхъ паспортахъ полиція дѣлала справки по телеграфу въ мѣстахъ выдачи документа, и самый арестъ квартиры Буланова и Колѣнкиной можно было объяснить только справками и выяснившейся подложностью паспортовъ.

Съ этого времени началось для меня довольно тяжелое и утомительное скитаніе по Петербургу, котораго раньше я не знала и гдѣ легально никогда не жила. Приходилось ночевать

то у тѣхъ, то у другихъ добрыхъ людей, правда оказывавшихъ мнѣ всегда самое радушное гостепріимство, но складъ жизни которыхъ, регулируемый той или другой профессіей, былъ совсѣмъ не тотъ, къ какому мы привыкли въ нашей такъ сказать походной жизни. Меня тяготила также отчасти забота о томъ, что мое присутствіе подвергало нѣкоторому риску этихъ незнакомыхъ мнѣ людей, гостепріимство которыхъ было частью данью личнаго расположенія къ тѣмъ, кто приводилъ меня къ нимъ, частью молчаливымъ сочувствіемъ тому дѣлу, которому мы служили. Какъ бы то ни было, я до сихъ поръ съ глубокой благодарностью вспоминаю супруговъ Б—хъ, А—хъ, К—о, у которыхъ я провела по нѣскольку дней, и присяжныхъ повѣренныхъ Ольхина и Е. Корша; послѣднихъ двухъ я знала раньше, какъ защитниковъ по процессу 50-ти. Всего дольше я прожила у Е. Корша, оказывавшаго и раньше нѣкоторыя услуги организации «Земли» и Воли», а весною 1878 года содѣйствовавшаго В. И. Засуличъ, въ моментъ освобожденія ея изъ тюрьмы, удачно укрыться отъ преслѣдованія полиціи. Во время замѣшательства, вызваннаго выстрѣломъ Сидорацкаго, Е. Коршъ усадилъ В. Засуличъ въ экипажъ, который и умчалъ ее вонъ изъ толпы. Эта свобода куплена была однако не даромъ: молодой 17-ти-лѣтній Сидорацкій, недавно выпущенный по процессу 50-ти, палъ испутильной жертвой; одинъ изъ жандармовъ мѣткимъ выстрѣломъ положилъ его на мѣстѣ. Е. Коршъ, издававшій въ то время газету «Сѣверный Вѣстникъ», напечаталъ также извѣстное письмо Вѣры Засуличъ, за которое и была закрыта его газета. Впрочемъ, онъ жаловался, что Петербургскіе собратья такъ доѣзжали его, что онъ и безъ того вынужденъ былъ закрыть ее. Я безъ чувства благодарности не могу не вспомнить и его жену, а также свояченицу, приходившихся близкими родственницами Смедкой—моего товарища по Цюрихскому университету; она была одной изъ видныхъ послѣдовательницъ Бакунина.

Любовь Смедкая, попавъ уже въ 1880-хъ годахъ въ ссылку въ Сибирь, вышла замужъ за бывшаго тогда въ ссылкѣ, а впоследствии получившаго извѣстность польскаго писателя Шиманскаго; по возвращеніи въ Россію Смедкая скоро сошла съ ума и умерла въ пріютѣ для душевно больныхъ, оставивъ по себѣ только одного сына; такъ и затерялась въ общемъ движеніи эта крупная сила почти безъ слѣда.

Присяжный повѣренный Ольхинъ. Довольно продолжительное время (съ недѣлю) провела я также у Ольхина, съ которымъ бесѣды были продолжительнѣе и носили уже нѣкоторый дѣловой характеръ. Тамъ бывали Кравчинскій, Морозовъ, Ал. Михайловъ, а раньше О. Натансанъ, Оболѣшевъ и другіе. Ольхинъ часто заводилъ рѣчь о земскихъ планахъ систематическихъ петицій къ правительству, о введеніи конституціоннаго представительства на Русн. Онъ говорилъ, что въ земскихъ сферахъ подумываютъ объ устройствѣ общеземскихъ съѣздовъ, но что

большинство земствъ такъ задавлено администраціей, что рассчитывать на единство дѣйствій невозможно. Напротивъ, мысль объ изданіи подпольнаго земскаго органа здѣсь въ Россіи, подобно тому какъ издается «Земля и Воля», считается многими земцами гораздо болѣе полезной и осуществимой; они просятъ только содѣйствія революціонной партіи въ дѣлѣ печатанія такого земскаго органа. Объ этомъ Ольхинъ и раньше бесѣдовалъ съ другими революціонерами, но какъ тогда, такъ и теперь ему неизмѣнно отвѣчали: «партія поможетъ вамъ перевезти шрифтъ изъ-за границы, поможетъ совѣтомъ какъ устроить типографію, считая смѣлую земскую борьбу полезной для общихъ цѣлей свободы, но самимъ держать тайную типографію для земской подпольной газеты партія согласиться не можетъ; у нея слишкомъ много своихъ прямыхъ задачъ; но если земцы серьезно хотятъ внести лепту въ дѣло русской свободы, они должны умѣть, если придется, и серьезно пострадать за нее». На этомъ переговоры и оборвались.

Въ 1878 году революціонной партіи и вообще было не до земцевъ; благодаря усиленной охранѣ, правительство продолжало выхватывать все новыя и новыя жертвы изъ рядовъ партіи. Почти каждый день ей приходилось все болѣе и болѣе сжимать свои ряды. Друзья стали беспокоиться за Сергѣя Кравчинскаго; правда, уже кажется съ сентября онъ жилъ свободно по прекрасному настоящему паспорту; въ его квартирѣ у пяти угловъ не только происходили редакціонныя собранія «Земли и Воли», но къ нему заходили иногда его ближайшіе друзья; но всѣ знали, что не сегодня, завтра какая нибудь роковая случайность можетъ стоить ему головы. Всѣхъ больше оберегалъ его старый товарищъ Д. Клеменцъ. Онъ упрямо настаивалъ, чтобъ Сергѣй уѣхалъ за границу, устроилъ все необходимое для этого и въ одинъ холодный ноябрьскій день С. Кравчинскій покинулъ Петербургъ, не предчувствуя быть можетъ, что больше никогда не суждено ему вернуться на родину и что не обнять ему больше многихъ, многихъ изъ его лучшихъ старыхъ друзей.

Мнѣ лично еще пришлось, однако, не разъ встрѣтиться съ нимъ на общемъ жизненномъ пути. Послѣ отъѣзда Кравчинскаго я не долго оставалась въ Петербургѣ; я была утомлена моимъ безпріютнымъ скитаніемъ, а подходящаго настоящаго паспорта не находилось, по которому я могла бы свободно жить. Чаше другихъ меня посѣщали у Е. Корша Н. Морозовъ и Ал. Михайловъ, который передъ арестами проектировалъ было для меня роль пропагандистки въ молодежи, но теперь, послѣ короткаго дѣловаго обсужденія моего положенія, мы увидѣли, что при настоящихъ полицейскихъ условіяхъ пропагандой въ молодежи сколько нибудь продуктивно можетъ заниматься только лицо по возможности легальное, иначе оно само погибнетъ и повлечетъ за собой новыя безплодныя жертвы въ молодежи. Послѣ этого разговора, посоветовавшись еще съ нѣкоторыми товарищами, я

рѣшила уѣхать временно за границу, пока пройдетъ первый пылъ правительственнаго преслѣдованія. Морозовъ и Ал. Михайловъ совѣтовали мнѣ, пользуясь свободнымъ временемъ за границей, написать исторію дѣятельности нашей революціонной организаціи (лицъ, судившихся по процессу 50-ти) и женскаго студенческаго кружка, изъ котораго вышли женщины нашего процесса. Написать эту исторію просилъ меня также еще раньше и С. Кравчинскій. Такимъ образомъ, время пребыванія за границей я надѣялась провести не безъ пользы.

II.

Простившись съ моими новыми товарищами, такъ скоро ставшими мнѣ не менѣе родными, чѣмъ тѣ, которыхъ я еще такъ недавно потеряла, съ которыми я дѣлила общую работу, общія опасности, а затѣмъ тюрьму, осужденіе и ссылку, я наскоро собралась за границу. Мнѣ предстояло перебираться черезъ границу безъ паспорта при помощи евреевъ-контрабандистовъ. Такая переправа такъ вообще рискована и трудна, въ особенности для женщины, что я не могу умолчать о ней.

На Варшавскій вокзалъ меня проводилъ Н. А. Морозовъ, обѣщавшій аккуратно писать, а до Вильно ѣхала со мной студентка, Фани Личкусъ, бывшая уже, какъ я потомъ узнала, женой С. М. Кравчинскаго. Это была симпатичная молодая дѣвушка, очень недурная собой. Она обладала хорошимъ сердцемъ и незаурядной дѣловитостью. Не смотря на свои двадцать три, двадцать четыре года, она умѣло устроила переправу, поручила меня вѣрнымъ контрабандистамъ и сама дожидалась въ Вильно, или кажется даже въ Вилковишкахъ, пока меня не переправятъ благополучно.

Путешествіе съ контрабандистомъ. Я отдалась довѣрчиво и безропотно въ руки простого еврея съ традиціонными рыжими пейсами, которому меня поручила Фани. Онъ ѣхалъ со мною въ одномъ вагонѣ 3-го класса, переполненномъ еврейской бѣднотой: крикъ многочисленныхъ дѣтей, визгъ измученныхъ растрепанныхъ женщинъ, гулъ гортанной непонятной мнѣ рѣчи, хлопотливая суета мужчинъ, терпѣливо устраивавшихъ свои мечущіяся въ волненіи семьи, все это кружило мнѣ голову въ атмосферѣ плохо отапливаемого грязнаго вагона, наполненнаго какимъ-то прѣлымъ запахомъ сушеной рыбы и лука, остатки которыхъ въ изобилии покрывали полъ. Подъ вечеръ мы доѣхали до Вилковишекъ, гдѣ я вышла изъ вагона вмѣстѣ съ моимъ провожатымъ, который, ни слова не говоря, взялъ въ руки мой чемоданчикъ и сдѣлалъ знакъ, чтобъ я слѣдовала за нимъ; были уже сумерки короткаго зимняго дня. Спустившись съ крыльца станціи, мы подошли къ громадныхъ размѣровъ высокой телѣгѣ, какой я

раньше не встрѣчала (это былъ еврейскій фурго́нтъ); поперекъ этой телѣги было положено четыре или пять голыхъ досокъ для сидѣнья; поспѣшно, на перебой толкая другъ друга, карабкались по ступицамъ колесъ мушны и женщины, спѣша занять мѣста; надъ всей этой тѣсной группой людей стоялъ тотъ же своеобразный гомонъ голосовъ, какой провожалъ меня всю дорогу и который своей необычностью волновалъ меня. Только впоследствии на Востокѣ, на Каспійскомъ и Черноморскомъ побережьи, я встрѣчала ту же стихійную, непривычно волнующую громкую нескладную музыку толпы. Подъ гулъ этой крикливо-хриплой пугавшей меня музыки я кое какъ забила въ телѣгу на первое попавшееся самое неудобное мѣсто, и мы тронулись въ путь. На козлахъ съ длиннымъ бичомъ въ рукѣ сидѣлъ молодой еврей въ грязномъ засаленномъ холщевомъ на ватѣ лапсердакѣ и погонялъ двухъ большихъ, но плохо кормленныхъ лошадей, которыя съ трудомъ тащили насъ, человекъ по меньшей мѣрѣ, казалось мнѣ, пятнадцать. Дорога была шоссе́йная, кругомъ разстилались поля, покрытыя снѣгомъ, кое гдѣ вырисовывались въ ночной мглѣ жалкія деревушки съ соломенными крышами и покачнувшимися заборами. Время отъ времени мы останавливались у какой нибудь придорожной корчмы, куда сбрасывались какіе-то узлы, иногда послѣ длинныхъ крикливыхъ переговоровъ высиживались люди и мы ѣхали дальше, окутанные глубокой ночной мглой—куда я не знала. Поздно ночью остановились мы, наконецъ, еще у какой-то, казалось, одиноко стоявшей въ полѣ корчмы, окна которой мигали издали своими тусклыми огнями; мой спутникъ слѣзъ съ фургона, сказалъ что-то по еврейски вышедшей на стукъ колесъ пожилой, довольно тучной еврейкѣ, покрытой большимъ платкомъ, лохмотья котораго свободно развѣивалъ ночной вѣтеръ. Она отвѣтила кивкомъ головы и мой спутникъ, схвативъ мой чемоданчикъ, живо высадилъ меня изъ фургона, потянувшася дальше развозить послѣднихъ пассажировъ.

Ночь въ корчмѣ контрабандистовъ. Когда я переступила порогъ и вошла въ сѣни, мнѣ навстрѣчу изъ полуотворенной двери налѣво вырвался такой громкій гулъ пьяныхъ голосовъ съ громкой отчетливой руганью на родномъ мнѣ русскомъ языкѣ, что сердце мое застучало такъ, какъ не стучало оно даже въ тотъ ночной часъ, когда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ я пробиралась въ Сибири одна одинешенька по спящимъ улицамъ маленькаго городишка, чтобы спрятаться въ пустынномъ придорожномъ лѣсу, гдѣ съ тревогой и надеждой поджидала до развѣта человекъ, присланнаго за мной товарищемъ Геллеромъ изъ Тюмени, чтобы оттуда бѣжать дальше въ Россію. Правда, здѣсь въ этой корчмѣ мнѣ предлагали кровъ, я не рисковала здѣсь встрѣтить ни лѣснаго звѣря, ни озвѣрѣвшаго бродяги, какъ въ Сибирскомъ лѣсу, но на меня пахнуло изъ-подъ этой гостепріимной кровли такимъ смрадомъ пьянаго вертепа, что сердце мое, пережившее не одну

тревогу, стучало и стучало, не слушаясь воли. Еврейка хозяйка, не обращая вниманія на мое невольное содроганіе, провела меня дальше въ сѣни и, закрывъ дверь налѣво, гдѣ бушевала пьяная ватага, провела меня въ маленькую холодную каморку направо, которая почти вся была занята высокой заваленной пуховиками кроватью подъ грязнымъ ситцевымъ пологомъ, да простой некрашенной скамьей, стоявшей въ углу. Хозяйка ломанымъ русскимъ языкомъ предложила мнѣ раздѣться и лечь въ постель, на что я сначала упрямо не соглашалась, но потомъ, когда она сказала мнѣ, что въ сосѣдней комнатѣ кутяты пограничные солдаты, которые легко могутъ зайти сюда и увидѣть меня, и что мнѣ непременно нужно укрыться въ постели, упрямствовать было невозможно; я завернулась въ грязные пуховики, какъ была въ одеждѣ, и провела ужасную бессонную ночь. Въ мою оставшуюся незапертой каморку нѣсколько разъ входили, о чемъ-то шептались, опять выходили; въ углу на скамьѣ кто-то громко храпѣлъ, а рядомъ, до разсвѣта, длилась пьяная оргія; я слышала возмутительную ругань, визгъ женскихъ голосовъ, покрывавшихъ звуки заунывной еврейской пѣсни, напѣваемой обрывающимся пьянымъ молодымъ но уже надтреснутымъ женскимъ голосомъ, вибрирующія дѣтскія нотки котораго порою до слезъ волновали душу. Насталъ наконецъ разсвѣтъ, оргія стихла. Вѣроятно, или всѣ заснули, или разбрелись. Черезъ скважину полога я могла видѣть уголъ окна, выходившаго на грязный загроможденный всякой рухлядью дворъ, обнесенный высокимъ частоколомъ. Я поняла, что я заперта, что у меня нѣтъ другого выхода, какъ черезъ общую дверь, и я стала покорно ждать. Давно утратила я дѣтскую привычку молиться, но тутъ молитвенное настроеніе, давно позабытое, помимо воли охватило душу. Я чувствовала себя безпомощной щепкой, брошенной въ волны грознаго моря жизни; моя свобода, моя честь, моя судьба были въ рукахъ этихъ бѣдныхъ, грубыхъ, невѣжественныхъ людей, живущихъ ночными оргіями. Я знала, что какіе-нибудь три, пять рублей, которые обѣщала Фани за мой переходъ границы, были жалкимъ ничто, и я молила укрѣпить совѣсть этихъ людей — въ ней была моя единственная защита...

Переправа черезъ границу. Когда разсвѣтъ смѣнился яснымъ днемъ, ко мнѣ вошла вчерашняя еврейка-хозяйка; она принесла мнѣ подержанный шерстяной клѣтчатый платокъ, посоветовала спрятать мѣховую шапочку, бывшую на мнѣ, и, покрывъ меня этимъ платкомъ, вывела изъ корчмы.—Сейчасъ на часахъ стоитъ знакомый солдатъ, сказала она, и перейти границу можно. Несмотря на предстоящую новую опасность при переходѣ границы, я счастливо вздохнула, выйдя на просторъ и на свѣжій воздухъ. Я тутъ только узнала, что корчма расположена близъ мѣстечка или запштатнаго города Владиславова. Мы шли съ еврейкой рядомъ мѣрнымъ спокойнымъ шагомъ къ рѣчкѣ, черезъ которую виднѣлся неширокій деревянный мостъ; впереди шелъ вчерашній

мой спутникъ и несь чемоданъ; я сама видѣла, какъ онъ перешелъ съ моимъ чемоданомъ по ту сторону рѣки и вошелъ тутъ же близко въ приличнаго вида каменный домъ, гдѣ и оставилъ мои вещи. Домъ этотъ оказался гостинницей пограничнаго нѣмецкаго мѣстечка, откуда идутъ omnibusы къ одной изъ ближайшихъ желѣзно-дорожныхъ станцій дороги на Берлинъ. Мы съ еврейкой, подойдя къ мосту, почему то перешли не сейчасъ; ей что то, очевидно условное, сказалъ солдатъ, и мы должны были опять вернуться и чего-то выжидать. Это меня волновало. Наконецъ, минутъ черезъ двадцать, показавшихся мнѣ вѣчностью, мы вторично подошли къ мосту и на этотъ разъ безпрепятственно перешли на нѣмецкую сторону. Солдатъ пытливо обвелъ меня взглядомъ, но ничего не сказалъ; я открыто смотрѣла на него и онъ очевидно ничего не нашелъ подозрительнаго, ни въ моемъ лицѣ, ни въ фигурѣ и молча пропустилъ меня. На нѣмецкой сторонѣ стражи не было, и я безпрепятственно прошла въ гостинницу, гдѣ уже находились мои вещи. Еврею, несшему мой багажъ и поджидавшему меня тамъ, я дала немного мелочи (меня предупреждали, что щедрость при переправѣ черезъ границу опасна), за которую онъ благодарно снялъ шапку и оставилъ меня одну. Оказалось, что помимо меня было уже заказано мнѣ мѣсто въ omnibusѣ, отходящемъ на станцію къ вечеру, а пока мнѣ предложено занять номеръ.

Въ пограничной нѣмецкой деревенской гостинницѣ. Какой контрастъ между грязью корчмы, гдѣ я провела ночь и которая, казалось, со временъ Григорія Отрепьева не убиралась и не чистилась, какъ бы сберегая «пыль вѣковъ» на своихъ почернѣвшихъ стѣнахъ, и этой нѣмецкой деревенской гостинницей! Въ маленькой комнаткѣ, которую мнѣ отвели во второмъ этажѣ, было тихо и уютно; стѣны были крашены правда простой дешевой масляной краской, но очевидно каждую субботу мылись; кровать и умывальникъ также не заставляли желать ничего лучшаго. Небольшое чисто протертое окошко выходило на рѣчку; вдаль въ синевѣ зимняго тумана виднѣлась родная земля, несчастная, изстрадавшаяся, подневольная. Я долго глядѣла въ эту убѣгающую синеву сливавагося на горизонтѣ неба и снѣжнаго поля и меня какъ-то уже не радовала моя свобода...

Стукъ въ дверь вывелъ меня изъ раздумья. Мнѣ сообщили, что omnibusъ уже готовъ и ждетъ меня, и предложили что нибудь закусить на дорогу. Я съѣла бутербродъ и поспѣшно вышла. Передъ крыльцомъ стояла прекрасная вѣнская двухмѣстная каретка съ кучеромъ и почтальономъ на козлахъ. Я оказалась единственнымъ пассажиромъ этой каретки omnibusа; мое одиночество не пугало меня, напротивъ, я почувствовала себя прекрасно. Сидя удобно на мягкомъ бархатномъ сидѣньи, я задремала, тревоги прошлой ночи и этого дня утомили меня. Поздно ночью я подъѣхала къ одной изъ станцій желѣзнодорожной линіи Эйдкуненъ-Берлинъ и, взявъ билетъ 3-го класса до Женевы, покатила прямо

въ Швейцарію, гдѣ еще такъ недавно я проводила свѣтлые годы моего студенчества, гдѣ у меня было такъ много товарищей и друзей и гдѣ теперь я могла остаться совѣтъ одинокой.

Пріѣздъ въ Женеву. Поѣздъ пришелъ въ Женеву часовъ въ 8 утра: я оставила на вокзалѣ вещи на сохраненіе и, несмотря на ранній часъ, отправилась въ русскую бібліотеку, адресъ которой я узнала у одного изъ группы носильщиковъ, ожидавшихъ обыкновенно приходящіе поѣзда. Я знала складъ жизни въ Швейцаріи и была увѣрена, что даже русское учрежденіе въ этотъ часъ будетъ открыто. Я не ошиблась, бібліотека была уже отперта; на столѣ лежала книга членовъ съ фамиліями и адресами.

Профессоръ Драгомановъ, редакторъ «Громады». Переглядывая эту книгу, я скоро отыскала нѣсколько знакомыхъ фамилій, въ томъ числѣ фамилію профессора Драгоманова, котораго я немного знала еще во время моего студенчества, когда онъ вмѣстѣ съ семьей своей путешествовалъ заграницей и посѣтилъ Цюрихъ—центръ русской эмиграціи и студенческихъ кружковъ того времени заграницей. Я была увѣрена, что Сергій Кравчинскій, если не былъ раньше знакомъ, то успѣлъ уже навѣрно теперь познакомиться съ Драгомановымъ, и что во всякомъ случаѣ черезъ него я скорѣе разыщу вѣсъ и весъ, а потому сейчасъ же отправилась къ Драгоманову. По дорогѣ тамъ и сямъ я встрѣчала русскія лица—мужскія и женскія: это все были молодые, часто худые и истощенные дѣвушки и юноши, представлявшіе рѣзкій контрастъ съ мѣстной унитанной студенческой молодежью, выдѣляясь бѣдностью своего наряда и какой-то не по возрасту озабоченностью взгляда. Встрѣчаясь со мною, они тоже узнавали во мнѣ свою, вѣроятно по моей слишкомъ зимней одеждѣ, и пытливо всматривались. Я отвѣчала имъ привѣтливымъ взглядомъ, я знала, что рано или поздно мы должны встрѣтиться въ тѣсномъ кругу мѣстной русской колоніи. Драгоманова я застала дома: онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ за литературной работой—онъ уже оставилъ тогда вмѣстѣ съ профессоромъ Зиберомъ кафедру въ Киевскомъ университетѣ и издавалъ въ Женевѣ журналъ «Громаду» на малороссійскомъ языкѣ, а также писалъ разнаго рода историческія работы. Жена его, красивая, но очень блѣдная и болѣзненная женщина, полулежала въ креслѣ столовой, куда провела меня дѣвушка—служанка, отправившаяся доложить обо мнѣ «г-ну профессору». Живой, любознательный Драгомановъ пришелъ сейчасъ же и сталъ спрашивать, что творится на Руси, о профессорскихъ кругахъ, о молодежи, о земцахъ; я старалась удовлетворить его любознательность, какъ могла, и у насъ незамѣтно пролетѣло время. Жена его была очень привѣтлива, но говорила мало: она, очевидно, страдала тяжелой болѣзью, которая отнимала у нея все силы. Она не могла даже присмотрѣть за своей маленькой 8-ми-мѣсячной дочкой, которой на моихъ глазахъ самъ Драгомановъ долженъ былъ перемѣнять бѣлье. Когда я встала,

чтобъ проститься, Драгомановъ и жена его уговорили меня остаться обѣдать, говоря, что къ обѣду придетъ вѣроятно Сергѣй Кравчинскій и кое кто изъ сотрудниковъ «Громады», которые будутъ очень рады познакомиться со мной; а пока онъ предложилъ мнѣ перебраться къ нимъ въ пустую свободную комнату, имѣющуюся у нихъ наверху. Я боялась стѣснить его больную жену, но она увѣряла, что будетъ рада, что присутствіе мое въ домѣ поможетъ ей забыть ея нездоровье. Я согласилась. Драгомановъ самъ затопилъ каменнымъ углемъ калориферъ, чтобъ согрѣть мою комнату, и я невольно удивлялась мужеству этого человѣка, умѣвшего мирить серьезную литературную работу съ уходомъ за больной женой и маленькимъ ребенкомъ, стараясь облегчить этимъ приготовившую обѣдъ служанку отъ всякой лишней работы. Черезъ часъ я уже устроилась въ моемъ новомъ жилищѣ, обставленномъ съ чисто русской простотой эмигрантовъ того времени: кромѣ жесткой походной кровати, небольшого некрашеннаго стола и плетенаго стула въ комнатѣ ничего не было, да мнѣ и ничего не было нужно. Небольшое оконце подъ сводчатой крышей моей мансарды выходило въ садъ, вдали виднѣлась чудная перспектива далекихъ горъ, и мягкіе переливы голубого озера радовали взоръ, заставляя забывать все мелкое, преходящее и ненужное. Только бы побольше тепла; я такъ называлась въ нетопленныхъ европейскихъ вагонахъ, такъ ослабѣла отъ пережитыхъ волненій тюрьмы, суда и ссылки, что не могла согрѣться долго, долго, всю эту зиму.

Галицкій писатель Павликъ сотрудникъ «Громады». Устроившись и скоро переодѣвшись въ моей комнатѣ, я спустилась внизъ, въ столовую и тамъ застала уже въ сборѣ маленькое общество, расположившееся возлѣ тлѣющаго камина. Тутъ было нѣсколько молодыхъ людей, сотрудниковъ и наборщиковъ «Громады» и одинъ господинъ постарше—средняго роста брюнетъ лѣтъ тридцати пяти съ большими очень черными, какими то тусклыми глазами—это былъ Павликъ, сотрудникъ «Громады», извѣстный малороссійскій писатель галичанинъ, очень вліятельный у себя на родинѣ, какъ талантливый беллетристъ и организаторъ многочисленныхъ галицкихъ кружковъ. Онъ былъ гостемъ въ Женевѣ и собирался скоро уѣхать обратно. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ перваго знакомства, онъ съ увлеченіемъ сталъ рассказывать какъ быстро идетъ ростъ національнаго самосознанія въ Галиціи, благодаря воздѣйствію литературы; какъ это не нравится мѣстнымъ помещикамъ полякамъ, но какъ они, несмотря на всю ихъ политическую силу въ Австріи, должны мириться съ этимъ непріятнымъ для нихъ фактомъ... Когда онъ говорилъ это, его тусклые глаза загорались и я видѣла, что этотъ вопросъ—религія его жизни. Но меня, русскую, его радость умиляла, но не трогала. Я выросла въ русской деревнѣ и въ Москвѣ, центрѣ великой Руси, я привыкла съ дѣтства слышать и мечтать о чемъ то широкомъ, міровомъ, всепримиряющемъ, а тутъ я видѣла только радость побѣды въ узко мѣстной борьбѣ двухъ близкихъ отпрысковъ славян-

скаго племени, борьбѣ имѣвшей правда серьезные реальные корни въ социальномъ неравенствѣ мужика-русина, или, какъ выражался Павликъ, русскаго, увѣряя, что русины въ Галиціи называютъ себя русскими, и помѣщика поляка. Но зачѣмъ же борьбу съ этимъ социальнымъ неравенствомъ переносить на племенную почву, зачѣмъ создавать пропасть между двумя близкими народностями, которымъ въ Австріи слѣдовало бы скорѣе отстаивать свою болѣе широкую расовую (славянскую), а не узко племенную задачу, такую ничтожную передъ лицомъ всепоглощающаго германизма. Во время этой бесѣды въ столовую вошло еще нѣсколько гостей или лучше сказать обычныхъ посѣтителей Драгоманова; это были также соратники Драгоманова по «Громадѣ» все природные малороссы съ пѣвучей рѣчью и характерной гортанностью выговора. Почти одновременно съ ними вошла и старшая дочь Драгоманова, красивая дѣвочка лѣтъ 14-ти, только что вернувшаяся изъ школы. Последнимъ пришелъ Сергѣй Кравчинскій. Я бросилась къ нему на встрѣчу и мы обнялись, не смущаясь присутствующими и зная, что эти люди поймутъ нашу братскую радость и не перетолкуютъ ее. Скоро вошелъ Драгомановъ и всѣ сѣли за столъ. Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Драгомановъ былъ веселъ и шутливъ. Я въ первый разъ слушала непринужденную бесѣду этого человѣка въ тѣсномъ семейномъ кругу; его рѣчь дышала жизнью; его широкія историческія познанія придавали бесѣдѣ глубокой, чисто философскій интересъ; но онъ не былъ человѣкомъ принудительно овладѣвающимъ словомъ; напротивъ, онъ cadaго вовлекалъ въ бесѣду.

Метранпажъ «Громады» Хома. Послѣ одного живописнаго разсказа изъ быта средневѣковой Италіи, исторіей которой Драгомановъ только что занимался въ Римѣ, онъ заставилъ своего метранпажа, по имени Хома, разсказать намъ, какъ онъ благополучно объѣздилъ Европу, побывалъ даже въ Парижѣ, нигдѣ не употребляя другого языка, кромѣ малороссійскаго. Это былъ рядъ комическихъ сценъ, заставлявшихъ хохотать всѣхъ присутствующихъ; Хома завершилъ свою рѣчь разсказомъ о томъ, какъ одинъ разъ въ Парижѣ, изъ ложной торопливости, онъ измѣнилъ своему родному языку и прибѣгъ къ языку французскому, но такъ неудачно, что съ тѣхъ поръ закаялся употреблять этотъ собачій языкъ, въ которомъ всѣ слова похожи одно на другое. — Судите сами, говоритъ онъ, я держу въ рукахъ горячіе сосиски, спѣшу домой, чтобъ онѣ не остыли, вспоминаю, что у меня нѣтъ горчицы, забѣгаю въ лавочку и второюхъ говорю—«mouchard!» Лавочникъ ничего не говоря почти въ шею выталкиваетъ меня; я роняю въ грязь мои бѣдныя сосиски и остаюсь безъ обѣда. Оказывается, нужно было сказать moutarde ¹⁾, а мнѣ на языкъ попало слово mouchard ²⁾, которое такъ часто повторяютъ наши русскіе за границей... Драгомановъ и его Громадцы сами очевидно

¹⁾ moutarde—горчица.

²⁾ mouchard—шпіонъ.

подсмѣивались надъ черезчуръ утрированнымъ украинофильствомъ, которое принимало на Руси иногда очень комическіе формы. Насколько потомъ я узнала Драгоманова, наблюдая его ближе, это *былъ* не только широко образованный и отъ природы очень умный человѣкъ, но и одаренный очень хорошимъ, очень гуманнымъ сердцемъ; я не могла читать его статей въ «Громадѣ», такъ какъ не легко понимала малороссійскій языкъ, но его бесѣды были всегда полны ума и глубокаго интереса. Правда, Сергѣй Кравчинскій, имѣвшій терпѣніе прочесть первые номера «Громады», наединѣ съ болѣе близкими, какъ чистокровный революціонеръ-соціалистъ, подсмѣивался надъ хохломанствомъ, узкая постановка идей котораго противорѣчила широкимъ задачамъ братства народовъ, лежавшимъ въ основѣ русскаго соціализма, не понимая, что Драгоманова, сжившагося со своими взглядами, не переубѣдишь; онъ щадилъ въ немъ его святая святыхъ и не заводилъ бесплодныхъ споровъ.

Отношенія Драгоманова къ революціонерамъ. Но не всѣ представители русскаго соціализма смотрѣли такъ широко на право духовной свободы каждаго и черезъ нѣкоторое время, кажется въ 1881 году, Драгомановъ выступилъ со своимъ страннымъ заявленіемъ противъ русской соціально-революціонной партіи, которое надѣлало въ то время много шума. Меня въ то время не было въ Швейцаріи и я не знаю, какъ это произошло; его заявленія я не читала и не знаю, чѣмъ оно было вызвано, но думаю, что нѣкоторую роль въ этомъ сыграла и нетактичность нѣкоторыхъ революціонеровъ, но въ описываемое время (конецъ 78 и первая половина 79 г.) Драгомановъ очень симпатизировалъ намъ и относился къ революціоннымъ дѣятелямъ съ большимъ уваженіемъ, хотя кругъ его знакомствъ въ этой сферѣ не былъ широкъ. Такъ, не смотря на присутствіе въ это время въ Женевѣ Вѣры Засуличъ, Стефановича и Дейча, я ихъ не встрѣчала у Драгоманова и познакомилась съ нимъ нѣсколько времени спустя, кажется, просто при встрѣчѣ на улицѣ, когда въ первые дни моего пріѣзда въ Женеву Сергѣй Кравчинскій былъ моимъ путеводителемъ, пока я не освоилась съ городомъ.

В. И. Засуличъ произвела на меня сразу очень симпатичное впечатлѣніе своей простотой и безыскусственностью. Она никогда не говорила о своемъ, какъ она шутя выражалась, «подвигѣ» и по натурѣ принадлежала вообще къ людямъ крайне замкнутымъ. Эта замкнутость особенно огорчала открытую натуру Сергѣя Кравчинскаго и онъ иногда съ грустью жаловался мнѣ на это. Когда В. И. бывала въ хорошемъ расположеніи духа, рѣчь ея блистала шутливыми, часто мѣткими замѣчаніями, но иногда она бывала видимо тяжело настроена. «Самокритика заѣдаетъ», увѣрялъ меня Сергѣй. Онъ относился къ В. И. З. съ глубокимъ уваженіемъ, цѣнилъ ея прекрасную натуру, но находилъ, что она человѣкъ очень ограниченнаго круга привязанностей. Она была предана глубоко, безповоротно, на всю жизнь своимъ немногимъ друзьямъ, но въ

ней не было замѣтно широкаго интереса къ человѣческой душѣ вообще.

Сергѣй Кравчинскій заграницей. Чуткимъ отношеніемъ къ человѣческой душѣ вообще въ высокой мѣрѣ обладалъ самъ Сергѣй Кравчинскій и благодаря ему онъ былъ величайшимъ мастеромъ нравственнаго и идейнаго единенія въ революціонномъ мірѣ. Такъ, организація «Земли и Воли», послѣ крупныхъ осеннихъ арестовъ 1878 г., была обязана своимъ возрожденіемъ главнымъ образомъ С. Кравчинскому и Морозову, которые и придали ей тотъ новый яркій характеръ, какимъ запечатлѣлась дѣятельность этой организаціи конца 78-го и первой половины 79-го года, продолженіемъ которой является Липецкій съѣздъ, а затѣмъ потрясшая весь міръ своей борьбой организація «Народной Воли» въ лицѣ ея Исполнительнаго Комитета перваго состава — «Великаго Комитета», какъ выражаются въкоторыя... Подвергаясь ежеминутной опасности, Кравчинскій оставилъ Петербургъ только тогда, когда поставилъ окончательно на ноги газету «Земля и Воля» и берегъ ее, какъ воинъ бережетъ знамя. Сознательно цѣня нравственное единеніе, какъ величайшій цементъ революціоннаго дѣла, залогъ его пресмственности и безсмертія, Кравчинскій скорѣе переоцѣнивалъ, чѣмъ недооцѣнивалъ людей и тѣмъ безсознательно подымалъ ихъ. Такъ, съ какимъ то почти священнымъ поклоненіемъ относился онъ къ изумительному опыту организаціи въ народѣ Стефановича, воскресившаго въ сущности самозванство въ концѣ XIX вѣка; обманъ возмущалъ Кравчинскаго, но изумительное знанье массъ, умѣніе двигать ими восхищало его...

Намѣренье Кравчинскаго поступить въ высшую военную школу въ Парижѣ. Быть вождемъ народнымъ было всегда мечтою самого Сергѣя Кравчинскаго, и въ описываемую минуту, заброшенный судьбою на чужбину, онъ мечталъ употребить свое время и свои крупнѣйшія способности на изученіе европейскаго военнаго дѣла и собирался, какъ онъ признался мнѣ по секрету, поступить подъ чужимъ именемъ въ высшую военную школу Франціи (Сенсирскую), гдѣ когда то воспиталъ свой геній Наполеонъ I-й. Но судьба немилостива къ намъ русскимъ, или лучше сказать, мы сами не бережемъ, не цѣнимъ и не умѣемъ подмѣчать во время проблесахъ нашего генія.

Участіе въ Герцеговинскомъ и Беневентскомъ возстаніи. Суровыя обстоятельства сковали С. Кравчинскаго, размѣнивая на мелочи его крупнѣйшія боевыя силы; такъ въ 1876 году онъ дрался въ рядахъ герцеговинскихъ повстанцевъ, а затѣмъ участвовалъ въ Италіи въ возстаніи въ Беневенто. Но эти возстанія не имѣли и не могли имѣть тогда мірового значенія и были для С. Кравчинскаго только практической школой для будущаго. Но великаго боевого будущаго дожидаться ему не пришлось. Оторванный отъ близкихъ, гордый и щепетильный, Кравчинскій принужденъ былъ зарабатывать кусокъ хлѣба въ Женевѣ тяжелымъ переводнымъ трудомъ. За годъ передъ тѣмъ онъ въ совершен-

ствѣ изучилъ итальянскій языкъ, сидя вмѣстѣ съ товарищами итальянцами въ беневентской тюрьмѣ, и овладѣлъ также языкомъ испанскимъ.

Работы Кравчинскаго. Теперь въ Женевѣ онъ взялся переводить съ испанскаго одинъ очень интересный романъ извѣстнаго испанскаго политическаго дѣятеля Каstellяра, разсчитывая помѣстить его въ журналъ «Дѣло», издатель котораго Благосвѣтовъ симпатично относился къ революціонерамъ. Сергѣй работалъ со страстью безъ усталы, какъ умѣетъ работать только русскій. Онъ надѣялся получить сразу нѣсколько сотъ рублей и осуществить свою мечту о поступленіи въ Сенсирскую школу. Я помогала ему, пища подъ его диктовку, что почти вдвое ускоряло дѣло. Такъ работалъ онъ безъ передышки. Между тѣмъ, будь онъ менѣе щепетиленъ въ нравственномъ отношеніи, будь онъ только честолюбцемъ, онъ могъ бы сразу прогремѣть на всю Европу, а можетъ быть и повернуть по своему колесо исторіи. Случай къ тому давался ему прямо въ руки черезъ одного изъ товарищей.

Князь Петръ Крапоткинъ. Кромѣ перечисленныхъ мною эмигрантовъ, въ Женевѣ проживалъ въ то время князь Петръ Крапоткинъ; въ описываемое время Крапоткинъ дѣлалъ только первые шаги въ Европѣ и началъ издавать свою газету «*Revolté*». Это былъ въ то время маленькій листокъ пятисантимнаго типа, который издавалъ Крапоткинъ на свои личные средства и еще съ трудомъ собиралъ подписчиковъ; каждый новый подписчикъ такъ его радовалъ, что какъ то разъ, я помню, онъ встрѣтилъ на улицѣ Кравчинскаго, и, забывъ поздороваться, безъ всякаго предисловія воскликнулъ:—А знаете, у «*Revolté*» есть уже подписчикъ въ Буэносъ-Айресѣ! Но какъ ни была ограничена подписка «*Revolté*», политическіе дѣятели Европы уже замѣтили князя Крапоткина. Въ самомъ дѣлѣ, Крапоткинъ работалъ съ изумительной энергіей и не только отдавалъ свое время «*Revolté*», но занимался еще у извѣстнаго коммунара—географа Реклю по географіи Россіи и успѣвалъ также бывать на рабочихъ собраніяхъ и говорилъ тамъ рѣчи, проповѣдуя анархическія идеи. Съ его именемъ начали мало по малу считаться.

Агенты Бисмарка и ихъ предложеніе. Разъ какъ-то Крапоткинъ конфиденціально сообщилъ Кравчинскому, а Кравчинскій по секрету повѣдалъ мнѣ:—Представьте, ко мнѣ явились агенты Бисмарка съ предложеніемъ уговорить кого-нибудь изъ крупныхъ русскихъ революціонеровъ издавать заграницей большую русскую революціонную газету, на которую обѣщаютъ дать большія деньги. Сергѣй Кравчинскій съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе и когда Крапоткинъ, не называя Кравчинскаго, передалъ этотъ отказъ Бисмарковскому посланному, тотъ съ изумленіемъ воскликнулъ:—«удивительный народъ эти русскіе, они совсѣмъ не политики, вотъ посмотрите ¹⁾», тотъ не постѣснялся взять у

¹⁾ Идетъ фамилія одного изъ самыхъ громкихъ политическихъ дѣятелей въ Европѣ. По понятнымъ причинамъ мы воздерживаемся пока отъ ея напечатанія. *Ред.*

насть деньги, и поглядите какъ выросла его ¹⁾». Да, русскіе революціонеры не политики въ бисмарковскомъ вкусѣ, они не продаютъ себя и не покупаютъ другихъ. А какъ навѣрняка думалъ дѣйствовать этотъ агентъ Бисмарка! Въ то время новая эмиграція была такъ бѣдна, какъ можетъ быть бѣденъ только самый несчастный изъ пролетаріевъ во время крупнаго рабочаго кризиса. Заработки были рѣдки, присылки отъ родныхъ или друзей также рѣдки, и мы дѣлились ими по братски.

Мученическая вѣрность нравственнымъ принципамъ. Да, русскіе революціонеры и европейскіе парламентскіе дѣятели—величины несоизмѣримыя. А будь у С. Кравчинскаго хорошія средства, міръ скоро заговорилъ бы о немъ; у него на это были всѣ внутреннія данныя, но темными средствами онъ пользоваться не хотѣлъ. Русскій революціонеръ стараго народническаго типа, какимъ продолжалъ быть Кравчинскій, несмотря на рѣзкую перемѣну пріемовъ борьбы, нравственный принципъ ставилъ во главу угла своего политическаго credo; онъ былъ ближе къ христіанскимъ рыцарямъ среднихъ вѣковъ, чѣмъ къ нѣмецкимъ социалистамъ Лассалевскаго времени. Бисмаркъ могъ дать деньги на русскую свободу только для того, чтобы держать ее въ рукахъ и задушить въ нужное ему время. Нѣтъ, наша свобода, вскормленная родной нищенской сумой, дала и еще дастъ міру много нравственныхъ уроковъ, какъ бы ни старались враги позорить нынѣ ея лучшихъ бойцовъ, разсѣивая съ такимъ трудомъ спаянные кадры народные.

Да, наканунѣ крупнаго удара, готовившагося нашему правительству, Сергѣй Кравчинскій съ презрѣніемъ отвергъ предательскія услуги иностранца и дѣлилъ свое время между химическими опытами надъ какимъ-то новымъ взрывчатымъ веществомъ, матерьялы для которыхъ покупалъ на свои скудные средства, и литературной работой надъ переводомъ испанскаго романа. Такъ работали онъ безъ усталости иногда часовъ по шестнадцати въ сутки и, пока я писала подъ его диктовку, онъ шагаль взадъ и впередъ по комнатѣ, обдумывая дальнѣйшія фразы перевода. Дѣло шло у насъ хорошо и дружно; намъ жаль бывало потерять лишній часъ, чтобы идти пообѣдать, и Сергѣй наскоро притаскивалъ изъ сосѣдняго рабочаго ресторана большую миску супа на 20 сантимовъ и хлѣба; мы съѣдали это торопливо, часто стоя, чтобы согрѣть ошоченѣвшія отъ холода руки и ноги.

Образъ жизни С. Кравчинскаго-эмигранта. Мы работали обыкновенно у Сергѣя, въ его комнатѣ нанятой имъ подешевле въ старомъ нагорномъ кварталѣ Женева съ узкими темными средневѣковыми улицами. Комната была обширная, съ двумя большими старинными запыленными, мелкорѣшетчатыми окнами; входъ былъ черезъ какой-то лабиринтъ сводчатыхъ корридоровъ, гдѣ всегда обдавало запахомъ мшистаго камня. Зима была очень

¹⁾ Идетъ названіе газеты того же дѣятели.

холодная и въ комнатѣ стояла неимоверная стужа. Я писала завернутая съ ногъ до головы въ имѣвшійся у Сергѣя пледъ и все-таки ноги стыли, пальцы кочевѣли. Сергѣй рѣдко позволялъ себѣ удовольствіе топить ржавую желѣзную печку стоявшую посреди комнаты: она требовала такъ много дровъ, дрова въ Швейцаріи были такъ дороги и намъ никогда не удавалось вдоволь нагрѣть ее—комната была слишкомъ обширна, это единственная роскошь, какую онъ себѣ позволялъ; ему нуженъ былъ просторъ; шагать взадъ и впередъ по комнатѣ было для него насущной потребностью, это облегчало работу. Въ немъ былъ и другой пережитокъ барства, онъ имѣлъ отвращеніе къ керосиновымъ лампамъ, запаха которыхъ не выносилъ, и завелъ для работы масляную лампу, что обходилось конечно дороже. Въ февралѣ наша работа, обширный испанскій романъ страницъ въ 600 былъ готовъ; С. Кравчинскій отправилъ его въ Россію и принялся за переводъ другого уже итальянскаго романа «Спартакъ», впоследствии напечатаннаго въ журналѣ «Дѣло» уже въ бытность редакторомъ Станюковича. Испанскій романъ такъ и остался въ то время не напечатаннымъ и нашъ трудъ пропалъ даромъ, а съ нимъ и надежда Сергѣя пробраться въ Сибирскую школу. Этотъ планъ нарушило еще и другое обстоятельство.

Пріѣздъ жены С. Кравчинскаго. Жена Сергѣя — Фанни Личкусъ должна была стать черезъ нѣсколько мѣсяцевъ матерью, и другъ его Клеменцъ, извѣщая его объ этомъ, сообщилъ, что Фанни хочетъ ѣхать къ нему за границу и что Клеменцъ съ своей стороны находитъ это необходимымъ и для нея и для Сергѣя. Мы стали ждать Фанни; она на нѣсколько дней запоздала, и Сергѣй тревожился; наконецъ въ концѣ февраля, а можетъ быть и въ мартѣ она пріѣхала очень измученная, несмотря на свое цвѣтущее здоровье. Ея путешествіе, какъ оказалось, далеко не было такъ удачно, какъ мое; она попала при переходѣ границы въ карантинъ, устроенный нѣмцами по случаю чумы (на рогатый скотъ), и ее недомогающую и взволнованную, подозвѣвая въ контрабандѣ, продержали на германской границѣ нѣсколько дней, грозя вернуть въ Россію, и только послѣ усиленныхъ просьбъ позволили ѣхать дальше въ Европу. Почему Ф. Личкусъ, тогда вполне легальная студентка, предпочла контрабандный переходъ черезъ границу, я не знаю, но думаю, что она хотѣла сохранить свое имя политически незапятнаннымъ ея близостью къ эмигрантамъ, чтобы не отрѣзать себѣ возвращенія на родину.

По пріѣздѣ Фанни, Сергѣй нанялъ себѣ другую, болѣе веселую и свѣтлую квартиру изъ двухъ, правда очень маленькихъ комнатъ. Намъ пришлось прервать на время наши общія переводныя работы; одинъ изъ членовъ нашей колоніи эмигрантъ-нечаевецъ, очень симпатичный человѣкъ и хорошій товарищъ, князь Черкезовъ, уѣзжая въ Парижъ для организаціи анархической пропаганды среди парижскихъ рабочихъ, передалъ мнѣ одинъ очень хорошо оплачиваемый урокъ, отнимавшій у меня

нѣсколько часовъ въ день. Я правда продолжала ежедневно посѣщать Сергѣя и Фанни, но уже не для работы надъ переводомъ, къ которому Сергѣй охладѣлъ послѣ неудачи съ романомъ Каstellяра, а для уроковъ итальянскаго языка, которые онъ мнѣ давалъ на досугѣ. Благодаря знанію языка французскаго и отчасти латинскаго, языкъ итальянскій давался мнѣ легко. Вторую половину «Спартака», длительно печатавшагося въ «Дѣлѣ», я переводила въ 1880 г. уже одна и Сергѣй находилъ мой переводъ очень хорошимъ и точнымъ. Сергѣй старался также помочь мнѣ овладѣть живой итальянской рѣчью; такъ онъ постоянно говорилъ при мнѣ по итальянски съ посѣщавшимъ его почти ежедневно членомъ Бакунинской (романской) секціи интернаціонала, товарищемъ Сергѣя по Беневенто—Малатеста.

Это былъ очень симпатичный молодой человѣкъ, съ живой рѣчью и большими выразительными глазами. Я впрочемъ не рѣшалась еще тогда говорить по итальянски и, когда разговоръ оживлялся, онъ неизмѣнно сворачивалъ на языкъ французскій и тогда становился общимъ. Впрочемъ Фанни продолжала помогать и рѣдко участвовала въ бесѣдѣ. Мои уроки у Сергѣя занимали недѣловые его часы, но и отдыхъ его былъ полонъ труда; такъ, слѣдя за моимъ итальянскимъ чтеніемъ и поправляя мои ошибки въ грамматическихъ формахъ, Сергѣй, не смотря на мои протесты и на протесты своей жены, стоя у камина, стряпалъ обѣдъ, и этотъ учитель мой съ закопѣлой сковородкой въ одной рукѣ и посудной щеткой въ другой, былъ лучшимъ, какого я когда либо знавала, а моими преподавателями были не только заурядные студенты, какъ водилось встарь, но и лучшіе профессора Москвы, преподававшіе на первыхъ женскихъ курсахъ III гимназіи. Да, хорошее это было время для меня, но я съ тоской и грустью вспоминаю его: Сергѣю съ его изумительными способностями такъ и не удалось выбиться изъ полунищенской жизни, растратившей его гигантскія силы иногда на ничтожные пустяки.

Послѣдній ударъ историческаго кинжала. Одаренный поэтической складкой, а потому временами суевѣрный, Кравчинскій разъ, раскалывая щепки для камина, сломалъ свой историческій кинжалъ, убившій Мезенцева; это былъ итальянскій четырехгранный клинокъ длиною не болѣе 6-ти вершковъ съ цѣльной выкованной ручкой, покрытой тонкой пропапанной проволоочной сѣтью. Хрупкая сталь отъ неловкаго удара по твердому сучковатому дереву слабо хрустнула и упала къ ногамъ Сергѣя. Онъ, пораженный, остановился и долго стоялъ молчаливый и мрачный съ опущеннымъ взоромъ.

Картина казни Пасанантэ. Я видѣла Сергѣя такимъ еще разъ: то было во время нашей совмѣстной работы надъ испанскимъ романомъ; захожу въ комнату, онъ неподвижно стоитъ надъ столомъ, я подхожу ближе, онъ шаговъ моихъ не слышитъ, заглядываю изъ за плеча и вижу на столѣ развернутый номеръ иллюстрированнаго журнала; я отшатнулась, на столѣ лежало

изображеніе казни Пасанантэ, недавно передъ тѣмъ осужденнаго въ Мадридѣ и казненнаго какой-то средневѣковой казнью посредствомъ задушенія металлическимъ ожерельемъ, завинчиваемымъ съзади. Лицо казненнаго не было покрыто саваномъ и глядѣло съ картины во всей своей ужасающей реальности. Я молча вырвала эту картину изъ-подъ глазъ Сергѣя и онъ только тогда очнулся. Зачѣмъ смотрѣть такія вещи, сказала я.—Отчего же не смотрѣть, это надо, коротко отвѣтилъ онъ. Вообще, когда Сергѣя не душила работа, онъ нерѣдко бывалъ мраченъ; мы шли тогда куда-нибудь, чаще къ Стефановичу, Дейчу, или Вѣрѣ Засуличъ, съ которыми у насъ все-таки было несравненно больше общаго, чѣмъ съ эмигрантами другого времени, а иногда забирались далеко за городъ. Наступила весна, изъ Россіи писали намъ не всегда хорошія вѣсти. Иногда, не получая своевременно писемъ отъ Морозова, мы волновались съ Сергѣемъ.

Выстрѣлъ Соловьева. Выстрѣлъ Соловьева (2-го апрѣля), для насъ неожиданный, очень взволновалъ всѣхъ. В. И. Засуличъ три дня скрывалась въ тяжелой хандрѣ; она не оправдывала такого направленія дѣятельности: мнѣ порой казалось, что всякій подобный насильственный актъ (покушеніе на Дрентельна и проч.) особенно сильно билъ ее по нервамъ, такъ какъ она сознательно, а, можетъ быть, и безсознательно приписывала себѣ первый шагъ въ этомъ направленіи дѣятельности, явно клонящейся въ сторону активной борьбы съ правительствомъ. Стефановичъ и Дейчъ, равно какъ и другіе эмигранты отвесились къ выстрѣлу Соловьева несравненно терпимѣе и только замѣчали, что это можетъ помѣшать работѣ въ народѣ. Сергѣй Кравчинскій напротивъ говорилъ, что личный опытъ всѣхъ насъ показалъ, что и раньше сколько-нибудь широкая работа въ народѣ была невозможна, что то, что можно было сдѣлать, сдѣлано, и рабочіе сами могутъ теперь продолжать начатое дѣло пропаганды съ несравненно меньшими жертвами, чѣмъ интеллигенты, а для того чтобъ широко поставить дѣятельность въ народѣ, необходимо добыть хоть minimum свободы политической, свободы слова и союзовъ, и только тогда народъ широкой волной примкнетъ къ социалистическому знамени.

Оборы въ Россію Стефановича, Дейча, Вѣры Засуличъ и мои. Мы всѣ чувствовали, что назрѣваетъ крупный историческій моментъ, изъ Россіи сообщали, что настроеніе крѣпнетъ, кадры дѣйствующей группы расширяются, звали насъ и общали прислать за нами хорошаго мастера пограничной переправы. Стефановичъ, Дейчъ, Вѣра Засуличъ и я рѣшили ѣхать въ Россію, и чтобъ замести слѣды передъ инціонами, сняли маленькій домикъ въ горахъ надъ Montreux, въ Les Avants, куда и переѣхали всѣ и, кромѣ насъ, А. Энштейнъ, Сергѣй и его жена Фанни. Вскорѣ Фанни должна была уѣхать въ Бернъ, такъ какъ ей нужна была хорошая медицинская помощь. Сергѣй видимо волновался и разрывался на части; съ одной стороны ему хотѣлось провести по-

слѣдніе дни съ нами, его друзьями, которыхъ ему быть можетъ не суждено было больше встрѣтить, съ другой, въ Бернѣ была его жена, готовившаяся со дня на день стать матерью. Мы всѣ, люди не семейные, не могли вполне войти въ его положеніе и желали подольше сохранить его для себя. Мѣсяцъ пребыванія въ Les Avants остается и до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ моихъ воспоминаній.

Конспиративныя приготовленія къ отъѣзду въ Россію. Нашъ домикъ въ двѣ небольшія комнаты стоялъ одиноко прилегая къ скалѣ; впереди разстилалась зеленая поляна, а кругомъ тѣсной стѣной окружалъ могучій сосновый боръ. Былъ конецъ мая, воздухъ былъ напоенъ весной, всѣ склоны горъ усеяны цвѣтущими бѣлыми нарцисами, распространявшими упоительный ароматъ; кругомъ полная величественная тишина природы, которая успокаивала душу, какъ бы отрывая ее отъ земли. В. З. и я, мы занимали одну комнату; съ утра она уходила гулять въ горы, а я часа три писала мои записки о студенчествѣ въ Цюрихѣ и о времени пропаганды организаціи 50-ти на московскихъ фабрикахъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Я спѣшила закончить эту работу до отъѣзда въ Россію. Другую комнату занимали А. М. Эпштейнъ, а днемъ ею пользовались, какъ общей пріемной. Мушны—Сергѣй Кравчинскій, Стефановичъ, Дейчъ спали на чердакѣ, представлявшемъ собою прекрасно провѣтриваемый чистый сѣноваль. Несмотря на близость горной гостиницы, мы стряпали дома, гостиница намъ была не по карману. Всего больше труда доставалось студенткѣ А. М. Эпштейнъ, которая избѣгала всякой помощи съ нашей стороны, увѣряя, что намъ нужно отдохнуть, что намъ предстоитъ трудный путь, а она остается на мѣстѣ. Все время до обѣда домикъ былъ почти пустъ, но къ обѣду собирались всѣ—кто съ овощами, кто съ фруктами, кто съ провизіей на завтрашній день, которую приходилось запасать внизу въ Montreux; стола не выносили, потому что не было достаточно ни скамеекъ, ни стульевъ, а усаживались на лужайкѣ передъ домомъ и обѣдали по походному, разостлавъ скатерть на травѣ. Въ дурную погоду обѣдали въ кухнѣ. За обѣдомъ каждый дѣлился своими впечатлѣніями, слышались шутки, смѣхъ. Всѣхъ радовала полная безусловная свобода, въ какой мы жили: ни города, ни его стѣсненій, а въ особенности ни духу шпіонскаго, что предвѣщало намъ удачную переправу въ Россію.

Зунделевичъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждали Зунделевича (впослѣдствіи былъ осужденъ по процессу 16-ти на вѣчную каторгу), который уже выѣхалъ за нами и былъ еще занятъ выполненіемъ другихъ порученій. Мы заочно знали его, какъ человѣка очень крупнаго по энергіи, дѣятельнаго и цѣннаго въ организаціи, а при личномъ знакомствѣ, онъ очаровалъ насъ товарищескою простотой, искренностью и задушевностью. Мы сразу стали съ нимъ друзьями. Сергѣй Кравчинскій, проживъ въ Les Avants дней десять, получилъ спѣшную телеграмму и уѣхалъ въ Бернъ. Черезъ нѣсколько

дней мы узнали, что у него преждевременно родился сынъ и проживъ дня два умеръ отъ слабости. Мы были все очень огорчены этимъ. Тревожная переправа черезъ границу два-три мѣсяца назадъ отразилась, быть можетъ, на здоровьѣ матери и на жизни ребенка. Черезъ нѣкоторое время Сергѣй, вмѣстѣ съ женой своей еще слабой, поблѣднѣвшей и грустной, пріѣхалъ къ намъ въ Les Avants. Наше пребываніе въ Les Avants близилось къ концу. Пріѣхалъ Зунделевичъ, и хотя я просила его остаться еще нѣсколько дней и дать мнѣ кончить мою работу, но онъ настаивалъ, что нужно спѣшить, говорилъ, что насъ ждутъ со дня на день.

Обратная поѣздка въ Россію моя, Стефановича и другихъ. Пришлось повиноваться. Дня черезъ два мы, т. е. В. И. Засуличъ, Стефановичъ, Дейчъ и я, простились съ Сергѣемъ, его женой и А. М. Эштейнъ и утромъ, почти безъ вещей, какъ бы идя на обыкновенную прогулку, пѣшкомъ спустились въ Montreux и оттуда нѣмъ незамѣченные съ первымъ поѣздомъ на Бернъ уѣхали въ Россію. Никто не провожалъ насъ. Сергѣй дошелъ съ нами только до конца обрамленной лѣсомъ дороги и, крѣпко обнявъ каждого, долго стоялъ одинокій, провожая насъ взглядомъ. «Пусть мнѣ напишутъ, если я буду тамъ нуженъ»,—сказалъ онъ мнѣ—я обѣщала... Но его берегли и не рѣшались вызвать, а кто знаетъ, можетъ быть онъ внесъ бы своей могучей индивидуальностью единеніе и братство въ разбредавшуюся революціонную среду, и на почвѣ нравственнаго единенія сумѣлъ бы примирить крайніе оттѣнки мнѣній въ общемъ дружномъ синтезѣ. Но этого не случилось. Высокая оцѣнка боевыхъ силъ Сергѣя Кравчинскаго затмевала передъ товарищами его изумительную силу нравственную, благодаря которой ему удавалось сближать украинофила Драгоманова, анархиста Кропоткина, шестидесятника-землевольца Жуковскаго, итальянскаго революціонера Кафери и французскаго коммунара Лефрансэ—людей не только различныхъ политическихъ взглядовъ, но и различной культуры. Только нечестивца-Ткачева онъ сторонился, считая въ революціи все жанры хорошими, кромѣ якобинскаго и самодержавнаго. Его все любили, все ему вѣрили. А Сергѣю хотѣлось, очень хотѣлось ѣхать, и не будь съ нимъ за границей больной жены, вся судьба его сложилась бы вѣроятно иначе. Правда, ему, какъ и очень многимъ пришлось бы вѣроятно умереть на эшафотѣ, но развѣ лучше та ужасная смерть, какая выпала на его долю послѣ 17-ти лѣтъ безотраднато томительнаго изгнанія, въ безплодной тоскѣ по великому дѣлу и въ вѣчномъ исканіи скуднаго куса хлѣба?!

Сергѣй не поѣхалъ; мы, отъѣзжавшіе, были спокойнѣе и счастливѣе его. Насъ ѣхало, считая Зунделевича, пять человекъ сразу. Перебраться была намъ задача не легкая. Мы ѣхали день и ночь безъ остановки, сначала въ третьемъ классѣ, стараясь ни костюмомъ, ни русской рѣчью не обращать на себя вниманіе. Зунде-

левичъ давалъ практическіе совѣты, у него былъ уже опытъ. Пожалуйста, не нахлобучивайте на глаза шляпу, говорилъ онъ намъ, а то мнѣ съ вами будетъ исторія, какъ съ О. Коваликъ, которую перевозилъ прошлую осень. Она такъ конспиративно закрывала лицо шляпой, что ей стали заглядывать уже подъ шляпку и тѣмъ очень смущали меня. Рѣшено было перебраться двумя партіями, сначала я со Стефановичемъ, а потомъ В. Засуличъ съ Дейчемъ. По Германіи, для сокращенія расходовъ, а отчасти и для конспираціи, Зунделевичъ засадилъ насъ въ вагонъ 4-го класса. Вагоны были переполнены рабочими преимущественно еврейскимъ пролетаріатомъ и женщинами торговками, ѣхавшими съ большими корзинами овощей въ ближайшіе города и мѣстечки; дальнихъ пассажировъ было очень немного. Каждый разъ послѣ остановки вагонъ набивался сразу такъ, чтодохнуть было невозможно. Зунделевичъ успѣлъ, впрочемъ, какъ-то занять для насъ мѣсто у стѣны, гдѣ поставилъ какой то чемоданчикъ для сидѣнья, котораго я у него раньше не видѣла. Оказалось, онъ такъ спокойно относился къ предстоящей переправѣ, что успѣлъ забѣжать въ магазинъ бѣлья и платья въ Берлинѣ и набралъ тамъ «возмутительно дешево», какъ онъ увѣрялъ, разныхъ воротничковъ, манишекъ, жилетовъ и проч. А вдругъ у васъ все это отнимутъ, шутили мы. «Нѣтъ, это везти не опасно, а вотъ бумаги и книги, за это можетъ нагорѣть и я не знаю, какъ я переправлю и переправлю ли еще вашу тетрадку», сказали онъ мнѣ. Я просила дать мнѣ ее съ собой, но онъ наотрѣзъ отказалъ, говоря, что это можетъ сгубить всѣхъ. Проѣздъ въ 4-мъ классѣ очень утомилъ насъ; было неимоვნно жарко; выходить изъ вагоновъ съ высокими подножками товарнаго вагона было очень трудно, а намъ на дорогу Зунделевичъ запасъ еще въ Берлинѣ соленыхъ консервовъ буйволинаго мяса; это въ свою очередь возбуждало такую жажду, которая подчасъ была неимоვნно мучительна. Мы путя говорили Зунделевичу, что онъ нарочно подвергаетъ насъ этому маленькому искусу, чтобы все дальнѣйшее показалось намъ путяками.

Совмѣстный переходъ границы въ Россію. Дѣйствительно, переходъ за границу произошелъ крайне просто, но совсѣмъ не такъ, какъ перебиралась я изъ Россіи. Было часовъ 5 дня; нарядивъ Стефановича въ еврейскій картузъ и давъ мнѣ покрыться большимъ платкомъ, Зунделевичъ предупредилъ заранѣе, что намъ придется пройти черезъ караулку пограничнаго солдата и что я должна фигурировать, какъ еврейка, не знающая по русски. Стефановичу разрѣшалось говорить, но по возможности съ еврейскимъ акцентомъ. Мы прошли съ версту по опушкѣ молодой березовой рощи, по какой то узкой тропинкѣ, которая привела насъ къ пограничной караулкѣ; мы шли гуськомъ—впереди Зунделевичъ, за нимъ Стефановичъ, за Стефановичемъ я; первый вошелъ Зунделевичъ, неприпужденнымъ жестомъ открывъ дверь; посрединѣ пустой деревянной избы стоялъ качаясь на ногахъ очень

пьяный солдатъ и держалъ въ рукахъ—въ одной почти выпитую бутылку водки, въ другой стаканъ. Я замѣтила въ эту минуту, что и у Зунделевича изъ кармановъ выглядывали горлышки двухъ бутылокъ. Солдатъ ступилъ, шатаясь, шага два намъ на встрѣчу, всматриваясь съ любопытствомъ въ лицо Стефановича, а потомъ и мое. Да неужто жъ ты еврей? спросилъ онъ Стефановича. Тотъ не успѣлъ отвѣтить, какъ вмѣшался Зунделевичъ и сказалъ: да что ты не помнишь его что-ль, онъ еще недавно былъ у тебя, это мой родственникъ.—Э чортъ съ вами; на, выпей; и онъ, разливая водку на грязный полъ, подалъ стаканъ Стефановичу; тотъ отхлебнулъ.—Да ты пей все, крикнулъ солдатъ и потрясъ въ воздухъ бутылкой.—Выпеть, отвѣтилъ Зунделевичъ; а вотъ мы тебѣ принесли сладкой, хорошей, не твоей зеленой чета; Зунделевичъ вынулъ изъ кармана бутылку съ какой то красной жидкостью и затѣйливымъ ярлыкомъ; незамѣтно выплеснувъ водку изъ стакана Стефановича, онъ налилъ туда дрянной наливки и подалъ солдату.—«Теперь пусть пьетъ его жена», сказалъ солдатъ, указывая на меня.—Нѣтъ, поспѣшилъ вмѣшаться Зунделевичъ, она больна и не пьетъ. Солдатъ не настаивалъ, а укоризненно посмотрѣвъ на меня, самъ осушилъ стаканъ до дна, всасывая жидкость съ какимъ то присвистомъ.—Ну, ступайте, махнулъ онъ намъ рукой и обнявъ, обѣ бутылки, грузно сѣлъ на скамью у стола. Мы вышли и благополучно миновали всѣ три пограничныхъ кордона, для чего пришлось пройти еще версту или двѣ пѣшкомъ. Мы были наконецъ на настоящей русской землѣ, внѣ пограничной охраны.

Проводивъ насъ на поѣздъ, Зунделевичъ вернулся обратно, чтобы завтра переправить такимъ же способомъ В. Засуличъ и Дейча, что удалось ему также благополучно. Одного онъ не сдѣлалъ, о чемъ я очень жалѣла да и онъ самъ жалѣлъ, онъ такъ и не переправилъ моей рукописи; онъ поручилъ ее тамъ кому-то, рассчитывая скоро еще проѣхать и тогда уже взять ее. Но этого не случилось и рукопись, которую я писала подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитого, такъ и пропала. Для меня она была живою памятью прошлаго, послѣдней данью погибшимъ товарищамъ (сурово осужденнымъ по процессу 50-ти), у которыхъ кромѣ меня никого близкаго не было въ то время на волѣ. Но Зунделевичъ естественно думалъ тогда о живыхъ.

О. Любатовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Бакунинскіе царевубійцы.

Николаю I едва ли не больше всѣхъ своихъ предшественниковъ пришлось испытать, что значить дрожь и лихорадка предсмертнаго страха. 14 декабря, идя на Сенатскую площадь, онъ не разсчитывалъ вернуться живымъ. Затѣмъ агенты учрежденнаго имъ для своей охраны III Отдѣленія не разъ доносили о заговорахъ на жизнь „обожаемаго монарха“. 7 сентября 1843 года, при проѣздѣ по Познани въ каретѣ, Николай I случайно не былъ убитъ выпущенными кѣмъ то чуть не пятнадцатью пулями ¹⁾.

Поэтому понятно, какъ страшились его тѣлохранители за жизнь ихъ императора, когда въ Европѣ грянулъ громъ революціи 1848 года.. Были приняты все мѣры для самой тщательной охраны. И вдругъ, среди этой напряженной ажитаціи, 6 іюня, въ руки шефа жандармовъ, гр. Орлова, попадаетъ такое сообщеніе:

„Бывшій російскій чиновникъ, лишенный, за невозвращеніе изъ-за границы въ отечество, всѣхъ правъ состоянія, Михаилъ Бакунинъ, находясь нынѣ въ Брацлавѣ, въ Пруссіи, подкупилъ двухъ польскихъ выходцевъ, уроженцевъ Подольской губерніи, братьевъ Станислава и Антона Виговскихъ, изъ которыхъ первому 40 лѣтъ, а второму 32 года, отправиться въ Россію съ преступнымъ намѣреніемъ посягнуть на жизнь Государя Императора. Бакунинъ успѣлъ достать для нихъ паспорта, могущіе служить для путешествія по всей Россіи, и Виговскіе на платкахъ своихъ будутъ имѣть знакъ

С. М.

Р.

Кромѣ того, два другіе поляка, которыхъ имена неизвѣстны, отправятся въ Ригу, съ тою же преступною цѣлью, на случай ожидаемаго ими путешествія Его Императорскаго Величества въ означенный городъ“.

Не имѣя возможности не довѣрять нашему парижскому послу, посѣщившему предупредить императорскаго оберъ-сторожа о грозящей опасности, Орловъ, забывъ свою сказочную лѣнь, энергично берется за дѣло.

Нѣсколько минутъ совѣщанія съ своей правой рукой—Дубельтомъ, и все сдѣлано, заговоръ предупрежденъ: немедленно все писцы и чиновники III отдѣленія строчатъ отношенія и предписанія всеѣмъ министрамъ, всеѣмъ генералъ-губернаторамъ, всеѣмъ военнымъ и гражданскимъ губернаторамъ, всеѣмъ начальникамъ округовъ корпуса жандармовъ,

¹⁾ Подробности этого мало извѣстнаго покушенія читатель найдетъ на стр. 137—138-майской книги „Рус. Старины“ 1880 года.

всѣмъ губернскимъ жандармскимъ генераламъ и штабъ-офицерамъ, всѣмъ пограничнымъ жандармскимъ оберъ-офицерамъ.

Семьдесятъ пять бумагъ подписалъ графъ и, исполнивъ свой долгъ вѣрнаго подданныаго, поспѣшилъ оповѣстить государя какъ объ опасности, такъ и о принятыхъ мѣрахъ...

А предписанія и отношенія летѣли по всѣмъ угламъ Россіи...

2 іюля министръ финансовъ, Вронченко, сообщилъ Орлову, что, по донесенію начальника Радзивилловскаго таможеннаго округа, отъ 21 іюня, братья Виговскіе находятся въ Лембергѣ и живутъ въ гостинницѣ „Россія“, да не одни, а съ эмиссаромъ Михайломъ Бѣлковскимъ. Станиславъ при этомъ получилъ уже на имя Адама Буйницкаго паспортъ австрійскаго подданныаго для проѣзда въ государство Россію, а Антонъ все еще хлопочетъ...

Снова летятъ *семьдесятъ пять* отношеній и предписаній съ увѣдомленіемъ о грозномъ приближеніи Виговскихъ къ отечественнымъ границамъ...

Черезъ мѣсяцъ въ III Отдѣленіе поступаетъ записка какого то усерднаго патріота, изъ которой приведу лишь самое существенное.

Оказывается, петербургскій генераль-губернаторъ, наэлектризованный предписаніемъ III Отдѣленія, разослалъ по всей губерніи циркуляръ, чтобъ зорко смотрѣли за всякими подозрительными личностями, „особливо поляками“. Такая грамота пришла и во всѣ сельскія управленія губерніи, „такъ что — сообщаетъ патріотъ — экземпляръ его видѣлъ въ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Гостилицы г. Потемкина. И въ этомъ циркулярѣ описаны всѣ подробности о намѣреніи Виговскихъ. Отъ этого происходитъ, что даже между крестьянами могутъ распространиться свѣдѣнія и толки о томъ, что есть люди, которые посягаютъ на жизнь Государя Императора“.

Изъ этого усердный патріотъ выводилъ такое практическое заключеніе: „было бы полезно подробности подобныхъ бумагъ имѣть въ виду только въ управленіяхъ главныхъ начальниковъ, а низшимъ властямъ сообщать однѣ примѣты публикуемыхъ людей, по которымъ они, въ случаѣ появленія, тогутъ быть узаны и задержаны“.

Этотъ совѣтъ очень одобрительно былъ принятъ Дубельтомъ, который немедленно объявилъ всѣмъ служащимъ III Отдѣленія и штаба корпуса жандармовъ, чтобъ впредь о замыслахъ знало высшее начальство, а о примѣтахъ злоумышленниковъ—всѣмъ предержавшімъ власти.

Прошелъ сентябрь, октябрь, а Виговскихъ все нѣтъ... Ихъ и совсѣмъ не было... Все оказалось ложной тревогой... ¹⁾

Михаилъ же Александровичъ Бакунинъ и слыхомъ не слыхалъ ни о какихъ Виговскихъ и въ то время, когда ему приписывали созданіе заговора и наемъ убійцъ, съ свойственной энергіей хлопоталъ объ организаціи пражскаго славянскаго съѣзда...

Мих. Лемне.

¹⁾ Дѣло III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи № 2, 1 экспедиціи, 1848 г.

Пестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

Окончаніе ¹⁾.

VIII. Сношенія съ польскимъ тайнымъ обществомъ.

Какія общества находятся собственно въ Польшѣ, и въ какихъ мѣстахъ заведены ихъ отдѣленія, или отрасли?

Въ Польшѣ существуетъ тайное политическое общество, распространенное, по словамъ сочленовъ онаго, по всему Царству Польскому, Герцогству Познанскому, Австрійской Галиціи, Литовскимъ, Подольской, Волынской и Кіевской губерніямъ. Я не извѣстенъ о точныхъ мѣстахъ ихъ отдѣленій, но для трехъ послѣднихъ губерній было ихъ начальство или управа въ Житомирѣ, потому что изъ названныхъ трехъ губерній Волынская преимущественно изобилуетъ членами сего общества. Предсѣдателемъ сего округа былъ, ради богатства своего, маршалъ дворянства графъ Моцинскій (показанія 13 января 1826 года, п. 8).

Какія и съ котораго времени имѣютъ сношенія между собою общества польскія и російскія, чрезъ какія лица и какими средствами происходятъ оныя?

Бестужевъ-Рюминъ, познакоившись въ Кіевѣ съ Гродецкимъ, графомъ Олизаромъ и графомъ Хоткевичемъ, первый открылъ сообщеніе русскаго общества съ польскимъ. Онъ увѣдомилъ о семъ открытіи своемъ директорію южнаго округа и получилъ отъ нея разрѣшеніе продолжать сіи сообщенія и войти въ сношеніе съ польскимъ обществомъ, совѣщаясь обо всемъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ. На 1825-ый же годъ положено было, что я вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ буду продолжать сношенія съ тѣми депутатами польскаго общества, которые отъ ихъ директоріи назначены будутъ для сей цѣли во время Кіевскихъ контрактовъ 1825 года. Такъ и было исполнено. Польскіе депутаты были князь Яблоновскій и Гродецкій. Сіи сношенія происходили личными переговорами; причемъ никакой переписки не было. (Тоже п. 10).

¹⁾ См. „Былое“, февраль, мартъ и апрѣль.

На какихъ условіяхъ заключенъ между обществами союзъ, чтобы совоюкупно дѣйствовать къ достиженію цѣли?

Цѣль сношеній съ польскимъ обществомъ состояла въ томъ, чтобы знать, что у поляковъ дѣлается и дружескими сношеніями предупредить вредъ, который они Россіи сдѣлать бы могли въ роковое время. Происходили разговоры и переговоры; но условій никакихъ еще заключено не было, ибо на то нужно было предварительно мнѣніе и согласіе всего союза. Переговоры же только что начались и мало оныхъ происходило. Заключеніе условій не могъ я принять на свою отвѣтственность, ибо безъ предварительнаго согласія всего союза не могъ удостовѣрять о принятіи союзомъ и, при случаѣ, объ исполненіи условій; я только бы себя компромитировалъ, по окончаніи переговоровъ представивъ бы оное союзу на рѣшеніе и утвержденіе условій. Весь разговор мой съ польскими депутатами продолжался не болѣе одного часу и былъ только одинъ разговоръ. Предметы переговоровъ были: 1) Независимость Польши,—глухо сказано. Но о губерніяхъ Литовскихъ, Бѣлостокской, Подольской и Волынской не было даже ни единымъ словомъ упомянуто. 2) Взаимное содѣйствіе на случай выѣшней войны. 3) Одинаковый образъ правленія. 4) Поступить полякамъ съ Цесаревичемъ, какъ нами поступлено будетъ съ прочими великими князьями. 5) Увѣдомлять имъ насъ о всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ другими обществами въ Европѣ, а равно и съ Англією и никакихъ не заключать имъ обязательствъ ни съ кѣмъ безъ предварительнаго нашего согласія. (Тоже, п. 11).

Какое имъ было обѣщано содѣйствіе и вознагражденіе?

Имъ ничего обѣщано не было, но въ переговорахъ было сказано о независимости Польши, но и то глухо, какъ уже объяснено. (Тоже, п. 12).

Кто именно были тѣ депутаты польскихъ обществъ, которые въ 1824 году въ Кіевѣ заключили съ южнымъ обществомъ условіе о содѣйствіи въ переворотѣ съ тѣмъ, что бы Польшѣ уступлены были завоеванныя у нея области, и кто устремленъ былъ къ сему договору со стороны общества?

Въ 1824 году сносился Бестужевъ-Рюминъ преимущественно съ Гродецкимъ. Имѣлъ также разговоры съ графомъ Хоткевичемъ и графомъ Олизаромъ. Условій не только въ 1824 году, но и въ 1825 году заключено не было, а происходили одни переговоры, ничего рѣшительнаго въ себѣ не заключавшіе, какъ уже неоднократно объяснялъ. Объ уступленіи Польшѣ завоеванныхъ областей никогда упоминаемо не было; но о независимости Польши было *глухо* говорено. Къ тому же не мы въ польскомъ обществѣ искали, но они въ нашемъ. (Тоже, п. 33).

Сверхъ наименованныхъ вами членовъ польскихъ обществъ, кто еще извѣстенъ вамъ изъ принадлежащихъ къ онымъ лицъ и по какимъ отношеніямъ?

Всѣ члены польскаго общества, которые мнѣ извѣстны или о которыхъ я слыжалъ, суть слѣдующіе: князь Яблоновскій и Гродецкій, съ коими я имѣлъ переговоры отъ лица русскаго общества; генералъ Княжевичъ, генералъ Хлопицкой, полковникъ Тернавскій, помѣщикъ Проскура, графъ Хоткевичъ и графъ Олизаръ, о коихъ мнѣ говорилъ Бестужевъ-Рюминъ; помѣщикъ Чарковский, о коемъ я слышалъ отъ князя Волконскаго; графъ Мошинскій, о коемъ мнѣ говорилъ князь Яблоновскій; старикъ графъ Потоцкій, живущій близъ Бердичева, въ Бѣлиловкѣ, и шляхтичъ Рутковский, о коихъ заключилъ я изъ словъ доктора Плесья, и наконецъ самъ докторъ Плесь. (Тоже, п. 34).

Въ началѣ 1825 года, южное общество писало ли къ директоріату Польскихъ (обществъ), укоряя оный въ недѣятельности и требуя смерти Цесаревича?

Въ 1824 году сношенія съ поляками происходили чрезъ Бестужева-Рюмина. Онъ написалъ такую бумагу и отдалъ ее князю Сергѣю Волконскому, прося его передать оную Гродецкому. Князь Волконскій, прочитавъ сію бумагу и посовѣтовавшись съ Василиемъ Давыдовымъ, на мѣсто того, чтобы отдать сію бумагу Гродецкому, представилъ оную директоріи южнаго края. Директорія истребила сію бумагу, прекратила сношенія Бестужева съ поляками и передала таковыя мнѣ и князю Волконскому. Такимъ образомъ сія бумага не дошла до поляковъ. Бестужевъ же объяснялъ, что его Гродецкій о томъ просилъ. (Тоже, п. 35).

Кромѣ Бестужева-Рюмина, были ли употребляемы вами для переговоровъ съ польскими обществами докторъ Плесь, шляхтичъ Рутковский, кн. Сергѣй Волконскій и нѣкто Мошинскій; въ чемъ состояли сдѣланныя имъ порученія, и какія получены чрезъ нихъ отзывы?

Князь Сергѣй Волконскій былъ назначенъ вмѣстѣ со мною для переговоровъ съ княземъ Яблоновскимъ и Гродецкимъ. Сверхъ того видѣлся онъ въ Бердичевѣ на ярмаркѣ прошлаго лѣта съ графомъ Мошинскимъ, который ему болѣе ничего не сказалъ, какъ только то, что польское общество приобрѣло нѣсколько членовъ въ Минскомъ полку изъ числа офицеровъ поляковъ. Графъ Мошинскій былъ назначенъ отъ польскаго общества, а полковникъ Швейковский отъ нашего, для сношенія о Литовскомъ корпусѣ, дабы взаимно давать знать о приобрѣтеніи членовъ въ общество изъ офицеровъ Литовскаго корпуса. Симъ единственно ограничивалось ихъ порученіе. Мы же въ семь корпусѣ никого не имѣли. Шляхтичъ Рутковский, повѣренный въ дѣлахъ графа Мечислава Потоцкаго, живущій въ Тульчинѣ, никакихъ сношеній не имѣлъ ни со мною, ни съ кѣмъ другимъ изъ членовъ русскаго общества. Съ докторомъ Плесь я не имѣлъ прямыхъ сношеній отъ лица польскаго и русскаго общества, но узналъ отъ него, что члены, съ коими я сія сношенія имѣлъ въ Кіевѣ, намѣреваются прибыть въ окрестности Линецъ, моей полковой штабъ-

квартиры, для продолженія переговоровъ. Однако же они не прїѣзжали. Сіе было въ декабрѣ прошлаго года. (Тоже, п. 36).

Точно ли въ *Англии* принимали участіе въ намѣреніяхъ тайныхъ европейскихъ обществъ, и до какой степени содѣйствовали и поддерживали оныя деньгами изъ *Англии*?

Тотъ же самый князь Яблоновскій мнѣ сказывалъ, что польское общество находится въ сношеніи съ *Англіею*, оттуда деньги получаетъ и что имъ также оружіе обѣщаютъ, но до какой степени имъ изъ *Англии* содѣйствовали, деньгами поддерживали и въ нихъ участіе принимали, о томъ онъ ничего не объяснялъ; а потому и я ничего болѣе о томъ не знаю и не могу объяснить (тоже, п. 15).

Въ данныхъ здѣсь отвѣтахъ, вы приводите весьма кратко слышанное отъ кн. Яблоновскаго и Гродецкаго, что польское общество находится въ сношеніяхъ съ *Английскимъ* правительствомъ, отъ коего получаетъ деньги, но умалчиваете о подробностяхъ сихъ сношеній и о лицахъ, чрезъ которыхъ оныя происходятъ, тогда какъ сами же рассказывали г-ну Юшневскому то же, но гораздо яснѣе, и именно, что въ дѣлѣ тайнаго общества принимаетъ искреннее участіе *Английскій кабинетъ* и обѣщаетъ въ нужномъ случаѣ оказать содѣйствіе. Объясните положительно и безъ малѣйшей утайки все, что вамъ извѣстно о сношеніяхъ и связи польскихъ обществъ съ *Англіею*, и какой именно кн. Яблоновскій и кто такой Гродецкій, съ которыми вы сносились?

Князь Яблоновскій сказывалъ мнѣ, что *Английское* правительство находится съ польскимъ тайнымъ обществомъ въ сношеніи, снабжаетъ ихъ деньгами и обѣщаетъ снабдить также и оружіемъ. Какимъ же образомъ и чрезъ какія лица сіе происходитъ, онъ мнѣ ничего не рассказывалъ, а потому и я ничего о томъ не могу сообщить, ибо ничего, кромѣ сказаннаго, не знаю. Весь мой разговоръ съ княземъ Яблоновскимъ не болѣе часу продолжался и потому нельзя было обо всемъ узнать въ подробности. Я Юшневскому тоже самое говорилъ, ни болѣе, ни менѣе, да и приведенныя слова Юшневскаго въ 43-мъ пунктѣ (т. е. въ этомъ пунктѣ вопросовъ) то же самое заключаютъ. Гродецкій служить въ гражданскомъ департаментѣ главнаго суда въ *Кіевѣ*, а князь Яблоновскій жительствоуетъ въ *Варшавѣ*, но который это Яблоновскій, опредѣлить и описать незнаю (тоже, п. 43).

Кто именно былъ тотъ членъ польскаго общества, съ которымъ вы видѣлись на послѣднихъ *Кіевскихъ* контрактахъ въ квартирѣ кн. Сергѣя Волконскаго на *Печерскѣ* и который требовалъ отъ васъ, чтобы указать взаимно въ *Варшавѣ* и въ *Петербургѣ* по одному лицу изъ высшаго чина, ибо польскіе члены, съ коими они должны имѣть переговоры, суть высшихъ чиновъ? Какой вы сдѣлали на предложеніе его рѣшительный отзывъ и по собственному ли вашему соображенію, или съ согласія прочихъ предсѣдателей *Тульчинской думы*?

Князь Яблоновскій и Гродецкій были тѣ члены тайнаго польскаго общества, съ которыми я видѣлся на послѣднихъ контрактахъ въ Кіевѣ въ домѣ князя Волконскаго на Печерскѣ. Упоминаемое предложеніе дѣлалъ князь Яблоновскій и дѣлалъ предложеніе, а не требованіе, говоря, что такое назначеніе можетъ ускорить переговоры и заключеніе условій. Я ему отвѣчалъ, что наше общество назначило для переговоровъ съ польскимъ обществомъ князя Волконскаго и меня, и что мы также довольствуемся ими, то есть княземъ Яблоновскимъ и Гродецкимъ. Сего отвѣта я не могъ не дать, ибо изъ высшихъ лицъ государственной службы никто къ обществу не принадлежалъ. (Тоже, п. 44).

Точно ли цѣль польскихъ обществъ была возстановленіе Польши въ прежнемъ ея видѣ, и на семъ ли только условіи означеннаго общества обѣщали содѣйствовать намѣренію общества южнаго, какъ вы сами рассказывали о томъ г. Юшневскому? Черезъ кого объявлена была сія цѣль польскаго общества, кто заключилъ съ ними означенное условіе и по общему ли согласію всѣхъ южныхъ членовъ, или только по усмотрѣнію предсѣдателей думы?

Подробный отвѣтъ на сей вопросъ находится въ 11 пунктѣ (см. выше, стр. 249).

Не мы просили содѣйствія у поляковъ, но они просили нашего. Во всѣхъ сношеніяхъ съ ними было за правило принято поставить себя къ нимъ въ такое отношеніе, что мы въ нихъ ни малѣйше не нуждаемся, но что они въ насъ нужду имѣютъ; что мы безъ нихъ обойтись можемъ, но они безъ насъ успѣть не могутъ; и потому никакихъ условій не предписывали они намъ, а напротивъ того показывали готовность на всѣ наши требованія согласиться, лишь бы мы согласились на независимость Польши. Говоря же о сей независимости, было о Польшѣ упомянуто *глухо* и ни слова не было сказано о губерніяхъ литовскихъ, Подольской и Волынской. Сіе весьма извѣстно г. Юшневскому, ибо обо всемъ этомъ совѣщался я съ нимъ въ подробности и не иначе дѣйствовалъ, какъ по общему согласію. По окончаніи переговоровъ прежде заключенія условій были бы статьи оныхъ представлены мною на сужденіе и рѣшеніе всего союза, какъ южнаго такъ и сѣвернаго округовъ (тоже, п. 45).

Въ присутствіи южныхъ членовъ: Лорера, Поджіо, Фохта и Старосѣльскаго вы читали на французскомъ языкѣ списокъ членамъ польскихъ обществъ, съ подробнымъ описаніемъ каждаго изъ нихъ, въ числѣ коихъ первымъ былъ наименованъ генераль баронъ Хлопицкій, а послѣ тутъ же разсуждали, что сей Хлопицкій есть главнѣйшій польскій патріотъ, и что южные члены всѣхъ польскихъ знаютъ, а сіи послѣдніе изъ южныхъ никого не знаютъ. Объясните съ искренностію, какъ имена и званія, такъ характеры и дѣйствія всѣхъ значившихся въ томъ списокѣ польскихъ членовъ?

Упоминаемый списокъ былъ составленъ Бестужевъ-Рюминымъ

со словъ знакомыхъ ему поляковъ и содержалъ имена однихъ только четырехъ членовъ польской директоріи, а именно: генераловъ Княжевича и Хлопицкаго, полковника Тернавскаго и помѣщика Проскуры. Въ семь спискъ былъ описанъ Хлопицкій: умнѣйшимъ, твердѣйшимъ и просвѣщеннѣйшимъ изъ всѣхъ четырехъ и притомъ имѣющимъ наиболѣе вліянія въ обществѣ. Тернавскій—съ тѣми же качествами, но въ меньшей мѣрѣ. Княжевичъ—человѣкомъ немолодымъ, основательнымъ и хранителемъ бумагъ въ Дрезденѣ. Проскура-же былъ описанъ, какъ человѣкъ худой нравственности, хотя и не безъ способностей.

Справедливо, что поляки о нашей директоріи ничего не знаютъ, ибо мы имъ изъ нашихъ членовъ никого не называли и ни о чемъ значеніи въ союзѣ ничего не говорили. А дабы еще лучше отъ нихъ скрыть всѣ подробности, до нашего общества относящіяся, и болѣе дать себѣ простору въ переговорахъ съ ними, было имъ сказано, что наша директорія находится въ Петербургѣ. (Тоже, п. 50).

Былъ ли показанъ въ семь спискъ генералъ *Клиикій*, о которомъ говорили вы нѣкоторымъ вашимъ членамъ, и въ какихъ сношеніяхъ съ нимъ вы находились?

О генералѣ Клиикомъ я никогда ни слова не слыхалъ, въ первый разъ о его имени и существованіи узнаю, и никогда никому изъ нашихъ членовъ о немъ не говорилъ. (Тоже, п. 51).

Кто именно былъ тотъ членъ польскаго общества, съ которымъ въ маѣ 1825 года желали вы видѣться въ Бердичевѣ и нарочно туда ѣздили, но возвратясь говорили съ неудовольствіемъ, что его тамъ не застали? Въ чемъ состояли тѣ переговоры, которые вы надѣялись имѣть съ симъ польскимъ членомъ, и съ которымъ вы, вѣроятно, видѣлись, ѣздивши неоднократно въ Бердичевъ?

Я ожидалъ видѣться въ Бердичевѣ на ярмаркѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ съ княземъ Яблоновскимъ, или съ тѣмъ, кто отъ него мнѣ подастъ письмо. Сношенія между польскимъ и русскимъ обществами начались въ Кіевѣ, а въ Бердичевѣ на ярмаркѣ должны были продолжаться. Я въ Бердичевѣ не могъ быть, да и князь Яблоновскій туда не пріѣзжалъ, и потому никакихъ переговоровъ и не было. Я ни разу въ Бердичевѣ ни одного польскаго члена не видалъ. (Тоже, п. 55).

Въ 33 пунктѣ отвѣтовъ (см. выше, стр. 249) вы увѣряете, что съ поляками никакихъ условій постановляемо не было, а происходили одни переговоры, ничего рѣшительнаго въ себѣ не заключавшіе, а объ уступкѣ Польшѣ завоеванныхъ областей никогда и упоминаемо не было; въ 45-мъ же пунктѣ (выше, стр. 252) дополняете, что сношенія съ поляками введены были такъ, что они не имѣли ничего требовать и считали за милость всякое снисхожденіе.

Послѣдующія показанія свидѣтельствуютъ противное: а) Сергѣй

Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ говорятъ, что послѣдній изъ нихъ въ 1823 году сдѣлалъ предложеніе, чтобы для открытія сношеній съ поляками обѣщать имъ независимость и возвращеніе завоеванныхъ губерній, каковое тогда же директоріею было одобрено, и поручено ему, Бестужеву, начать самыя сношенія.

б) Бестужевъ поясняетъ, что онъ съ Гродецкимъ заключилъ договоръ, въ которомъ со стороны Россіи была обѣщана Польшѣ уступка губерній Гродненской, части Волынской, Виленской и Минской, а Польша обязывалась, между прочимъ, отнять у Цесаревича всѣ средства возвратиться въ Россію; дѣйствительность чего подтверждаетъ и подполковникъ Поджіо, видѣвшій у васъ письменный отчетъ Бестужева, въ которомъ именно сказано, что со стороны южнаго общества требовано было истребить Цесаревича, а съ польской стороны было обѣщано исполнить въ томъ же году (1824).

в) Подполковнику Поджіо вы сами рассказывали, что южное общество, признавая независимость Польши, уступаетъ ей всѣ завоеванныя области, Минскую, Волынскую, Гродненскую, Подольскую, Могилевскую и даже Витебскую, и что общество, распространяемое въ Литовскомъ корпусѣ, и въ сей губерніи составлено съ тою цѣлью, чтобы отвратить препятствія въ успѣхѣхъ революціи.

г) Маіоръ Лореръ показываетъ слышанное отъ васъ, что поляки согласились не препятствовать южному обществу, только на условіи обѣ уступкѣ имъ завоеванныхъ областей.

д) По словамъ князя Волконскаго и подполковника Поджіо, Бестужеву-Рюмину за сношенія его съ поляками въ началѣ 1824 года изъявлена была отъ директоріи признательность чрезъ Юшневскаго; слѣдовательно договоръ его былъ одобренъ.

е) Бестужевъ-Рюминъ дополняетъ, что по бездѣйствію польскаго общества (въ 1824 году) вы изъявили ему подозрѣнія свои, что оно можетъ измѣнить южному, и при началѣ революціи возвести Цесаревича на престолъ Россіи и получить отъ него независимость въ знакъ признательности или избрать его королемъ по конституціи 3-го мая, и что сіи подозрѣнія ваши служили поводомъ къ письму его, Бестужева, на имя Гродецакаго, въ которомъ напоминалось полякамъ о ихъ обѣщаніи на счетъ Цесаревича, но которое было удержано княземъ Волконскимъ.

ж) Капитанъ Никита Муравьевъ утверждаетъ, что сѣверные члены роптали противъ васъ за обѣщанную полякамъ уступку завоеванныхъ областей, но вы на сіе отозвались: „Что-жъ дѣлать? слово сказано и перемѣнить нельзя; впрочемъ, такъ хотѣло южное общество“.

з) Князь Волконскій, участвовавшій съ вами въ сношеніяхъ съ княземъ Яблоновскимъ и Гродецкимъ въ 1825 году, свидѣтельствуетъ, что въ переговорахъ вашихъ съ ними положено было между прочимъ: 1) зачитать всѣхъ тѣхъ членовъ Императорской фамиліи, кои при началѣ революціи будутъ находиться въ Польшѣ, и отвратить всѣ покушенія къ ихъ освобожденію, 2) уступить Польшѣ завоеванныя отъ нея губерніи.

и) Наконецъ, обзоръ карты, найденной вмѣстѣ съ Русскою Прав-

дою и надписанной вашею рукою о областяхъ, которыя должны были составить собственно Россію, удостовѣрять, что, за исключеніемъ нѣкоторой части, всѣ губерніи, присоединенныя отъ Польши, означены вѣ границы государства и слѣдовательно въ понятіи преобразователей почитались уже уступленными Польшѣ.

Въ 1823-мъ году Бестужевъ-Рюминъ, узнавъ о существованіи польскаго общества, сдѣлалъ предложеніе войти съ ними въ сношеніе и общать имъ независимость. Когда получилъ онъ на то разрѣшеніе, тогда говорилъ я самъ лично ему, чтобы онъ отнюдь не терялъ изъ виду выгоду нашего положенія въ отношеніи къ полякамъ и имъ давалъ чувствовать, что мы безъ нихъ очень можемъ обойтись, но они безъ насъ никакъ. Постановленіе себя въ сіе соотношеніе къ полякамъ упрасивалъ я безпрестанно Бестужева никогда изъ виду не терять и о томъ всегда говорилъ и другимъ членамъ, между прочимъ Юшневскому, Волконскому, Давыдову. Вѣщимъ тому доказательствомъ служить, что князь Яблоновскій, когда я ему сказалъ, что мы готовы признать независимость Польши, возразилъ, что коль скоро мы на сіе согласны, то они всѣ прочія наши требованія готовы исполнить, какъ и когда мы захотимъ. Еще тому доказательствомъ служить, что онъ сейчасъ готовность изъявилъ исполнить мое требованіе не имѣть ни съ кѣмъ сношеній безъ нашего вѣдома. Князь Волконскій не можетъ не помнить сего. Таковыя статьи явно изображаютъ ту нашу поверхность надъ ними, о коей я докладывалъ комитету прежде.

Бестужевъ-Рюминъ условился съ Гродецкимъ въ образѣ сношеній, и о семъ въ отчетѣ своемъ главнѣйше говорилъ, а что политическіе предметы самими поляками не считались рѣшительными *условіями* въ сношеніяхъ съ Бестужевымъ, тому служить доказательствомъ и то, что князь Яблоновскій и Гродецкій мнѣ и князю Волконскому говорили, что со дня нашего свиданія считаютъ они *сношенія* дѣйствительно начавшимися, причемъ еще Гродецкій отзывался, что всегда опасался вѣтренности Бестужева. Я сіе тогда же пересказалъ Юшневскому, Давыдову и князю Барятинскому. Самъ Бестужевъ неоднократно говорилъ, что онъ ведетъ сношенія съ поляками болѣе въ видѣ *частнаго, личнаго* знакомства и дружества, нежели офиціальнымъ образомъ отъ общества къ обществу. Наконецъ, и мое свиданіе съ кн. Яблоновскимъ кончилось тѣмъ, что мы предназначили для дальнѣйшихъ переговоровъ видѣться въ Бердичевѣ съ нимъ, или съ тѣмъ, кто отъ него присланъ будетъ, дабы тогда уже положительно устроить взаимныя соотношенія и предметы соглашенія обоихъ обществъ, послѣ свиданія кн. Яблоновскаго съ его директоріею. Доказательствомъ, что какъ я, такъ и поляки не считали условія уже заключенными, служить предложеніе ихъ назначить лицъ изъ высшихъ званій для заключенія условій. Впрочемъ я полагаю, что сіе разногласіе между моими и

другими показаніями о семъ предметѣ суть нѣкоторымъ образомъ одинъ споръ въ значеніи выраженія *условіе*.

О благодарности, изъявленной Бестужеву, ничего не могу сказать, ибо я при томъ не находился.

Касательно границъ, говорилъ мнѣ самъ Бестужевъ неоднократно, что онъ о нихъ и объ уступкѣ губерній *избѣгаетъ* съ поляками говорить и разсуждать, дабы не произвелъ сей предметъ непріятныхъ впечатлѣній, и въ отчетѣ Бестужева ни слова не было упомянуто о томъ, какія губерніи и части уступаются. Точно такъ и во время моего разговора съ кн. Яблоновскимъ не было ни о какой губерніи упомянуто, а было сказано глухо о независимости Польши. Я очень твердо о семъ помню, ибо сей предметъ, по важности своей обращалъ особенное мое вниманіе. Къ тому же и говорили болѣе кн. Яблоновскій да я, а кн. Волконскій и Гродецкій весьма мало. Князь Яблоновскій даже спрашивалъ, кому желаемъ мы поручить набраніе членовъ въ Литовскомъ корпусѣ: имъ ли поручить, или предоставить себѣ оное; на что отвѣчалъ я, что и они могутъ искать пріобрѣтенія членовъ и мы будемъ искать. Сей отвѣтъ отклонялъ всякую намеку на уступку и удержку сихъ губерній. Ежели же рѣшено было въ сношеніяхъ съ поляками, или даже только говорено объ уступкѣ имъ Литвы, то и Литовскій корпусъ не подлежалъ бы сомнѣнію. Посему и утверждалъ я, что объ уступкѣ губерній не было полякамъ говорено. Но въ собственныхъ нашихъ предположеніяхъ уступались имъ тѣ части, которыя на моей картѣ означены. Не знаю, не говорилъ ли Бестужевъ чего Гродецкому или другимъ о семъ, но мнѣ онъ всегда подтверждалъ, что избѣгаетъ о семъ говорить. Я однакоже не полагаю, чтобы онъ говорилъ, потому что Гродецкій при нашемъ свиданіи съ кн. Яблоновскимъ о томъ не упоминалъ.

Поджію я не могъ говорить объ уступкѣ Волынской, Подольской, Витебской и Могилевской губерній, ибо и на картѣ моей есть доказательство противному, онъ чрезвычайно часто несправедливо показываетъ.

Маіоръ Лореръ ошибается совершенно, ибо я говорилъ ему, что опредѣленіе границъ между Россіею и Польшею послужить поводомъ по моимъ догадкамъ ко многимъ затрудненіямъ съ польскимъ обществомъ и что догадки сіи основывалъ я на разныхъ словахъ доктора Шлесля, съ коимъ однакоже отъ лица общества никакого сношенія никогда не имѣлъ.

Въ сужденіи о семъ предметѣ съ Никитою Муравьевымъ не произносилъ я никогда приведенныхъ имъ словъ, а изъяснялъ ему всѣ причины, побудившія насъ вступить съ поляками въ сношеніе и предполагать уступить имъ тѣ губерніи и уѣзды, которые на картѣ означены внѣ черты Россійскихъ границъ.

Что же касается до опасенія въ ненадежности поляковъ для насъ, о которой упоминаетъ Бестужевъ, то сіе опасеніе дѣйствительно существовало и было общее насъ всѣхъ. Оно послужило

поводомъ не къ письму Бестужева къ Гроденскому, которое княземъ Волконскимъ было остановлено, а дерикторію уничтожено по тому первому предложенію полякамъ, о которомъ упоминалось въ отчетѣ Бестужева, и которое сдѣлано было также и для того, чтобы изъ образа ихъ сужденій при семъ случаѣ положительнѣе усмотрѣть можно было, въ какомъ духѣ ихъ общество составлено. Въ нашихъ же совѣщаніяхъ съ кн. Яблоновскимъ было упомянуто о Цесаревичѣ такимъ образомъ, чтобы при началѣ революціи они его задержали, дабы не послѣдовало отъ него противудѣйствія, и съ нимъ бы поступили, такъ какъ нами поступлено будетъ съ прочими великими князьями. (показанія 6 апрѣля, п. 20).

IX. О различныхъ тайныхъ обществахъ.

Какія именно различныя тайныя общества существуютъ въ Россіи, съ котораго времени, гдѣ имѣютъ они свои управы или думы и въ особенности южному или сѣверному обществамъ принадлежать отдѣленія въ Пензѣ, Симбирскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, и кто именно къ каждому обществу принадлежитъ изъ лицъ вамъ извѣстныхъ?

Кромѣ нашего общества, о коемъ объяснилъ я въ 1-мъ пунктѣ ¹⁾, слыхалъ я о существованіи *Зеленой Лампы*, *Русскихъ Рыцарей*, *Свободныхъ Садовниковъ*, *Соединенныхъ Славянъ*, *Кавказскаго* и *Малороссійскаго* обществъ. О точныхъ ихъ мѣстахъ пребыванія, статутахъ, времени учрежденія, управыхъ и думахъ ничего не знаю ²⁾.

Что же касается до отдѣленій тайнаго общества въ Пензѣ, Симбирскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, то никогда ни отъ кого не слыхалъ, чтобы наше общество изъ южнаго или же изъ сѣвернаго округа тамъ отдѣленія свои имѣло. Ежели кто изъ нашихъ сочленовъ тамъ управы учредилъ, то я о томъ совершенно неизвѣстенъ, и никогда о томъ ничего не слыхалъ, какъ уже прежде объяснилъ (показанія 13 января 1826 года, п. 7).

Объясните съ подробностію и чистосердечіемъ все то, что вамъ извѣстно о существованіи, намѣреніяхъ, дѣйствіяхъ и взаимныхъ сношеніяхъ съ другими тѣхъ обществъ, которыя находятся въ Россіи подъ названіями: 1) *Свободные Садовники*, 2) *Русскіе Рыцари* и 3) *Зеленая лампа* и прочія?

Бестужевъ-Рюминъ мнѣ сказывалъ, что онъ слышалъ отъ

¹⁾ См. Былое, февраль, стр. 140.

²⁾ На первомъ допросѣ въ Петербургѣ Пестель на такой вопросъ отвѣтилъ: Слыхалъ я еще о существованіи двухъ тайныхъ обществъ подъ названіемъ *Русскіе Рыцари* и *Зеленая лампа*. О членахъ и подробностяхъ ничего не слыхалъ и не знаю, уничтожились ли они или еще продолжаются. О первомъ слыхалъ отъ г. Орлова, а о второмъ за давностію времени никакъ не упомяну, кто мнѣ говорилъ, ибо это было еще въ 1817 или 1818 году. Но кажется, что Трубецкой о томъ зналъ.

поляковъ, съ коими сношенія имѣлъ, что существуетъ въ Россіи тайное общество подъ названіемъ *Свободныхъ Садовниковъ*, съ коими будто бы они находились въ сношенія, но болѣе ни слова о томъ не упоминали. Тѣмъ и мое свѣдѣніе ограничивается.

О тайномъ обществѣ, подъ названіемъ *Русскихъ Рыцарей*, говорилъ мнѣ генераль Орловъ, сказывая, что къ оному принадлежалъ графъ Мамоновъ. У нихъ была печатная книжечка объ обществѣ, которую я однакоже не читалъ. Болѣе о Русскихъ Рыцаряхъ ничего не знаю.

О *Зеленой Лампѣ* никакъ не могу припомнить, кто мнѣ говорилъ, ибо сіе было еще въ 1817 или 1818 годахъ, но тогда же было мнѣ сказано, что князь Сергѣй Трубецкой имѣетъ свѣдѣніе о семъ обществѣ. Я впослѣдствіи никогда о томъ съ Трубецкимъ не говорилъ, ибо совершенно забылъ о сей Зеленой Лампѣ, да и полагаю, что ея общество было весьма незначущее, ибо послѣ того никогда болѣе ничего про нее не было слышно (тоже п. 42).

Было ли заведено въ *Малороссіи* тайное общество Новиковымъ? что вамъ извѣстно о другомъ, тамъ же основанномъ обществѣ Лукашевичемъ, о коемъ сами вы рассказывали членамъ своего общества, и не сіе ли послѣднее есть то многочисленное общество въ Малороссіи, которое помышляетъ объ отдѣленіи сего края отъ Россіи и готово отдаться въ покровительство поляковъ, или другое, и какое именно?

Новиковъ завелъ въ Малороссіи ложу масонскую, но тайнаго общества не успѣлъ устроить; по крайней мѣрѣ не имѣлъ я о томъ ни разу ни малѣйшаго извѣстія. Общество же, основанное, какъ я слышалъ, Лукашевичемъ, есть то самое, которое помышляло по словамъ поляковъ о независимости Малороссіи и готово было отдаться въ покровительство Польши, какъ о томъ мною объяснено въ прежнихъ показаніяхъ¹⁾. Болѣе же ничего о семъ обществѣ не знаю и не слыхалъ. При семъ говорилъ я полякамъ, что Малороссійское общество никогда не успѣетъ въ своей цѣли, ибо Малороссія на вѣки съ Россіею пребудетъ неразрывною и никакая сила не отторгнетъ Малороссіи отъ Россіи (тоже, п. 39).

Въ чемъ именно заключаются тѣ свѣдѣнія, кои южное общество имѣло о составѣ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ тайнаго общества, существующаго въ отдѣльномъ *Кавказскомъ корпусѣ*?

Князь Сергѣй Волконскій ѣздилъ въ 1824 году лѣтомъ на Кавказъ и тамъ познакомился съ Якубовичемъ, а потомъ и съ

¹⁾ Слышалъ я отъ поляковъ, съ коими разговоръ имѣлъ объ обществѣ, и коихъ уже именовалъ, что таковое существуетъ многочисленное въ *Малороссіи*, съ коимъ они будто бы въ союзѣ находятся, что сіе общество желаетъ независимости Малороссіи и готово на сей конецъ принять покровительство Польши, когда сія успѣетъ приобрѣсть для себя независимость.

Изъ членовъ сего малороссійскаго общества никто не былъ названъ. (Первый допросъ въ Петербургѣ).

Тимковскимъ, теперешнимъ Бессарабскимъ губернаторомъ. Отъ нихъ двухъ узналъ онъ, что въ Кавказскомъ корпусѣ существуетъ тайное политическое общество съ революціонными намѣреніями. Изъ членовъ сего общества назвали они ему Воейкова, адъютанта генерала Ермолова, говоря, что онъ одинъ изъ главныхъ членовъ. О генералѣ Ермоловѣ сказывали они, что онъ объ обществѣ ничего не знаетъ, но членамъ онаго покровительствуетъ чрезъ стараніе тѣхъ лицъ, Ермолову приближенныхъ, кои суть члены общества. Въ примѣръ они приводили Каспійскій баталіонъ, между чинами коего открыто было большое злоупотребленіе въ вывозѣ за границу мѣди; но все дѣло прикрито по той причинѣ, что обвиняемыя лица вступили въ тайное общество. Объ устройствѣ общества говорили они, что оно состоитъ изъ перваго совѣта, втораго совѣта и третьей степени. Въ первомъ совѣтѣ восемь членовъ, во второмъ 16, а въ третьей степени прочіе члены. О цѣли Кавказскаго общества сказывали они, что оно ожидаетъ революціи въ Россіи, дабы содѣйствовать оной, или смотря на обстоятельства, служить убѣжищемъ при неудачѣ, или отдѣлать Грузію отъ Россіи, дабы основать особое государство, или при конечной неудачѣ отступить съ Кавказскимъ корпусомъ на Хиву и Туркестанъ, покорить тѣ мѣста и въ оныхъ основать новое государство. Давали чувствовать, что ихъ общество весьма склонно къ введенію новой династіи Ермоловыхъ, что ихъ сила очень значительна, ибо располагать могутъ всѣми войсками Кавказскаго корпуса, который неограниченно преданъ Ермолову. Князь Волконскій предлагалъ имъ войти въ сношеніе съ нашимъ обществомъ, и именно съ южнымъ округомъ. Они на сіе отзывались, что они уже въ сношеніи съ тайнымъ обществомъ въ Петербургѣ, но съ какимъ, того не говорили, что впрочемъ о семъ предложеніи доведутъ до свѣдѣнія начальства ихъ общества и что ежели послѣдуетъ на то согласіе и разрѣшеніе, то увѣдомятъ о томъ князя Волконскаго или Василія Давыдова, чрезъ Якубовича, который тогда намѣревался въ скорости ѣхать въ отпускъ въ Россію. Послѣ сего оставилъ князь Волконскій Кавказъ и съ тѣхъ поръ ни Якубовичъ, ни Тимковскій никакого ни о чемъ не давали извѣстія. (Тоже, п. 40).

Въ данныхъ здѣсь отвѣтахъ вы упоминаете, что о *кавказскомъ обществѣ* прямого свѣдѣнія не имѣете, а слышали, что оно существуетъ, и даже называли вамъ нѣкоторыхъ членовъ его, какъ то: Якубовича, Воейкова и Тимковского, и что общество сіе хочетъ Грузію отдѣлать отъ Россіи и начать новую династію Ермоловыхъ, но о подробностяхъ, до онаго касающихся, умалчиваете, тогда какъ сами же давали читать г-ну Юшневскому отчетъ князя Волконскаго, сочиненный Давыдовымъ, о состояніи помянутаго общества, и слѣдственно имѣете на сей счетъ ясное понятіе. Объясните положительно, въ чемъ именно заключаются прямыя намѣренія кавказскаго общества, его дѣйствія, средства и сношенія съ другими тайными обществами, съ вѣдоми-ли генерала Ермо-

лова таковое существуетъ, кто именно члены его и гдѣ находятся? Ясное, насчетъ кавказскаго общества, показаніе тѣмъ болѣе обязаны вы сдѣлать, что кромѣ отзыва г. Юшневскаго, свидѣтельствуетъ еще полковникъ Аврамовъ, что вы находились въ сношеніяхъ съ тѣмъ обществомъ; и потому объясните: какого рода, когда и чрезъ кого происходили оныя?

Я утверждалъ и нынѣ повторяю, что прямого свѣдѣнія о кавказскомъ обществѣ я никакого не имѣю, ибо никогда не видался ни съ однимъ изъ членовъ сего общества, а что я о томъ слышалъ, все то уже объяснилъ. Юшневскій имѣетъ точно тѣ же свѣдѣнія о кавказскомъ обществѣ, какія имѣю и я: ибо мы оба сіи свѣдѣнія почерпнули изъ одного и того же источника, письменнаго отчета князя Волконскаго, который къ директоріи представленъ былъ, слѣдовательно одинаковымъ образомъ, какъ мнѣ, такъ и Юшневскому. Что же касается до свидѣтельства полковника Аврамова, якобы я самъ находился въ сношеніяхъ съ кавказскимъ обществомъ, то оное свидѣтельство есть совершенно ложное. (Тоже, п. 46).

При отъѣздѣ Поджіо на кавказскія воды, вы поручили ему узнать тамъ подробно о существованіи тайнаго общества въ *Кавказскомъ корпусѣ*. Поясните: что именно сообщилъ вамъ по сему предмету Поджіо по его возвращеніи съ кавказскихъ водъ?

Поджіо не видался со мною по возвращеніи своемъ съ Кавказскихъ водъ и никакого извѣстія не было мнѣ сообщено о кавказскомъ обществѣ ни прямо, ни чрезъ чье либо посредство. (Показанія 6 апрѣля, п. 44).

Въ отвѣтахъ вашихъ, объясняя составъ южнаго и сѣвернаго общества, вы называете только двѣ думы: Петербургскую и Тульчинскую, и управы Каменскую и Васильковскую; но изъ нѣкоторыхъ показаній замѣчается, что тайное общество состояло изъ слѣдующихъ вентъ: 1) Сѣверной (Vente du Nord) въ Петербургѣ. 2) Средней (Vente du Centre) въ Москвѣ, 3) Полуденной (Vente du midi), 4) Западной (Vente de l'ouest) и 5) Кавказской (Vente du Caucase). Притомъ подполковникъ Поджіо показываетъ, что въ 1824 году вы намѣревались основать *восточную* управу и поручить оную въ его начальство.

Здѣсь объясните: 1) Дѣйствительно ли тайное общество имѣло 5 выше наименованныхъ вентъ; гдѣ именно существовали изъ нихъ полуденная, западная и кавказская, и кто въ нихъ начальствовалъ?

2) Подлинно ли убитый въ Грузіи генералъ Лисаневичъ принадлежалъ къ тайному обществу? не онъ ли былъ начальникъ кавказской венты, и кто суть извѣстные вамъ члены оной? и

3) Была ли основана вами управа восточная и кто къ ней принадлежалъ?

Я доносилъ комитету и нынѣ честь имѣю подтвердить, что по моимъ свѣдѣніямъ, общество раздѣлялось на сѣверный и южный округъ, и что южный состоялъ изъ Тульчинской, Каменской и

Васильковской управѣ, а сколько управѣ имѣлъ сѣверный, къ коему мы причисляли и московскихъ членовъ, мнѣ совершенно неизвѣстно.

Слово *Вентъ* не было у насъ въ употребленіи, равно какъ и наименованіе управъ: сѣвѣрною, среднею, полуденною, западною и кавказскою.

На Кавказѣ не имѣли мы никакой управы, а узнали чрезъ кн. Волконскаго о существованіи тамъ особаго общества. Если петербургское общество завело гдѣ нибудь управы внѣ столицы, то сіе послѣдовало уже послѣ моего отбытія изъ Петербурга въ 1824 году и намъ о томъ ничего не было сообщено.

Генераль Лисаневичъ къ обществу никогда не принадлежалъ, а Бестужевъ-Рюминъ вздумалъ увѣрять въ томъ нѣкоторыхъ членовъ, имъ принятыхъ.

Здѣсь называемая восточная управа, которой впрочемъ никогда не предполагалось дать сіе названіе, есть та самая, о которой я уже объяснялъ въ отвѣтахъ на вопросы отъ 13 января (выше, стр. 257), что Поджіо, отправляясь въ Орелъ и надѣясь тамъ видѣться съ какими то князьями Голицыными, предложилъ объ учрежденіи въ Орлѣ чрезъ ихъ посредство особой управы; но возвратился, ихъ не видавши и ничего по сему не сдѣлавъ.

При семъ честь имѣю доложить, что не я вознамѣрился сію управу учредить: я не зналъ князей Голицыныхъ, ниже о пребываніи ихъ въ Орлѣ; и потому не имѣлъ въ виду возможности учредить управу въ Орлѣ. Все сіе сообщилъ мнѣ Поджіо въ то время, когда онъ дѣлалъ предложеніе объ учрежденіи управы въ Орлѣ. (Показанія 6 апрѣля, п. 11).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1825 года вы сказывали Бестужеву-Рюмину, что существуетъ многочисленное тайное общество подъ предводительствомъ Булгари, и что средоточіе онаго въ *Харьковѣ*, а отрасли въ обѣихъ столицахъ. Объясните: когда, отъ кого, гдѣ и какія именно свѣдѣнія вы получили о семъ обществѣ?

Канитанъ Майборода, ѣздивши въ Москву, захватилъ въ деревню къ матери генерала Шеншина и оттуда привезъ извѣстіе, что генераль Шеншинъ пріѣзжалъ въ *Харьковъ*, тамъ арестовалъ Булгари и между его бумагами нашелъ доказательства о существованіи тайнаго общества, коего Булгари былъ членомъ и которое свои имѣло отрасли въ обѣихъ столицахъ (показанія 6-го апрѣля, п. 41).

Когда подполковникъ Поджіо отъѣзжалъ по дѣламъ своимъ въ нѣкоторыя губерніи, то вы поручили ему развѣдать въ *Орлѣ* о происшедшемъ бунтѣ въ одномъ эскадронѣ расположеннаго тамъ кирасирскаго полка; но Поджіо сего не сдѣлалъ.

Объясните: отъ кого вы узнали о семъ бунтѣ, когда, въ какомъ эскадронѣ, какова именно полка и по какому случаю произошелъ оный?

Я ни о какихъ подробностяхъ сего бунта не зналъ, но слышалъ, что въ одномъ эскадронѣ какого-то кирасирскаго полка былъ бунтъ, что сей эскадронъ былъ раскассированъ, и что главнокомандующій 1 арміи, назначивъ многихъ солдатъ изъ сего эскадрона въ жандармскій полкъ, получилъ отъ Государя Императора за сіе назначеніе бунтовавшихъ въ жандармы изъясненіе Высочайшаго неудовольствія. Сколько припомнить могу, то говорилъ мнѣ сіе Бестужевъ, отъ котораго всѣ почти свѣдѣнія о 1 арміи я получалъ. Впрочемъ не ручаюсь, чтобы и не полковникъ Аврамовъ мнѣ о томъ рассказывалъ. Твердо не помню (тоже, п. 43).

Общество подъ названіемъ *соединенныхъ славянъ* не принадлежало къ южному, гдѣ находилась управа или дума его, въ какихъ сношеніяхъ было оное съ прочими обществами и кто именно составлялъ главное число членовъ его?

Тайное общество соединенныхъ славянъ не принадлежало къ южному округу Союза Благоденствія и никакихъ съ нимъ сношеній не имѣло. Все, что мнѣ о семъ обществѣ извѣстно, я слышалъ отъ Бестужева-Рюмина, и оное заключается въ томъ, что артиллерійскій офицеръ 3 корпуса, по имени, кажется, Борисовъ, не знаю которой роты и бригады, былъ принятъ въ сіе общество въ Петербургѣ, и возвратившись изъ столицы приобрѣлъ между другими офицерами до 15 или 16 членовъ въ общество соединенныхъ славянъ. Именъ сихъ офицеровъ я не знаю. Бестужевъ открылъ сіе отдѣленіе общества соединенныхъ славянъ и перевелъ ихъ всѣхъ въ наше общество въ Васильковскую Управу. Вотъ все, мнѣ извѣстное (показанія 13 января, п. 41).

Сказывалъ мнѣ Бестужевъ-Рюминъ, что онъ слышалъ о существованіи тайнаго общества подъ названіемъ *соединенные славяне*. Въ семъ обществѣ принимались, будто бы, какъ русскіе, такъ и поляки. Средоточіе онаго неизвѣстно, или не было объяснено; но должно, кажется, быть въ Петербургѣ. Сношеній съ симъ обществомъ, какъ и со всѣми выше названными, союзъ благоденствія, то есть наше общество никакихъ не имѣло, сколько мнѣ извѣстно, и въ достовѣрности всего вышесказаннаго самъ утверждать не могу, но объявляю объ ономъ все то, что слышалъ. Существованіе соединенныхъ славянъ считаю однакоже вѣрнымъ, ибо изъ сего общества перешли въ наше нѣкоторые члены, между прочимъ, нѣкоторые артиллерійскіе офицеры третьяго корпуса, коихъ имена я не любопытствовалъ узнавать, но кажется, что нѣкто изъ нихъ назывался Борисовъ и что онъ въ Петербургѣ былъ принятъ въ *соединенные славяне*, а потомъ прочихъ принялъ. Повторяю, однако же, что сіе говорено безъ собственной своей удостовѣренности, ибо никого изъ нихъ самъ не видалъ и не знаю. А также не знаю чина и мѣстопробыванія Борисова. (первый допросъ въ Петербургѣ).

Какія тайныя общества, одну и ту же цѣль имѣющія, существуютъ

въ Германіи, Венгріи, Италиі, Франціи и другихъ Европейскихъ государствахъ, гдѣ, подъ какими названіями и кто извѣстенъ изъ членовъ cadaго?

Членъ тайнаго польскаго общества князь Яблоновскій мнѣ сказывалъ, что существуютъ таковыя же тайныя общества въ *Германіи, Венгріи и Италиі*, съ коими ихъ общество будто бы въ сношеніи находится; но ихъ членовъ, именъ, статутовъ и подробностей ничего не сообщилъ; слишкомъ мало было на то времени. Вотъ все, что я о сихъ обществахъ знаю. О Франціи же никакихъ свѣдѣній не имѣю.

Князь Яблоновскій тутъ предложилъ намъ ввести насъ въ прямое сношеніе съ германскимъ обществомъ; на что я ему сказалъ, что сего не нужно, что сношенія съ Германіею могутъ происходить чрезъ Польшу, ибо Германія отъ насъ далека. Онъ однако же продолжалъ, что будетъ о томъ говорить германскому обществу. Послѣ же того не было до сихъ поръ никакого уже болѣе отъ него извѣстія. Я имѣлъ надежду подробнѣе и обстоятельнѣе узнать о всѣхъ сихъ предметахъ при будущихъ свиданіяхъ, но таковыхъ впослѣдствіи не было ни единого (тоже п. 13).

Съ котораго времени, чрезъ кого, и какими способами общества сіи сообщались съ обществомъ дрезденскимъ въ Европѣ?

Я не слыхалъ, чтобы въ Дрезденѣ существовало особое тайное общество, но только что въ семъ городѣ находится часть польской директоріи съ бумагами польскаго общества, дабы оныя сохранять тамъ въ лучшей безопасности. Какими же средствами производились сношенія польскаго общества съ прочими въ Европѣ, того не знаю. Да и коротко слишкомъ было время моего свиданія съ княземъ Яблоновскимъ, чтобы успѣть можно было о всѣхъ сихъ подробностяхъ узнать. Къ тому же видѣлись мы тогда съ нимъ въ первый разъ и неловко было на первый случай много ему дѣлать вопросовъ, показывающихъ одно только любопытство, тѣмъ болѣе, что со стороны поляковъ все еще видна была нѣкоторая къ русскимъ недовѣрчивость (тоже п. 14).

Съ какими порученіями тайнаго общества отправился во Францію членъ онаго полковникъ графъ Полиньякъ, и имѣло ли общество отъ него какія увѣдомленія или нѣтъ?

Полковникъ графъ Полиньякъ отправился во Францію по собственнымъ своимъ дѣламъ и получилъ при семъ случаѣ порученіе отъ общества узнать, существуетъ ли во Франціи какое либо тайное общество и потомъ насъ о томъ увѣдомить. Онъ писалъ одинъ разъ къ Василию Давыдову, но ничего не упоминалъ объ обществѣ, такъ что не имѣемъ мы никакого извѣстія о томъ. (Тоже, п. 38).

Нѣкоторымъ членамъ южнаго общества вы сказывали, что оное находится въ сношеніяхъ, кромѣ польскихъ, еще съ *французскими* тай-

ными обществами. Поясните съ точностію: какого рода, когда и чрезъ кого происходили сіи сношенія?

Южное общество никогда никакихъ не имѣло сношеній съ французскими тайными обществами, а члены, сіе показывающіе, ошибаются, полагая, вѣроятно, сіи сношенія заведенными, потому что графъ Полиньякъ, отѣзжая во Францію, принялъ порученіе узнать, существуютъ ли тайныя общества во Франціи. Но отвѣта о семъ отъ него не получено (тоже, п. 45).

Х. Арестъ.

Въ половинѣ ноября 1825 года вы вручили поручику Крюкову 2-му тайныя бумаги свои для сохраненія въ Тульчинѣ, а 27-го того же мѣсяца вы присылали его же, Крюкова, въ Васильковъ къ Сергѣю Муравьеву-Апостолу съ извѣстіемъ, что правительство узнало о существованіи тайнаго общества. Между тѣмъ изысканія со стороны правительства начались не прежде половины декабря; слѣдовательно вы имѣли свѣдѣнія о семъ за мѣсяцъ ранѣе.

Объясните чистосердечно: а) Что именно побудило васъ къ сокрытію бумагъ въ половинѣ ноября, когда правительство не принимало еще никакихъ мѣръ, и когда извѣстность его объ обществѣ составляла непроницаемую тайну? и

б) Когда, отъ кого и какимъ образомъ въ концѣ ноября Вы получили то извѣстіе, которое чрезъ Крюкова 2-го сообщили Сергѣю Муравьеву?

Бумаги мои скрылъ я не въ половинѣ ноября, но по возвращеніи Крюкова отъ Муравьева. Причины же слѣдующія. Послѣ сношенія съ Бошнякомъ находились мы въ безпрестанномъ опасеніи. Въ послѣднихъ числахъ ноября пріѣхалъ въ Тульчинъ фельдъегерь изъ Таганрога и въ скорости потомъ поѣхалъ начальникъ Главнаго штаба къ г. Главнокомандующему на встрѣчу, не дождавшись его прибытія, а потомъ поѣхалъ далѣе, но тогда не было извѣстно куда. Г. Главнокомандующій, пріѣхавъ, казался очень пасмуренъ. Князь Барятинскій спрашивалъ у его сына Александра, что не война ли съ турками? Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, нѣчто гораздо важнѣе. Изъ совокупности всѣхъ сихъ обстоятельствъ, получилъ кн. Барятинскій столь сильное подозрѣніе, что Крюковъ 2-й и отправился ко мнѣ съ сими извѣстіями, а отъ меня поѣхалъ къ Муравьеву, чтобы ему сообщить оныя, и узнать отъ него, не имѣютъ ли они и съ своей стороны какихъ либо свѣдѣній. На возвратномъ его пути вручилъ я ему мои бумаги. Послѣ уже узнали мы, что сей фельдъегерь привозилъ извѣстіе о болѣзни Государя Императора (показанія 6 апрѣля, п. 33).

Князь Барятинскій, въ продолженіе ноября и въ самомъ началѣ декабря 1825 года неоднократно посылалъ къ вамъ изъ Тульчина съ раз-

ными извѣстіями свитскихъ офицеровъ: Крюкова 2-го, Заикина и Загорецкаго.

Поясните: кто именно изъ офицеровъ сихъ пріѣзжалъ къ вамъ въ означенное время, какія чрезъ нихъ и отъ кого сообщены были вамъ свѣдѣнія, и особенно, когда дѣйствительно узнали вы отъ князя Волконскаго о кончинѣ блаженной памяти Государя Императора, и что именно при семъ случаѣ еще сообщилъ вамъ Волконскій?

О пріѣздѣ Крюкова объяснился я въ предыдущемъ пунктѣ.

Заикинъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о болѣзни Государя Императора и на возвратномъ пути долженствовалъ онъ захватить въ Немировѣ, дабы оттуда взять съ собою мои бумаги въ Тульчинѣ; объ исполненіи же сего не имѣлъ я уже свѣдѣній.

Загорецкій ни съ какимъ извѣстіемъ не пріѣзжалъ, и не отъ кн. Барятинскаго, а самъ собою захватилъ, когда изъ Махновки, гдѣ былъ на рекогносцировкѣ, возвращался въ Тульчинъ.

Отъ кн. Волконскаго узналъ я 28-го или 29-го ноября о кончинѣ Государя Императора чрезъ письмо, доставленное ко мнѣ Азовскаго полка майоромъ Дрешерномъ, который однакоже не былъ членомъ тайнаго общества. Кромѣ извѣстія о кончинѣ Государя Императора не содержало письмо кн. Волконскаго никакого другого извѣщенія (тоже, п. 34).

При свиданіи вашемъ съ Давыдовымъ и Волконскимъ въ декабрѣ 1825 года вы обѣщали снестись съ Сергѣемъ Муравьевымъ, дабы онъ по извѣстной рѣшимости его не началъ дѣйствій безвременно.

Поясните: когда и чрезъ кого имѣли вы вслѣдствіе сего сношеніе съ С. Муравьевымъ и какой получили отъ него отзывъ?

Послѣ возвращенія моего отъ кн. Волконскаго до времени моего арестованія не имѣлъ я никакого удобнаго случая для сношенія съ Муравьевымъ и долженъ былъ очень быть осторожнымъ. ибо мои подозрѣнія объ извѣстности правительству объ обществѣ усилились чрезвычайно въ сіе время тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ главной квартиры присланъ былъ адъютантомъ для присутствованія при присягѣ. Посему и отъ Муравьева отзыва не имѣлъ (тоже п. 37).

За нѣсколько дней до арестованія вашего князь Волконской посылалъ къ вамъ чрезъ капитана Фохта письмо, до дѣйствій общества касавшееся, которое по словамъ Фохта доставлено вамъ въ то самое время, когда озабочены были отъѣздомъ своимъ въ Тульчинъ.

Поясните: какого содержанія было сіе письмо Волконскаго, и что вы отвѣчали ему на оное?

Сіе письмо содержало родъ лексикона, составленнаго кн. Волконскимъ для дальнѣйшей переписки со мною. Я ему на сіе письмо ничего не отвѣчалъ и передъ отъѣздомъ въ Тульчинъ сжегъ оное (тоже, п. 38).

Означенный же Фохтъ привозилъ къ вамъ письмо отъ Волконскаго

въ августѣ 1825-го, а вы поручали ему, Фохту, доставить таковое же отъ васъ къ Сергѣю Муравьеву-Апостолу.

Объясните: въ чемъ заключались письма, какъ полученное вами отъ Волконскаго, такъ и посланное съ Фохтомъ къ Муравьеву?

Сіе письмо было не отъ князя Волконскаго, но отъ Давыдова и содержало извѣстіе объ открывшихся сношеніяхъ съ Бошнякомъ. Мое же письмо къ Сергѣю Муравьеву содержало приглашеніе, чтобы онъ или Бестужевъ пріѣхали въ Линцы по случаю важнаго извѣстія, которое имѣю имъ сообщить. Извѣстіе же сіе было то самое, о которомъ Давыдовъ писалъ ко мнѣ чрезъ Фохта (тоже, п. 39).

Комитетъ имѣетъ достовѣрныя свѣдѣнія, что во время нахождения вашего подъ арестомъ у генерала Байкова, князь Волконскій видѣлся и говорилъ съ вами.

Поясните откровенно: въ чемъ именно заключались разговоры ваши съ княземъ Волконскимъ въ сіе время?

К. Волконскій, нашедъ меня у генерала Байкова, имѣлъ только время мнѣ сказать: *Prenez courage*. На что я отвѣтилъ: *Je n'en manque pas; ne vous inquiétez pas*.

Онъ продолжалъ: *Le Bègne* (то есть: кн. Барятинскій) *est aussi arrêté*. Болѣе же ни слова (показанія 6 апрѣля, п. 40).

При осмотрѣ вашемъ здѣсь найденъ былъ при васъ ядъ.

Объясните чистосердечно: когда, гдѣ и отъ кого именно получили и для чего имѣли при себѣ оный?

Во время войны, видя часто жестокія раны и страданія тѣхъ, которые неминуемо должны были умереть, особенно непріятелей, лежащихъ на мѣстѣ сраженія, возымѣлъ я желаніе имѣть при себѣ ядъ, дабы посредствомъ онаго, ежели смертельнымъ образомъ раненъ буду, избавиться отъ жестокихъ послѣднихъ мученій. Сія мысль особенно во мнѣ усилилась во время Лейпцигскаго сраженія. И потому по взятіи города нашелъ я сей ядъ въ одной аптекѣ и далъ за него червонецъ. Я его все время хранилъ секретно, никому ни слова о томъ не говоря, и когда отъѣзжалъ въ Тульчинъ, то взялъ съ собою, и потомъ сюда привезъ. Употребить хотѣлъ я его для самого себя на случай, что успѣю сохранить оный и такія бы встрѣтились обстоятельства, перенесенію коихъ я бы смерть предпочиталъ, то есть пытка или что либо тому подобное; разсуждая, что ежели пытокъ болѣе не существуетъ, то сей ядъ никому никакого вреда не сдѣлаетъ. (Тоже, п. 47).

Записка о силѣ вины Пестеля, составленная разрядной комиссіей Верховнаго Уголовнаго Суда ¹⁾).

Вятскаго пѣхотнаго полка полковникъ *Пестель*.

Обстоятельства, принадлежащія къ силѣ вины, суть:

1. *Участіе въ учрежденіи начальнаго тайнаго общества.*

Онъ былъ въ числѣ основателей первоначальнаго тайнаго общества, подѣ названіемъ *Союза Спасенія*, или *Союза истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества*, и писалъ уставъ для онаго.

Въ образованномъ потомъ *Союзѣ Благоденствія* оставался кореннымъ членомъ, завелъ въ Тульчинѣ управу, и въ собраніи коренной Думы (въ Петербургѣ) излагалъ мнѣніе о выгодахъ и невыгодахъ монархическаго и республиканскаго правленія. По его увѣренію, всѣ присутствовавшіе единогласно избрали правленіе республиканское. Мысль о семъ родѣ правленія Пестель перенесъ на югъ и сообщилъ Тульчинскимъ членамъ, въ видѣ рѣшенія коренной Думы, имѣвшей законодательную власть союза.

2. *Учрежденіе общества.*

Когда объявлено было уничтоженіе Союза Благоденствія (1821) онъ рѣшилъ продолжать оный съ нѣкоторыми перемѣнами. По его предложенію Тульчинскіе члены согласились остаться въ семъ обществѣ, и приняли республиканскую цѣль его, съ упраздненіемъ престола и съ изведеніемъ тѣхъ лицъ, кои были бы тому препятствіемъ. Въ это время Пестель сдѣлался начальникомъ или предѣдателемъ Тульчинской думы, съ полною надъ членами властію.

Онъ написалъ уставъ для республиканскаго правленія, подѣ именемъ *Русской Правды*, объяснялъ оный въ собраніяхъ членовъ, и согласилъ принять его. Въ 1822 году въ Кіевѣ избранъ первымъ директоромъ южнаго общества.

На совѣщаніяхъ, происходившихъ (въ 1823 году) въ Кіевѣ и Каменкѣ, предлагалъ южнымъ членамъ и сочленамъ ихъ введеніе въ государствѣ республиканскаго правленія посредствомъ военной революціи и учрежденіе временнаго правленія. Тамъ же были одобрены и два революціонные способа къ достиженію цѣли: одинъ, чтобы начать переворотъ въ столицѣ съ содѣйствіемъ арміи, а другой, чтобы начать таковой въ арміи, съ помощію сѣвернаго общества.

3. *Привлеченіе товарищей.*

Въ Союзѣ Благоденствія Пестель пригласилъ между прочими Краснокутскаго; а преобразовавъ общество въ Тульчинѣ, привлекъ къ оному Никиту Муравьева, въ званіи третьяго начальника думы,

¹⁾ См. „Былое“, февраль, стр. 133.

князя Волконскаго, Давыдова, Сергѣя Муравьева-Апостола, Вадковскаго, Свистунова, Депрерадовича, Лорера и Лемана.

4. *Привлеченіе рядовыхъ.*

Поручилъ двумъ ротнымъ командирамъ привлекать къ себѣ лучшихъ нижнихъ чиновъ и стараться направить ихъ къ цѣли общества.

Зналъ и одобрялъ дѣйствія С. Муравьева и Бестужева на привлеченіе бывшихъ Семеновскихъ солдатъ и полагалъ на нихъ надежду.

5. *Рѣчи и сочиненія, какъ средства къ привлеченію.*

Силою слова вливалъ въ своихъ сообщниковъ духъ преобразованія до такой степени, что никто изъ нихъ не могъ ему противорѣчить; а многихъ изъ нихъ, читая отрывки изъ Русской Правды, еще болѣе прилѣплялъ къ своимъ мнѣніямъ.

6. *Сочиненія возмутительныя.*

При началѣ революціи предполагалъ выпустить двѣ прокламаціи: одну къ народу, а другую къ войскамъ.

Зналъ о политическомъ катехизисѣ Никиты Муравьева.

Поручилъ Лихареву написать замѣчанія о военныхъ поселеніяхъ, а Заикину съ Бобрищевымъ-Пушкинымъ мнѣніе о квартирмейстерской части.

7. *Возбужденіе къ мятежу, словесное и письменное.*

Раздѣлялъ рѣшительное намѣреніе общества о началіи мятежныхъ дѣйствій въ 1826 году, и увѣрялъ сѣверное общество чрезъ Трубецкого, что самъ откроетъ таковыя въ арміи.

Условился съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ начать возмущеніе и ранѣе 1826-го года, если обстоятельства сего потребуютъ.

Умышлялъ арестовать главную квартиру 2-й арміи 1-го января 1826 года, при вступленіи въ караулъ съ полкомъ своимъ, и поручилъ свитскимъ офицерамъ при началѣ дѣйствій задержать главнокомандующаго и начальника штаба, а командиру артиллерійской роты быть готовымъ къ движенію.

Намѣревался, при совершеніи переворота, принудить синодъ и сенатъ: а) объявить временное правленіе, составленное изъ членовъ общества и облеченное неограниченною властью, в) дать оному всеобщую присягу, с) обнародовать два манифеста отъ синода и сената, что временное правленіе займется постепеннымъ введеніемъ конституціи, главныя основанія коей должны быть приложеніемъ къ манифестамъ (Русская Правда); всѣ же мѣста по временному правленію, министерствамъ и арміи занять членами общества.

Съ 1823 года вошелъ въ сношенія съ сѣвернымъ обществомъ, чрезъ бывшихъ въ Петербургѣ южныхъ членовъ и самъ лично старался водворить тамъ преступныя свои намѣренія, соединить оба общества и направить ихъ къ началію мятежныхъ дѣйствій, и замышлялъ учредить въ Петербургѣ особое общество.

8. *Оружіе.*

Зналъ о умыслахъ Сергѣя Муравьева съ товарищами: а) 1823-го года въ лагерѣ при Бобрыйскѣ—овладѣть особами покойнаго государя и нынѣ царствующаго императора и барономъ Дибичемъ и в) 1825-го года въ лагерѣ при Лещинѣ—арестовать генераловъ Рота и Толя; въ обоихъ же случаяхъ—возмутить войска и идти въ Москву.

9. *Предательство государства.*

Съ 1823 года (черезъ Бестужева и Муравьева) открылъ сношенія съ польскимъ тайнымъ обществомъ, а въ 1825-мъ и самъ производилъ переговоры съ присланными изъ Варшавы княземъ Яблоновскимъ и Гродецкимъ, обѣщалъ Польшѣ независимость и уступку завоеванныхъ областей, и требуя отъ нея содѣйствія въ революціи, одинаковаго образа правленія и поступленія съ Цесаревичемъ такъ, какъ русское злоумышленное общество поступитъ съ прочими великими князьями. А между тѣмъ черезъ Бестужева же требовалъ отъ поляковъ истребленія его высочества Цесаревича

10. *Умыслъ на царубійство.*

На совѣщаніяхъ (1823 г.) въ Кіевѣ и Каменкѣ предлагалъ членамъ и доказывалъ необходимость истребленія государя и всѣхъ священныхъ особъ Императорской фамиліи, разсуждалъ о средствахъ исполненія сего ужаснаго злодѣянія, черезъ партію рѣшительныхъ людей подъ названіемъ (*cohorte perdue*), а послѣ (1824) съ *жиднокровіемъ считалъ по пальцамъ самыя жертвы императорской фамиліи.*

Для сего же преступнѣйшаго предпріятія, онъ намѣревался составить особенную партію заговорщиковъ внѣ общества, такъ чтобы дѣйствіе ея не могло служить для онаго укоризною. По собственному призванію его, истребленіе императорской фамиліи полагалось началомъ революціи.

Одобрилъ и готовность содѣйствовать заговору о покушеніи на жизнь Государя въ лагерѣ при Бѣлой церкви (1824), поручивъ свитскимъ офицерамъ запастись армейскими мундирами, и снабдивъ одного изъ нихъ духовымъ ружьемъ.

Зналъ о намѣреніяхъ, или планахъ заговорщиковъ посягнуть на жизнь покойнаго государя:

а) въ 1816-мъ году на Царскосельской дорогѣ съ партіею въ маскахъ.

в) въ 1817-мъ году въ Москвѣ, когда вызвался Якушкинъ.

с) въ 1824-мъ году въ Петербургѣ, когда замышлялъ о царубійствѣ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ.

и д) въ 1825-мъ году въ лагерѣ при Лещинѣ, откуда полагали отправить царубійца въ Таганрогъ и гдѣ вызывался на сіе Артамонъ Муравьевъ.

Сверхъ того (въ 1820 г.) былъ въ частномъ собраніи членовъ, гдѣ въ первый разъ говорено было о царубійствѣ, и гдѣ Пестель доказывалъ, что безначаліе и безпорядокъ, отъ сего произойти

долженствующіе, легко можно отвратить учрежденіемъ временнаго правительства.

11. *Вызовъ на царубійство.*

Подполковникъ Поджіо утверждалъ слышанное отъ Пестеля, что сей послѣдній поручалъ князю Борятинскому набрать 12 человекъ отважѣйшихъ (для истребленія); но ни Пестель, ни Борятинскій не признались и не уличены.

12. *Убѣжденіе или нарядъ на царубійство.*

Равнообразно Никита Муравьевъ показывалъ, что Пестель намѣревался, по совершеніи умышеннаго истребленія Императорской фамиліи, самыхъ заговорщиковъ, оное исполнившихъ, предать мщенію правосудія, какъ убійцъ; но Пестель отрекся и не уличенъ.

13. *Дѣйствительное совершеніе убійства.*

Въ дѣйствительныхъ убійствахъ не участвовалъ.

Н. П. Сильванскій.

Крестьянскія воспоминанія о П. И. и Б. И. Пестель.

(изъ села Станковъ Вязниковскаго уѣзда Владимірской губ.)

Община, въ которой я родился и живу, носитъ и до сего времени названіе Пестелевой. Официально по уставной грамотѣ пишется бывшая Г-жи Оттъ. Путемъ опроса стариковъ выяснилось, что Г-жа Оттъ была сестра или близкая родственница Пестелей, къ которой за смертію ихъ и перешли крестьяне вмѣстѣ съ землей. Въ 1888 году въ первый разъ мнѣ пришлось прочесть о Декабристахъ, я заинтересовался и сталъ спрашивать стариковъ, знаютъ ли они, кто были ихъ господа Пестели. Одинъ изъ самыхъ старыхъ и грамотный объяснилъ, что нашего барина Павла Ивановича Пестеля вмѣстѣ съ Муравьевымъ-Апостоломъ и другими повѣсилъ Николай I за то, что они хотѣли освободить крестьянъ, а Борисъ Ивановичъ Пестель былъ Владимірскимъ губернаторомъ. Тутъ уже присоединились сообщать и другіе крестьяне, помнящіе крѣпостное право. Какое крѣпостное право, тогда мы жили лучше, чѣмъ теперь, говорили крестьяне. У насъ не было никакой барщины, насъ ни чѣмъ не тѣснили, живи какъ хочешь, были мы на оброкѣ, да и тотъ плохо платили, однѣ недоимки были за нами. Вотъ когда накопилось за нами много недоимокъ, а барамъ денегъ нѣтъ да нѣтъ, тогда братья Пестели потребовали къ себѣ нашего бурмистра Тихона, котораго у насъ, надѣясь на баръ, плохо боялись. Конечно, Тихонъ поѣхалъ съ книгами, гдѣ писались недоимки, и сталъ объяснять разныя причины, по которымъ плохо платятъ оброкъ. Это было приблизительно въ 1816 году. Въ комнатѣ, гдѣ давалъ отчетъ Тихонъ своимъ господамъ, топилась печка; тогда братья Пестели распорядились, чтобы бурмистръ бросалъ книги въ печку. Тихонъ отъ радости перепугался и положилъ съ краю. Тогда подошелъ Павелъ Ивановичъ Пестель и ногой швырнулъ ихъ въ самый огонь, приговаривая: „вотъ такъ ихъ, подальше“. Потомъ наказали бурмистру передать мужикамъ, что недоимки сгорѣли, и чтобы больше этого не было. Возвратившись домой, Тихонъ разсказалъ объ этомъ крестьянамъ, конечно всѣ были довольны и хвалились своими господами на зависть сосѣдямъ, гдѣ были порядки суровые. Оставшюся за надѣломъ землю г-жа Оттъ отдала бесплатно всю крестьянамъ, притомъ говорила, чтобы мы добромъ поминали своихъ помѣщиковъ. Память о Пестеляхъ жива еще въ нашей общинѣ

и старики съ гордостью передають потомству исторію съ недоимками и о бесплатно полученной землѣ. Слова, что мы бывшіе Пестелевы, сейчасъ часто слышатся съ селѣ и намъ молодымъ крестьянамъ теперь ясно, почему это до сихъ поръ не забывается. Во времена ужаснаго крѣпостного права нашимъ предкамъ жилось лучше чѣмъ теперь. Даже теперь, если заглянуть въ сборники оцѣночно-экономическаго бюро Владимірскаго земства по Вязниковскому уѣзду, то у общинъ бывшихъ Пестелей все есть десятины пслторы-двѣ лишней земли противъ другихъ крестьянъ сосѣдей.

Крестьянинъ И. В. Маіоровъ.

9 марта.

1906 г.

Антонъ Антоновичъ
КОСТЮШКО-ВАЛЮЖЕНИЧЪ.

Разстрѣлянъ въ Читѣ 2 марта 1906 года
подъ фамиліей Григоровича.

АНТОНЪ АНТОНОВИЧЪ КОСТЮШКО-ВАЛЮЖЕНИЧЪ ¹⁾).

(Воспоминанія).

Я знала Костюшко почти съ его дѣтства; онъ былъ товарищемъ моего сына въ Псковскомъ кадетскомъ корпусѣ. Всегда отзывчивый на все хорошее и справедливое, онъ былъ прекраснымъ товарищемъ, не смотря на то, что, благодаря выдающимся способностямъ, шелъ первымъ и въ старшихъ классахъ былъ фельдфебелемъ.

Происходилъ онъ изъ военной среды, но чѣмъ становился старше, тѣмъ болѣе критически относился къ ней. Его заветной мечтой было поступить по окончаніи корпуса въ одинъ изъ институтовъ для высшаго образованія, но судьба рѣшила иначе. Въ послѣднія каникулы умеръ его отецъ, средства къ жизни измѣнились, пришлось поступить въ Павловское военное училище, чтобы скорѣе встать на ноги и заботиться о семьѣ. Жизнь въ училищѣ съ ея нелѣпыми требованіями, военной выправкой, была очень тяжела для такого пылкаго юноши, какимъ былъ Костя ²⁾. Иногда онъ приходилъ ко мнѣ въ отпускъ внѣ себя отъ всего происходящаго вокругъ него. Я смягчала, какъ могла, училищные нравы, объясняя ихъ необходимостью военной дисциплины, и старалась всѣми силами успокоить его на нѣсколько училищныхъ дней до слѣдующаго отпуска; онъ часто говорилъ, что если бы не отпуска два раза въ недѣлю, не вынести бы ему военного режима.

Въ это время у меня бывало очень много учащейся моло-

¹⁾ Въ газетахъ было сообщено, что генераломъ Рененкампомъ казненъ въ числѣ другихъ въ Читѣ техникъ Григоровичъ. Вскорѣ оказалось, что фамилія Григоровичъ не настоящая, и что подъ этой фамиліей жилъ бѣжавшій политическій каторжанинъ, осужденный за участіе въ извѣстной „Романовской“ исторіи въ Якутскѣ, членъ Р. С. Д. Р. партіи А. А. Костюшко-Валюженичъ. Ставъ себѣ задачею содѣйствовать всѣми силами сохраненію памяти всѣхъ борцовъ, погибшихъ за великое дѣло освобожденія и обновленія Россіи, „Былое“ съ особою готовностью идетъ навстрѣчу желанію одного изъ товарищей по „Романовѣ“ покойнаго Костюшко помѣстить на своихъ страницахъ портретъ казненнаго борца, а также воспоминанія о немъ близкаго ему лица. *Ред.*

²⁾ Такъ называлъ его мой сынъ въ корпусѣ, и это названіе сохранилось за нимъ на всю жизнь: такъ звали его товарищи по корпусу и училищу, такъ звали его въ тюрьмѣ и въ далекой Якутской ссылкѣ, такъ буду называть и я его въ моихъ воспоминаніяхъ.

дежи, спорили, шумѣли, говорили о борьбѣ съ гнетущимъ зломъ, мечтали о будущемъ, о свѣтлыхъ дняхъ свободы.

Во всѣхъ этихъ разговорахъ принималъ участіе и Костя, всегда сильно волновавшійся и жадно вслушивавшійся во все, что говорилось. Какъ онъ всегда оттягивалъ свое возвращеніе въ училище до послѣдней минуты, какъ точно было высчитано, сколько минутъ требовалось пробѣжать съ третьей линіи Васильевского острова на Петербургскую сторону! За два года его училищной жизни, мы такъ привыкли къ нему, такъ полюбили его, что онъ сталъ совершенно своимъ человѣкомъ. Какъ дорогое воспоминаніе этого времени, у меня осталась его карточка съ надписью: «Благодаря Вамъ, дорогая О. Ив., и всему Васъ окружающему и Петербургъ мнѣ сдѣлался милъ, и двухлѣтнее пребываніе въ немъ оставило не одни мрачныя воспоминанія».

Кончилъ онъ училище вторымъ, лишь только потому, что *не хотѣлъ* быть первымъ, и вышелъ въ Москву въ Несвижскій гренадерскій полкъ, выбравъ его за простоту формы. Велико было удивленіе товарищей и ближайшаго начальства, что онъ пренебрегъ правомъ сдѣлать блестящую карьеру гвардейскаго офицера, но Костя думалъ иначе. Помню я, какъ въ день производства, 11 августа 1896 года, вся молодежь, только что надѣвшая новенькіе мундиры, чувствуя себя теперь взрослыми людьми, устремилась во всевозможные лѣтніе сады и театры, гдѣ сидѣла и кутила рядомъ съ своимъ вчера еще строгимъ начальствомъ,—а нашъ милый юный офицеръ сидѣлъ у меня весь вечеръ и рисовалъ мнѣ планы своей будущей жизни.

Сколько честнаго, хорошаго было въ его словахъ! Какъ хотѣлъ онъ быть полезнымъ и какъ вѣрилъ въ свои силы, надѣясь, что, живя близко къ солдатамъ, онъ внесетъ имъ много свѣта, постарается развить некультурную массу и т. п. На мои замѣчанія, что при военной постановкѣ дѣла такая культурная задача очень трудна, онъ отвѣчалъ полнымъ недовѣріемъ.

Съ первыхъ же мѣсяцевъ службы онъ понялъ, что я была права, и говорилъ много объ этомъ въ своихъ письмахъ. Убѣдившись, что не можетъ исполнять свой долгъ такъ, какъ онъ его понималъ, Костя рѣшилъ выйти въ запасъ, хотя зналъ, что это сдѣлать очень трудно, ибо за казенное образованіе каждый офицеръ обязанъ отслужить три года въ полку; но тутъ случай помогъ ему. Однажды онъ гдѣ то познакомился съ почтеннымъ старичкомъ-докторомъ, занимавшимъ видное мѣсто въ Москвѣ, рассказалъ ему про свое стремленіе къ наукѣ, желаніе вырваться изъ военной среды; между прочимъ сообщилъ о томъ, что въ училищѣ у него была трахома глазъ. Вотъ за это обстоятельство и ухватился добрый старикъ, научилъ, что и какъ надо сдѣлать, чтобы добиться увольненія. И вотъ черезъ годъ послѣ производства Костюшко уже былъ студентомъ сельско-хозяйственного института въ Новой Александріи. Пока онъ жилъ въ Москвѣ, онъ успѣлъ устроить свою семью: опредѣлилъ сестеръ въ гим-

назію, отдавалъ матери все свое жалованье, не позволяя себѣ даже тратить на извозчика, Костя бѣгалъ всегда пѣшкомъ въ свои казармы на другой конецъ города; въ крайнемъ случаѣ, пользовался конкой.

Первый годъ въ Институтѣ жить было еще труднѣе: средствъ не было, приходилось бѣгать по грошовымъ урокамъ, питаться впроголодь, но это нисколько не угнетало Костю, и на Рождество онъ пріѣхалъ веселый и бодрый, какъ всегда; знакомился со многими (теперь уже самостоятельно) студентами, курсистками, знакомился съ Петербургомъ, жаловался лишь на то, что приходилось мало заниматься, такъ какъ массу времени отнимали уроки, которые составляли его единственный источникъ существованія. На второмъ курсѣ стало легче; получивъ стипендію, онъ сначала усердно принялся за занятія, особенно за химію; но наступилъ 99-й годъ, начались студенческія волненія; конечно, и онъ участвовалъ въ нихъ. Вскорѣ у него былъ сдѣланъ обыскъ и, несмотря на то, что ничего не было найдено,—Костя попалъ подъ надзоръ полиціи; тѣмъ не менѣе, въ февралѣ ему удалось поѣхать въ Москву делегатомъ отъ студентовъ Института, собрать нужныя свѣдѣнія и вернуться благополучно, привезя съ собою много нелегальной литературы. Въ маѣ мѣсяцѣ Костя былъ исключенъ безъ права обратнаго поступленія.

Надо было думать о заработкѣ и вмѣсто каникулярнаго отдыха (каникулы онъ обыкновенно дѣлилъ между своей и моей семьей) пришлось все лѣто работать. Чтобы лучше познакомиться съ экономическими условіями жизни рабочихъ, онъ взялъ мѣсто десятника при постройкѣ моста въ Самарѣ и жилъ въ Покровской слободѣ среди рабочаго люда. Многому онъ тутъ научился, многое понялъ и впервые ясно представилъ себѣ цѣль своей будущей дѣятельности. Мнѣ очень жаль, что письма его этого періода не сохранились у меня.

Осенью онъ пріѣхалъ отдохнуть въ Кременчугъ, гдѣ я временно жила, и очень скоро по пріѣздѣ заболѣлъ острымъ мышечнымъ ревматизмомъ. Лѣтняя работа по колѣно въ водѣ не прошла даромъ. Но ни болѣзнь, ни нужда не сломили энергіи этого недюжиннаго человѣка, и онъ бодро шелъ по намѣченному пути. Болѣзнь уложила его на два мѣсяца, но лишь прошелъ періодъ острыхъ болей, у его постели стали собираться порядочный кружокъ учащейся молодежи. Это былъ годъ массовыхъ увольненій, съ запретомъ жизни въ столицахъ, потому тутъ были студенты разныхъ учебныхъ заведеній; всѣ они полюбили Костю; были тутъ и его товарищи по институту; у одного изъ нихъ Д. ¹⁾, уже окончившаго и служащаго въ земствѣ, онъ въ это время и жилъ. Я ежедневно навѣщала Костю, и иногда прямо удивлялась выносливости и жизнерадостности этого человѣка. Эту зиму

¹⁾ Д. въ декабрѣ 1905 года сосланъ въ Архангельскую губернію за участіе въ освободительномъ движеніи.

онъ много читалъ: все, что можно было достать въ Кременчугскихъ бібліотекахъ,—все перебывало у него. Кромѣ того, онъ изучалъ французскій языкъ; въ послѣдствіи, въ тюрьмѣ, онъ изучилъ его настолько, что могъ писать свободно длинныя письма; тамъ же онъ совершенствовался въ нѣмецкомъ и началъ занятія англійскимъ. Въ февралѣ мы разстались: я уѣхала въ Петербургъ, онъ отправился репетиторомъ куда-то въ деревню Полтавской губерніи. Послѣ этого мы больше съ нимъ не видѣлись, знали только другъ о другѣ изъ переписки. Осенью хлопоты его увѣнчались успѣхомъ, онъ поступилъ въ Екатеринославское горное училище; каникулы провелъ на Брянскомъ заводѣ, увлекался тамъ сильно работой,—прямо съ восторгомъ иногда описывалъ ее,—и все звалъ насъ пріѣхать къ нему, полюбоваться на доменную печь, про которую говорилъ, какъ про живое существо; нравилась она ему своею мощью. Вообще онъ не любилъ слабыхъ людей, самъ былъ съ большою силой воли, но вмѣстѣ съ тѣмъ много теплаго чувства было у него. Помню, въ одинъ изъ его пріѣздовъ я была больна; какъ онъ ухаживалъ за мною, съ чисто сыновней заботливостью проводилъ ночи у моей постели, чередуясь съ моими дѣтьми!

Въ январѣ 1902 года Костя былъ арестованъ за пропаганду среди рабочихъ и Екатеринославскую демонстрацію. Арестъ не былъ для него неожиданностью, онъ ждалъ его и за двѣ недѣли передъ тѣмъ отправилъ домой въ Москву письма и карточки, чтобы никого не вѣшпывать. Въ тюрьмахъ Екатеринославской и потомъ Ново-Московской онъ просидѣлъ полтора года и затѣмъ сосланъ въ Якутскую область, но не смотря ни на что, письма его были всегда бодрыя, полныя надежды на лучшія времена. Въ ссылку за нимъ послѣдовала его жена, совсѣмъ юная женщина. Онъ очень поэтично описывалъ свою жизнь въ улусѣ, рыбную ловлю и т. п. Участвуя въ Романовской исторіи въ Якутскѣ, былъ раненъ, опять попалъ въ тюрьму, судимъ, приговоренъ къ каторгѣ и 29 августа 1905 года бѣжалъ. Я долго ничего о немъ не знала, и вдругъ въ январѣ этого года получается письмо изъ Читы, какъ всегда бодрое; между прочимъ, онъ писалъ: «Какъ жилъ, что дѣлалъ, писать не стоитъ; надѣюсь, судьба опять сведетъ, тогда все разскажу».

Письмо было послано въ ноябрѣ, но гдѣ-то лежало. Я сейчасъ же написала ему, но въ то время, когда я радовалась, что человекъ—борецъ за правду и свободу—вырвался изъ тюрьмы,—онъ уже опять былъ въ когтяхъ Рененкампа. Вотъ какъ описываетъ мнѣ мать со словъ его жены послѣдніе дни жизни ея сына въ Читѣ: «Пріѣхалъ онъ туда въ ноябрѣ ¹⁾ и сожалѣлъ, что не засталъ начала митинговъ. Сотрудничалъ въ газетѣ «Забайкалье», получая 100 р. въ мѣсяцъ, и занимался агитаціей среди

¹⁾ Послѣ побѣга товарищи такъ его изолировали, что и вѣсть о 17 октября не скоро дошла до него.

солдатъ, которые видѣли въ немъ не агитатора только, но близкаго человѣка — друга. Потомъ онъ былъ начальникомъ дружины». Сообщая далѣе о планахъ какъ Костюшко, такъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, а также объ ихъ арестѣ, авторъ разсказа продолжаетъ: «одна женщина послѣ суда принесла всѣмъ бороды для удобства побѣга, но ихъ перехватили; рабочіе и солдаты гарнизона увѣряли ее, что не дадутъ разстрѣлять, помогутъ бѣжать, но это имъ не удалось. Смертная казнь была совершена 2 марта. Жена слышала, какъ онъ сказалъ солдатамъ: «Солдаты, за васъ мы погибаемъ, и вы же насъ будете разстрѣливать».

Итакъ, благодаря дикой реакціи, погибъ еще одинъ талантливый, сердечный человѣкъ, борясь до послѣдней минуты своей жизни за свободу своей родины. Миръ праху твоему, мой любимый, дорогой Костя!

О. Г.

Мартынъ Лангансъ ¹⁾).

(изъ воспоминаній).

Моя первая встрѣча съ Мартиномъ Лангансомъ была въ 1878 г. Давно это было: только что кончился процессъ 193, первый, послѣ Декабристовъ, такой крупный по числу привлеченныхъ къ дѣлу обвиняемыхъ. Лангансъ просидѣлъ въ Предварилкѣ больше года и былъ судомъ оправданъ, или скорѣе причисленъ къ категоріи административно караемыхъ полицейскимъ надзоромъ. Но здоровье его всегда слабое, съ большой склонностью къ груднымъ заболѣваніямъ, сильно пошатнулось отъ продолжительнаго тюремнаго заключенія. У насъ на хуторѣ въ Борзенскомъ уѣздѣ Черниговской губ. работалъ въ то время съ нами и жилъ ближайшій другъ и товарищъ по гимназіи Ланганса—Николай Прохоровичъ Макавѣевъ, тоже только что освобожденный по процессу 193. Рѣшено было пригласить на хуторъ Ланганса на поправку, включить его въ нашу народническую колонію. Къ тому же и домъ уже нашъ былъ къ этому времени оконченъ, и Лангансу не предстояло жить, какъ жили мы все лѣто въ простой избѣ. То было время народническихъ поселковъ: такъ горячо вѣрилось, что только въ общей жизни съ крестьянами, жизни полной такого же черного труда, такихъ же лишеній, какъ и ихняя, и заключается секретъ довѣрчивыхъ взаимныхъ отношеній, возможность сближенія, пропаганды... Эта заветная цѣль давала силы и землю пахать, и стряпать, никогда раньше не бывавши и въ кухнѣ, и мыть бѣлье, съ восторгомъ видѣть, какъ грубѣютъ руки, какъ ноги привыкаютъ къ тяжелымъ сапогамъ. Макавѣевъ, какъ натура экспансивная, особенно былъ увлеченъ нашей хуторской работой и всѣ дни проводилъ то за плугомъ, то за топоромъ, ѣздилъ съ крестьянами лѣсъ рубить, пилъ водку для ближайшаго единенія, но послѣ каждой народнической выпивки страдалъ мучительными мигренями.

Домъ былъ уже готовъ, оставались только внутреннія подѣлки,

¹⁾ См. Процессъ 20-ти народовольцевъ въ январ. кн. „Былого“.

и Макавѣвъ постоянно говорилъ: «вотъ Мартынъ прїѣдетъ, онъ вѣдь столяръ у насъ!»

Онъ прїѣхалъ худой, болѣзненный, съ сухимъ кашлемъ, разрывающимъ ему грудь, и сразу все какъ будто не то стало: умные пытливые глаза Ланганса какъ будто заглянули намъ въ душу и спросили: «а чѣмъ это вы тутъ забавляетесь?» И всѣмъ намъ почувствовалась какая-то неудовлетворенность, двойственность.

Лангансъ и не критиковалъ ничего, онъ подчинился нашему трудовому режиму, работалъ, ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, рубилъ ихъ, съ плотниками дворовыя постройки помогалъ достраивать, но дѣлалъ все это безъ нашего упоенія, безъ всякаго самообмана. Мы старались къ книжкамъ не притрогиваться; какъ иногда бывало ни хотѣлось читать, но вѣдь читать казалось черзчуръ дворянскимъ занятіемъ, читали только вслухъ крестьянамъ, опредѣленные книги и жадно слѣдили за впечатлѣніемъ, увы! очень часто совершенно безнадежнымъ. Лангансъ наоборотъ привезъ съ собой нѣсколько серьезныхъ книгъ и, когда не хотѣлось работать, спокойно читалъ ихъ, а безъ газетъ не могъ прожить и дня; въ дружбу къ крестьянамъ не навязывался, но сразу завоевалъ себѣ ихъ уваженіе. Остроумный и наблюдательный онъ высказывался всегда рѣзко и безпощадно о правительствѣ, но надъ пріемами пропаганды Макавѣва жестоко издѣвался; онъ видѣлъ всю трудность того пути, которымъ мы пошли, доказывалъ горячо, что такому народничанью, какъ наше «грошъ цѣна». «Вѣдь крестьяне смѣются, глядя, какъ ты пахнешь землю. А въ это время ты могъ бы быть гораздо полезнѣе въ городѣ, въ партіи». Въ противоположность Макавѣву онъ не восторгался народомъ, онъ не скрывалъ отъ себя ни его пороковъ, ни его темноты. Но любилъ онъ его какой-то мучительной, страстной любовью. Часто ѣздили мы съ Лангансомъ по сосѣднимъ селамъ, лечили больныхъ. У одного сапожника намъ приходилось перевязывать гнойную рану на ногѣ: сколько мягкой ласки проявлялось у Ланганса при этомъ уходѣ за больными, какъ тепло становилось бѣдняку около этого будущаго террориста, умѣвшаго безъ всякаго внѣшняго лиризма обогрѣть каждого своей любящей душой.

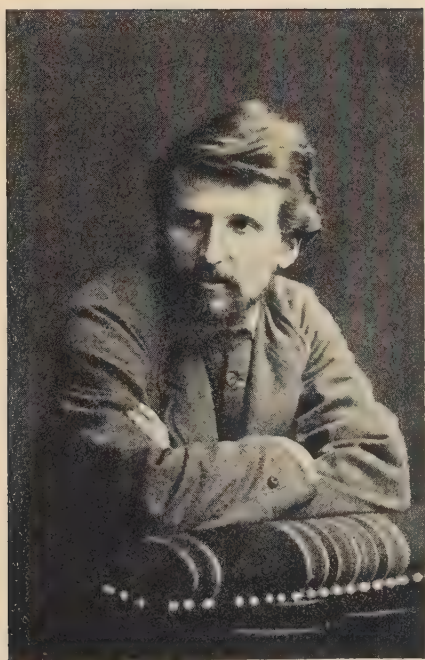
Лангансъ принадлежалъ къ партіи Народной Воли и считалъ, что ея политическія задачи и были особенно необходимы для того времени, его постоянно тянуло въ городъ къ иной совершенно работѣ, къ другой болѣе живой средѣ, чѣмъ наша тихая идиллія въ лѣсу. Но его здоровье было такъ плохо, что намъ удалось уговорить его перезимовать у насъ.

Между тѣмъ съ наступленіемъ осени приходилось подвести итоги нашей лѣтней идилліи: у насъ былъ домъ, амбаръ, прекрасная конюшня, слишкомъ хорошія для имѣнія въ 15 десятинъ. Съ поля мы собрали нѣсколько пудовъ чуднаго золотистаго проса, бураковъ и капусты, но все это едва ли могло про-

кормить насъ всю зиму и не давало денегъ ни на чай, ни на сахаръ; приходилось мужу моему идти въ «отхожіе промыслы» въ статистику; мнѣ съ двухлѣтнимъ ребенкомъ тоже страшно было всю зиму работать на открытомъ воздухѣ, и первая его простуда заставила насъ взять въ домъ работницу. Страшно огорчало насъ все это, Макавѣевъ одинъ продолжалъ ту же физическую работу. Но это было уже не то: мы правда по прежнему всѣ ѣли за обѣдомъ изъ одной миски деревянными ложками, по прежнему каждый прохожій и проѣзжій крестьянинъ свободно заходилъ къ намъ и закусить и побесѣдовать, но разочарованіе мало-по-малу все больше закрадывалось въ душу. Съ появленіемъ толстой румяной Акулины все хозяйство пошло какъ по мановенію волшебной палочки и у всѣхъ вдругъ оказалась масса свободного времени, зазвучало снова фортепьяно, Лангансъ любилъ страстно музыку и часами слушалъ Бетховенскія сонаты. Появились журналы, длинные осенніе вечера незамѣтно летѣли въ общихъ чтеніяхъ, спорахъ. Лангансъ спорилъ хорошо: бывало глаза такъ лихорадочно блестятъ, а доводы, доказательства спокойно неопровержимо побиваютъ противника, устраняютъ всякую ложь и ставятъ правду въ голомъ, неприкрашенномъ видѣ. Онъ былъ революціонеръ-фанатикъ, послѣдователенъ до конца разъ принятой идеѣ.

Въ его рассказахъ часто вставало его дѣтство въ деревнѣ Херсонской губерніи, гдѣ отецъ его былъ управляющимъ. Болѣзненно-чуткая душа мальчика подмѣчала малѣйшую несправедливость по отношенію къ крестьянамъ и рабочимъ и рѣзко реагировала на нее. Потомъ въ гимназіи вокругъ Ланганса собирается кружокъ гимназистовъ, въ его рукахъ и библіотека, онъ руководитель общихъ чтеній, его послѣдовательность, цѣльность подчиняетъ ему товарищей. Теченіе 70-хъ годовъ захватываетъ Ланганса и его друзей Макавѣева, Дическула и др. Зачѣмъ кончать гимназію? самообразование даетъ лучшія настоящія знанія; зачѣмъ дипломъ, когда надо не карьеру дѣлать, а идти «въ народъ». Лангансъ бросаетъ гимназію, поступаетъ къ первому попавшемуся ремесленнику, учится ремеслу, и вотъ и агруженные Хитрой механикой и т. п. «нелегалъщиной» пошли они по селамъ Екатеринославщины и Херсонщины «на пропаганду» и очутились очень скоро въ тюрьмѣ.

Теперь Лангансъ уже не вѣрилъ въ пользу расплывчатого народничанья, онъ видѣлъ необходимость сосредоточить всѣ силы въ борьбѣ съ правительствомъ, въ созданіи партійной сильной организаціи. Онъ часто дразнилъ меня нашей хуторской идилліей и хотя нашъ хуторъ правился ему, но онъ конечно не могъ «въ позорной лѣни высокій подвигъ позабыть.» А тутъ какъ громомъ поразило его извѣстіе о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ на Жилинской въ 1879 г. Лангансъ поспѣшно собрался и отправился въ Кіевъ, куда ему по его поднадзорному состоянію совершенно невозможно было ѣхать. Когда черезъ мѣсяць я при-

Мартынъ Рудольфовичъ
ЛАНГАНСЪ.

ѣхала въ Кіевъ, я уже не застала его на волѣ: съ цѣлой партией Кіевскихъ и Одесскихъ политическихъ онъ былъ увезенъ въ Московскую пересыльную тюрьму. Высылка была такая спѣшная, что у большинства заключенныхъ не было ни денегъ, ни бѣлья. Пришлось догонять ихъ, зная, что всѣ этапы тогда останавливались на нѣсколько дней въ Мценскѣ. Въ Орлѣ у меня не было ни души знакомыхъ, а между тѣмъ, только Орловскій губернаторъ могъ разрѣшить мнѣ свиданіе съ Лангансомъ и передачу ему для всей партіи денегъ. Два дня пришлось ждать пріема и къ радости моей тогдашній губернаторъ Боборыкинъ, милостиво разрѣшилъ мнѣ свиданіе съ «иностраннымъ подданнымъ Мартыномъ Лангансомъ». Прямо отъ губернатора поѣхала я поѣздомъ въ Мценскъ. Лѣтній день клонился къ вечеру, когда я пріѣхала къ исправнику, которому должна была предъявить разрѣшеніе губернатора. Исправникъ спалъ! Какъ долго пришлось мнѣ ждать, пока рѣшились домашніе прервать его послѣобѣденный сонъ. Наконецъ ко мнѣ вышелъ довольно добродушный пожилой военный и сталъ убѣждать меня отложить свиданіе на другой день. Это было невозможно, и начальство сдалось и поѣхало со мной. Вотъ и тюрьма: стоитъ она за городомъ на высокомъ шпилѣ, вся бѣлая, какая то неприступная, но въ этотъ теплый лѣтній вечеръ, облитая луной, она не лишена была какой то суровой трагической красоты.

Черезъ нѣсколько минутъ я была въ глубинѣ тюрьмы; въ какую то полутемную длинную комнату привели Ланганса, и мы усѣлись втроемъ съ жандармскимъ офицеромъ за небольшимъ столикомъ.

Лангансъ былъ веселъ, сыпалъ остротами и показался мнѣ очень возбужденнымъ; его частыя покашливанья, лихорадочный румянецъ—все обнаруживало начало той страшной грудной болѣзни, которая потомъ и свела его въ могилу. Партія, съ которой онъ шелъ, была дружная, со многими изъ нихъ Лангансъ былъ въ дружбѣ, какъ напр. Павелъ Рябковъ.

Онъ твердо вѣрилъ, что его скоро освободятъ, какъ иностраннаго подданнаго; «и тогда—заграницу махнемъ», незамѣтно сказалъ мнѣ Лангансъ, и по всему его настроенію видна была увѣренность въ будущемъ и непреклонная вѣра въ свое дѣло, свой путь борьбы.

Скоро летятъ минуты тюремныхъ свиданій, жандармскій офицеръ торопилъ насъ, юморъ Ланганса очевидно начиналъ его раздражать. Приходилось наскоро проститься, передать деньги, бѣлье, книги и уйти «на волю», а тамъ за этими желѣзными дверями оставить томиться въ клѣткѣ талантливаго полного жизни человѣка, чья дѣятельность могла принести такъ много пользы дѣлу народнаго освобожденія....

Лангансъ дѣйствительно былъ освобожденъ, и осенью 1880 г. я уже получила отъ него письмо изъ Кенигсберга, онъ устроился у своего дяди, типичнаго мелкаго промышленника нѣмца.

Мартынъ съ обычнымъ юморомъ описывалъ окружавшую его мѣщанскую обстановку. Понятно, что онъ изображалъ въ ней путника, заброшеннаго къ полинезійцамъ, и не могъ остаться дома у своихъ «чужихъ» родственниковъ. Чуть немного возстали его силы, онъ уже бросаетъ Кенигсбергъ, нелегальнымъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и весь отдается работѣ. Теперь онъ въ кружкѣ Кобозева, подготовившемъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, затѣмъ онъ вмѣстѣ съ друзьями принимаетъ (хотя и не непосредственное) участіе въ событіи 1-го Марта, и въ концѣ этого же мѣсяца онъ съ Кобозевой-Якимовой нелегально бѣглецами приѣзжаютъ въ Кіевъ, подъ видомъ купцовъ богомольцевъ, причемъ Якимова останавливается въ Лаврской гостинницѣ. Это былъ мучительный моментъ для партіи Народной Воли, разгромъ ея лучшихъ силъ, бѣгство оставшихся въ живыхъ, горькое сознаніе недозрѣлости общества, неспособнаго овладѣть положеніемъ. Лангансъ пришелъ ко мнѣ, прося дать приютъ Якимовой, за которой шпіоны ходили чуть не по пятамъ. Въ суетѣ всякихъ конспирацій, дѣловыхъ порученій Лангансъ спокойно давалъ свои распоряженія, холодно обдуманно взвѣсивая опасность, изыскивая способы довести до конца свое дѣло, спасти его, передавъ въ новыя надежныя руки. Страшная нравственная усталость свѣтилась въ его глазахъ. Въ Царскомъ Саду есть скамейка надъ обрывомъ, передъ ней открывается чудная перспектива Днѣпра, далекихъ лѣсовъ, луговой берегъ Днѣпра. Лангансъ ненавидѣлъ сантиментальность, но природа всегда производила на него сильное впечатлѣніе. Тутъ, скрытный, сдержанный Мартынъ какъ будто далъ спастъ наружной оболочкѣ холоднаго расчетливаго политика-революціонера и далъ заглянуть въ свою душу: страшное, бездонное горе наполняло ее: образы казненныхъ любимыхъ товарищей и реакція, наглая, торжествующая реакція, хватающая все живое, все благородное, не давала ему покоя. У Ланганса не было личной жизни: дѣло родины, ея свобода составляла цѣль его жизни, товарищи—затѣняли ему семью, онъ любилъ ихъ самоотверженно своей голубино-чистой нѣжной душой.

Въ этотъ же день у Ланганса было назначено конспиративное засѣданіе. Я умоляла его устроить его на моей квартирѣ. Никогда о себѣ не думающій, Мартынъ въ настоящую минуту занятъ былъ только безопасностью Якимовой-Кобозевой, моя квартира не казалось ему достаточно безопасной, къ тому же она должна была у меня ночевать, а засѣданіе могло скомпрометировать этотъ послѣдній приютъ.—Нѣтъ, нѣтъ, строго говорилъ Мартынъ: засѣданіе назначено у Фанни и надо туда идти, а то выйдетъ путаница. Мы вернемся къ вамъ часамъ къ 10, вѣдь можно?

Они не вернулись: на квартирѣ Фанни всѣ были взяты и отвезены въ Кіевскій острогъ. Напрасно добивалась я свиданія съ бѣднымъ моимъ другомъ, тщетно передавались ему въ тюрьму

тонкія желѣзныя пилки—побѣга не удалось устроить, и Лангансъ и Якимова были перевезены въ Петербургъ. Якимова родила въ тюрьмѣ сына; затѣмъ она была сослана въ каторжныя работы на Кару, а мальчикъ былъ воспитанъ семьей д-ра Мартынова. Лангансъ погибъ вскорѣ послѣ суда въ Петропавловской крѣпости. Его слабое здоровье сократило для него мучительную пытку медлительнаго умиранія. Не дожилъ онъ до той свободы родины, къ которой рвался всю свою жизнь; для завоеванія этой желанной свободы онъ отдалъ всѣ лучшія силы своей талантливой возвышенной души.

С. Русова.

Историческая библіографія.

П. И. Пестель. *Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію*. СПб. 1906 г.

Въ то недавнее время, когда надъ всею русскою литературою тяготѣлъ цензурный гнетъ, не избавлена была конечно отъ него и историческая наука. Извѣстно, что такіе научные труды, какъ второй томъ «Исторіи Екатерины II» В. А. Бильбасова, не былъ допущенъ цензурнымъ вѣдомствомъ къ свободному обращенію, а сочиненіе Мордовцева по исторіи крестьянскихъ волненій въ Саратовской губерніи («Наканунъ воли» 1890 г.) было уничтожено. Извѣстно, что и нѣкоторыя литературныя произведенія, за которыми числилась уже болѣе чѣмъ столѣтняя давность, не были избавлены отъ преслѣдованія: такъ еще очень недавно было уничтожено сдѣланное г. Картавовымъ изданіе книги Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Точно также были недоступны публикѣ и конституціонные проекты, какъ напр. проектъ Сперанскаго 1809 г.

Въ концѣ царствованія имп. Александра II академикомъ А. Θ. Бычковымъ былъ приготовленъ къ изданію въ «Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества», состоящаго подъ предсѣдательствомъ государя, только что упомянутый планъ государственныхъ преобразованій Сперанскаго, но съ восшествіемъ на престолъ Александра III оглашеніе его въ печати было признано Историческимъ Обществомъ неудобнымъ. Лишь 17 лѣтъ позднѣе, въ 1899 г., мнѣ удалось получить разрѣшеніе А. Θ. Бычкова на напечатаніе снятой имъ копіи проекта Сперанскаго въ трудахъ другого Историческаго Общества, не Императорскаго, а состоящаго при С.-Петербургскомъ университетѣ (см. «Историческое Обзорніе» т. X).

Еще болѣе строгій запретъ лежалъ надъ «Русской Правдой» Пестеля: она осталась недоступною даже для историка царствованія Александра I, М. И. Богдановича, печатавшаго свой трудъ по повелѣнію имп. Александра II. Только въ первой половинѣ 1880-хъ гг. «Русская Правда», хранящаяся въ Государственномъ Архивѣ, была распечатана, съ разрѣшенія Александра III, для

академика Дубровина, который уже тогда приступилъ къ изученію исторіи тайнаго общества декабристовъ. Однако годы шли, а трудъ академика Дубровина, отчасти въ виду обширности матеріаловъ, все не выходилъ въ свѣтъ. Послѣ удачной попытки сдѣлать доступнымъ для общества планъ Сперанскаго, я обратился къ Н. О. Дубровину съ предложеніемъ напечатать въ «Историческомъ Обзорѣни» трудъ Пестеля, но онъ отвѣчалъ, что, разрѣшая ему изученіе всего дѣла о декабристахъ, въ томъ числѣ и «Русской Правды» Пестеля, Александръ III взялъ съ него слово не печатать его историческаго изслѣдованія въ журналахъ по частямъ, а издать его сразу отдѣльною книгою.

Но если до поры до времени Н. О. Дубровинъ считалъ себя связаннымъ взятымъ съ него словомъ (въ 1904 г. онъ, впрочемъ, приступилъ къ изложенію исторіи тайнаго общества декабристовъ въ статьяхъ, печатавшихся въ «Русской Старинѣ»), то онъ по крайней мѣрѣ имѣлъ возможность снять полную копію съ «Русской Правды» Пестеля. Послѣдующіе изслѣдователи были лишены и этого права. Къ изученію дѣла о декабристахъ до сихъ поръ допущены лишь немногіе ученые, всякій разъ съ разрѣшенія государя. 10 Марта 1903 г. мнѣ также было дозволено заниматься «дѣлами декабристовъ, и въ томъ числѣ «Русскою Правдою» Пестеля, съ обязательствомъ ограничиться выписками, не снимая съ нея полной копіи». Такимъ образомъ въ нашемъ архивномъ дѣлѣ есть разныя мѣрки: академику генералу Дубровину можно снимать полную копію «Русской Правды», изслѣдователю же, не пользующемуся особыми прерогативами, это не дозволяется. Самодержавный режимъ даже и въ области исторической науки былъ вѣренъ себѣ: онъ награждалъ монополіями лицъ, въ благонамѣренности которыхъ былъ увѣренъ.

Смерть академика Дубровина въ 1904 г. остановила почти въ самомъ началѣ печатаніе его очерковъ по исторіи декабристовъ. Его бумаги поступили въ рукописное отдѣленіе библіотеки Академіи Наукъ, и П. Е. Щеголеву пришла благая мысль воспользоваться существованіемъ въ этихъ бумагахъ копіи «Русской Правды», чтобы напечатать замѣчательное произведеніе Пестеля и такимъ образомъ обойти тяготѣвшее до тѣхъ поръ надъ нимъ запрещеніе. Мысль эта нынѣ осуществлена г. Щеголевымъ и запретъ, лежавшій надъ этимъ памятникомъ, подорванъ.

Напечатаніе «Русской Правды» является своего рода торжествомъ русской исторической науки: уничтожено одно изъ ограниченій, тяготѣвшихъ надъ нашими историками. Какимъ стѣсненіемъ приходится подвергаться русскимъ изслѣдователямъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. По ходатайству Академіи Наукъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи мнѣ изучать дѣла о декабристахъ и документы послѣдующаго времени по исторіи общественныхъ идей до вступленія на престолъ Александра III, хранящіяся въ Департаментѣ Полиціи, мнѣ было разрѣшено изученіе матеріаловъ эпохи Николая I; рукописи же времени

Александра II остались для меня недоступными. Это ограниченіе распространяется не только на тѣ дѣла, которыя были *начаты* при Александрѣ II, но даже и на *окончаніе* дѣлъ, тянувшихся со времени Николая I. Такимъ образомъ, получивъ дѣло о какомъ либо лицѣ, имѣвшемъ несчастіе обратить на себя вниманіе III Отдѣленія собственной его величества канцеляріи, и доведя изученіе его въ хронологическомъ порядкѣ до восшествія на престолъ Александра II, я нахожу остальную часть дѣла *зашнурованною* специально для того, чтобы помѣшать мнѣ съ нимъ ознакомиться! Когда мы будемъ имѣть министра внутреннихъ дѣлъ не изъ среды отличившихся совѣмъ особаго рода благонамѣренностью чиновниковъ, а изъ представителей господствующей партіи въ Государственной Думѣ, историки получаютъ конечно право изучать всѣ законченныя и сданныя въ архивъ дѣла безъ всякихъ ограниченій.

При существующихъ порядкахъ, которые дѣлаютъ снятіе полныхъ копій съ документовъ, имѣющихъ даже 80-лѣтнюю давность, монополіею лишь привилегированныхъ ученыхъ, изданіе «Русской Правды», вопреки этимъ ограниченіямъ, должно, какъ мы уже сказали, считаться торжествомъ исторической науки. Къ сожалѣнію это торжество значительно испорчено... по винѣ издателя.

«Русская Правда», конституціонный проектъ П. И. Пестеля», говоритъ г. Щеголевъ, «издается нами по списку, сдѣланному покойнымъ академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ и хранящемуся въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки Академіи Наукъ. *Списокъ представляетъ точное воспроизведеніе подлинника*». Последнія слова не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что г. Щеголевъ или свѣрилъ списокъ Дубровина съ подлинникомъ, или воспользовался его существованіемъ для того, чтобы издать собственную копию «Русской Правды». Какъ бы то ни было, издатель ручается за точность «воспроизведенія подлинника». Посмотримъ, такъ ли это.

Нужно прежде всего замѣтить, что въ книгѣ, изданной г. Щеголевымъ заключаются два труда Пестеля: собственно «Русская Правда», изъ которой, вмѣсто предполагававшихся 10 главъ, имѣются въ подлинной рукописи лишь введеніе и первые 5 главъ, и затѣмъ болѣе ранній трудъ Пестеля «Записка о государственномъ управленіи», изъ котораго сохранились лишь нѣкоторыя тетради и который имѣетъ гораздо меньшій интересъ, сравнительно съ главнымъ трудомъ Пестеля. «Русская Правда», въ изданіи г. Щеголева, занимаетъ 144 стр., остальные 100 стр. заняты «Запискою о государственномъ управленіи». Мои замѣчанія будутъ относиться почти исключительно къ изданію «Русской Правды».

Въ § 5 третьей главы «Русской Правды» мы находимъ у г. Щеголева пропускъ. На стр. 62 (строка 17 сверху) послѣ словъ «отдѣльнаго сословія», пропущено слѣдующее мѣсто: «Сіе

относится до блага только духовенства, ибо черное отрекается отъ всего свѣта, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ всѣхъ правъ рос. гражданства, поступая на совѣмъ особое положеніе. Сверхъ того, поелику духовенство есть часть правительства, то и могутъ исполнять духовныя должности одни только рос. граждане; иностранцы же не могутъ къ тому быть допускаемы.

На стр. 200 изъ словъ подлинника: «свободное *книгопечатаніе*, свободное *вѣроисповѣданіе*» набранное курсивомъ пропущено. !

На стр. 221, мѣсто, касающееся вопроса о бракѣ, напечатано такимъ образомъ: «1) Что бракъ воспрещается тѣмъ лицамъ, кои состоятъ на одной степени родства, и коихъ притомъ линіи родства сходятся въ одну точку въ первой восходящей степени, 2) *что бракъ воспрещается тѣмъ лицамъ, кои состоятъ въ разныхъ степеняхъ родства и коихъ притомъ линіи родства сходятся въ второй восходящей степени, считая отъ лица въ нижней степени состоящаго, и 3) что всѣмъ прочимъ родственникамъ бракъ дозволяется*»... Все набранное курсивомъ пропущено.

На стр. 223: «при расторженіи брака должна половина движимаго и недвижимаго имущества»... Набранное курсивомъ пропущено.

На стр. 231 п. 11: «Никто не можетъ быть судимъ иначе, какъ по точнымъ словамъ закона, *безъ всякаго толкованія словъ закона*». Послѣднія пять словъ пропущены.

На стр. 241 (строка 16 сверху) пропущены слова: «за сіи вклады не будетъ гражданамъ ростовъ выдаваться». На той же страницѣ (14 строка снизу) пропущены слова: «Единовременные же вклады должны всегда въ деньгахъ состоять». На стр. 242 (2 строка сверху) также пропущено нѣсколько словъ.

Менѣе важные пропуски мы могли бы указать еще на 38 страницахъ изъ 144 стр. «Русской Правды».

На стр. «Русской Правды»: 50—51, 61—65, 88, 206—207 періоды и параграфы расположены не въ томъ порядкѣ, какой указанъ Пестелемъ. На 23 страницахъ «Русской Правды» находимъ расположеніе нѣкоторыхъ словъ не въ томъ порядкѣ, какъ указано авторомъ.

Весьма много словъ напечатано невѣрно; укажемъ болѣе важныя, искажающія смыслъ ошибки: на стр. 54 (2 стр. снизу) напечатано: «*пользоваться русскимъ*», вмѣсто: «*признаваться русскимъ*»; на стр. 81: «*первый курсъ*» вмѣсто «*полный курсъ*»; на стр. 199: «*образование провинцій*» вмѣсто «*образование правленія*»; далѣе, на той же страницѣ: «*распространяется по волостямъ*, т. е. по *различнымъ единицамъ*», а должно быть: «*распредѣляется по волостямъ*, т. е. по *политическимъ единицамъ*»; на стр. 207: «не оставаясь въ ихъ зависимости» вмѣсто «не отдаваясь въ ихъ зависимость»; на стр. 208: «*сильнѣйшею природою государства*» вмѣсто «*сильнѣйшею подпорою государ-*

ства»; стр. 219: «съ *размынными* вещами» вмѣсто «съ *различными* вещами»; на стр. 226 (строка 7 сверху) напечатано «въ *залогахъ*» вмѣсто «въ *займы*»; на стр. 243 и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ: «мѣстнаго собранія» вмѣсто «намѣстнаго собранія». Ошибки менѣе важныя мы могли бы указать на 65-ти страницахъ изъ 144 страницъ «Русской Правды».

«Записку о государственномъ управленіи» я не свѣрялъ цѣликомъ съ подлинникомъ, но и въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, которыя я провѣрилъ, нашлись и пропуски, искажающіе смыслъ (напр. на стр. 158 напечатано: «полковой блюститель (аудиторъ) и всѣ прочіе полковые чиновники», тогда какъ вмѣсто союза *и* должны были быть слова: «а *присяжными*»), и ошибки, искажающія смыслъ (напр. на стр. 102, 6 строка снизу, напечатано «иногда» вмѣсто «никогда») и неправильное расположеніе періодовъ одинъ относительно другого (на стр. 144 вслѣдствіе этого утрачена важная мысль о благотѣльномъ вліяніи сокращенія срока службы на эмансипацію крестьянъ и распространеніе просвѣщенія).

Изъ тѣхъ набросковъ Пестеля, которые переплетены вмѣстѣ съ «Русскою Правдою» и не вошли въ изданіе г. Щеголева, безусловно заслуживаетъ напечатанія неоконченная замѣтка подъ заглавіемъ «Дѣлежъ земель», такъ какъ она имѣетъ очень большое значеніе для характеристики его взглядовъ на аграрный вопросъ. Кромѣ того слѣдовало бы отмѣтить, что предъ отдѣленіемъ вторымъ «Записки о государственномъ управленіи» (стр. 163 изд. г. Щеголева) есть особый листъ, на которомъ мы находимъ слѣдующее заглавіе: «Краткое умозрительное обозрѣніе государственнаго правленія» (вѣроятно лишь варіантъ заглавія: «Записка о государственномъ управленіи»). «Сочиненіе Русскаго Гусара. 1820». Хронологическая дата устанавливаетъ время, когда Пестель работалъ надъ этимъ болѣе раннимъ, сравнительно съ «Русскою Правдою», произведеніемъ. Затѣмъ, интересно и заслуживаетъ напечатанія находящееся на томъ же листѣ оглавленіе 10 главъ «Гражданскаго Судебника», составленіе котораго, какъ видно, тогда задумывалъ Пестель.

Каковъ же общій выводъ относительно изданія г. Щеголева? Я полагаю, что достаточно доказалъ всю его неудовлетворительность. Я думаю, что издатель нравственно обязанъ *провѣрить вновь по подлиннику все свое изданіе* и приложить къ нему списокъ всѣхъ ошибокъ и пропусковъ, давъ возможность получить этотъ списокъ и тѣмъ, кто ранѣе купилъ изданіе «Русской Правды». Мы понимаемъ, что этотъ обширный списокъ ошибокъ можетъ сильно повредить репутаціи г. Щеголева, какъ издателя историческихъ памятниковъ, но тутъ ему приходится уже пенять на себя. Не оправданіемъ, но нѣкоторымъ объясненіемъ, можетъ служить желаніе издателя какъ можно скорѣе познакомить широкіе круги читателей съ замѣчательнымъ трудомъ самаго выдающагося изъ декабристовъ; но именно уваженіе къ памяти

этого страдальца за идею политической свободы обязывало г. Щеголева воздержаться от его вредной поспѣшности. Я считаю своимъ долгомъ высказать г. Щеголеву всю правду, потому что цѣню его, какъ талантливаго изслѣдователя. Будемъ ждать отъ него продолженія научныхъ работъ (хотя я не всегда согласенъ съ нимъ въ томъ, что онъ считаетъ нужнымъ въ нихъ выдвигать) и будемъ очень рады, если онъ воздержится отъ такихъ предприятий, какъ разобранное мною изданіе. Повторяю, уваженіе къ памяти Пестеля должно было бы обязать издателя его труда быть болѣе внимательнымъ, теперь же г. Щеголеву остается или заново перепечатать трудъ Пестеля, или приложить къ своему изданію длиннѣйшій списокъ поправокъ¹⁾.

В. Семеvскій.

В. Акимовъ (*Махновецъ*). Очеркъ развитія социаль-демократіи въ Россіи. Изд. О. Н. Поповой.

Социаль-демократія для всякаго, кто пожелалъ-бы руководствоваться западно-европейскимъ пониманіемъ этого слова,—есть политическая партія, берущая на себя руководство политической борьбой рабочаго класса. Въ Россіи же, гдѣ рабочей классъ долгое время не принималъ участія въ политической борьбѣ, социаль-демократической партіей именовались объединенные кружки интеллигентовъ и сознательныхъ рабочихъ, занимавшіеся пропагандой и агитаціей въ рабочей средѣ. Образование такихъ кружковъ, а тѣмъ болѣе ихъ планомѣрное объединеніе, было до чрез-

¹⁾ По поводу рецензіи В. И. Семеvскаго на мое изданіе „Русской Правды“ могу сказать слѣдующее. Замышляя издать „Русскую Правду“ по списку, хотя бы и не совершенному, я не имѣлъ въ виду *задачу научнаго, академическаго изданія*. Мнѣ казалось и важнымъ и интереснымъ возможно скорѣе познакомить широкіе круги общества съ трудомъ Пестеля. Списокъ Дубровина для этой цѣли совершенно достаточенъ: несмотря на нѣкоторые отступленія, онъ даетъ полное представленіе о „Русской Правдѣ“. Въ этомъ смыслѣ онъ „точно воспроизводитъ подлинникъ“. В. И. Семеvскому извѣстны условія работы въ Архивѣ при существованіи отѣченныхъ имъ же ограниченій. Насколько эти условія позволяли, я свѣрилъ списокъ по подлиннику и по свѣдѣннымъ мной выпискамъ, но, именно не полагаясь на добросовѣстность свѣрки, я *вовсе не указалъ* въ предисловіи, что списокъ свѣренъ съ подлинникомъ, а ограничился только общей характеристикой списка. Думаю, что мое изданіе въ разрядъ неудовлетворительныхъ никакимъ образомъ занесено быть не можетъ; оно даетъ, во-первыхъ, хорошее представленіе о трудѣ Пестеля, а во-вторыхъ значительно облегчить работу будущему ученому издателю „Правды“, ибо представляетъ результаты нѣкотораго изученія рукописи, о которой нельзя сказать, что она легко поддается разбору и не заключаетъ спорныхъ для чтенія мѣстъ. Впрочемъ, получивъ нынѣ возможность просмотрѣть „Правду“ по подлиннику, (а возможность эта *открыта именно моимъ изданіемъ*), я имѣю въ виду въ особомъ дополненіи исчерпать всѣ особенности подлинника и исправить всѣ неточности изданія.

П. Щеголевъ.

вычайности затруднено полицейскимъ режимомъ, создававшимъ всяческія препоны проникновенію пропагандистовъ и ихъ литературы въ рабочіе круги. Для обхода этихъ препонъ, требовался аппаратъ, особая тайная организація «профессіональныхъ революціонеровъ», которая ошибочно многими понималась какъ партія. За партію же эту организацію принималъ и В. Акимовъ, который вмѣсто очерка развитія тайной организаціи для пропаганды соц.-демократическихъ идей и для руководства *отдѣльными* проявленіями рабочаго движенія—иногда экономическаго, иногда политическаго—пытается дать исторію развитія несуществовавшей партіи, вслѣдствіе чего получилась чрезвычайная запутанность и, главное, схоластичность построеній.

Отсутствіе открытой политической партіи отнюдь не означаетъ отсутствія политической жизни и движенія, подобно тому, какъ отсутствіе профессиональных союзовъ не означаетъ отсутствія экономическаго движенія. Въ Россіи было и политическое, и экономическое движеніе рабочихъ. Русская интеллигенція не только социаль-демократическая, но и социалистическая иныхъ отбѣнковъ не могла, конечно, не сливаться тѣмъ или инымъ путемъ съ этими движеніями. Но въ ходѣ развитія этого сліянія нельзя установить рѣшительно никакой закономѣрной зависимости одного движенія—рабочаго, отъ другого—интеллигентскаго, или наоборотъ. И то и другое движеніе, не находясь по условіямъ дѣйствительности въ прямыхъ и зависимыхъ между собою отношеніяхъ, опредѣлялись часто совершенно случайными, внѣ ихъ лежащими обстоятельствами. Въ 1892 году городской голова города Вильны, въ пику ремесленной управѣ расклеилъ по городу объявленіе о старомъ законѣ Екатерины II (о 12 часовъ рабочемъ днѣ) и это ничтожное на первый взглядъ обстоятельство дало толчокъ крупному движенію ремесленнаго пролетаріата. А между тѣмъ до этой «пики» соц.-дем. интеллигенція работала въ пролетарскихъ кругахъ западнаго края, читая рабочимъ естественную исторію и другія научныя вещи, мечтала о рабочемъ движеніи, не имѣя возможности его создать. То, что легко далось ремесленному головѣ, не давалось работникамъ-социалистамъ, много разъ ломавшимъ головы надъ созданіемъ «широкаго рабочаго движенія». Вотъ почему схоластикой вѣдетъ отъ стремленія В. Акимова установить «теорію стадій развитія» социаль-демократической партіи. Вмѣсто того, чтобы написать *исторію развитія рабочаго движенія въ Россіи* и слѣдовательно, исторію развитія въ немъ предпосылокъ для образованія рабочей социаль-демократической партіи, Акимовъ своей «исторіей стадій» пытается установить внутреннюю закономѣрность въ развитіи попытокъ интеллигенціи *содѣйствовать* рабочему движенію. Но такой внутренней закономѣрности нѣтъ, и «теоріи» различныхъ фракцій социаль-демократіи стоятъ въ гораздо большей связи съ общимъ ходомъ всей русской и въ особенности политической жизни, чѣмъ съ рабочимъ движеніемъ. Наоборотъ, въ большин-

ствѣ случаевъ можно констатировать полную «независимость» соц.-дем. тайныхъ организацій отъ хода рабочаго движенія. Поэтому, нельзя принять ни съ оговорками, ни безъ оговорокъ и основной мысли г. Акимовъ, съ точки зрѣнія которой написана вся книга,—о теоріи стадій. «Первоначально,—пишетъ г. Акимовъ,—движеніе слабо проявлялось на поверхности общественной жизни, не было массовымъ. Сознательнымъ идеологамъ пролетаріата оставалось лишь самимъ готовиться для будущей борьбы и заниматься подготовкою отдѣльныхъ рабочихъ, чтобы создать кадры сознательныхъ социаль-демократовъ для того момента, когда въ нихъ будетъ нуждаться массовое движеніе. Это былъ періодъ культивированія отдѣльныхъ личностей въ кружкахъ, стадія кружковщины. Потомъ, когда стихійное недовольство массъ ихъ экономическимъ положеніемъ привело ихъ въ движеніе, социаль-демократы быстро измѣнили свою тактику и сумѣли стать вожаками пролетаріата въ этой его борьбѣ. Это была стадія экономизма. Далѣе, когда эта борьба развилась, рабочіе увидѣли, что они лишены элементарныхъ правъ... Пролетаріатъ, въ процессѣ борьбы, пришелъ къ сознанію правовыхъ (интересовъ). Социаль-демократія являлась передовымъ отрядомъ пролетаріата и въ эту стадію,—стадію общественно-правовой борьбы рабочаго класса, которая получила названіе «такъ называемаго экономизма». Къ началу 1901 г. движеніе въ разныхъ концахъ Россіи стало принимать единообразный характеръ; борьба съ правительствомъ за права личной и общественной свободы поставила передъ пролетаріатомъ задачу борьбы противъ правительства, задачу борьбы противъ участія во власти, политической борьбы. Это была стадія «искризма». Акимовъ устанавливаетъ затѣмъ, что черезъ эти четыре стадіи—какъ черезъ дѣтскія болѣзни—прошли все центры русскаго рабочаго движенія въ Вильнѣ, Кіевѣ и Петербургѣ. Изъ этого Акимовъ выводитъ обязательность ихъ для движенія вообще; между тѣмъ многіе центры движенія совсѣмъ не переживали послѣдовательно этихъ стадій, сразу, минуя кружки, начинали съ экономической борьбы или (какъ это было въ 1905 году) съ политической стачки; слѣдовательно, «стадіи» нельзя разсматривать какъ присущія соц.-демократіи или рабочему движенію формы развитія. Первая стадія, о которой говорить г. Акимовъ,—стадія кружковщины,—вовсе не является фазисомъ развитія рабочаго движенія: это лишь приемъ социаль-демократической интеллигенціи, путемъ котораго она ознакомлялась съ положеніемъ, нуждами рабочихъ, заводила связи въ рабочей средѣ, готовила отдѣльныхъ сознательныхъ рабочихъ. Напротивъ, вторая стадія,—стадія массовой пропаганды и агитации,—является фазисомъ развитія рабочаго движенія. Долгое время стачки рабочихъ носили случайный характеръ; вскорѣ послѣ голоднаго 1891—2 г. разрозненные стачки начали уступать мѣсто единому рабочему движенію. Социаль-демократическая интеллигенція и сознательные ра-

бочіе заняли въ немъ руководящую роль, занялись экономическою агитаціей и политической массовой пропагандой. Такимъ образомъ, первая и вторая стадіи г. Акимова—явленія различныхъ порядковъ. Третья стадія—такъ называемаго экономизма—искусственно обособлена отъ второй. Теоретиковъ или практиковъ грубаго экономизма никогда въ русскомъ рабочемъ движеніи не существовало, и это дѣленіе—плодъ не движенія, а партійныхъ распрей, доводящихъ до абсурда всякую тѣнь разногласія. Стадія массовой агитаціи и пропаганды съ дальнѣйшимъ ростомъ рабочаго движенія должна была естественно привести рабочій классъ къ борьбѣ съ самодержавно-бюрократическимъ правительствомъ. Но этотъ фазисъ рабочаго движенія въ книжкѣ г. Акимова не затронутъ. Въмѣсто него онъ говоритъ о стадіи искривизма, чисто-интеллигентской затѣѣ. Подъ вліяніемъ полицейскихъ преслѣдованій среди социаль-демократической интеллигенціи появилась идея созданія, подъ именемъ партіи, организаціи профессиональныхъ революціонеровъ. Корень этой организаціи былъ въ полицейскихъ порядкахъ страны. Конечно, такая организація не имѣетъ ничего общаго съ рабочей партіей, вырастающей изъ рабочаго движенія, какъ слѣдствіе его развитія. Невѣрно и наименованіе этой организаціи рабочей социаль-демократической партіей. Акимовъ не замѣчаетъ этого и продолжаетъ говорить о партіи, хотя сама партія, *какъ цѣлое, какъ дѣйствующее лицо съ определенной фizioноміей, съ определенными и планомерными политическими дѣйствіями ни разу не являлась въ книгѣ г. Акимова.* Мы видимъ «стадіи», видимъ распри,—за кулисами этихъ распрей—мелькомъ упоминаемое рабочее движеніе, но самой партіи, объ исторіи которой идетъ рѣчь,—мы такъ и не видѣли.

Запутавшись въ своихъ стадіяхъ, Акимовъ не привелъ исторіи партіи къ тому, къ чему, напр., привелъ еѣ А. Н. Потресовъ (Этюды о русской интеллигенціи), который анализомъ условій партійной работы подъ надзоромъ полиціи показалъ, что само существованіе партіи было невозможно, а всѣ попытки ея организаціи—были сплошной трагедіей русской интеллигенціи.

Невѣрно построивъ свой анализъ «попытокъ» организаціи партіи и сосредоточивъ все свое вниманіе не на условіяхъ организаціи рабочей партіи вообще и русской въ частности, не давъ въ этомъ направленіи рѣшительно никакихъ руководящихъ принциповъ, Акимовъ довольно удачно—въ предѣлахъ эмпирическихъ обобщеній—демонстрировалъ исторію борьбы организаціонныхъ принциповъ, борьбы, раздиравшей все время нашу интеллигенцію. Но во всей книжкѣ мы не находимъ даже намека на тотъ единый организаціонный *принципъ* социаль-демократической рабочей партіи, который естественно выдвигается всѣмъ ходомъ развитія рабочаго движенія. Этого принципа нѣтъ ни въ четырехъ стадіяхъ Акимова, ни въ его анализѣ интеллигентскихъ распрей; его можно вывести не изъ случайнаго историче-

скаго сочетанія условій, а лишь *изъ анализа внутренней законности развитія рабочаго движенія въ разныхъ историческихъ обстановкахъ.*

Мы думаемъ, что только тогда, когда изъ исторіи развитія русскаго рабочаго движенія выростетъ *принципъ* организаціи русской социальдемократической партіи,—тогда, и только тогда начнется ея исторія. Акимовъ-же писалъ о до-историческомъ періодѣ, въ задачи котораго входила не организація единой рабочей партіи, а пропаганда и агитація въ рабочемъ классѣ для популяризаціи социальдемократическихъ идей. Это была нужная и важная работа, какія-бы ошибки въ ней ни были допущены; она требовала созданія нелегальнаго аппарата, приспособленнаго не для политической борьбы, а для обхода основного зла русской жизни, аппарата полицейскаго. Не кричать «вы обезславили имя социальдемократіи», а утверждать, что ея еще и не было въ Россіи, слѣдовало-бы всякому историку русской социальдемократіи. Не только грандіозные размѣры русскаго рабочаго движенія, но и вся обстановка, въ которой оно совершается, говорятъ за то, что обнажается все яснѣй и яснѣй принципъ образованія дѣйствительной рабочей социальдемократической партіи, активными и крупными участниками которой сдѣлаются тѣ, которыя «унизили и обезславили» то, чего не существовало... Ихъ многолѣтняя работа, ихъ невольная специализація на вопросахъ русскаго рабочаго движенія придвинетъ и уже придвинула именно ихъ къ тѣмъ слагающимся молодымъ организаціямъ пролетаріата, которыя явятся основой для организаціи партіи. И не къ организаціи «авангарда», не къ пересмотру своихъ «разногласій» нужно призывать. Нужно звать всѣхъ желающихъ идти объ руку съ русскимъ рабочимъ движеніемъ къ признанію всѣхъ «разногласій» удѣломъ прошлаго и къ упорной работѣ на пользу того будущаго, которое *начнетъ* исторію русской социальдемократической партіи. Легенда о существованіи партіи въ прошломъ должна быть уничтожена во имя созданія здоровой партіи въ будущемъ. Само рабочее движеніе отъ этого только выиграетъ. Историкъ нѣмецкой социальдемократіи, Мерингъ, пишетъ: «Я чувствовалъ, какъ часто и рѣзко мнѣ придется выступать противъ многихъ традицій, многихъ представленій, которыя близки сердцу многихъ и притомъ не самыхъ плохихъ членовъ партіи. Никто такъ ясно не пойметъ субъективнаго оправданія, даже объективной неизбѣжности такихъ преданій и представленій, какъ историкъ революціонной рабочей партіи, но ему меньше, чѣмъ кому бы то ни было, слѣдуетъ щадить еѣ. Историческое повѣствованіе, которое остановилось-бы осторожно предъ той или иной легендой, какъ-бы понятна и извинительна она ни была, тѣмъ самымъ признало-бы себя лишеннымъ всякой цѣнности. Если революціонная рабочая партія подвержена общей участи борющихся армій создавать себѣ легенды и ореолы, то ей нѣтъ надобности, слѣдуя извѣстному совѣту Мольтке, искусственно поддерживать такіа

легенды и ореолы въ качествѣ необходимаго элемента своей дисциплины. Для нея необходима, напротивъ, безпрестанная самокритика». (Мерингъ, Ист. нѣм. соц. дем., стр. 380—81). Ни Акимову, ни другимъ историкамъ нѣтъ надобности создавать легенды о четырехъ стадіяхъ; нужно изучить само рабочее движеніе въ условіяхъ русской жизни, тогда и до-историческій періодъ социалдемократіи предстанетъ въ иномъ видѣ.

Суммируемъ сказанное: если-бы Акимовъ задался цѣлью написать исторію социаль-демократическихъ кружковъ и ихъ попытокъ къ сближенію съ рабочимъ классомъ,—что фактически въ своей книгѣ онъ только и сдѣлалъ,—то его работа представляла бы несомнѣнно цѣнное пособие для изученія исторіи нашего *интеллигентскаго* революціоннаго движенія. Но борясь съ окутавшими нашу соц.-демократію предрассудками, самъ Акимовъ не только не отдѣлался отъ нихъ въ процессѣ анализа, но даже нагромоздилъ новые. Отсюда не только всѣ дефекты его книги, но и отсутствіе въ ней всякой *научной* цѣнности. Тѣмъ не менѣе, книга Акимова, какъ первый опытъ собранія въ одноцѣлое многихъ *фактовъ* изъ жизни существовавшихъ въ различные времена и въ различныхъ городахъ соц.-дем. кружковъ, представляетъ несомнѣнный интересъ. Такіе *сборники* безусловно необходимы для будущаго историка, который сдумаетъ сдѣлать то, чего не сдумѣлъ сдѣлать Акимовъ,—*синтезировать и освѣтить научнымъ свѣтомъ* заключенный въ подобныхъ сборникахъ сырой матеріалъ.

Въ заключеніе фактъ изъ «исторіи» нашего времени: книга Акимова конфискована, и ея авторъ, равно какъ и издательница привлечены къ судебной отвѣтственности. Вотъ это уже не изъ области легендъ или фикцій, а изъ самой доподлинной дѣйствительности.

Е. Кускова.

Книгоиздательство «Свѣточъ». Серия: «Избранныя произведенія политической литературы».

В. Г. Бѣлинскій—Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ С. А. Венгерови. И. С. Тургеневъ.—Порогъ. (Не вошедшее въ собраніе сочиненій «стихотвореніе въ прозѣ»).

Знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю было написано, какъ извѣстно, авторомъ въ половинѣ 1847 года, и съ тѣхъ поръ т. е. почти въ теченіи *шестидесяти лѣтъ* оставалось для «широкой публики» запретнымъ плодомъ. Какъ палеонтологъ иногда по одной случайно сохранившейся кости бываетъ въ состояніи возстановить цѣлый образъ какого нибудь давно исчез-

нувшего съ поверхности нашей планеты животного, такъ одинъ этотъ фактъ, исчезни какимъ нибудь чудомъ тысячи другихъ ему подобныхъ и несравненно болѣе возмутительныхъ, послужилъ бы для будущаго историка Россіи XIX вѣка неотразимымъ доводомъ для составленія безпощаднаго обвинительнаго акта противъ всей эпохи, продолжавшейся отъ царствованія Николая I до нашихъ дней. И потомство—судья сказало бы на такой обвинительный актъ: да, вершители судебъ Россіи названной эпохи виновны и не заслуживаютъ снисхожденія. И если бы великая русская Революція имѣла своимъ результатомъ *только* возвращеніе русскому народу похищенныхъ у него темными силами произведеній мысли и чувства его великихъ писателей, то и тогда потомство безъ сомнѣнія привѣтствовало бы ее кликами: осанна! осанна! Но Революція принесетъ съ собою, конечно, далеко не одинъ только этотъ результатъ...

Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю неоднократно печаталось за границу, но въ Россіи оно никогда не появлялось не только въ отдѣльномъ изданіи, но не было даже приведено полностью въ многотомномъ, доступномъ лишь специалистамъ, сочиненіи Барсукова «Жизнь и труды Погодина». Честь изданія этого историко-литературнаго памятника,—притомъ изданія маленькаго, дешеваго, а слѣдовательно доступнаго всему народу, отдѣльною брошюрою,—принадлежитъ всецѣло нашему извѣстному историку русской литературы С. А. Венгерову.

«Порогъ»—это чудное произведеніе другого великаго русскаго писателя, было похищено у русскаго народа все тѣми же его врагами. Теперь и оно возвращено народу по принадлежности. Мы не будемъ пересказывать содержанія глубоко-проникновеннаго и дивно-художественнаго произведенія Тургенева,—оно, конечно, теперь извѣстно всѣмъ,—и скажемъ лишь нѣсколько словъ о предисловіи къ нему С. А. Венгерова, съ которымъ мы нѣсколько не согласны. Намъ непонятно, почему С. А. Венгеровъ утверждаетъ, что Степнякъ (С. М. Кравчинскій), «писавшій свои очерки приблизительно въ 1883 году, не зналъ «Порога», *ставшаго известнымъ значительно позже*». (Стр. 6. Курсивъ нашъ). Мы утверждаемъ обратное: мы утверждаемъ, что въ революціонной средѣ «Порогъ» былъ уже извѣстенъ именно въ 1883 и даже 1882 году. Раскрываемъ статью П. Л. Лаврова «И. С. Тургеневъ и развитіе русскаго общества» и читаемъ такія строки: «я имѣю основаніе думать, что судъ, приговоръ и казнь 3 апрѣля (Перовской и ея товарищей В. Б.) произвели на него (Тургенева) сильное впечатлѣніе и что подъ этимъ впечатлѣніемъ написано имъ стихотвореніе въ прозѣ «Порогъ», которое не вошло и не могло войти въ составъ того, что было напечатано въ слѣдующемъ году въ «Вѣстникѣ Европы», *но было мнѣ прочитано имъ лѣтомъ 1882 г., вмѣстѣ съ тремя другими, тамъ напечатанными*». («Вѣстникъ Народной Воли» № 2, стр. 141). Ни откуда не слѣдуетъ, что Тургеневъ взялъ слово съ Лаврова хранить молчаніе о «Порогѣ». Затѣмъ 25 сентября 1883 года въ

самомъ Петербургѣ въ типографіи «Народной Воли» былъ напечатанъ листокъ озаглавленный «И. С. Тургеневъ». (По поводу его смерти). Къ этому листку полностью приложено и стихотвореніе въ прозѣ «Порогъ», изъ чего уже несомнѣнно слѣдуетъ, что произведеніе это было извѣстно въ революціонной средѣ уже въ 1883 году, а вовсе не «значительно позже» того. Авторомъ листка «Тургеневъ» было лицо нынѣ здравствующее и хорошо извѣстное, какъ С. А. Венгерову, такъ и пишущему эти строки. Листокъ «Тургеневъ» вмѣстѣ съ приложеннымъ къ нему «Порогомъ» перепечатанъ въ сборникѣ Базилевскаго «*Литература партіи Народной Воли*» (стр. 951—954).

Это маленькое указаніе на неточность нѣкоторыхъ соображеній С. А. Венгерова касательно «Порога» отнюдь, конечно, не уменьшаетъ цѣнности выпуска имъ въ свѣтъ замѣчательнаго произведенія Тургенева, которому мы желаемъ самаго широкаго распространенія.

В. Богучарскій.

«Эмма». Романъ Швейцера, переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе А. Тверской и К^о. 1906 г. Ц. 1 рубль.

Большинство русскихъ интеллигентовъ съ юности помнятъ эту книгу, если не по содержанію, то хоть по названію. Романъ Швейцера всегда значился въ тѣхъ заветныхъ литографированныхъ, а еще чаще даже просто рукописныхъ каталогахъ систематическаго чтенія, которые такъ хорошо знакомы намъ всѣмъ. Вѣдь наше умственное воспитаніе шло между двумя списками,— съ одной стороны это «нелегальныя» программы самообразования, въ центрѣ которыхъ всегда стояли социальныя вопросы, а съ другой полицейскій index, гдѣ, пожалуй, исходной точкой брались тѣ-же социальныя вопросы. Оба списка состояли въ незаконномъ, но фатальномъ родствѣ и оба оказывали свое вліяніе на молодые умы. Разъ запрещено, значитъ надо во что бы то ни стало достать и прочитатъ. Не знаю хорошенько, попала-ли «Эмма» въ index. Въ статьѣ Богучарскаго, «Цензурныя взысканія» (Энцикл. Слов.), этой книги нѣтъ въ числѣ запретныхъ. Тамъ названъ другой романъ Швейцера «Люцинда». Но почему-то въ моихъ воспоминаніяхъ «Эмма» осталась какъ запретный плодъ, на ряду съ «Что дѣлать» и «Свѣтловымъ». Эти тайно читавшіяся книги были своего рода этапами для пробуждавшагося сознанія. Утопическія перспективы наполняли жизнь захватывающимъ, жгучимъ интересомъ, отъ котораго душа росла и расширялась, требовала подвига, уже тянулась къ какому-то еще песовсѣмъ сознанію, но властному служенію. И мысль, пробуж-

жденная яркостью новыхъ художественныхъ впечатлѣній, начала работать рѣзче и отчетливѣе. У многихъ жизнь стерла потомъ эту яркость, этотъ порывъ. Но, къ счастью русскаго народа и къ гордости русской интеллигенціи, далеко не всѣ позволили тираннической дѣйствительности кастрировать свой духъ. Эти «безсмысленные мечтатели» съ ревнивой заботливостью затаили въ себѣ завязь идеализма, заложенную въ нихъ первыми книжными откровеніями. У насъ принято говорить на тему о нехудожественности тѣхъ романовъ, которыми мы всѣ зачитывались. Но это несправедливо. «Свѣтловъ» «Что дѣлать?», «Одинъ въ полѣ не воинъ», это, конечно, не цѣльныя литературныя произведенія, не вѣчные спутники. Но въ нихъ есть свой артистизмъ, то, что мнѣ хочется назвать эстетикой общественности. Въ этомъ ихъ сила и ихъ своеобразный импрессионизмъ, оставившій неизгладимый слѣдъ на развитіи столькихъ изъ насъ. По правдѣ сказать, въ романѣ Швейцера этой эстетики маловато. Слишкомъ грубы его приемы, слишкомъ примитивно его отрицаніе всего, что не входитъ въ непосредственный кругъ его проповѣди. Кругъ этотъ очень тѣсенъ—пропаганда производительныхъ товариществъ. Романъ написанъ въ 60-хъ годахъ. Авторъ горячій послѣдователь Лассалля, и многое въ его взглядахъ покажется устарѣлымъ. Но возможно, что «Эмма» всетаки найдетъ большой кругъ читателей, такъ какъ въ ней говорится о столкновеніи рабочихъ и съ капиталистами и съ властью, о рабочихъ союзахъ, объ уличной революціи. И тонъ, и взгляды устарѣли. Но борьба не устарѣла.

Вергежскій.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Илья Гуревичъ. Кто виноватъ въ распятіи Иисуса Христа? ц. 20 к.
П. И. Пестель. Русская правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Книгоизд. „Культура“ ц. 1 р.

В. Черновъ. Марксизмъ и аграрный вопросъ. Книгоизд. „Русское Богатство“ ц. 75 к.

В. Зомбартъ. Путеводитель по социалистической литературѣ ц. 6 к.
Политическая энциклопедія подъ редакц. Л. З. Слонимскаго т. I.

Н. Рязановъ. Двѣ правды: народничество и марксизмъ. Очерки изъ исторіи русской интеллигенціи. „Библіотека марксизма“ ц. 20 к.

Возрожденіе. Сборникъ статей 1905 г. Еврейскій пролетаріатъ и національная проблема ц. 65 к.

Ф. А. Оларъ. Великая французская революція ц. 70 к. Изд. Т-ва „А. и И. Гранатъ и К^о“.

Фр. Мерингъ. Исторія германской социаль-демократіи т. I ц. 1 р. 40 к. Изд. Т-ва „А. и И. Гранатъ и К^о“.

Н. Покровский. М. Е. Салтыковъ какъ сатирикъ, художникъ и публицистъ п. 1 р. 25 к.

А. Ягодинъ. Лѣтопись 1904—1905 г. т. I ц. 1 р.

Послѣднія слова казенныхъ. Книгоизд. „Современникъ“ ц. 20 к.

Арнольдъ Аріэль. Красное знамя. Москва.

Пр. П. Эльцбахеръ. Сущность анархизма. Книгоизд. „Просторъ“ т. I ц. 75 к.

Ник. Морозовъ. Изъ стѣнъ неволи. Книгоизд. „Д. Рѣчь“ ц. 25 к.

Анри Мишель. Задачи французской демократіи ц. 10 к. М. изд. Мягкова.

Н. А. Рубакинъ. „Воля Аллаха“ или Абдулъ, и еще Абдулъ ц. 15 к. Москва. Книгоизд. „Колоколь“.

А. Нѣмцовскій. Разсказы изъ жизни рабочихъ ц. 10 к. Москва. Книгоизд. „Колоколь“.

Э. Вандервельде. Программа бельгійской рабочей партіи ц. 3 к. Книгоизд. „Колоколь“.

Лиссагаръ. Исторія коммуны 1871 г. Книгоизд. „Колоколь“ ц. 80 к.

А. Дивильковскій. Вольная земля и наше земледѣліе. Книгоизд. „Колоколь“ ц. 10 к.

К. Марксъ. Собраніе историческихъ работъ. Полный переводъ съ нѣм. подъ ред. и съ примѣч. В. Базарова и И. Степанова. Изд. С. Скирмунта ц. 1 руб.

Кохъ Готфридъ. Очерки по исторіи политическихъ идей и государственнаго управленія. Пер. съ нѣм. О. Волькенштейнъ. Ред. З. Авалова. Изд. С. Скирмунта ц. 1 р. 50 к.

Бахъ Макс. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Базарова и И. Степанова. Вып. 1-ый. Изд. С. Скирмунта. ц. 1 руб.

В. Базаровъ и И. Степановъ. Очерки по исторіи Германіи въ XIX вѣкѣ. Т. I-ый происхожденіе современной Германіи. Изд. 2-ое С. Скирмунта. Спб. ц. 1 р. 50 к.

Изданія Комитетовъ Р. С. Д. Р. партіи: Самарскаго, Московскаго (Рабочій Листокъ № 4 и др. изд.), Кіевского, Кубанскаго, а также Армавирской Группы и Гродненской военной организаціи. Полученъ также № 2 „Партійныхъ извѣстій“.

Партіи С. Р-въ: Отклики Народной Борьбы №№ 1 и 2, различныя изданія Центр. К-та, Кавказскаго Союза партіи и Б. О-ціи (прокл. по поводу покушенія на жизнь Дубасова).

Сіонистско-Соціал. Раб. партіи (майскій листокъ).

Цен. К-та Бунда (прокл. о Госуд. Думѣ).

Гродненскаго К-та Бунда (прокл.).

Извѣстія Федеративнаго Совѣта Харьковскихъ К-въ Р. С. Д. Р. П. за 1905 г. (№№ 2, 4 и 5. Очень просимъ дослать остальные №№).

№ 4 газеты „Забайкальскій рабочий“ (орг. Читинскаго К-та Р. С.

Д. Р. П.) отъ 3 января 1906 г. (Въ виду чрезвычайной важности этого изданія,—убѣдительно просимъ прислать намъ комплектъ №№ „Забайкальскаго Рабочаго“).

Старыя изданія: Процессъ 193-хъ. Изд. Вол. Рус. типогр. 1878 г. „Рабочая Газета“ № 3 за 1881 г., „Черный Передѣлъ“ № 3 (мартъ 1881 г.), „Рабочая Мысль“ 1898, 1899 и 1900 гг. (№№ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10, а также „Отдѣльное приложеніе къ „Рабочей Мысли“); „Наше Время“ № 2 (1898); „Листокъ Работника“ № 5 (1898); „Соц. Дем. Раб. Библіотека“ № 1 (1900); „Къ учащейся молодежи“ (брош. 1895 г.), нѣсколько прокл. „Союза борьбы за освоб. раб. класса“; прибавленіе къ № 2 „Рабочаго Знамени“, „Листокъ Краснаго Креста“ № 5 (1900), бюллетени съ описаніемъ разныхъ событій въ учебныхъ заведеніяхъ въ разное время, много иностранныхъ брошюръ преимущественно 1900—1905 года и проч.

Карточки: А. И. Желябова (гимназической его поры), Н. Н. Колодкевича, Вл. Дебагаріо-Мокріевича (тюремная), Бранднера (повѣш. въ Кіевѣ въ 1879 г.), Павла Орлова, Вл. Избицкаго, Зунделевича, Сѣраковского, Пустовойтовой, С. Г. Нечаева, кн. П. В. Долгорукова (эмигр. 60-хъ годовъ), Горскаго (повѣш. въ Кіевѣ въ 1879 г.).

Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

I.

Шлиссельбургскій Комитетъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель—В. И. Семевскій (Вас. Остр. 2 линія, д. 11).

Товарищъ-предсѣдателя—П. Ф. Якубовичъ (Л. Мельшинъ. Ст. Удѣльная, Финлянд. ж. д.).

Секретарь—В. Ф. Яковлевъ-Богучарскій (Ред. жур. „Былое“. Спасская ул., д. 25, кв. 20).

Казначей—Н. Ф. Анненскій (Троицкая ул., д. 11, кв. 22).

Члены: Ф. Д. Батюшковъ; В. Л. Бурцевъ; П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; В. В. Водовозовъ; Е. Н. Водовозова-Семевская; В. П. Водовозова; Е. С. Волкова; А. С. Зарудный; Д. А. Клеменць; В. Ф. Коммисаржевская; В. Г. Короленко; Н. С. Кудринъ; Л. П. Купріянова; П. Н. Милуковъ; В. А. Мякотинъ; Л. Ф. Пантелѣевъ; В. А. де-Плансонъ; А. С. Пругавинъ; Н. А. Римскій-Корсаковъ; И. Е. Рѣпинъ; М. П. Сажинъ; кн. Г. Д. Сидомоновъ-Эристовъ; Л. Н. Стахевичъ; О. Н. Флоровская; Л. Э. Шишко; П. Е. Щеголевъ; С. А. Щепотьевъ.

Пожертвованія просятъ направлять на имя казначея, а всякаго рода сообщенія и запросы—посылать на имя предсѣдателя Комитета. его товарища или секретаря по вышеуказаннымъ ихъ адресамъ.

II.

Съ 8 марта по 3 мая 1906 г. въ шлиссельбургскій фондъ поступило: отъ г-на Б.—20 р.; отъ М. К.—3 р.; А. Н. Г.—3 р.; инженера Петрулевича—25 р.; В. А. де-Плансонъ—25 р.; г-жи Яновичъ—100 р.; А. А. Г.—5 р.; Е. Н. Андреевой—10 р.; М. М. Тагеръ—5 р.; неизвѣстнаго—25 р.; Д. В. Волкова—3 р.; А. Смирнова—2 р.; Ар. и Жг.—8 р.; Вальчанъ—7 р.; М. П. Славскаго—5 р.; А. Р.—3 р.; Кузьмина—5 р.; Аносова—10 р.; Шевалева—3 р.; чрезъ редакцію „Русскаго Богатства“—5 р. 85 к.; Н. И. Карѣва гонораръ за статью въ „Современности“—17 р. 16 к.; А. Д. Ткачева—5 р. 50 к.; Шерстобитова—50 р.; нижнихъ чиновъ—4 р. 15 к.; Кіевскаго присяжнаго повѣреннаго—3 р.; И. Я. Р. и М. С. Т.—6 р.; чрезъ редакцію „Міра Божьяго“ отъ псевдонима „Новичекъ“—25 р.; Буронской и В. Халтуриной—3 р.; членовъ Чугуевской общественной бібліотеки—

8 р.; г-жи Криживицкой—100 р.; Л. И. и О. И. изъ Суджи—10 р.; В. Д. Ушневой—3 р.; Н. С. Т.—1 р. 50 к.; А. В.—1 р.; А. И. Сентъ-Илеръ—3 р.; чрезъ редакцію „XX Вѣка“—100 финскихъ марокъ. Итого 513 р. 16 к. и 100 герм. марокъ; а съ прежде поступившими всего: 1.885 р. 85 к. и 100 германск. марокъ деньгами и процентными бумагами 4.006 р.

О полученіи всѣхъ этихъ пожертвованій Комитетъ съ благодарностію извѣщаетъ жертвователей. Пріемъ пожертвованій продолжается.

Казначей Н. Анненскій.

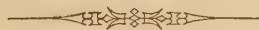
4 мая 1906 г.

III.

Для составленія альбома Шлиссельбуржцевъ послѣ напечатанія послѣдняго отчета въ Комитетъ поступили портреты слѣдующихъ лицъ: Арончика, Минакова, Клименко, Гершковича, Савелія Златопольскаго, Логовскаго и Шварца. Обѣщанъ портретъ Игната Иванова (просятъ поспѣшить высылкой. Карточка Игната Иванова гимназистомъ получена, но она очень выцвѣтшая). Получена также гимназическая группа, въ которой находится Исаевъ. Совсѣмъ не имѣется портретовъ Тихоновича (офицеръ, служилъ въ Кіевѣ), Ник. Рогачева (артил. офицеръ), Генералова (изъ области Войска Донскаго), Немоловскаго, Чепегина, Васильева и Лукасинскаго. Комитетъ убѣдительно проситъ розыскать и выслать ему портреты этихъ лицъ.

О полученіи всѣхъ вышеназванныхъ портретовъ Комитетъ съ благодарностію извѣщаетъ доставившихъ ихъ лицъ.

Секретарь Комитета В. Богучарскій.

ОТЧЕТЪ

Общества Помощи Политическимъ ссыльнымъ и заключённымъ за
апрѣль 1906 г.

Остатокъ на 1-е апрѣля 1906 г. 1567 р. 14¹/₂ коп.

Приходъ:

	РУБ.	КОП.
Черезъ „Н. Ж.“	274	65
„ ред. газ. „Двадцатый Вѣкъ“	106	30
Отъ концерта	592	74
Черезъ „Н. Ж.“ для ком. по амнистiи.	30	—
Отъ П. А. П. черезъ С. П. Елисѣева для амнистированныхъ	100	—
Спеціально для Л—на	15	—
Отъ А. Ф. С.	10	—
„ Д. С.	25	—
„ Г.	5	—
Черезъ Н. А. С. отъ Х.	5	—
Отъ Ф.	3	—
По листу отъ ред. „Былое“ на пере- сылаемыхъ	2	—
Отъ лоттерей Е. М.	78	80
„ Я. Я. Гуревича	88	—
Для заключенной Р.	8	—
Отъ продажи книгъ	12	04
„ „ открытыхъ писемъ.	5	—

Итого приходъ . . . 2927 67¹/₂

Расходъ:

	РУБ.	КОП.
Тюрьмы	597	—
Семьи.	727	—
Высылаемымъ и высланнымъ	364	—
Освобожденнымъ	181	—
Провизія	18	10
Одежда	35	80
Книги высылаемымъ	10	15
Спеціальный расходъ	70	—
Передано въ ком. по амнистiи.	130	—
Разные расходы	10	24½
Ссуда	244	—
Всего расхода	2387	65
Остатокъ на 1-е мая 1906 г.	540	02½

ВОЗЗВАНІЕ

общества вспомошествованія политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ.

Вся страна въ напряженномъ ожиданіи амнистiи. Ужасы тюремнаго режима стоятъ у всѣхъ передъ глазами. Одна мысль о страданіяхъ заключенныхъ, въ настоящій моментъ обострившихся трепетнымъ ожиданіемъ свободы, леденить сердце каждаго. Амнистiя—все еще вопросъ будущаго, а между тѣмъ каждый лишній день за рѣшеткой уносить здоровье, можетъ быть, жизнь заключенныхъ. Въ такой моментъ облегчить такъ или иначе ихъ участь — долгъ каждаго. Помощь заключеннымъ сейчасъ должна быть полнѣе, интенсивнѣе, чѣмъ когда-либо. Вмѣстѣ съ тѣмъ ожиданіе амнистiи задержало притокъ пожертвованій. Касса Краснаго Креста вновь пуста, а переполненныя тюрьмы, изголодавшіеся семьи заключенныхъ требуютъ изо дня въ день огромныхъ затратъ.

Современная Лѣтопись.

Въ теченіе апрѣля въ газетахъ находимъ слѣдующія сообщенія о смертныхъ казняхъ и судебныхъ приговорахъ по политическимъ дѣламъ:

1) Въ Петербургѣ, 10 апрѣля въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію раб. Дмитріева по 129 ст. уг. ул. въ раздѣлѣ нижнимъ чинамъ л.-гв. Преображенскаго полка прокламаціи „Горе побѣдителямъ“, изданной россійской соціалъ-демократической партіей. Палата приговорила Дмитріева къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

2) Въ Саратовѣ, 10 апрѣля. Смертная казнь убійцѣ генерала Сахарова, а также покушавшемуся на жизнь вице-губернатора Кнолля замѣнена каторгой — первой безсрочной, второму на 20 лѣтъ. Послѣ объявленія объ утвержденіи приговора, убійца генерала Сахарова назвалась суду Анастасіей Алексѣвной Буценковой.

3) Въ Ригѣ, 11 апрѣля. Временнымъ военнымъ судомъ приговорены за вооруженное нападеніе на туккумское лѣсничество Розе и Дрейманъ къ 8, Шауманъ къ 9, Вепре къ 3 годамъ каторги.

Окружный судъ приговорилъ крестьянина Шнаге къ 12 годамъ каторги за убійство въ минувшемъ августѣ городского Пуевича.

4) Въ Сызрани, 11 апрѣля. Бросившій въ Самарѣ въ генерала Сергѣева бомбу, крестьянинъ Жуковъ *приговоренъ здѣшнимъ военнымъ судомъ къ разстрѣлянію.*

5) Въ Одессѣ, 11 апрѣля. Помилованъ по Высочайшему повелѣнію Жуковъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни за возстаніе и покушеніе на жизнь начальника батальона Давыдова съ нанесеніемъ ему ранъ штыкомъ и рядъ другихъ преступленій. Приговоръ былъ утвержденъ командующимъ войсками. Четыре его товарища, по ранѣе состоявшемуся приговору, казнены. Жуковъ помилованъ по ходатайству Давыдова.

6) Въ Варшавѣ, 12 апрѣля выѣздною сессіей варшавской судебной палаты съ сословными представителями разсматривались дѣла Хыплевскаго, Скржипеца и Маевского, обвиняемыхъ по 129 статьѣ улож. о нак. Первый приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ, съ зачетомъ придварительнаго заключенія, второй въ тюрьму, но такъ какъ предварительное заключеніе покрыло срокъ наказанія, то освобожденъ, третій оправданъ.

7) Въ Тифлисъ, 12 апрѣля. Приговоренному военнымъ судомъ въ городѣ Поти къ смертной казни крестьянину Чигогидзе, обвиняемому въ убійствѣ на станціи Чіатуры капитана Тарасова, намѣстникъ замѣнилъ казнь каторжными работами на двадцать лѣтъ.

8) Въ Петербургѣ, 12 апрѣля. Въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушались при закрытыхъ дверяхъ дѣла по обвиненію въ политической агитаціи среди войскъ крест. Вихмана, бывшаго рядового л.-гв. гусар. полка Погребняка и конторщика Байкова. Вихманъ и Погребнякъ оправданы, Байковъ присужденъ къ заключенію на 4 мѣс. въ тюрьмѣ съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

9) Тамъ же, 12 апрѣля въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію сына надворнаго совѣтника А. Чернявскаго въ томъ, что онъ въ первыхъ числахъ декабря 1905 г., вечеромъ, на углу Офицерской и Англійскаго проспекта распространялъ среди проходившей публики экземпляры № 8 „Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ“. Обвиненіе къ Чернявскому предъявлено было по 1 и 2 п.п. 129 ст. уг. ул.

Приговоромъ палаты Чернявскій присужденъ на 1 годъ и 4 мѣсяца заключенія въ крѣпость съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

10) Тамъ же, 12 апрѣля въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію мѣщан. Е. Тудера въ томъ, что онъ распространялъ брошюры, призывавшія къ ниспроверженію существующаго строя. Обвиненіе къ Тудеру предъявлено было по 2 и 5 п.п. 129 ст. уг. ул.

Приговоромъ палаты Тудеръ присужденъ въ крѣпость на годъ и 4 мѣсяца съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

11) Въ Тифлисъ. Поступившее къ генералъ-губернатору *ходатайство военнаго суда, приговорившаго* Глonti, убійцу кассира контрольной палаты Малиновскаго, къ смертной казни, *смягчить наказаніе* по случаю несовершеннолѣтія приговореннаго *оставлено* генераломъ Тимофеевымъ *безъ послѣдствій*.

17-го апрѣля *приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

12) Въ Одессѣ, 13 апрѣля. Анархисты Мокель и Дукельскій, требовавшіе отъ магазиновладѣльцевъ Миллеровъ сто рублей на приобрѣтеніе оружія, подъ угрозой взорвать бомбой магазинъ, приговорены военнымъ судомъ къ лишенію правъ и ссылкѣ на поселеніе. Крестьянинъ Юдинъ, распространявшій революціонныя изданія среди фабричныхъ рабочихъ, приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на полтора года.

13) Въ Ригѣ, 13 апрѣля. Военнымъ судомъ приговорены къ каторжнымъ работамъ на разные сроки Залуцкій, Василь, Попе и Кублинскій за участіе въ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлю низверженіе существующаго строя.

14) Въ Кіевѣ. За военный бунтъ саперъ 18 ноября приговорены судомъ, какъ главные виновники, къ смертной казни *разстрѣляніемъ*: *фельдфебеля Коровина и Квашинина и унтеръ-офицера Рыбий*; — къ каторгѣ на 12 лѣтъ двое, на 8 лѣтъ трое, на 6 лѣтъ четверо, на 4 года 14 человекъ;

въ дисциплинарные батальоны на 3 года 17, на 2 года 27, на 1 годъ 19 человекъ. Поручикъ Пилькевичъ, подпоручикъ Черепановъ, прапорщикъ Кочергинъ и 10 нижнихъ чиновъ оправданы. Защитниками подается кассационная жалоба въ отношеніи приговоренныхъ къ казни Рябого, Коровина, Квашнина и 23 солдатъ къ каторжнымъ работамъ.

21 апрѣля командующій войсками утвердилъ приговоръ въ отношеніи саперъ, приговоренныхъ къ каторгѣ на разные сроки и замѣнилъ смертную казнь присужденнымъ къ ней унтеръ-офицеру Рябому—безсрочной каторгой, фельдфебелю Коровину—каторгой на двадцать лѣтъ, фельдфебелю Квашнину—на 15 лѣтъ. Съ другой стороны приговоръ въ отношеніи оправданныхъ офицеровъ переданъ на разсмотрѣніе кассационнаго присутствія по протесту прокурора.

15) Въ Варшавѣ, 14 апрѣля.—Крестьянинъ Яроновскій приговоренъ вчера военнымъ судомъ къ *смертной казни чрезъ повѣшеніе* за покушеніе на убійство военного чина.

16) Въ Петербургѣ, 14 апрѣля. Въ особомъ присутствіи судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію сына титулярнаго совѣтника С. П. Кліодта, крестьянина И. Н. Аникина и губернскаго секретаря Г. В. Петрова въ томъ, что они распространяли среди войскъ брошюры, призывавшія къ ниспроверженію существующаго строя.

Кліодтъ приговоренъ къ заключенію на 4 мѣсяца, а Аникинъ и Петровъ на 6 мѣсяцевъ въ тюрьму съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

17) Тамъ же, 14 апрѣля, особымъ присутствіемъ судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію крестьянъ И. Родикова и Е. Чернигова въ томъ, что первый изъ вышеуказанныхъ лицъ хранилъ и публично распространялъ 10 декабря 1905 г. въ г. Петербургѣ, раздавая на улицѣ прохожимъ сочиненія, возбуждающія къ ниспроверженію въ государствѣ общественнаго строя, а второй—въ томъ, что въ Петербургѣ хранилъ тѣ же сочиненія, съ цѣлью распространенія, зная ихъ содержаніе.

Родиковъ приговоренъ къ заключенію на 9 мѣсяцевъ, а Черниговъ—на 5 мѣсяцевъ въ крѣпость, но съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

18) Главнымъ военнымъ судомъ 15 апрѣля кассационныя жалобы крестьянъ Р. Вокера, Юг. Эргмана, Ав. Преймана *приговоренныхъ* Ревельскимъ временнымъ военнымъ судомъ къ *смертной казни*, и Р. Янберга, приговореннаго къ 15 г. каторги *оставлены безъ послѣдствій*. Приговоръ пойдетъ на утверж. эстлянд. ген.-губерн. 24 апрѣля генераль-губернаторъ замѣнилъ: первымъ—казнь каторгой, а послѣднему каторгу—арестантскимъ отдѣленіемъ.

19) Въ Петроковѣ, 15 апрѣля. Выѣздной сессіей судебной палаты рассмотрѣны въ Петроковѣ политическія дѣла по обвиненію девяти лицъ по 129, 130, 131 и 132 статьямъ уголовного уложенія. Обвиняемые приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ и крѣпости отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года. Всѣмъ засчитанъ предварительный арестъ. Двое отбывшіе срокъ наказанія освобождены.

20) Въ Курскѣ, 15 апрѣля. На засѣданіи судебной палаты въ Дмитріевкѣ окончень разборъ громкаго дѣла о грабежахъ и сожженіи усадебъ крестьянами гламаздинской волости въ февралѣ 1905 года. 2 обвиняемыхъ приговорены въ арестантскія отдѣленія, 61 къ тюремному заключенію съ лишеніемъ правъ и 13 безъ лишенія правъ, 56 оправданы. Гражданскіе иски присуждены.

На судѣ выяснилось, что во время полицейскаго дознанія крестьяне подверглись сѣченію розгами, которое производилось по распоряженію бывшаго курскаго вице-губернатора, нынѣ и. д. минскаго губернатора Курлова.

21) Въ Одессѣ, 17 апрѣля. Военный судъ приговорилъ къ каторжнымъ работамъ на 4 года крестьянина Дубину, 22 лѣтъ, обвинявшагося въ томъ, что, получивъ 4 января сего года въ Николаевѣ отъ группы анархистовъ-коммунистовъ взрывчатый снарядъ съ порученіемъ бросить въ николаевского градоначальника контръ-адмирала Загорянскаго-Киселя, онъ, дожидаясь проѣзда градоначальника, нечаянно уронилъ бомбу, чѣмъ вызвалъ взрывъ, которымъ у него и оторвало кисть правой руки.

22) Въ Елисаветградѣ, 17 апрѣля. Временный одесскій военный судъ *приговорилъ* черкаскаго мѣщанина Федора Завіонова, обвинявшагося въ убійствѣ съ цѣлью грабежа лавочника Лужанскаго, *къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.*

23) Въ Ревелѣ, 18 апрѣля. Генераль-губернаторъ *утвердилъ смертный приговоръ* военнаго суда *по отношенію къ одному* изъ семи крестьянъ, обвинявшихся въ убійствѣ помѣщика Баранова, *замѣнивъ казнь черезъ повѣшеніе разстрѣляніемъ*, другимъ же замѣнилъ казнь: пятерымъ—каторжными работами на сроки отъ 5 до 15 лѣтъ, одному—тюремнымъ заключеніемъ.

24) Въ Варшавѣ, 18 апрѣля. Варшавскій военно-окружной судъ приговорилъ крестьянина Папая къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ за убійство комиссара по крестьянскимъ дѣламъ илжецкаго уѣзда, Борка.

25) Въ Петербургѣ, 18 апрѣля въ военно-окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ слушалось дѣло о бывшемъ унтеръ-офицерѣ, нынѣ *рядовомъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка С. И. Щербаковѣ*, обвинявшемся по 1 и 2 пп. 130 и 1 ч. 131 ст. угол. ул., т. е. въ непубличномъ распространеніи среди войскъ сочиненій, возбуждающихъ къ нарушенію обязанностей военной службы и къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя. Военно-окружной судъ призналъ Щербакова виновнымъ и приговорилъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе.

26) Въ Псковѣ, 19 апрѣля. По двѣнадцати политическимъ дѣламъ, разобраннымъ палатою 17—18 апрѣля большинство подсудимыхъ оправданы. Изъ обвинительныхъ приговоровъ самый строгій вынесенъ чиновнику Двинской почтовой конторы Витковскому, обвинявшемуся въ покушеніи на жизнь ящика въ цѣляхъ поддержанія почтово-телеграфной забастовки; онъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на 4 года.

27) Въ Варшавѣ, 19 апрѣля. Военно-окружный судъ приговорилъ крестьянина Ментрана къ *смертной казни черезъ повѣшеніе* за вооруженное сопротивленіе чинамъ полиціи съ покушеніемъ на убійство ихъ.

28) Въ Ригѣ, 19 апрѣля. Военный судъ приговорилъ мѣщанина Марковского за вооруженное нападеніе на частный домъ и грабежъ къ *смертной казни черезъ повѣшеніе*.

29) Въ Севастополѣ, 18 апрѣля, въ севастопольскомъ военно-морскомъ судѣ слушалось дѣло лейтенанта Вахтина и мичмана Винера, обвинявшихся въ бездѣйствіи и превышеніи власти во время ноябрьскаго возстанія во флотѣ,—дѣйствіяхъ, выразившихся въ допущеніи лейтенанта Шмидта на броненосецъ „Пантелеймонъ“. Судъ приговорилъ обоихъ къ заключенію въ крѣпости: Вахтина на 10 мѣсяцевъ, Винера—на 8, лишивъ ихъ нѣкоторыхъ правъ.

30) Въ Одессѣ, 19 апрѣля. Военный судъ приговорилъ мѣщанина Каневского къ каторгѣ на 12 лѣтъ, крестьянина Лапуха и мѣщанина Тульчинскаго къ каторгѣ на 10 лѣтъ, по обвиненію въ разбойномъ нападеніи на контору торговаго дома „Леонъ Рабиновичъ“, съ цѣлью потребовать 2,000 руб. отъ имени группы анархистовъ-коммунистовъ. Обвиняемые были задержаны на улицѣ, убѣгая послѣ выстрѣла, произведеннаго въ нихъ, въ конторѣ.

31) Въ Петербургѣ, по дѣлу о вооруженномъ нападеніи на *сберегательную кассу* на Забалканскомъ пр., главный военный судъ кассационную жалобу оставилъ безъ послѣдствій и приговоръ поступилъ на конфирмацію помощника командующаго войсками петербургскаго военного округа. Помощникъ командующаго нашель возможнымъ смягчить этотъ приговоръ. Третьякову смертная казнь замѣнена пожизненной каторгой, Семеновъ—20-лѣтней, Жохову, Калмыкову и Кубицкому—16-лѣтней каторгой, а Бурову 20-лѣтняя каторга—16-лѣтней.

32) Въ Варшавѣ, 21 апрѣля. Военно-окружной судъ приговорилъ четырехъ крестьянъ къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ за вооруженное нападеніе на гминное управленіе и похищеніе изъ кассы 3,000 рублей.

33) Въ Вильнѣ, 21 апрѣля. Судебная палата съ сословными представителями приговорила ювелирнаго ученика Азгуда, 17 лѣтъ, за распространеніе прокламацій къ ниспроверженію существующаго строя съ призывомъ къ заключенію въ крѣпости на 8 мѣсяцевъ, засчитавъ ему два мѣсяца предварительнаго заключенія.

34) Въ Елисаветградѣ, 21 апрѣля. Временный одесскій военно-окружный судъ, рассмотрѣлъ при закрытыхъ дверяхъ дѣло объ унтеръ-офицерахъ 136 пѣхотнаго Таганрогскаго полка—Смоленскомъ, Недодаевѣ и Балуковѣ, обвинявшихся по 110 и 112 статьямъ 22 книги свода военныхъ постановленій, изд. 1869 г., въ устройствѣ солдатскихъ митинговъ и составленіи прокламацій, призывавшихъ къ неповиновенію начальству. Смоленскій и Недодаевъ приговорены къ безсрочной каторгѣ, Балуковъ оправданъ. Дѣло слушалось безъ защиты. Въ допущеніи гражданской защиты судъ отказалъ, а военнаго защитника по распоряженію суда не было.

35) Въ Харьковѣ, 22 апрѣля. Судебная палата оправдала пятнадцати-

лѣтнаго реалиста Скрипченко, убившаго пристава Колтуновскаго, и отдала его на попеченіе родителямъ. Защитнику Тауберу устроена овація. Общество съ облегченіемъ встрѣтило приговоръ.

22 апрѣля въ главномъ военномъ судѣ слушалось дѣло по кассационной жалобѣ мѣщ. Товія Гурштейна, 27 л., *приговореннаго* на основаніи военнаго положенія и 279 ст. XXII кн. св. воен. пост. одесскимъ военнымъ судомъ къ смертной казни *черезъ повѣшаніе* за то, что Гурштейнъ, въ обществѣ съ другими лицами, напалъ на магазинъ Трояна, помѣщающійся въ г. Одессѣ, по Базарной ул., и, угрожая револьверомъ, силою отнять изъ рукъ хозяина магазина кассу съ 70 руб.

Главнымъ военнымъ судомъ *кассационная жалоба оставлена безъ послѣдствій*.

37) Въ Вильнѣ, 23 апрѣля, судебная палата приговорила крестьянина Бѣланскаго за храненіе прокламацій, найденныхъ у него, къ заключенію въ крѣпости на 6 мѣсяцевъ.

38) Въ Петербургѣ, 21 апрѣля, особымъ присутствіемъ судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей разбиралось дѣло объ убійствѣ въ Колпинѣ агента охраннаго отдѣленія Павлова. Приговоромъ особаго присутствія Рута, Рейзмеръ, Яковлевъ и Кайскъ признаны виновными по 13, 1453 и 3 п. 1454 ст., т. е. въ предумышленномъ убійствѣ должностнаго лица во время исполненія имъ служебныхъ обязанностей, и приговорены къ каторжнымъ работамъ—Рута на 10 лѣтъ, трое остальныхъ на 9 л. 8 мѣсяцевъ.

Метсъ признанъ по суду оправданнымъ.

39) Тамъ-же. Въ особомъ присутствіи суд. палаты слушались нѣсколько политическихъ дѣлъ—крестьянина Ив. Крамилина, обвинявшагося въ распространеніи среди солдатъ лейб.-гвардіи преображенскаго полка сужденій, возбуждающихъ къ неповиновенію и нарушенію воинской дисциплины и оскорбленію Величества, рабочаго александровскаго механическаго завода Шустова, за раздачу прокламацій на улицѣ 15 декабря прошлаго года, и рабочаго Маркинга, за возбужденіе воинскихъ чиновъ къ неповиновенію начальству, выразившееся въ разговорѣ съ солдатомъ лейб-гвардіи конногвардейскаго полка о стрѣльбѣ въ безоружныхъ.

Палата всѣхъ подсудимыхъ признала виновными и приговорила Крамилина и Шустова на 5 и на 6 мѣсяцевъ въ крѣпость, и Маркинга къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы.

40) Въ Елисаветградѣ, 24 апрѣля, военный судъ по дѣлу о желѣзнодорожникахъ на станціи Знаменка отвергъ военное положеніе и насильственное дѣйствіе. Шестеро оправданы, одинъ приговоренъ въ арестантскія отдѣленія на два года; двое въ тюрьму на 2 г. 6 мѣс.

41) Въ Варшавѣ, 24 апрѣля *приведенъ въ исполненіе приговоръ* военнаго суда о *повышеніи* Павла Ментрана за вооруженное сопротивленіе полиціи и покушеніе на убійство земскихъ стражниковъ.

42) Въ Ревелѣ, 24 апрѣля, по приговору военнаго суда *разстрѣляны* Ганстбелехтъ, обвинявшійся въ разгромѣ имѣнія и убійствѣ помѣщика Баронова.

43) Въ Вильнѣ, 24 апрѣля, судебная палата приговорила мѣщанина

Екнапа за распространіе прокламацій противоправительственнаго содержанія къ восьмимѣсячному заключенію въ крѣпости.

44) Въ Одессѣ, 24 апрѣля, военный судъ приговорилъ къ заключенію въ крѣпости на два мѣсяца съ лишеніемъ правъ завѣдующаго комендантскимъ отдѣломъ севастопольской крѣпости капитана Олонгрена, виновнаго въ бездѣйствіи власти, послѣдствіемъ чего явился побѣгъ важнаго государственнаго преступника, студента новороссійскаго университета Фельдмана, одного изъ главныхъ дѣятелей бунта на броненосцѣ „Потемкинъ“.

45) Въ Минскѣ, 24 апрѣля, судебная палата приговорила мѣщанина Берку Кагана за храненіе литературы Бунда и большого количества типографскаго шрифта къ восьми-мѣсячному заключенію въ крѣпости.

46) Въ Петербургѣ, въ особомъ присутствіи суд. палаты слушались дѣла: 1) кр. В. Хрусталева по обвиненію въ оскорбленіи Величества и распространеніи противоправительственной литературы и 2) кр. Г. Евсѣва по обвиненію въ агитации среди войскъ. Палата приговорила Хрусталева къ заключенію въ крѣпость на 8 мѣс. а Евсѣва на 3 м. обоеихъ—съ зачетомъ предвар. заключенія.

47) Въ Кронштадтѣ, 25 апрѣля. Приказомъ главнаго командира балтійскаго флота объявлено, что Государь Императоръ, по Всеподданнѣйшему докладу морского министра и ходатайству вице-адмирала Никопова, Высочайше повелѣтъ соизволить 17-го апрѣля, нижнимъ чинамъ, присужденнымъ военноморскимъ судомъ Кронштадтскаго порта за участіе въ беспорядкахъ 26 и 27 октября 1905 года къ ссылкѣ въ каторжныя работы и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія, сократить сроки наказаній на половину, а матросу Буловскому — безсрочную каторгу замѣнить срочной на 25 лѣтъ.

48) Въ Одессѣ, 26 апрѣля. Крестьянинъ Рымша, 23 лѣтъ, за нападеніе 16 марта на еврейскую лавку, гдѣ, подъ угрозой смерти, забралъ восемь рублей, *приговоренъ* военнымъ судомъ къ *смертной казни черезъ повѣшеніе*. Постановлено ходатайствовать о смягченіи наказанія.

49) Въ Вильнѣ, 26 апрѣля. Военноокружной судъ приговорилъ рядового Анардовича за возбужденіе воинскихъ чиновъ къ нарушенію обязанностей по службѣ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ одну изъ отдаленнѣйшихъ губерній.

50) Въ Вильнѣ, 28 апрѣля. Военноокружной судъ приговорилъ фельдшера виленскаго военноокружнаго медицинскаго управленія Егорова за подстрекательство фельдшерскихъ учениковъ военнаго госпиталя къ отказу отъ своихъ фельдшерскихъ обязанностей и къ недопущенію госпитальныхъ врачей къ работѣ, — къ сдачѣ въ дисциплинарный батальонъ на одинъ годъ и три мѣсяца. Четверо фельдшеровъ, обвинявшихся въ соучастіи, за недоказанностью преступленія оправданы судомъ.

51) Въ Москвѣ, 28 апрѣля. Закончилось дѣло о возстаніи въ ростовскомъ гренадерскомъ полку. Военный судъ приговорилъ фельдфебеля Гадуна, вольноопредѣляющагося Ульянинскаго, писаря Агафонова и солдата Снѣгудекаго къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ. Затѣмъ приговорены одинъ нижній чинъ къ каторгѣ на 15 лѣтъ, два на 10 лѣтъ и два на 4 года; трое приговорены въ исправительныя арестантскія отдѣ-

ленія на 3 года 6 мѣсяцевъ, 1 въ дисциплинарный батальонъ на 3 года, 6 въ тотъ же батальонъ на 2 года 6 мѣсяцевъ, 4 въ военную тюрьму на одинъ мѣсяцъ, 3 въ военную тюрьму на 2 мѣсяца, 2 къ аресту на 20 сутокъ, 8 оправданы.

52) Въ Москвѣ въ судебной палатѣ слушалось дѣло бывшего студента московскаго техническаго училища Якова Голицына, обвинявшагося въ произнесеніи рѣчи, направленной къ ниспроверженію существующаго общественнаго строя, устройству всеобщей политической забастовки и вооруженнаго возстанія, причемъ въ рѣчи былъ включенъ призывъ не останавливаться предъ возможностью человѣческихъ жертвъ. Признанный палатою виновнымъ Голицынъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 9 мѣсяцевъ.

53) Тамъ же, 29 апрѣля. Послѣ 12-дневнаго разбирательства, въ военномъ окружномъ судѣ окончилось слушаніемъ дѣло о бунтѣ нижнихъ чиновъ 2-го гренадерскаго ростовскаго полка. Приговоромъ суда изъ 36 обвиняемыхъ восемь оправданы. 28 человѣкъ обвинены — кто въ явномъ возстаніи, кто въ сопротивленіи начальству, кто — въ неисполненіи долга службы и соотвѣтственно степени виновности приговорены: четверо — къ безсрочной каторгѣ, двое — къ 15-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ, двое — къ 4 годамъ исправительнаго арестантскаго отдѣленія, нѣсколько человѣкъ — къ отдачѣ въ дисциплинарный батальонъ и заключенію въ тюрьму на сроки отъ 2 до 4 мѣсяцевъ и нѣсколько человѣкъ — простому аресту въ дисциплинарномъ порядкѣ на 20 сутокъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что изъ 28 осужденныхъ — семнадцать вольноопредѣляющихся.

54) Въ Екатеринославѣ, 29 апрѣля судебная палата приговорила Бѣляева за содержаніе на Дачной улицѣ тайной типографіи и сопротивленіе при арестѣ и проживаніе по фальшивому паспорту къ каторжнымъ работамъ на 4 года.

55) Въ Екатеринославѣ, 29 апрѣля. Слушалось дѣло о безпорядкахъ въ Весело-Ивановскомъ рудникѣ, верхнедѣпровскаго уѣзда. Палата оправдала 4 рабочихъ; трое приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ отъ 2 до 8 мѣсяцевъ.

56) Въ Ревелѣ. Смертный приговоръ военно-полевого суда надъ известными эстскими общественными дѣятелями, адвокатами Темантомъ и Пятсомъ, какъ сообщаютъ ревельскія газеты, отмѣненъ, и дѣло ихъ снова будетъ разсматриваться въ военномъ или же окружномъ судѣ.

57) Въ Елисаветградѣ военно-окружнымъ судомъ рассмотрено *дѣло трехъ нижнихъ чиновъ* 136 таганрогскаго полка: Мартиніана Смоленскаго, Александра Балукова и Гавріила Недодаева, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи. Александръ Балукъ по недостаточности уликъ признанъ по суду оправданнымъ, Смоленскій и Недодаевъ приговорены къ безсрочной каторгѣ.

58) Въ Читѣ временнымъ военнымъ судомъ при отрядѣ ген. Ренненкампа 10 марта разбиралось дѣло о насильственномъ освобожденіи изъ Акатуйской тюрьмы матросовъ съ транспорта „Прутъ“; *приговорены къ смертной казни 26 забайкальскихъ казаковъ, писарей войскового хозяйственнаго управленія и только что амнистированный въ октябрѣ 1905 г. Викторъ Курнатовскій. Въ срединѣ апрѣля смертная казнь по*

Высочайшему повелѣнію *замѣнены* всеѣмъ осужденнымъ каторгой на разные сроки.

59) Въ Варшавѣ. Часовыми слѣдственной тюрьмы былъ данъ залпъ по группѣ заключенныхъ, расстрѣлявшихъ изъ оконъ камеръ революціонныя пѣсни. Одинъ тяжело раненъ.

60) Въ Одессѣ офицеромъ Тарасовымъ былъ данъ *приказъ* патрулю *стрѣлять* въ политическихъ заключенныхъ, стоявшихъ у окна камеръ. Убитъ заключенный Беккеръ, *тяжело раненъ* Лобанецъ; спустя 2 недѣли онъ умеръ.

О дѣятельности карательныхъ отрядовъ на Кавказѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ находимъ въ апрѣльскихъ газетахъ слѣдующія сообщенія.

61) Въ селѣ Чокнари, кут. у. Доносчики довели до свѣдѣнія казачьяго офицера Ларіонова, что у рѣки Чишура сосредоточилась красная сотня. Ларіоновъ въ сопровожденіи 100 казаковъ отправился къ этому мѣсту. Въ духанѣ Ларіоновъ засталъ 11 лицъ, у которыхъ не оказалось никакого оружія. Ихъ всѣтаки арестовали и забрали. Когда все подѣхали къ р. Цкаль-Цители, казаки рѣшили *отрубить арестованнымъ головы, что и привели въ исполненіе* по отношенію пяти, а остальные шесть успѣли бѣжать.

62) Въ Прибалтійскомъ краѣ, мѣстный экзекуціонный отрядъ въ Смилтенѣ 13 апрѣля *застрѣлилъ* адзельскаго усадьбовладѣльца Палкавѣка, сынъ котораго содержится подѣ арестомъ.

63) Въ Гальсинѣ, 14 апрѣля драгунами *застрѣлены* два революціонера. Одинъ изъ нихъ пытался бѣжать, но безуспѣшно. Имена застрѣленныхъ—Никитилъ и Карклинъ; первый изъ нихъ былъ городовымъ въ Туккумѣ.

64) Въ ночь на 23 апрѣля отрядъ драгунъ долженъ былъ произвести обыскъ въ одной изъ усадебъ, расположенной въ 18 верстахъ отъ Туккума. Когда усадьба была окружена драгунами, то въ послѣднихъ были произведены выстрѣлы, при чемъ былъ раненъ въ лицо навывлетъ одинъ драгунъ. Усадьба была сожжена, владѣлецъ *разстрѣлянъ*.

65) Въ Огерѣ были *разстрѣляны* крестьяне Венгре и Руде, обвиняемые въ неоднократныхъ вымогательствахъ и грабежахъ.

66) Изъ Маріенбурга, 16 апрѣля ушелъ отрядъ уланъ изъ числа командуемыхъ ген. Орловымъ. Передъ уходомъ, 14 апрѣля, *надѣ тремя политическими* былъ *приведенъ въ исполненіе приговоръ о смертной казни*. По уходѣ уланъ, сюда прибыли казаки.

67) 18 апрѣля въ Эссенгофѣ былъ *застрѣленъ* принадлежавшій къ ференской волости Энинъ, обвинявшійся въ поджогахъ.

68) Въ Кокенгаузенѣ (Пр. Кр.), какъ сообщаютъ „Balss“, экзекуціоннымъ отрядомъ *разстрѣляны лысничій имѣнія Шмидтъ съ сыномъ*. Наказаніе постигло Шмидтовъ за то, что они давали пріютъ революціонерамъ.

69) Въ Экенграфѣ. Начальнику мѣстнаго карательнаго отряда было сообщено, что у братьевъ М. находится значительный запасъ оружія. У М. былъ произведенъ обыскъ, при которомъ найдены ружье и револьверъ. Они, а также и отецъ ихъ, были арестованы и отвезены въ имѣніе Экенграфъ, гдѣ ихъ наказали плетью. Отца послѣ этого отпустили, а сыновей задержали. На другой день ихъ отвезли на разстояніе трехъ

верстѣ отъ имѣнія и издалека произвели въ нихъ нѣсколько выстрѣловъ. Несмотря на то, что братья М. были ранены восемью пулями, они остались живы и въ настоящее время находятся въ Ригѣ въ больницѣ.

70) По приказанію ген. Меллеръ-Закомельскаго въ янв. с. г. за непочтительныя выраженія по адресу офицеровъ его отряда на ст. Тайшетѣ былъ арестованъ священникъ о. Иванъ, законоучитель желѣзнодорожной школы. Изъ Тайшета отрядъ поѣхалъ на ст. Нижнеудинскъ, гдѣ о. Иванъ былъ повѣшенъ на саафорѣ.

Въ теченіе апрѣля находимъ въ газетахъ слѣдующія сообщенія о преслѣдованіяхъ печати и о приговорахъ по литературнымъ дѣламъ:

1) Въ Умани, изданіе газеты „Народная Польза“ приостановлено.

2) Въ Варшавѣ, по распоряженію военнаго генералъ-губернатора конфискованъ третій номеръ юмористическаго журнала „Веселое Эхо“.

3) Въ Полтавѣ, конфискованъ номеръ социаль-демократической газеты „Колоколь“.

4) Въ Петербургѣ, опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 29 марта, приостановлено изданія журнала „Вольница“.

5) 31 марта по улицамъ Петербурга полиціей конфисковалась газета „Корреспондентъ“. 1 апрѣля газета совсѣмъ не вышла.

6) Въ Полтавѣ 4 апрѣля, конфискованъ номеръ народной газеты „Полтавскіе Думки“. Редакторъ Екатерина Гулькевичъ за статью объ окончаніи выкупной операціи и критику манифеста 3 ноября привлекается къ суду по 129 статьѣ.

7) Въ Петербургѣ, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ редакторовъ газетъ 1) „Двадцатый Вѣкъ“ г. Долгово по 6 ст. VIII отд. врем. прав. о печати за напечатаніе въ № 10 газеты статьи: „Когда же конецъ?“. 2) „Наша Жизнь“ г. Водовозова по 2 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 412 статьи „Къ сѣзду социаль-демократической партіи. Проектъ аграрныхъ реформъ“ и 3) „Современная Жизнь“ г-на Сойкина по 6 ст. VIII отд. врем. пр. о печати за напечатаніе въ № 69 статьи „Массовка“.

8) Въ Елизаветградѣ 5 апрѣля, генералъ-губернаторъ приостановилъ органъ конституціонно-демократической партіи „Новороссійскій Курьеръ“ за вредное направленіе на все время военнаго положенія.

9) Въ Керчи, распоряженіемъ прокурора окружнаго суда приостановлено изданіе газеты „Южный Вѣстникъ“.

10) Въ Петербургѣ, главное управленіе по дѣламъ печати возбудило ходатайство предъ судебной властью о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ: 1) газеты „Двадцатый Вѣкъ“ г. Долгова по п. 8. ст. 5 отд. VIII врем. прав. о повр. изд. за напечатаніе въ № 6 газеты статьи „Вопіющіе факты“; № 2) газеты „Наша Жизнь“ г. Водовозова—по 1 п. 129 ст. уг. улож., по 1040 ст. улож. о наказ., за напечатаніе въ №№ 404 и 411 газеты „Письма въ редакцію“ Александра Микеладзе и статьи „Судьи неправедные“ и 3) газеты „Корреспондентъ“ г. Калганова—по 1 и 2 п. 129 ст. угол. улож., за напечатаніе въ № 10 газеты статей „Извѣщеніе о партійномъ сѣздѣ“, „Къ предстоящему сѣзду р. с.-д. р. п.“ и „Революція и реформа“.

11) Тамъ же, за помѣщеніе въ № 3 журнала „Буреваль и № 2 жур-

нала „Анчаръ“ преступнаго содержанія рисунковъ, редакторы этихъ журналовъ гг. Турокъ и Смирновъ привлечены къ отвѣтственности: первый по 1040 ст. улож. о наказ. и второй по 6 ст. VIII отд. врем. прав. о повр. издан.

12) Въ Тифлисѣ, распоряженіемъ генераль-губернатора приостановлено изданіе газеты „Воля“, выходящей вмѣсто „Возрожденія“.

13) Въ Батумѣ, первый номеръ новой газеты „Гурія“ конфискованъ; редакторъ ея Давыдовъ (онъ же редакторъ „Черноморскаго Вѣстника“) арестованъ и высылается въ отдаленную губернію. Изданіе обѣихъ газетъ прервано.

14) Въ Тифлисѣ, распоряженіемъ генераль-губернатора закрыта армянская радикальная газета „Аршалуйсъ“ на время дѣйствія военнаго положенія.]

15) Въ Кіевѣ, Лашнюковъ, редакторъ христіанско-соціалистической газеты „Народъ“ привлекается къ отвѣтственности по 129 ст. за двѣ статьи, изъ коихъ одна „Кто убилъ Аврамова“, называетъ виновникомъ ужасающія правительственныя репрессіи. Кромѣ того за номеръ отъ 4 апр. Лашнюковъ привлекается по 103 статьѣ. Номеръ конфискованъ. Новиковъ, редакторъ газеты „Самодержавіе“ привлекается къ отвѣтственности по 1024 и 1040 ст.

16) Въ Варшавѣ, журналъ „Испожница Польска“ по распоряженію начальника края закрыть на время военнаго положенія. Конфискованъ первый номеръ газеты „Квяты Польскіе“.

17) Въ Петербургѣ, редакторъ газеты „Современная Жизнь“, г. Соинъ, привлекается къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 64 стихотворенія: „Не отступай предъ злобой дикой“.

18) Тамъ же, первый выпускъ журнала „Освобожденная Мысль“, въ коемъ напечатаны „Рѣчи бунтовщика“ П. А. Кропоткина, распоряженіемъ судебной власти изъяты изъ обращенія къ публикѣ, а редакторъ-издатель журнала, Валерій Бродскій, привлекается къ отвѣтственности по 1 и 2 п.п. 129 ст. угол. улож.

19) Во Владивостокѣ, 10 апрѣля прокурорскимъ надзоромъ, съ утвержденія временнаго генераль-губернатора Владивостока, преданы *военному суду*—бывшій поручикъ Перлашкевичъ и редакторъ газеты „Владивостокскій Листокъ“, по обвиненію въ умышленномъ искаженіи истины въ печати въ статьѣ о присягѣ, о смыслѣ и значеніи манифеста 17 октября, а также призывѣ населенія и войскъ къ неисполненію законовъ, противодѣйствию созыву государственной думы и переходу на сторону мятежныхъ партій.

20) Въ Варшавѣ, 10 апрѣля, редакторы журналовъ „Вендровецъ“ „Шутекъ“, „Веселе Эхо“ и „Квяты Польскіе“ привлечены къ отвѣтственности, журналы закрыты.

21) Въ Харьковѣ, 11 апрѣля въ судеб. палатѣ слушалось заочно литературное дѣло профессора Гредескула. Прокуроръ отказался отъ обвиненія по 279 и 281 статьямъ улож. Гредескулъ приговоренъ къ пятнадцати рублямъ штрафа.

22) Въ Петербургѣ, 10 апрѣля въ особомъ присутствіи спб. судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло по

обвиненію редакторовъ - издателей сатирическаго журнала „Пламя“ г. Ключкова и г. Гессена по 106 и 128 ст. уг. ул. Поводомъ къ привлеченію гг. Ключкова и Гессена послужили статьи: „Какъ мѣняется стиль“; „Въ койкѣ“ и „вниманію участливыхъ людей“. Судебная палата приговорила гг. Ключкова и Гессена къ 2-хъ-недѣльному заключенію въ крѣпость, при чемъ постановила закрыть навсегда журналъ и запретить имъ быть редакторами-издателями въ теченіе 5 лѣтъ.

23) Въ Нижнемъ Новгородѣ 12 апрѣля. На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ приостановленъ „Нижегородскій Листокъ“.

24) Въ Петербургѣ, законченное слѣдственнымъ производствомъ дѣло по обвиненію редактора и сотрудниковъ журнала „Современныя Записки“ по 129 ст. угол. улож., возвращено прокурорскимъ надзоромъ судебному слѣдователю для дослѣдованія и привлеченія редактора этого журнала г. Анненскаго къ отвѣтственности и по 1036 ст. улож. о наказ., въ виду того, что „Современныя Записки“ представляютъ собою не что иное, какъ продолженіе запрещеннаго журнала „Русское Богатство“. Данными, подтверждающими послѣднее обстоятельство прокурорскимъ надзоромъ выставлено: тождество обложекъ и шрифта упомянутыхъ журналовъ, а также и то, что оба журнала печатались въ одной и той же типографіи и при одномъ и томъ же составѣ сотрудниковъ.

25) Въ Одессѣ 12 апрѣля, профессоръ новороссійскаго университета Лысенковъ обвинялся въ распространеніи въ редактируемомъ имъ журналѣ „Свободная школа“ статей, возбуждающихъ къ бунтовщическому дѣйствию. Военный судъ приговорилъ его къ заключенію въ крѣпости на двѣ недѣли, безъ ограниченія правъ.

26) Въ Курскѣ 14 апрѣля, распоряженіемъ прокурора временно приостановленъ выходъ газеты „Курское Эхо“.

27) Въ Полтавѣ, противъ мѣстныхъ органовъ печати „Полтавщины“, „Колокола“, „Полтавскаго Дѣла“ и „Полтавскихъ Думокъ“ возбужденъ новый рядъ дѣлъ о нарушеніяхъ временныхъ правилъ о печати, а относительно „Думокъ“ и „Колокола“ еще особо по ст. 129 ул. о нак.

28) Въ Самарѣ, конфискованъ нумеръ „Самарскаго Курьера“.

29) Въ Нижнемъ Новгородѣ, по распоряженію губернатора конфискованъ первый номеръ газеты „Судоходецъ“.

30) Въ Тифлисѣ, распоряженіемъ тифлискаго генераль-губернатора приостановлена газета „На поворотѣ“. Часть отпечатанныхъ номеровъ ночью конфискована. Редакторъ Мдивани долженъ въ семидневный срокъ покинуть предѣлы генераль-губернаторства.

31) Въ Петербургѣ, 15 апрѣля въ I отдѣленіи с.-петербургскаго окружнаго суда, согласно новому закону о преступленіяхъ печати, безъ участія присяжныхъ засѣдателей слушалось дѣло редактора издателя ежедневной газеты „Современная Жизнь“, обвинявшагося по 6 ст. VIII отдѣла временныхъ правилъ о печати. Окружный судъ отвергъ обвиненіе по 6 ст., а призналъ Сойкина виновнымъ по 7 п. 8 ст. VIII отд. врем. прав., т. е. въ напечатаніи по неосмотрительности, и приговорилъ къ штрафу въ 100 руб.

32) Въ Вильнѣ, 13 апрѣля, освобожденному 11 числа послѣ трехмѣсячнаго заключенія редактору-издателю „Сѣверо-Западнаго Голоса“.

Радину, воспрещено пребываніе въ мѣстахъ сѣверо-западнаго края, находящихся на положеніи усиленной охраны.

33) Въ Петербургѣ опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 13 истекшаго апрѣля, изданіе журнала „Вѣсть“ приостановлено. Къ редактору А. Б. Петрищеву предъявлено обвиненіе по 12 и 5 пп. 129 ст. улож. за напечатаніе въ № 1 журнала статей: „Крестьяне-крамольники“, „Севастополь“ и „Праздничный Вечеръ“.

34) Тамъ же. Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлечены къ отвѣтственности редакторъ журнала „Земля и Трудъ“ г. Ивановъ по 181 ст. улож. о нак. за напечатаніе въ № 2 журнала статьи „Что такое религія и въ чемъ сущность ея“ и журнала „Зеркало Россіи“ г. Эльсернъ по 1 и 5 пп. 129 ст. угод. улож. за напечатаніе въ № 1 стихотворенія „Красное Знамя“ и статьи „Офицеръ и толпа“.

35) Уголовныя преслѣдованія возбуждены противъ редакторовъ слѣдующихъ провинціальныхъ газетъ: „Костромская Рѣчь“ (въ Костромѣ), по п. 3 ст. 129 уг. ул.; „Смоленскій Вѣстникъ“ (въ Смоленскѣ), по п. 1 129 угод. улож., „Южный Край“ (въ Харьковѣ), по ст. 128 и п. 3 ст. 129 угод. улож. и пп. в. и г. ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Наканунъ“ (въ Харьковѣ), по пп. 1—4 и 2 ст. 129 угод. улож. и пп. в. и г. ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Харьковская Жизнь“, по пп. 1—4 ст. 129 угод. улож. и пп. в. и г. ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Заря“ (въ Екатеринодарѣ), по п. 6 ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Жизнь Крыма“ (въ Симферополѣ), по п. в. ст. 5 отд. VIII того же закона, „Новый Крымъ“ (тамъ же) по пп. 1 и 2 ст. 129 улож.; „Głos Kijowski“ (въ Кіевѣ), по п. в. ст. 5. от. VIII зак. 24 ноября 1905 г.

36) Въ Ярославлѣ, губернаторскій чиновникъ Голицынъ велѣлъ убрать въ газетныхъ и книжныхъ кіоскахъ портреты общественныхъ дѣятелей: Шаховскаго, Петрункевича, Долгорукова, Родичева и другихъ. Онъ заявилъ, что у него теперь власти въ два раза больше, и онъ все можетъ сдѣлать съ книжными торговцами.

37) Въ Читѣ, 18 апрѣля, подѣлу газеты „Забайкалье“ по обвиненію по статьѣ 129 улож. о каз. привлечены: редакторъ, секретарь Михайловъ, сотрудникъ Балакинъ.

38) Въ Петербургѣ, въ типографію Гольдберга, помѣщающуюся на Лиговской улицѣ, явились чины участковой полиціи и произвели обыскъ. Конфисковано незначительное количество номеровъ только что отпечатаннаго перваго номера журнала „Зеркало Россіи“.

39) Въ Либавѣ, 19 апрѣля, запрещена мѣстная новая латышская газета „Тагадне“.

40) Въ Харбинѣ, 19 апрѣля, газета „Молодая Россія“ приостановлена.

41) Въ Петербургѣ, 19 апрѣля, въ особомъ присутствіи судебной палаты, безъ участія сословныхъ представителей слушалось дѣло по обвиненію редактора-издателя журнала „Митингъ“ А. И. Волькенау въ томъ, что онъ въ № 4, редактируемаго имъ журнала помѣстилъ статью подъ заглавіемъ „Замѣтки, наблюденія и шутки перомъ“, заключающую въ себѣ дерзостное неуваженіе къ верховной власти.

А. И. Волькенау признанъ виновнымъ и приговоренъ къ двухнедѣльному заключенію въ крѣпость съ лишеніемъ права редактиро-

вать въ теченіе 5 лѣтъ періодическія изданія. Журналъ „Митингъ“ палата постановила закрыть навсегда.

42) Въ Москвѣ, въ судебной палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, слушалось дѣло по обвиненію редактора сатирическаго журнала „Жало“ пом. прис. повѣреннаго Власова, обвинявшагося въ дерзновенномъ неуваженіи верховной власти, допущеніи явнаго глумленія надъ императорскими регаліями и манифестами, отъ высочайшаго имени исходящими, выразившихся въ рядѣ каррикатуръ и стихотвореній, помѣщенныхъ въ первомъ и единственномъ номерѣ этого журнала. Этотъ номеръ былъ конфискованъ въ количествѣ 17 тысячъ экземпляровъ, но большое количество номеровъ успѣло уже попасть въ продажу. Палата признала Власова виновнымъ и приговорила его къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ.

43) Въ Петербургѣ, по иниціативѣ цензурнаго комитета издат. брошюры „Настоящее политическое положеніе и виды будущаго“ сочиненіе Парвуса г. Рутенбергъ привлекается къ отвѣтственности по 129 ст. угод. улож.

44) Въ Москвѣ конфискованъ и отбирался у разносчиковъ номеръ газеты „Современникъ“ въ виду напечатанной резолюціи большевиковъ социаль-демократической партіи.

45) Въ Петербургѣ, за напечатаніе въ № 41 газеты „Рѣчь“ статьи „Торопитесь“ привлекаются къ отвѣтственности редакторъ газеты г. Бужанскій и авторъ статьи г. Беренштамъ.

46) Тамъ-же, по распоряженію цензурнаго комитета конфискована брошюра „19 февраля“. Къ автору брошюры г. Рязанову предъявляется обвиненіе по 1 п. 129 ст. уг. улож.

47) Уголовныя преслѣдованія возбуждены за послѣднее время противъ редакторовъ слѣдующихъ газетъ: „Крестьянская Газета“—по ст. 1036 улож. о нак. и пп. 1, 2 и 3 ст. 129 угод. улож.; „Вятская Жизнь“—по п. 2 и 3 ст. 129 угод. улож.; „Вечернее эхо“—попп. 1 и 2 ст. 129 угод. улож.; „Сибирскія Вѣсти“—по отд. X и ст. 7 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Самарскій Курьеръ“—по ст. 182 ул. о нак., ст. 5 разд. VIII зак. 24 ноября 1905 г. и п. 1 ст. 129 уг. улож.; „Оренбургскій Листокъ“—по ст. 274, 1035, 1037 ул. о нак. изд. 1885 г. и ст. 6 разд. VIII закона 24 ноября 1905 г.; „Оренбургскій Край“—по ст. 128 уг. улож. 1903 г. и пп. в. и г. ст. 5 разд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Листокъ Объявленій“ (приложеніе къ газетѣ „Оренбургскій Листокъ“) — по ст. 274 и 279 улож. о нак. изд. 1885 г.; „Голосъ Деревни“—по п. 2 ст. 129 угод. улож.; „Саратовскій Дневникъ“—по п. 2 ст. 129 уг. улож.; „Прикаспійская Газета“—по ст. 103 и 128 уг. улож.; „Чилимъ“—по ст. 103 и 128 уг. улож.; „Асхабадъ“—по ст. 5, лит. в, отд. VIII закона 24 ноября 1905 г.; „Зеравшанъ“—по пп. в. и г. ст. 5, отд. VIII закона 24 ноября 1905 г., пп. 1 и 2 ст. 129 уг. улож. и ст. 128 уг. улож.; „Пріамурье“—по ст. 107 уг. ул.; изд. 1903 г.; „Дальній Востокъ“—по ст. 1014, 1024 и 1029 угод. о нак. „Владивостокскій Листокъ“—по 2 ч. ст. 103 уг. улож. и ст. 1014, п. 3 ст. 1029, 1032, 1035 и 1036 того же улож. и лит. 6 п. 5 VIII отд. закона 24 ноября 1905 г.; „Листокъ Союза Союзовъ“—по ст. 1025, 1028, 133 и 280 улож. о нак. и пп. 1 и 2 ст. 129 угод. улож.; „Владивостокъ“—по ст. 280

и 1072 улож. о нак.: „Природа и люди Дальняго Востока“—по ст. 280 ул. о нак. ст. 133 уг. улож. и п. 5 лит. в. VIII отд. зак. 24 ноября 1905 г.; „Дальній Востокъ“—по ст. 1024 ул. о нак.: „Востокъ“—по 1024 ст. улож. о нак., ст. 73 уст. о ценз. и печ. и лит. в. п. 4 VIII ст. зак. 24 ноября 1905 г.; „Байкаль“ по ст. 128 и 129 угол. улож.; „Кавказскій Рабочій Листокъ“—по ст. 128 и пп. 2 и 3 ст. 129 уг. улож.; „Елизаветпольскій Вѣстникъ“—по ст. 14 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г., ст. 128 и пп. 1 и 2 ст. 129 уг. улож.; „Патара Газети“—по п. 2 и ст. 5 уг. улож.; „Новое Обзорѣніе“, „Возрожденіе“, „Тифлисскій Листокъ“, „Иверія“, „Цнобистъ Цурцели“—всѣ по ст. 1358^с ул. о нак.: „Схиви“—по п. 1 ст. 129 уг. улож., ст. 4 отд. VIII зак. 24 нояб. 1905 г. и ст. 1358^с улож. о нак.; „Минакъ“—по п. 2 ст. 129 уг. улож. и ст. 1358^с ул. о нак.; „Аршалуйезъ“—по п. 2 и 3 ст. 129 уг. улож. и 1358^с улож. о нак.; „Арачь“—по п. 2 ст. 129 угол. ул.; „Ашхатанкъ“—по ст. 1028 ул. о нак. и п. 2 ст. 129 уг. улож. и „Гантиада“—по п. 2 и 3 ст. 129 уг. улож.

48) Въ Петербургѣ, полиціей произведены обыски въ типографіяхъ Меркушева, Березина и въ типографіи глухонѣмыхъ. Арестованы только что отпечатанные номера журналовъ „Соціалстическай библіотека“ и „Вільна Украина“. Въ типографіи Березина произведена конфискація № 10 газеты „Корреспондентъ“.

49) По распоряженію администраціи въ Москвѣ изъята изъ продажи брошюра переводъ извѣстной статьи французскаго журнала „Revue“ о русскихъ финансахъ, почтавшей въ извлеченіяхъ во всѣхъ газетахъ и надѣлавшей много шума.

50) Въ Черниговѣ, мѣстный губернаторъ запретилъ играющей тамъ драматической группѣ постановку пьесы Чирикова „Евреи“ и всѣхъ пьесъ Горькаго. Губернской земской управѣ губернаторъ циркулярно предложилъ не допускать въ народныя бібліотеки такихъ газетъ, какъ „Русскія Вѣдомости“ и „Виржевыя Вѣдомости“ и замѣнять ихъ патриотическими газетами; въ противномъ случаѣ бібліотеки будутъ закрыты.

51) Въ Петербургѣ, главное управленіе по дѣламъ печати возбудило уголовное преслѣдованіе противъ редактора газеты „Наша Жизнь“ г. Водовозова по п. 1 129 ст. за напечатаніе въ № 414 статьи „Объ активномъ выступленіи“.

52) Тамъ-же, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлекается къ отвѣтственности по 6 ст. отд. VIII врем. прав. о печати редакторъ газеты „Страна“ за напечатаніе въ № 35 газеты „статьи противоправительственнаго характера“ и по п. „г“ статьи отд. VIII вр. пр. о печати редакторъ газеты „Рвчъ“ за напечатаніе въ № 28 „статьи преступнаго содержанія“.

53) Конфискованъ номеръ журнала „Голосъ Жизни“.

54) По предписанію администраціи, въ Москвѣ изъяты изъ продажи брошюры: „Эрфуртская программа“ Каутскаго, „Изъ исторіи революціонныхъ движеній“ Туна и „Современный социализмъ“ Энгелса. Издатель послѣдней брошюры Гранатъ и владѣлецъ типографіи, гдѣ она печаталась, привлекаются къ отвѣтственности по 129 статьѣ.

55) Въ Петербургѣ, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности редакто-

ровъ журналовъ: 1) „Отклики Современности“ г. Малышева по 6 ст. VIII отд. врем. прав. о повр. изд. за напечатаніе въ № 1 журнала статей „О казакахъ“. „Знаменіе времени“; 2) „Вѣсть“—г. Петрищева по 1, 2 и 5 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 5 статей „Крестьяне-крамольники“, „Севастополь“ и „Праздничный Вечеръ“ и 3) „Вильна-Украина“—г. Шабленко по 1 и 2 пп. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе цѣлаго ряда статей преступнаго характера.

56) Въ Тобольскѣ, редакторъ-издательница „Сибирскаго Листка“ М. Н. Костюрина привлечена къ судебной отвѣтственности за статью, помѣщенную въ одномъ изъ номеровъ „Сибирскаго Листка“ по 129 ст.

47) Въ Петербургѣ. По инициативѣ цензурнаго комитета возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ автора книги „Дневникъ карійца“ г. Стефановича по 128 ст. угол. улож. Книга эта конфискована.

48) Въ Москвѣ. Четвертая книжка журнала „Правда“ конфискована.

49) Въ Курскѣ. Редакторъ-издательница газеты „Курское Эхо“ г-жа Березовская, за напечатаніе въ газетѣ статьи „Акафистъ земскимъ начальникамъ“, приговорена къ шестидневному домашнему аресту.

50) Въ Екатеринодарѣ. Редакторъ еженедѣльной газеты „Земля и Народъ“ привлекается къ отвѣтственности.

51) Въ Костромѣ, предъявлены три обвинительные акта: бывшей редакторшѣ „Листка“ Андрониковой, редактору „Голоса“ Покровскому и „Рѣчи“ Кедрову; первымъ двумъ въ оскорбленіи барона Остенъ-Сакена, послѣднему въ помѣщеніи статьи, возбуждающей противъ полиціи и казаковъ.

52) Членъ сумскаго окружнаго суда Ф. Соллогубъ, согласно указу высшаго дисциплинарнаго присутствія правительствующаго сената, привлекается къ отвѣтственности по 2-му и 4-му пунктамъ 129 ст. уг. ул. за статью, напечатанную имъ въ газетѣ „Сумскій Голосъ“. Въ обвинительномъ актѣ Соллогубу, между прочимъ, ставится въ вину то, что въ февралѣ 1905 г. онъ отъ имени сумскаго литературнаго общества послалъ въ редакціи пріостановленныхъ газетъ „Наша Жизнь“ и „Наши Дни“ сообщеніе, съ выраженіемъ сочувствія и печали по поводу того, что двумя честными органами стало меньше.

Дѣло „Сумскаго Голоса“ слушалось 21 апрѣля въ харьков. суд. палатѣ. Всѣ оправданы, кромѣ Соллогуба, приговореннаго къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ.

53) Въ Петербургѣ, 22-го апрѣля у газетчиковъ и въ кіоскахъ отбирался полиціей № 1 еженедѣльнаго журнала „Народная жизнь“, издающагося и редактируемаго А. Е. Звенигородскимъ.

54) Тамъ же. Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, 20 апрѣля, возбуждены уголовныя преслѣдованія: 1) противъ редактора-издателя журнала „Народная Жизнь“ А. Е. Звенигородскаго за напечатаніе въ № 1 этого журнала статей подъ загл. „Народъ и Дума“ и „Что дѣлать съ землей?“, какъ заключающихъ въ себѣ признаки преступленій, предусмотрѣнныхъ относительно первой статьи п. 1 ст. 129 угол. улож. и относительно послѣдней—п. 2 той же статьи угол. улож.,—съ примѣненіемъ къ № 1 названнаго журнала п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года, и 2) противъ редактора-издателя журнала „Ясная Поляна“

петергофскаго мѣщанина Василія Алексѣевича Максимова, за напечатаніе въ № 2 этого журнала статьи подъ заглавіемъ „Къ политическимъ дѣятелямъ“, какъ заключающей въ себѣ признаки преступленія, предусмотрѣннаго п. 3 статьи 129 угол. улож.

1-й выпускъ „Ясной Поляны“—серіи сочиненій графа Л. Н. Толстого въ день выхода въ свѣтъ усердно конфисковался полиціей какъ у газетчиковъ, такъ и въ книжныхъ магазинахъ.

55) Въ типографію Шмидта, помѣщающуюся на Звенигородской улицѣ, 23 апрѣля явилась полиція и произвела тщательный обыскъ. Конфискованъ только что отпечатанный пятый № приложенія къ „Дневнику“, редактируемому и издаваемому г. Малыхъ.

56) С.-Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ возбуждены уголовныя преслѣдованія противъ Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина, редактировавшихъ брошюру подъ заглавіемъ „Проектъ основнаго закона о землѣ“, и „Что нужно крестьянамъ?“—изданіе Н. Ѳ. Новожилова (складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“, типографія С. М. Муллеръ)—по п. 2 ст. 129 угол. улож.

57) Московскимъ цензурнымъ комитетомъ возбуждены уголовныя преслѣдованія противъ редакторовъ газеты „Путь“—по п.п. 2 и 3 ст. 129 угол. улож. и п.п. в и г ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года; „Народное Дѣло“—по п.п. 1, 2 и 3 ст. 129 угол. улож. „Калужанинъ“—по п. в ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 года; „Мысль“—по п. 1 ст. 129 угол. улож.; и журнала „Семь дней“—по 3 п. ст. 129 угол. улож.

58) Въ Тифлисѣ. Редактору-издателю пріостановленной 22 апрѣля газеты „Весенній Потокъ“, Яшвили, генераль-губернаторомъ воспрещено жителство въ тифлисскомъ и борчалинскомъ уѣздахъ. Пріостановлена послѣ перваго же нумера газета „Обзоръ“, выходившая вмѣсто „Возрожденія“.

59) Въ Самарѣ. Самарскій окружный судъ разсматривалъ дѣло редактора-издателя „Самарской Газеты“ С. И. Костерина.

Г. Костерину между прочимъ была поставлена въ вину статья подъ заглавіемъ „1905 г.“. С. И. Костеринъ приговоренъ къ штрафу въ 50 руб.

60) Въ Екатеринославѣ, 22 апрѣля, ночью въ типографіи обѣихъ частныхъ газетъ нагрянула полиція, конфисковала всѣ номера. Причина—отчетъ о засѣданіи родительскаго совѣщанія педагогическаго комитета коммерческаго училища о ненормальныхъ условіяхъ, въ которыя училище постановлено военнымъ положеніемъ, о возмутительныхъ арестахъ директора Синявскаго и преподавателя Моргунова, объ обыскахъ среди учащихся.

61) Въ Тифлисѣ, 22 апрѣля. Постановленіемъ тифлискаго генераль-губернатора изданіе газеты „Кавказскія Вѣсти“ пріостановлено на одну недѣлю, за напечатаніе не соотвѣтствующей истинѣ замѣтки о правительственныхъ распоряженіяхъ.

62) Дѣло редактора и издателя газеты „Верхнеудинскій Листокъ“ І. Сипайло и Рейфовича находящихся въ тюрьмѣ по порученію прокурора палаты передано военному прокурору при карательномъ отрядѣ ген. Ренненкампа.

63) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати 22 апрѣля возбуждены уголовныя преслѣдованія: 1) противъ издательницы-редактора журнала „Дневникъ“ Маріи Александровны Малыхъ, за напечатаніе въ приложеніи къ „Дневнику“ № 5 статьи подъ заглавіемъ „Г. К. Плехановъ о задачахъ социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“, какъ заключающей въ себѣ признаки преступленія, предусмотрѣннаго ст. 128 угол. улож., съ примѣненіемъ къ „Приложенію“ названнаго журнала п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года, 2) противъ редактора-издателя журнала „Всемирный Вѣстникъ“ надворнаго совѣтника Сергѣя Сергѣевича Сухонина, за напечатаніе въ № 1 означеннаго журнала статей графа Л. Н. Толстого подъ заглавіемъ „Къ политическимъ дѣятелямъ“ и „Единственное средство“, какъ заключающихъ въ себѣ признаки преступленія предусмотрѣннаго п. 3 ст. 128 угол. улож. и 3) по 129 ст. угол. улож. противъ редакторовъ журналовъ „Вѣстникъ Рабочаго“ г-жи Шуръ-Смѣсовой за напечатаніе въ № 1 журнала статей: „Армія и бюрократія“ и „Революція и реакція“.

64) Въ Петербургѣ, 25 апрѣля. Въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію редактора-издателя газ. „Рабочая жизнь“ Андреева по 129 ст. уг. ул. Палата приговорила г. Андреева къ 2-хъ мѣсячному заключенію въ крѣпость.

65) Въ Ярославлѣ, 27 апрѣля. Въ 2 часа ночи въ типографію, гдѣ печаталась „Сѣверная Мысль“ явилась полиція и объявила постановленіе окружного суда о пріостановкѣ изданія газеты.

66) Въ Читѣ, 26 апрѣля. Редакторъ А. Г. Солдатовъ газеты „Забайкалье“ оправданъ. Секретарь Адріанъ Михайловъ и сотрудникъ Балакинъ осуждены, первый—на годъ, второй—на 8 мѣсяцевъ крѣпости.

67) Въ Гельсингфорсѣ, 27 апрѣля. Главное управленіе по дѣламъ печати рѣшило возбудить законное преслѣдованіе противъ вышедшаго пробнаго номера газеты „Viesti“.

68) Въ Одессѣ, 25 апрѣля. Генераль-губернаторомъ пріостановлена на двѣ недѣли газета „Южное Обозрѣніе“.

69) Въ Петербургѣ. По инициативѣ цензурнаго комитета возбуждено уголовное преслѣдованіе по 5 п. 129 ст. угол. улож. противъ автора брошюры „Постоянное войско и милиція“ Э. Пименовой.

70) Въ Москвѣ. По распоряженію администраціи, сегодня конфискованъ № 42 газеты „Путь“, въ котомъ были помѣщены фотографіи, изображающія жизнь Спиридоновой въ тюрьмѣ, которыя удалось сдѣлать одному американскому фотографу.

71) Тамъ же. Сборникъ противъ смертной казни (подъ редакціей прив.-доц. М. Н. Гернета, О. Б. Гольдовскаго и И. Н. Сахарова) задержанъ цензурой. Одновременно цензурный комитетъ началъ судебное преслѣдованіе по 129 ст. угол. улож. противъ редакторовъ и авторовъ нѣкоторыхъ статей, основанное на ст. 147 ценз. устава. Особенное вниманіе цензуры привлекли статьи: Владимірова, Кузьмина-Караваева, Н. Бердяева, Булгакова и Гольдовскаго, а изъ беллетристическаго отдѣла—В. Немировича-Данченко и Р. М. Хинъ.

2) Въ Варшавѣ, 26 апрѣля военно-окружной судъ приговорилъ редактора прекратившагося „Курьера Пораннаго“ къ мѣсячному аресту

за помѣщеніе въ газетѣ взятой изъ русскихъ газетъ замѣтки о броженіи въ войскахъ варшавскаго гарнизона.

73) Въ Петербургѣ, 28 апрѣля. Въ сенатѣ слушалось дѣло по кассационной жалобѣ редактора сатирическаго журнала „Стрѣлы“, г. Кнорозовскаго, на приговоръ спб. судебной палаты, коимъ онъ былъ присужденъ къ 2-хъ-мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ. Сенатъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій.

74) Тамъ же. Въ правительствующемъ сенатѣ 28 апрѣля слушалось дѣло по кассационной жалобѣ редактора газ. „Начало“ д-ра Герценштейна на приговоръ спб. судебной палаты, коимъ онъ за рядъ статей, напечатанныхъ въ упомянутой газетѣ, былъ присужденъ на годъ въ крѣпость. Сенатъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій.

75) Въ Москвѣ конфискованъ и арестованъ къ выпуску первый номеръ „Крестянской Газеты“.

76) Въ Киевѣ распоряженіемъ начальника края конфискованъ и запрещенъ къ продажѣ въ Киевѣ и киевск. уѣздѣ еврейскій юморист. журналъ „Деръ Шейгецъ“, въ рисункахъ и статьяхъ котораго высмѣивались бюрократія и министры.

78) Въ Петербургѣ конфискованъ № 2 „Приказчика“ № 5 „Печатнаго Вѣстника“, оба органа профессион. раб. прессы.

79) Тамъ же главное управленіе по дѣламъ печати возбудило ходатайство о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности редактора журнала „Соціалистическая бібліотека“ Хновенко по 128 и 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 3 журнала статьи „Предисловіе“. Номеръ журнала конфискованъ.

80) Въ Тифлисѣ, 15 апрѣля. Генераль-маіоръ Тимофѣевъ издалъ слѣдующій приказъ: „Предлагаю редакторамъ тифлискихъ газетъ прекратить печатаніе въ редактируемыхъ ими изданіяхъ и перепечатываніе изъ иногороднихъ газетъ всего, что касается распоряженій военнo-начальствующихъ, въ особенности секретныхъ приказовъ по военному вѣдомству и главному штабу. Независимо сего, я запрещаю совершенно помѣщеніе извѣстій о дѣйствіяхъ какъ различныхъ войсковыхъ отрядовъ, карательныхъ и иныхъ, такъ и о дѣйствіяхъ административныхъ лицъ, пока извѣстія не появятся въ официальныхъ органахъ. Виновыя редакціи будутъ немедленно закрываться, а редакторы высылаться изъ предѣловъ генераль-губернаторства“. Этимъ приказомъ мѣстныя газеты поставлены въ безвыходное положеніе и намѣрены обратиться съ протестомъ къ намѣстнику.

81) Тифлисскій генераль-губернаторъ издалъ слѣдующее распоряженіе: „Мною замѣчено, что пріостановленныя постановленіями моими на все время дѣйствія военнаго положенія періодическія изданія возрождаются вновь подъ другими названіями и за подписью другого редактора, а многія и за подписью редакторовъ пріостановленныхъ газетъ. Усматривая въ такихъ возрожденіяхъ обходъ моихъ распоряженій, объявляю, что впредь при закрытіи газетъ я вынужденъ буду примѣнять къ редакторамъ и издателямъ ихъ предоставленное мнѣ право запрещенія отдѣльнымъ лицамъ жительства въ предѣлахъ генераль-губернаторства.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я:

Книгоиздательство „КУЛЬТУРА“.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева.

XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія—книжный магазинъ «КУЛЬТУРА», С.-Петербургъ,
Загородный, 28.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ большого формата съ 4 портретами

(около 400 печ. лист.).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

ПОДПИСКА—принимается въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (СПБ.—Литейный пр., 46; Москва—Моховая ул., д. Бажанова; Варшава—Новый свѣтъ, 69; Вильна—Большая ул., д. Гордона), а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

ЦѢНА—по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдней книги 15 руб. безъ пересылки и 20 руб. съ пересылкою; по выходѣ въ свѣтъ послѣдней книги цѣна будетъ повышена. Книжные магазины и всѣ имѣющіе надобность по дѣламъ изданія, обращаются въ складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (СПБ., Литейный пр., 46).

РАЗСРОЧКА—подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) для **городскихъ** подписчиковъ: при подпискѣ уплачивается 2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; при полученіи слѣдующихъ 5 книжекъ — по 2 р. за каждую, а всего 15 р. Остальные 4 книжки выдаются бесплатно.
- 2) для **иногогороднихъ**: при подпискѣ—2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; за слѣдующія 7 книжекъ уплачивается по 2 р. и за девятую—1 р., а всего 20 р.—Десятая книжка выдается бесплатно.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.—Для удобства изданія книги будутъ выходить въ свѣтъ не по порядку нумераціи томовъ. Каждое первое число будетъ выходить по книжкѣ. Все изданіе будетъ закончено осенью 1906 г.

Ж У Р Н А Л Ъ

„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

(ПОСВЯЩЕННЫЙ ОБЩЕСТВЕННОМУ ДВИЖЕНІЮ ВЪ РОССИИ).

Адресъ редакціи и конторы—Спасскій пер., д. Б, кв. 1.

Вышелъ № 1-ый. Въ немъ помѣщены;

«Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Томъ первый 1825—1876 гг. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ скоромъ времени выйдетъ № 2: «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ 60-хъ годахъ». Сборникъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**.

Въ книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“ (Спасскій, 5)

поступили въ продажу

а) Картины изъ французской революціи:

1) Взятіе Тюльери. 2) Столкновение республиканцевъ съ вендейцами. 3) Защита позиціи. 4) Наполеонъ въ совѣтъ 500. 5) Клятва въ націонал. собраніи. 6) Разстрѣлъ коммунаровъ и др.

б) Картины съ выставокъ 1906 г.:

1) Послѣ погрома. 2) Очистка площади. 3) Обыскъ. 4) „Не ходи“. 5) „Вы жертвою пали...“ 6) Случайная жертва. 7) „Безумство храбрыхъ...“

в) Портреты:

1) Крапоткинъ. 2) Лавровъ. 3) Морозовъ. 4) Волкенштейнъ. 5) Пет-
рашевскій и др.

г) Отдѣльныя картины:

1) Свобода ведетъ народъ. 2) Стачка углекоповъ. 3) Забастовщикъ
и др. Цѣна 20 коп.

Николай Морозовъ.

ИЗЪ СТѢНЪ НЕВОЛИ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЯ и ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ книжкѣ приложены:

Рисунокъ „Шлиссельбургскіе Мотивы“ академика И. Е. Рѣпина;

Портретъ автора, сфотографированный съ картины художника Я. А.
Чахрова и предисловіе П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Н. Е. Парамонова. Складъ—Спасскій переулочъ, д. 5.

„Библиотека Освободительной Борьбы“.

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (Л. МЕЛЬШИНЪ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ съ изданія поступить въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

Складъ изданія: 1) въ ред. журн. «Былое», Спасская ул., д. 25, кв. 20. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Спасскій пер., д. 5, кв. 1. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ», Невскій, 60.

Вышли №№ 2 и 3 «Библиотеки Освободительной Борьбы».

СОДЕРЖАНІЕ № 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

СОДЕРЖАНІЕ № 3:

В. Н. Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна 10 коп.

Складъ изданій тамъ же гдѣ и брошюры «Шлиссельбургскіе мученики».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ „БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ въѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая бібліографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимають участіе:

М. А. Антоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашен-бреннеръ; В. П. Батуриискій; В. Я. Богучарскій; А. К. Вороздинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Бѣлоконскій; Л. Василевскій (Плохоцкій); П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; В. В. Водовозовъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьевскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ; Л. Н. Клейнбортъ; Д. А. Клеменцъ; Е. Н. Ковальская; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костюринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; І. Д. Лукашевичъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляцкий; И. И. Майновъ; О. С. Миноръ; И. Л. Манучаровъ; М. Маньковский; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милуковъ; Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсянко-Куликовскій; Г. Ф. Осмоловскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; Н. А. Рубакинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле; М. Н. Тригони; А. В. Тырковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хижняковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковский; В. М. Черновъ; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шишко; Л. Я. Штернбергъ; П. Е. Щеголевъ; П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на $\frac{1}{2}$ года—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 р.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 5, кв. 1. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская улица, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Отъ Редакціи.

Кромѣ окончанія статей **И. С. Джабадари** («Въ неволѣ») и **О. С. Любатовичъ** («Далекое и недавнее») въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предположены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣд. статьи: **П. Е. Щеголевъ**—Агитаціонная литература декабристовъ и **С. И. Муравьевъ-Апостолъ** (историко-психологическій этюдъ); **С. А. Иванова-Борейша**—Первая типографія «Народной Воли»; **Н. А. Виташевскій**—Централка. (Изъ воспоминаній); **М. В. Новорусскій**—Въ Шлиссельбургѣ. (Изъ воспоминаній); **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспоминаній; (о Липецкомъ съѣздѣ народовольцевъ въ 1879 году); **М. Р. Поповъ**—Изъ воспоминаній (о Воронежскомъ съѣздѣ землевольцевъ въ 1879 г.); **М. Ю. Ашенбреннеръ**—Изъ воспоминаній (о военно-революціонной организаціи); **Г. Ф. Осмоловскій**—Изъ воспоминаній (о Карійской каторгѣ); **Л. Василевскій (Плохоцкій)**—Процессъ «Пролетаріатцевъ» въ Варшавѣ; **В. Герасимовъ**—Питомецъ воспитательнаго дома. (Автобіографія рабочаго, сосланнаго въ каторгу въ 1875 г.); **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній; **С. А. Ивановъ**—Возникновеніе и паденіе Дурноселовки (эпизодъ изъ исторіи крестьянскихъ движеній 80-хъ годовъ); **М. П. Драгомановъ**—Автобіографія; **М. Н. Тригони**—Изъ воспоминаній; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **О. С. Миноръ**—Драма 1889 года въ Якутскѣ; **Д-ъ.**—Арестъ **С. Г. Нечаева** въ Цюрихѣ; **А. Л.**—Организація «Рабочее Знамя»; **М. К. Лемке**—Процессы братьевъ Критскихъ, **П. А. Мартянова**, **Н. А. Серно-Соловьевича** и **В. А. Обручева** (по подлиннымъ дѣламъ); неизданныя стихотворенія **И. С. Никитина** и **Т. Г. Шевченко**; Обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, (между прочимъ будетъ помѣщенъ процессъ 17-ти народовольцевъ: Богдановичъ, Буцевичъ, Грачевскій, Корба, Сав. Златопольскій и др.), письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты: **Н. А. Серно-Соловьевича**, **П. И. Войноральскаго**, **П. А. Алексѣева**, **Н. В. Чайковскаго**, **В. А. Осинскаго**, **Д. А. Лизогуба**, **П. В. Бардовскаго**, **С. Куницкаго**, **Н. И. Колодкевича**, **А. И. Желябова** (гимназической его поры), **Н. Д. Похитонова**, **А. В. Буцевича**, **Н. Л. Зотова**, **А. Л. Гаусмана**, **Л. М. Коганъ-Бернштейна**, **Г. А. Лопатина**, **Н. А. Морозова**, **Х. Гершковича**, виды Карійской и Акатуйской каторги, и проч.

О П Е Ч А Т К И:

На стр. 3 напечатано: рѣчь **В. Н. Фигнеръ**, произнесенная 27 января; слѣдуетъ читать: 27 сентября.

На стр. 266 строка 20 сверху напечатано: **Le Bégne**, слѣдуетъ читать: **Le bégue**.

3 8198 319 173 355
THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO

DATE DUE

UIC Rec'd APR 0 2 2007

UIC Rec'd APR 0 2 2007

RENEWALS
996-2724

GAYLORD

PRINTED IN U.S.A.

